UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324712 9

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

LIBRARY
JAN 16 1959
UNIVERSITY OF TORONTO

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1906.

PG
3470
S75
1906
t. 3

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА. Измайловскій просп., 29.

ДВА БРАТА.

РОМАНЪ.

ДВА БРАТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ двадцати пяти верстахъ отъ одного изъ уѣздныхъ городовъ Смоленской губерніи, въ полуверстѣ отъ глухого проселка, въ началѣ семидесятыхъ годовъ стояла,—вѣроятно, стоитъ и теперь,—скромная помѣщичья усадьба съ тѣнистымъ старымъ садомъ, спускающимся вплоть къ маленькой рѣчкѣ Вити, на противоположномъ берегу которой ютится небольшая деревня.

Витино—такъ называлась эта усадьба—принадлежало землевладѣльцу Ивану Андреевичу Вязникову.

Это имя хорошо было извѣстно не только во всемъ округѣ, но и въ губерніи. Трудно было встрѣтить человѣка, который бы не отозвался объ Иванѣ Андреевичѣ Вязниковѣ, какъ о благородномъ, образованномъ и честномъ старикѣ, пострадавшемъ въ молодости за увлеченія... Къ этимъ лестнымъ отзывамъ многіе, впрочемъ, прибавляли съ сожалѣніемъ, что у Вязникова все еще безпокойный характеръ, и что онъ нѣсколько чудакъ-идеалистъ. Были и такіе люди, особенно между губернской бюрократіей, которые говорили о Вязниковѣ, пожимая плечами и таинственно покачивая головой. По ихъ мнѣнію, Иванъ Андреевичъ былъ «старый нигилистъ» и «какъ будто еще не уходился». Если бы не эти недостатки, то Вязниковъ былъ бы во всѣхъ статьяхъ превосходнѣйшій человѣкъ.

Несмотря однако на эти оговорки къ лестнымъ отзывамъ о Вязниковѣ, разнорѣчія насчетъ его личныхъ качествъ и достоинствъ не было. Всѣ единодушно признавали неподкупную честность и рыцарское благородство старика.

По словамъ его поклонниковъ, Вязникова можно было не любить, но не уважать его было нельзя.

Поселился Иванъ Андреевичъ въ этихъ мѣстахъ, по словамъ старожиловъ, въ 1860 году, вскорѣ послѣ того, какъ онъ вернулся изъ дальняго мѣста, гдѣ проживалъ съ 1848 года... Онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ зарю новой жизни, былъ однимъ изъ первыхъ энергичныхъ мировыхъ посредниковъ, надѣлилъ своихъ крестьянъ хорошими надѣлами безъ всякаго выкупа и съ той поры безвыѣздно живетъ вотъ уже тринадцать лѣтъ въ родовомъ своемъ помѣстьѣ, въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, выстроенномъ имъ на мѣстѣ развалившейся барской хоромины, въ которой когда-то неистовствовалъ его отецъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и отчаянныхъ помѣщиковъ Смоленской губерніи.

Между крестьянами Вязниковъ пользовался громаднымъ довѣріемъ. Слово его было свято. О немъ разсказывали, какъ о заступникѣ и предстателѣ во всѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ, готовомъ при случаѣ помочь и въ нуждѣ, хотя онъ и самъ не имѣлъ большихъ достатковъ. Окрестные крестьяне уважали Ивана Андреевича и витинскаго барина звали въ округѣ не иначе, какъ «праведнымъ бариномъ». Такъ подъ именемъ «праведнаго барина» онъ и слылъ.

Таковы были отзывы о витинскомъ старомъ баринѣ, съ которымъ читатель сейчасъ познакомится поближе.

Знойный іюльскій день 1873 года угасалъ. Багряный дискъ солнца медленно скрывался за горизонтомъ. Въ воздухѣ потянуло прохладой занимавшагося вечера и ароматомъ скошенной травы.

Въ это время на крыльцѣ передъ лужайкой, по которой только-что прошла коса, сидѣлъ Иванъ Андреевичъ, покуривая сигару и внимательно поглядывая на дорогу.

Это былъ высокій, статный, широкоплечій старикъ, съ длинными, спускавшимися на плечи, сѣдыми волосами и большой, широкой, окладистой, совсѣмъ бѣлой бородой, доходившей почти до пояса. Въ лицѣ, фигурѣ и осанкѣ Ивана Андреевича было что-то величавое, красивое, напоминающее древнихъ патріарховъ. Открытое, нѣсколько задумчивое и усѣянное морщинами лицо, большой высокій лобъ, зоркій взглядъ черныхъ блестящихъ глазъ и пріятная улыбка, скользившая на губахъ, невольно заставляли остановиться въ благоговѣйномъ почтеніи передъ этимъ ста-

рикомъ. На чертахъ его лица, когда-то красиваго, лежала печать благородства, пережитыхъ страданій, мысли и все еще бодраго, протестующаго духа. Онъ на видъ казался старикомъ, хотя ему было всего 52 года. Жизнь состарила прежде времени его тѣло, но глаза, свѣтлые, блестѣвшіе мыслью глаза, говорили о живучести его нравственнаго существа. Невольно при встрѣчѣ съ такими стариками, богатыми прошлымъ и вѣрящими въ будущее, проникаешься уваженіемъ.

Есть на свѣтѣ люди, передъ яснымъ взглядомъ которыхъ словно вы чувствуете себя виноватымъ, слабымъ духомъ и ничтожнымъ. Есть люди, передъ которыми даже наглое безстыдство невольно опускаетъ глаза, какъ бы чувствуя робость. Это тѣ посѣдѣвшіе рыцари духа, тѣ могучіе, хотя и надтреснутые дубы человѣчества, которыхъ природа бросаетъ въ міръ какъ будто бы для того, чтобы человѣкъ не извѣрился въ человѣка.

Такихъ стариковъ напоминалъ и старикъ, сидѣвшій на крыльцѣ и пристально всматривавшійся на дорогу.

— Пора идти, Иванъ Андреевичъ!—раздался изъ комнаты пріятный и мягкій, нѣсколько взволнованный женскій голосъ.

И вслѣдъ за тѣмъ на крыльцо торопливо вошла пожилая, средняго роста женщина, загорѣлая блондинка, крѣпкаго, здороваго сложенія, съ пріятными и мягкими чертами лица, сохранившаго еще слѣды прежней красоты. Но главнымъ украшеніемъ этого лица были глаза—большіе, свѣтлые, сѣрые глаза, свѣтившіеся кроткимъ выраженіемъ. Подъ мягкими лучами взгляда этихъ кроткихъ глазъ точно становилось теплѣй на душѣ,—такъ много было въ нихъ нѣжной любви и какого-то симпатичнаго добродушія. Достаточно было взглянуть въ эти глаза, чтобъ сразу отгадать кроткое, привязчивое, довѣрчивое созданіе—одну изъ тѣхъ женскихъ натуръ, для которыхъ главный смыслъ жизни заключается въ привязанности и самоотверженіи, а счастіе—въ счастіи любимыхъ людей.

Марья Степановна—такъ звали жену Вязникова—держала въ рукахъ шляпу и палку мужа и, подавая ихъ, снова повторила:

— Пора, пора, Иванъ Андреевичъ! Коля скоро долженъ быть.

Счастливая улыбка сіяла на лицѣ матери. Необыкновенной нѣжностью звучало въ ея устахъ имя сына.

— Идемъ!.. Пріѣдетъ ли только Коля сегодня?—обронилъ Иванъ Андреевичъ, поднимаясь съ лавки.

— Сегодня пріѣдетъ, непремѣнно пріѣдетъ. Увидишь!.. Вчера не пріѣхалъ—вѣрно, въ Москвѣ что-нибудь задержало.

Мужъ и жена вышли за ограду, отдѣлявшую усадьбу отъ поля, и повернули по узкой черной полосѣ проселка, пролегавшаго между зеленью хлѣбовъ, встрѣчать старшаго сына, котораго третій день какъ ждали изъ Петербурга.

Они шли подъ руку скорыми шагами, пристально всматриваясь въ даль дороги. Оба молчали. Каждый изъ нихъ думалъ о сынѣ.

— А Вася гдѣ?—спохватился Иванъ Андреевичъ, останавливаясь.

— Вася съ утра куда-то ушелъ.

— И, по своему обыкновенію, не сказалъ, куда?—усмѣхнулся отецъ.

— Ты вѣдь знаешь, онъ не любитъ, когда его спрашиваютъ. Вѣрно, къ Лаврентьеву въ Починки. Они пріятели. А то у кого-нибудь изъ мужиковъ въ деревнѣ.

— Развѣ онъ не знаетъ, что Коля обѣщалъ быть вечеромъ?

— Знаетъ. Онъ сказалъ, что придетъ встрѣтить.

— Сказалъ?

— Да.

— Ну, если сказалъ, такъ придетъ!—увѣренно замѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

И Вязниковы пошли далѣе.

— Странный мальчикъ!—какъ бы въ раздумьѣ проговорилъ Вязниковъ.

— Это ты про Васю?

— А то про кого же? Коля человѣкъ, какъ человѣкъ.

— А что же въ Васѣ-то страннаго? Душа-то какая добрая, а если немного дикъ—что-жъ тутъ особеннаго.

— Ты напрасно заступаешься!—улыбнулся Иванъ Андреевичъ.—Малый-то онъ добрый и честный, я знаю не хуже тебя, но это не мѣшаетъ ему быть страннымъ. Совсѣмъ онъ у насъ за годъ омужичился и одичалъ. Робинзономъ какимъ-то сталъ. Знаешь, за какимъ дѣломъ я его вчера на лугу утромъ засталъ? За косьбой! Коса его не слушается, а онъ-то старается, онъ-то старается. Потъ градомъ катится съ его лица, видно, усталъ. Здоровье у него не то, что у Коли. Увидалъ Вася меня, вспыхнулъ

весь и оправдывается: «я, говоритъ, еще учусь. Увидишь, какъ черезъ недѣлю косить буду». Чудакъ! Ему въ академію надо готовиться, а онъ точно собирается въ мужики!

— Онъ это такъ, быть-можетъ, для моціона!—заступилась Марья Степановна.

— Ты думаешь, для моціона?—съ едва замѣтной усмѣшкой проронилъ Иванъ Андреевичъ.

Онъ замолчалъ и пристально вглядывался на дорогу. Начало смеркаться. Вязниковъ взглянулъ на часы и покачалъ головой.

— Пора бы Колѣ пріѣхать. Поѣздъ ужъ часъ тому назадъ пришелъ. Отъ станціи всего десять верстъ.

Въ это время изъ-за перелѣска, тянувшагося вдоль дороги, вышелъ длинный, неуклюжій, худощавый юноша, въ блузѣ, высокихъ сапогахъ и маленькомъ картузѣ на большой кудрявой головѣ. Онъ запыхался отъ скорой ходьбы и обтиралъ потъ съ блѣднаго, болѣзненнаго, задумчиваго лица.

— Откуда ты, Вася, усталый такой?—спросилъ Иванъ Андреевичъ.

— Спѣшилъ не опоздать. Отъ Лаврентьева, папа. Въ лѣсъ ходили. Пилка тамъ...

— Ужъ не пилилъ ли и ты?

— Пилилъ!—отвѣтилъ, краснѣя, юноша.

— Вредно тебѣ, Вася,—вставила мать.—Опять грудь заболитъ!

— Не заболитъ, мама, не бойтесь. А Коля, видно, не пріѣхалъ,—прибавилъ онъ.

— Не опоздалъ ли поѣздъ?

— Сбѣгать узнать, мама?—вызвался юноша.

— Это десять-то верстъ сбѣгать?—усмѣхнулся отецъ.

— Велика важность—десять верстъ! Мужики не по десяти верстъ отхватываютъ. Сходить?

— Не надо!—рѣзко замѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

Нѣсколько времени они шли по дорогѣ. Марья Степановна тревожно взглядывала то на мужа, то впередъ,—не покажется ли на дорогѣ экипажъ.

— И что это у тебя, мой милый, все на языкѣ мужики да мужики,—заговорилъ Иванъ Андреевичъ.—Мало ли что можетъ мужикъ и чего ты не можешь. Мужики—народъ привычный, а ты... ты вѣдь, кажется, не мужикъ и готовишься не пахать землю, а быть образованнымъ человѣкомъ, благодаря счастливой случайности. Такъ надо ею

пользоваться. Пойдемте-ка домой, Коля не будетъ!—оборвалъ Иванъ Андреевичъ.

Всѣ трое молча пошли къ усадьбѣ. Вася шелъ сзади.

— Верховой ѣдетъ! — крикнулъ онъ и побѣжалъ къ нему навстрѣчу.

Отецъ и мать остановились.

— Не Коля ли?—радостно воскликнула Марья Степановна.

— Какой Коля? Къ чему ему ѣхать верхомъ?—недовольнымъ тономъ возразилъ Иванъ Андреевичъ, пристально однако всматриваясь въ полусвѣтъ сумерокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Вася возвратился одинъ и подалъ отцу телеграмму.

— Ужъ не случилось ли чего,—испуганно прошептала Марья Степановна, питавшая вообще страхъ къ телеграммамъ.

— Успокойся, ничего не случилось. Чему случиться. Вѣрно, назначаетъ новый день пріѣзда. Сейчасъ придемъ домой, узнаемъ...

Старики прибавили шагу.

— А гдѣ же ямщикъ, Вася?

— Уѣхалъ. Я расписался въ книгѣ.

— Какъ же это ты такъ оплошалъ! Человѣкъ усталъ съ дороги, а ты не догадался позвать его выпить рюмку водки?

— Захочетъ—самъ въ кабакѣ выпьетъ. Кабаковъ здѣсь, слава Богу, много!

Отецъ промолчалъ на это замѣчаніе и только искоса взглянулъ на сына.

Когда вернулись домой, Иванъ Андреевичъ прочелъ вслухъ слѣдующую телеграмму изъ Москвы отъ сына:

«Простите. Сегодня не могу быть. Непремѣнно завтра. Задержали дѣла».

— Вотъ видишь ли. Ничего особеннаго не случилось!—проговорилъ Иванъ Андреевичъ, обращаясь къ женѣ.—Какія-то дѣла задержали! Вѣрно, важныя!—усмѣхнулся иронически отецъ.

Онъ оставилъ телеграмму на столѣ въ гостиной и пошелъ въ кабинетъ.

— Чаю мнѣ въ кабинетъ, пожалуйста, пришли,—замѣтилъ Вязниковъ въ дверяхъ.

Марья Степановна, грустная, тихо пошла въ столовую, гдѣ ужъ накрытъ былъ столъ и стояли разныя печенія

и закуски, приготовленныя для ожидаемаго гостя. Она видѣла, что мужъ огорченъ, и сама была огорчена. Но она не сердилась на сына. Онъ не виноватъ. Быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ его задержало что-нибудь важное. Точно у него не можетъ быть дѣлъ!

— А ты куда, Вася? Развѣ чаю не будешь пить? Сейчасъ подадутъ самоваръ!—обратилась Марья Степановна къ сыну, замѣтивъ, что онъ собирается уходить.

— Я сію минуту вернусь, мама. Только въ деревню сбѣгаю.

— Загорѣлось, что ли? Какія дѣла это у тебя тамъ, въ деревнѣ?

— Обѣщалъ Василью ружье принести. Завтра на охоту идетъ!

Съ этими словами юноша пошелъ-было изъ комнаты, потомъ вернулся, обнялъ мать и вышелъ вонъ.

II.

На другой день, когда, по обыкновенію, Иванъ Андреевичъ, въ восемь часовъ утра, вышелъ къ чаю, Марья Степановна, дожидавшаяся уже мужа за самоваромъ, замѣтила, что лицо Ивана Андреевича утомлено и какъ будто осунулось. Съ тревожной пытливостью взглядывала она на мужа и наконецъ спросила:

— Здоровъ ты?

— Здоровъ. Развѣ я кажусь больнымъ?

— Лицо у тебя сегодня нехорошее! Хорошо ли ты спалъ?

— По обыкновенію... хорошо. Отчего мнѣ не спать!

Старикъ говорилъ неправду.

Эту ночь ему плохо спалось. Различныя думы гнали сонъ прочь, и онъ только подъ утро заснулъ короткимъ, тревожнымъ сномъ.

Его больно кольнула, кольнула въ самое сердце, неделикатность сына. Отецъ такъ нетерпѣливо ждалъ его, ему хотѣлось прижать къ сердцу своего любимца, своего милаго, умнаго, талантливаго мальчика, на которомъ лелѣялось столько отцовскихъ надеждъ, а Коля два раза назначалъ дни пріѣзда и два раза не сдержалъ обѣщанія.

Это было больно. Кажется, онъ не заслужилъ такого... онъ прибиралъ слово...—такого невниманія! Какія могли быть у Коли важныя дѣла? Развѣ онъ не знаетъ, какъ горячо его любятъ, какъ нетерпѣливо ждутъ его послѣ двухлѣтней разлуки? Развѣ его чуткая натура не пони-

маетъ, какъ хочется отцу поскорѣй взглянуть на молодого человѣка, познакомиться съ нимъ поближе теперь, когда онъ готовъ вступить въ жизнь, узнать, какъ онъ думаетъ, во что вѣритъ, что любитъ, что ненавидитъ? И развѣ Колѣ самому не хочется скорѣй повидаться съ отцомъ, не только съ отцомъ, но и съ другомъ, скорѣй подѣлиться мыслями, надеждами? Развѣ письма могутъ замѣнить живую бесѣду?

Въ его года такъ быстро мѣняются вѣянія, особенно у такой впечатлительной натуры, какъ Коля. Что сдѣлали съ нимъ послѣдніе два года?

Ну, разумѣется, онъ остался такимъ же хорошимъ, подсказывало родительское сердце. Еще недавно старикъ читалъ первую статью Коли, горячую статью, обратившую даже на себя вниманіе, и старикъ былъ обрадованъ. Въ этихъ благородныхъ стремленіяхъ молодости онъ точно узнавалъ себя, съ гордостью отца и учителя любовался первымъ трудомъ сына и ученика. Онъ вспомнилъ теперь объ этой статьѣ. Старикъ хотѣлъ поспорить по поводу нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ въ ней его сыномъ.

«Но за что-жъ такая небрежность? Два раза эти телеграммы? Къ чему было писать ихъ?»—повторялъ старикъ, обиженный своимъ любимцемъ скорѣе какъ другъ, чѣмъ какъ отецъ.

Мысли сосредоточивались на сынѣ. Прошлое невольно врывалось въ голову эпизодическими отрывками, въ которыхъ Коля являлся яснымъ воспоминаніемъ въ годину тяжелой жизни. Ребенокъ скрасилъ долгіе, однообразные, сѣрые будни въ далекомъ, пустынномъ захолустьѣ. Дѣтскій лепетъ заставлялъ забывать на время тоску отчужденности. Впереди предстояла перспектива заботы, какой-нибудь исходъ дѣятельной натуры, обреченной на томительное бездѣйствіе. Отецъ былъ первымъ учителемъ ребенка. Онъ вложилъ душу въ это дѣло и шагъ за шагомъ слѣдилъ за развитіемъ мальчика. Подъ его любовнымъ, внимательнымъ взоромъ выросталъ ребенокъ на радость отца, желавшаго воспитать въ первенцѣ человѣка и гражданина для тѣхъ свѣтлыхъ дней, когда взойдетъ наконецъ заря надъ родиной и лучшее будущее выпадетъ на долю его поколѣнія, когда его Колѣ не придется, подобно отцу, зарывать свой талантъ въ землю, а употребить его въ дѣло, отдать его вполнѣ на служеніе своему народу. Вѣра въ эти лучшіе дни придавала энергію отцу, и онъ въ сынѣ

какъ будто олицетворялъ свои несбывшіяся юношескія надежды...

Сынъ радовалъ отца. Мальчикъ былъ способный, талантливый, отзывчивый, мягкая, впечатлительная, богато одаренная, самолюбивая и пылкая натура. Они обожали другъ друга, и съ лѣтами это обожаніе перешло въ тѣсную дружбу. Мать ревновала сына къ отцу, отецъ къ матери.

Когда родился второй сынъ, старшему уже было восемь лѣтъ. Мать оберегала другого сына отъ исключительнаго вниманія отца, точно боялась, что отецъ овладѣетъ совсѣмъ и другимъ сыномъ такъ же, какъ и первымъ. Но онъ еще былъ малъ, и къ тому же въ скоромъ времени послѣ его рожденія судьба Вязниковыхъ измѣнилась къ лучшему. Они наконецъ оставили подневольное захолустье...

Съ переѣздомъ въ «Витино» отецъ поступилъ въ мировые посредники. Онъ былъ очень занятъ; вѣчно въ разъѣздахъ, вѣчно дѣятельный, онъ точно хотѣлъ наверстать потерянное время бездѣйствія, но все-таки онъ не прекращалъ занятій съ старшимъ сыномъ. Вася былъ ближе къ матери. Она первая давала ему уроки, а потомъ ему взяли учителя.

Отецъ сильно любилъ обоихъ сыновей. Хоть онъ и не признавался въ этомъ, но сердце его какъ-то ближе лежало къ старшему сыну. Съ Колей его связывали воспоминанія, связывали надежды наставника. Да и Коля казался отцу натурой богаче одаренной, чѣмъ Вася, болѣе откровенной, симпатичной, изящной и тонкой.

Вася росъ молчаливымъ, непривѣтливымъ, сосредоточеннымъ дичкомъ, рѣдко ласкавшимся, рѣдко выражавшимъ чувства съ той поспѣшностью, съ которой выражалъ старшій сынъ. Съ дѣтства онъ не блисталъ способностями. Все ему давалось какъ-то трудно, съ сильнымъ напряженіемъ ума и воли. Вообще мальчикъ не выдавался.

Онъ казался отцу простоватымъ, недалекимъ и даже черствымъ ребенкомъ. Но мать знала, сколько доброты, сколько сильнаго и глубокаго чувства, сколько ума таилось въ этомъ сдержанномъ, странномъ ребенкѣ. Позже узналъ это и отецъ. Онъ былъ растроганъ, упрекалъ себя въ несправедливости, въ невниманіи къ Васѣ, пробовалъ ближе подойти къ ребенку, нерѣдко подолгу задумывавшемуся, сосредоточенному; но все-таки между отцомъ и сыномъ не установилось близости, какая была съ Колей. Младшій сынъ не то что боялся отца, а какъ будто сты-

дился разсказывать, что занимало его дѣтское воображеніе, надъ чѣмъ онъ задумывался. Коля, бывало, все сейчасъ разскажетъ, а Вася—нѣтъ, промолчитъ. Отецъ его любилъ, но не такъ хорошо зналъ его, какъ Колю. И теперь, вспоминалъ отецъ, въ характерѣ младшаго сына были странности, приводившія отца въ недоумѣніе. Онъ какъ-то уединялся, по временамъ задумывался, бывалъ разсѣянъ, несообщителенъ. Вообще между братьями была огромная разница еще въ дѣтствѣ, а съ годами она обозначилась рѣзче. Коля блестящимъ образомъ кончилъ гимназію и теперь кончилъ университетъ. Онъ всѣмъ нравился своимъ открытымъ, веселымъ нравомъ. Вася занимался хорошо, но далеко не съ такимъ успѣхомъ, зато отлично зналъ математику, къ которой имѣлъ пристрастіе. Товарищи, какъ разсказывалъ Вася отцу, звали его «нелюдимомъ» и «богомоломъ», но у него были друзья, хотя и не всѣ его любили. Въ университетъ онъ не пожелалъ, а почему-то захотѣлось ему быть морякомъ. Его отдали въ морское училище, но онъ тамъ не кончилъ. Вышла исторія, о которой будетъ подробно разсказано въ свое время, и Вася пріѣхалъ въ деревню. Отецъ, послѣ этой исторіи, еще болѣе привязался къ сыну и предложилъ ему выбрать другую карьеру. Онъ сталъ готовиться въ медицинскую академію, но все откладывалъ поступать, болѣе читалъ разныя книги, чѣмъ учебники, и въ послѣднее время съ какимъ-то увлеченіемъ занимался физической работой, бродилъ по лѣсу, возился съ мужиками... Вообще въ это время въ немъ, по наблюденіямъ отца, происходилъ какой-то переломъ. Отецъ не мѣшалъ сыну и не совсѣмъ хорошо понималъ, что такое дѣлается съ юношей. Чуялось ему вѣяніе чего-то новаго, непонятнаго, несимпатичнаго старику.

Коля ближе подходилъ къ отцу, а Вася представлялъ для него какую-то загадку. Отецъ объяснялъ, впрочемъ, странныя наклонности сына отчасти знакомствомъ съ Лаврентьевымъ, а отчасти нѣкоторымъ мистицизмомъ, не чуждымъ характеру юноши. У него была полоса необычайной религіозности. Два года тому назадъ, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Вася писалъ отцу письмо, которое тогда поразило Ивана Андреевича... «Со временемъ все это пройдетъ,—думалъ отецъ.—Коля повліяетъ на брата».

— Оба они все-таки славные ребята! — проговорилъ вслухъ Иванъ Андреевичъ, засыпая подъ утро.

Онъ допилъ свой второй стаканъ, обмѣниваясь короткими фразами съ женой. О Колѣ отецъ не упомянулъ ни слова, и Марья Степановна обратила на это вниманіе. Она тоже не начинала разговора и только вскользь упомянула, что нужно сегодня посылать на станцію, такъ она все равно сама поѣдетъ.

— А меня не возьмешь?—засмѣялся Иванъ Андреевичъ, понявшій, въ чемъ дѣло.

Марья Степановна въ отвѣтъ тихо улыбнулась. Она видѣла, что Иванъ Андреевичъ не сердился больше на сына, и тревожный взглядъ ея смѣнился обычнымъ кроткимъ и радостнымъ. Тотчасъ же она заговорила о томъ, какой обѣдъ она заказала на случай, если Коля пріѣдетъ со вторымъ поѣздомъ, а не съ вечернимъ, и что сегодня будетъ готовъ для Коли письменный столъ, который она отдала починить, и будутъ повѣшены новыя занавѣски.

— Ему нуженъ большой столъ. Быть-можетъ, онъ здѣсь что-нибудь новенькое напишетъ!

Иванъ Андреевичъ улыбался. Ему весело было слушать эту заботливую болтовню матери.

Въ столовую вошелъ Вася. Сперва онъ подошелъ къ матери и, по привычкѣ, оставшейся еще съ дѣтства, обвилъ рукой ея шею и поцѣловалъ ее въ губы, а мать въ это время незамѣтнымъ крестомъ перекрестила его лобъ. Потомъ онъ подошелъ къ отцу и протянулъ-было руку, но отецъ притянулъ его къ себѣ и какъ-то особенно нѣжно поцѣловалъ сына, какъ бы безмолвно извиняясь за вчерашнія слова.

Вася не ожидалъ этой необычной ласки. Онъ нервно вздрогнулъ и сконфузился. Мать уже наливала ему чай, взглядывая на мужа и сына. «Удивительно, какъ Вася похожъ на отца!»—подумала она. Иванъ Андреевичъ между тѣмъ спрашивалъ:

— Ты, конечно, давно всталъ?

— Въ шесть часовъ. Я ужъ и раковъ для тебя наловилъ. Въ кухню снесъ.

— Спасибо, голубчикъ. А косилъ?

— Косилъ.

— Ну, какъ косьба твоя,—подвигается?

— Подвигается.

— Ахъ, ты, Микула Селяниновичъ!—добродушно засмѣялся старикъ и потрепалъ сына по плечу.—Худъ только

тѣломъ ты. Духу-то въ тебѣ много, а тѣла мало. Надо тѣла припасти.

— Въ деревнѣ поправится. Петербургъ ему вреденъ. Помнишь, какимъ онъ изъ Петербурга тогда пріѣхалъ: совсѣмъ чахленькій.

— А все учиться надо!—серьезно проговорилъ Иванъ Андреевичъ, подымаясь съ мѣста.

Вдругъ невдалекѣ звякнулъ колокольчикъ. Всѣ поднялись съ мѣстъ и бросились къ растворенному окну. Но изъ окна, выходившаго въ садъ, не видно было дороги. Всѣ какъ будто позабыли объ этомъ.

Колокольчикъ заливался совсѣмъ близко. Въ окно ясно доносились веселыя вскрикиванія ямщика.

— Коля, Коля вѣрно!—въ одинъ голосъ воскликнули отецъ и мать, выбѣгая изъ столовой на крыльцо.

Во дворъ въѣзжала почтовая телѣга.

— Коля!—радостнымъ, взвизгивающимъ голосомъ крикнула Марья Степановна, бросаясь навстрѣчу.

Иванъ Андреевичъ побѣжалъ за ней.

Телѣга остановилась среди двора. Изъ нея быстро выскочилъ молодой человѣкъ и сталъ обнимать мать, отца и брата. Онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, улыбающійся, счастливый, взволнованный радостью свиданія. Марья Степановна улыбалась, а слезы текли по ея лицу. Иванъ Андреевичъ нѣсколько разъ прижималъ къ груди сына, отпускалъ его, взглядывалъ на него и снова обнималъ своего любимца.

— Коля, наконецъ-то ты пріѣхалъ!—шепталъ старикъ.

Старуха-няня торопливо шла изъ дому.

— Голубчикъ мой!—воскликнула она.—Дождалась и я тебя!

— Няня, здравствуй!

Молодой человѣкъ горячо расцѣловалъ старушку.

Всѣ шумно пошли въ домъ, обмѣниваясь съ пріѣзжимъ отрывочными фразами и восклицаніями. Гостю задавали вопросы и, не дождавшись отвѣтовъ, снова предлагали новые.

— Чего хочешь, чаю или кофе?—спрашивала Марья Степановна.—Онъ нисколько не измѣнился, не правда ли, Иванъ Андреевичъ? Такой же, какъ былъ уже года два тому назадъ. Комната твоя приготовлена. Досадно, столъ не принесли!

— Нѣтъ, измѣнился. Какъ не измѣнился! Выросъ, воз-

мужалъ. Съ какимъ поѣздомъ ты пріѣхалъ? А борода-то какая стала!

Сынъ едва успѣвалъ отвѣчать.

— Закусить не хочешь ли? Усталъ съ дороги? Вещи-то твои надо снести. Сейчасъ скажу Авдотьѣ. Няня! скажи, милая.

Вошли въ домъ.

Молодой человѣкъ весело озирался.

— Все по-старому!—произнесъ онъ.

— Все по-старому! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Николай заглянулъ въ кабинетъ, зашелъ въ спальню, мелькомъ взглянулъ на свою комнату, заботливо убранную рукою матери, расцѣловалъ снова мать, забѣжалъ въ комнатку къ нянѣ. Все ему было знакомое, родное, все говорило о прелести стараго гнѣзда.

— А Васину комнатку я забылъ посмотрѣть!

— Послѣ все осмотришь. Пойдемъ-ка чай пить. Вѣрно, съ утра ничего не ѣлъ?

Всѣ вернулись въ столовую. Отецъ усадилъ сына рядомъ.

Тѣмъ временемъ Вася позаботился о вещахъ и помогалъ ямщику таскать вещи. Горничная Авдотья хотѣла-было помочь, но онъ сказалъ, что и безъ нея справятся.

Когда всѣ вещи были перенесены, онъ пришелъ въ столовую и сказалъ:

— Ямщикъ, Коля, дожидается!

— Ахъ, я и забылъ. Надо ему дать на чай.

Онъ хотѣлъ-было встать, но братъ замѣтилъ:

— Сиди, я снесу!

— Да скажи, Вася, чтобы ямщика чаемъ напоили,—проговорилъ отецъ.

— Ладно.

— А Вася въ деревнѣ поправился. Славный онъ!

— Оба вы у насъ славные!—нѣжно проговорила Марья Степановна.—Что, сладко?—спрашивала она, когда сынъ принялся за чай.—Можетъ-быть, еще сахару? Не скушаешь ли чего-нибудь?

— Ничего, мама-голубчикъ, не хочется. Я такъ радъ, такъ радъ васъ видѣть.

— Ну, хлѣба съ масломъ скушай. Хлѣбъ домашній. У васъ, въ Петербургѣ, такого нѣтъ. Попробуй, родной мой.

Отецъ и мать не спускали глазъ съ сына, съ родительской гордостью любуясь молодымъ человѣкомъ.

А онъ сидѣлъ между ними свѣжій, красивый, радостный, чувствуя приливъ нѣжнаго чувства и горячей благодарности. Въ избыткѣ счастія, онъ первое время не находилъ словъ и только весело улыбался подъ взглядами, полными горячей и безпредѣльной любви.

III.

Дѣйствительно, не одно только родительское пристрастіе могло любоваться, глядя на Николая.

Николай Вязниковъ былъ очень красивый молодой человѣкъ съ однимъ изъ тѣхъ симпатичныхъ, привлекательныхъ лицъ, которыя обыкновенно всѣмъ сразу нравятся. Съ людьми, особенно съ молодыми, обладающими такими счастливыми физіономіями, быстро знакомятся и сходятся безъ труда. Имъ даже охотно прощаютъ то, чего не прощаютъ людямъ, которыхъ природа не надѣлила такой наружностью. Что-то притягивающее, располагающее было въ тонкихъ, нѣжныхъ и мягкихъ чертахъ молодого румянаго лица, опушеннаго круглой, шелковистой вьющейся бородкой, такой же черной, какъ и волосы, зачесанные назадъ и открывающіе красивый бѣлый лобъ,—въ умномъ, улыбающемся взглядѣ небольшихъ карихъ глазъ, въ полуулыбкѣ, бродившей на яркихъ губахъ, въ манерѣ держать себя, въ стройной, гибкой фигурѣ и мягкихъ, изящныхъ движеніяхъ.

Чуть-чуть вздернутый кверху носъ съ надѣтымъ пенснэ, слегка приподнятая губа и нѣкоторая самоувѣренность въ манерахъ и тонѣ пріятнаго, мягкаго голоса придавали молодому человѣку нѣсколько фатоватый видъ. Но эта самоувѣренность, искренняя, отзывающаяся чѣмъ-то беззаботнымъ, не имѣла въ себѣ ничего самодовольнаго и даже шла къ симпатичной физіономіи. Сразу было видно, что передъ вами одинъ изъ баловней судьбы, еще неиспытавшій серьезныхъ неудачъ, горя и лишеній, котораго жизнь еще гладила по головкѣ. Лицомъ онъ очень походилъ на мать. Тѣ же нѣжныя черты, тотъ же складъ лица, та же неопредѣленность и расплывчатость линій. Но выраженіе лица было другое. Въ немъ не было кротости, свѣтившейся въ ясномъ взглядѣ матери.

Одѣтъ былъ молодой человѣкъ въ сѣрый лѣтній костюмъ, сшитый, какъ было видно, у хорошаго портного. Вообще по всему было замѣтно, что молодой человѣкъ не пренебрегалъ своимъ туалетомъ и наружностью.

При сравненіи двухъ братьевъ, сидѣвшихъ рядомъ,— Вася съ задумчивымъ недоумѣніемъ разглядывалъ Колю, точно разглядывалъ нѣчто для него не вполнѣ понятное,— первое впечатлѣніе невольно было въ пользу Николая.

Рядомъ съ красивымъ молодымъ человѣкомъ, лицо котораго дышало искренностью и, казалось, не умѣло скрывать ощущеній,—блѣдное, худощавое, задумчивое юношеское лицо съ болѣзненнымъ, даже нѣсколько страдальческимъ выраженіемъ,—такія лица напоминаютъ религіозныхъ мучениковъ,—неуклюжая, долговязая фигура, застѣнчивыя манеры, грубовато-добродушный тонъ рѣчи... все это особенно рельефно выдѣлялось при сравненіи.

При первой встрѣчѣ съ двумя братьями каждый сказалъ бы про старшаго: «какой симпатичный!», а про младшаго, наоборотъ, сказалъ бы: «какой несимпатичный!»

Отецъ и мать не могли нарадоваться и съ восторженной гордостью глядѣли на Николая. Подъ вліяніемъ радостныхъ ощущеній и онъ умилился, какъ-то размякъ, но видно было, что это восторженное вниманіе онъ принималъ какъ нѣчто привычное, обыкновенное, какъ капризныя баловни-дѣти, сознающія свою силу надъ любящими родителями.

Когда прошло первое впечатлѣніе встрѣчи, отрывочные вопросы, отвѣты и полуслова, которыми обмѣнивались первое время, смѣнились разговоромъ.

Молодой человѣкъ разсказывалъ, почему онъ опоздалъ и заставилъ отца и мать два раза напрасно ожидать себя.

— Вы простите меня,—говорилъ онъ своимъ мягкимъ, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ, въ тонѣ котораго звучала увѣренность, что его непремѣнно простятъ:—вы простите меня. Въ Москвѣ случилась неожиданная встрѣча. Ты помнишь, папа, я говорилъ тебѣ объ одномъ изъ старыхъ друзей моихъ, Бѣжецкомъ, который принужденъ былъ оставить на третьемъ курсѣ университетъ?..

— Какъ же, помню... По твоимъ словамъ, этотъ Бѣжецкій славный малый и горячая голова.

— Съ нимъ-то я и встрѣтился въ Москвѣ послѣ трехъ лѣтъ разлуки... Онъ только-что пріѣхалъ въ Москву къ своимъ... Ну, разумѣется, интересно было встрѣтиться... Я и опоздалъ... Ты не сердишься, папа? Мама, вѣрно, не сердится.

Въ отвѣтъ старикъ пожалъ руку сына.

— Только удивилъ меня Бѣжецкій. Прежде онъ такъ

горячо принималъ все къ сердцу, былъ однимъ изъ ярыхъ, а за эти три года совсѣмъ измѣнился, какъ-то осѣлъ, присмирѣлъ, совсѣмъ не тотъ, что былъ. Сестры просто сокрушаются, глядя на брата...

— Ты познакомился съ семействомъ?—спросила мать.

— Бѣжецкій чуть не насильно къ себѣ затащилъ. Непремѣнно хотѣлъ, чтобы я познакомился съ его семьей!—слегка краснѣя, проговорилъ Николай.—У него славная мать и двѣ сестры, очень неглупыя и развитыя дѣвушки. Бѣжецкій просилъ объ одномъ дѣлѣ. Старшая сестра собирается поступить на женскіе курсы, такъ просила меня дать ей свѣдѣнія и написать кое-кому рекомендательныя письма. Въ Петербургѣ у нихъ никого знакомыхъ нѣтъ...

«Вотъ какія дѣла!»—улыбнулся про себя Иванъ Андреевичъ и прибавилъ:

— Скоро-жъ перегорѣлъ твой другъ!

— Это, папа, самого меня поразило. Никогда бы я не повѣрилъ, если-бъ не видѣлъ самъ Бѣжецкаго... Сколько надеждъ подавалъ онъ въ университетѣ, какой былъ славный, честный, убѣжденный, а теперь?.. Мнѣ кажется, онъ пойдетъ по общей колеѣ!.. Вообрази себѣ, папа: Бѣжецкій взялъ мѣсто на желѣзной дорогѣ, и вѣдь мѣсто-то какое!.. Съ огромнымъ жалованьемъ! А давно ли мечталъ о каѳедрѣ, о дѣятельности, ничего не имѣющей общаго съ настоящей.

— Быть-можетъ, средствъ не было... Мало ли о чемъ мечтаешь въ молодости. Семья у него на рукахъ?

— То-то и нѣтъ! Семья его кое-что имѣетъ и въ его средствахъ не нуждается. Да развѣ, папа, семья—оправданіе для всякой мерзости?—внезапно воскликнулъ молодой человѣкъ, оживляясь, при чемъ маленькіе его глаза заблестѣли.—Вѣдь такъ каждую подлость можно оправдывать семьей, особенно если она плодовита. И всякій негодяй можетъ говорить: «У меня семья, я долженъ позаботиться о дѣтяхъ!» и, утѣшаясь этимъ, безнаказанно грабить казну, обижать беззащитныхъ, оскорблять порядочныхъ людей... Что ты, папа! Положимъ, жизнь заѣдаетъ, но не такъ ужъ, какъ говорятъ обыкновенно люди, готовые на сдѣлки... Повѣрь, что человѣкъ, оправдывающій подлость семьей, и безъ семьи сдѣлаетъ подлость...

Иванъ Андреевичъ слушалъ сына. Горячія, порывистыя слова Коли пріятно щекотали его нервы.

Вася, напротивъ, какъ будто все еще недоумѣвалъ.

— Ты, конечно, теоретически правъ.

— Еще бы!..

— Подожди, не торжествуй слишкомъ рано побѣды надъ отцомъ, — шутливо прибавилъ старикъ. — Ты, повторяю, правъ, но бываютъ случаи—и мало ли случаевъ!—когда единичные факты, какъ бы они ни были ужасны, ничего не значатъ. Знаешь ли, другъ мой, нельзя съ плеча винить: надо прежде узнать всѣ обстоятельства, а то какъ разъ попадешь впросакъ...

— Нѣтъ, папа, нѣтъ, не говори!—горячо началъ Николай, подымаясь со стула.—Никакія обстоятельства не могутъ оправдать такихъ людей, какъ Бѣжецкій. Кому много дано, съ того больше и спрашивается! Я ему высказалъ это прямо въ глаза.

— И разошелся съ нимъ? — неожиданно воскликнулъ Вася.

— Ахъ ты, юнецъ!—снисходительно кинулъ Николай.— Нѣтъ, не разошелся... все же онъ не пропащій еще человѣкъ.

Вася снова облокотился руками на столъ, какъ будто замѣчаніе брата не произвело на него никакого впечатлѣнія.

— Обстоятельства!—снова началъ молодой человѣкъ.— Это старая пѣсня! Да и какія обстоятельства хоть бы у Бѣжецкаго? Онъ умный человѣкъ, понимаетъ, что теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, нужны образованные, честные люди на всѣхъ поприщахъ, а что-жъ онъ съ собой сдѣлалъ? Въ сущности, продалъ себя. Если не будетъ потакать прямо, то умоетъ руки! Во имя чего? Все равно, говоритъ, ничего не выйдетъ, такъ я хоть личную жизнь устрою... Личная жизнь!.. Да развѣ она можетъ быть счастливой при такихъ условіяхъ?.. Ахъ, папа! Я не могу хладнокровно говорить, какъ вспомню о Бѣжецкомъ! Да онъ ли одинъ?.. Множество такихъ, и это между нашими, между молодежью. Одно благополучіе, одинъ богъ Ваала сталъ кумиромъ. Не успѣетъ еще человѣкъ «пары сапогъ» сносить, — смотришь, онъ ужъ поетъ унылую пѣсню, складываетъ руки и заботится о гнѣздѣ, да еще о гнѣздѣ-то какомъ, о самомъ роскошномъ, а тамъ хоть трава не расти... Или бросается дѣлать карьеру... Точно все, чему мы учились, чему мы вѣрили и поклонялись, что волновало насъ, изъ-за чего мы боролись—все это былъ только модный костюмъ, пригодный для разговоровъ,

а чуть встрѣча съ жизнью—долой его!.. Ты знаешь, папа, что изъ нашего курса большинство, навѣрно, будетъ Бѣжецкими...

Молодой человѣкъ продолжалъ развивать эту тему.

Впрочемъ, вскорѣ онъ увлекся и отъ этой темы перешелъ къ другой, третьей, дѣлая неожиданные переходы. Онъ говорилъ горячо, съ нервностью сангвиническаго темперамента, съ искренностью молодости, полной добрыхъ намѣреній. Онъ не столько доказывалъ, не столько заботился о фактахъ, сколько хлопоталъ объ обобщеніяхъ, рисуя одну за другой картины, не жалѣя густоты красокъ. Собственныя слова возбуждали его. Казалось, онъ торопился вылиться, вылиться залпомъ, точно спѣша показать слушателямъ и особенно отцу, что передъ ними взрослый, умный человѣкъ, знающій цѣну вещамъ и людямъ и понимающій, что̀ происходитъ у него передъ глазами.

Старикъ слушалъ и тихо-тихо улыбался, покачивая головой. Такъ маститые профессора слушаютъ на экзаменѣ бойкихъ учениковъ, подающихъ надежды. Все, что̀ говорилъ сынъ, было хорошо знакомо Ивану Андреевичу, но въ устахъ сына эти слова являлись для любящаго человѣка полными отраднаго смысла. Пріятно, когда близкій человѣкъ не обманулъ вашихъ надеждъ.

— Ну, Коля, ты ужъ черезчуръ увлекся! — заговорилъ Иванъ Андреевичъ, когда сынъ умолкъ и «отходилъ». Взглядъ его такъ же быстро потухалъ, какъ и загорался.— Два-три факта—и ты ужъ нарисовалъ цѣлую мрачную картину. У тебя, какъ вижу, осталась старая страстишка къ обобщеніямъ и... преувеличеніямъ!—улыбнулся отецъ.—Не всѣ-жъ такіе пустоцвѣты, какъ твой пріятель да два-три твоихъ знакомыхъ... Не совсѣмъ же перевелись порядочные люди. Вѣдь по-твоему выходитъ, что будто въ Россіи и людей нѣтъ. Есть они, братецъ, только не видны, и дѣятельность-то ихъ незамѣтна... Условія дѣятельности пока еще тѣсноваты... что̀ правда, то правда... Иногда даже стыдно бываетъ, изъ-за какого пустяка приходится горячиться, какія истины доказывать и за что̀ ждать... выговора, хотя бы такому сѣдовласому старцу, какъ твой отецъ... Ну, да ты самъ это хорошо понимаешь... А все-таки «земля движется», все-таки есть люди и между стариками, и между молодежью... Я уже старикъ, а вѣрю въ человѣка, хотя въ мои годы и пора бы извѣриться; ты же, Коля, такой молодой и хочешь казаться пессими-

стомъ наперекоръ себѣ!.. Впрочемъ... постой... постой... не кипятись!.. Я понимаю твое негодованіе и мизантропическіе выводы. Ты только-что разочаровался въ близкомъ человѣкѣ и находишься еще подъ этимъ впечатлѣніемъ... Это тяжело, Коля, не спорю, но все-таки нечего приходить въ отчаяніе... Жизнь, братъ, еще цѣлая жизнь у тебя впереди...

— Да я и не прихожу въ отчаяніе... Я рукъ не сложу, не бойся, но надо называть вещи ихъ именами... Ты, папа, какъ посмотрю, такой же отчаянный идеалистъ, какъ и былъ.

— Ну, не такой, какъ былъ, мой другъ... Жизнь самаго завзятаго идеалиста собьетъ съ позиціи,—усмѣхнулся Иванъ Андреевичъ:—а все-таки не думаю, что все кругомъ насъ дураки или мошенники. Свѣжая водица просачивается... Ну, а ты-то самъ, ты-то, мой другъ, развѣ не идеалистъ!? Идеалистъ, да еще какой! Да развѣ можно не быть имъ въ твои годы, съ твоимъ честнымъ, добрымъ сердцемъ, съ твоей впечатлительной натурой? Въ двадцать три года да извѣриться въ людей!.. Это, Коля, было бы ужаснымъ несчастіемъ... И дай Богъ, чтобы ты подольше сохранилъ въ себѣ вѣру... Нынче, какъ погляжу, молодые люди какъ-то морщатся, если зовутъ ихъ идеалистами... Сороковыми годами пахнетъ!.. Эхъ вы!.. А вся твоя филиппика, что̀ это такое, какъ не лучшее доказательство?.. А твои письма? А наконецъ твоя статья?.. А еще прикидываешься... Меня, мальчикъ, не обманешь.

— Ты развѣ читалъ статью?—спросилъ молодой человѣкъ, весь вспыхнувъ.

— Читалъ, да не разъ, а три раза перечелъ.

— Я думалъ, ты не читалъ. Она вѣдь всего двѣ недѣли какъ напечатана. Я и книжку съ собой привезъ!

— И ты думалъ, что я еще не прочелъ!—ласково укорилъ Иванъ Андреевичъ.—Какъ только въ газетномъ объявленіи бросилось мнѣ твое имя, я тотчасъ же поѣхалъ въ городъ и у знакомыхъ досталъ книжку журнала, гдѣ напечатана твоя статья...

— Какъ ты нашелъ ее, папа? Ты, пожалуйста, не щади авторскаго самолюбія.

— Статья недурная. Въ ней есть жаръ, есть увлеченіе, видно, что она написана нервами, и потому производитъ впечатлѣніе—словомъ, статья хорошо рекомендуетъ тебя.

— Отецъ твой всѣмъ намъ читалъ ее, — проговорила Марья Степановна.

— Но есть и недостатки...

Хотя Николай и хотѣлъ казаться спокойнымъ, но волненіе проглядывало на его лицѣ.

— Какіе же, папа?

— Фактовъ маловато, фактовъ. Видно, что ты вопроса не изучилъ, какъ слѣдуетъ... знаешь ли, по-нѣмецки. Тогда бы статья еще лучше вышла.

— Но вѣдь это журнальная статья!..

— А все фактовъ побольше не мѣшало бы. Но я къ слову объ этомъ. Вообще же статья хорошая, честная. Ну, мы еще съ тобой о ней поговоримъ, поспоримъ. Теперь будетъ съ кѣмъ мнѣ спорить. Вася—тотъ больше про себя думаетъ!..—засмѣялся старикъ.—Взгляни, онъ и не слышитъ, что о немъ говорятъ. Вася! Слышишь? О чемъ это ты задумался?

Вася сконфуженно встрепенулся и разсѣянно смотрѣлъ на отца.

— О чемъ это ты?

— Да такъ!..

— Онъ вотъ всегда такимъ манеромъ отъ меня отдѣлывается,—шутливо промолвилъ Иванъ Андреевичъ.—Не удостаиваетъ.

По лицу Васи пробѣжала застѣнчивая улыбка.

— Еще смѣется!—добродушно замѣтилъ отецъ, дружески похлопывая Васю по плечу.—Хоть бы ты, Коля, расшевелилъ нашего меланхолика!..

Съ этими словами Вязниковъ всталъ изъ-за стола.

— Ты, Коля, потомъ зайди ко мнѣ. Намъ съ тобой еще о многомъ поговорить надо. Вѣдь два года, братъ, не видались. Ишь какой ты большой сталъ, меня переросъ. А послѣ обѣда по усадьбѣ пройдемъ...

— Отлично, папа. Я къ тебѣ зайду, дай только переодѣться. Я совсѣмъ вѣдь по-дорожному. Эка прелесть какая!—воскликнулъ онъ, выходя на балконъ.—Садъ-то еще болѣе разросся. Что, все Василій за садомъ смотритъ?—спрашивалъ Николай, направляясь съ отцомъ въ густую аллею.

— Все онъ. Никакихъ перемѣнъ безъ тебя не было.

— И сосѣди тѣ же?..

— Вотъ только Лычковъ имѣніе продалъ. Совсѣмъ старикъ разорился.

— Кому?

— Кривошейнову. Помнишь мельника бывшаго, Кузьму Петровича?

— Какъ не помнить... Шельма порядочная!..

— Онъ и купилъ!

— Это огромное имѣніе купилъ?

— У него, братецъ, милліонное состояніе. Онъ нынче у насъ въ уѣздѣ чуть не первое лицо.

— Времена!..

— И важничаетъ какъ Кузьма!.. Рожа уморительная! Вотъ только попрежнему тѣснитъ народъ... Всѣ крестьяне на него плачутся. Они у него всѣ въ рукахъ. Всѣ должны ему. Лаврентьевъ кассу устроилъ — все пользы мало: почти весь уѣздъ въ кабалѣ у Кузьмы. Ужъ я въ земствѣ подымалъ вопросъ о немъ. Напрасно! Только Кузьму обозлилъ.

— А Лаврентьевъ попрежнему дикій человѣкъ?.. Ни съ кѣмъ не знакомъ?

— Тише, тише, Коля!.. Вася за Лаврентьева горой стоитъ. Дикій человѣкъ—его пріятель!—засмѣялся Иванъ Андреевичъ.—Сошлись.

— Вотъ какъ!

— Человѣкъ-то онъ честный, только съ нѣкоторыми странностями. Совсѣмъ мужикомъ живетъ, попрежнему!

— Ну, а Лѣски пусты?

— Нѣтъ. Недавно пріѣхала Смирнова съ двумя дочерьми. Очень неглупая женщина. Вѣрно, въ Петербургѣ о ней слышалъ?

— Какъ же, слышалъ. У нея бываетъ интеллигентное общество.

— Познакомься, если хочешь...

— Съ удовольствіемъ. Говорятъ, порядочная женщина.

— И у Лаврентьева побывай. Человѣкъ онъ хорошій, хоть и странный. Ты вѣдь съ нимъ не знакомъ? И я съ нимъ черезъ Васю познакомился, а то прежде встрѣчались только.

— Такъ вотъ какъ! Перемѣнъ-тс у васъ не мало!

— Леночка, Коля, замужъ выходитъ!—вставила Марья Степановна, подходя къ разговаривающимъ.

— Да, да, я и забылъ тебѣ сказать.

— Леночка? Это интересно. За кого?

— Угадай!

— Трудно.

— За Лаврентьева.

— Дикій человѣкъ женится на Леночкѣ! Вотъ не ожидалъ! Никакъ не ожидалъ. Она часто у васъ бываетъ?

— Попрежнему. Вѣрно, сегодня придетъ.

— Леночка за Лаврентьева! Признаюсь, вы меня поразили.

— Лаврентьевъ три раза ей дѣлалъ предложеніе.

— И она наконецъ согласилась?

— Что-жъ, если любитъ.

— Ну, разумѣется; только я думалъ, что Леночкѣ иная судьба готовится, а впрочемъ... Непремѣнно поѣду къ Лаврентьеву. Вѣрно, онъ сталъ чище одѣваться, если Леночка за него замужъ выходитъ. Съ нимъ, значитъ, произошла метаморфоза!..—засмѣялся Николай. — Экая роскошь-то въ саду! Послѣ Петербурга точно въ рай попалъ!

— Надѣюсь, ты у насъ до осени?—спросила Марья Степановна.

— Еще бы...

— А послѣ?—спросилъ отецъ.

— Еще не рѣшилъ, папа. Предположеніе есть. Послѣ поговоримъ! — произнесъ онъ, возвращаясь назадъ. — Ну, пойду, переодѣнусь, а то я на дикаго человѣка теперь похожъ!

Онъ вошелъ въ столовую и, увидѣвши Васю, сидѣвшаго на томъ же мѣстѣ, охватилъ его за тонкую талію и нѣжно сказалъ:

— Чего ты, милый Васюкъ, одинъ сидишь? Пойдемъ-ка!

И онъ увлекъ брата къ себѣ въ комнату.

— Все тотъ же!—проговорилъ, радостно улыбаясь, Вязниковъ, обращаясь къ женѣ.

— Тотъ же. Пріѣхалъ—и будто веселье съ нимъ пріѣхало.

— А за обѣдомъ не худо было бы выпить по бокалу шампанскаго. Какъ ты думаешь, старуха? Есть у насъ?

— Какъ не быть! Я припасла къ Колиному пріѣзду.

— Вотъ и отлично! Поздравимъ его съ окончаніемъ курса! Молодецъ онъ у насъ. Конекъ горячій!

— Это-то и страшно...

— Отчего страшно?

— Ты развѣ забылъ свою-то молодость?

— Ему не надо этого... Боже сохрани! — проговорилъ Иванъ Андреевичъ.—И къ тому же... А, впрочемъ, зачѣмъ загадывать, милая... Что̀ будетъ, то будетъ! Лишь бы остался честнымъ человѣкомъ!

IV.

— Ну, а ты, Вася, какъ живешь?—спрашивалъ старшій братъ у Васи, подававшаго Николаю мыться.

— Ничего, живу себѣ. На голову лить?

— Полей, голубчикъ... Вотъ такъ... Эко славно какъ! Передъ обѣдомъ, Вася, купаться? Вода, я думаю, славная теперь,—говорилъ старшій братъ, съ фырканьемъ вытираясь полотенцемъ.—А въ академію скоро?

— Не знаю еще...

— Какъ не знаешь? Готовишься?

— Не очень. Не тянетъ меня академія...

— Такъ въ университетъ, что ли?

Вася замахалъ головой.

— Такъ куда же?

— Развѣ надо непремѣнно куда-нибудь?

— А то какъ же? Не недорослемъ же быть!

— Не по формѣ?

— Какъ это не по формѣ?

— Такъ, говорю: не по формѣ!.. Непремѣнно надо?

Николай остановился и смотрѣлъ во всѣ глаза на брата.

— Ты что, Коля, удивляешься такъ?—тихо спросилъ Вася.

— Да ты, Вася, чудакъ... Не сердись, голубчикъ, а ты чудакъ какой-то сталъ... Вѣдь надо же кончить курсъ!

— А ты почемъ знаешь, что надо?.. Какъ для кого!

Старшій братъ совсѣмъ былъ изумленъ.

— Я думаю, для всякаго.

— Это ты про дипломъ? Такъ, можетъ-быть, мнѣ его не надо... А учиться и такъ можно, безъ диплома... Дипломъ этотъ для того, кто хочетъ потомъ людей морочить... Стара штука!

— Какъ людей морочить?

— Очень просто, какъ людей морочатъ... Мало ли морочатъ... А я не хочу...

— Ты какими-то загадками, Вася, говоришь... Съ папой говорилъ?

— Нѣтъ еще. Придетъ время—скажу!

— Это ужъ не Лаврентьевъ ли тебя первобытности учитъ?

— Ты, Коля, Лаврентьева не знаешь, такъ зачѣмъ ты смѣешься? Лаврентьевъ—чудеснѣйшій человѣкъ... Ты по-

смотри, какъ мужики его уважаютъ... Онъ, братъ, хоть и безъ диплома, а по совѣсти живетъ... человѣка не тѣснитъ... Да ты, Коля, не сердись, пожалуйста... когда-нибудь, можетъ, поговоримъ, а теперь не разспрашивай.

Онъ замолчалъ. Потомъ, какъ бы спохватившись, продолжалъ:

— А ты съ Лаврентьевымъ познакомься. Самъ увидишь. Онъ тоже желаетъ съ тобой познакомиться. Статья твоя ему понравилась... Онъ тебѣ можетъ много свѣдѣній сообщить... Онъ жизнь-то крестьянскую знаетъ...

Это извѣстіе произвело на Николая пріятное впечатлѣніе. Ему было лестно, что статья понравилась Лаврентьеву.

— А тебѣ понравилась?

— Понравилась и мнѣ... только... ну, да не теперь... Я на нее замѣтку написалъ,—прибавилъ Вася конфузливо.— Послѣ покажу... Такъ написалъ... для себя...

— Я познакомлюсь съ Лаврентьевымъ. Сведи меня къ нему.

— Отлично!—обрадовался Вася.—Ты увидишь, какой Лаврентьевъ.

— Ты, кажется, влюбленъ въ него?

— Люблю... да его всѣ любятъ. Одинъ Кузька не любитъ. Собирается его извести. Только шалишь, братъ!

— Какой Кузька?

— А живодеръ здѣшній... Кривошейновъ.

Николай продолжалъ свой туалетъ. Вася внимательно оглядывалъ брата и замѣтилъ:

— Франтъ-то ты какой, Коля!

Старшій братъ вдругъ вспыхнулъ.

— А по-твоему надо неряхой быть?

— Да я такъ... Ты не сердись, братъ.

— Я и не сержусь...

— То-то, а я было-подумалъ...

Николай протянулъ руку.

— Ахъ, Васюкъ, Васюкъ, голубчикъ, кроткая ты душа! Не сердись и ты на меня... Вѣдь я разспрашивалъ тебя, какъ братъ... не желая оскорбить...

— Что ты, что ты, Коля! Да развѣ я обидѣлся? За что̀?—повторялъ онъ, крѣпко пожимая брату руку. — Я послѣ тебѣ все разскажу, на какомъ основаніи я никуда не хочу... Ты умный, ты долженъ понять... Всякій посвоему... Вотъ если-бъ я умѣлъ писать, какъ ты, то знаешь, что̀ бы я сдѣлалъ?

— Что̀ бы ты сдѣлалъ?

— Остался бы здѣсь да подробно и описалъ, какъ мужикъ живетъ, а то вѣдь въ газетахъ все врутъ... Ахъ, если бы ты видѣлъ только, Коля, что̀ здѣсь Кузька дѣлаетъ! И нѣтъ ему предѣла!—прошепталъ задумчиво Вася.

— Это всѣмъ хорошо извѣстно, Вася.

— Нѣтъ, не говори. А впрочемъ, тѣмъ хуже... Всѣмъ извѣстно, и всѣ смотрятъ!

«Странный братъ какой!»—промелькнуло въ головѣ у Николая.

Братья нѣсколько времени молчали.

— Послушай, Вася, скоро Леночкина свадьба?

— Елены Ивановны?—поправилъ Вася.

При этомъ блѣдное лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— Ну да...

— Осенью, кажется... А что̀?

— Такъ спросилъ. Тоже старые пріятели. А отецъ ея?

— Обыкновенно что: исправникъ, какъ и былъ! Еще папа его немного въ страхѣ держитъ, а то...

— А Смирновыхъ видѣлъ?

— Видѣлъ... Такая сорока, такъ и стрекочетъ, а барышни все объ адвокатахъ да о литераторахъ... Слышалъ, какъ онѣ мамѣ въ уши визжали! Ты хочешь съ ними знакомиться?

— А по-твоему не сто̀итъ?

— Не сто̀итъ. Болтуньи! Все этакъ больше о возвышенности, а землю по десяти рублей сдаютъ... Шельмы!

— Ты однако, братъ, сильно. Говорятъ, Смирнова умная женщина.

— Да кому отъ ума-то ея прокъ?—добродушно возразилъ Вася.—Вотъ и Бѣжецкій твой умный, а самъ же ты говорилъ, на что̀ пошелъ его умъ... на мамону!

— Философъ ты, какъ погляжу. Стоикъ!—замѣтилъ Николай, надѣвая жакетку.

Онъ былъ совсѣмъ готовъ. Свѣжій, красивый, въ хорошо сшитомъ костюмѣ, онъ глядѣлъ такимъ молодцомъ, что Вася, любуясь братомъ, воскликнулъ:

— И какой же ты, Коля, красавецъ!

Братъ улыбнулся своей привлекательной улыбкой.

— Вещи твои убрать?

— Авдотья уберетъ.

— Все равно... Теперь мнѣ нечего дѣлать... я уберу.

— Ну, давай вмѣстѣ.

Они принялись выкладывать платье, бѣлье и книги изъ большого чемодана. Вася внимательно разглядывалъ книги и двѣ изъ нихъ отложилъ.

— Можно почитать?

— Разумѣется... Ты что̀ выбралъ?—полюбопытствовалъ братъ.

Вася назвалъ заглавія.

Николай шутя погрозилъ пальцемъ.

— Ишь къ чему тебя тянетъ!—протянулъ онъ.—Смотри, Вася, съ ружьемъ осторожнѣе: заряжено... Думалъ доро̀гой что-нибудь подстрѣлить... Дичи теперь, я думаю, много?

— Есть... намедни куропатокъ видѣлъ!

— А ты попрежнему не любишь охоты?

— Нѣтъ. Къ чему я буду божью тварь убивать... потѣхи ради.

— Тогда и мясо ѣсть не слѣдуетъ?

— Ну, это другое дѣло. А, впрочемъ, пожалуй, что и не слѣдуетъ!—замѣтилъ Вася.—Я думаю объ этомъ.

— А пока ѣшь?

— Ѣмъ.

Николай разсмѣялся.

— Ну, теперь пойдемъ, братъ, въ садъ, туда къ рѣчкѣ, а оттуда въ малинникъ.

— Пойдемъ!

Они спустились въ садъ.

Николай весело пустился въ самую глубь, ощущая полной грудью прелесть большого, тѣнистаго, густого сада съ вѣковыми деревьями. Ему было какъ-то весело, хорошо и привольно въ этомъ гнѣздѣ. Хотѣлось рѣзвиться, какъ школьнику. Они обошли весь садъ. Въ малинникѣ, подъ палящимъ солнцемъ, прикрывшись платкомъ, Николай ѣлъ ягоды съ жадностью мальчишки. Потомъ зашли на огородъ, оттуда спустились къ рѣчкѣ и пошли по берегу.

Деревня была какъ на ладони. На улицѣ не было ни души. Деревня точно вымерла.

Они остановились.

— Ну, какъ наши живутъ—попрежнему, хорошо?

— Хуже.

— Развѣ и ихъ вашъ Кузька донялъ?

— Сюда пока не добрался... Неурожай!..

— Пойдемъ-ка въ деревню!

— Пойдемъ, если хочешь, только теперь никого дома нѣтъ. Въ полѣ всѣ.

— Ахъ, я и позабылъ! Такъ вечеромъ?

— Ладно.

Они вернулись назадъ.

— Ахъ, мама, какъ у васъ хорошо!—радостно говорилъ Николай, подбѣгая къ Марьѣ Степановнѣ, которая бесѣдовала о чемъ-то съ поваромъ.

— Смотри, не соскучься. Послѣ Петербурга, пожалуй, и соскучишься!

— Что ты, мама! Я развѣ такъ цѣлый день бездѣльничать буду. Я работу съ собой взялъ. Что, Петръ,—обратился онъ къ старику-повару:—опять на охоту будемъ ходить?

— Когда угодно, Николай Ивановичъ. Я съ радостью...

— Собаки вотъ нѣтъ...

— Найдемъ-съ и собаку.

— Гдѣ?

— У дьякона есть собака.

— Ну, ладно. А ты, мама, по-старому хозяйничаешь?

— Да, Коля. Не хочешь ли покушать? Ты чаю одинъ стаканъ пилъ.

— Нѣтъ еще. Да вѣдь обѣдать будемъ въ два?

— Въ два, попрежнему.

— Такъ черезъ два часа и обѣдъ. Я лучше приберегу аппетитъ къ обѣду.

Николай прошелъ къ отцу.

Кабинетъ Ивана Андреевича былъ большой, просторный, съ мягкой, обитой темной кожей, мебелью. Вдоль стѣны тянулся большой шкапъ, наполненный книгами. Другія стѣны были увѣшаны портретами разныхъ знаменитостей науки, литературы и искусства. У открытаго окна, выходящаго въ садъ, стоялъ большой столъ, за которымъ сидѣлъ Иванъ Андреевичъ и что-то писалъ. Въ комнатѣ было прохладно, хорошо. Густая тѣнь сада защищала комнату отъ солнца.

— Ты извини, папа. Я помѣшалъ тебѣ.

— Что ты!.. Садись-ка, Коля, голубчикъ.

— Ты чѣмъ это занимался?

— Записку, братъ, сооружаю для доклада въ будущее собраніе.

— О чемъ, папа?

— Да помилуй, Коля. И безъ того мы деньгами не

богаты, и брать-то больше не откуда, а наши земцы что̀ выдумали! Понадобилась имъ, видишь ли, желѣзная дорога. Они и хотятъ хлопотать, чтобы съ гарантіей земства построить дорогу,—вѣдь это новый налогъ на бѣднаго мужика. Ну, разумѣется, нашлись люди, которые въ этой мутной водицѣ рыбки хотятъ наловить.

— Ты дашь мнѣ прочесть записку!

— Конечно, дамъ. Только сомнѣніе меня беретъ, Коля: не напрасно ли я пишу?

Между отцомъ и сыномъ завязался разговоръ. Старикъ разсказывалъ Николаю о дѣятельности своей въ послѣдніе два года. Въ словахъ его звучала унылая нотка. Онъ все еще не падалъ духомъ, все еще бодрился, но Николай замѣтилъ, что въ эти два года Иванъ Андреевичъ потерялъ много прежнихъ надеждъ. Иванъ Андреевичъ съ грустной усмѣшкой говорилъ, что онъ въ собраніяхъ почти всегда въ меньшинствѣ.

— Ты, какъ Прудонъ, одинъ составляешь партію.

Старикъ усмѣхнулся.

— Почти-что такъ. Впрочемъ, два-три товарища иногда есть, а то больше одинъ да одинъ. И меня даже въ безпокойные люди записали. Вотъ черезъ мѣсяцъ будетъ экстренное собраніе. Поѣдемъ—увидишь.

— А ты все отдѣльныя мнѣнія подаешь?

— Подаю.

— И громишь своихъ противниковъ?

— Въ послѣднее время, Коля, меня уже слушаютъ не такъ, какъ прежде.

— А ты все громишь?

— Не молчать же! Если всѣ замолчатъ, то что̀ хорошаго? Все капля точитъ камень. И о чемъ иногда приходится спорить-то, братъ!

Старикъ махнулъ рукой.

— И чего беречься?—уныло прибавилъ онъ и замолчалъ.—Знаешь ли, просто стыдно въ пятьдесятъ два года разсказывать. На-дняхъ ко мнѣ пріѣзжалъ предсѣдатель земскаго собранія, испуганный, взволнованный. Знаешь ли, зачѣмъ? Сообщить мнѣ, что моя рѣчь въ послѣднемъ собраніи показалась кому-то рѣзкой, и его вызывали для объясненій. А знаешь, о чемъ говорилъ я эту зажигательную рѣчь?—печально усмѣхнулся старикъ.—О томъ, чтобы земство ходатайствовало о соблюденіи закона при взысканіи недоимокъ. Это, видишь ли, деликатный пред-

метъ!.. Бѣдняга-предсѣдатель просто насмѣшилъ меня своимъ страхомъ. Разсказалъ, что Кривошейновъ сплетню въ губерніи пустилъ. Ему и повѣрили!.. Но вѣдь не можетъ же такъ продолжаться, не правда ли? Еще немного времени—и ты, Коля, увидишь, что будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, взойдетъ и надъ нашей нивой солнышко.

Лицо Ивана Андреевича сіяло надеждой, слова звучали вѣрой.

— А пока будемъ, Коля, записки писать! Авось что-нибудь и выйдетъ. По крайней мѣрѣ, не даромъ бременишь землю!—весело прибавилъ Вязниковъ, трепля сына по плечу.—Такъ вѣдь? Ну, а ты что̀ съ собой думаешь дѣлать?

Изъ полуотворенной двери нѣсколько времени какъ доносился чей-то свѣжій, женскій голосъ. Николай нѣсколько разъ прислушивался и поворачивалъ голову. Онъ только-что хотѣлъ отвѣчать на вопросъ отца, какъ на порогѣ появилась Марья Степановна, а изъ-за ея плеча выглядывало хорошенькое женское личико съ синими глазами.

— Можно къ вамъ, господа?—спросила Марья Степановна.—Я гостью привела.

— А, Леночка! Идите, идите сюда. Посмотрите-ка на нашего дорогого гостя!

Въ кабинетъ вошла молодая дѣвушка въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ, плотно облегавшемъ красивыя, правильныя формы. Хорошенькая головка, съ привѣтливыми синими глазами, была окаймлена темно-русыми, откинутыми назадъ, короткими волосами. Отъ нея вѣяло свѣжестью, здоровьемъ и какой-то задушевной простотой. Видно было, что она выросла на привольномъ воздухѣ.

Бойкой, увѣренной походкой подошла она къ старику, крѣпко, по-мужски, пожала ему руку и, протягивая потомъ маленькую, твердую руку Николаю, проговорила, слегка краснѣя:

— Здравствуйте, Николай Ивановичъ.

— Здравствуйте, Лен...

Онъ запнулся.

— Елена Ивановна! Чуть-было васъ, по старой памяти, не назвалъ Леночкой!..

Она разсмѣялась, открывъ рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Называйте, какъ хотите... Развѣ не все равно?..

— Ну, о здоровьѣ васъ спрашивать нечего: вы, Елена Ивановна, совсѣмъ цвѣтете!

— И вы жаловаться, кажется, не можете на здоровье!..

Молодые люди весело глядѣли другъ другу въ глаза, какъ бываетъ между друзьями, давно не видавшимися другъ съ другомъ.

Незамѣтно вошелъ Вася и присѣлъ къ сторонкѣ, не спуская глазъ съ молодыхъ людей, которые весело разговаривали.

Вася обратилъ вниманіе, что Леночка сегодня особенно принарядилась, замѣтилъ цвѣтокъ въ ея волосахъ, видѣлъ, какъ оживлено было ея лицо, вспыхивавшее по временамъ румянцемъ, и какое-то страдальческое выраженіе промелькнуло въ его задумчивомъ взорѣ...

V.

Въ молодой дѣвушкѣ Николай едва узнавалъ прежнюю Леночку.

Еще два года тому назадъ, когда онъ видѣлся съ нею въ послѣдній разъ, Леночка, только-что окончившая курсъ въ гимназіи, казалась ему застѣнчивой, неуклюжей, доброй гимназисткой, скорѣе некрасивой, чѣмъ хорошенькой, съ которой онъ привыкъ обращаться съ снисходительнымъ покровительствомъ старшаго товарища и съ тѣмъ ласковымъ пренебреженіемъ къ «дѣвчонкѣ», съ какимъ обыкновенно молодые братья относятся къ молодымъ сестрамъ. Главное дѣло въ томъ, что Николай слишкомъ привыкъ къ Леночкѣ и въ этой близости привычки не замѣчалъ того, что̀ могли бы замѣтить посторонніе. Они были товарищами съ дѣтства. Старики Вязниковы приласкали сиротку-дѣвочку, лишившуюся матери, и каждое лѣто, съ согласія ея отца, ближайшаго сосѣда Вязниковыхъ по имѣнію и исправника, брали Леночку къ себѣ. Маленькая, кругленькая, проворная и привѣтливая дѣвочка скоро сдѣлалась любимицей стариковъ и товарищемъ дѣтскихъ игръ Николая. Николай прозвалъ Леночку за ея походку съ перевальцемъ «перепелкой», держалъ ее въ повиновеніи и привыкъ считать Леночку своимъ вѣрнымъ и послушнымъ товарищемъ. Съ годами эти товарищескія отношенія продолжались попрежнему. Когда Леночка сдѣлалась гимназисткой, а Николай студентомъ, молодой студентъ старался развить наивную гимназистку, давалъ читать ей книжки и, довольный, что нашелъ въ ней внимательную и усердную ученицу, съ благоговѣніемъ вни-

мающую каждому слову учителя, иногда даже снисходилъ до спора съ ней и даже распекалъ ее, когда Леночка, по его мнѣнію, не обнаруживала быстрыхъ соображеній и не умѣла толково разсказать ему содержаніе прочитанной книги. Вмѣстѣ со всѣми домашними она раздѣляла обожаніе къ молодому человѣку, чуть-чуть побаивалась его, считала его неизмѣримо выше себя по уму и развитію и нерѣдко плакала, когда нетерпѣливый учитель былъ недоволенъ своей усердной ученицей и называлъ ее глупой дѣвчонкой. Но «глупая дѣвчонка» тотчасъ же улыбалась счастливой улыбкой, когда Николай, послѣ вспышки, съ своей привлекательной простотой просилъ у Леночки прощенія и называлъ ее умной дѣвушкой. Въ его извиненіяхъ было столько искренности, столько сознанія своей вины, что Леночка не могла сердиться и еще усерднѣе занималась книгами, которыя давалъ ей молодой товарищъ и учитель.

Оба они были слишкомъ юны, слишкомъ близкіе товарищи, чтобы между учителемъ и ученицей могло возникнуть что-нибудь, похожее на чувство любви. По крайней мѣрѣ, Николай въ этомъ отношеніи не обращалъ никакого вниманія на молодую дѣвушку, и въ то время ему никогда не приходило въ голову спросить себя: хороша или дурна Леночка? Въ его глазахъ она попрежнему оставалась «перепелкой», славной, доброй дѣвочкой, которую нужно развить, вотъ и все. И когда кто-то при немъ сказалъ, что Леночка обѣщаетъ быть очень хорошенькой, то Николай даже разсмѣялся и иронически поздравилъ съ этимъ мнѣніемъ Леночку, не замѣчая, какъ въ отвѣтъ на его слова Леночка поблѣднѣла и отвернулась, чтобъ скрыть навернувшіяся слезы.

«Что̀ въ ней хорошаго, въ этой перепелкѣ?» По мнѣнію Николая, бѣдняжку Леночку природа не надѣлила красотой. Она была и мала ростомъ, и слишкомъ румяна, и фигура ея напоминала кубышку. Она славная, хорошая, не глупая эта Леночка, но какая она хорошенькая?

А теперь?

Теперь передъ Николаемъ стояла какъ будто совсѣмъ другая Леночка, не та почтительная его ученица, которую онъ оставилъ два года тому назадъ.

Хорошо сложенная, стройная, вовсе не напоминавшая прежнюю перепелочку, дѣвушка сіяла привлекательной красотой, пышно развившейся на деревенскомъ привольѣ.

Отъ нея словно вѣяло прелестью полевыхъ цвѣтовъ и здоровой свѣжестью ранняго лѣтняго утра. Что-то бодрое, смѣлое, располагающее было въ этой крѣпкой, ширококостной, энергичной фигурѣ съ маленькой головкой, откинутой немного назадъ. Загорѣлое и румяное лицо съ большимъ прекраснымъ лбомъ, чуть-чуть приподнятымъ носомъ, полными щеками съ родинками на нихъ, дышало искренностью, оживляясь привѣтливой улыбкой, скользившей по алымъ губамъ и свѣтившейся въ спокойномъ, твердомъ взглядѣ синихъ прекрасныхъ глазъ. Глядя на Леночку, какъ-то невольно хотѣлось сказать: «что̀ за славная дѣвушка!» и крѣпко пожать ея маленькую, твердую руку. Въ ея свободныхъ, простыхъ манерахъ было что-то напоминающее молодыхъ англичанокъ-дѣвушекъ и русскихъ студентокъ.

«Такъ вотъ она, Леночка!»—невольно подумалъ Николай, любуясь бывшей своей подругой дѣтства и чувствуя въ то же время нѣкоторое досадливое изумленіе, какое часто бываетъ, когда въ прежнемъ ребенкѣ встрѣчаешь взрослаго человѣка. Она закидывала его вопросами, а онъ слушалъ, едва поспѣвая отвѣчать, грудной съ низкими нотами голосъ молодой дѣвушки (этотъ голосъ удивительно къ ней шелъ) и нѣсколько дивился, что она говоритъ съ нимъ не съ прежней благоговѣйной почтительностью, а какъ равная съ равнымъ; не боится, видно, что онъ станетъ ее попрежнему распекать, и разсуждаетъ, какъ показалось Николаю, «очень ужъ солидно для своихъ лѣтъ». Въ ея встрѣчѣ ясно проглядывало дружеское расположеніе, но Николай сразу почувствовалъ, что прежняя товарищеская короткость теперь невозможна. Въ немъ инстинктивно сказался молодой мужчина, любующійся уже не товарищемъ, а красивой дѣвушкой.

Прежняя Леночка исчезала въ воспоминаніяхъ дѣтства и отрочества.

Николай былъ даже нѣсколько сконфуженъ при видѣ этой перемѣны. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить т а к у ю Леночку.

— Однако вы перемѣнились-таки, Елена Ивановна, въ эти два года. Васъ и не узнать!—невольно воскликнулъ Николай.

— Перемѣнилась? Къ лучшему или худшему?

— По праву стараго пріятеля откровенно скажу, что вы удивительно похорошѣли, это во-первыхъ...

— А во-вторыхъ?—нетерпѣливо перебила Елена, краснѣя и нахмуривая съ серьезнымъ видомъ брови.

— А во-вторыхъ, какъ погляжу, вы стали совсѣмъ солиднымъ человѣкомъ. Въ эти два года вы, какъ видно, порѣшили всѣ вопросы, надъ которыми—помните?—мы, бывало, оба ломали свои головы?

— И за которые мнѣ доставалось отъ васъ. Какъ не помнить!—съ чувствомъ проговорила Елена.

— Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ! Забыли эту пословицу?

— Да вѣдь я это старое добромъ поминаю!—горячо возразила молодая дѣвушка.—Я даже удивляюсь вашей добротѣ и терпѣнію, съ которыми вы тогда возились со мной. Только ничего не вышло! — добродушно прибавила она.

— Какъ ничего не вышло?

— Да такъ... я хотѣла сказать, что не то вышло, на что̀, быть-можетъ, вы разсчитывали. Помните, я вамъ даже писала объ этомъ.

Николай вспомнилъ, что вскорѣ послѣ разлуки съ Леночкой получилъ въ Петербургѣ нѣсколько писемъ отъ молодой дѣвушки, и теперь ему стало досадно, что онъ не отвѣчалъ на нихъ.

— Вы не сердитесь, что я не отвѣчалъ вамъ?

— Что вы! За что̀ сердиться? И что̀ было отвѣчать? Теперь, въ эти два года, я стала, какъ вы говорите, солиднымъ человѣкомъ, хоть и не порѣшила всѣхъ вопросовъ. И куда мнѣ рѣшать ихъ! Да и некогда было! На рукахъ хозяйство отца, и скоро... вы, конечно, слышали?—прибавила тихо Елена.

— Простите. Я и забылъ васъ поздравить! — спохватился Николай.—Искренно желаю вамъ всего хорошаго!

Онъ горячо пожалъ руку молодой дѣвушки. А въ то же время какая-то жалость сжала его сердце при мысли, что Леночка выходитъ замужъ за Лаврентьева. Ему казалось, что этимъ шагомъ она ставитъ точку въ своей жизни. «Дѣти, пеленки, хозяйство!»—промелькнуло въ его головѣ, и онъ съ какимъ-то сожалѣніемъ взглянулъ на Леночку.

Елена, казалось, замѣтила этотъ взглядъ и сказала:

— Вы не знакомы съ моимъ женихомъ?

— Нѣтъ. Слышалъ много, но не знакомъ.

— Такъ я васъ непремѣнно познакомлю. Онъ тоже много о васъ слышалъ.

— Хорошаго или дурного?

— И того, и другого!—смѣясь, отвѣчала молодая дѣвушка.

— И превосходно: значитъ, не разочаруется.

— Какъ вы?..—обронила Леночка.

— Вотъ тебѣ, Леночка, и другой шаферъ есть!—замѣтила Марья Степановна, подходя къ молодымъ людямъ.

— Да, можетъ-быть, Николай Ивановичъ не захочетъ?

— Выдумала: не захочетъ! Отчего ему не хотѣть?

— Конечно, захочу. Я никогда не бывалъ шаферомъ.

— Развѣ вы останетесь здѣсь до сентября?—съ живостью подхватила Елена.

— Останусь.

— Не соскучитесь?

— Вотъ и мама о томъ же спрашиваетъ. Мнѣ даже это нѣсколько обидно! Точно я долженъ въ деревнѣ скучать. У меня будетъ работа, буду съ папой на земскихъ собраніяхъ... стану изучать деревню... На этотъ счетъ вашъ женихъ просвѣтитъ меня... И времени для скуки не будетъ! Наконецъ познакомлюсь съ сосѣдями, буду у Смирновыхъ, стану ходить на охоту...

Елена улыбнулась своей добродушной улыбкой и промолвила:

— Люди здѣсь все обыкновенные... Развѣ вотъ Смирновы?

— Да развѣ мнѣ необыкновенные нужны?

— Оригинальные! — поправилась Елена. — Вѣдь вы слишкомъ требовательны... Въ Петербургѣ избаловались людьми, ну, а здѣсь... выбирать нечего.

Николай укорительно покачалъ головой и спросилъ:

— А вы, Елена Ивановна, знаете Смирновыхъ?

— Нѣтъ, не знаю. Слышала, что она умная женщина, и у нея хорошенькія дочери... Одну я видѣла: дѣйствительно красавица... только мнѣ она не нравится...

— Отчего?

— Да такъ... не нравится, и все тутъ... Впрочемъ, быть-можетъ, я и ошибаюсь. Трудно судить о человѣкѣ съ перваго раза...

— Герцогиню валяетъ! — проговорилъ Вася, подымаясь съ кресла.

— Наконецъ-то заговорилъ!—засмѣялся Иванъ Андреевичъ.—Ты-то ихъ почемъ знаешь?

— Видѣлъ.

— Видѣть, братъ, не значитъ знать!.. Ну, пойдемте,

господа, обѣдать... Вонъ и Дарья идетъ докладывать, что супъ на столѣ... Пойдемъ-ка, Николай!—прибавилъ старикъ, обхватывая своего любимца за талію.—Давно мы съ тобой не сидѣли за столомъ, голубчикъ мой!

За обѣдомъ, весьма обильнымъ и вкуснымъ, — Марья Степановна просила повара постараться и нарочно заказала любимыя Николаемъ блюда—Николай говорилъ почти одинъ. Онъ былъ особенно въ ударѣ и говорилъ хорошо. Общее вниманіе и присутствіе Леночки еще болѣе возбуждали его. Онъ разсказывалъ о петербургской жизни, вспоминалъ профессоровъ, живо передалъ, какое впечатлѣніе произвели на него два извѣстные писателя, съ которыми онъ познакомился благодаря своей статьѣ, обратившей вниманіе, и очаровалъ всѣхъ своей образной рѣчью и мѣткими, полными ума, характеристиками. Когда зашла рѣчь о будущей его дѣятельности, онъ еще болѣе одушевился. Искренностью и горячимъ, бьющимъ ключомъ, чувствомъ звучали его слова, когда онъ говорилъ объ обязанностяхъ честнаго человѣка служить своему народу. Его до глубины сердца возмущала всякая подлость, лицемѣріе и неправда. Глаза его въ это время зажигались яркимъ огонькомъ, придавая его привлекательной физіономіи еще бо̀льшую привлекательность.

Старикъ слушалъ сына, тихо улыбаясь, умиленный и радостный. «Въ Колѣ положительно ораторскія способности!—мелькнуло у него въ головѣ.—Онъ такъ превосходно говоритъ!» Мать восторженно любовалась сыномъ, сіяя своей кроткой улыбкой. Елена жадно слушала, поднимая по временамъ глаза на оживленное, открытое лицо молодого человѣка, и даже Вася какъ-то замеръ подъ обаяніемъ горячихъ рѣчей брата.

Обѣдъ тянулся долго. Когда наконецъ Дарья принесла бутылку шампанскаго, старикъ самъ откупорилъ ее, розлилъ искристую влагу по бокаламъ, поднялся и нѣсколько торжественно проговорилъ:

— Ну, господа, поздравимъ нашего дорогого гостя съ окончаніемъ курса! Пожелаемъ ему остаться навсегда вѣрнымъ идеаламъ добра и гуманности, горячимъ, честнымъ бойцомъ за правду. Я надѣюсь, что ему не придется краснѣть передъ собой никогда!

Взволнованный Николай подошелъ къ отцу. Слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ горячо поцѣловалъ старика и проговорилъ:

— Если кто научилъ меня любить правду, такъ это ты, папа!

— Будь же счастливъ, мой мальчикъ! Будь счастливъ, дорогой мой!—повторилъ старикъ дрожащимъ отъ волненія и чувства голосомъ.

Всѣ горячо поздравили Николая.

Марья Степановна прослезилась отъ умиленія. Вася подошелъ къ брату, поцѣловался съ нимъ и какъ-то восторженно, немного конфузясь, прошепталъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Славный ты, Коля!..

А Леночка не сказала никакого привѣтствія. Она только крѣпко пожала руку молодому человѣку, чокаясь бокаломъ, и послѣ этого вся притихла.

Счастливый, радостный, умиленный принималъ Николай горячія привѣтствія своихъ близкихъ. Лицо его горѣло смѣлой увѣренностью молодости. Ему было въ эти минуты такъ хорошо, что хотѣлось всѣхъ обнять и расцѣловать. Всѣ люди казались ему славными и добрыми, а самъ онъ, переполненный надеждъ и вѣры въ себя, чувствовалъ тотъ избытокъ молодой силы, который въ молодости заставляетъ высоко поднимать голову и горячо вѣрить, что для нея въ жизни нѣтъ препятствій, которыхъ бы нельзя преодолѣть. Стоитъ только захотѣть—и можно горы двинуть во имя правды и добра. Въ эту минуту никакой подвигъ не казался ему страшнымъ. Онъ готовъ былъ совершить его тотчасъ же.

— А что же няни нѣтъ? Надо, чтобы и она выпила!—замѣтилъ Николай.

Онъ налилъ бокалъ и пошелъ къ нянѣ.

Старуха сидѣла въ своей крошечной комнаткѣ за чулкомъ, когда вошелъ молодой человѣкъ.

— Няня... выпей... поздравь меня...

— Родной, и меня вспомнилъ!

Она взяла дрожащей, изсохшей рукой бокалъ изъ рукъ Николая, осушила его залпомъ и проговорила:

— Будь здоровъ, Коля. Да хранитъ тебя Царица Небесная, моего голубчика!

Молодой человѣкъ расцѣловалъ старушку. Замѣтивъ въ коридорѣ повара Петра, тоже желавшаго поздравить барина, онъ подошелъ къ нему и, въ отвѣтъ на привѣтствіе Петра, къ нѣкоторому его изумленію, крѣпко пожалъ не совсѣмъ опрятную руку и возвратился въ столовую.

Чай подали на террасу въ садъ. Всѣ долго сидѣли за чаемъ, не замѣчая, какъ идетъ время...

VI.

Подъ вечеръ пошли гулять.

— Прежде осмотримъ наши владѣнія, Николай. Вѣдь ты два года здѣсь не былъ!—проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— Осмотримъ наши владѣнія, папа! Осматривать ихъ, я думаю, не долго. Наши владѣнія не велики!

— Не очень обширны!—засмѣялся отецъ.

Николай весело заглянулъ въ пустой амбаръ; побывалъ въ людской, гдѣ старая стряпуха съ слезящимися глазами и сѣдой косицей, вылѣзавшей изъ-подъ платка, радушно привѣтствовала господъ; потрепалъ на конюшнѣ стараго «Ваську», выпилъ стаканъ молока на скотномъ дворѣ и познакомился на мельницѣ съ новымъ мельникомъ. Онъ съ удовольствіемъ осматривалъ знакомые родные уголки, гдѣ протекла бо̀льшая часть его жизни; все привлекало его, все какъ будто получало новую прелесть. Полной грудью, чувствуя себя необыкновенно счастливымъ, вдыхалъ онъ чудный воздухъ деревни и внимательно слушалъ, когда отецъ пустился-было объяснять сыну, какъ идетъ хозяйство. Старикъ, впрочемъ, часто путался. Николай очень хорошо видѣлъ, что отецъ за эти два года не измѣнился и такъ же плохъ по хозяйству, какъ и прежде. Марья Степановна подоспѣла на выручку и толково объяснила, сколько у нихъ подъ запашкой земли, сколько накашивается сѣна, сколько скота и т. п.

— Мама, по-старому, хозяйничаетъ?

— Мама! Она у насъ молодецъ на всѣ руки. Если-бъ не мать, то совсѣмъ бы скверно. Я, ты знаешь, плохой хозяинъ!—проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— Некогда тебѣ этими мелочами заниматься!—вставила Марья Степановна.

Старикъ весело подмигнулъ Николаю и засмѣялся.

— Хороши «мелочи»!.. Она у насъ съ зари на ногахъ. Просто неспособный я для хозяйства человѣкъ... Такъ только посматриваю себѣ, а мать, спасибо ей, всю эту обузу на себѣ несетъ!

Оказалось, что дѣла идутъ неважно, несмотря на энергію и старанія Марьи Степановны. Имѣніе не даетъ почти никакого дохода. Приходится трогать лѣсъ или проживать небольшой капиталъ, бывшій у Вязниковыхъ.

— Почти весь и прожили!—угрюмо проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— У всѣхъ, Коля, плохо дѣла идутъ!—какъ бы оправдывалась мать.—Всѣ жалуются. Жизнь дорога.

— Только и хорошо, Коля, тѣмъ, кто совѣсти не знаетъ,—прибавилъ Иванъ Андреевичъ.—Оно, пожалуй, можно мужикамъ землю сдать по хорошей цѣнѣ—мужики дадутъ!—усмѣхнулся отецъ.—Вотъ у Кривошейпова доходы большіе!

Николай съ какимъ-то восторгомъ взглядывалъ то на отца, то на мать.

«Какіе они у меня хорошіе!»—думалось ему.

— Ничего, проживемъ! — весело воскликнулъ Николай.—Теперь и я на ногахъ!

Съ мельницы повернули въ деревню. Деревня была съ виду неказиста. Тѣснымъ рядомъ ютились одна подлѣ другой почернѣвшія избы по бокамъ широкой улицы. На улицѣ возились въ грязныхъ рубашонкахъ чумазые ребятишки. У завалинъ сидѣли старухи, грѣясь, какъ черепахи, на солнышкѣ. Народъ не возвращался еще съ поля. Иванъ Андреевичъ съ Николаемъ зашли въ одну избу. Ихъ такъ и обдало спертымъ, прокислымъ запахомъ. На скамьѣ совсѣмъ ветхій старикъ плелъ лапоть. При входѣ гостей онъ пристально взглянулъ старыми, слезящимися глазами и не сразу узналъ господъ.

— Здорово, Парфенъ Аѳанасьевичъ!.. — проговорилъ Иванъ Андреевичъ.—Вотъ сына старшаго привелъ. Сегодня только пріѣхалъ.

Николай подошелъ къ старику и протянулъ ему руку.

— Не узнаешь развѣ, Парфенъ Аѳанасьевичъ?

— Какъ не узнать!.. Здравствуй, Николай Ивановичъ, здравствуй! Богъ тебѣ въ помочь. Ничего... парень славный, чистый парень!—прошамкалъ онъ, присматриваясь къ молодому человѣку.

— Какъ здоровье?—спрашивалъ Иванъ Андреевичъ.—Ты, слышалъ я, хворалъ?

— Еще земля носитъ, Иванъ Андреевичъ, носитъ еще!.. Ноги вотъ одолѣли... не могу владать ногами, а то слава тебѣ Господи! Спасибо барышнѣ—мазью мажетъ. Бытто и легче. Не забываетъ больного.

Съ минуту они побыли въ избѣ и вышли.

— Бѣдность, какъ посмотрю!—проговорилъ Николай.

— Неурожаи все были.

— Плохо живутъ, по-старому?..

— Скверно.

— И все на Бога надѣются?..

Старикъ промолчалъ.

— Какая это барышня къ старику ходитъ?

— Леночка... Она у насъ тутъ за доктора. Неутомимая.

— Вотъ она какая!—протянулъ Николай.

Изъ деревни прошли въ поле. По дорогѣ встрѣчались мужики и бабы, возвращавшіеся съ работы. Всѣ привѣтливо раскланивались съ Вязниковыми. Всѣ мужики и бабы казались Николаю сегодня особенно хорошими. Онъ былъ въ самомъ идиллическомъ настроеніи. Все его восхищало, ко всему онъ относился тепло и сочувственно.

Уже смерклось, когда вся компанія возвращалась домой.

— Елена Ивановна!..—проговорилъ Вася, до того молчавшій рядомъ съ Еленой.—Вы, вѣрно, забыли? Мнѣ сказывалъ Григорій Николаевичъ, что онъ сегодня зайдетъ къ вамъ!

— Спасибо, Вася, что напомнили!—вспыхнула Елена.—Знаете ли, о чемъ я попрошу васъ? Сходите къ намъ и скажите, что я останусь здѣсь!

— Останетесь?—прошепталъ юноша упавшимъ голосомъ

Еленѣ показалось, что въ голосѣ его дрожала скорбная нотка. Она вспыхнула.

— Да, останусь. Что же тутъ удивительнаго?

Она засмѣялась, но смѣхъ ея былъ какой-то ненатуральный.

— Вы, Вася, скажите Григорію Николаевичу... Впрочемъ, нѣтъ... ничего не говорите. Просто скажите, что я сегодня не буду дома!

— Я скажу... Я ничего... Я такъ!..—пролепеталъ Вася, смущаясь еще болѣе и какъ-то неловко ступая своими длинными ногами.—Вы не сердитесь, Елена Ивановна, пожалуйста!

— За что сердиться?—съ живостью возразила Леночка.—Вы просто глупости говорите.

— Это правильно!—добродушно промолвилъ Вася.—Глупости! Это вы вѣрно... А мнѣ показалось...

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но слова, видно, не слушались его и засѣли въ горлѣ. Онъ улыбался кроткой улыбкой и счелъ долгомъ еще разъ повторить: «пожалуйста, не сердитесь!» при чемъ это извиненіе у него выходило такое комичное, что Леночка улыбнулась.

— Я сейчасъ же иду, Елена Ивановна!

Съ этими словами онъ повернулъ назадъ и быстро зашагалъ по дорогѣ.

— Ты куда это, Вася?—окликнулъ Николай.

— Къ Лаврентьеву.

— Приходи скорѣй, Васюкъ!

— Ладно.

— Странный этотъ Вася!—невольно вырвалось у Елены.

Ей вдругъ почему-то захотѣлось вернуть его и идти домой, гдѣ ждалъ ее женихъ. Она колебалась, медлила и... тихо подвигалась впередъ. Она рѣшила остаться. Съ Лаврентьевымъ она увидится завтра и объяснитъ ему, почему не пришла. Она такъ долго не видѣла стараго товарища дѣтства, она такъ давно не слыхала горячихъ, волнующихъ рѣчей, полныхъ какой-то неопредѣленной и заманчивой прелести. Среди будничныхъ заботъ эти рѣчи казались праздничнымъ колоколомъ, зовущимъ куда-то вдаль, гдѣ жизнь, мнилось, получала высшій смыслъ и значеніе.

«Какой онъ сталъ красавецъ!»—неожиданно вспомнила Елена и вслѣдъ затѣмъ почувствовала, что краска стыда разлилась по ея лицу, охватила ея шею, охватила все существо. Она старалась отогнать отъ себя эти мысли, но какой-то голосъ шепталъ ей: «красавецъ, красавецъ!» Все шептало объ этомъ: и тихій вечеръ, спустившійся на землю, и ярко мерцавшія звѣзды, и таинственный шелестъ наливавшихся колосьевъ, и дивный воздухъ, полный благоуханія и прелести.

«Красавецъ, красавецъ!»—Эти слова точно носились въ воздухѣ.

Когда вошли въ столовую, гдѣ на столѣ уже тихо шипѣлъ самоваръ, Николай замѣтилъ, что Леночка вдругъ сдѣлалась необыкновенно серьезна и сдержанна; ея синіе глаза смотрѣли строго, и брови сурово сдвинулись; она такъ сухо отвѣтила на шутливый вопросъ Николая: «Отчего такъ задумчива ты?», что Николай оставилъ ее въ покоѣ и съ аппетитомъ принялся пить чай съ густыми сливками, заѣдая домашней сдобной булкой и похваливая и чай, и булку.

Отецъ съ сыномъ окончили вторую партію въ шахматы, а Марья Степановна уже клевала носомъ. Леночка сложила свою работу и стала прощаться.

Пробило девять часовъ, а Вася не возвращался.

— Куда же вы одна, Елена Ивановна? Я васъ провожу!—сказалъ Николай.

— Не надо. Я и одна дойду—близко.

— Какъ хотите, а то я бы проводилъ.

— Конечно, проводи, Николай! — проговорилъ Вязниковъ.—Нечего вамъ, Леночка, храбриться. Все лучше, коли проводятъ!

— Да я не боюсь. Николай Ивановичъ, вѣрно, усталъ съ дороги?

— Еще будетъ время выспаться; а вы, барышня, не церемоньтесь съ старымъ товарищемъ. Одѣвайте шляпку и пойдемте. А ужъ ты, мама, дремлешь?

— Нѣтъ... я не дремлю!..—встрепенулась Марья Степановна, открывая глаза.

— По-старому! — засмѣялся Николай, обнимая мать. — Сама дремлетъ, а говоритъ, что нѣтъ. Иди-ка, мама, спать. Ты вѣдь рано встаешь. Помнишь, какъ я ребенкомъ все тебя спрашивалъ, хорошій ли я сонъ увижу, а ты мнѣ всегда говорила, что хорошій... И вѣдь всегда хорошіе сны снились, точно ты умѣла посылать славные сны.

— Еще бы не помнить!

— Я часто вспоминалъ въ Петербургѣ объ этомъ передъ экзаменами. Какъ нарочно, все худые сны снились, и некому было мнѣ пожелать хорошихъ сновъ. А теперь нечего и спрашивать: я знаю, сны будутъ такъ же хороши, какъ и всѣ вы...

Марья Степановна нѣсколько разъ поцѣловала сына и перекрестила его. А онъ горячо поцѣловалъ ея руку и глядѣлъ на нее съ восторгомъ влюбленнаго. Онъ и въ самомъ дѣлѣ влюбленъ былъ въ мать.

— А съ тобой, папа, еще увидимся?

— Я поздно засыпаю. Зайди, какъ вернешься.

— Пойдемте, Елена Ивановна... Какая чудная ночь!— проговорилъ Николай, спускаясь съ террасы.—Мы какой дорогой пойдемъ? Ближней—черезъ лѣсъ? Вы не боитесь?

— Чего бояться?

— Мало ли чего? Хотя бы своего воображенія. Впрочемъ, вдвоемъ не страшно, да и свѣтло... Ишь луна какая сегодня, точно блѣднолицая красавица. Посмотрите, какъ красивъ теперь садъ. Да куда вы такъ торопитесь, Елена Ивановна?—остановилъ Николай, догоняя молодую дѣвушку.

— Я всегда такъ хожу.

— Давайте-ка вашу руку, а то вы опять уйдете—догоняй васъ!—замѣтилъ Николай тѣмъ товарищески фамильярнымъ тономъ, какимъ, бывало, говорилъ съ прежней Леночкой.

Елена покорно протянула свою руку.

— Такъ-то лучше!—промолвилъ Николай.

Они шли не спѣша, направляясь къ лѣсу.

Они шли первое время молча. Елена, казалось, не имѣла намѣренія вступать въ разговоръ. Она шла, опустивъ глаза внизъ, погруженная въ раздумье. Молодой человѣкъ искоса посматривалъ на свою спутницу, любуясь ея красивымъ, строгимъ профилемъ. Теперь, подъ обаяніемъ чудной ночи, при блѣдномъ свѣтѣ луны, Леночка казалась ему несравненно лучше. Ему стало снова жаль, что она выходитъ замужъ.

Пропадетъ она совсѣмъ, отупѣетъ. «Будетъ няньчить, работать и ѣсть!»—припомнился ему некрасовскій стихъ. Нѣжное чувство закрадывалось ему въ сердце. Положительно ему жаль Леночку. Она такая славная дѣвушка, полная хорошихъ стремленій, и—что̀ ее ждетъ?

«Неужели она любитъ дикаго человѣка? Чѣмъ онъ могъ плѣнить ее?»

Молодой человѣкъ опять взглянулъ на Елену. «Какъ она хороша!» Взглядъ его скользнулъ по ея роскошному стану и остановился на маленькой ногѣ, мелькнувшей изъ-подъ приподнятаго платья.

— Что-жъ, мы молчать будемъ? Два года не видались—кажется, есть о чемъ поговорить.

— Говорите, я буду слушать!

— Я много говорилъ, теперь вашъ чередъ. Разскажите о себѣ: что̀ вы дѣлали, о чемъ думали, что̀ читали, о чемъ мечтали въ эти два года?

— Мнѣ нечего разсказывать. Вы все ужъ знаете. Жизнь моя прошла самымъ обыкновеннымъ образомъ. Кое-что читала, а больше хозяйничала...

— И впереди опять одно хозяйство?

— А то какъ же... Не сидѣть же сложа руки!

Они приблизились къ опушкѣ и вошли въ лѣсъ. На нихъ сразу пахнуло свѣжестью и лѣснымъ запахомъ—запахомъ грибовъ и сырости. Луна пробѣгала за облакомъ. Въ лѣсу было совсѣмъ темно и торжественно тихо. Пріятно и жутко было среди мрака и тишины. Какой-то таинственный, тихій шорохъ стоялъ среди лѣсной чащи.

Откуда-то доносилось журчаніе воды. Протяжно прокуковала кукушка, вслѣдъ затѣмъ внезапно шарахнулась между деревъ птица. И снова въ лѣсу стало тихо.

Молодые люди дышали полной грудью.

— Какъ хорошо здѣсь!—протянулъ Николай.

— Да, хорошо!—тихо отвѣтила Елена.

Среди тишины и мрака лѣса невольно говорилось тише. Звуки становились мягче и таинственнѣй, какъ будто страшно было разбудить громкимъ голосомъ спящую лѣсную глушь.

Они пошли еще медленнѣе, осторожно ступая по песчаной дорогѣ, усѣянной сучьями. Николай придвинулъ къ себѣ руку, и Леночка плотнѣй прижалась къ молодому человѣку.

— Помните, какъ мы съ вами, бывало, боялись ночью этого лѣса? Вы помните?

— Помню.

— А помните, какъ вы однажды заблудились вечеромъ, и мы съ Васей нашли васъ

— Помню.

— Хорошо было тогда... Да и теперь отлично!—проговорилъ подъ наплывомъ чувства Николай.—А время-то какъ пролетѣло... Кажется, давно ли мы съ вами боялись этого лѣса, а вотъ теперь не боимся. Вы вотъ ужъ и замужъ выходите. Скоро ваша свадьба?

— Черезъ полтора мѣсяца.

— Такъ скоро?—вырвалось у Николая.

— Да, скоро.

Опять оба замолчали. Елена прибавила шагу.

— Пойдемте поскорѣй!—нетерпѣливо произнесла она.

— Куда вы бѣжите? Здѣсь такъ славно, такъ хорошо.

— Тетя будетъ безпокоиться.

— Богъ съ ней, съ тетей! А вы такъ и не хотите разсказать старому товарищу о себѣ. «Занималась хозяйствомъ, буду заниматься...» вѣдь этого мало. Развѣ вы только и дѣлали?.. По скромности вы даже скрыли, что мужиковъ лѣчите. Видно, докторъ не ѣздитъ?

— Ѣздитъ, но рѣдко.

— А лѣчите самоучкой?

— Самоучкой.

Николай тихо засмѣялся.

— А еще что дѣлали?

— Да больше ничего, кажется. Теперь иду замужъ!—тихо прибавила она.

— Тихая пристань!..

— Къ чему бури? Я человѣкъ мирный, бурь не ищу. Богъ съ ними!

— И счастливы?

— Странный вопросъ! Конечно. Меня никто не неволилъ идти замужъ, да и никто не приневолитъ. Хочу—иду, хочу—нѣтъ.

— Я не о томъ. Это дѣло вашего сердца.

— О чемъ же?

— Вы какъ будто другая стали. Неужели мысль ваша не рвется къ свѣту, на просторъ?

— Значитъ, не рвется.

— А прежде, помните?

— Мало ли что было прежде! — рѣзко проговорила Елена.

— Вы лжете, Леночка!—воскликнулъ Николай.—Этого не можетъ быть! Въ двадцать два года нельзя подвести итоги. Или вы думаете, что образованіе и развитіе вздоръ... лишняя роскошь, глупости однѣ? Сегодня меня ужъ поразилъ Вася, но Вася странный мальчикъ. Можетъ-быть, и женихъ вашъ такъ смотритъ? Ну, тогда поздравляю васъ... поклонниковъ непосредственности...

— Напрасно вы горячитесь... Женихъ мой такъ не смотритъ.

— Но вы-то... вы? Вы хотѣли учиться... Все, значитъ, по боку? Можно лѣчить самоучкой?—усмѣхнулся молодой человѣкъ.—Можно думать, что земля на трехъ китахъ стоитъ. Для домашняго обихода этого довольно?.. Ахъ, Леночка, Леночка (Николай и не замѣчалъ, что называлъ свою спутницу Леночкой), и для домашняго обихода этого мало.

Николай даже разгорячился. Если-бъ онъ могъ видѣть лицо Елены, то, вѣроятно, не бросилъ бы ей такихъ упрековъ.

Она не отвѣчала ничего, только прибавила шагу.

— Вы простите старому пріятелю. Вѣдь я по дружбѣ.

— Я не сержусь!

Она произнесла это «я не сержусь» такимъ тихимъ, покорнымъ голосомъ, что Николаю вдругъ стало невыразимо жаль ее. Они были близко къ выходу изъ лѣса. Луна выглянула изъ-за облаковъ и обдала ихъ серебристымъ свѣтомъ. Николай взглянулъ на Леночку и сразу понялъ, какъ грубо и безжалостно онъ говорилъ съ ней.

Лицо молодой дѣвушки поразило его своимъ страдальческимъ видомъ. Онъ болѣе не начиналъ разговора. Молчала и Леночка подъ обаяніемъ дыханія лѣтней ночи. Потребность любить и быть любимымъ вдругъ охватила все существо молодого человѣка нѣжнымъ, теплымъ чувствомъ. Молодая страсть рвалась наружу. Какое-то неопредѣленное чувство тоски и томленія подступало къ самому сердцу. Онъ забылъ всѣ свои наставленія, забылъ, что Леночкѣ надо учиться. Онъ чувствовалъ только прелесть ночи, близость молодого, красиваго созданія и приливъ страсти. Онъ любовался Леночкой, любовался ея лицомъ, ея станомъ, чувствовалъ, какъ трепетно бьется ея грудь, и никакія слова не шли на уста.

Они вышли изъ лѣса. Невдалекѣ замигали огоньки усадьбы.

Въ это время изъ лѣсу, гдѣ-то близко, раздались звуки пѣсни. Мужской твердый голосъ пѣлъ одну изъ русскихъ пѣсенъ и пѣлъ превосходно. Ширью, страстью и тоской звучала эта пѣсня, разлетаясь по лѣсу. Въ скорбныхъ звукахъ было что-то щемящее, прямо хватающее за душу.

Николай остановился и не замѣтилъ, какъ вздрогнула рука Леночки.

— Какой чудный голосъ!—прошепталъ онъ. — Послушаемъ.

— Нѣтъ, пойдемте. У меня голова болитъ!

Съ этими словами она выдернула руку и быстро пошла впередъ.

— Славно нашъ народъ поетъ!—проговорилъ, догоняя Леночку, Николай.—Сколько чувства, сколько выраженія. Такъ пѣть, какъ этотъ мужикъ пѣлъ, можетъ только человѣкъ съ душой.

— Это не мужикъ пѣлъ.

— Что вы? Манера мужицкая. Сейчасъ видно.

— Я знаю этотъ голосъ и знаю эту пѣсню.

— Кто-жъ это пѣлъ?

— Лаврентьевъ пѣлъ! Онъ славно поетъ!

— Женихъ вашъ? Вотъ никакъ не думалъ!—проговорилъ Николай, какъ будто нѣсколько разочарованный.— Что-жъ онъ по лѣсу бродитъ?

— Вѣрно, меня дожидался, а теперь возвращается домой.

Они пошли къ дому. Большая мохнатая собака бросилась съ лаемъ къ Леночкѣ.

— Здравствуй, Фингалъ, здравствуй.

Фингалъ замахалъ хвостомъ и потомъ осторожно обнюхалъ Николая.

Николаю было грустно, что прогулка такъ скоро кончилась. Ему хотѣлось еще гулять. Онъ протянулъ руку, крѣпко пожалъ Леночкину руку и вдругъ проговорилъ:

— Простите меня, Леночка. Вы славная дѣвушка, и дай вамъ Богъ счастья.

Онъ прикоснулся губами къ ея рукѣ и сказалъ:

— Вы любите его! И онъ, вѣрно, васъ любитъ. Вы стоите любви!

И снова поцѣловалъ Леночкину руку.

Молодая дѣвушка быстро отдернула руку и скрылась въ дверяхъ, а Николай тихо побрелъ домой, нарочно замедляя шаги.

Николай зашелъ къ отцу,—старикъ еще не ложился: онъ сидѣлъ за французской исторической книгой,—и простился съ нимъ, замѣтивъ, что усталъ съ дороги. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату—хорошо знакома была ему эта комната!—и сталъ раздѣваться. Онъ заглянулъ-было въ комнату брата, но тамъ было темно. Николай окликнулъ Васю. Отвѣта не было.

— Вѣрно, спитъ!

Черезъ минуту онъ уже лежалъ въ чистой, мягкой постели, съ наслажденіемъ потягиваясь и предвкушая сладость сна. Онъ скоро погасилъ свѣчку, повернулся на бокъ, и разнообразные отрывки мыслей бродили безпорядочно въ его головѣ. То думалось о Леночкѣ... «Зачѣмъ она замужъ выходитъ!» И образъ красивой дѣвушки мелькалъ въ его воображеніи. Славная она, хорошая!.. Образъ Леночки смѣнялся другимъ образомъ, молодымъ и тоже красивымъ. Онъ вспомнилъ сестру Бѣжецкаго. И та славная! Потомъ мечты забродили о будущемъ. Что будетъ? О, вѣроятно, будетъ хорошо, отлично будетъ. Ему представлялось, какъ онъ будитъ общество своими громовыми, горячими статьями. Его всѣ знаютъ, лучшая часть общества его уважаетъ. Онъ знаменитый писатель. Но вдругъ на смѣну является другая картина. Онъ въ судѣ и защищаетъ—даромъ, разумѣется—несчастнаго вора. Рѣчь его льется свободно, горячо. Масса публики жадно слушаетъ его. Судьи даже встрепенулись, а прокуроръ совсѣмъ смущенъ. Онъ кончилъ и ждетъ... Выносятъ оправдательный приговоръ. Онъ жметъ руку оправданному.

Онъ счастливъ и гордъ. Онъ не похожъ на своихъ собратовъ. Онъ обѣлять не будетъ... Онъ будетъ по совѣсти... Опять новыя картины: то онъ профессоръ, то онъ въ далекомъ захолустьѣ, послѣ того, какъ послужилъ честному дѣлу, но онъ скоро возвращается, и всѣ привѣтствуютъ его. Мысли начинали путаться. Пріятное ощущеніе дремоты начало охватывать его. Мозгъ ослабѣвалъ. Онъ испытывалъ ощущеніе усталости и безотчетнаго счастія, вспоминая, что онъ дома, въ родномъ гнѣздѣ, и что у него такіе чудные старики, и что его всѣ любятъ. Ему послышался чей-то голосъ вблизи, спрашивающій: «ты спишь, братъ?» Онъ слабо пролепеталъ: «хорошо жить, Вася, хо-ро-шо!» и чувствовалъ, что языкъ больше не служитъ. Онъ засыпалъ крѣпкимъ, чуднымъ сномъ молодости, счастливый, добрый и готовый на все хорошее.

Въ то самое время Леночкѣ не спалось. Она пришла въ свою комнатку, маленькую, опрятную комнатку, хотѣлабыло раздѣваться, но сняла только платье, подошла къ окну, да такъ и осталась у растворенного окна, всматриваясь вдаль сосредоточенно и строго. Она долго стояла, потомъ взмахнула головой, словно желая отогнать неотвязныя мысли, присѣла на кровать, медленно раздѣлась, легла въ постель, но заснуть не могла. Въ ушахъ ея еще стояли слова упрека и скорбная пѣсня въ лѣсу, а передъ ней, какъ живой, носился образъ Николая, такой хорошій, привлекательный...

Леночка приподняла съ подушки голову. Слезы текли по ея лицу...

«Это... все глупости!»—прошептала она наконецъ, бросаясь на подушки. Изъ отвореннаго окна доносились какіе-то тихіе, жужжащіе звуки ночи и словно дразнили ее... «Глупости,—повторила она:—глупости!»

Вася, вернувшійся позже брата, вошелъ къ нему со свѣчкой въ рукахъ и, увидавъ, что братъ засыпаетъ, прошелъ къ себѣ, досталъ изъ стола тетрадь и, по обыкновенію, сталъ записывать свои замѣтки и впечатлѣнія. Замѣтки эти были очень странныя и самыя разнообразныя, съ которыми читатель познакомится въ свое время. Онъ долго сидѣлъ; потомъ, окончивши это дѣло, раздѣлся и занялся гимнастикой: присѣдалъ, двигалъ руками, вдыхалъ грудью, и все это самымъ серьезнымъ образомъ. Потомъ попробовалъ мускулы на рукахъ и, довольный, что порядочные желваки были крѣпки, когда онъ сгибалъ

руку, Вася снялъ тюфякъ съ кровати, легъ на тощей соломенной подстилкѣ, затушилъ свѣчку и долго еще лежалъ съ открытыми глазами, размышляя о словахъ брата.

VII.

Недѣля пролетѣла незамѣтно. Николай ходилъ на охоту, гулялъ съ братомъ,—Вася, къ нѣкоторой досадѣ Николая, все еще ему не «открывался»,—спорилъ слегка съ отцомъ, вволю ѣлъ и отсыпался. Онъ принялся-было за работу, началъ писать статью, исписалъ листа два бумаги и бросилъ—не писалось. Хотѣлось отдохнуть отъ петербургской жизни и полѣниться на деревенскомъ привольѣ. Давно ему не жилось такъ беззаботно, какъ теперь. Однако черезъ недѣлю онъ началъ скучать. Людей не было, безъ людей скучно.

Леночка нѣсколько дней не показывалась.

«Ужъ здорова ли наша Леночка?—безпокоилась добрая Марья Степановна.—Не случилось ли чего съ ней?»

И Николаю было скучно безъ Леночки. Онъ отправился ее навѣстить.

Черезъ хорошо знакомую калитку вошелъ онъ въ небольшой, молодой садъ, прилегавшій къ новому маленькому сѣрому дому. Онъ прошелъ сквозь рядъ фруктовыхъ деревьевъ и невдалекѣ отъ террасы увидѣлъ Леночку и тетку за варкой варенья. Солнце жгло невыносимо—было около полудня—и Николай истомился отъ жару.

«И какъ это имъ не жарко на припекѣ варить варенье!»—подумалъ онъ, подходя къ нимъ.

Тетка Леночкина, Марѳа Алексѣевна, родная сестра Леночкина отца, толстая, жирная, рыхлая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, вся раскраснѣвшаяся и истомленная, въ грязномъ капотѣ, слегка вскрикнула при видѣ гостя, обрадовалась и почему-то стала извиняться. Леночка молча поздоровалась съ Николаемъ и продолжала снимать ложкой пѣну съ шипящей жидкости, въ которой подпрыгивали крупныя вишни. Пока Марѳа Алексѣевна извинялась и звала Николая въ гостиную, онъ взглянулъ на Леночку и... и сегодня она ему показалась совсѣмъ не такой или по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ такой, какой была тогда при лунномъ освѣщеніи. Сегодня она была какой-то будничной. Одѣта она была слишкомъ ужъ по-домашнему, безъ корсета, руки были запачканы, на пальцахъ ея, замѣтилъ онъ, виднѣлись черненькія точки—слѣды иголки—и ногти

ея не отличались чистотой. Лицо ея пылало отъ жара, и крупныя капли пота струились по лицу. Повидимому, она такъ была занята своимъ дѣломъ, что и не обращала вниманія на Николая. Это его кольнуло.

— Пойдемте-ка, Николай Ивановичъ, въ гостиную. Эка жарища-то какая здѣсь! Пойдемте... Ишь какой вы молодецъ стали!

Марѳа Алексѣевна, грузно переваливаясь и вздыхая, поплелась въ домъ, и Николай за ней.

— А ты, Леночка? Брось варенье и ступай къ намъ, а не то Аксинью позови.

— Сейчасъ, тетя.

Въ гостиной, увѣшанной довольно плохими литографіями, съ обстановкой средней руки, Марѳа Алексѣевна тяжело опустилась на диванъ и, указывая на кресло гостю проговорила:

— А мы попрежнему. Братецъ все въ разъѣздахъ. Нынче пошли строгости. Дѣлъ... дѣлъ-то сколько. Во всѣ глаза гляди. Всѣ нынче бунтовать стали!—добродушно прибавила старуха.—О-охъ, жарко... Всѣ... Ты думаешь, онъ смирный человѣкъ, а глядишь—бунтовщикъ. Посудите, въ этакую-то жару да братцу по уѣзду рыскать! И къ чему бунтовать? Только братцу лишнія хлопоты!..

Она принялась по обыкновенію жаловаться на обстоятельства, на дороговизну, и все вздыхала, вѣрнѣй отъ жара, чѣмъ отъ плохихъ обстоятельствъ, и Николай обрадовался, когда вошла Леночка и тихо присѣла на кресло.

— Спасибо вотъ Леночка помогаетъ, а то одной... Съ рабочими что горя...

— Ну ужъ вы, тетя, всегда жалуетесь!..—замѣтила Леночка серьезно.

Разговоръ продолжался на эту тему. Гостю предложили чаю «Какой теперь чай!»—подумалъ онъ—и отказался. Отъ водки тоже.

— А вы насъ совсѣмъ забыли, Елена Ивановна. Мама даже безпокоится!

— Хлопотъ было много.

— А по вечерамъ?

— По вечерамъ къ ней женихъ ходитъ. Скоро вылетитъ птичка изъ гнѣздышка!—протянула тетка.—О-охъ, какъ-то я тогда управлюсь... У Смирновыхъ, чай, были?

— Нѣтъ еще... Собираюсь.

— Не были?—повторила Леночка.

— Не былъ. Вы что такъ спрашиваете?

— Да какъ же... У нихъ интересно, должно-быть. Я слышала, тамъ гоститъ знаменитый петербургскій адвокатъ Присухинъ и какой-то молодой ученый изъ Петербурга. Люди все развитые... И барышни тоже развитыя..

Она подчеркнула слово: «развитыя».

Николай пристально взглянулъ на Леночку. «Смѣется она, что ли?» Кажется, нѣтъ. Лицо ея совсѣмъ спокойное, только верхняя губа слегка вздрагиваетъ да голосъ чуть-чуть дрожитъ.

— Такъ-то вы, Елена Ивановна, прощаете? Не ожидалъ я отъ васъ этого.

— Ну, ну, не сердитесь. Я пошутила, право, пошутила!—промолвила Леночка и вдругъ вся просіяла.

— О чемъ это вы?—прошептала Марѳа Алексѣевна.

— Такъ, тетя, споръ былъ у насъ.

Николай посидѣлъ еще немного, поболталъ съ Леночкою; Марѳа Алексѣевна все тянула унылую нотку о дороговизнѣ и смутахъ, по поводу которыхъ такъ часто приходилось разъѣзжать ея братцу—она съ комичнымъ добродушіемъ смѣшивала и дороговизну, и смуту. (Два года тому назадъ, вспомнилъ Николай, она все жаловалась на мужиковъ). Онъ сталъ прощаться.

— Смотрите же, Елена Николаевна, не забывайте насъ. Мама безъ васъ скучаетъ. Придете?

— Приду какъ-нибудь.

— Не какъ-нибудь, а поскорѣй приходите. Скоро вѣдь васъ и совсѣмъ рѣдко будешь видѣть.

Леночка проводила Николая до калитки, крѣпко пожала ему руку и долго еще смотрѣла вслѣдъ.

Потомъ тихо повернула назадъ и принялась варить варенье.

— Пожалуй, Смирниха окрутитъ молодца! Ты какъ, Лена, думаешь?—замѣтила Марѳа Алексѣевна, выходя на террасу.—Она жениховъ ищетъ, какъ кошка мышей...

— Да вы почемъ знаете?

— Знаю, мать моя. Я все знаю. Мнѣ ихняя ключница все говорила. Дѣвки на возрастѣ.

— Охота вамъ, тетя, всякія сплетни слушать. Что Вязниковъ—мальчикъ, что ли?

— Хитры онѣ. Старшую-то какъ выдали... слышала?..

— Не хочу я слушать.

— А ты чего взъѣлась? Ну, не хочешь, какъ хочешь!—

равнодушно отвѣтила Марѳа Алексѣевна.—Мнѣ что, мнѣ все равно. Женихъ только онъ подходящій. У старика-то деньги припрятаны...

— Вы видѣли?

— Не даромъ опекуномъ былъ десять лѣтъ.

— Тетенька! Я прошу хоть при мнѣ-то гадостей этихъ не говорить. Иванъ Андреевичъ... это такой святой человѣкъ.

Голосъ ея дрожалъ отъ волненія.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, на стѣну лѣзешь? Ишь какъ расходилась! Ну, святой, такъ святой... почему я знаю. Имъ же хуже! Горячишься, глупая, изъ-за пустяковъ. И безъ того жарко. О-о-хъ! Пойти, что ли, полежать передъ обѣдомъ!..

Марѳа Алексѣевна покачалась въ раздумьѣ и скрылась въ комнату.

— Хороши пустяки!—въ волненіи шептала Леночка.— «Не женится онъ ни на одной изъ Смирновыхъ! Этого не можетъ быть!»—подумала она.

Возвращаясь домой, Николай даже усмѣхнулся, припоминая, что сперва онъ возлагалъ такія надежды на Леночку и пробовалъ-было «разбудить дремавшую мысль».

«Настоящая ея сфера—няньчить, работать и ѣсть. И, кажется, ничего другого и не надо ей. А я вообразилъ-было... Прехорошенькая изъ нея будетъ самочка, если только она не распустится совсѣмъ съ дикимъ человѣкомъ!»—рѣшилъ Николай.

Ему сначала показалось, что выходъ Леночки замужъ таитъ въ себѣ какую-то драму—онъ очень любилъ драматическія положенія—и все ждалъ, что Леночка откроется своему товарищу. Оказывалось теперь, по его мнѣнію, что никакой драмы нѣтъ. Никто ее не заставляетъ. Понравился барышнѣ дикій человѣкъ. «Только какъ онъ могъ понравиться?» Николаю сдѣлалось даже обидно, что его труды по развитію Леночки пропали даромъ.

«Не моего романа!»—повторилъ онъ.

На слѣдующій день отецъ съ сыномъ собрались къ Смирновымъ. Давно уже слѣдовало отдать имъ визитъ, но Вязниковъ день за день откладывалъ, поджидая пріѣзда Николая. Старику хотѣлось похвастать передъ Смирновыми сыномъ. Марья Степановна наотрѣзъ отказалась ѣхать. Во-первыхъ, некогда и, во-вторыхъ, что она будетъ тамъ

дѣлать? Она вообще не любила выѣзжать и показываться въ люди, хотя и рада была принимать у себя. «Ужъ поѣзжайте вы одни, да извинитесь за меня, домосѣдку!»

Въ двѣнадцатомъ часу коляска, запряженная тройкой неважныхъ лошадей, стояла у крыльца, и старый, сухощавый Ѳома—онъ же и садовникъ—молодцовато сидѣлъ на козлахъ, облекшись въ старенькій лѣтній армякъ, сидѣвшій, впрочемъ, на Ѳомѣ довольно неуклюже.

Николай только-что окончилъ туалетъ и вышелъ въ гостиную въ сопровожденіи Васи, который старательно смахивалъ щеткой пылинки съ новой пары брата и, казалось, принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ, хотя и говорилъ раньше, что нѣтъ ничего любопытнаго у «этихъ трещетокъ».

Въ новой щегольской парѣ, въ бѣлоснѣжной рубашкѣ, пріодѣтый и прифранченный, Николай былъ совсѣмъ изящнымъ молодымъ человѣкомъ, который ни въ какомъ обществѣ не ударитъ въ грязь.

Отецъ дожидался сына. Онъ тоже пріодѣлся—расчесалъ свою красивую бороду, пригладилъ сѣдыя кудри и натягивалъ перчатки. Любо было глядѣть на отца и сына.

— Смотри, Коля, не сведи ты съ ума Смирновыхъ!—шутя проговорила Марья Степановна, восхищаясь своимъ красавцемъ.

— Не безпокойтесь, мама, не сведу и самъ не сойду!

— Хвались, хвались! Барышни очень хорошенькія и не глупыя. Особенно старшая... вдовушка... Ну, та... Богъ съ ней!..

— Сороки!—невозмутимо вставилъ Вася, подавая отцу шляпу, которую только-что заботливо вычистилъ.

Невольно всѣ разсмѣялись, глядя на долговязаго юношу.

По мягкой дорогѣ, чуть-чуть подпрыгивая, плавно катилась коляска къ усадьбѣ Смирновыхъ. Надо было ѣхать верстъ съ двадцать. Въ разговорахъ Вязниковы и не замѣтили, какъ прошло время, и какъ припекало ихъ солнце. Изъ-за пригорка наконецъ показался огромный тѣнистый садъ и верхушка церкви. Затѣмъ открылась и самая усадьба,—большой старинный помѣщичій каменный двухэтажный домъ съ возвышавшимся посрединѣ куполомъ, на которомъ развѣвался флагъ.

— Старинное дворянское гнѣздо!.. Такъ и вѣетъ отъ него стариной! Постройки-то какія!—промолвилъ Николай.

— Богатъ былъ отецъ покойнаго Смирнова. Первѣйшій

богачъ былъ у насъ, но все промоталъ. Удивительно, какъ еще эти хоромины уцѣлѣли въ общемъ крушеніи. Я помню старика, онъ пріятель батюшки былъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

— Самодуръ?

— Людей травилъ собаками, а потомъ награждалъ ихъ по-царски. У него однѣхъ собакъ было сотни три. Пиры задавалъ какіе!..

— Теперь, я думаю, имѣніе запущено?

— Совершенно. Заложено въ банкѣ и не даетъ никакого дохода или пустяки. Впрочемъ, Надежда Петровна думаетъ поправить его. Посмотримъ, что будетъ, какъ поправитъ...

— Богата она?

— Едва ли; кажется, пенсія одна послѣ мужа, а, впрочемъ, не знаю. Живетъ хорошо—увидишь!

Когда коляска приблизилась къ усадьбѣ, то мерзость запустѣнія обнаружилась во всей наготѣ своей. Хозяйственныя постройки оказались развалившимися, безъ стеколъ, и глядѣли мрачно.

Громадный барскій домъ еще былъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, но верхнія окна были заколочены наглухо досками. Черезъ широкія ворота высокой каменной, мѣстами совсѣмъ развалившейся ограды, обнесенной вокругъ всей усадьбы (тоже своего рода «великая стѣна»,—подумалъ Николай), коляска въѣхала на полукруглый большой лугъ и по окаймленной ветлами аллеѣ съ шумомъ подкатила къ громадному подъѣзду, который стерегли два большихъ льва съ отломанными носами.

Изъ дверей вышелъ молодой лакей совсѣмъ петербургскаго фасона и на вопросъ: «дома?»—отвѣчалъ утвердительно, съ петербургской выправкой, пропуская гостей въ огромную переднюю:

— Дома-съ, пожалуйте!

Затѣмъ онъ снялъ съ нихъ пальто и побѣжалъ доложить о гостяхъ.

Вязниковы медленно проходили большую высокую залу, отдѣланную подъ мраморъ,—«мраморъ» совсѣмъ пожелтѣлъ, и многочисленныя трещины извивались по немъ неправильными линіями,—украшенную каріатидами, съ расписаннымъ потолкомъ, но отъ старости и пыли фрески представлялись мрачными пятнами съ какими-то фантастическими фигурами вмѣсто амуровъ. Ветхіе, съ истертой

позолотой и обтрепанной, полинялой штофной матеріей, стулья да рояль, стоявшій въ углу, составляли все убранство залы. Отъ этой комнаты вѣяло пустыней и отдавало сыростью.

Николай чуть-было не упалъ, попавши ногой въ глубокую дыру на старомъ дубовомъ паркетѣ.

— Эка старина! Хоть бы дыры зачинили!—проговорилъ Николай.

— А я, Коля, когда-то здѣсь отплясывалъ!—улыбнулся Иванъ Андреевичъ. — Тогда дыръ не было!.. Это малая зала, а наверху большая есть, съ театромъ. У покойнаго старика была труппа крѣпостныхъ артистовъ... Теперь тамъ, вѣрно, крысы поселились. Верхъ заколоченъ!—прибавилъ старикъ.

Гостиная, куда вступили изъ залы Вязниковы, представляла совершенную противоположность. Точно они, переступивши порогъ, перенеслись изъ добраго стараго времени въ новое. На нихъ такъ и пахнуло современной жизнью и обстановкой. Они были въ уютной, видимо жилой гостиной, напоминавшей петербургскія дачныя гостиныя средней руки, съ свѣтлыми кретоновыми портьерами, занавѣсями, мягкой, новѣйшаго фасона, свѣжей мебелью, обитой тою же матеріей, съ цвѣтами на растворенныхъ окнахъ, трельяжемъ, нѣсколькими недурными пейзажами по стѣнамъ, оклееннымъ свѣтлыми обоями, съ альбомами, кипсеками и книгами въ красивыхъ переплетахъ, разбросанными на столахъ, передъ диванами и диванчиками.

Едва Вязниковы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ противъ нихъ заколыхалась портьера, и изъ-за нея торопливо вышла пожилая женщина, одѣтая очень хорошо и по модѣ, и, протягивая обѣ свои длинныя, съ красивыми ногтями, костлявыя руки, на пальцахъ которыхъ болтались кольца, произнесла привѣтливымъ голосомъ, улыбаясь всѣмъ своимъ лицомъ:

— Какъ я рада васъ видѣть, дорогой и уважаемый Иванъ Андреевичъ! Какъ рада!

Она съ чувствомъ пожала Ивану Андреевичу руки и продолжала:

— Нечего вамъ и представлять вашего сына. Я и такъ бы узнала.

Она протянула Николаю руку («Какая костлявая!»— подумалъ онъ) и замѣтила:

— Я съ вами знакома, Николай Ивановичъ, по вашей

прекрасной статьѣ. Еще недавно мы о ней говорили съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Вы, конечно, знаете Присухина? Онъ теперь гоститъ у насъ. Ваша статья намъ всѣмъ очень понравилась. Мы даже удивились, какъ она прошла. Мы такъ привыкли къ затрудненьямъ,—пожала она плечами и горько усмѣхнулась.—Садитесь, пожалуйста, Иванъ Андреевичъ, сюда на диванъ. Какъ здоровье Марьи Степановны? Она такая домосѣдка—ваша Марья Степановна.

VIII.

Николай разглядывалъ въ это время хозяйку.

Это была высокая, худощавая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ продолговатымъ лицомъ, острымъ носомъ, тонкими губами и проницательнымъ, умнымъ взглядомъ маленькихъ черныхъ глазъ, которые почти не останавливались на мѣстѣ. Она сразу производила впечатлѣніе умной, бойкой, характерной женщины, знающей толкъ въ людяхъ и умѣющей обойтись съ ними.

«Тертая баба!—подумалъ про нее Николай.—И вовсе не такъ проста, какъ хочетъ казаться!»

Кто въ Петербургѣ не видалъ или не слыхалъ о Надеждѣ Петровнѣ, пользовавшейся репутаціей умной и либеральной женщины?! На благотворительныхъ спектакляхъ, на лекціяхъ, на литературныхъ вечерахъ она бывала непремѣнной распорядительницей, показывалась то тамъ, то здѣсь, кого-нибудь устраивающая, о чемъ-нибудь суетящаяся, пожимающая руку то тому, то другому, всегда привѣтливая и любезная. Кажется, нѣтъ ни одного благотворительнаго общества, въ которомъ она не была бы членомъ, а въ двухъ она состоитъ предсѣдательницей. И вездѣ она поспѣвала, вездѣ пользовалась репутаціей практичной женщины, умѣющей все устроить, все уладить. Она поощряла женскіе высшіе курсы, она съ дочерьми всегда что-нибудь да устраивала; однимъ словомъ, какъ она говорила, всякій «либеральный починъ» находилъ въ ней горячую поклонницу. Она имѣла большой кругъ знакомства и преимущественно въ интеллигентной средѣ. По четвергамъ у нея собиралось самое интеллигентное общество: профессора, извѣстные адвокаты, извѣстные прокуроры, извѣстные предсѣдатели, извѣстные литераторы; неизвѣстныхъ у нея не было, а если и встрѣчались, то они непремѣнно готовились быть извѣстными. Этотъ молодой че-

ловѣкъ писалъ какое-нибудь изслѣдованіе, другой—собирался предпринять ученое путешествіе въ Гобійскую степь, третій—«изучалъ» спеціально тюремный вопросъ, четвертый—творенія Шекспира и т. п. Что она была женщина безспорно умная, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, но какимъ образомъ она сдѣлалась либеральной дамой и почему она именно сдѣлалась либеральной, а не консервативной—этотъ вопросъ задавали себѣ многіе, знавшіе Надежду Петровну еще въ тѣ времена, когда она женскихъ курсовъ не поощряла, съ извѣстными людьми не была знакома, а, состоя въ званіи молодой губернаторши, отличалась совсѣмъ противоположными качествами и, какъ говорятъ злые языки, держала бразды правленія такъ туго, что купцы и чиновники только вздыхали, особенно передъ праздниками.

Дочь незначительнаго губернскаго чиновника, тогда красивая, стройная дѣвушка, съ прекрасными бѣлокурыми волосами и зоркими черными глазками, Надежда Петровна сумѣла составить очень блестящую для нея партію и женила на себѣ—именно женила!—пожилого уже господина Смирнова, пріѣхавшаго изъ Петербурга по дѣламъ въ С. и влюбившагося въ молодую дѣвушку. Правда, онъ было колебался сдѣлать предложеніе, но Надежда Петровна сама вывела его изъ колебанія, такъ что Смирновъ и не успѣлъ одуматься, какъ уже сдѣлался женихомъ и вслѣдъ затѣмъ счастливымъ и покорнымъ супругомъ молодой жены. Она не только прибрала въ руки самого Смирнова, но благоразумно прибрала въ руки и остатки его состоянія, умѣрила широкую натуру мужа,—онъ въ этомъ отношеніи походилъ на отца,—заставила его воспользоваться связями и серьезно заняться службой—до этого Смирновъ гдѣ-то числился и билъ баклуши. Супружество ихъ было очень счастливо и обильно дѣтьми. Молодая женщина выказала блистательныя способности и какъ администраторъ, и какъ финансистъ. Она сберегла отъ продажи «Васильевку», управляла губерніей съ достоинствомъ и умомъ и продолжала заботиться о благополучіи семейства съ упорствомъ и энергіей характерной женщины. Когда подоспѣла крестьянская реформа, Надежда Петровна была нѣсколько изумлена и числилась въ числѣ недовольныхъ. Тѣмъ временемъ мужа назначили сенаторомъ, и Смирновы переѣхали въ Петербургъ. Жили они скромно, дочери были въ институтахъ. Несмотря на хлопоты Надежды Петровны,

сенаторъ никакого высшаго назначенія не получилъ и въ шестидесятыхъ годахъ умеръ, оставивъ на рукахъ вдовы двухъ сыновей: одного офицера, другого прокурора, и трехъ подрастающихъ барышень, а состояніе хоть и порядочное, но далеко не обезпечивающее семью. Вотъ въ это-то самое время Надежда Петровна и сдѣлалась либеральной дамой. Съ свойственной ей проницательностью она поняла, что времена перемѣнились, что со смертью мужа связи ея съ аристократическими родными ея мужа должны были прекратиться, что она не въ состояніи была тянуться за ними, не могла играть никакой роли въ этомъ обществѣ и едва ли пристроитъ своихъ дочерей. Мало-по-малу отстала она отъ этого общества, завязала знакомства въ другихъ кружкахъ и, благодаря природному уму и бойкости, скоро пріобрѣла репутацію умной и либеральной женщины, такъ что въ Петербургѣ всѣ знали Надежду Петровну. Она очень хорошо пристроила старшую дочь, выдавъ ее замужъ за очень богатаго стараго сенатора,— онъ тоже не могъ придти въ себя, какъ уже былъ объявленъ женихомъ,—но другихъ дочерей пристроить было труднѣе... Извѣстные адвокаты и прокуроры, посѣщавшіе гостиную Надежды Петровны, очень хорошо знали, что приданое у дочерей небольшое, и предложеній не дѣлали. Надежда Петровна ѣздила на воды, но и тамъ женихи не давались, и бѣдная мать нерѣдко приходила въ отчаяніе, глядя на своихъ дочерей, не умѣвшихъ устроить своей жизни съ такимъ же умомъ, какъ сама она и старшая ея дочь.

Состояніе между тѣмъ разстроилось, благодаря старшему сыну. Онъ надѣлалъ долговъ, и надо было заложить имѣніе. Оставалась пенсія да кое-какіе доходы съ имѣнія. И вотъ Надежда Петровна, вмѣсто водъ, пріѣхала въ Васильевку, пригласивъ къ себѣ погостить нѣсколькихъ извѣстныхъ холостыхъ, обычныхъ посѣтителей ея гостиной.

— Въ деревнѣ такъ хорошо освѣжиться послѣ Петербурга!—говорила она, не безъ основанія разсчитывая, что деревенскій просторъ дастъ и бо̀льшій просторъ чувствамъ.

— Вы пробудете здѣсь все лѣто, Николай Ивановичъ?— обратилась Надежда Петровна, успѣвъ въ свою очередь внимательно оглядѣть молодого человѣка и, повидимому, очень довольная осмотромъ.

— Все лѣто.

— И отлично. Я разсчитываю на васъ. Вы, вѣрно, не откажете намъ помочь въ добромъ дѣлѣ... устроить здѣсь на раціональныхъ началахъ школу. Мы всѣ принимаемъ участіе, и я надѣюсь...

Николай поклонился.

— Нашъ бѣдный народъ совсѣмъ, совсѣмъ лишенъ свѣта. Надо всѣмъ намъ дѣлать, что можно, какъ это ни трудно. Ахъ, Иванъ Андреевичъ,—обратилась она къ Вязникову:—каково-то вамъ? Я слышала, какъ вы боретесь въ земскихъ собраніяхъ. Намъ всѣмъ надо сплотиться. Къ сожалѣнію, мы страдаемъ разъединенностью, вотъ почему мы всѣ такъ мало успѣваемъ...

Надежда Петровна уже нѣсколько разъ безпокойно поглядывала на двери, и Николай замѣтилъ на лицѣ ея промелькнувшую непріятную улыбку. Впрочемъ, лицо ея тотчасъ же просвѣтлѣло, когда въ гостиную вошла молодая барышня въ кисейномъ платьѣ, недурная собой, съ неглупымъ, выразительнымъ лицомъ.

Гости встали. Николай тотчасъ же былъ представленъ.

— Вторая моя дочь, Ольга. Николай Ивановичъ Вязниковъ, авторъ той статьи... помнишь?

Ольга сказала, что очень хорошо помнитъ, и что статья ей понравилась. Она пожала руки отцу и сыну и присѣла рядомъ съ Николаемъ. У нихъ завязался разговоръ. Ольга показалась Николаю очень неглупой и наметавшейся дѣвушкой, но при этомъ ему бросилось въ глаза, что она уже черезчуръ часто цитируетъ названія разныхъ авторовъ.

Оказалось, что она теперь изучала Спенсера и осенью готовилась въ близкомъ кружкѣ прочесть рефератъ. Она говорила объ этомъ, впрочемъ, просто, нисколько не рисуясь. «Почему она именно изучаетъ Спенсера?»—подумалъ Николай и хотѣлъ-было спросить, но ничего не спросилъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ гостиную вошли еще двѣ барышни, въ сопровожденіи маленькаго, худощаваго, съ козлиной бородой, рыженькаго господина съ серьезнымъ лицомъ, выступавшаго тоже серьезно и солидно. Онъ что-то объяснялъ двумъ барышнямъ, которыя, казалось, слушали его очень внимательно.

Николай опять всталъ и поклонился. «Сколько здѣсь барышень!—подумалъ онъ.—Неужто-жъ одна изъ нихъ та самая красавица, о которой говорила Леночка?»

Одна изъ вошедшихъ—брюнетка съ короткими, подвитыми волосами, падавшими локонами на плечи—очень походила на Ольгу, только была повыше ростомъ. Такая же недурненькая, брюнетка, съ неглупымъ, симпатичнымъ личикомъ, хорошими манерами, бѣлыми сверкающими зубками и привѣтливымъ взглядомъ. Другая—блондинка, очевидно, была совсѣмъ иной породы. Бѣлокурая, миловидная, пышная, съ румянцемъ на нѣжной кожѣ лица, съ большими голубыми, красивыми, но глуповатыми глазами, она сразу напомнила Николаю богобоязненныхъ, солидныхъ, застѣнчивыхъ барышень изъ приличныхъ семействъ русскихъ нѣмцевъ.

Брюнетка, какъ Николай рѣшилъ про себя, едва только увидалъ ее, была младшая дочь Смирновой—Евгенія, а блондинка—Анна Штейнъ, пріятельница барышень Смирновыхъ, пріѣхавшая изъ Петербурга погостить въ деревнѣ. «Отецъ ея извѣстный, честнѣйшій и знающій финансистъ»,—вставила Надежда Петровна, улучивъ минуту.

Что же касается рыжеватаго молодого человѣка, то и онъ оказался извѣстнымъ молодымъ ученымъ г. Горлицынымъ, химикомъ, собирающимся вскорѣ занять профессорскую каѳедру.

Господинъ Горлицынъ молча обмѣнялся рукопожатіями съ Вязниковыми и отошелъ тою же солидной, степенной походкой къ барышнямъ продолжать прерванную бесѣду. Онъ говорилъ тихо, не спѣша, докторальнымъ тономъ, напоминающимъ тонъ заматорѣлаго учителя, и обѣ барышни слушали его съ большимъ вниманіемъ. Вскорѣ однако Евгенія подсѣла къ Николаю, а г. Горлицынъ съ Анной Штейнъ продолжалъ свою бесѣду уже въ залѣ, откуда доносился тихій, авторитетный голосъ молодого ученаго.

«Гдѣ-жъ однако настоящая красавица, старшая дочь?»—думалъ про себя Николай, которому, признаться, нѣсколько надоѣло уже бесѣдовать съ барышнями,—Надежда Петровна въ это время заговаривала старика,—хотя одна и изучала Спенсера, а другая, какъ оказалось, занималась съ г. Горлицынымъ химіей и находила, что это очень интересно и любопытно.

«На какого чорта этой нужна химія, а другой нуженъ Спенсеръ? При чемъ тутъ химія?»—вертѣлось въ головѣ Николая. Однако онъ долженъ былъ признать, что и Евгенія, какъ и Ольга, была неглупая барышня, хотя и пожа-

лѣлъ, что отъ занятій химіей у нея были запачканы тонкія, аристократическія ручки. Вообще обѣ сестры показались ему не особенно интересными и занимательными, хотя обѣ онѣ и выказали себя съ очень хорошей стороны. Обѣ были дѣвушки съ самыми либеральными взглядами, обѣ не безъ презрѣнія относились къ военнымъ и предпочитали интеллигентныхъ людей, обѣ, время отъ времени, слушали лекціи, хотя и пожалѣли, что съ раннихъ лѣтъ не получили систематическаго образованія, обѣ слѣдили за литературой, любили и жалѣли «бѣдную учащуюся молодежь» (въ домѣ у нихъ однако-жъ «учащаяся молодежь» не бывала). Обѣ могли, если бы понадобилось, толково объяснить несовершенство земскихъ учрежденій и обѣ были знакомы съ Тургеневымъ, Достоевскимъ и многими другими, менѣе извѣстными, писателями.

А все же Николаю съ ними было скучно. Ему приходилось раньше встрѣчаться съ такой же разновидностью. Онъ вспомнилъ, что встрѣчалъ въ петербургскихъ кружкахъ, въ небогатыхъ, но плодовитыхъ дворянскихъ семействахъ, такіе же экземпляры либеральныхъ барышень, которыя, въ ожиданіи замужества, бросались, разумѣется, безъ всякой подготовки, не только на химію или на изученіе тюремнаго вопроса, но даже на высшую математику и отъ скуки ѣздили слушать сельскохозяйственныя лекціи, а потомъ, когда благополучный бракъ увѣнчивалъ ихъ стремленія, прекращая тревогу сердца, онѣ благоразумно откладывали, конечно, химію въ сторону и дѣлались добрыми супругами, главнымъ образомъ интересующимися производительностью благовѣрныхъ супруговъ въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ. «Химія» тогда оставалась пріятнымъ воспоминаніемъ дѣвической жизни и служила иногда развѣ подспорьемъ для оживленія какого-нибудь скучнаго журфикса.

Николай посмотрѣлъ на отца и скрылъ улыбку. По унылому, осовѣвшему лицу его онъ замѣтилъ, что хозяйка совсѣмъ завладѣла старикомъ. Иванъ Андреевичъ посмотрѣлъ на часы, переглянулся съ сыномъ и хотѣлъ-было подниматься, какъ въ гостиную вошла молодая женщина съ ярко-золотистыми, рыжими волосами, пріостановилась, слегка прищуривая глаза съ выраженіемъ не то скуки, не то недоумѣнія, и приблизилась къ обществу.

Николай взглянулъ на нее и какъ бы замеръ отъ удивленія.

Что-то ослѣпительно-свѣжее, бѣлое, красивое и изящное освѣтило внезапно комнату.

«Красавица!»—шепнулъ онъ, поднимаясь съ кресла и низко кланяясь рыжеволосой молодой женщинѣ, которая привѣтливо здоровалась съ Вязниковымъ-отцомъ.

IX.

Надежда Петровна назвала Николая и проговорила:

— Старшая моя дочь, Нина!

Молодой человѣкъ еще разъ поклонился, пожимая протянутую ему руку, и—спасибо молодому ученому, который подсѣлъ въ это время къ барышнямъ—могъ свободно любоваться Ниной, присѣвшей около отца, прямо противъ Николая.

Стройная, высокая, статная, съ роскошно развитыми формами, она была въ свѣтломъ барежевомъ платьѣ съ широкими рукавами, изъ-подъ которыхъ блестѣли—именно блестѣли—ослѣпительной бѣлизны, словно изъ мрамора выточенныя, обнаженныя руки съ изящными кистями. Такъ же ослѣпительно-бѣло было и ея античное, художественныхъ очертаній, лицо съ нѣжнымъ розоватымъ оттѣнкомъ просачивающейся крови и нѣжными голубыми жилками. Изъ-подъ высокаго молочнаго лба глядѣли черные бархатистые глаза, чуть-чуть улыбаясь какой-то неопредѣленной улыбкой. Такая же улыбка скользила и по тонкимъ яркимъ губамъ, скользила незамѣтно, придавая физіономіи слегка насмѣшливое выраженіе.

Отъ всей этой ослѣпительной фигуры вѣяло спокойнымъ изяществомъ и какой-то силой красоты...

Нина Сергѣевна нѣсколько минутъ проговорила съ Иваномъ Андреевичемъ, вскинула раза два глаза на Николая, поднялась съ кресла и подошла къ сестрамъ, которыя затѣяли уже споръ съ Горлицынымъ.

— Опять умные разговоры ведете!—произнесла она, чуть-чуть скашивая губы и улыбаясь насмѣшливо глазами.

— Ахъ, не мѣшай, Нина.

— Какъ вамъ не надоѣстъ, господа?.. Игнатій Захаровичъ, я не прошу васъ о сестрахъ, но пожалѣйте хоть Нюту... Вы бѣдняжку совсѣмъ замучаете... право...

Горлицынъ серьезно взглянулъ на молодую женщину. Обѣ сестры взглянули на Николая, какъ бы прося извиненія, что у нихъ такая старшая сестра.

— Я сегодня слышала, какъ вы вразумляли ее насчетъ

души... Это ужасно. Пощадите ее хоть до четверговъ зимой... Бѣдная Нюточка все сидитъ за книгой и старается понять, что такое душа... Вѣдь теперь каникулы...

Молодой ученый начиналъ видимо злиться, а Нина Сергѣевна видимо потѣшалась надъ нимъ отъ скуки. Онъ, впрочемъ, старался скрыть свое раздраженіе подъ спокойнымъ тономъ и медленно проговорилъ:

— Напрасно вы безпокоитесь за Анну Карловну. Для кого какъ... Что для одного скучно, то...

— Это въ мой огородъ? Такъ вѣдь напрасно!..—засмѣялась она, открывая рядъ прекрасныхъ жемчужныхъ зубовъ.—Вы хорошо знаете, кажется, что я отсталая. Это вѣдь давно рѣшено и подписано!—прибавила она, значительно усмѣхаясь.

— Ты, Нина, вѣчно съ твоими насмѣшками!—замѣтила Ольга.

— Они вотъ всѣ не допускаютъ меня въ свою компанію,—весело заговорила Нина, обращаясь къ Николаю:—и говорятъ, что я не умѣю вести умныхъ разговоровъ. Хотите, попробуемъ?

— Попробуемъ.

— Впрочемъ, что же я?.. Вы тоже, вѣрно, извѣстный литераторъ или адвокатъ, или... словомъ, ученый человѣкъ?

— Я просто покамѣстъ праздношатающійся человѣкъ!—отвѣчалъ онъ.

— Николай Ивановичъ написалъ недавно превосходную статью!—проговорила одна изъ сестеръ.

— Слышала, но не читала и—извините—не прочту. Значитъ, и вы мнѣ не пара?—комично усмѣхнулась она.—Я ничѣмъ не занимаюсь, ничего не изучаю, развѣ только людей!—прибавила она, присаживаясь около Николая.—По совѣсти предупреждаю васъ!.. Давно пріѣхали?

— Съ недѣлю.

— И не умерли еще съ тоски?

— Нѣтъ!—разсмѣялся Николай.

— А я такъ готова умереть. Гулять да гулять—это надоѣстъ.

Она вскинула на него глаза, обдавая его свѣтомъ, и проговорила:

— Вы до осени?

— До осени.

— Умѣете ѣздить верхомъ?

— Умѣю.

— И прекрасно. Мы будемъ ѣздить съ вами, а то мнѣ не съ кѣмъ!

Она проговорила эти слова тѣмъ капризно-увѣреннымъ тономъ, какъ будто и не сомнѣвалась въ согласіи молодого человѣка.

— Да вѣдь я живу за двадцать верстъ..

— Пріѣзжайте чаще къ намъ. Вы знаете Присухина?

— Слышалъ.

— Будете за обѣдомъ спорить съ нимъ, а вечеромъ будемъ кататься или играть въ карты.

Въ это время Надежда Петровна кашлянула; Нина Сергѣевна незамѣтно взглянула на мать, усмѣхнулась и проговорила:

— А, впрочемъ, какъ хотите. Я и одна люблю ѣздить... Ну, mesdames, кончили?—обратилась она къ сестрамъ.— Пора и купаться идти.

Она поднялась съ мѣста.

Иванъ Андреевичъ подошелъ къ сыну и спросилъ, не пора ли ѣхать домой?

— Поѣдемъ!—отвѣчалъ Николай.

— Какъ, уже и ѣхать? Что вы, Иванъ Андреевичъ! Развѣ вы не пообѣдаете съ нами?

Старикъ извинился, что не можетъ.

— Ну, такъ хоть Николая Ивановича не увозите... Дайте намъ поближе познакомиться съ молодымъ человѣкомъ. Знаете ли что: оставьте его погостить у насъ нѣсколько дней. Онъ познакомится съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Быть-можетъ, и не соскучится. Оставайтесь-ка, Николай Ивановичъ. У насъ, какъ видите, здѣсь всѣмъ полная свобода. Что хотите, то и дѣлайте.

Николай колебался.

— Оставайтесь! — промолвила Нина.—Онъ остается, мама!—прибавила она.

Николай тотчасъ же согласился.

Отецъ обѣщалъ ему прислать платье и бѣлье.

— Ты долго пробудешь?..—спрашивалъ онъ у сына, который вышелъ его проводить.

— Нѣтъ, дня два-три, не болѣе.

— Какъ знаешь!—промолвилъ старикъ, пожимая руку сына, и потомъ тихо шепнулъ:—ты будь, Коля, осторожнѣй съ Ниной Сергѣевной. Она... она... Впрочемъ, ты самъ поймешь, что это за женщина. Прощай, мой мальчикъ!

«Какая она особа?.. Что хотѣлъ сказать отецъ?»—недоумѣвалъ Николай, возвращаясь въ гостиную.

X.

Только къ обѣду—у Смирновыхъ обѣдали по-городскому, въ пять часовъ, собираясь по звонку—въ столовую вошелъ, нѣсколько переваливаясь и потрясая брюшкомъ, скромно склонивъ чуть-чуть на бокъ голову, блондинъ, средняго роста, лѣтъ за сорокъ, круглый, гладкій и выхоленный, съ мягкимъ, бѣлымъ, расплывчатымъ, широкимъ лицомъ, сіяющей лысиной и небольшими глазами, ровно глядѣвшими изъ-подъ широкаго черепа. Все въ немъ дышало необыкновеннымъ благообразіемъ, начиная съ лысины, окладистой свѣтло-русой бороды, отъ которой несло благоуханіемъ, и кончая пухлыми архіерейскими руками. Въ немъ было что-то елейное, мягкое, располагающее.

Это былъ извѣстный адвокатъ, нажившій большое состояніе, Алексѣй Алексѣевичъ Присухинъ.

Только-что онъ вошелъ въ столовую, какъ тотчасъ же всѣ—исключая Нины—обратились къ Алексѣю Алексѣевичу съ вопросами: хорошо ли онъ работалъ, и не мѣшалъ ли ему шумъ? Въ почтительности, съ которой всѣ обращались къ нему, легко было увидать, что Присухинъ пользуется у Смирновыхъ большимъ почетомъ и особеннымъ авторитетомъ.

Онъ успокоилъ всѣхъ своей мягкой улыбкой, прежде чѣмъ объяснилъ, что занятія его шли успѣшно, и что ничто ему не мѣшало, и взглянулъ на новаго гостя.

— Ахъ, что же я!..—подхватила Надежда Петровна.

Съ этими словами она взяла молодого человѣка подъ руку и, подводя Николая къ Алексѣю Алексѣевичу, проговорила:

— Николай Ивановичъ Вязниковъ.

Смирнова и не назвала Присухина, полагая, вѣроятно, что не можетъ быть человѣка, который бы не зналъ его.

— Очень пріятно познакомиться!—промолвилъ Присухинъ, привѣтливо пожимая молодому человѣку руку.

— Это, Алексѣй Алексѣевичъ, авторъ той статьи, которая...

— Я съ удовольствіемъ читалъ вашу статью, Николай Ивановичъ... Очень пріятно познакомиться!..—повторилъ Присухинъ, поводя глазами на столикъ, гдѣ стояла закуска.

Уже всѣ сѣли за столъ, какъ въ столовую вошло еще новое лицо—господинъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, неважно одѣтый, некрасивый, съ большой черной бородой. Онъ слегка поклонился всѣмъ и молча сѣлъ за столъ. Никто не обратилъ на него вниманія, да, казалось, и онъ никого не удостоилъ имъ. Николай взглянулъ на черноволосаго господина—его поразило необыкновенно энергичное выраженіе его скуластаго, загорѣлаго лица—и недоумѣвалъ, кто могъ быть этотъ господинъ, съ такимъ характернымъ и умнымъ лицомъ, въ потертомъ пиджакѣ, сидѣвшій за столомъ среди элегантнаго общества?

«Развѣ учитель? Но, кажется, подростковъ нѣтъ у Смирновыхъ. Бѣдный родственникъ? Этого не можетъ быть. Онъ ни одной черточкой не напоминаетъ бѣднаго родственника!»

Николай внимательно посмотрѣлъ опять на таинственнаго незнакомца, и лицо его показалось ему какъ будто знакомымъ. Онъ припоминалъ, что гдѣ-то и при особенныхъ обстоятельствахъ онъ встрѣчалъ это лицо... Онъ вспомнилъ, что это было въ первый годъ его студенчества. Человѣкъ, похожій на этого господина, говорилъ громовую рѣчь, поразившую всѣхъ. Такая же энергичная физіономія, то же скуластое лицо.

«Но это невозможно!» Николай зналъ дальнѣйшую судьбу того господина. Онъ не могъ быть здѣсь.

И черноволосый господинъ мелькомъ взглянулъ на Николая, словно спрашивая: «это еще что̀ за гусь?», и равнодушно опустилъ глаза въ тарелку.

— Ну, какъ вамъ нравится нашъ божокъ?—тихо спрашивала Нина, наклоняясь къ Николаю, въ то время, какъ Присухинъ началъ что-то разсказывать, и всѣ обратили взоры на него, ловя каждое его слово.

— Онъ очень умный человѣкъ.

— Умный-то умный, только какой-то...

— Какой?

— Да слово смѣшное—іисусистый.

Николай разсмѣялся.

— Это, впрочемъ, не мое слово...

— А мѣткое.

Онъ взглянулъ на Присухина. Дѣйствительно, въ немъ было что-то такое, вполнѣ оправдывавшее названіе іисусистаго.

— А кто этотъ черноволосый господинъ, что̀ молча сидитъ?—спросилъ въ свою очередь Николай.

— Новый управляющій на заводѣ.

— Имя его?

— Прокофьевъ.

«Я ошибся!—мелькнуло въ головѣ Николая.—А удивительное сходство!»

— Вѣроятно, студентъ?

— Не знаю. Знаю только, что мама имъ очень довольна. Онъ васъ интересуетъ?

— Очень. Характерное лицо.

— Да, что-то есть. Только дичится насъ. Мы его оставляемъ въ покоѣ... Что же мы, впрочемъ, — Алексѣй Алексѣевичъ разсыпаетъ перлы, а мы одни не подбираемъ ихъ!

— Не одни,—тихо промолвилъ Николай, окидывая глазами общество.—Посмотрите на Прокофьева.

— Съ этого не спросится.

— Отчего?.. Онъ недостаточно извѣстенъ?

— Не то. Онъ уже у насъ такой. Гдѣ ему? Однако вниманіе! Вамъ тоже полезнѣе внимать умнымъ рѣчамъ, чѣмъ слушать вздоръ глупой женщины. Вѣдь правда!—обронила она чуть слышно, взглядывая на Николая улыбающимся, загадочнымъ, быстрымъ взоромъ.

Не дожидаясь отвѣта, Нина Сергѣевна повернула голову, слегка вытягивая лебединую свою шею, и стала слушать. Николай взглянулъ на нее и удивился, какъ она быстро умѣла мѣнять выраженіе. Теперь глаза ея ужъ не смѣялись и были устремлены прямо въ лицо Алексѣя Алексѣевича. Взглядъ Присухина скользнулъ по молодой женщинѣ. Николаю показалось, что онъ засіялъ довольной улыбкой.

А рѣчь Алексѣя Алексѣевича текла тихо и плавно, словно журчаніе ручья. Что-то ласкающее слухъ, успокаивающее нервы было въ мягкомъ, нѣжномъ, пріятномъ голосѣ. Онъ говорилъ, по временамъ закрывая глаза, говорилъ замѣчательно хорошо, съ манерой недюжиннаго оратора. Всѣ сидѣли, какъ очарованные, вперивъ взгляды въ Алексѣя Алексѣевича, боясь проронить одно слово, одинъ звукъ, точно слушая диковинную райскую птицу. Надежда Петровна замерла отъ удовольствія, улыбаясь счастливой улыбкой, изрѣдка посматривая вокругъ, словно бы спрашивая: «каково?» Все въ столовой будто замерло. Даже лакей, влетѣвшій-было съ блюдомъ, остановился сзади Надежды Петровны, выжидая паузы, когда можно будетъ

обносить разноцвѣтное мороженое, возвышавшееся среди блюда красивымъ обелискомъ.

Николай сталъ слушать.

— Невозможно, неестественно, говорю я,—продолжалъ между тѣмъ Алексѣй Алексѣевичъ:—идти противъ исторіи. Для людей, не чуждыхъ ей, эти явленія объясняются просто и натурально, такъ же натурально, какъ просто и натурально объясняются физическіе законы. Негодуйте, сердитесь, волнуйтесь, а факты остаются фактами; народъ, масса не только въ бѣдномъ нашемъ отечествѣ, но даже въ болѣе цивилизованныхъ странахъ, похожа на стадо барановъ, безсмысленное стихійное стадо, не имѣющее ни за собой, ни передъ собой ничего. Не отъ него ждать спасенія, не онъ скажетъ слово—онъ никогда ничего не говорилъ,—а только отъ людей цивилизаціи, людей науки, отъ высшихъ организацій. И вотъ почему мнѣ такъ прискорбно, что у насъ вдругъ заговорили о народѣ, появились какіе-то народники въ литературѣ, въ обществѣ, среди молодежи. Убогаго дикаря они хотятъ намъ представить свѣточемъ истины. Это вредное и прискорбное заблужденіе, невѣжественный сентиментализмъ. Исторія двигалась не народомъ—онъ одинаково терпѣлъ и Ивана Грознаго, и Робеспьера,—а высшими личностями. Сила въ интеллигенціи, а не въ народѣ. Мы одни дѣйствительно являемся нерѣдко страдальцами, а не народъ. Стоитъ посмотрѣть на этихъ отупѣлыхъ киргизъ-кайсаковъ...

По счастію, Алексѣй Алексѣевичъ остановился на секунду, и Надежда Петровна, замѣтившая, что мороженое начинаетъ таять, моргнула лакею, и онъ сталъ обносить блюдо. Присухинъ взялъ изрядную порцію и продолжалъ на ту же тему. Николай слушалъ, слушалъ и начиналъ злиться. Безсердечной, сухой и безжалостной показалась ему теорія, проповѣдуемая Присухинымъ. По его словамъ выходило какъ будто такъ, что высшимъ организаціямъ предоставляется право жить разносторонней жизнью, а доля низшихъ—вѣчное ярмо. Онъ почувствовалъ какую-то ненависть къ оратору. Ему припомнились эти киргизъ-кайсаки, среди которыхъ онъ провелъ дѣтство. Въ головѣ его мелькнули теплымъ, мягкимъ воспоминаніемъ няня, ветхій мужикъ Парфенъ Аѳанасьевичъ, поваръ Петръ, Ѳома... Его обуяло желаніе оборвать Присухина. Что-то клокотало въ его груди. Онъ чувствовалъ—именно чувствовалъ—какую-то фальшь въ словахъ іисусистаго.

— Позвольте однако!—воскликнулъ онъ, вдругъ загораясь весь.—Позвольте.

Всѣ посмотрѣли на Николая съ такимъ же выраженіемъ, съ какимъ смотрятъ на мальчика, рѣшающагося вступить въ споръ съ взрослымъ человѣкомъ. «И ты, милый, рѣшаешься!» казалось, говорили всѣ эти взгляды.

Николай почувствовалъ эти взгляды, и это возбудило его еще больше.

А Присухинъ поднялъ на молодого человѣка свои тихо сіяющіе глаза и какъ бы снисходительно поощрялъ молодого человѣка. «Ничего, ничего, попробуй. Послушаемъ, что-то ты скажешь!»

Этотъ взглядъ заставилъ его вспыхнуть до ушей. «Скотина!—подумалъ Николай.—Подожди!»

— Такъ по-вашему-съ выходитъ, что народъ, благодаря которому мы могли получить образованіе, киргизъ-кайсаки, а мы—соль земли? Для насъ все, а для нихъ ничего. Такъ-съ?—вызывающимъ тономъ продолжалъ Николай.

— По-моему-съ ничего не выходитъ; есть научныя положенія, изъ которыхъ слѣдуютъ извѣстные выводы.

— Сами же вы сейчасъ объясняли, что исторія движется высшими организаціями, а если это такъ,—хотя я думаю, что не такъ,—то неужели высшія организаціи, соль земли, могутъ спокойно смотрѣть, какъ низшія организаціи остаются во тьмѣ нищеты и невѣжества?.. Извините меня, эта теорія безнравственна...

— Теорія не можетъ быть ни нравственной, ни безнравственной. Она можетъ быть научной или не научной... Когда...

Но Николай не слушалъ и продолжалъ, не замѣчая, какъ тонко-насмѣшливо улыбаются глаза Алексѣя Алексѣевича.

— Или высшимъ организаціямъ нѣтъ никакого дѣла до этого, и онѣ могутъ равнодушно жить съ киргизъ-кайсаками, пользуясь сами всѣми дарами цивилизаціи? Въ такомъ случаѣ, во имя чего же они двигаютъ исторію?.. Во имя личныхъ цѣлей?.. Все для себя, а киргизъ-кайсаки какъ знаютъ?..

— Исторія не знаетъ-съ цѣлей. Она управляется законами.

— Законами хищничества однихъ, индифферентизма другихъ и безсердечія третьихъ. Мы съ вами-съ будемъ на-

слаждаться, желать свободы, а для большинства—прозябаніе. Это-съ не такъ, и исторія, сколько я понимаю, не совсѣмъ шла такъ. Были люди, есть они и будутъ, для которыхъ страданія массъ были единственнымъ двигателемъ ихъ дѣятельности. Они были только выразителями этихъ же массъ.

Николай продолжалъ развивать свою аргументацію, но онъ не столько развивалъ, сколько увлекался и горячился. Въ словахъ его звучало чувство и отсутствовала доказательность.

Алексѣю Алексѣевичу не стòило большого труда сбить съ позиціи своего молодого противника. Своимъ тихимъ, ровнымъ голоскомъ онъ полегоньку, съ видомъ пренебрежительной снисходительности, разбивалъ его. Николай чувствовалъ, что правда на его сторонѣ, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что въ доводахъ Присухина, повидимому, основательныхъ, скрывается высокомѣрный эгоизмъ, но видѣлъ, что ему не совладать съ мастерской діалектикой противника, съ солидностью его эрудиціи. Онъ не могъ не замѣтить, что Присухинъ играетъ съ нимъ, какъ старый, опытный боецъ. На одно его доказательство, на одну его цитату онъ приводилъ нѣсколько другихъ, при чемъ упоминалъ такія сочиненія, о которыхъ Николай и не слыхивалъ.

Но Вязниковъ нападалъ еще съ бòльшею запáльчивостью на Присухина и подъ конецъ сталъ такъ горячо спорить, что Присухинъ проговорилъ:

— Э, да вы, Николай Ивановичъ, какъ посмотрю, горяченькій въ спорахъ. Впрочемъ, глядя на васъ, я вспоминаю свою молодость... Когда я былъ юнъ, я также былъ горячъ; но уходили коня крутыя горки.

О своей горячности Алексѣй Алексѣевичъ упомянулъ, какъ кажется, ради извиненія молодому человѣку. Самъ онъ едва ли когда-нибудь горячился.

— Молодость тутъ не при чемъ. Есть и молодые, которые проповѣдуютъ ту же доктрину, хотя и не такъ послѣдовательно. Она крайне удобная... заставляетъ мириться со всѣмъ, глядѣть на правыхъ и виновныхъ хладнокровно и, главное, не стѣсняться.

— Чтò дѣлать-съ. Наука—не прокуроръ судебной палаты!.. Вы давно изволили кончить курсъ?—прибавилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Въ настоящемъ году!—рѣзко отвѣчалъ Николай.

— Въ настоящемъ... По какому факультету?

— По юридическому...

— Значитъ, мой collega. Къ намъ въ присяжные повѣренные?..

— Еще не знаю-съ.

— Конечно, къ намъ. Когда-нибудь сразимся, значитъ, и въ судѣ... Съ такимъ противникомъ пріятно спорить, и мы еще, надѣюсь, поспоримъ, а теперь... я боюсь, не надоѣли ли мы дамамъ!—прибавилъ Присухинъ и заговорилъ съ одной изъ барышень.

Николай умолкъ, нѣсколько сконфуженный. «Скотина!»—подумалъ онъ. Ему было обидно и досадно, что онъ не только не оборвалъ этого «іисуситскаго» но еще оборвался самъ.

— Однако и вы любите умные разговоры разговаривать, какъ погляжу!—замѣтила Нина.—А я думала...

Николай еще находился подъ вліяніемъ спора и не слышалъ, что̀ говорила ему сосѣдка.

— Я думала... Да вы, кажется, не слушаете меня?

Николай взглянулъ на молодую женщину. Она такъ весело улыбалась, столько жизни было въ ея глазахъ, такъ ослѣпительно хороша была она, что и самъ онъ улыбнулся и радостно сказалъ:

— Что̀ же вы думали?

— Что вы не занимаетесь глупостями.

— А чѣмъ же?

— А просто... просто пользуетесь жизнью!—тихо прибавила она, подымаясь.

XI.

Николай незамѣтно сошелъ съ террасы въ садъ, возобновляя въ памяти своей споръ съ Присухинымъ и досадуя, что не сказалъ ему всего, что̀ теперь такъ стройно и логично проносилось въ его головѣ. Онъ тихо подвигался въ глубь густой аллеи.

— И охота вамъ было связываться! — произнесъ подъ самымъ ухомъ сбоку чей-то голосъ.

Николай повернулъ голову. На скамейкѣ подъ развѣсистымъ кленомъ сидѣлъ Прокофьевъ.

Вязниковъ подошелъ къ нему и отрекомендовался.

— Я васъ нѣсколько знаю. Отъ Лаврентьева слышалъ и вашу статейку читалъ!—произнесъ Прокофьевъ, протягивая руку.—Среди всякой нынѣшней мерзости... статейка ничего себѣ.

— Ваше лицо мнѣ тоже показалось знакомымъ. Вы не знавали студента Мирзоева?

— Нѣтъ.

— Большое сходство.

— Мало ли схожихъ людей. Моя фамилія Прокофьевъ... Ѳедоръ Степановъ Прокофьевъ.

— Такъ незачѣмъ было связываться? — спросилъ Николай, присаживаясь около.

— Убѣдить, что ли, намѣревались эту культурную каналью?

— Да ужъ черезчуръ возмутительно.

— Ого! Изволите еще возмущаться рѣчами Присухина. Въ какой Аркадіи жили?

— Въ петербургской.

— Такъ-съ... И возмущаетесь еще?

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Вѣдь у него и наука-то вся такая же іисусистая, какъ онъ самъ. Они съ ней—одного поля ягоды. Она у нихъ повадливая, карманная, на всѣ руки...

— Какъ повадливая?

— Очень просто. Какіе угодно фокусы они съ ней продѣлываютъ. Вы курсовъ не проходили развѣ? Только онъ васъ, что̀ называется, въ лоскъ положилъ...

— Однако...

— Однако не однако, а затравилъ, и подѣломъ!

Николай былъ нѣсколько озадаченъ и строго взглянулъ на Прокофьева, но тотъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— И вправду, подѣломъ! Впередъ не суйтесь. Коли соваться, такъ ужъ надо самому во всей амуниціи—иначе только ихъ же жалкими словами тѣшить. По мнѣ, это будто чищеннымъ сапогомъ въ грязь ступать. Онъ вамъ и Милля, и Маркса перевиралъ, вы внимали, а онъ-то хихикалъ въ душѣ...

— Такъ что же вы не вступились, коли сами вы въ полной амуниціи, какъ вы говорите?—замѣтилъ иронически задѣтый за живое Николай.

— Эту канитель давно бросилъ,—отвѣчалъ Прокофьевъ хладнокровно. — Да и къ чему? Развѣ ихъ берутъ слова? Или барышень здѣшнихъ, что ли, тѣшить диспутами?..

— Нельзя же хладнокровно слушать гадости.

— И потому надо поболтать?

Прокофьевъ помолчалъ и, внимательно взглядывая на Николая, прибавилъ:

— Пожалуй, вы и на свою публицистику возлагаете надежды? Кого-нибудь убѣдить полагаете насчетъ курицы въ супѣ, а?

— А развѣ нѣтъ?..

— Вѣрите еще?

— А вы не вѣрите развѣ?

— Я?.. Въ россійскую публицистику?

Прокофьевъ взглянулъ на Николая.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, Николай Ивановичъ, вернулись изъ Аркадіи, а не изъ Питера.

— Что-жъ въ такомъ случаѣ литература...

— По большей части переливаетъ изъ пустого въ порожнее... Надо же что-нибудь писать.

— Вотъ какъ... И слѣдовательно заниматься ею?..

— То же занятіе, что мухъ хлопать! Это ново для васъ, что ли? Поживете, тогда другое запоете, если не привыкнете, а, впрочемъ, попробуйте-ка изложить на бумагѣ и напечатать то, о чемъ вы такъ горячо за обѣдомъ говорили. Попробуйте-ка! — усмѣхнулся ядовито Прокофьевъ. — А мы прочтемъ-съ!..

— Вы какъ-то безнадежно ужъ смотрите.

— Не безнадежно, а не обманываюсь. Нѣтъ, батюшка, вашими писаньями не проймешь... Не намъ съ вами чета—люди пробовали. Не проймешь!—добавилъ онъ съ какою-то глубочайшей ненавистью въ голосѣ.

Прокофьевъ умолкъ и попыхивалъ папироской. Николай поглядывалъ на него. Любопытство его было возбуждено. «Кто этотъ человѣкъ, говорящій такъ рѣшительно, съ такой безнадежностью?» Онъ уже не сердился на Прокофьева. Этотъ человѣкъ невольно внушалъ къ себѣ уваженіе. Что-то притягивающее было во всей его фигурѣ, въ его пытливыхъ темныхъ глазахъ, въ его голосѣ, въ манерахъ.

— Вы здѣсь давно?—спросилъ Николай.

— Два мѣсяца,—на заводѣ у Смирновой. Обѣдаю у нихъ два раза въ недѣлю, когда имѣю доклады.

— Какіе доклады?

— Да у бабы этой... Она вѣдь министръ... Хотя ничего не понимаетъ, а все ты ей докладывай...

— И докладываете?

— Сколько угодно...

— Вы технологъ?

— Маракую немножко... А вы первый разъ въ этомъ домѣ?

— Въ первый.

— Семейка любопытная, самаго моднаго фасона...

— Кажется, Смирнова умная женщина?

— Сама-то? Очень даже умная баба. Линію свою ведетъ правильно. Говорятъ, въ Питерѣ салонъ держитъ. И барышни умныя—вѣрно ужъ знаете!—одна изучаетъ Спенсера, а другая химію... Только все въ дѣвкахъ!—разсмѣялся Прокофьевъ.—Приданаго нѣтъ, а Присухинъ не клюетъ...

— А Горлицынъ?

— Извѣстный молодой ученый... тоже не клюетъ... до той, до бѣлобрысой добирается... У нея, кажется, припасено добра для супружества... только папенька съ маменькой предпочитаютъ вмѣсто химика... какую-нибудь птицу почище... Но держу пари, химикъ пролѣзетъ: даромъ, что глупъ, зато апломба у него много, а впрочемъ, кажется, и предметъ свой знаетъ.

— А эта... красавица, старшая дочь?

— Эта-то?.. Ну, эта будетъ повыше сортомъ. По крайней мѣрѣ, не пыжится, а просто себѣ живетъ, какъ Богъ на душу положитъ. Ей бы принцессой какой-нибудь—настоящее дѣло. Потѣшается надъ всѣми, а больше всего надъ котомъ этимъ — Присухинымъ, а онъ глаза только жмуритъ. Берегитесь, а то и васъ зацѣпитъ... Вы, вѣрно, охотникъ до амуровъ-то? Такъ-то-съ! Однако я тутъ съ вами болтаю, а мнѣ къ докладу пора,—прибавилъ онъ, взглядывая на часы и подымаясь.—До свиданія. Заходите когда... на заводъ. Побесѣдуемъ. Можетъ, и матеріалу для статейки наберетесь. Матеріалу довольно... народу много!

— Непремѣнно,—проговорилъ нѣсколько обиженный за «амуры» Николай.

— Да, вотъ еще что... Вы когда отсюда?..

— Послѣзавтра.

— Такъ скажите брату, чтобы къ Лаврентьеву въ четвергъ заходилъ.

— Вы развѣ Васю знаете?

— Видѣлъ разъ. Хорошій парень вашъ братъ!..

Прокофьевъ ушелъ, а Николай остался сидѣть на скамьѣ. «Удивительное сходство съ тѣмъ!.. — подумалъ

онъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Прокофьеву.—Непремѣнно пойду къ нему!..»

Когда Николай вернулся въ комнаты, всѣ барышни сидѣли въ гостиной вокругъ стола и слушали Горлицына. Николай остановился на порогѣ, оглядывая все общество. Присухина и Нины не было.

А тихій, нѣсколько гнусавый голосъ молодого ученаго отчетливо читалъ въ это время:

«Между поклоненіемъ идоламъ и поклоненіемъ фетишамъ не существуетъ ни малѣйшаго сколько-нибудь рѣзкаго скачка. Въ Африкѣ видимымъ фетишемъ часто служитъ человѣкообразная фигура; иногда же эта фигура менѣе похожа на человѣка и всего болѣе похожа на воронье пугало».

«И не только въ Африкѣ, а въ Васильевкѣ тоже!»—мелькнуло въ головѣ Николая при видѣ барышень, съ нѣмымъ восторгомъ внимающихъ объясненіямъ и комментаріямъ Горлицына.

Онъ вышелъ снова въ садъ. Не хотѣлось ему слушать чтеніе. Вечеръ былъ превосходный, къ тому же онъ разсчитывалъ встрѣтить Нину Сергѣевну.

Николай обошелъ садъ и не встрѣтилъ никого. Уже онъ хотѣлъ-было возвратиться, какъ изъ бесѣдки, обвитой плющемъ, стоявшей въ концѣ сада, раздались голоса... Онъ пошелъ на голоса.

Вдругъ оттуда раздался звонкій, веселый, заразительный хохотъ — Николай обрадовался, узнавъ голосъ Нины—и вслѣдъ затѣмъ насмѣшливыя слова:

— Полноте... полноте, Алексѣй Алексѣевичъ. Это вовсе вамъ не къ лицу.

— Вы по обыкновенію смѣетесь, Нина Сергѣевна. Неужели вы не знаете, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ.

— Я думаю... отдохнуть...

— Вы знаете... я...

Голосъ Присухина совсѣмъ понизился.

— Вы?.. Да развѣ вы можете любить?

И звонкій раскатъ смѣха снова раздался по саду.

Николай повернулъ назадъ, но въ это время изъ бесѣдки вышла Нина, а вслѣдъ за ней и Присухинъ.

— Николай Ивановичъ!—воскликнула Нина:—гдѣ это вы пропадали? Я васъ искала! Пойдемте-ка гулять,—сказала она, подходя къ молодому человѣку.—А вы, Але-

ксѣй Алексѣевичъ, вѣрно, заниматься пойдете?—насмѣшливо произнесла молодая женщина.

— Заниматься!..—проговорилъ Присухинъ, удаляясь.

Николай обрадовался, что хоть въ любви бывшій его противникъ потерпѣлъ сильное пораженіе и имѣлъ видъ ошпареннаго кипяткомъ кота.

— Гдѣ это вы были все время?

— Съ Прокофьевымъ бесѣдовалъ.

— Онъ васъ удостоилъ... Онъ вамъ понравился?

— Какъ вамъ сказать... Я совсѣмъ его не знаю.

— Но первое впечатлѣніе?

— Хорошее.

— Я вѣрю въ первое впечатлѣніе. Вы, напримѣръ, произвели первое впечатлѣніе хорошее. И я думаю, что мы будемъ съ вами друзьями... Какъ вы думаете?

Они весело болтали, какъ два школьника, и когда вернулись къ чаю, то Николай былъ совсѣмъ очарованъ Ниной Сергѣевной.

XII.

Вмѣсто трехъ дней, которые Николай разсчитывалъ провести у Смирновыхъ, онъ прогостилъ въ «Васильевкѣ» цѣлыхъ шесть и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ пріятномъ и комфортабельномъ бездѣльѣ. Пора было собираться домой, а молодой человѣкъ медлилъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ любезно упрашивали его остаться, какъ только онъ заикался объ отъѣздѣ.

Не даромъ Николай обладалъ способностью привлекать къ себѣ людей. Онъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на Смирновыхъ. Его красивая, располагающая наружность, подкупающая искренность, простота и изящество манеръ, даже самоувѣренный задоръ избалованной юности—все это невольно располагало въ его пользу, такъ что черезъ день-другой послѣ знакомства всѣ смотрѣли на Николая, какъ на короткаго знакомаго, и единогласно порѣшили, что Вязниковъ очень умный и необыкновенно симпатичный молодой человѣкъ, которому предстоитъ блестящая будущность. Онъ понравился рѣшительно всѣмъ: и матери, и дочерямъ, даже Присухину и молодому ученому Горлицыну. Въ немъ не было отталкивающей нетерпимости. Всѣмъ съ нимъ чувствовалось необыкновенно легко и свободно, и онъ со всѣми держалъ себя съ такой подкупающей простотой, что барышни

сразу съ нимъ стали на дружескую ногу и не считали нужнымъ вести съ нимъ бесѣды о Спенсерѣ и химіи, и даже не обижались, когда онъ подсмѣивался. Онъ дѣлалъ это такъ симпатично, такъ мило, что нельзя было обидѣться.

Надежда Петровна сразу рѣшила, что молодой человѣкъ непремѣнно будетъ извѣстностью и составитъ украшеніе ея гостиной по четвергамъ. «Онъ могъ бы жениться на Женни!»—промелькнуло у нея въ головѣ, и она разсчитывала со временемъ заняться этимъ планомъ.

Алексѣй Алексѣевичъ Присухинъ, нѣсколько косо поглядывавшій на молодого человѣка послѣ того, какъ Вязниковъ осмѣлился вступить съ нимъ въ споръ, черезъ два дня смягчился и даже удостоилъ Николая пригласить къ себѣ наверхъ и показать ему свои работы, при чемъ сумѣлъ такъ тонко и незамѣтно польстить самолюбію молодого человѣка, что Николай нѣсколько размякъ и уже не чувствовалъ къ Присухину той ненависти, какую почувствовалъ послѣ спора. Онъ, правда, не соглашался съ нимъ въ мнѣніяхъ, находилъ, что извѣстный присяжный повѣренный смотритъ на вещи слишкомъ исключительно, но уже «культурной канальей» его не обзывалъ, а, напротивъ, былъ даже польщенъ, что такой извѣстный человѣкъ, какъ Присухинъ, относится къ нему съ большимъ уваженіемъ. Даже молодой ученый Горлицынъ пересталъ пыжиться передъ Николаемъ и въ разговорахъ съ нимъ былъ какъ-то проще, не говорилъ докторальнымъ тономъ и не держалъ себя съ тѣмъ апломбомъ, который такъ не понравился Вязникову вначалѣ.

И Николай, подъ впечатлѣніемъ общаго любезнаго отношенія къ нему, незамѣтно для себя самого отнесся ко всѣмъ новымъ знакомымъ своимъ гораздо мягче, чѣмъ вначалѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ натуръ, которыя любятъ, чтобъ ихъ любили. Ненависть подавляла его. Онъ, разумѣется, никогда не будетъ въ одномъ лагерѣ съ Присухиными и Горлицыными. Онъ посмѣивался надъ Смирновой, надъ ея либеральными взглядами, въ которыхъ видѣлъ одну лишь модную вывѣску, но, подъ впечатлѣніемъ оказаннаго ему вниманія, все-таки сумѣлъ найти для нея если не оправданіе, то смягчающія обстоятельства... Ужъ одно то обстоятельство, что его могли оцѣнить, говорило въ ихъ пользу.

Хотя Николай и увѣрялъ себя,—собираясь увѣрить въ

томъ же и своихъ стариковъ,—что онъ загостился такъ долго у Смирновыхъ ради изученія любопытной семьи, но самъ онъ хорошо чувствовалъ ложь своихъ увѣреній и въ глубинѣ души сознавалъ, что его очень заинтересовала Нина, эта загадочная, ослѣпительная рыжеватая красавица съ тонкой усмѣшкой и свѣтлымъ взглядомъ, то ласковая, нѣжная, даже будто робкая, то вдругъ недоступная, гордая, молчаливая... Не даромъ Прокофьевъ назвалъ ее принцессой, не даромъ, вѣроятно, отецъ съ матерью совѣтовали Николаю остерегаться ея. А между тѣмъ въ ней было что-то притягивающее, чарующее, ослѣпительно-красивое и изящное, такъ что Николай незамѣтно увлекался Ниной Сергѣевной, увлекался ея красотой, изяществомъ и тою загадочностью, которая именно составляла для него чуть ли не бо̀льшую прелесть очарованія. Невольно при сравненіи съ этой женщиной Леночка казалась такой мизерной, такой несчастненькой, что Николай даже удивлялся, какъ Леночка могла хоть на минуту занять его... Нина являлась какой-то загадочной натурой, а въ Леночкѣ все было такъ ясно и просто, какъ въ хорошо знакомой книгѣ...

И Нина, повидимому, обращала особенное вниманіе на Вязникова и заинтересовалась имъ, но вообще держала себя неровно: то обожжетъ его однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, послѣ которыхъ молодой человѣкъ вздрагивалъ и вспыхивалъ, то, напротивъ, смотритъ съ такой нескрываемой насмѣшкой, что Николаю дѣлалось жутко.

«Что̀ это за женщина?» — часто думалъ Николай, любуясь ослѣпительной красавицей и чувствуя, какъ она дразнитъ его, именно дразнитъ, но въ то же время какъ будто и ласкаетъ своимъ чарующимъ взглядомъ... Въ ней была независимость, смѣлость, простота, какое-то отвращеніе къ фразѣ и ходульности... Она не скрывала своего презрительнаго отношенія къ Горлицыну и Присухину, но въ то же время вела самую пустую жизнь и какъ будто даже гордилась тѣмъ, что ничего не читаетъ. Изъ разныхъ намековъ, недосказанныхъ словъ Николай узналъ, что она не особенно была счастлива съ мужемъ, что послѣ его смерти долго жила за границей, веселилась, но затѣмъ вела самую тихую жизнь. Все ей надоѣло, опротивѣло...

Да и кромѣ интереса, возбужденнаго Ниной, Николаю понравился весь складъ жизни въ домѣ Смирновыхъ (хотя

въ этомъ онъ ни за что бы не сознался): все тамъ было такъ хорошо приспособлено и пріурочено, все дѣлалось во-время, безъ шума, безъ суеты, никто никого не стѣснялъ, даже лакеи въ домѣ были какіе-то степенные и умѣлые...

До завтрака всѣ сидѣли по своимъ комнатамъ и дѣлали, что хотѣли, собирались къ завтраку по звонку, и Николай видѣлъ всегда чистыя, свѣжія платья, чистое бѣлье, чистыхъ лакеевъ. Послѣ завтрака опять каждый дѣлалъ, что хотѣлъ... Барышни обыкновенно читали, а Анна Петровна снова запиралась въ кабинетѣ; затѣмъ обѣдъ, прогулки и т. п. Очень удобно жилось при такой обстановкѣ, время было точно распредѣлено и проходило незамѣтно. Невольно эта жизнь втягивала Николая и нравилась ему послѣ сутолоки меблированныхъ квартиръ и нѣкоторой барской распущенности жизни дома. Эстетическое чувство никогда не оскорблялось, грязь и суета мѣщанской жизни не били въ глаза.

«По крайней мѣрѣ, умѣютъ люди жить по-европейски».

Во время пребыванія Николая въ «Васильевкѣ» Прокофьевъ обѣдалъ только одинъ разъ и, по обыкновенію, молча просидѣлъ весь обѣдъ.

Послѣ обѣда онъ подошелъ къ Николаю и, пожимая ему руку, замѣтилъ:

— Наблюдаете еще здѣсь?

Николаю послышалась насмѣшка въ тонѣ Прокофьева. Онъ вспыхнулъ весь. Ему вдругъ сдѣлалось совѣстно передъ Прокофьевымъ за то, что онъ такъ долго гоститъ у этихъ «культурныхъ каналій», и въ то же время досадно, что Прокофьевъ какъ будто подсмѣивается.

— Еще наблюдаю! — отвѣчалъ онъ. — Любопытная семейка!—прибавилъ Николай, какъ будто оправдываясь и досадуя, что оправдывается.

— Ничего себѣ, особенно принцесса. Какъ насчетъ амуровъ? Успѣваете, а?

— Вы все изволите шутить,—сухо проговорилъ Николай.

— Какія шутки? Экій вы «обидчистый», какъ говаривала моя маленькая сестренка,—добродушно разсмѣялся Прокофьевъ.—Вѣдь въ самомъ же дѣлѣ кусокъ лакомый... вдобавокъ загадочная натура.—Когда же ко мнѣ? Заходите какъ-нибудь—поближе познакомимся, а теперь до свиданія... пора къ докладу. Скоро ѣдете?

— Завтра.

— Смотрите, принцесса не пуститъ!—пошутилъ опять Прокофьевъ.

— Работать пора, и такъ ужъ довольно бью баклуши... надо за дѣло.

— По части писанія? Насчетъ курицы въ супѣ?

— Да!—почти рѣзко отвѣтилъ Вязниковъ, задѣтый за живое тономъ своего новаго знакомаго.

— Богъ вамъ въ помочь!

«Это еще что̀ за сфинксъ?»—нѣсколько раздраженно повторилъ Николай, поглядывая вслѣдъ Прокофьеву и чувствуя невольное уваженіе къ «сфинксу». Какой-то спокойной силой вѣяло отъ этой мощной, высокой фигуры; энергіей и волей дышало его скуластое, мужественное, выразительное лицо. Непремѣнно хотѣлось узнать поближе этого человѣка, такъ ли много дастъ онъ, сколько обѣщаетъ.

— А мы съ вами, Николай Ивановичъ, въ садъ? Будемъ болтать? — раздался сбоку веселый голосъ Нины Сергѣевны.—Что это вы какъ будто не въ духѣ? Или господинъ Прокофьевъ нагналъ на васъ хандру?

— Нисколько. Вы бесѣдовали когда-нибудь съ Прокофьевымъ?.. Не правда ли, мужественная фигура?

— А, право, не обращала вниманія!—равнодушно проронила Нина.—О чемъ онъ будетъ со мной говорить?

— Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Да я почемъ знаю. Управляетъ на заводѣ, а что̀ онъ дѣлаетъ — мнѣ-то какое дѣло? Знаю только, что молчитъ, и это уже большая рекомендація. Такъ надоѣли всѣ эти умные разговоры. Ужасно надоѣли. Ну, пойдемте... Или вы, быть-можетъ, хотите остаться съ барышнями?

— Вовсе не хочу!—разсмѣялся Николай.

— И даже вовсе!—засмѣялась Нина, вбѣгая въ густую аллею.—Это очень мило съ вашей стороны. Если бы сестры услышали, то я бы васъ не поздравила.

— И вы шутить охотница, какъ я посмотрю, Нина Сергѣевна.

— Что значитъ: и вы?.. Кто еще шутитъ?

— Прокофьевъ.

— Будто? Развѣ онъ умѣетъ шутить?

— Еще какъ ядовито.

— Вотъ какъ!

— Вы бы съ нимъ поближе познакомились. Право, очень интересный человѣкъ.

— Довольно мнѣ и васъ... И вы интересный!

— Я завтра уѣзжаю.

— Такъ скоро? Надоѣло?

— Не то... Пора и честь знать...

Нина на секунду задумалась, потомъ внезапно усмѣхнулась и проговорила:

— Вы рѣшили непремѣнно завтра бѣжать?

— Не бѣжать, а ѣхать. Бѣжать еще рано.

— И не придется... Куда вы торопитесь?

— Дѣла...

— Дѣла?—переспросила она, взглянула на Николая и разсмѣялась.—Какія у васъ дѣла?

Николай и самъ разсмѣялся.

— Останьтесь!—проговорила она вдругъ повелительнымъ тономъ, улыбаясь въ то же время такъ нѣжно и ласково, что Николай на мгновеніе притихъ и изумленно взглянулъ на Нину.

— Вы хотите?—прошепталъ онъ.

— Хочу.

— Такъ я останусь на одинъ день.

— А на два?

— Пожалуй, и на два!—улыбнулся Николай.

— А на три?

— Вы... вы тѣшитесь, Нина Сергѣевна... видно, вамъ въ самомъ дѣлѣ въ деревнѣ очень скучно!

— А то какъ же!

Николай любовался молодой женщиной съ нескрываемымъ восторгомъ. Онъ взглядывалъ на ея пышную грудь, на ея сверкавшія ослѣпительной бѣлизной плечи и вздрагивалъ пробуждающейся страстью молодости.

А Нина Сергѣевна шла себѣ спокойно, точно ничего не замѣчая, шла впередъ, въ глубь аллеи, медленно обрывая на ходу сорванную вѣтку.

— Что же вы молчите, Николай Ивановичъ? Останетесь три дня?

— Три дня—слишкомъ много. Пора къ старикамъ.

— Какъ хотите. Я васъ прошу, потому что (она нарочно сдѣлала паузу)... потому что съ вами скучать веселѣй, право. Не то, что съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

— Умныхъ разговоровъ не веду?

— Во-первыхъ, умныхъ разговоровъ не ведете, а во-вторыхъ...

— А во-вторыхъ?

— Юный вы еще... Не совсѣмъ изломанный... и то рѣдкость!

— Благодарю за честь...

— Не благодарите пока. Поблагодарите послѣ.

Нина произнесла послѣднія слова какъ-то особенно, подчеркивая ихъ.

— Впрочемъ, вамъ это полезно!—произнесла она, какъ бы отвѣчая на свои мысли.

— Что полезно?..

— Наблюдать людей!—разсмѣялась она.

— Вы все говорите нынче загадками, Нина Сергѣевна.

— Такой стихъ напалъ.

— Отъ нечего дѣлать?

— Пожалуй, что и такъ!—промолвила она и лѣниво зѣвнула...

— А съ Горлицынымъ пробовали скучать?

Она улыбнулась.

— Пробовала, но только онъ невыносимъ, хотя, говорятъ, и ученый человѣкъ. Впрочемъ, для Нюты Штейнъ онъ будетъ превосходнымъ мужемъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Она будетъ молиться на него, вязать ему чулки и дарить ему дѣтей, а онъ будетъ, въ качествѣ геніальнаго человѣка, третировать ее. И оба будутъ счастливы.

— Вы, какъ посмотрю, мрачно смотрите на людей.

— Ахъ, если-бъ вы только знали, какъ они мнѣ всѣ надоѣли, эти ваши петербургскіе развитые люди. Я ихъ довольно насмотрѣлась. До тошноты надоѣли, ей-Богу. И все говорятъ, говорятъ, говорятъ,—какъ имъ не надоѣстъ! Скучно слушать. Вы вотъ хоть не имѣете пагубнаго намѣренія развивать меня, и за то съ вами не такъ скучно.

— Развѣ другіе пробовали?

— Пробовали,—разсмѣялась Нина.—Всѣ, много ихъ тамъ, всѣ пробовали. Горлицынъ даже химіи училъ меня.

— Васъ—химіи?

— Меня и... вообразите... химіи!? Недѣли двѣ занимался, а потомъ разсердился и бросилъ, увидавъ, что я хохочу и надъ нимъ, и надъ его химіей. Присухинъ все-таки умнѣе: онъ химіи меня не училъ, но больше говорилъ о назначеніи женщины и о прелести быть другомъ и помощницей такого замѣчательнаго человѣка, какъ онъ. Разумѣется, не прямо, а больше въ своихъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ. Всего было!—протянула Нина.—Но самая скука

въ томъ, что обыкновенный финалъ всѣхъ этихъ попытокъ...

— Руку и сердце?—подсказалъ, смѣясь, Николай.

— Вы угадали! Ужасно глупая у нихъ манера ухаживать. Они воображаютъ, что умные разговоры—самая лучшая увертюра къ любви. Да они, впрочемъ, развѣ умѣютъ любить? Такъ только, умныя слова о любви говорятъ. Заранѣе знаешь, чѣмъ все это кончится, и только ждешь скоро ли признаніе или нѣтъ. Все это ужасно скучно.

Говоря, что все это «ужасно скучно», Нина Сергѣевна опустила голову и въ раздумьѣ подвигалась впередъ по аллеѣ.

— Знаете ли, какой я вамъ дамъ совѣтъ, Николай Ивановичъ, благо вы еще молоды, а я ужъ не молода.

— Вы... не молоды?

— Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, молодой человѣкъ!—произнесла она какъ-то степенно.—Никогда не резоперствуйте передъ женщиной и не играйте комедіи любви. Это можетъ очень дорого стоить.

— Никогда не буду!—шутливо проговорилъ Николай.

— Не смѣйтесь. Теперь я серьезно говорю.

— Васъ не разгадать: когда вы серьезно, когда нѣтъ.

— Выучитесь... Надѣюсь, мы съ вами останемся друзьями, и вы не удивите меня признаніемъ. Правда вѣдь?..

— А если?..—улыбнулся онъ.

— Тогда съ вами будетъ скучно...

— И вы разсердитесь?

— Разсержусь.

«Такъ ли?»—подумалъ Николай, взглядывая на Нину.

— Такъ разсердитесь?—повторилъ онъ.

— И даже очень!—прошептала Нина.

Эти слова кольнули Вязникова.

— Странная вы, Нина Сергѣевна!..—произнесъ онъ.

— Странная?—переспросила она.—Вы мало еще женщинъ знаете! А можетъ быть!.. Впрочемъ, про меня и не то говорятъ. Васъ развѣ не предостерегали?

— Нѣтъ.

— Такъ ли?—спросила она, заглядывая Николаю въ лицо.

— Положимъ, предостерегали.

— Я была увѣрена. Къ чему вы хотѣли скрыть это! Мнѣ, право, все равно, что говорятъ про меня. Я къ этому равнодушна.

Въ голосѣ ея звучала презрительная нота.

— Тѣмъ болѣе, что я знаю, какъ пишется исторія, особенно исторія хорошенькой женщины... Однако повернемте назадъ... Мы сегодня зашли съ вами далѣе обыкновеннаго. Пожалуй, Алексѣй Алексѣевичъ перемѣнитъ мнѣніе насчетъ вашихъ талантовъ...

Они пошли назадъ. Нина прибавила шагу.

— И страшныя вещи разсказывали?—заговорила молодая женщина.

— Вѣдь вамъ все равно.

— Вы не вѣрите? Мнѣ, можетъ-быть, все равно, но все-таки женское любопытство...

— Ничего страшнаго. И можетъ ли быть страшное?..

— Кто знаетъ!—тихо проронила Нина.

— Вы хотите запугать меня?

— Ничего я не хочу!—съ досадой проговорила Нина.— Такъ какъ же рисовали меня, говорите!?

— Никакъ, просто совѣтовали беречься.

— Пожалуй, что вамъ нечего было совѣтовать...

— Отчего мнѣ именно?..

— Мнѣ кажется... Оттого-то съ вами и весело.

Они подходили къ дому. Вся компанія шла къ нимъ навстрѣчу.

— Такъ вы не боитесь остаться?.. Останетесь?—поддразнивала молодая женщина.

— Чего бояться, я не изъ трусливыхъ.

— Вотъ это славно. И скоро пріѣдете?

— Пріѣду.

— И признанія не сдѣлаете?..

— Не сдѣлаю!—разсмѣялся Николай.

— Вашу руку! Значитъ, мы останемся друзьями и пріятно проведемъ лѣто,—весело сказала она, пожимая Николаю руку:—а потомъ...

— Что потомъ?

— Да ничего. Послѣ будутъ новыя впечатлѣнія и у васъ, и у меня.

— Вы до нихъ охотница...

— А вы? Развѣ нѣтъ?—шепнула она, посмѣиваясь какъ-то странно.

XIII.

— Куда это вы, mesdames, собрались?—крикнула она, подбѣгая къ сестрамъ.

— На озеро. Хочешь ѣхать, Нина? Ты, кажется, сегодня въ духѣ и не отравишь прогулки!—засмѣялась Евгенія.

— Вотъ какъ рекомендуютъ меня сестры, Николай Ивановичъ!.. Нечего сказать, хорошая рекомендація. Такъ вы удостоиваете пригласить меня?

— Приглашаемъ!

— Принимаю приглашеніе и обѣщаю не отравить прогулки, но, съ своей стороны, также предлагаю условіе.

— Какое?

— Чтобы... Вы не сердитесь, добрѣйшій Игнатій Захаровичъ! Чтобы Игнатій Захаровичъ обѣщалъ не вести умныхъ разговоровъ. Обѣщаете, Игнатій Захаровичъ?

Молодой ученый покраснѣлъ, прищурилъ свои красноватые глазки, однако сохранилъ все тотъ же серьезный видъ и проговорилъ:

— Желаніе Нины Сергѣевны будетъ свято исполнено!

«И этотъ мозглякъ думалъ развивать Нину Сергѣевну!—невольно пронеслось въ головѣ у Николая.—Съ ней заниматься химіей!? Вотъ-то дуракъ!»

Нюта Штейнъ, желая вознаградить молодого ученаго, подняла свои большіе, выпуклые глаза и взглянула на него сочувственнымъ, долгимъ взглядомъ, словно бы говоря имъ: «Не сердись на нее. Она не въ состояніи понять тебя!» Но, къ крайнему изумленію добродушной барышни, молодой ученый строго взглянулъ на свою ученицу, такъ что она покорно опустила глаза и долго не подымала ихъ, какъ бы чувствуя себя виноватой.

— Вы тоже, надѣюсь, поѣдете, Николай Ивановичъ?

— Съ удовольствіемъ.

— А Алексѣй Алексѣевичъ ѣдетъ?—спросила Нина.

— И онъ ѣдетъ!

— Да это будетъ превесело!

Цѣлая компанія, усѣвшись на долгушу, отправилась къ озеру. Нина Сергѣевна сдержала свое обѣщаніе не отравить прогулки. Она была въ духѣ, весела, разговорчива и оживляла все общество. Она болтала безъ умолку, шутила съ Присухинымъ, заставила его разсказать нѣсколько анекдотовъ,—онъ отлично разсказалъ ихъ,—добродушно останавливала молодого ученаго, когда тотъ покушался было на серьезный разговоръ, и, когда пріѣхали на озеро, спѣла по общей просьбѣ романсъ. Она пѣла превосходно, и у нея былъ густой, звучный контральто. Всѣ притихли, когда она пѣла.

А Николай любовался молодой женщиной, съ грустью думая, что онъ долженъ ѣхать домой. Нина не шутя увлекла нашего молодого человѣка. Въ ней было что-то раздражающее нервы, возбуждающее любопытство, подымающее горячую молодую страсть. Хотѣлось заглянуть въ эти смѣющіеся глаза, заглянуть глубоко и узнать, что такое на душѣ у этой красавицы. Кто она? Бездушная ли кокетка, ищущая новыхъ впечатлѣній, или одна изъ тѣхъ натуръ, которыхъ не удовлетворяетъ пошлость окружающей жизни, и онѣ отъ тоски забавляются, чѣмъ попало? Или наконецъ просто чувственная женщина, красивое животное...

«Нѣтъ, нѣтъ... Этого не можетъ быть!»—повторялъ про себя Николай, негодуя, что такая мысль могла даже придти ему въ голову.

Кто бы ни была она, не все ли равно? Онъ никогда не встрѣчалъ такихъ женщинъ, вращаясь въ дни студенчества совсѣмъ въ другомъ обществѣ. Она такая изящная, выхоленная, ослѣпительная. Ему даже казалось, что онъ любитъ молодую женщину, любитъ сильно. Одна мысль, что и она могла бы полюбить его, приводила Николая въ восторгъ. Онъ фантазировалъ на эту тему въ ночной тиши, лежа на кровати съ зажмуренными глазами. Страсть рвалась наружу. Любуясь ею днемъ, онъ еще сильнѣе любовался ею въ мечтахъ и даже мечталъ, какъ бы они устроились. Въ эти минуты любовныхъ грезъ онъ впадалъ въ идиллически-сладострастное настроеніе, воображая себя счастливымъ мужемъ, а Нину счастливой женой. Въ образѣ жены она распаляла его воображеніе, и онъ долго не могъ заснуть. Просыпаясь утромъ, онъ думалъ, какъ бы поскорѣй увидать Нину.

«Кокетничаетъ отъ скуки!»—подумалъ и теперь Николай, испытывая ревнивую досаду, когда увидалъ, что Нина отошла въ сторону съ Присухинымъ и о чемъ-то съ нимъ говорила, гуляя по берегу, должно-быть, о чемъ-нибудь интересномъ, такъ какъ Алексѣй Алексѣевичъ внимательно слушалъ, склонивъ на бокъ голову, и какъ-то весь сіялъ, сіялъ особеннымъ блескомъ.

«И съ нимъ она забавляется!.. Съ кѣмъ же она не шутитъ? Кто такой счастливецъ?»—спрашивалъ онъ себя, и Боже мой, чего бы ни далъ онъ въ эти минуты, чтобы быть этимъ счастливцемъ!..

Начинало смеркаться; стали собираться домой. Послѣ весело проведеннаго вечера всѣ какъ-то притихли.

Случайно или нѣтъ, но только Нина сѣла около Вязникова. Было тѣсно, и онъ невольно слишкомъ близко сидѣлъ отъ молодой женщины. Когда она поворачивала голову, его обдавало горячимъ дыханіемъ.

— Что вы молчите? Говорите о чемъ-нибудь!—промолвила Нина.

Николай взглянулъ на нее въ темнотѣ. Она замѣтила, какъ сверкнули его глаза.

— Говорить... О чемъ говорить? Вы сами не любите, когда говорятъ, говорятъ, говорятъ...

Онъ проговорилъ эти слова какъ-то странно. Нина отвернулась и заговорила съ сестрой. Когда пріѣхали домой, чай уже былъ готовъ. Всѣ вошли въ столовую, гдѣ за пасьянсомъ ждала хозяйка. Незамѣтно Николай проскользнулъ на террасу и полной грудью дышалъ свѣжимъ воздухомъ, вглядываясь въ мракъ сада.

— Мечтаете?—раздался сзади знакомый шопотъ.—О чемъ это? Лучше пойдемте-ка пить чай,—проговорила Нина, наклоняясь къ нему.

— Ну, такъ сердитесь же.

И съ этими словами онъ припалъ къ ея рукѣ, осыпая ее поцѣлуями. Она, не спѣша, отдернула руку, пожала плечами, усмѣхнулась и молча ушла въ комнаты. Когда Николай вернулся въ столовую, ея не было. Цѣлый вечеръ она не показывалась, и Николай пришелъ въ свою комнату сердитый, что попалъ въ глупое и смѣшное положеніе. Теперь она будетъ смѣяться. Одна мысль о томъ, что онъ смѣшонъ, приводила его въ бѣшенство.

«Однако-жъ я порядочный болванъ!» — обругалъ онъ себя самымъ искреннѣйшимъ образомъ.

Весь домъ уже спалъ, а Николай еще не ложился. Онъ былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи: сердце билось сильнѣй, дрожь пробѣгала по тѣлу, нервы были натянуты. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, напрасно стараясь не думать о Нинѣ, а между тѣмъ всѣ мысли его были поглощены образомъ роскошной красавицы. То казалось ему, что она разсердилась и презираетъ его за его пошлую—именно пошлую—выходку, достойную развѣ гимназиста, или — что для нашего молодого человѣка было еще больнѣе—она смѣется надъ нимъ, какъ смѣется надъ Присухинымъ, Горлицынымъ и мало ли надъ кѣмъ еще. То, напротивъ, представлялось ему, и такъ живо, что она не сердится, нѣтъ... Она заглядываетъ въ его глаза нѣж-

нымъ, ласкающимъ, манящимъ взоромъ, обвиваетъ его шею ослѣпительно-бѣлыми руками и шепчетъ: «я люблю тебя, люблю».

— Что за чепуха!—повторилъ онъ громко и взглянулъ на часы.—Уже два часа! Пора ложиться спать, но спать не хочется... душно какъ-то.

Николай подошелъ къ раскрытому окну и долго стоялъ, всматриваясь въ мракъ густого, косматаго сада. Хорошо такъ, тихо. Только ночной шорохъ дрожалъ въ воздухѣ. Деревья не шелохнутся. Небо блестѣло звѣздами. Ласкающей свѣжестью дышала прелестная, тихая ночь.

Николай затушилъ свѣчку, присѣлъ у окна и задумался. На него нашло мечтательное настроеніе. Тоска молодой страсти, безотчетная тоска охватила его. Въ эту минуту ему казалось, что онъ очень несчастливъ. Хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ горемъ, но непремѣнно съ женщиной, съ красивой женщиной.

Снизу раздался тихій скрипъ, точно отворились двери. Николай невольно вздрогнулъ и напряженно смотрѣлъ внизъ. Опять скрипнула половица на террасѣ, черезъ мгновеніе бѣлая тѣнь мелькнула передъ его глазами и скрылась въ глубинѣ сада. Снова все стихло.

«Это она!—блеснула мысль у Николая, и онъ тотчасъ же рѣшилъ идти вслѣдъ за нею.—Это непремѣнно Нина!»

Онъ спустился внизъ, осторожно черезъ темную залу вышелъ на террасу и пошелъ въ глубь сада, прислушиваясь напряженнымъ ухомъ и напрягая взоръ: не мелькнетъ ли бѣлая тѣнь? Сдерживая дыханіе, подвигался онъ впередъ, но никого не было. «Ужъ не галлюцинація ли?» Онъ шелъ дальше, по направленію къ бесѣдкѣ. Вдругъ до него долетѣли тихіе голоса. Они показались ему какими-то мягкими, нѣжными.

— Въ бесѣдкѣ... свиданіе, вѣрно!—шепнулъ ревниво онъ и, не думая, что дѣлаетъ, какъ тѣнь подвигался впередъ.

Онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бесѣдки и притаился за деревомъ. Мягкій звукъ поцѣлуя отчетливо прозвучалъ въ ночной тиши, еще, еще и еще.

— Такъ вотъ она, разгадка!.. Кто-жъ этотъ счастливецъ? Неужели Присухинъ, неужели Горлицынъ?

Едва успѣлъ онъ подумать, какъ изъ бесѣдки раздался тихій мужской голосъ и вслѣдъ затѣмъ сдержанный, ласкающій смѣхъ. Николай сразу узналъ этотъ смѣхъ, но

голосъ? Чей этотъ знакомый, мужественный, повелительный голосъ?

Онъ жадно вслушивался и въ изумленіи остолбенѣлъ.

— Прокофьевъ!—вырвался изъ груди Николая беззвучный шопотъ.—Вотъ кто этотъ счастливецъ, а она, она... хитрая!

Онъ бросился прочь и долго бродилъ, какъ шальной, въ темнотѣ сада. Это открытіе совсѣмъ поразило его.

— Прокофьевъ и Нина! Удивительно!

Невольно тянуло его снова къ бесѣдкѣ. Опять долетѣли звуки поцѣлуевъ. Опять шопотъ, замиравшій въ ночной тиши. Николай пошелъ-было назадъ, какъ до ушей его долетѣло его имя, вслѣдъ за которымъ раздался смѣхъ. Онъ остановился.

— Готовъ и этотъ нѣжный юноша?—насмѣшливо произнесъ Прокофьевъ.—Для счета?

— Отъ нечего дѣлать!—засмѣялась Нина.

— Не надоѣло еще?

— Тебѣ это не нравится?—покорно сказала Нина.

— Съ Богомъ!—какъ-то насмѣшливо произнесъ Прокофьевъ.—Хищная у тебя природа. Только, смотри, не дошутись. Онъ ничего, юноша красивый и насчетъ амуровъ, должно-быть, ходокъ...

Николаю показалось, что въ голосѣ Прокофьева звучало раздраженіе.

— Послушай, вѣдь ты знаешь... видишь...

— Вижу и знаю. Нечего намъ увѣрять другъ друга, но только... а, впрочемъ, что говорить! Тебя развѣ убѣдишь? — усмѣхнулся Прокофьевъ. — Когда его отправляешь?

— Послѣзавтра.

— Оставила на денекъ! Экая ты какая... Ну, однако пора мнѣ. Завтра ѣду.

— Завтра? И до сихъ поръ ничего не сказалъ? Надолго?

— Не знаю.

— Куда... можно спросить? — послышался робкій вопросъ Нины.

— Не все ли тебѣ равно, куда? Дѣла...

— Странныя у тебя дѣла! Три мѣсяца пропадалъ, три мѣсяца не писалъ. Я и не знаю, что̀ ты дѣлаешь!

— И къ чему знать тебѣ?

— Тайны?—усмѣхнулась Нина.

— Тайны, моя милая... Могу только завѣрить тебя, что не любовныя... Ну, до свиданья. Поцѣлуй еще разъ... вотъ такъ. Да смотри, пожалѣй Сердечкина. Сердце у него нѣжное, у этого юбочника. Не смущай его... Можетъ, изъ него и толкъ выйдетъ, если между хорошими людьми будетъ вертѣться... Свѣжесть есть...

— Ужъ не ревнуешь ли ты?

— Этимъ не грѣшенъ, кажется... а все-жъ предупреди, если готовишь его въ кандидаты на мое мѣсто.

— Ты съ ума сошелъ? Тебя промѣнять на кого-нибудь? Тебя?

— Отчего-жъ?

Голосъ Прокофьева вздрогнулъ, когда онъ сказалъ эти слова.

Снова послышался шопотъ.

— Полно, полно, Нина... я пошутилъ.

— Дай хоть знать о себѣ!—сквозь слезы говорила Нина.—Долго не видать тебя, не знать о тебѣ—вѣдь это мука. Мало ли что можетъ случиться!

«Они давно знаютъ другъ друга!»—пронеслось въ головѣ Николая.

— Упреки?—рѣзко сказалъ мужской голосъ.

— Что ты, что ты! Я развѣ жалуюсь?

Въ голосѣ ея звучала тревога и мольба.

— По крайней мѣрѣ, если можешь, скажи приблизительно, когда ждать?

— Черезъ двѣ недѣли. А если не буду, получишь извѣстіе черезъ Лаврентьева.

— Деньги возьмешь?

— Нѣтъ, пусть остаются у тебя. Да не болтай вообще. Твоя мать...

Онъ понизилъ голосъ, такъ что Николай ничего не слыхалъ.

— Пора, пора! Съ тобой и время забудешь. Прощай, рыбка моя... прощай, Нинушка, царевна моя ненаглядная!—съ глубокой нѣжностью проговорилъ Прокофьевъ.—Если что, не поминай лихомъ.

Послышались рыданія.

Николай скоро былъ въ комнатѣ. Онъ раздѣлся, легъ въ постель, но заснуть не могъ. Самолюбіе его было ужалено. Его жалѣли, о немъ говорили съ небрежностью, надъ нимъ издѣвались. Онъ вспоминалъ разговоръ въ бесѣдкѣ, и куда дѣвалось горячее его чувство къ Нинѣ! Молодая

женщина была права: любовь его какъ рукой сняло. Онъ былъ почти равнодушенъ къ Нинѣ Сергѣевнѣ.

Но кто этотъ таинственный Ринальдо? Почему онъ смѣетъ такъ говорить о немъ? Самъ-то онъ что за птица?— повторялъ молодой человѣкъ, ворочаясь съ боку на бокъ и завидуя счастливцу. О, какъ хотѣлось ему доказать этому Прокофьеву, котораго онъ совсѣмъ не зналъ, всѣмъ доказать, что онъ далеко не мягкосердый юноша, что изъ него выйдетъ толкъ, что онъ готовъ на все честное, хорошее, что онъ пострадать готовъ за свои убѣжденія... И онъ докажетъ это, непремѣнно докажетъ...

Николай подъ утро наконецъ заснулъ послѣ того, какъ онъ въ мечтахъ совершилъ много хорошихъ дѣлъ, обнаружившихъ силу его характера и доблесть, и подосадовалъ, что Нина такъ скверно надъ нимъ подшутила.

Когда на слѣдующій день снопы яркаго свѣта ворвались въ комнату Николая и онъ проснулся, первою его мыслью было уѣхать поскорѣй изъ Васильевки. Въ самомъ дѣлѣ, онъ долго здѣсь билъ баклуши... Пора бросить глупости и домой за работу; ему такъ много надо прочесть еще, а онъ цѣлую недѣлю сибаритствовалъ среди этихъ «культурныхъ каналій»...

Онъ чувствовалъ въ эти минуты особенную бодрость, жажду къ работѣ... Въ головѣ его роились планы превосходной статьи... Онъ напишетъ ее, о ней всѣ заговорятъ... Она произведетъ впечатлѣніе... Господинъ Прокофьевъ прикуситъ языкъ и не скажетъ, что писать не стоитъ...

Странное дѣло! Николай сердился на Прокофьева и жаждалъ его одобренія... Ему почему-то хотѣлось подняться во мнѣніи этого человѣка, такъ напоминавшаго Мирзоева... Ему было и досадно, и обидно, что о немъ Прокофьевъ такъ небрежно говорилъ... Онъ непремѣнно поближе съ нимъ познакомится...

Но какое ему дѣло до Прокофьева? — вспомнилъ Николай и озлился.

«Наплевать мнѣ на его мнѣніе!»—съ сердцемъ проговорилъ онъ, но въ то же время чувствовалъ, что это не такъ, что онъ только говоритъ «наплевать», а въ сущности «наплевать» онъ не можетъ, и не только на мнѣніе Прокофьева, но и на мнѣнія многихъ людей, которыхъ онъ даже считалъ не особенно хорошими. Онъ сталъ припоминать и, къ досадѣ его, припомнились разныя подробности, какъ

будто подтверждающія эту сторону его характера... Но онъ старался объяснить эти подробности иначе и въ концѣ концовъ рѣшилъ, что онъ самостоятельный человѣкъ, и еще разъ утѣшилъ себя тѣмъ, что ему «наплевать!»

Недовольный, мрачный сошелъ онъ къ завтраку, хотя и напрягалъ всѣ усилія, чтобы скрыть дурное расположеніе духа, но при своемъ сангвиническомъ темпераментѣ онъ не могъ владѣть собой, такъ что всѣ обратили на него вниманіе и освѣдомлялись, здоровъ ли онъ, хорошо ли спалъ и т. п.

Николай поспѣшилъ отвѣтить, что совсѣмъ здоровъ и отлично спалъ. Онъ взглянулъ на Нину. Молодая женщина, по обыкновенію свѣжая и ослѣпительная, сидѣла себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Только—показалось Николаю—лицо ея сегодня было серьезнѣе, вотъ и все.

Онъ не обращалъ болѣе на нее вниманія и болталъ съ Евгеніей... Нина Сергѣевна равнодушно подняла на него глаза и про себя усмѣхнулась.

Когда Николай объявилъ, что завтра утромъ ѣдетъ домой, и, несмотря на общія просьбы, рѣшительно отказался остаться, Нина Сергѣевна не безъ изумленія взглянула на Николая. Послѣ завтрака она подошла къ нему и спросила:

— Вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете?

— Въ самомъ дѣлѣ...

— Что такъ? Хотѣли остаться поскучать вмѣстѣ и вдругъ бѣжать. Испугались?

— Испугался!—иронически отвѣтилъ онъ.

Она пристально взглянула на Николая, и отъ нея не укрылась перемѣна, происшедшая въ немъ. Онъ ужъ смотрѣлъ на нее и говорилъ съ ней не такъ, какъ вчера. Николаю показалось, что на лицѣ молодой женщины скользнуло выраженіе испуга, но это было на мгновеніе... Глаза ея снова свѣтились чарующимъ взглядомъ, все лицо ея улыбалось.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, отчего вы ѣдете?—ласково-заискивающимъ тономъ спрашивала Нина.—Отчего вдругъ измѣнили намѣреніе?

— Пора ѣхать, Нина Сергѣевна... И такъ я засидѣлся здѣсь и довольно уже наглупилъ!—прибавилъ онъ тише.

— А!—протянула она и больше не разспрашивала.

«Успокоилась!»—подумалъ Николай, когда Нина отошла отъ него.

И правда: Нина Сергѣевна не заговаривала больше въ теченіе дня съ молодымъ человѣкомъ и вечеромъ простилась съ нимъ очень холодно, даже не приглашала его пріѣхать. Смирнова и барышни, напротивъ, любезно упрашивали Николая не забывать ихъ.

— Вы непремѣнно помогите намъ устроить школу!—снова заговорила о школѣ Надежда Петровна.—Эту недѣлю я такъ была занята, что не успѣла заняться этимъ дѣломъ! Съ имѣніемъ теперь столько хлопотъ, столько дѣлъ!—жаловалась Смирнова.—Крестьяне положительно не признаютъ права собственности... рубятъ лѣсъ, портятъ поля... Счастливый! Вы не хозяйничаете...

Рано утромъ на слѣдующій день Николай ѣхалъ домой и обрадовался, завидѣвъ родное свое гнѣздо.

— Работать, работать!—воскликнулъ онъ въ какомъ-то одушевленіи.

XIV.

— Загостился ты, Коля. Цѣлую недѣлю просидѣлъ тамъ!—встрѣтилъ Николая отецъ, горячо обнимая сына.—Развѣ такъ весело было?

— Не весело, а скорѣй интересно...

Старикъ пристально взглянулъ на Николая и, улыбаясь, повторилъ:

— Интересно?..

— Кто тебѣ тамъ больше всѣхъ понравился?.. Разсказывай-ка!—спрашивала Марья Степановна, радостная, что Николай вернулся.

Признаться, она-таки очень безпокоилась, что Николай такъ долго гоститъ у Смирновыхъ, и хотѣла-было послать за нимъ лошадей, но Вязниковъ остановилъ ее:

— Самъ вернется... Пусть развлечется мальчикъ!

Николай не безъ юмора описалъ все семейство, разсказалъ о Присухинѣ, о Горлицынѣ и нѣсколько дольше остановился на Нинѣ Сергѣевнѣ.

— Понравилась она тебѣ?

— Сперва—да... Немножко!—краснѣя, отвѣчалъ Николай.

— А потомъ?—допытывалась Марья Степановна.

— Потомъ—нѣтъ!

— Разгадалъ ее?

— Нѣтъ, мама... Эту женщину не такъ легко разгадать. Богъ ее знаетъ, что она за человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, оригинальный...

— Просто пустая женщина; право, Коля, пустая и больше ничего!—быстро подхватила Марья Степановна.

— Да ты что такъ горячишься?—улыбнулся Николай.—Не бойся, я не влюбленъ.

— Долго ли?.. Она большая кокетка.

— Ты, мама, ужъ слишкомъ преувеличиваешь. Почему ты совѣтовала остерегаться ея?

— Не спрашивай, Коля. Богъ съ ней. Я не люблю, ты знаешь, повторять слухи, а о ней говорятъ нехорошія вещи...

— Мало ли что говорятъ, мама!

— И Богъ съ ними. А я не судья чужихъ поступковъ!—кротко замѣтила Марья Степановна.

— Здорово, Васюкъ, здорово, братишка!—весело окликнулъ Николай, входя въ комнату къ брату.—О чемъ это ты размечтался?

Вася лежалъ на кровати одѣтый, въ длинныхъ своихъ сапогахъ и картузѣ, съ закинутыми назадъ руками.

Онъ медленно повернулъ голову при восклицаніи Николая. Когда Николай приблизился и взглянулъ на Васю, то пораженъ былъ страдальческимъ выраженіемъ его лица. Видно было, какая-то упорная мысль болѣзненно работала въ немъ.

— Что съ тобой, Вася?

Юноша поднялся съ кровати, пожалъ крѣпко руку брата, улыбнулся кроткой своей улыбкой и проговорилъ:

— Я и не слыхалъ, какъ ты пріѣхалъ. Впрочемъ, я и самъ только-что вернулся. Въ Залѣсьѣ былъ.

— Да что съ тобой? Ты какой-то возбужденный.

— Такъ нельзя наконецъ. Нельзя вѣдь такъ, Коля!—заговорилъ онъ тихимъ, страннымъ голосомъ, медленно шагая по комнатѣ.—Разсуди самъ, можно ли такъ? Вѣдь это жестоко, совсѣмъ жестоко!

Онъ остановился прямо противъ Николая и глядѣлъ на него, но едва ли видѣлъ брата. Взоръ его голубыхъ глазъ убѣгалъ куда-то внутрь.

— Да ты о чемъ? Я ничего не понимаю.

— Неужели нигдѣ нѣтъ правды, Коля? Неужели? О, Господи!

— Что случилось?

— Ты развѣ не знаешь? Да, ты у Смирновыхъ былъ, я и забылъ!—прибавилъ онъ.—Случилось, Коля, большое

несчастіе въ Залѣсьѣ. У мужиковъ тамъ скоро все продадутъ, нищіе будутъ совсѣмъ. Я только-что оттуда. Черезъ три недѣли пріѣдетъ приставъ... Если бы ты видѣлъ, какое отчаяніе!

— За что продадутъ?

— По иску Кривошейнова. Онъ далъ имъ въ прошломъ году деньги подъ залогъ построекъ и хлѣба и теперь требуетъ ихъ... У нихъ ничего нѣтъ... Я былъ у Лаврентьева. У него тоже денегъ нѣтъ. Послушай, не знаешь ли ты, какъ помочь?—въ волненіи проговорилъ Вася.—Иначе можетъ быть большое несчастіе.

— Какъ ты волнуешься! Въ первый разъ, что ли, узналъ?

— Я давно зналъ, но теперь, самъ видѣлъ. Хочешь—поѣдемъ, увидишь, что дѣлается въ Залѣсьѣ. Я папѣ говорилъ, и онъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать. Неужели ничего?.. И это совершается на глазахъ у всѣхъ!

— Что дѣлать, Вася! Успокойся. Если изъ-за такихъ вещей волноваться, то тогда и жить нельзя.

— А развѣ можно видѣть это и... жить?—произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

Онъ умолкъ. Напрасно Николай старался его успокоить.

Вася, не прерывая, слушалъ горячія рѣчи брата, недовѣрчиво покачивая головой.

— Все то, что говоришь ты, Коля, я слышалъ уже. Вотъ и папа почти то же говоритъ... Оба вы, знаю я, честные, хорошіе, добрые, но—прости меня, братъ—отъ вашихъ словъ не легче, и никакъ не убѣдятъ они меня.

— Ты просто боленъ, братъ, вотъ что я тебѣ скажу...

— Можетъ-быть, и боленъ... пожалуй, что и боленъ!..—подхватилъ Вася.—Иной разъ думаешь, думаешь... просто до боли думаешь, и, что всего ужаснѣе, то-есть больнѣе, что ничего не придумаешь, и сознаешь себя такимъ дряннымъ, ничтожнымъ, себялюбивымъ подлецомъ...

— Что ты, что ты!—улыбнулся оратъ.

— Смѣйся, Коля, а оно такъ... Ахъ, когда-нибудь открою я тебѣ свою душу... Больная она, въ самомъ дѣлѣ... Ты вотъ говоришь: всѣ такъ живутъ... А почему всѣ такъ живутъ? Отчего иначе не живутъ? Развѣ нельзя иначе жить? Неужто вѣчно братъ долженъ терзать своего брата?..

Онъ остановился, задумчиво взглянулъ на Николая и продолжалъ:

— Отчего Петръ готовитъ намъ кушанье, а я не готовлю? Отчего-жъ я вотъ и ѣмъ каждый день, и сплю на постели, а другіе голодны и не призрѣны? Отчего? Гдѣ узнаю я, отчего?.. Кто объяснитъ это?.. Ты опять скажешь: всѣ такъ; но мнѣ-то, мнѣ, моей душѣ развѣ отъ этого легче? Пойми ты!

Онъ съ какой-то болью произнесъ эти слова, ожидая возраженія, но Николай молчалъ, изумленный исповѣдью блѣднолицаго юноши.

«Откуда всѣ эти мысли? Какъ онъ дошелъ до такого состоянія?»—спрашивалъ себя Николай, вспоминая прежняго Васю. Прежній Вася не такой былъ, казалось ему.

— Ты вотъ говоришь, и папа тоже говоритъ, что надо быть добрымъ, честнымъ, но какъ быть добрымъ, какъ быть честнымъ? И развѣ я честенъ, развѣ добръ?.. Подлецъ я, Коля, вотъ кто я такой... Я все раздумываю, а вѣдь давно бы слѣдовало дѣлать...

— Что̀ дѣлать?..

— Жить иначе... Какое имѣю я право жить такъ?.. Отвѣть мнѣ...

И, не дожидаясь отвѣта, Вася продолжалъ:

— Ты вотъ думаешь, что всегда будетъ такъ, всегда человѣкъ будетъ дѣлать другому зло, а я вѣрю... глубоко вѣрю, что такъ не будетъ и не должно быть... Не можетъ быть... иначе зачѣмъ же столько мучениковъ прежде было?.. Зачѣмъ Спаситель былъ распятъ, если бы Онъ не вѣрилъ?.. Нѣтъ, Коля, ты вотъ образованный человѣкъ и знаешь больше меня, а говоришь неубѣдительно. Оно какъ будто и правда, а душа чувствуетъ неправду. И кругомъ, кругомъ ложь... говорятъ, любятъ Бога, а сами!?.. Взгляни-ка ты на залѣсскихъ мужиковъ... каково имъ изъ-за одного человѣка? И—удивительно!—онъ и безъ того богатъ, этотъ Кривошейновъ, къ чему ему еще богатство?.. Что̀ дѣлать съ нимъ? На что, напримѣръ, Смирнова оттягиваетъ лѣсъ у мужиковъ, который имъ отданъ, она знаетъ хорошо это, покойникомъ ея отцомъ? За то, что бумагъ нѣтъ?

— Развѣ это правда?

— Правда. Лаврентьевъ говорилъ, а онъ говоритъ только о томъ, что̀ знаетъ... Курсъ кончить?! — отвѣчалъ какъ бы самому себѣ Вася.—Папа, вижу я, сердится, что я не готовлюсь въ академію. Но къ чему мнѣ готовиться? Развѣ, если я буду докторомъ, я стану лучше?.. Или

съ годами пройдетъ все, и я повторять буду, что всѣ такъ? Нѣтъ, Коля, я не могу... Я чувствую, что такъ нельзя. А какъ нужно—тоже не вполнѣ понимаю. Но я дойду до этого... дойду...

Вдругъ Вася остановился и, какъ бы спохватившись, промолвилъ:

— Ты, Коля, извини... Я тебя своими мыслями занимаю и, вѣрно, тебѣ надоѣлъ, а ты и не скажешь...

Николай обнялъ Васю и замѣтилъ:

— Экій ты какой!.. Говори, говори... легче станетъ... Не надоѣлъ ты мнѣ... Разсказывай все... я охотно слушаю...

— Не умѣю я говорить... всего не перескажешь... Ахъ, Коля, если бы я былъ, какъ прежде... вѣрующій... Помнишь?

— А теперь?

Вася безнадежно покачалъ головой.

— Тогда бы лучше было!..

Онъ замолчалъ и продолжалъ молча ходить по комнатѣ. Потомъ вдругъ остановился и прошепталъ:

— Человѣкъ же и Кривошейновъ... И у него душа должна же быть... Какъ думаешь, братъ?

Николай засмѣялся.

— Сомнѣваюсь...

— Напрасно. Нѣтъ злодѣя, который бы не смягчился... Да и есть ли злодѣи-то?..

Опять, видно было, въ головѣ у юноши поднялась какая-то внутренняя работа.

— По-твоему злодѣи есть, Коля?

— Есть.

— А мнѣ сдается, нѣтъ ихъ!..

— Знаешь ли, что̀ я придумалъ, братъ?—сказалъ Николай.—Напишу-ка я корреспонденцію о твоемъ злодѣѣ... Быть-можетъ, обратятъ вниманіе, и продажа въ Залѣсьѣ остановится...

Вася сперва обрадовался.

— Только смотри, Коля, напиши хорошо... Все разскажи. Но только подожди посылать ее до завтрашняго вечера. Быть-можетъ, и не надо.

— Отчего?—удивился Николай.

— Такъ... у меня одинъ планъ есть!—серьезно проговорилъ Вася.—Попробую.

— Секретъ?

— Теперь не спрашивай. Да вотъ еще что̀, Коля: не говори ты мамѣ ни слова о нашемъ разговорѣ. Она и такъ все волнуется, глядя на меня. Къ чему огорчать ее, голубушку нашу? И вообще никому не говори лучше. Послѣ все объяснится! — какъ-то загадочно прибавилъ онъ.—Я съ папой самъ переговорю.

Вася нѣсколько успокоился и, спустя нѣсколько времени, разсказалъ брату, что Лаврентьевъ очень зоветъ его къ себѣ, и что Леночка была эти дни нездорова.

— Что̀ съ ней?

— Не знаю. Доктора не хотѣла. Раздражительная стала какая-то... похудѣла, голова болѣла все. Василій Васильевичъ очень скорбѣлъ за Елену Ивановну. Теперь, впрочемъ, ей лучше. Да, я и забылъ: она о тебѣ спрашивала, просила дать знать, когда ты пріѣдешь. Удивлялась, что ты засѣлъ у Смирновыхъ. Я и самъ, признаться, дивился. Развѣ тамъ пріятно было тебѣ?

— Надо, Вася, побольше людей видать, иначе односторонне судить о нихъ станешь. Кстати, я тамъ съ Прокофьевымъ познакомился. Ты, кажется, знаешь его?

— Видѣлъ у Лаврентьева!

— Нравится онъ тебѣ?

— Я мало его знаю, но слышалъ, что это замѣчательный человѣкъ!—проговорилъ съ какимъ-то благоговѣйнымъ восторгомъ Вася.

— Ты, братъ, слишкомъ увлекаешься. Человѣка разъ-другой видѣлъ—и ужъ замѣчательный человѣкъ.

— Тебѣ развѣ Прокофьевъ не нравится? — удивился Вася.

— Я не къ тому. Я вообще!—замѣтилъ Николай, чувствуя почему-то досаду на то, что Вася такъ восторженно относится къ Прокофьеву.—Такъ Леночка, ты говоришь, обо мнѣ спрашивала?

— Да, спрашивала, — прошепталъ Вася.—Ты зайдешь къ ней?

— Зайду какъ-нибудь.

— Хорошій она человѣкъ, и Лаврентьевъ хорошій. И какъ онъ ее любитъ, если-бъ ты зналъ, Коля!—проговорилъ Вася и вдругъ покраснѣлъ.

— Къ чему ты говоришь объ этомъ?

— Такъ, къ слову!..—шепнулъ Вася и снова заходилъ по комнатѣ.

«Какъ все принимаетъ близко къ сердцу, бѣдняга! Тог

и гляди, сдѣлаетъ какую-нибудь непоправимую глупость!— раздумывалъ Николай, оставшись одинъ.—И ничѣмъ не убѣдишь его».

Въ тотъ же вечеръ, послѣ чая, отецъ говорилъ Николаю о Васѣ съ большимъ сокрушеніемъ. Его удивляла его болѣзненная мечтательность, и онъ не зналъ, какъ быть съ юношей.

— Ты видѣлъ, какъ разстроило его извѣстіе о продажѣ имущества крестьянъ?

— Да. Бѣдняга самъ не свой. Дѣйствительно возмутительная исторія.

— Кто споритъ—исторія гнусная, но что̀ подѣлаешь?.. Мало ли сквернаго въ жизни! Нельзя же на этомъ основаніи приходить въ отчаяніе. Онъ утромъ пришелъ ко мнѣ такимъ страдальцемъ, что я испугался сперва, а дѣло-то все оказалось самое обыкновенное у насъ. Вообще Вася меня безпокоитъ. Совсѣмъ странный мальчикъ. У него какая-то безпощадная логика, чуткость, доходящая до болѣзненности. Отчасти я виноватъ въ этомъ! — съ грустью проговорилъ старикъ.

— Ты? Ты-то чѣмъ виноватъ?

— Мало наблюдалъ за нимъ, когда онъ былъ ребенкомъ. У него и тогда былъ особенный характеръ, а теперь онъ развился въ уродливомъ направленіи. Это—несчастная натура. Для него мысль и дѣло неразлучны, и онъ можетъ дойти до нелѣпостей. Ты бы подѣйствовалъ на него.

— Едва ли.

— И то. Онъ кротокъ, мягокъ, но независимъ!—вздохнулъ старикъ.—Присталъ ко мнѣ, чтобы я помогъ... И безъ того меня, старика, безпокойнымъ считаютъ. Я сталъ убѣждать Васю, и онъ ушелъ отъ меня грустный, сосредоточенный. Да, странныя теперь времена!.. Ребята, и тѣ страдаютъ. Прежде мы въ семнадцать лѣтъ не страдали. И Богъ еще знаетъ, что̀ лучше!.. Что̀, какъ Вася?.. Успокоился?

— Кажется.

— У него складъ какой-то странный,—продолжалъ старикъ.—Все его мучатъ вопросы неразрѣшимые. Одно утѣшаетъ меня, что съ годами онъ пойметъ тщету мечты о всеобщемъ благоденствіи и станетъ трезвѣе смотрѣть на вещи. Мечтать всю жизнь—невозможно.

Старикъ долго еще говорилъ на эту тему и долго еще думалъ о Васѣ, ворочаясь на постели.

Онъ жалѣлъ сына и въ то же время съ ужасомъ думалъ, что изъ него можетъ выйти человѣкъ, способный разбить кумиры, которымъ онъ, старикъ, всю жизнь поклонялся и свято чтилъ... Этого старикъ перенести не могъ.

«Утопистовъ», какъ онъ называлъ всѣхъ сомнѣвающихся въ современной цивилизаціи, онъ считалъ варварами и безумцами.

— Никогда толпа, какъ бы ни была она сыта, не можетъ дать міру то, что̀ дали ему высшіе умы. При господствѣ толпы, при культѣ скромнаго довольства развѣ возможно могущество и проявленія генія? Духъ исчезнетъ, и вмѣсто господства духа будетъ царить накормленная посредственность. Это невозможно, ужасно, безсмысленно!

Такъ нерѣдко говорилъ въ задушевной бесѣдѣ, потрясая своимъ могучимъ кулакомъ и взмахивая львиной своей гривой, Иванъ Андреевичъ, когда-то ярый фурьеристъ.

Для Вязникова всякія «утопіи» были покушеніемъ на личность, а личность онъ считалъ неприкосновенной.

XV.

А нашъ юный «безумецъ» тоже плохо спалъ ночь, обдумывая свой планъ. Рано утромъ на слѣдующій день онъ проснулся, по обыкновенію сдѣлалъ свои гимнастическія упражненія,—онъ «закалялъ» себя, находя, что безъ этого человѣкъ ни на что не годенъ,—потомъ сходилъ купаться и, напившись чаю, вышелъ изъ дому и зашагалъ по проселку, задумчиво опустивъ голову.

Онъ шелъ, ни на что не обращая вниманія, серьезный и сосредоточенный, казалось, не чувствуя усталости, хотя прошелъ уже около десяти верстъ. Солнце порядочно пекло, и потъ градомъ катился съ его поблѣднѣвшаго лица. Онъ прибавилъ шагу, но скоро долженъ былъ остановиться, почувствовавъ одышку. Впалая грудь юноши тяжело дышала, и въ ней что-то ныло. Онъ прижалъ своими тонкими пальцами грудь, словно желая утишить боль, и опустился на землю. Слабое тѣло не выдержало сильнаго напряженія.

«Безсильный, слабый я какой! Надо еще долго закалять себя!»—грустно прошепталъ Вася, закашливаясь.

Онъ прилегъ на траву, глядя своими чудными, большими глазами на свѣтлое, синее небо, и мятежное его

сердце притихло подъ наплывомъ надежды. Онъ пролежалъ нѣсколько минутъ и снова, бодрый, пошелъ далѣе.

Двѣнадцатая верста кончилась, когда онъ завидѣлъ большой, старый барскій домъ, стоявшій среди густого стариннаго сада. Онъ прибавилъ шагу и черезъ четверть часа входилъ на дворъ усадьбы, принадлежавшей Кузьмѣ Петровичу Кривошейнову, или, какъ называли его въ околоткѣ, «живодеру Кузькѣ».

Кузьма Петровичъ Кривошейновъ еще лѣтъ двадцать тому назадъ былъ простой, умный мужикъ, снималъ у Вязникова мельницу и занимался, какъ онъ говорилъ, «по малости» разными дѣлами. Преимущественно онъ терся около мужиковъ, давалъ имъ на проценты деньги, скупалъ хлѣбъ и т. п. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ нажилъ громадное состояніе, записался въ купцы, купилъ громадное имѣніе отъ разорившагося помѣщика Лычкова и сдѣлался очень вліятельнымъ человѣкомъ въ уѣздѣ. Онъ былъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судьей; ему почти всѣ были должны, всѣ водили съ нимъ знакомство, у него обѣдалъ разъ губернаторъ и заѣзжалъ всегда при объѣздахъ архіерей,—однимъ словомъ, «Кузька» былъ одинъ изъ тѣхъ «новыхъ людей», которые вдругъ, какъ грибы, выросли на развалинахъ вымирающаго барства.

Къ нему-то и пробирался теперь Вася.

— Гдѣ тутъ Кривошейновъ живетъ? Въ большомъ домѣ или во флигелѣ?—освѣдомился Вася у бабы, проходившей по двору.

— Кузьма Петровичъ? А ступай во флигель, наверхъ. Въ хоромнахъ онъ не живетъ, только когда гости пріѣзжаютъ, а то во флигелѣ. Наниматься?

— Нѣтъ, по своимъ дѣламъ.

— По дѣламъ? Много и по дѣламъ ходятъ!—промолвила баба, оглядывая съ жалостливымъ участіемъ блѣднаго, усталаго юношу.—А я подумала—наниматься. Писарекъ требуется. Намедни онъ Ѳедота Алексѣевича разсчелъ. Ступай, паренекъ, вонъ сюда, въ этотъ флигель, ступай съ Богомъ!

Вася поднялся наверхъ и вошелъ чрезъ отворенныя двери въ прихожую, а оттуда въ залу, уставленную безъ толку разнокалиберной мебелью, съ лубочными литографіями на стѣнахъ, старинными фортепьянами и большимъ образомъ Спасителя въ углу, передъ которымъ теплилась лампада. На окнахъ красовались большія бутыли съ на-

ливками, по столамъ стояли маленькія деревянныя чашки съ «пробами» хлѣбовъ. Въ комнатѣ было не прибрано, пахло затхлостью.

Вася съ минуту постоялъ, думая, что кто-нибудь войдетъ, но никто не входилъ. Двери въ сосѣднюю комнату были притворены; оттуда доносился звукъ костяжекъ, щелкавшихъ по счетамъ. Вася кашлянулъ — никто не отозвался. Тогда онъ пріотворилъ двери.

— Кто здѣсь?—окликнулъ громкій, нѣсколько сипловатый голосъ.—Ступай сюда!

Вася вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ за небольшимъ столикомъ, накрытымъ сукномъ, сидѣлъ плотный, кряжистый, добродушный на видъ мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ цвѣтной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-подъ котораго краснѣла загорѣлая, багровая, жилистая шея. При входѣ Васи толстые пальцы одной руки замерли на счетахъ, и умные глаза остановились на юношѣ зоркимъ, нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Вы господинъ Кривошейновъ?—тихо, почти робко проговорилъ Вася.

— Я самый!..—произнесъ Кузьма Петровичъ, продолжая недоумѣвать, къ какому разряду людей слѣдуетъ отнести этого гостя.

— Я къ вамъ, Кузьма Петровичъ, по очень важному дѣлу. Я, видите ли... Вы позволите оторвать васъ на нѣсколько времени?

— Милости просимъ садиться... Какое такое ваше дѣло?.. Какъ прикажете звать васъ?..—сказалъ Кузьма Петровичъ, отбрасывая ловкимъ жестомъ костяжки и придвигаясь поближе къ столу.

— Меня зовутъ Вязниковъ... Василій Вязниковъ... Вѣрно, слышали?

— Василій Ивановичъ?—воскликнулъ Кузьма, протягивая руку.—Какъ же, какъ же... Очень даже хорошо знаемъ и почтеннаго родителя вашего, и матушку вашу, и васъ помню, вы тогда ребеночкомъ были... Я у васъ мельницу снималъ... Вы-то, чай, не помните?.. Чайку не хотите ли, Василій Ивановичъ? Вотъ гость-то нежданный! Не угодно? Какъ хотите, а то бы мигомъ самоварчикъ... Вышейте, право...

Кузьма Петровичъ говорилъ съ такимъ добродушіемъ и, казалось, такъ обрадовался гостю, что Вася еще болѣе сконфузился и какъ бы недоумѣвалъ, глядя на этого са-

маго словоохотливаго, добродушнаго и веселаго человѣка, извѣстнаго подъ названіемъ «живодера Кузьки».

— Благодарю васъ, Кузьма Петровичъ, я только-что пилъ чай.

— Какъ хотите, упрашивать не смѣю!.. — продолжалъ Кузьма, соображая, по какимъ такимъ важнымъ дѣламъ могъ придти къ нему сынокъ Ивана Николаевича. Кузьма хорошо зналъ, что Вязниковъ терпѣть его не могъ и относился къ нему съ презрѣніемъ.

«Ужъ не прогораетъ ли старый баринъ?»—подумалъ не безъ злораднаго чувства Кузьма и снова заговорилъ:

— Какъ поживаютъ Иванъ Андреевичъ и Марья Степановна? Въ добромъ ли находятся здоровьѣ? Слышалъ я, будто Николай Ивановичъ пріѣхали? То-то радость, должно-быть. Такъ какое такое важное дѣло, Василій Ивановичъ? Я, вы знаете, завсегда со всѣмъ моимъ удовольствіемъ для вашего семейства.

— Не для насъ. Что̀ намъ! Я пришелъ васъ просить за залѣсскихъ мужиковъ, Кузьма Петровичъ. Черезъ двѣ недѣли назначена въ Залѣсьѣ продажа по вашей претензіи, и они будутъ несчастными. Не дѣлайте этого, не дѣлайте, прошу васъ... Пожалѣйте людей! — проговорилъ Вася въ волненіи.

Просьба эта была такъ неожиданна, что Кузьма изумленно раскрылъ глаза и не зналъ, что̀ и сказать. А Вася между тѣмъ продолжалъ:

— Заплатить имъ нечѣмъ, а продадутъ все—нищими люди станутъ... Развѣ такъ можно? Развѣ вамъ не жалко, Кузьма Петровичъ?

Кузьма наконецъ понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ усмѣхнулся, взглядывая на взволнованнаго юношу, и проговорилъ:

— Такъ вотъ какое у васъ важное дѣло! А я думалъ, въ самомъ дѣлѣ вы за дѣломъ. Вы, баринъ молодой, напрасно путаетесь не въ свое дѣло. Чай, по младости. Коли жалко, вы бы тятеньку попросили внести мнѣ денежки за залѣсскихъ мужиковъ. Оно бы и въ порядкѣ было. Всего пятнадцать тысячъ.

— У отца нѣтъ такихъ денегъ, я просилъ!—серьезно проговорилъ Вася.

— Ну, сами заплатите, коли у него нѣтъ.

— Вы шутите, Кузьма Петровичъ? Развѣ можно теперь смѣяться?

Кузьма захихикалъ снова.

— Какъ тутъ не смѣяться? Пришелъ молодой баринъ и говоритъ: не получай, Кузьма Петровичъ, своихъ денегъ. Денежки-то у меня кровныя, сударь, не барскія, а кровныя. Такъ какъ же мнѣ не получать? Залѣсскіе мужики давно мнѣ извѣстны, знаю я мужика—самъ мужикъ: понатужатся—внесутъ, а не внесутъ—сами виноваты. Дураковъ учить надо, а не то что потакать имъ! Развѣ я неволилъ ихъ? Сами пришли: помоги, Кузьма Петровичъ. Такъ долженъ я свои-то кровныя получить, или нѣтъ? И слушать-то ваши слова—смѣхота одна. Вамъ бабы намололи, а вы... Напрасно изволили пожаловать,—сердито оборвалъ Кузьма.—Разодолжили, нечего сказать... Ха-ха-ха!..

— Не сердитесь, прошу васъ. Я не съ тѣмъ пришелъ; не сердить, а объяснить пришелъ вамъ, Кузьма Петровичъ. Именно объяснить. Вы, вѣрно, не вѣрите въ человѣка и про всякаго думаете, что подлецъ, а я вотъ вѣрю, и въ васъ вѣрю. Вы только подумайте, Кузьма Петровичъ, развѣ для того живутъ люди, чтобы мучить слабыхъ и беззащитныхъ? Вонъ тамъ у васъ, — махнулъ Вася на двери:—лампада теплится передъ образомъ Спасителя. Вы вѣдь знаете, чему училъ Онъ? Любить ближняго! А развѣ любите вы ближняго? Да и вамъ-то самому легко, что ли, такъ жить? Я полагаю, тяжело. Точно вы не знаете, какъ проклинаютъ васъ... Развѣ весело? Это ужасно! Изъ-за васъ народъ стонетъ, вы развѣ не слышите? Сколько разоренія, слезъ-то сколько! И чего ради? Изъ-за чего сами-то хлопочете зло дѣлать? Богатства ради? Такъ развѣ вы не богаты? Да и можно развѣ быть счастливымъ, если около васъ всѣ несчастливы? Вы, Кузьма Петровичъ, чуть-чуть подумайте, оглянитесь, сердце-то смягчите и поймите, что есть другое, настоящее счастье—дѣлать добро, а не зло. Кузьма Петровичъ!—съ мольбою въ голосѣ воскликнулъ Вася:—не разоряйте Залѣсья, не разоряйте и безъ того нищій народъ! Отсрочьте хоть на годъ взысканіе. Умоляю васъ ради страдальцевъ, ради самого васъ.

«Безумецъ»-юноша, говорившій такія рѣчи передъ «Кузькой-живодеромъ», никогда не дававшимъ никому пощады, смолкъ, и надеждой свѣтился его восторженный взоръ. Отъ волненія онъ былъ совсѣмъ блѣденъ; крупныя капли пота сбѣгали по бѣлому его лбу. Какою-то наивной красотой сіяло болѣзненное, необыкновенно серьезное его лицо.

Изъ впалой и болѣзненной груди его вырывалось учащенное дыханіе.

Кузьма Петровичъ сперва слушалъ длинный монологъ и взглядывалъ на тщедушную, долговязую фигуру барчука, какъ на веселое представленіе, но потомъ насмѣшливое выраженіе смѣнилось другимъ, угрюмымъ. Довольно потѣшаться. «Шальной барчукъ», пришедшій поучать его, какъ жить, осердилъ Кузьму.

— Тятенька-то вашъ знаетъ, какими дѣлами вы занимаетесь?

— Какими дѣлами?—недоумѣвая, спросилъ Вася.

— Да этими самыми, ась? Это по какимъ правамъ вы ко мнѣ пришли экія рѣчи говорить? Нынче и безъ того вездѣ пошелъ соблазнъ, а вы, барченокъ, вмѣсто того, чтобы наукамъ обучаться, людей стращать ходите. За это по головкѣ не гладятъ. Вотъ сейчасъ урядника свистну и... хорошо, что ли, будетъ? Тоже!.. Идите-ка съ Богомъ лучше, да тятенькѣ скажите, что не годится за послѣдышемъ не смотрѣть. То-то! Ахъ ты, Господи! Всякій щенокъ нынче учитъ.

Вася никакъ не ожидалъ подобнаго исхода и совсѣмъ переконфузился. Долгимъ, страннымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на Кузьму, всталъ, тихо вышелъ изъ комнаты, тихо спустился на дворъ и въ раздумьѣ побрелъ по дорогѣ, недоумѣвая, какъ Кузьма не понялъ такихъ простыхъ вещей, какія онъ ему, кажется, такъ ясно объяснилъ.

Впослѣдствіи, вспоминая объ этомъ эпизодѣ, Вася грустно улыбался надъ самимъ собой, но теперь ему было не до смѣха.

Печальный возвратился онъ къ брату и сказалъ:

— Посылай корреспонденцію, Коля. Готова она?

— Готова. Завтра утромъ отошлемъ.

Вася прочелъ и остался доволенъ, но не совсѣмъ.

— Очень ужъ ты Кривошейнова бранишь. Этимъ больше еще ожесточишь его. Я все-таки стою на томъ, что онъ не злодѣй, какимъ ты его описываешь.

— А кто же?

— Безумецъ. Не вѣдаетъ, что̀ творитъ.

— Тогда всѣ безумцы?

— Всѣ...

— И слѣдуетъ, значитъ, прощать всѣмъ?

— Прощать—да, но въ то же время...

Вася задумался.

— Что̀ же дальше-то? Говори, философъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... не скажу. Я не знаю еще самъ, что̀ дальше!—прошепталъ Вася, пугаясь мысли, мелькнувшей въ его головѣ.

Тяжелые дни переживалъ юноша, испытывая муки сомнѣній, неясныхъ думъ, въ поискахъ за истиной. Много страницъ исписалъ онъ въ своемъ дневникѣ.

— Да какъ же жить-то, что̀ же дѣлать? — нерѣдко съ тоскою шепталъ онъ по ночамъ, лежа въ темнотѣ съ открытыми глазами.

Повидимому, онъ былъ совершенно спокоенъ въ ожиданіи продажи имущества залѣсскихъ мужиковъ, такъ что даже старикъ Вязниковъ немного успокоился, вообразивъ, что волненіе, выказанное имъ, было только вспышкой горячаго сердца.

А между тѣмъ какіе планы ни копошились только въ головѣ Васи, чтобы спасти мужиковъ отъ разоренія! На дѣйствіе статьи брата онъ мало разсчитывалъ.

XVI.

Николай засѣлъ за работу. Онъ принялся съ увлеченіемъ, работалъ запоемъ, не отрываясь отъ письменнаго стола по нѣскольку часовъ сря̀ду, такъ что Марья Степановна нерѣдко приходила къ нему и упрашивала его отдохнуть.

— Изнуришь ты себя такъ, голубчикъ мой!—говорила добрая женщина, любуясь сыномъ.—Ты бы работалъ каждый день понемногу, а не то, что сразу. Долго ли такъ и надорваться?

Улыбаясь, слушалъ Николай совѣты матери, обѣщалъ послушаться ихъ и, разумѣется, не слушался. Привычка къ такой работѣ, нервной, спѣшной, укоренилась въ немъ давно и еще съ малолѣтства, какъ у многихъ, очень даже многихъ русскихъ людей. Надѣясь на свои силы съ какой-то удивительной безшабашностью, обладая изрядной лѣнью, онъ привыкъ откладывать всякое дѣло до послѣдняго момента, разсчитывая, что онъ его одолѣетъ, и, когда наступалъ такой моментъ, онъ принимался за него съ лихорадочной поспѣшностью. Такъ бывало во времена студенчества, такъ было и теперь. Когда Николай былъ студентомъ, то по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ ровно ничего не дѣлалъ, не прикасался къ тетрадкамъ и проводилъ иногда время самымъ нелѣпѣйшимъ образомъ, не умѣя, какъ во-

обще русскіе, распоряжаться временемъ. Передъ экзаменами онъ обыкновенно просиживалъ нѣсколько ночей и блистательно выдерживалъ ихъ. Диссертацію онъ написалъ въ нѣсколько ночей и получилъ медаль. Способный, талантливый, быстро схватывающій, онъ, дѣйствительно, одолѣвалъ подчасъ трудное дѣло такъ скоро, что товарищи ахали отъ изумленія, но зато и всѣ работы его никогда не были первымъ нумеромъ и носили слѣды легкости, какъ и все, за что̀ онъ ни брался и что̀ онъ ни дѣлалъ. Все было недурно, но и только. Стройности, цѣльности, глубины не было.

Отецъ давно замѣчалъ въ сынѣ эту наклонность, загубившую столькихъ небезталантливыхъ людей на Руси, но вмѣсто того, чтобы пріучить его къ правильному труду, нерѣдко восхищался быстротой соображенія и легкостью, съ которой все давалось способному мальчику, и такимъ образомъ способствовалъ развитію въ Николаѣ самоувѣренности. Гимназія и потомъ университетъ не исправили Николая, и онъ переходилъ отъ бездѣлья къ лихорадочной работѣ и какъ будто даже гордился этимъ.

Когда онъ принесъ первую свою статью въ редакцію журнала, и она была напечатана (и даже обратила на себя вниманіе), то Николай сознался пріятелямъ, что написалъ ее, что называется, за одинъ присѣстъ. Всѣ пріятели дивились этому и восхищались даже, только одинъ студентъ изъ семинаристовъ укорительно покачалъ головой и замѣтилъ:

— Не слушай ты ихъ, Вязниковъ, и не увлекайся самъ. Если ты будешь такъ относиться къ работѣ, никогда ты ничего выдающагося не сработаешь, и всегда твоя работа будетъ вторымъ нумеромъ. Остерегись, пока не поздно, а втянешься—поздно будетъ. Надо прежде выучиться сидѣть, и тогда можно работать.

Но Николай сидѣть-то и не умѣлъ. Онъ или «присаживался», или вовсе не садился. Въ немъ сказывалась общая черта русскаго барства. Работать, какъ работаютъ европейцы, мы не умѣемъ, оттого и работы наши, въ большинствѣ случаевъ, не идутъ выше второго нумера.

Николай писалъ публицистическую статью; статья близилась къ концу, и Николай былъ ею доволенъ. Когда онъ наконецъ кончилъ ее, онъ прочиталъ ее отцу и съ понятной тревогой ждалъ его приговора.

— Статья превосходная, горячая, страстная, въ ней раз-

бросано нѣсколько хорошихъ мыслей, но все-таки, мнѣ кажется, ты могъ бы написать лучше. Подожди-ка отсылать ее, мой милый!—сказалъ отецъ.

Николай смутился.

— Отчего подождать? Самъ же ты говоришь, что статья превосходная.

Вязниковъ незамѣтно улыбнулся, замѣтивъ по лицу Николая, какъ больно кольнуло сына его замѣчаніе.

— Я стою на томъ же, а все-таки подожди... дай вылежаться ей, просмотри снова, дополни, исправь. Въ твоей статьѣ нѣтъ законченности, и кромѣ того невѣрные факты, правда, мелочные, а все-таки невѣрные. Это вѣдь вредитъ впечатлѣнію. Изъ-за одного невѣрнаго факта могутъ не повѣрить всей статьѣ. Ты очень торопился, мой другъ, и... и не поработалъ, какъ слѣдуетъ. Ты не сердись на отца.

Николай вступилъ въ споръ, но долженъ былъ согласиться съ Иваномъ Андреевичемъ, что многіе сообщенные факты невѣрны, и что нѣкоторыя положенія требуютъ бо̀льшаго развитія.

— Вотъ видишь ли! Самъ къ этому пришелъ...—ласково замѣтилъ отецъ, оставляя Николая въ полной увѣренности, что онъ «самъ» пришелъ къ сознанію недостатковъ своей работы.

Время за работои летѣло быстро. По вечерамъ Николай игралъ съ отцомъ въ шахматы, гулялъ, игралъ на фортепьяно. О Смирновыхъ онъ совсѣмъ и забылъ и даже удивлялся, какъ его могла занять такая кокетка, какъ Нина. Однако каждый разъ, когда приходилось вспоминать Нину Сергѣевну, Николай ощущалъ чувство оскорбленнаго самолюбія.

Леночка рѣже бывала въ «Витинѣ», несмотря на приглашенія Марьи Степановны.

— Совсѣмъ забыла насъ!—упрекала Марья Степановна забѣгавшую на минуточку и вѣчно торопившуюся домой Леночку.—Что̀ съ тобой, Леночка? Или все съ женихомъ сидишь?.. Такъ ты и его приводи.

Леночка обыкновенно старалась замять такой разговоръ. Она отговаривалась хлопотами по хозяйству и недосугомъ.

— Прежде находила досугъ. Каждый день, бывало, навѣщала насъ, а теперь совсѣмъ забыла!

«То было прежде!»—подумала Леночка, горячо обнимая

Марью Степановну и увѣряя, что она не забыла и никогда ее не забудетъ.

Николай изрѣдка видалъ молодую дѣвушку; она обыкновенно забѣгала на минуточку утромъ, когда Николай занимался. При встрѣчахъ съ нею онъ нѣсколько удивлялся той сдержанной холодности, съ которою она держалась съ нимъ. Прежнія товарищескія, дружелюбныя отношенія сдѣлались натянутыми и церемонными. Ея веселость исчезла. Она была какая-то серьезная и нервная, словомъ, не та Леночка.

— Елена Ивановна, вы, должно-быть, на меня сердитесь?—сказалъ онъ однажды, нагоняя ее въ саду.

— Я?.. На васъ?—проговорила она, вспыхивая.

— Да какъ же? Когда вы были больны, говорили Васѣ, что хотѣли меня видѣть, о чемъ-то переговорить, а вмѣсто того совсѣмъ отвернулись отъ стараго пріятеля. Что это значитъ? О чемъ-то хотѣли поговорить, да такъ и не говорите?

— Я хотѣла попросить у васъ книгъ.

— И до сихъ поръ не спросили?

— Некогда было, да и мѣшать вамъ не хотѣла... Вы работали...

— И не стыдно вамъ, а еще пріятель! Какихъ вамъ книгъ?

— Вотъ объ этомъ я и хотѣла спросить вашего мнѣнія. Мнѣ бы хотѣлось систематически читать...

Николай горячо одобрилъ за это Леночку и обѣщалъ составить ей самый хорошій подборъ книгъ, которыя предложилъ ей оставить у себя до будущаго лѣта.

— Лѣтомъ пріѣду сюда, такъ вы меня за книги угостите вареньемъ своего издѣлія. Смотрите, непремѣнно угостите! Григорій Николаевичъ не отрицаетъ варенья?

Леночка съ раздраженіемъ замѣтила:

— Вы пустяки говорите. Почемъ я знаю?

— Какъ не знаете? И вы называете мой вопросъ пустяками? Да, значитъ, вы до сихъ поръ не изучили вкусовъ любимаго человѣка! Это непохвально!—шутилъ Николай.

Леночка такъ сухо отнеслась къ этимъ шуткамъ и такъ сдвинула брови, что Николай тотчасъ же воскликнулъ:

— Да вы опять? Ну, простите, я, право, не хотѣлъ разсердить... Я до сихъ поръ не могу свыкнуться съ мыслью, что вы для меня не прежняя Леночка!

Онъ такъ задушевно сказалъ объ этомъ, а Леночка хоть и улыбнулась, какъ улыбалась всегда, всѣмъ лицомъ, но вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалась еще серьезнѣй.

«Совсѣмъ не та Леночка!»—подумалъ Николай.

Ея холодная сдержанность очень ему не нравилась, даже нѣсколько обижала его. Онъ приписалъ это вліянію Лаврентьева. Николаю хотѣлось попрежнему быть на дружеской ногѣ съ Леночкой, съ которой, бывало, прежде они были неразлучны. Славная, честная, простая дѣвушка невольно располагала къ себѣ, но всѣ попытки Николая были напрасны. Леночка даже отклонила его предложеніе читать вмѣстѣ, какъ въ прежнее время, подъ предлогомъ заботъ по хозяйству.

Николая этотъ отказъ совсѣмъ сбилъ съ толку.

«Ужъ не Отелло ли ея будущій благовѣрный?» — разсмѣялся онъ.

— Пора однако познакомиться и съ «дикимъ человѣкомъ»,—рѣшилъ Николай, встрѣчавшій Лаврентьева раза два, когда былъ еще мальчикомъ, и однажды утромъ отправился къ Лаврентьеву. Усадьба Лаврентьева была недалеко, всего въ пяти верстахъ отъ «Витина».

Небольшой новый домишко и новыя хозяйственныя постройки глядѣли очень основательно и солидно, хотя и не архитектурно; видно было, что строитель на архитектуру не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и болѣе всего заботился о прочности. Такое же хорошее впечатлѣніе чистоты, порядка и благосостоянія производила и небольшая деревня, почти прилегавшая къ усадьбѣ Лаврентьева. Избы всѣ были крѣпкія, исправныя, крытыя тесомъ, улица обсажена молодыми ветлами, въ концѣ деревни стояла школа, около которой разведенъ былъ молодой садикъ. Мужики, которыхъ Николай повстрѣчалъ, тоже удивили молодого человѣка своимъ зажиточнымъ видомъ, — словомъ, «Лаврентьевка» производила самое благопріятное впечатлѣніе и, по сравненію съ сосѣдними деревнями, являлась какимъ-то свѣтлымъ пятномъ на фонѣ грязи и разоренія.

Николаю сказали, что Григорій Николаевичъ въ саду гряды копаетъ. Онъ пошелъ въ садъ—садъ былъ очень небольшой, фруктовый—и издали замѣтилъ приземистую, коренастую фигуру съ большой косматой головой, въ бѣлой рубахѣ и широкихъ штанахъ, засунутыхъ въ высокіе

сапоги. Приблизившись, Николай увидалъ смуглаго брюнета лѣтъ подъ сорокъ, широкоплечаго, съ могучей спиной, мускулистаго, крѣпкаго, съ грубымъ, загорѣлымъ лицомъ, поросшимъ черными, какъ смоль, съ легкой просѣдью волосами, что̀ придавало физіономіи нѣсколько свирѣпый видъ. Силою, здоровьемъ и выносливостью вѣяло отъ этой плохо скроенной, но крѣпко сшитой фигуры. Въ ней было что-то мужицкое. По виду и по платью Лаврентьева легко можно было принять за мужика и даже испугаться, завидѣвъ издали этого «лохматаго медвѣдя», какъ окрестилъ его сразу Николай.

Но стоило только подойти поближе, взглянуть въ небольшіе каріе глаза, чтобы впечатлѣніе испуга немедленно прошло и даже изумило васъ пріятной неожиданностью. Необыкновенно добродушно глядѣли эти глаза изъ-подъ страшныхъ, нависшихъ бровей, смягчая суровость лица.

То же испыталъ и Николай, когда Лаврентьевъ, оставивъ лопату, добродушно встрѣтилъ его, такъ сильно пожимая руку, что Николай чуть не вскрикнулъ.

— Здорово, Николай Ивановичъ. (Лаврентьевъ говорилъ: «Миколай Ивановичъ». Въ рѣчи его слышались простонародныя выраженія). Давненько желалъ съ вами познакомиться. Наслышаны о васъ и статью вашу читали. Статья добрая, хорошая. Побольше бы такихъ!..—говорилъ грубоватымъ тономъ, полнымъ задушевнаго добродушія, Лаврентьевъ, посматривая на молодого человѣка съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ.—Пойдемте-ка въ горницу. Ишь, солнышко подпекать будто стало. Вамъ-то, съ непривычки, поди, и неладно...

Лаврентьевъ повелъ гостя въ свою «избу», какъ назвалъ онъ небольшой свой домишко.

Внутри «изба» оказалась очень опрятной и чистой. Въ ней было четыре комнаты, изъ которыхъ двѣ были пусты, а двѣ—убраны съ спартанской простотой.

— Хватитъ на нашъ вѣкъ!—промолвилъ Лаврентьевъ, показывая гостю свое жилище.—Вотъ скоро и двѣ горницы отдѣлаемъ, почище!..—прибавилъ Григорій Николаевичъ, какъ-то радостно улыбаясь счастливой улыбкой.—Знаете, чай?..

— Какъ же, какъ же!..—отвѣтилъ Николай.

— Оно и еще краше станетъ жить-то. И вамъ спасибо, Николай Ивановичъ...—вдругъ сказалъ Лаврентьевъ, пожимая руку.—Съ Еленой Ивановной-то вы занимались, и

вышелъ изъ нея человѣкъ, а не то что какая-нибудь легковѣсная дамочка...

«Меня-то онъ за что благодаритъ?»

— Такъ, вмѣстѣ росли...

— Одначе пора и водку пить. Пьете?

— Нѣтъ...

— И ладно дѣлаете. Я такъ, грѣшнымъ дѣломъ, выпиваю. Можетъ, закусить хотите?.. Десятый часъ...

Онъ вышелъ распорядиться. Тѣмъ временемъ Николай оглядѣлъ шкапъ съ книгами. Книги были все болѣе сельскохозяйственныя и серьезныя. Кромѣ Гоголя, не было ни одного тома беллетристики.

Лаврентьевъ скоро вернулся, но уже въ поддевкѣ изъ грубаго сѣраго сукна, причесанный и вымытый.

— Что это вы церемонитесь со мной, Григорій Николаевичъ?

— Нельзя, порядокъ нуженъ!—засмѣялся добродушно Лаврентьевъ.

«Нынче онъ все-таки почище сталъ!»—подумалъ Николай, вспоминая разсказы объ его костюмѣ и привычкахъ и взглядывая на его жилистыя, загрубѣлыя, какъ земля, руки.

Они разговорились. Николай заинтересовался бесѣдой Лаврентьева, увидавъ въ немъ съ первыхъ же словъ очень умнаго и своеобразнаго человѣка. Образованіемъ, правда, Лаврентьевъ похвастать не могъ, но зато въ немъ былъ громадный запасъ здраваго смысла, онъ поражалъ мѣткими, оригинальными замѣчаніями и массой практическихъ свѣдѣній и, видно было, близко и хорошо зналъ народную жизнь.

— Братишка вашъ, пріятель мой Василій Иванычъ, сказывалъ, что вы, Николай Ивановичъ, хотите кое-что познать по крестьянскому обиходу. Такъ чѣмъ могу помочь—всегда радъ. Дѣло это доброе, а то у васъ въ Питерѣ насчетъ мужика здорово врутъ... Больше со слуховъ строчатъ... Иной разъ читаешь, какъ брешетъ человѣкъ, даже съ сердцовъ скверно выругаешься. Видно, и носомъ-то не нюхалъ, а строчитъ!

Баба принесла водку и закуску, хлѣбъ, масло и кусокъ солонины. Лаврентьевъ опрокинулъ въ себя большой стаканъ водки и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, запивая квасомъ.

— Вотъ вы, Николай Иванычъ, хозяйство мое увидите.

Я вамъ покажу все, какъ есть, ужъ сегодня, куда ни шло, для дорогого гостя и работать не буду!—весело говорилъ Лаврентьевъ.—И на деревню пойдемъ, и школу посмотримъ.

— Живутъ у васъ подъ бокомъ мужики, какъ видно, хорошо,—сказалъ Николай.

— Ничего! Богъ грѣхамъ терпитъ!..

Лаврентьевъ ни словомъ не заикнулся о томъ, кому мужики обязаны, что живутъ недурно, и что онъ для нихъ сдѣлалъ, а между тѣмъ сдѣлалъ онъ немало.

Николай слушалъ съ удовольствіемъ Григорія Николаевича. Онъ и раньше слышалъ много разсказовъ про него о томъ, какъ онъ ни съ кѣмъ, кромѣ мужиковъ, не водился, какъ его побаивались и не любили кулаки и презрительно относились помѣщики къ его мужицкому образу жизни, какой популярностью и довѣріемъ пользовался онъ у крестьянъ, и невольно проникся уваженіемъ къ «дикому человѣку», забившемуся въ деревню и, повидимому, вполнѣ счастливому и довольному своей жизнью.

«Я бы не могъ такъ жить!»—подумалъ Николай.

Въ его бесѣдѣ, замѣтилъ онъ, всегда было дѣло, фактъ, свѣдѣніе, но какъ только Николай попробовалъ коснуться въ разговорѣ искусства и завелъ рѣчь объ общихъ вопросахъ, такъ тотчасъ же увидѣлъ, что это закрытая, невѣдомая для него область. Тутъ Лаврентьевъ пасовалъ совершенно.

«Неужели этотъ славный медвѣдь могъ увлечь такую отзывчивую натуру, какъ Леночка?»—спрашивалъ Николай и не находилъ отвѣта.

А «медвѣдь» уже звалъ Николая смотрѣть свое хозяйство.

— А что же Василій-то съ вами не пришелъ ко мнѣ?—спрашивалъ Лаврентьевъ, выходя съ Николаемъ изъ дома.

— Вася съ утра пропалъ. Я думалъ, что онъ къ вамъ...

— Нѣтъ, не бывалъ... Куда это онъ?.. А, развѣ не туда ли онъ пошелъ!—вдругъ вспомнилъ Лаврентьевъ и нахмурился.

— Куда?

— Въ Залѣсье!—сердито проговорилъ Григорій Николаевичъ.—Сегодня этотъ скотъ Кузька разоряетъ Залѣсье... Ужо, погоди, доберусь я до него!—прибавилъ Лаврентьевъ, вдругъ сжимая кулакъ.

Въ голосѣ его звучала такая ненависть, что Николай взглянулъ на Лаврентьева и удивился злобѣ, исказившей черты его лица.

Николай почувствовалъ, что угроза эта — не пустыя слова въ его устахъ, и что не даромъ Григорія Николаевича звали «дикимъ» человѣкомъ.

— Такихъ негодяевъ не жаль... Ужъ я его выслѣживаю... Не миновать ему Сибирки, мерзавцу!.. Сколько бѣдъ онъ у насъ творитъ, просто страсть! А Василій, пожалуй, туда пошелъ... У вашего братишки золотое сердце... Того и гляди... влопается.—Знаете ли что,—дружески хлопая по плечу Николая, сказалъ вдругъ Лаврентьевъ: — пойдемъ-ка въ Залѣсье... Тутъ недалечко... боюсь, какъ бы что не вышло...

Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ во дворъ прискакалъ на маленькой лошаденкѣ молодой парнишка и, спрыгивая съ лошади, проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Григорій Николаевичъ! Бѣда у насъ... Рѣшаетъ насъ Кузька... Народъ не даетъ... шумитъ... Тятька къ тебѣ послалъ.

— Телѣжку!—гаркнулъ Лаврентьевъ на весь дворъ.— Витинскаго барчука не видалъ тамъ?

— Кажись, тамъ.

— Живо!—скомандовалъ онъ.—Скачи, Ѳедька, назадъ, скажи—сейчасъ буду. Идемъ,—отрывисто произнесъ Лаврентьевъ, обращаясь къ Николаю.—Телѣга нагонитъ.

Лаврентьевъ ходко зашагалъ, такъ что Николай едва поспѣвалъ за нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ихъ догнала телѣжка, и они что есть духу помчались въ Залѣсье, обогнавъ на пути скакавшаго парнишку.

Лаврентьевъ сидѣлъ угрюмый и только время отъ времени произносилъ совсѣмъ нецензурныя ругательства.

XVII.

Большое, совсѣмъ оголенное село ужъ было близко, когда наши знакомцы увидали всадника, скакавшаго навстрѣчу, по дорогѣ изъ Залѣсья. Черезъ нѣсколько минутъ мимо нихъ промчался, насколько позволяли силы заморенной лошаденки подъ неустанными ударами нагайки, полицейскій урядникъ. На зычный окрикъ Лаврентьева: «что случилось?» онъ, не оборачиваясь, махнулъ отчаянно

рукой по направленію къ Залѣсью и снова стегнулъ плетью лошадь.

— Дьяволы!—выругался Лаврентьевъ.—Тоже изъ образованныхъ! За воровство изъ думы выгнали, такъ онъ къ мужику присосался!—пояснилъ Григорій Николаевичъ и съ сердцемъ вытянулъ кнутомъ вдоль по спинѣ своего взмыленнаго коня.

Добрый рыжій конь, не ожидавшій такого угощенія, рванулся и понесся снова вскачь. Телѣжку подбрасывало, словно мячикъ, по выбоинамъ сквернаго проселка. Николай чуть-было не выскочилъ и схватился обѣими руками за края телѣжки, чтобъ не упасть.

— Непривычно? — обронилъ Лаврентьевъ, взглядывая, какъ неумѣло сидитъ молодой человѣкъ.

— Ничего, скоро пріѣдемъ, — отвѣчалъ Николай, стараясь глазами смѣрить разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ Залѣсья.

Село было близко, и онъ безпокойно всматривался впередъ, волнуемый мыслями о братѣ. Онъ вдругъ увидалъ, какъ изъ-за задовъ села показалась тройка и понеслась засѣяннымъ полемъ вперерѣзъ на дорогу.

— Видите?

— Вижу! Поди, начальство утекаетъ! Должно, приставъ!—прибавилъ Григорій Николаевичъ, присматриваясь въ сторону.—Кумъ мой! Со страху парнюга хлѣбушка не жалѣетъ! Блудливы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы. Черти! Сколько хлѣбовъ-то помяли!

Небольшой тарантасъ въѣхалъ на дорогу, быстро приближаясь. Лаврентьевъ поглядѣлъ впередъ и, замахавъ шляпой, крикнулъ, чтобы остановились. Двѣ фигуры въ форменныхъ сюртукахъ привстали и замахали руками. Ямщикъ осадилъ тройку. Лаврентьевъ остановилъ коня. Николай увидалъ рядомъ двухъ господъ, сидѣвшихъ въ тарантасѣ съ испуганными, возбужденными физіономіями.

— Куда вы, Григорій Николаевичъ?—взволнованнымъ голосомъ крикнулъ одинъ изъ нихъ, молодой еще, рыжеватенькій господинъ въ веснушкахъ, съ закрученными усами.—Развѣ не слыхали? Ворочайтесь назадъ... Въ Залѣсьѣ бунтъ... чуть-было насъ не убили!

— Ой ли, кумъ? — усомнился Лаврентьевъ. — Ужъ и убили.

— Едва спаслись, спасибо старшинѣ!—продолжалъ ры-

жеватый господинъ, не слыша или дѣлая видъ, что не слышалъ ядовитаго замѣчанія Лаврентьева.—Ужъ мы всячески убѣждали ихъ покориться закону... Какое! Настоящіе звѣри... А мы-то чѣмъ виноваты?

Онъ говорилъ торопливо, захлебываясь отъ страха и негодованія, и поминутно оглядывался назадъ.

— Вы, кумъ, толкомъ сказывайте. Пороть хотѣли?

— Вѣдь взыскать приказано. Надо было какъ-нибудь, а они, какъ идолы, уперлись, галдятъ—не согласны, не дадимъ... А толпа все больше... Вижу—сопротивленіе власти, никакія вразумленія... Мы съ ними,—указалъ онъ на спутника:—въ правленіе, а оттуда задами... Старшина доложилъ, что они стали терзать волостного писаря и поймали Потапа Осиповича... Пожалуй, умертвятъ. Совсѣмъ разсвирѣпѣли, какъ звѣри. Что̀ сдѣлаешь съ ними, съ подлецами?—съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ произнесъ рыжеватенькій приставъ.—Озвѣрѣли! Пусть Иванъ Алексѣевичъ какъ хочетъ, а по мнѣ безъ солдатъ ничего теперь не подѣлаешь! Ворочайтесь-ка, кумъ, по добру по здорову... Неровенъ часъ... Они уже два дома разнесли.

— Никодимъ Егорычъ!—началъ Лаврентьевъ, слѣзая съ телѣжки:—знаете ли, что̀ я скажу? Вернемтесь-ка назадъ въ Залѣсье... Я бунтъ этотъ мигомъ окончу... Вѣрь, любезный человѣкъ, моему слову. Со страху мало ли что̀ показалось... Слава Богу, я залѣсскихъ мужиковъ знаю...

Въ отвѣтъ оба чиновника замахали руками, а «кумъ» взглянулъ на Лаврентьева, видимо обиженный.

— Не подымайте, братцы, исторіи, — продолжалъ Лаврентьевъ.—Пожалѣйте народъ-то. Помните, Никодимъ Егорычъ, такое же дѣло, три года тому назадъ? Тоже и вашему брату попало... Послушайте добраго совѣта! Видно, Захарку къ Ивану Алексѣевичу услали? Онъ давеча проскакалъ, какъ оглашенный... Такъ мы вдогонку сейчасъ же... Иванъ Алексѣевичъ свой человѣкъ... Идетъ, что ли, кумъ?

— Я даже удивляюсь, Григорій Николаевичъ, какъ вы, не зная обстоятельствъ... Я, слава Богу, народъ тоже знаю... Они навѣрное убили бы насъ, а вы рекомендуете ѣхать на убой... Благодаримъ покорно! Не угодно ли однимъ ѣхать, а наше дѣло по начальству...

— Никодимъ Егоровичъ! По-пріятельски... Вылѣзайте-ка, что̀ я скажу...

Никодимъ Егоровичъ неохотно вылѣзъ изъ тарантаса съ видомъ оскорбленнаго достоинства. Григорій Николае-

вичъ отвелъ его въ сторону и въ чемъ-то убѣждалъ его, но видно было, что никакія убѣжденія не дѣйствовали. Онъ торопливо вскочилъ въ тарантасъ, приговаривая:

— Сами увидите, со страху ли намъ показалось! А лучше—не ѣздите. Теперь они даже такого гуманнаго человѣка, какъ вы, не пощадятъ!—съязвилъ приставъ, съ особеннымъ удареніемъ произнося слово: «гуманный». — Пошелъ!—крикнулъ онъ ямщику.—Да еще: забылъ совсѣмъ... если рѣшаетесь ѣхать туда, сынка господина Вязникова увезите. Совсѣмъ безумный молодой человѣкъ!— вдогонку крикнулъ приставъ.

Сердитый влѣзъ Лаврентьевъ въ телѣжку.

— Кто его знаетъ: вретъ ли Никодимка вовсе или нѣтъ?—заговорилъ онъ.—Народъ въ Залѣсьѣ смирный... И если онъ наконецъ озлился, значитъ, Кузьма совсѣмъ донялъ. Сто цѣлковыхъ предлагалъ куму!—прибавилъ минуту спустя Григорій Николаевичъ.—Не взялъ! Видно, взаправду помяли кого-нибудь, и Никодимка труситъ... Ну, Кузьма! Ужо погоди!—прибавилъ Лаврентьевъ. — Опять изъ-за тебя пропадаютъ люди.

— Про какого Потапа Осиповича говорилъ приставъ?— освѣдомился Николай.

— Потапка? А Кузькинъ сподручникъ. Довѣренный изъ мѣщанъ. Лютая тварь... Онъ, вѣрно, и настаивалъ, а они супротивъ Кузьмы не посмѣли... Силища! Около него сколько сволочи кормится... Эка дрянь дѣло-то! Того и гляди, солдатъ пригонятъ... Языки у этихъ—слышали?— безъ костей... Сейчасъ: убить хотѣли!.. Черти!.. Навѣрно брешутъ!

Онъ замолчалъ и опять хлестнулъ лошадь.

Черезъ нѣсколько минутъ они подъѣзжали къ Залѣсью. У самаго въѣзда въ село тихо колебалась громадная толпа народа. Гулъ голосовъ, покрываемый по временамъ женскими причитаніями, стоялъ въ воздухѣ, то усиливаясь, то замирая, словно ропотъ волнующагося моря. Что-то стихійно-могучее, что-то таинственно-внушительное чуялось въ этомъ гудѣньи народной толпы, и когда Лаврентьевъ, какъ ни въ чемъ не бывало, двинулся, ведя за собой Николая, въ самую середину гудящей толпы,—у Николая екнуло сердце.

На мгновеніе говоръ смолкъ при появленіи новыхъ лицъ. Вслѣдъ затѣмъ раздались привѣтственныя восклицанія.

Мужики охотно разступались, пропуская впередъ Лаврентьева и Николая. Сразу было видно, что Лаврентьевъ тутъ свой человѣкъ. Онъ шелъ, отвѣчая на здравствованія, въ середину толпы, пожимая пріятелямъ-мужикамъ руки. Съ появленіемъ Григорія Николаевича толпа какъ будто оживилась. Всѣ точно просвѣтлѣли, ожидая съ надеждой утѣшительнаго слова.

Прошла секунда, другая, и Николаю сдѣлалось стыдно за чувство малодушнаго страха, охватившаго его было вначалѣ. Достаточно было бросить бѣглый взглядъ на массу этихъ загорѣлыхъ, добродушныхъ физіономій, чтобы почувствовать себя совершенно спокойнымъ среди этихъ разсвирѣпѣвшихъ «звѣрей», о которыхъ только-что разсказывали. Какіе «звѣри»! Ни одной черточки звѣря не могъ онъ уловить въ лицахъ окружающихъ. Напротивъ: несмотря на раздраженіе, проглядывавшее на многихъ изъ этихъ лицъ, въ то же время что-то покорное, необыкновенно довѣрчивое сказывалось въ ихъ огрубѣлыхъ чертахъ, въ этихъ типическихъ простонародныхъ физіономіяхъ... Раздраженіе было — раздраженіе, какое чувствуетъ самый покорный человѣкъ вслѣдствіе боли,— выражавшееся въ жалобахъ на Кузьку, которыя раздались, какъ только Лаврентьевъ спросилъ, въ чемъ дѣло, на то, что ихъ хотѣли совсѣмъ «рушить» и не соглашались повременить хоть до осени, пока хлѣбушко созрѣетъ; но даже и въ этихъ жалобахъ звучала такая покорная нотка, которая невольно рѣзала сердце... Такое впечатлѣніе произвели на Николая эти «звѣри», которыхъ онъ вначалѣ такъ испугался... Однако среди этихъ жалобныхъ нотъ нѣтъ-нѣтъ, а попадались протестующія, но такихъ было немного.

Глядя на эту толпу, Николай невольно вспомнилъ чье-то сравненіе народной толпы съ могучимъ львомъ. Да, передъ нимъ—левъ, но левъ, не чуявшій еще своей силы, левъ, издающій покорныя жалобы, но не тотъ народъ-левъ, одинъ слабый ропотъ котораго внушаетъ страхъ и ужасъ тѣмъ, кто сознаетъ себя виноватымъ...

Николай чувствовалъ какую-то симпатію къ народу, но въ то же самое время сознавалъ, что онъ ему чужой и что всѣмъ этимъ мужикамъ нѣтъ до него никакого дѣла. Теоретически онъ, пожалуй, и любилъ народъ, но всѣ эти грубыя лица, этотъ запахъ земли, навоза и пота, были чужды ему, даже непріятны... Онъ понималъ, что заго-

вори онъ теперь съ мужиками—и онъ будетъ имъ непонятенъ... Цѣлая пропасть лежала между ними... А между тѣмъ Лаврентьевъ говорилъ и говорилъ совсѣмъ понятно... Его слушали со вниманіемъ и объясняли ему, какъ и почему это случилось, что пристава уѣхали и «Потапку маленечко помяли».

Ветхій старикъ съ большой сѣдой бородой, высокій и худой, съ длинной багровой шеей, на которой дрожали синія жилы, съ лицомъ фанатика-аскета, опершись на палку, внимательно прислушивался къ восклицаніямъ жалобы, отчаянія и недоумѣнія, вырывавшимся односложными, короткими обрывками изъ толпы, и, показалось Николаю, великой скорбью запечатлѣно было лицо старика...

Когда старикъ началъ говорить, толпа затихла. Видно было, что этотъ старикъ пользовался большимъ уваженіемъ односельцевъ.

— Я міру сказывалъ, чтобы міръ по волѣ не отдавалъ рѣшать... Я за міръ и отвѣтчикъ. Бѣдность наша не скрытая... Они видѣли... Христовымъ именемъ просили ослобонить хоть до Покрова... Такъ пусть теперь я одинъ буду за міръ отвѣтчикъ...

— Не дадимъ тебя въ обиду... Не дадимъ!—заревѣли голоса.

Старикъ низко поклонился міру.

— Я старъ, я немощенъ, какая отъ меня міру помога... Я готовъ постоять за міръ... Милости прошу!

— Антонъ Ѳедосѣичъ! — заговорилъ стоявшій впереди черноволосый, здоровый мужикъ съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ.—Ты міръ обижаешь... Мы всѣ рѣшали...

— Всѣ, всѣ!.. Одни міроѣды въ утекъ!

— И ежели что̀, всѣ и въ отвѣтѣ!..

— Всѣ, всѣ!—опять раздались голоса.

— Другъ дружку не выдавать!

— Міромъ... Всѣмъ міромъ!

— А что̀ теперича будетъ?

— Извѣстно, что̀ будетъ!..

— Все равно рѣшать... Сегодня не рѣшили, завтра рѣшать!—послышались голоса.

Высокая, красивая баба съ ребенкомъ на рукахъ, стоявшая напротивъ Николая, усмѣхнулась ѣдкой усмѣшкой и крикнула:

— А еще мужики! Рази хуже будетъ?

— Баба это правильно...

— Нѣтъ, братцы, Кузьма такъ не оставитъ!..—заговорилъ старикъ.—Не сумлѣвайтесь...

— Все едино порѣшатъ!..

— Лучше по доброй волѣ...

— Раззоръ, одно слово!

— Еще подожди, что̀ отвѣтишь!

Снова толпа загудѣла... Слышались восклицанія, что «такъ никакъ невозможно», «царь не позволитъ», «въ законѣ нигдѣ не показано!» и т. п., но тѣмъ не менѣе нотка отчаянія все болѣе и болѣе звучала въ этихъ крикахъ, какъ будто толпа чувствовала, что во всякомъ случаѣ дѣло ея проиграно. Даже обѣщаніе Лаврентьева просить начальство объ отсрочкѣ, сперва было-возбудившее надежду, впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ скептическихъ рѣчей большинства, потеряло оживляющій смыслъ... Покорность судьбѣ начинала смѣнять порывъ возбужденія. Точно инстинктомъ, народъ понялъ, что неоткуда ждать помощи, и Николай удивился, когда черезъ нѣсколько времени ужъ шли разговоры о томъ, какъ придется теперь отвѣчать и т. п.

Несмотря на попытку двухъ-трехъ мужиковъ и высокой бабы съ ребенкомъ поддержать увѣренность, что начальство «смиритъ Кузьку», что «царь не попуститъ обиды», что они, не позволивши рѣшить себя, ничего дурного не сдѣлали,—толпа, минуту тому назадъ готовая надѣяться, уже не надѣялась. Да и едва ли тѣ, которые обнадеживали, сами вѣрили тому, что̀ говорили.

Порывъ, вызванный отчаяніемъ, проходилъ, смѣняясь тупой покорностью. Левъ, издававшій стоны, обращался въ подъяремнаго вола.

Угрюмый стоялъ Лаврентьевъ передъ народомъ. Что̀ могъ сказать онъ ему въ утѣшеніе? Чѣмъ могъ пособить ему?

Николай понялъ, что нечѣмъ, и съ участіемъ взглядывалъ и на эту толпу, и на «дикаго» человѣка.

— Вотъ что, братцы... Я сегодня же поѣду въ губернію насчетъ вашего дѣла, а вы выберете человѣкъ трехъ ходоковъ... Дойдемъ до губернатора... Но только, ребята, мое слово такое: если, чего Боже сохрани... вы, смотри, лучше не того... смирненько штобы...

Голосъ Лаврентьева осѣкся... Онъ обѣщалъ и самъ сомнѣвался въ успѣхѣ своихъ хлопотъ. Онъ рекомендовалъ, чтобы «смирненько»...

— Ну, а если...

И снова что-то засѣло въ горлѣ... Онъ не могъ говорить.

— Спасибо тебѣ, Григорій Николаевичъ!..

— Заступникъ ты нашъ!

— На добромъ словѣ спасибо...

— Богъ не оставитъ тебя!

«И они еще благодарятъ! И какъ благодарятъ! Только за слово участья, за желаніе помочь, за человѣчное отношеніе!»—подумалъ Николай, ощущая приливъ необыкновенно хорошаго чувства... Слезы выступили у него на глазахъ. Онъ весь какъ-то умилился при этой сценѣ. А Лаврентьевъ, напротивъ, сталъ еще мрачнѣе послѣ этихъ словъ и какъ-то рѣзко крикнулъ:

— Чего галдите? Нечего галдѣть-то!.. Выбирай, ребята, ходоковъ!..

Снова загудѣла толпа. Стали выбирать депутатовъ для подачи жалобы губернатору. Выбрали худого старика, черноволосаго мужика и еще третьяго, стараго, степеннаго мужика. Всѣ трое низко поклонились міру за честь.

— А вы, Николай Ивановичъ, помогите-ка намъ прошеніе смастерить, да побольше жалкихъ словъ... Губернаторъ любитъ... Видѣли?.. — прибавилъ онъ. — Каковъ бунтъ? Разбойники! И что̀ я присовѣтую имъ?—прошепталъ онъ съ тоской въ голосѣ.

Онъ помолчалъ и, какъ бы спохватившись, прибавилъ:

— О братѣ я вамъ и не сказалъ... Онъ тутъ въ правленьѣ за Потапкой ходитъ...

— Какъ ходитъ?

— За лѣкаря!—усмѣхнулся Лаврентьевъ.—Потапку помяли, и то не всѣ,—иначе бы Потапки и въ живыхъ не было,—а два-три молодыхъ парня, и подѣломъ подлецу! А Вася при немъ же... Эко сердце у вашего брата... Парень золото! Пойдемъ въ волостное, тамъ и пишите прошеніе; авось что̀ и выйдетъ.

Толпа медленно стала расходиться, разбившись по кучкамъ. Разговоры стихали. Всѣ находились подъ гнетомъ ожиданія. Бабы причитали и взвизгивали. Нѣкоторыя спохватились выносить изъ избъ свой скарбъ и прятали его на задахъ.

— Небойсь, Кузьма разыщетъ!—посмѣялся кто-то надъ бабами.

— Эти дѣла Кузьма не впервой дѣлаетъ!—объяснилъ

Лаврентьевъ, направляясь съ Николаемъ въ волостное правленіе.—Разъ къ нему мужикъ въ лапы попалъ—не выпутается. Процентъ беретъ отчаянный, окромя того дѣлаетъ ярыжническіе договоры... Дастъ по времени, когда мужику деньга до зарѣзу нужна, рублевъ двадцать, а черезъ годъ-другой мужикъ, смотришь, полста долженъ... А условія-то какія! Ужо я покажу вамъ... Избы и вся движимость въ залогѣ, да и хлѣбъ на корню запроданъ по самой низкой цѣнѣ... Одна кабала! А тутъ, какъ на грѣхъ, два года неурожаи... Народъ и вовсе обнищалъ!

Они подходили къ волостному правленію, когда около раздался насмѣшливый женскій голосъ:

— Какіе вы мужики? Хуже бабъ, право, хуже!..

Николай обернулся.

Та самая высокая молодая баба съ ребенкомъ на рукахъ, которая на сходѣ обратила на себя вниманіе Николая, стыдила теперь трехъ молодыхъ парней. Ироническая усмѣшка скривила ея губы. Необыкновенно строгое, красивое лицо ея дышало ненавистью и презрѣніемъ.

— Мужики! Хороши мужики!—повторила она, бросая уничтожающій взглядъ. — А еще хвастали, что укротите Кузьку!—замѣтила баба, понижая голосъ.

— Вы знаете эту бабу?—спросилъ Николай.

— Прасковью-то? Еще бы не знать... Норовистая баба... Мужъ ея,—прибавилъ Григорій Николаевичъ:—въ Сибирь пошелъ изъ-за Кузьки... Кузька ее въ полюбовницы норовилъ, она у него въ работницахъ жила... Кто ихъ знаетъ, что у нихъ было,—темное дѣло, только мужикъ царапнулъ Кузьку ножомъ... Засудили... Она при дѣтяхъ осталась... Погоди, еще она Кузьмѣ припомнитъ... Эта баба не проститъ!..

Вошли въ волостное правленіе. Изъ-за перегородки, раздѣлявшей избу на двѣ комнаты, слышались стоны, прерываемые ругательствами.

— Спасибо, Василій Ивановичъ... Вѣкъ не забуду... Охъ, матушки... Пресвятая Богородица!.. Ужо погоди, голубчики... Ужо отвѣтъ дадите... Идолы проклятые... Чуть не до смерти!..

— Это Потапка причитаетъ! Должно, помяли порядочно!—замѣтилъ Лаврентьевъ.

Они заглянули въ сосѣднюю комнату. На диванѣ лежалъ «Потапка», а около него сидѣлъ Вася. Онъ подошелъ къ вошедшимъ, взволнованный, пожимая руки.

— Потапку стережете? — тихо проговорилъ Лаврентьевъ, улыбаясь.—Здорово помяли его?

— Порядочно-таки... Прикладываю ему компрессы. Все проситъ, чтобы я не отходилъ... боится!..

— Отлежится!..—тихо замѣтилъ Лаврентьевъ.—Ему не разъ бока мяли!.. Сказываютъ, вы, Вася, его о[illegible]тояли?

— Нѣтъ, я такъ... около случился, когда его [illegible] ли и трое стали бить... Народъ-то очень сердился, [illegible] о-вѣка такъ избили... Да онъ самъ виноватъ... [illegible] ре великое, а онъ еще дразнитъ людей! Неужели, [illegible]орій Николаевичъ, ничего нельзя сдѣлать?.. Такъ и разорятъ?

— Попытаемъ!..

— Василій Иванычъ! Отецъ родной! Что-жъ вы оставили меня?—застоналъ Потапъ Осиповичъ изъ угла.— Не оставляйте, а то убьютъ меня звѣри окаянные... душегубы безжалостные... Охъ, Господи, Боже мой... Охъ, мученія какія!..

— Небойсь, Потапъ Осиповичъ, не убьютъ!..—проговорилъ Лаврентьевъ, подходя къ дивану.—Какъ Богъ тебя милуетъ... цѣлъ еще?

— Совсѣмъ истерзали, Григорій Николаевичъ... Если бы не Василій Ивановичъ, какъ бы архангелъ, не видать бы мнѣ Божьяго свѣта... Безвинно пострадалъ, за чужое дѣло... Охъ, Господи милосердный!.. Спасите вы меня отсюда... Увезите поскорѣй, благодѣтели, голубчики... Вѣкъ буду Бога молить за васъ...

Николай приблизился и увидалъ толстаго, небольшого человѣка съ темно-рыжими волосами, лежащаго на деревянномъ диванѣ въ изодранномъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись полосатая жилетка и клочки ситцевой рубахи, запачканной кровью. Лицо избитаго было закрыто полотенцами. Оставались открытыми только вспухшій ротъ да подбородокъ, окаймленный рыжей рѣдкой бороденкой.

— Посмотри-ка, Григорій Николаевичъ, что они со мной сдѣлали!

Съ этими словами Потапъ Осиповичъ, охая, приподнялъ толстую руку, на коротенькихъ пальцахъ которой были надѣты перстни, и снялъ полотенца, обнаживъ вздувшееся сине-багровое лицо, сплошь покрытое кровавыми подтеками. Изъ-подъ вспухшихъ вѣкъ злобно выглядывали маленькіе, непріятные рысьи глаза. Все лицо представляло собой сплошную кровавую маску.

Замѣтивъ на лицѣ Николая чувство ужаса при видѣ

этого зрѣлища, Потапъ Осиповичъ нарочно не закрывалъ своего лица, несмотря на совѣтъ Васи, какъ бы радуясь впечатлѣнію, произведенному его физіономіей.

— Каково это?.. А здѣсь посмотрите!.. Вотъ не угодно ли?.. Что они съ тѣломъ сдѣлали?.. Тѣло-то какъ истерзали!..

Он[illegible] остал[illegible] открывать грудь, но ему сказали, что не [illegible]

— [illegible] господа, будьте свидѣтелями... Каково тутъ, а?.. [illegible]нуться больно... Пожалуй, ребро тронуто... Тоже и у меня семейство... Я безвинно, человѣкъ служащій... подневольный. Кузьма Петровичъ послали меня къ этимъ дьяволамъ для присутствія, въ видѣ какъ бы аблаката, а они убить... Это какъ же?.. Тѣло въ растерзаніи, нутренность вся потревожена... Какъ я теперь могу продолжать свои занятія?.. Съ кого взыскивать буду?.. Развѣ эти люди вознаградятъ?!..

— Богъ дастъ, отлежишься, Потапъ Осиповичъ... И послѣ поговоримъ насчетъ вознагражденія... съ разсудкомъ человѣкъ будешь и спросишь подходящую цѣну. А пока лежи смирно, ничего не бойся...

— Какъ не бояться... Чуть-было не убили...

— Не ври, Осипычъ... Кабы хотѣли, давно отъ тебя мокренько бы осталось. Благодари Бога, что цѣлъ!—проговорилъ Лаврентьевъ.

Черезъ нѣсколько времени Потапа Осиповича отправили по его просьбѣ въ усадьбу Кривошейнова. Старшина и писарь, избитые, по словамъ пристава, куда-то скрылись... Кто-то видѣлъ, что они уѣхали. По словамъ мужиковъ, ихъ даже и не «помяли».

Николай написалъ прошеніе, Лаврентьевъ одобрилъ его и прочиталъ мужикамъ. Мужики остались довольны, ставили подъ нимъ кресты и подписывались, кто умѣлъ. Выборные уже собрались и отправились въ губернскій городъ, сопровождаемые пожеланіями. Лаврентьевъ обѣщалъ вечеромъ ѣхать туда же, только прежде повидаться съ исправникомъ, и наказалъ безъ него къ губернатору не ходить.

Вслѣдъ затѣмъ Лаврентьевъ и Вязниковы оставили Залѣсье, напутствуемые благодарностью и благословеніями.

— Подай вамъ Господи, добрые люди!

— Заступники вы наши...

— Богъ не оставитъ васъ!..

— Прощай, Григорій Николаевичъ!—произнесла высокая баба съ ребенкомъ, протягивая руку Лаврентьеву.

Молча возвращались наши путники назадъ. Только-что видѣнное произвело на всѣхъ огромное впечатлѣніе. На Васѣ лица не было... Скорбныя мысли волновали юношу.

XVIII.

Солнце садилось, когда оба брата вернулись домой. Старики радостно встрѣтили ихъ съ восторженными лицами. Иванъ Андреевичъ уже слышалъ о происшествіи въ Залѣсьѣ, узналъ, что Вася былъ тамъ, и боялся за сына. Онъ выслушалъ разсказъ Николая,—Николай разсказалъ обо всемъ очень живо и талантливо,—и въ волненіи заходилъ по кабинету.

— Я поѣду къ губернатору,—сказалъ онъ:—и объясню всю эту исторію. Въ самомъ дѣлѣ, это вопіющее дѣло!

— Если бы ты видѣлъ самъ, папа!..—вставилъ Вася.

— А ты какъ туда попалъ?—рѣзко оборвалъ его Иванъ Андреевичъ. — Ты зачѣмъ мѣшаешься не въ свои дѣла, скажи мнѣ на милость, когда твое дѣло учиться? Къ чему ты побѣжалъ въ Залѣсье? Чѣмъ ты помогъ? Ты только себя погубишь своими глупыми выходками. Послушай, Вася, я давно хотѣлъ съ тобой поговорить... Твое поведеніе, признаюсь тебѣ, крайне мнѣ непріятно.

Онъ остановился и взглянулъ на Васю. Вася стоялъ смущенный, кротко посматривая на взволнованнаго старика.

— Оставь насъ, Николай,—промолвилъ онъ, и когда Николай ушелъ, онъ сказалъ Васѣ:—Сядь!

Вася сѣлъ на кресло. Старикъ усѣлся напротивъ и первыя минуты молчалъ, стараясь побороть вспышку гнѣва. Его взглядъ понемногу смягчался, останавливаясь на задумчивомъ лицѣ сына. И чѣмъ дольше онъ глядѣлъ на Васю, тѣмъ болѣе и болѣе смягчался. И отцу вдругъ безконечно стало жаль своего бѣднаго мальчика. Въ кроткомъ, страдальческомъ взорѣ восторженныхъ голубыхъ глазъ, въ блѣдномъ лицѣ, въ этомъ немощномъ тѣлѣ старикъ впервые прозрѣлъ что-то необыкновенно глубокое, искреннее, беззавѣтное. Ему почему-то припомнилось, что онъ видѣлъ однажды, во время своей молодости, молодого раскольника, шедшаго подъ кнутъ съ такимъ же самымъ восторженнымъ лицомъ. И сердце заныло у старика. Развѣ

можно сердиться на Васю? Объ этотъ кроткій взглядъ разбивался всякій гнѣвъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, онъ какой-то особенный, не похожій на другихъ, этотъ Вася. Чѣмъ же занята его голова? Чѣмъ болитъ его сердце въ такіе юные годы?»—думалъ Иванъ Андреевичъ, съ тоскливымъ участіемъ взглядывая на Васю.

— Ты извини меня, Вася,—началъ Вязниковъ совсѣмъ смягченнымъ голосомъ: — я давеча горячился и былъ рѣзокъ...

— Что̀ ты, папа!..—остановилъ его Вася.—Что̀ ты!

— А теперь, мой милый, скажи мнѣ откровенно, какъ другу: зачѣмъ ты ходилъ въ Залѣсье? Какія побужденія заставили тебя идти туда? Конечно, не любопытство?

— Любопытство? Какъ можно смотрѣть на страданія ближнихъ изъ любопытства?

— Ну, разумѣется, нельзя; по крайней мѣрѣ, ты не станешь... Я знаю...

— Я, видишь ли, папа...

Вася остановился на секунду въ колебаніи и продолжалъ:

— Ты не смѣйся, папа, надо мной, а впрочемъ, что-жъ я заранѣе прошу!—улыбнулся юноша.—Можетъ-быть, оно и смѣшно, но только мнѣ не смѣшно... Я, видишь ли, думалъ какъ-нибудь пособить, отвратить это несчастіе... Когда туда пріѣхали продавать, я просилъ пожалѣть, отсрочить, доложить губернатору, что такъ нельзя...

— Ты просилъ?

— А то какъ же? Я полагалъ, что они убѣдятся...

— И что-жъ тебѣ сказали?

— Сказали, что не мое дѣло... Всѣ такъ говорятъ!.. Но какъ же не мое дѣло? Мнѣ кажется, это дѣло всякаго! И долженъ я тебѣ еще признаться,—я тебѣ не говорилъ прежде и никому не говорилъ,—что раньше еще я ходилъ къ Кузьмѣ Петровичу.

— Ты? Зачѣмъ?—все болѣе и болѣе удивлялся Иванъ Андреевичъ.

— Просить его о томъ же. Но только и его я напрасно упрашивалъ. Онъ не согласился. Стращалъ урядникомъ. Странный онъ... Разсердился...

— Да вѣдь это, Вася, въ самомъ дѣлѣ смѣшно, мой милый. Ходить убѣждать Кузьму! Кто далъ тебѣ право давать совѣты людямъ, которые ихъ не спрашиваютъ? Раз-

суди самъ. И развѣ ты пріобрѣлъ право учить другихъ, ты, мальчикъ, который еще самъ ничего не знаетъ, который долженъ учиться, а не учить другихъ!? И почему ты полагаешь, что ты правъ? Откуда такая увѣренность?

— Я никого не учу, я только просилъ...

— И ты видишь, всѣ твои просьбы безплодны... Тебя волнуетъ, что Кузьма поступаетъ недобросовѣстно,—я не спорю, онъ нехорошій человѣкъ,—но развѣ ты призванъ исправлять его? Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! Мало ли несовершенствъ! Но все это не даетъ тебѣ права считать себя судьей чужихъ дѣлъ. Удивилъ ты меня! Ходить къ Кривошейнову! Убѣждать его! Это черезчуръ смѣшно! Воображаю, какъ онъ смѣялся, слушая твои увѣщанія. Еще благодари, что онъ только прогналъ тебя, а не поднялъ исторіи.

— Какой исторіи?

— Ты не понимаешь?.. Онъ могъ извратить смыслъ твоихъ словъ, и мало ли что̀ могло быть.

— Что бы ни было, но вѣдь нельзя же!.. Ты пойми, нельзя же!.. Я никогда не учу, я не считаю себя судьей,— сохрани меня Богъ!—но нельзя же равнодушно смотрѣть, какъ людей оскорбляютъ. Развѣ можно?.. Я не могу... Сердись не сердись, папа, а это выше моихъ силъ. Я не знаю, что̀ дѣлать, какъ помочь, но чувствую, что надо, надо!..—проговорилъ юноша.

— И не смотри равнодушно, другъ мой; но чтобы быть полезнымъ, надо учиться. Наука дастъ исходъ твоимъ хорошимъ стремленіямъ. Наука скажетъ тебѣ, что зло всегда было, но что постепенно оно уменьшается, люди постепенно дѣлаются лучше, отношенія становятся мягче... И тогда, когда ты научишься, ты дѣйствительно можешь быть полезнымъ своей родинѣ, а въ противномъ случаѣ ты, Вася, съ своими добрыми стремленіями, съ своей восторженностью, останешься безполезнымъ и, Боже храни, безплодно погибнешь. Какая-нибудь выходка, въ родѣ той, которую ты сдѣлалъ, и жизнь твоя потеряна для другихъ.

Старикъ продолжалъ говорить на эту тему и увлекся. Онъ говорилъ о назначеніи образованнаго человѣка, о пользѣ, которую онъ можетъ принести; онъ приводилъ историческіе примѣры, какъ постепенно улучшается жизнь, и когда кончилъ и взглянулъ на Васю, то увидалъ, что юноша все такъ же смотритъ своимъ кроткимъ, страдальческимъ взоромъ, и что горячія слова отца не произвели

на него того впечатлѣнія, на которое разсчитывалъ старикъ.

И правда: Вася слушалъ, и все-таки слова отца не произвели на него успокаивающаго дѣйствія. Скорѣе сердце, чѣмъ разумъ, подсказывало ему, что въ словахъ отца что-то не то, что они не отвѣчаютъ на вопросы, надъ которыми онъ задумывался.

По своему обыкновенію, онъ припоминалъ слова отца и, помолчавши, замѣтилъ:

— Ты, папа, осуждаешь мои выходки и вообще совѣтуешь беречь себя, чтобы не погибнуть безплодно. Такъ вѣдь?

— Ну, конечно.

— Прости меня, если я тебѣ напомню. Ты въ молодости за что̀ же пострадалъ? Развѣ не за то, что тебя мучило несчастье ближнихъ? И развѣ ты раскаивался когда-нибудь?

Старикъ былъ поставленъ въ затрудненіе этимъ вопросомъ. Раскаивался ли онъ? Конечно, нѣтъ!

— Ошибки отцовъ служатъ урокомъ дѣтямъ!—отвѣтилъ онъ, съ любовью посматривая на Васю.

— Такъ это была ошибка съ твоей стороны? — опять спросилъ Вася.

— Увлеченіе, пожалуй... Но видишь ли, Вася... Когда я увлекался, я все-таки кое-чему учился! — улыбнулся Иванъ Андреевичъ.

— И вотъ что̀ еще,—продолжалъ Вася.—Ты говоришь, что наука дастъ выходъ, что образованный человѣкъ принесетъ пользу, но объясни мнѣ, почему же вотъ и ты образованный, и Коля образованный, и мало ли образованныхъ, а въ Залѣсьѣ такая исторія?.. Да и въ одномъ ли Залѣсьѣ? Объясни мнѣ, Бога ради, почему же одни должны терпѣть, а другіе должны мучить?.. Скажи мнѣ, дорогой мой, скажи, развѣ это такъ должно быть? Развѣ это и есть правда? Меня эти вопросы, папа, давно мучатъ. Ну, научи же ты, какъ же это... Разрѣши мои сомнѣнія.. Кто разрѣшитъ мнѣ ихъ?

Онъ произнесъ послѣднія слова такимъ страстнымъ, замирающимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, что Иванъ Андреевичъ испуганно взглянулъ на Васю, подошелъ къ нему, обнялъ и тихо промолвилъ:

— Вася... Вася, что̀ съ тобой, голубчикъ? Развѣ можно такъ волноваться?

— Какъ же не волноваться? И чѣмъ я виноватъ, что волнуюсь? Ты успокой меня, и я перестану...

— Боленъ ты.

— И Коля говоритъ... Нѣтъ, я не боленъ, папа...

— Скажи мнѣ, откуда у тебя эти мысли, эти вопросы?

— Какъ я скажу тебѣ, откуда? Я не знаю, откуда... Вижу я, что̀ кругомъ дѣлается, и раздумываю, отчего это та̀къ дѣлается, а не иначе...

Долго еще старикъ бесѣдовалъ съ сыномъ, стараясь разъяснить ему мучительные вопросы, но Вася ушелъ неудовлетворенный и неуспокоенный.

И старикъ, оставшись одинъ, самъ чувствовалъ, что онъ не успокоилъ сына. Онъ со страхомъ думалъ о будущности «бѣднаго» восторженнаго мальчика и долго не могъ заснуть въ эту ночь, волнуемый тяжелыми мыслями и не зная, какъ помочь сыну избавиться отъ пагубныхъ заблужденій.

XIX.

На слѣдующій день Иванъ Андреевичъ собрался ѣхать вмѣстѣ съ Николаемъ въ губернскій городъ С. Вязниковъ принялъ близко къ сердцу вчерашнее происшествіе въ Залѣсьѣ и выразилъ надежду, что, Богъ дастъ, дѣло какъ-нибудь обойдется, и никакихъ дурныхъ послѣдствій для крестьянъ не будетъ. Быть-можетъ, явится даже возможность черезъ губернатора, который въ сущности добрый человѣкъ,—прибавилъ Вязниковъ:—повліять на Кузьму и убѣдить его отсрочить продажу.

— Во всякомъ случаѣ надо попытаться!

Вася просіялъ, когда за чаемъ услышалъ этотъ разговоръ. Онъ такъ восторженно любовался отцомъ, что старикъ, улыбаясь, промолвилъ:

— Ты что̀ такъ смотришь, Микула Селяниновичъ, а? И сегодня ты какъ будто веселѣй, не то, что вчера.

— Я надѣюсь, что ты, папа, поможешь. Тебя послушаютъ.

— Ну, братъ, не особенно насъ слушаютъ! Вѣдь вотъ ты же меня вчера не послушалъ, я не убѣдилъ, кажется, тебя, что тебѣ надо учиться, а не поучать Кузьму и становыхъ!—шутя замѣтилъ Вязниковъ.—Но я не падаю духомъ и не теряю надежды со временемъ убѣдить тебя, что твои увѣщанія по меньшей мѣрѣ безполезны. Еще поспоримъ, мой философъ! Теперь будемъ чаще спорить,

а то ты какой-то со мной бука былъ, мой мальчикъ. Будемъ вѣдь спорить?

— Будемъ.

— Но споры—спорами, а занятія—занятіями. Надѣюсь, что ты будешь готовиться къ экзамену?

— Я готовлюсь.

— Ты не захочешь огорчить насъ, стариковъ, оставаясь неучемъ?

— Мнѣ было бы тяжело огорчить васъ!—съ чувствомъ проговорилъ Вася какъ бы въ раздумьѣ.

— То-то... Эхъ, братъ, перемелется—мука будетъ! Не все кругомъ ложь да зло, какъ тебѣ кажется. Ну, до свиданія. Пожелайте намъ успѣха, господа! — проговорилъ старикъ, прощаясь съ женой и сыномъ.

Вечеромъ Вязниковы пріѣхали въ губернскій городъ С. и остановились въ гостиницѣ. Иванъ Андреевичъ облекся въ черный сюртукъ, чтобы тотчасъ же отправиться къ губернатору, а Николай собирался въ театръ. Они условились послѣ театра поужинать вмѣстѣ съ отцомъ въ трактирѣ.

— Сегодня я тебя угощу шампанскимъ!—замѣтилъ Николай.

— Ладно, ладно. Я, признаться, люблю это вино. Благородный напитокъ!

— Смотри же, въ одиннадцать часовъ. Желаю тебѣ успѣха!—проговорилъ Николай, прощаясь на подъѣздѣ съ отцомъ. — Быть-можетъ, и мое прошеніе подѣйствуетъ. Вѣрно, ужъ Лаврентьевъ здѣсь!..

Въ это самое время его превосходительство Евгеній Николаевичъ Островерховъ, военный генералъ лѣтъ подъ сорокъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, внимательно слушая сообщеніе Кузьмы Петровича Кривошейнова о подробностяхъ происшествія въ Залѣсьѣ и о нанесеніи побоевъ его довѣренному. Время отъ времени его превосходительство нетерпѣливо поднималъ глаза на разсказчика, не безъ брезгливости разсматривая угреватое, грязноватое лицо Кривошейнова и его толстые, жирные пальцы и снова опуская глаза на бумаги, лежавшія на письменномъ столѣ.

Еще вчера его превосходительство получилъ отъ рыжеватенькаго станового телеграмму о происшествіи, — Ивана Алексѣевича, исправника, не случилось въ ту пору дома, и становой рѣшился самъ телеграфировать, — и

утромъ сегодня выслушалъ докладъ объ этомъ дѣлѣ лично отъ станового и отъ Ивана Алексѣевича, поспѣшившаго пріѣхать въ городъ и доложить со словъ своего помощника. Распорядительный и энергичный генералъ еще ночью отправилъ на мѣсто происшествія чиновника особыхъ порученій, приказавъ ему немедленно дать знать ему о томъ, что дѣлается въ Залѣсьѣ, и уполномочивъ въ крайнемъ случаѣ вызвать изъ ближайшаго города воинскую команду. Въ то же время сообщено было судебной власти, и на мѣсто происшествія отправились прокуроръ и слѣдователь. Первыя свѣдѣнія, полученныя его превосходительствомъ, были таковы, что дѣло представлялось крайне серьезнымъ. Выходило какъ бы въ родѣ бунта или, по крайней мѣрѣ, сопротивленія властямъ, такъ что немудрено было, что его превосходительство былъ крайне озабоченъ этимъ дѣломъ и внимательно выслушивалъ многорѣчивыя объясненія Кузьмы Петровича, пріѣхавшаго просить защиты своихъ интересовъ и «огражденія неприкосновенности».

Его превосходительство нахмурилось, когда Кузьма Петровичъ, между прочимъ, старался придать этому дѣлу оттѣнокъ подстрекательства и разсказалъ, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ къ нему приходилъ сынъ Вязникова и съ угрозами просилъ не поступать по закону, при чемъ говорилъ возмутительныя рѣчи.

— Я тогда не пожелалъ обезпокоить ваше превосходительство, полагая, что Иванъ Андреевичъ, какъ родитель, образумитъ своего сынка, но вчерась этотъ молодой человѣкъ былъ въ Залѣсьѣ и, какъ мнѣ извѣстно, подстрекалъ мужиковъ.

— Откуда вамъ это извѣстно?

— Отъ довѣреннаго моего. И наконецъ становой вмѣлъ.

— Становой приставъ о подстрекательствѣ мнѣ не докладывалъ...

— Кромѣ того, туда же пріѣхали г. Лаврентьевъ и старшій сынъ Вязникова.

— И что же?

— Они, ваше превосходительство, говорили рѣчи мужикамъ.

— Я насчетъ этого имѣю болѣе вѣрныя свѣдѣнія! — сухо проговорилъ его превосходительство. — Васъ, очевидно, ввели въ заблужденіе, и я не совѣтую вамъ, Кузьма Петровичъ, давать такое ложное направленіе этому

происшествію. Могу васъ успокоить, что въ этомъ дѣлѣ никакихъ подстрекательствъ не было, по крайней мѣрѣ, судя по даннымъ, пока имѣющимся у меня. Во всякомъ случаѣ, повѣрьте, что дѣло это будетъ строжайше изслѣдовано и интересы закона соблюдены.

Его превосходительство привсталъ, давая знать, что аудіенція кончена, и, протянувъ руку, проводилъ Кузьму Петровича до дверей.

«Скотина!»—произнесъ генералъ, оставшись одинъ и безпокойно шагая по кабинету. Тѣмъ не менѣе поступокъ молодого Вязникова и присутствіе Лаврентьева и Вязниковыхъ въ Залѣсьѣ во время происшествія, о чемъ генералу было донесено становымъ приставомъ и подтверждено исправникомъ,—нѣсколько безпокоили его превосходительство, особенно въ виду слуховъ, уже ходившихъ въ городѣ по поводу этого происшествія. Онъ нетерпѣливо ожидалъ телеграммы отъ чиновника по особымъ порученіямъ, но отъ него извѣстія еще не было. Его превосходительство уже третій годъ управлялъ губерніей, и, слава Богу, все шло благополучно, какъ вдругъ теперь непріятное происшествіе, о которомъ дойдутъ, пожалуй, въ Петербургъ превратныя извѣстія... Это тревожило генерала, мечтавшаго о видной дальнѣйшей карьерѣ. Онъ былъ назначенъ здѣсь послѣ очень строгаго губернатора, и ему при назначеніи намекнули дѣйствовать зорко, но осторожно, и вдругъ такое непріятное дѣло у него въ губерніи.

Онъ позвонилъ и приказалъ лакею позвать правителя канцеляріи.

Невысокій, скромный молодой человѣкъ тотчасъ же явился въ кабинетъ.

— Извѣстій новыхъ нѣтъ изъ Залѣсья, Александръ Львовичъ?

— Нѣтъ...

— Странно...

— Быть-можетъ, дороги задержали Лазарева, ваше превосходительство!

— Вы думаете, дороги?

— Полагаю, что дороги...

— Дай Богъ, чтобы не было хуже. Сейчасъ Кривошейновъ былъ... Онъ тамъ, между прочимъ, разныя кляузы разсказываетъ.

— Онъ уже и мнѣ говорилъ... По-моему, все это вздоръ.

— Пожалуй, въ городѣ кричать будетъ... Этотъ мужикъ въ послѣднее время совсѣмъ съ ума спятилъ. И откуда онъ набрался этого духа? Конечно, поступокъ Вязникова смѣшонъ, дикъ, но тѣмъ не менѣе...

Въ эту минуту лакей принесъ телеграмму.

— Наконецъ-то, — произнесъ Островерховъ, быстро вскрывая телеграмму.—Ну, слава Богу! Снѣжковъ доноситъ, что порядокъ въ Залѣсьѣ вполнѣ возстановленъ, и что главные зачинщики арестованы!—прибавилъ генералъ, протягивая телеграмму правителю канцеляріи.

Скромный на видъ чиновникъ, молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, съ некрасивымъ, нѣсколько замореннымъ лицомъ, съ плоскими, аккуратно прилизанными волосами, сталъ читать телеграмму. По мѣрѣ чтенія, лицо его дѣлалось серьезнѣе и серьезнѣе, и если бы генералъ внимательно взглянулъ въ это время на своего подчиненнаго, то увидалъ бы едва замѣтную улыбку, искривившую тонкія губы скромнаго чиновника. Впрочемъ, улыбка тотчасъ же исчезла, и лицо чиновника снова сдѣлалось безстрастно.

— Ну, что̀ скажете, милѣйшій Александръ Львовичъ? Да что̀ вы не присядете? Прикажете папироску?

— Очень вамъ благодаренъ, Евгеній Николаевичъ!— отказался чиновникъ.—Внизу спѣшная работа. Мнѣ кажется, ваше превосходительство, что телеграмма Снѣжкова нисколько не разъясняетъ дѣла. Какіе безпорядки, чѣмъ они были вызваны — объ этомъ ни слова здѣсь нѣтъ.

— Вы развѣ сомнѣваетесь въ донесеніи пристава? Телеграмма его была очень тревожная, и наконецъ не смѣетъ же онъ такъ нагло лгать!

— Я позволю себѣ замѣтить, ваше превосходительство,—съ нѣкоторой аффектаціей скромности продолжалъ молодой человѣкъ:—что подъ первымъ впечатлѣніемъ весьма возможны сильныя преувеличенія. До меня дошли объ этомъ дѣлѣ нѣсколько иные слухи. Сегодня пріѣхалъ изъ своего имѣнія Лаврентьевъ, который, какъ ближайшій сосѣдъ Залѣсья, поѣхалъ на мѣсто происшествія и былъ тамъ. Не угодно ли будетъ вашему превосходительству повидать Лаврентьева и самому услышать отъ него подробности? Лаврентьевъ человѣкъ честный и благонамѣренный, и я уже имѣлъ честь докладывать, что всѣ разсказы Кривошейнова о немъ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія.

— Я вѣрю, вѣрю, но все-таки этотъ Лаврентьевъ... Впрочемъ, пригласите его.

— Прикажете сегодня?

— Нѣтъ, дайте, Александръ Львовичъ, и мнѣ вздохнуть! Пригласите его завтра утромъ, въ девять часовъ. Кстати, мнѣ очень любопытно будетъ познакомиться съ этимъ чудакомъ. О немъ столько разсказываютъ смѣшного,— усмѣхнулся его превосходительство.—Говорятъ, онъ совсѣмъ мужикомъ глядитъ? Правда это?

— Нѣсколько одичалъ въ деревнѣ.

— Во всякомъ случаѣ, завтра намъ надо послать донесеніе въ Петербургъ.

— Не дожидаясь подробнаго сообщенія Снѣжкова?

— Онъ завтра будетъ. А то, того и гляди, въ газетахъ появится телеграмма раньше, чѣмъ мы донесемъ. И такъ шумъ поднятъ. Вы не слыхали, какъ здоровье этого избитаго? Кривошейновъ говоритъ, что онъ при смерти.

— Нѣтъ, ваше превосходительство. Этотъ побитый скоро поправится!—отвѣтилъ чиновникъ.

— Непріятное дѣло, очень непріятное!..—проговорилъ генералъ, присаживаясь къ столу.

— Я больше не нуженъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, Александръ Львовичъ. Если что̀, я васъ побезпокою!—проговорилъ генералъ, протягивая руку.

Правитель канцеляріи поклонился и, спустившись въ канцелярію, тотчасъ же написалъ Лаврентьеву записку слѣдующаго содержанія:

«Извѣстное происшествіе представлено намъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, дорогой Григорій Николаевичъ. Очень боюсь, что мы взглянемъ на него глазами Снѣжкова, посланнаго въ Залѣсье. Приходите завтра въ девять часовъ. Васъ примутъ, я предупредилъ. Одѣньтесь почище и постарайтесь говорить поделикатнѣй, не мѣшало бы и побриться. Завтра же посылайте и мужиковъ съ прошеніемъ. Я доложу. Относительно вашего юноши можно, кажется, быть спокойнымъ. Съ нашей стороны, по крайней мѣрѣ, нѣтъ довѣрія къ сплетнямъ Кривошейнова. Во всякомъ случаѣ, совѣтуйте ему держать себя осторожнѣй. Жму вашу руку. Завтра увидимся. Сегодня не могу. Заваленъ работой, и мой генералъ каждую минуту меня зоветъ. Вашъ А. Н.»

Запечатавъ конвертъ, правитель канцеляріи отправилъ

письмо съ разсыльнымъ, приказавъ отдать письмо въ собственныя руки Лаврентьева, подъ расписку, и засѣлъ за работу.

Евгеній Николаевичъ, оставшись одинъ въ своемъ большомъ, увѣшанномъ картами, кабинетѣ, сталъ-было прочитывать одну изъ бумагъ, лежащихъ передъ нимъ, но занятія что-то не шли. Онъ отодвинулъ отъ себя бумаги, поднялся съ кресла и заходилъ по кабинету, занятый мыслями о непріятномъ дѣлѣ, случившемся у него въ губерніи.

Евгеній Николаевичъ, начавшій свою карьеру въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и окончившій курсъ въ военной академіи, былъ въ сущности добрый и неглупый человѣкъ, не особенно образованный, но «нахватавшійся», трудолюбивый, одушевленный добрыми намѣреніями и надѣленный природой большимъ самолюбіемъ и честолюбіемъ. Онъ принадлежалъ къ числу дѣловыхъ карьеристовъ и, безъ особенныхъ связей, безъ состоянія, все-таки умѣлъ пробить себѣ дорогу и пользовался репутаціей весьма способнаго, дѣльнаго и благонамѣреннаго человѣка. Онъ умѣлъ ладить съ земствомъ (хотя столкновенія и были), ладилъ съ обществомъ, ладилъ съ начальствомъ, умѣлъ говорить при открытіи разныхъ собраній недурныя рѣчи и писать обстоятельныя записки, болѣе же всего хлопоталъ, чтобы у него въ губерніи все шло ладно и тихо. Онъ замѣстилъ слишкомъ ужъ безпокойнаго администратора и съ свойственнымъ ему тактомъ понялъ, что ввѣренная ему губернія требуетъ успокоенія. Правда, когда онъ пріѣхалъ въ С—кую губернію, онъ, никогда не выѣзжавшій изъ Петербурга и проведшій всю свою молодость въ канцеляріяхъ, не умѣлъ отличить пшеницы отъ ржи и не особенно былъ твердъ въ знаніи различныхъ положеній, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло, но понемногу онъ познакомился съ дѣлами, самъ усидчиво работалъ и донималъ работой чиновниковъ, заставляя ихъ составлять ему всевозможныя свѣдѣнія и таблицы статистическаго характера, на основаніи которыхъ онъ не только знакомился съ положеніемъ своей губерніи, но и составлялъ записки по всевозможнымъ вопросамъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства, испещряя ихъ цифрами и выкладками. Нечего и говорить, что всѣ эти записки, направленныя, конечно, ко благу губерніи, еще болѣе возвышали репутацію Евгенія Николаевича, какъ

дѣльнаго человѣка, убѣждая его и самого въ этомъ, хотя по долгу справедливости надо замѣтить, что если бы на основаніи цифръ, свѣдѣній и таблицъ, доставляемыхъ Евгенію Николаевичу, были приняты какія-либо мѣры, то случилось бы нѣчто невѣроятное, такъ какъ по большей части свѣдѣнія, доставляемыя чиновниками, сообщались больше для очистки себя передъ требовательностью начальства. Любуясь у себя въ кабинетѣ развѣшанными по стѣнамъ красиво иллюминованными картами всѣхъ уѣздовъ, на которыхъ подробно были обозначены качества почвы, фабрики и заводы, мельницы и т. п., Евгеній Николаевичъ считалъ себя отличнымъ знатокомъ края и во всякое время могъ рѣшить: гдѣ нужны дороги, гдѣ мало школъ, гдѣ недоимки легко взыскивать, гдѣ трудно. Все это наглядно докладывали его превосходительству карты всевозможныхъ видовъ, величинъ и формъ: были большія карты, утыканныя гвоздиками съ черными шляпками, были карты, сплошь усѣянныя гвоздиками съ мѣдными шляпками, были проткнутыя деревянными разноцвѣтными иглами, были наконецъ покрытыя протянутыми вдоль и поперекъ шелковинками разныхъ цвѣтовъ. Каждая подобная карта-таблица имѣла спеціальное назначеніе и во всякое время могла уяснить Евгенію Николаевичу, почему наводненіе затопило такую-то деревню, сколько пожарныхъ инструментовъ въ такомъ-то селѣ, какія мѣстности подвержены неурожаямъ, гдѣ свирѣпствуетъ дифтеритъ, гдѣ и сколько числится недоимокъ, въ какихъ мѣстахъ пьянство больше, въ какихъ мужики—плотники, въ какихъ—землекопы; однимъ словомъ, подробная энциклопедія губерніи развѣшана была по стѣнамъ, составляя гордость ея обладателя. Онъ, разумѣется, вполнѣ увѣренъ былъ въ точности всѣхъ этихъ раскрашенныхъ картъ и разнокалиберныхъ гвоздиковъ и сидѣлъ среди нихъ не безъ самодовольнаго сознанія, что дѣло управленія поднято имъ (хотя и не безъ борьбы) на надлежащую высоту. Его не могли обманывать недобросовѣстные чиновники. Его не могли подкупить какія-нибудь ходатайства земства. Его не могли ввести въ заблужденіе неправильныя сообщенія. Онъ обо всемъ зналъ, все видѣлъ, не выходя изъ своего кабинета: стоило только подняться съ кресла, приблизиться къ одной изъ картъ и посмотрѣть.

Было бы непростительно относительно подчиненныхъ его превосходительства не упомянуть, что они тотчасъ же

послѣ обнаруженія слабости генерала къ статистикѣ не только сами прониклись любовью къ ней, но даже поощряли къ этому и своихъ женъ. Не только у каждаго станового висѣла карта его стана, усѣянная гвоздями, но, вначалѣ, болѣе красивыя и молодыя губернскія дамы къ арсеналу своего оружія противъ молодого и холостого губернатора пріобщили и статистику, хотя, впрочемъ, напрасно. Его превосходительство отличался весьма солиднымъ поведеніемъ, такъ что ни одна изъ дамъ не могла посплетничать насчетъ другой.

Точно такъ же было бы несправедливостью по отношенію къ подчиненнымъ генерала, если бы читатель подумалъ, что они не сочиняли этой статистики самымъ немилосерднымъ образомъ и не изыскивали бы способовъ обманывать генерала съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ дѣлали это и при его предмѣстникѣ, который самъ всюду ѣздилъ и во все мѣшался. И очень часто случалось, что, недовѣрчивый въ сущности, Евгеній Николаевичъ довѣрялъ такимъ людямъ, которые умѣли мошенничать и ловко прятать концы въ воду, несмотря на массу свѣдѣній, имѣющихся подъ руками у его превосходительства.

XX.

Евгеній Николаевичъ все еще ходилъ по кабинету, и на его пріятномъ лицѣ все еще отражалось безпокойство, когда въ дверяхъ снова появился лакей и доложилъ:

— Иванъ Андреевичъ Вязниковъ.

— Проси, проси!—съ живостью произнесъ генералъ, направляясь къ дверямъ.

Его превосходительство встрѣтилъ почтеннаго старика съ такой предупредительной вѣжливостью и даже почтительностью, какихъ не удостоивалось ни одно лицо въ городѣ, несмотря на то, что Иванъ Андреевичъ никакого офиціальнаго значенія не имѣлъ, богатъ не былъ и, какъ извѣстно читателю, даже пользовался репутаціей не совсѣмъ спокойнаго человѣка. Но таковъ ужъ былъ нравственный престижъ Ивана Андреевича. Этотъ высокій старикъ съ львиной гривой и большой сѣдой бородой невольно внушалъ такое уваженіе своимъ прошлымъ, безупречнымъ настоящимъ, независимымъ характеромъ и прямотой, что знакомство съ нимъ считалось за честь, тѣмъ болѣе, что Иванъ Андреевичъ съ большимъ разборомъ приглашалъ къ себѣ и рѣдко у кого бывалъ.

— Очень радъ видѣть, уважаемый Иванъ Андреевичъ!..—проговорилъ Островерховъ, пожимая руку Вязникова.—Не угодно ли вотъ сюда, на кресло!—продолжалъ онъ, придвигая кресло.—Давно не заглядывали къ намъ! Какъ поживаете?

— Благодарю васъ, Евгеній Николаевичъ, ничего себѣ. Вотъ пріѣхалъ безпокоить ваше превосходительство!—проговорилъ Вязниковъ, опускаясь на кресло.

— Чѣмъ могу служить вамъ? Вы можете быть увѣрены, Иванъ Андреевичъ, что я всегда къ вашимъ услугамъ! Не прикажете ли сигару? Сигары, кажется, не очень скверныя!—продолжалъ его превосходительство, подавая Ивану Андреевичу ящикъ съ сигарами.

Иванъ Андреевичъ закурилъ превосходную, душистую сигару и сказалъ:

— Я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ, Евгеній Николаевичъ, подѣлиться съ вами свѣдѣніями насчетъ прискорбнаго происшествія, бывшаго вчера въ Залѣсьѣ. Вы, конечно, знаете о немъ по офиціальнымъ донесеніямъ, но я счелъ не лишнимъ сообщить вамъ свѣдѣнія, которыя узналъ отъ очевидцевъ. Надѣюсь, вы извините, ваше превосходительство, мое непрошенное вмѣшательство, но дѣло такъ... такъ серьезно, что я рискнулъ побезпокоить васъ.

— Помилуйте, Иванъ Андреевичъ! Я могу только благодарить васъ. Безъ помощи общества мы часто бродимъ въ потемкахъ. Дѣло это дѣйствительно непріятное, но, слава Богу, я сейчасъ получилъ телеграмму, что тамъ порядокъ возстановленъ и виновные арестованы, а вѣдь вчера станового пристава чуть-было не убили... Къ сожалѣнію, открытое сопротивленіе!..

— Извините, Евгеній Николаевичъ, но я вижу, что свѣдѣнія, полученныя вами, не совсѣмъ точны. Никого они не хотѣли убивать и никакого сопротивленія не было,—горячо подхватилъ Вязниковъ.

Его превосходительство поморщился при этихъ словахъ.

— Что-жъ тогда было?—спросилъ задѣтый за живое генералъ.—Кажется, я долженъ быть au courant всего того, что̀ дѣлается!

— Вотъ объ этомъ именно я и пріѣхалъ разсказать вамъ, при чемъ ручаюсь своимъ словомъ, что свѣдѣнія мои вполнѣ достовѣрны. Я слышалъ ихъ отъ сыновей, которые были тамъ—одинъ съ начала происшествія, другой въ концѣ пріѣхалъ съ Лаврентьевымъ.

— Мнѣ говорили объ этомъ,—вставилъ генералъ.

— Хотя младшій сынъ мой и нѣсколько экзальтированный юноша,—вы, вѣрно, слышали о его нелѣпомъ визитѣ къ Кривошейнову!—но мальчикъ добрый и никогда не лжетъ,—проговорилъ гордо старикъ:—и я ручаюсь, что все переданное ими совершенно справедливо. А они разсказали слѣдующее. Прежде однако позвольте выяснить вамъ необходимыя подробности. Вамъ, конечно, извѣстно, Евгеній Николаевичъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся залѣсскіе мужики и въ какой зависимости они стоятъ отъ господина Кривошейнова...

Евгеній Николаевичъ любезно остановилъ на этихъ словахъ Ивана Андреевича и попросилъ его подойти вмѣстѣ съ нимъ къ одной изъ многочисленныхъ картъ, висящихъ на стѣнѣ.

— Мы сейчасъ увидимъ! — не безъ гордости произнесъ онъ.—У меня тутъ все, какъ на ладони!.. Вотъ оно... Залѣсье...—продолжалъ онъ, поднося свѣчку къ большой раскрашенной картѣ уѣзда.—Земля тутъ хорошая, суглинокъ съ черноземомъ, крестьяне зажиточные, неурожаевъ въ послѣдніе годы не было... Недоимокъ не состоитъ!—объяснялъ Евгеній Николаевичъ разные знаки на картѣ, отлично ему извѣстные.

Вязниковъ, зная слабость Островерхова, слушалъ, сдерживая улыбку, и, когда генералъ окончилъ, произнесъ:

— Помилуйте, Евгеній Николаевичъ, я знаю землю. Земля скверная, и четыре года сряду были неурожаи.

Его превосходительство какъ-то недовѣрчиво взглянулъ на Ивана Андреевича, но, зная въ то же время правдивость Вязникова, былъ нѣсколько смущенъ.

— Вы говорите, земля тамъ скверная?

— Помилуйте, суглинокъ съ пескомъ.

— И неурожаи четыре года?

— Четыре года сряду!

— Но какъ же однако... за ними не числится недоимокъ?

— Этого я не знаю, но знаю, что они очень бѣдны и принуждены были занимать деньги у Кривошейнова на условіяхъ самыхъ невѣроятныхъ...

Евгеній Николаевичъ все еще находился подъ вліяніемъ нѣкоторой оторопи, какъ человѣкъ, внезапно получившій ударъ по лбу. Въ его большихъ, сѣрыхъ, добродушныхъ глазахъ проглядывало недоумѣніе, и онъ пощипывалъ свою бѣлокурую бакенбарду съ безпокойствомъ.

— Признаюсь, вы, Иванъ Андреевичъ, нѣсколько удивили меня. Впрочемъ, ошибка возможна, хотя, казалось бы...

И Евгеній Николаевичъ тотчасъ же взялъ карандашъ и на мѣстѣ Залѣсья сдѣлалъ большое нота-бене.

— Мы исправимъ это. Мнѣ остается благодарить васъ!..—произнесъ Островерховъ, возвращаясь къ столу.

Вязниковъ вслѣдъ затѣмъ показалъ его превосходительству копію съ условія, заключеннаго Кривошейновымъ съ крестьянами, разсказалъ, какіе проценты беретъ онъ, и въ какомъ безвыходномъ положеніи находятся, такимъ образомъ, мужики. Его превосходительство внимательно выслушалъ и нѣсколько разъ восклицалъ:

— Вы правы, Иванъ Андреевичъ: это возмутительныя условія, хотя... хотя все, кажется, законно.

— Совершенно законно.

— И мы ничего не можемъ сдѣлать! Мы не закрываемъ глазъ на положеніе дѣлъ, но, знаете, при всемъ нашемъ желаніи мы должны умывать руки и... и собирать подати,— добавилъ генералъ.

Иванъ Андреевичъ перешелъ затѣмъ къ разсказу о томъ, что̀ случилось въ Залѣсьѣ.

— При такихъ-то обстоятельствахъ пріѣхали продавать имущество. Крестьяне, понимая, что имъ предстоитъ полное разореніе, умоляли объ отсрочкѣ, но получили отказъ. Въ отчаяніи они стали говорить, что не допустятъ продажи и будутъ жаловаться вамъ. Въ отвѣтъ на это приставъ сталъ бранить ихъ и приказалъ принести розогъ... Можете себѣ представить, ваше превосходительство, насколько такой образъ увѣщанія былъ умѣстенъ. Вмѣсто того, чтобы доложить начальству и подождать дальнѣйшихъ инструкцій, приставъ продолжалъ настаивать. Тогда вокругъ него собралась толпа и стала снова просить. Приставъ ударилъ ближайшихъ мужиковъ и снова повторилъ обѣщаніе пересѣчь всѣхъ. Тогда толпа стала уже кричать, что не дастъ разорить себя, при чемъ пристава опять просили немедленно дать знать вамъ... Нѣкоторые стали укорять пристава, что онъ держитъ сторону Кривошейнова. Раздались даже крики, чтобы приставъ убирался, что онъ беретъ взятки. Тогда онъ тотчасъ же уѣхалъ, совершенно свободно: рѣшительно никто за нимъ не гнался и не хотѣлъ его убивать. Въ то же время двое или трое крестьянъ, возбужденныхъ глумленіемъ довѣреннаго господина Кри-

вошейнова, мѣщанина Потапа Осипова, бросились на него и стали его бить, когда онъ собирался уѣхать, но были остановлены другими крестьянами. Одновременно съ этимъ крестьяне отправились искать старшину и писаря, но они скрылись, боясь раздраженія толпы, такъ какъ они люди крайне недобросовѣстные. Затѣмъ въ село поѣхалъ ближайшій сосѣдъ, Лаврентьевъ, въ гостяхъ у котораго былъ мой старшій сынъ, и, встрѣтивъ на дорогѣ пристава, приглашалъ его вернуться, обѣщая уговорить крестьянъ, но приставъ въ испугѣ объяснилъ, что въ Залѣсьѣ бунтъ, и не согласился, говоря, что его хотѣли убить... Вотъ какой былъ бунтъ, ваше превосходительство,—заключилъ свой разсказъ взволнованный старикъ. — И если дѣйствительно было нѣкоторое раздраженіе, то вы очень хорошо видите, кто этому причиной.

Евгеній Николаевичъ выслушалъ весь разсказъ съ полнымъ вниманіемъ и, когда старикъ окончилъ, Евгеній Николаевичъ проговорилъ:

— Мнѣ доносили объ этомъ происшествіи совсѣмъ иначе. Во всякомъ случаѣ, я искренно благодаренъ вамъ за вашу помощь. Нечего и говорить, что я приму ваше сообщеніе къ свѣдѣнію, обращу особое вниманіе на это дѣло и постараюсь, насколько возможно, смягчить послѣдствія. Такъ трудно найти порядочныхъ людей!—вздохнулъ генералъ.—Насъ нерѣдко обвиняютъ, но развѣ мы такъ виноваты? Намъ часто приходится, почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ, быть козлищами отпущенія! — улыбнулся Евгеній Николаевичъ.—И гдѣ найти людей? У насъ, къ сожалѣнію, какое-то предубѣжденіе противъ полицейской службы, и немудрено, что мы довольствуемся тѣмъ, кто есть. Право, мы не такъ виноваты, какъ говорятъ о насъ газеты. Насъ обвиняютъ за все, а между тѣмъ не входятъ въ наше положеніе.

— Всѣмъ, Евгеній Николаевичъ, трудно!..

— Именно всѣмъ, вы это совершенно вѣрно. Всѣмъ!..— задумчиво повторилъ генералъ.

— Сердитесь не сердитесь, Евгеній Николаевичъ, я ужъ злоупотреблю вашей любезностью до конца! — продолжалъ Вязниковъ и намекнулъ о томъ, чтобы его превосходительство повліялъ на Кривошейнова относительно отсрочки взысканія.

— А то опять, пожалуй, выйдетъ какое-нибудь недоразумѣніе.

— Я постараюсь, непремѣнно скажу ему.

— Ваше слово, Евгеній Николаевичъ, будетъ имѣть вѣсъ.

— Ну, не особенно разсчитывайте, Иванъ Андреевичъ! Нынче эти господа почти внѣ нашего вліянія.

— Однако-жъ...

— Что̀ ему! Онъ милліонеръ и чувствуетъ свою силу отлично,—умный мужикъ!.. Кстати, онъ былъ сегодня и ушелъ недовольный отъ меня, такъ какъ я отнесся съ недовѣріемъ къ его глупымъ сплетнямъ. Вы простите меня, Иванъ Андреевичъ, но я позволю себѣ пріятельскій совѣтъ: уговорите своего сына быть осторожнѣй. Его посѣщеніе и увѣщаніе Кривошейнова, конечно, не болѣе, какъ выходка юности, но ей могутъ дать толкованіе весьма нежелательное. Я, конечно, не повѣрю, но другіе могутъ повѣрить, а теперь, въ виду разныхъ прискорбныхъ явленій, вы понимаете...

Вязниковъ поблагодарилъ за участіе и разстался съ его превосходительствомъ очень дружески. Генералъ проводилъ Ивана Андреевича до дверей и еще разъ обѣщалъ разслѣдовать дѣло самымъ тщательнымъ образомъ и повліять на Кривошейнова.

Оставшись одинъ, Евгеній Николаевичъ подошелъ къ картѣ, оказавшейся не вполнѣ правдивой, внимательно посмотрѣлъ на нота-бене, записалъ свѣдѣнія, сообщенныя Вязниковымъ, и, отходя, нѣсколько разъ повторилъ:

— Удивительно, какъ это случилось!.. Удивительно!..

Это такъ безпокоило Евгенія Николаевича, что онъ хотѣлъ-было послать за правителемъ канцеляріи, но, взглянувъ на часы и увидавъ, что ужъ одиннадцать часовъ, отложилъ свое намѣреніе до утра.

Въ первый разъ, кажется, у генерала явилось сомнѣніе въ безусловной вѣрности своихъ картъ и таблицъ, развѣшанныхъ въ кабинетѣ, и онъ, лежа въ постели, нѣсколько времени размышлялъ объ этомъ, пока наконецъ не успокоился на томъ, что обнаруженная ошибка, вѣроятно, какая-нибудь случайность, и не рѣшилъ собрать по этому поводу самыя точныя справки.

Если бы онъ когда-нибудь узналъ, что всѣ эти гвоздики и шелковинки, которыми онъ такъ гордился и въ которые вложилъ душу, ровно ничего не стоятъ, то едва ли бы нашъ добросовѣстный, усидчивый и добродушный кабинетный генералъ такъ скоро заснулъ, какъ заснулъ въ эту ночь.

XXI.

— Ну, что, папа? Удалась твоя миссія?—спрашивалъ Николай, когда они сошлись въ трактирѣ поужинать.— По твоему лицу вижу, что удалась!

— Кажется.

И старикъ передалъ сущность бесѣды съ его превосходительствомъ.

— Превосходно!—воскликнулъ Николай.—Ну, заказывай ты. Хорошо здѣсь кормятъ?

— Ничего себѣ. А ты любишь хорошо поѣсть, Коля?

— Грѣшенъ, папа, люблю!

Они заказали ужинъ. Николай потребовалъ бутылку шампанскаго.

— Я говорилъ, что въ сущности Островерховъ порядочный человѣкъ, если бы только не его статистика, въ которую онъ такъ вѣритъ!

Когда старикъ разсказалъ о картахъ и таблицахъ генерала и о томъ, какъ Островерховъ былъ смущенъ, когда Иванъ Андреевичъ объяснилъ, что свѣдѣнія о Залѣсьѣ невѣрны, то Николай хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— Выходитъ, папа, что это бумажный администраторъ!

— Есть грѣхъ, но все же спасибо Евгенію Николаевичу.

Они продолжали бесѣду, похлебывая шампанское, и просидѣли вдвоемъ далеко за полночь. Старикъ былъ въ духѣ. Его радовалъ успѣхъ его заступничества.

— А вѣдь продажа все-таки состоится!—поддразнилъ Николай.

— Я думаю, Кузьма отсрочитъ.

— А если нѣтъ? Вѣдь онъ въ правѣ.

— Ну, тогда что дѣлать!

— И если мужики въ самомъ дѣлѣ озлятся?

— Избави Богъ!

— Вѣдь возможно, папа? И тогда, какой бы ни былъ твой Евгеній Николаевичъ, а придется усмирять. Вѣдь придется?

— Ну, конечно, придется.

— Выходитъ, папа, какъ ни ворочай дѣло, а дѣло-то скверное. Ну, положимъ, и отсрочитъ. Вѣдь не съ неба же явятся деньги потомъ.

— Извернутся понемногу. Какъ-нибудь выплатятъ.

— И вѣдь Залѣсье—одинъ случай, а такихъ случаевъ развѣ одинъ? Газеты читаешь, надѣюсь?

— Ну, что-жъ? Ты, Коля, сейчасъ преувеличиваешь! Сейчасъ же обобщаешь и какъ будто нарочно стараешься окрасить въ мрачный цвѣтъ все. Это у васъ, у молодежи, точно законъ какой-то! Ну, да, времена не особенно хорошія, несовершенствомъ полна наша жизнь, все это справедливо, но что-жъ изъ этого? Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Не сразу же все. Не все же кругомъ Кривошейновы, не всѣ же эгоисты. И развѣ всегда такъ будетъ, какъ теперь? Не вѣчно же! Прежде хуже было,—что̀ сказалъ бы ты въ наше время?—а нынче ужъ не то. Развѣ прогрессъ не замѣтенъ? И что это за манера сомнѣваться да глумиться? Глумиться, Коля, легко. Надо вѣрить и работать съ этой вѣрой. Чокнемся же, мальчикъ мой, за лучшія времена. Чокнемся, и да не оскудѣетъ въ тебѣ вѣра въ ближняго своего!

Николай съ любовью смотрѣлъ на своего старика, въ которомъ жила такая сильная, горячая вѣра. И самому ему, подъ впечатлѣніемъ горячихъ словъ, все показалось свѣтлѣй и лучше, и самому ему еще болѣе вѣрилось въ свои молодыя силы, тѣмъ болѣе, что они съ отцомъ уже допивали вторую бутылку шампанскаго.

— Удивительно ты живучъ, папа! — проговорилъ Николай.

— Ну, а вы, молодежь, развѣ не живучи?—засмѣялся старикъ.

— Мы? Мы, папа, все тронутые какіе-то.

— Какъ тронутые?

— Такъ; почвы нѣтъ. Во что̀ вѣрили вы, въ то мы не вѣримъ...

— Полно, полно клеветать на себя, Коля. Еще не жилъ, а ужъ не вѣришь. И во что̀ это вы не вѣрите? Въ жизнь, въ людей? Глупости ты говоришь, Коля. Этакій скептикъ въ двадцать два года! Нечего сказать!.. Однако пойдемъ, мой скептикъ, спать. Пора. Заболтались мы съ тобой.

Вязниковы рѣшили остаться еще день въ городѣ. Ивану Андреевичу надо было побывать въ управѣ и навѣстить кое-кого знакомыхъ.

Когда Николай на слѣдующій день открылъ глаза и потягивался въ постели, Иванъ Андреевичъ уже былъ одѣтъ и собирался уходить.

— Заспался же ты, Коля! Двѣнадцатый часъ!

— Что-жъ ты не разбудилъ меня!

— Да къ чему же было тебя будить? Послѣ ужина надо

выспаться. Ну, до свиданія. Мнѣ пора. А ты что̀ будешь дѣлать?

— Поброжу по улицамъ. Зайду въ библіотеку; вечеромъ пойду на бульваръ.

— Ну, ладно, а я до вечера не буду дома.

— А обѣдать гдѣ будешь? Развѣ не вмѣстѣ?

— Нѣтъ. Не знаю, какъ успѣю. Обѣдай безъ меня.

Николай одѣлся и пошелъ бродить по городу. Отъ нечего дѣлать зашелъ въ гостиный дворъ и очень обрадовался, встрѣтивъ Лаврентьева.

— Здорово, Николай Ивановичъ!—произнесъ онъ.—Ну, я сегодня удостоился—былъ у губернатора. И прошеніе подано. Ничего. Обнадежили лапотниковъ. Они ужъ и домой пошли, а я вотъ остался на денекъ, кое-что по хозяйству купить,—весело говорилъ Лаврентьевъ. — Надо справляться. И одежину надо пошить. Оно какъ будто и въ самомъ дѣлѣ лучше пошить, а то ходишь словно бурлакъ. Надо теперича при парадѣ.

«Вотъ оно что!—усмѣхнулся про себя Николай.—Совсѣмъ преображается дикій человѣкъ по случаю женитьбы!»

— А вы, Николай Ивановичъ, куда идете? — спросилъ Лаврентьевъ.

— Шатаюсь, какъ видите.

— Такъ помогите мнѣ, любезный человѣкъ. Сходимъ къ портному насчетъ фрака.

— Вы и фракъ заказываете?—невольно вырвалось у Николая.

— То-то!.. Совѣтуютъ всѣ; мало ли какая надобность... И то сегодня губернаторъ на мою сюртучину зарился. А еще поглядимъ фортепіаны. Я звалъ Елену Ивановну, да она не поѣхала. Нездорова, говоритъ.

— Что̀ съ ней?

— А Богъ ее знаетъ. Такъ, никакой болѣзни будто и не видно. Я сказывалъ, чтобы лѣкаря,—не хочетъ!—проговорилъ Григорій Николаевичъ какъ-то грустно.—Да и фортепіаны просила еще не покупать. Такъ мы только присмотримъ. Елена Ивановна любитъ музыку!—съ любовью произнесъ Лаврентьевъ.

Николай съ удовольствіемъ согласился. Они сперва пошли къ портному. Когда нѣмецъ-портной сказалъ, что фрачная пара будетъ стоить семьдесятъ пять рублей, то Григорій Николаевичъ даже ахнулъ.

— Да наплюйте мнѣ въ рожу, если я такія деньги дамъ! Отроду не плачивалъ. Что во фракѣ-то... и матеріалу нѣтъ, а такая прорва денегъ!

Николай и портной не могли не улыбнуться.

— Но зато фракъ будетъ, настоящій фракъ!—говорилъ портной.

— Не танцуетъ! — проговорилъ Григорій Николаевичъ.—Пойдемъ, Николай Ивановичъ, къ другому нѣмцу.

— Оно можно, господинъ, и дешевле,—улыбаясь, проговорилъ почтенный нѣмецъ:—но зато не тотъ матеріалъ.

— Главное, чтобы прочно, потому этотъ мнѣ фракъ до смерти.

Лаврентьевъ торговался, какъ торгуется русскій крестьянинъ. Онъ нѣсколько разъ уходилъ изъ лавки, снова возвращался и наконецъ рѣшился заказать фрачную и сюртучную пару за шестьдесятъ рублей.

Портной сталь снимать мѣрку, а Григорій Николаевичъ все приговаривалъ:

— Первое дѣло, чтобы пошире.

Николай только улыбался, глядя на этого медвѣдя, и представлялъ, каковъ онъ будетъ во фракѣ.

А «медвѣдь» и самъ смѣялся.

— То-то хорошъ я буду во фракѣ, Николай Ивановичъ!.. Ну, теперь фортепіаны пойдемъ смотрѣть!

Николай перепробовалъ довольно много инструментовъ и выбралъ нѣсколько въ разныя цѣны. Лаврентьевъ не ахнулъ тутъ, когда за лучшій инструментъ спросили 600 рублей; онъ только спросилъ, нельзя ли сто скинуть, и когда отвѣтили, что можно скинуть только 25 рублей, онъ сказалъ, что черезъ недѣлю рѣшитъ дѣло.

— Пусть Елена Ивановна посмотритъ!—замѣтилъ онъ Николаю.—Понравится—куплю. Спасибо, Николай Ивановичъ,—прибавилъ онъ, крѣпко потрясая руку Николая.—Теперь, кажись, все. Развѣ космы-то свои снять... Какъ вы думаете? Ужъ заодно!

— Пожалуй, постричься не мѣшаетъ.

— И бороду маленько обкорнать?

— Ничего и бороду!—подтвердилъ Николай, все болѣе и болѣе удивляясь.

— Ну, ладно. Послушаю васъ, Николай Ивановичъ. Добрый вы, какъ погляжу, человѣкъ-то! Смотрите, ко мнѣ захаживайте. Мы такъ и не успѣли заведенія моего поглядѣть. Вы въ Питеръ-то скоро?

— Въ сентябрѣ думаю.

— И что въ вашемъ Питерѣ? Вонь одна. Оставались бы вы у насъ, Николай Ивановичъ, право. Въ деревнѣ жизнь вольная. Тоже и здѣсь дѣло найдется. Вы, слышалъ я, собираетесь въ адвокаты?

— Да.

— Такъ у насъ честному человѣку здѣсь дѣла-то довольно, право. Аблакаты-то здѣшніе, въ родѣ Потапки, душатъ мужиковъ!.. Экъ я зубы-то заговариваю, а дѣло-то и забылъ... Сегодня встрѣтилъ я здѣсь васильевскаго старосту. Они судиться хотятъ съ Смирновой.

— Такъ что же?

— А то, что просилъ меня указать имъ адвоката. Чего лучше—вамъ-то? Хотите?

— Я былъ бы очень радъ! — воскликнулъ Николай, обрадованный и польщенный внезапнымъ предложеніемъ Григорія Николаевича.

Воображеніе тотчасъ же рисуетъ ему заманчивую картину: онъ на судѣ говоритъ блистательную и убѣдительную рѣчь при массѣ публики (вѣрно, Нина Сергѣевна тоже будетъ и Леночка тоже) и выигрываетъ дѣло, являясь, такимъ образомъ, защитникомъ угнетенныхъ крестьянъ.

— Я не прочь, Григорій Николаевичъ!—продолжалъ Николай, все болѣе и болѣе увлекаясь этой мыслью:—хотя и слышалъ, что у васильевскихъ мужиковъ нѣтъ никакихъ доказательствъ.

— Дѣло запозистое, это вѣрно... Документовъ никакихъ, но они владѣли лѣскомъ еще при покойномъ Смирновѣ... Онъ подарилъ имъ лѣсъ... Всѣ объ этомъ знаютъ! Попытать надо, не отдавать же такъ лѣсъ, зря, Смирнихѣ... Баба она съ перцемъ!

— Страшно какъ-то, Григорій Николаевичъ!.. Вѣдь это будетъ мой первый дебютъ...

— Да вы, поди, рѣчисты?.. Правда, супротивникъ вашъ будетъ—петербургская ваша шельма...

— Присухинъ?

— Слышалъ, онъ самый...

— Что-жъ... попробуемъ!.. Я, впрочемъ, не даю окончательнаго отвѣта. Я прежде познакомлюсь съ дѣломъ, поговорю съ крестьянами...

— И я кое-что разскажу, я тоже дѣло это знаю... Ужо приходите ко мнѣ денька черезъ два, я тѣмъ временемъ

прикажу васильевскому старостѣ придти... А насчетъ денегъ—васильевцы заплатятъ вамъ хорошо! — прибавилъ Лаврентьевъ.

— Я не возьму съ нихъ денегъ!—вспыхнулъ Николай.

— Какъ не возьмете?—удивился Лаврентьевъ и даже пріостановился, посматривая на молодого человѣка во всѣ глаза.

— Такъ, не возьму...

Лаврентьевъ расхохотался.

— Вотъ сейчасъ и видно, Николай Ивановичъ, что вы мужика совсѣмъ не знаете. Да нешто онъ согласится, чтобы вы даромъ?.. Ни въ жизнь! У него тогда и вѣры не будетъ къ вамъ... Боже васъ сохрани! Мужикъ смекнетъ, что вы такъ, по-господски... позабавиться... Что вы! За свой трудъ да не взять!?

— Ну, положимъ, пустяки какіе-нибудь...

— И это не дѣло,—берите по чести! Вы съ ними торгуйтесь, нечего белендрясы-то съ ними строить... Мужикъ надъ вами будетъ смѣяться, коли вы съ нимъ, какъ съ младенцемъ, станете бахвалиться! Васильевцы—плутъ-мужики и ничего себѣ—брюхо отростили, даромъ что прикинутся казанскими сиротами... Я здѣсь мужика знаю... Ну, да объ этомъ нечего толочь воду-то! Коли возьметесь за дѣло, мы ужо обладимъ...

Они шли, продолжая бесѣду. Лаврентьевъ время отъ времени поглядывалъ все по сторонамъ улицы.

— Что это вы ищете, Григорій Николаевичъ?

— Вотъ ее самую—цырульню!

Лаврентьевъ ткнулъ пальцемъ на противоположную сторону улицы и прибавилъ:

— Пойти окорнаться, а то, сказываютъ люди, и взаправду дѣтей пугаю!—усмѣхнулся Григорій Николаевичъ.

«Это онъ все для Леночки!»—подумалъ Николай.

— Опосля еще къ одному человѣку заверну, да и гайда домой! — продолжалъ Лаврентьевъ, останавливаясь.—Что здѣсь хорошаго? Одна пакость въ городѣ! А вы когда домой?

— Мы завтра.

— Такъ прощайте, Николай Ивановичъ! И то замоталъ я васъ! Спасибо за помощь! Ужо мы съ Еленой Ивановной пріѣдемъ свои фортепіаны брать... По крайности музыка у насъ будетъ, а то что гитара?.. Ей наскучитъ моя гитара... Елена Ивановна музыку любитъ... Душа у нея... такая... чуткая... Словно струна звучитъ!

Когда Лаврентьевъ упоминалъ имя невѣсты, некрасивое, поросшее волосами лицо его умилялось, глаза свѣтились безконечною любовью, и въ грубомъ голосѣ звучала такая нѣжная нотка, что Николай невольно подумалъ, глядя на этого «медвѣдя»: «любитъ же онъ Леночку и какъ сильно любитъ!»

«А Леночка?»—подкрадывался вопросъ.

— Не забудьте же черезъ два дня ко мнѣ, къ вечеру, что ли... Лѣсъ тягать будемъ отъ Смирнихи!—прибавилъ Лаврентьевъ, сжимая, по своему обыкновенію, руку Николая такъ крѣпко, что Николай чуть не присѣлъ.

— Ай больно?—простодушно спросилъ Лаврентьевъ, гладя своей рукой руку Николая, точно нянька ребенка.—Да, батюшкѣ-то вашему, Ивану Андреевичу, нижайшій мой поклонъ! Очень помогъ онъ! Кабы не онъ, може, генералъ и слухать бы не сталъ Гришку Лаврентьева. Брешетъ, молъ, все Гришка!.. Онъ и такъ глаза все пучилъ на меня! Теперь, по крайности, кумъ усмирять не будетъ... и то ладно! А до Кузьки доберусь!.. Ты не сумнѣвайся, Иванычъ!.. Для этого я и къ человѣчку иду. У Кузьки-то все рыло въ грязи, какъ у борова, да и кровь-то на рылѣ еще не засохла... Мы ее отмоемъ... далъ бы Богъ до концовъ его добраться!..

Онъ снова пожалъ руку и пошелъ въ другую сторону.

Николай, улыбаясь, прослѣдилъ глазами неуклюжую, мѣшковатую фигуру Лаврентьева и пошелъ впередъ, охваченный мыслями о сдѣланномъ предложеніи. Онъ шелъ, опустивъ слегка голову, и въ воображеніи произнесъ уже нѣсколько превосходныхъ рѣчей, совершенно уничтожилъ своего противника, такъ что Присухинъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и сила этихъ рѣчей, разумѣется, произвела такое впечатлѣніе, что судъ, несмотря на отсутствіе документовъ, рѣшилъ дѣло въ пользу его довѣрителей,—какъ вдругъ чей-то голосъ сзади назвалъ его по имени.

Николай повернулъ голову и увидѣлъ передъ собой ту самую «легальную грабительницу», которую онъ только-что такъ назвалъ въ своей мысленной рѣчи. Смирнова была не одна, а съ Ниной Сергѣевной. Обѣ онѣ видимо обрадовались встрѣчѣ.

— Знакомыхъ не узнаете?—весело заговорила Надежда Петровна, протягивая руку.—И забыли насъ совсѣмъ. Это стыдно, Николай Ивановичъ!—ласково упрекнула «легальная грабительница».

— И во всякомъ случаѣ не любезно! Обѣщалъ пріѣхать и... въ воду канулъ!—прибавила Нина, вся улыбаясь и по-англійски пожимая руку молодого человѣка..

Онъ взглянулъ на нее. Она все та же: ослѣпительная, свѣжая, бѣлая, улыбающаяся. Тонкимъ ароматомъ вѣяло отъ нея и пріятно щекотало носъ. Платье, показалось Николаю, сидѣло на ней какъ-то особенно шикарно. И вся она была такая изящная, выхоленная, красивая. Онъ пошелъ рядомъ съ Ниной.

— Надолго въ городъ?—освѣдомилась Смирнова.

— Вчера пріѣхали и завтра уѣзжаемъ. Отецъ тутъ по одному дѣлу.

— А вы отъ скуки?—усмѣхнулась Нина.

— А вы, Нина Сергѣевна?—переспросилъ съ живостью Николай.—Развѣ вы уже соскучились въ деревнѣ?—значительно прибавилъ онъ.

Но Нина, казалось, не поняла намека и отвѣтила:

— Отъ скуки. Мама тоже по дѣламъ, такъ я воспользовалась случаемъ. Вотъ по магазинамъ ходили... Только ничего здѣсь нѣтъ. Дрянь все!

— Такъ мы васъ будемъ ждать!—снова сказала Надежда Петровна.—Я все-таки разсчитываю на васъ съ нашей школой... И пріѣзжайте не на день, не на два, а на недѣлю... Мы послѣзавтра домой.

— И Алексѣй Алексѣевичъ безъ васъ соскучился!—вставила Нина.—Бѣдному не съ кѣмъ спорить!

— Не съ кѣмъ?

— Не съ кѣмъ! Нѣтъ достойныхъ противниковъ!—прибавила она тихо и при этомъ такъ ядовито улыбнулась, что Николая кольнуло.

Ему было досадно, что она смѣется надъ нимъ, какъ надъ мальчишкой, смѣется такъ небрежно, и въ то же время ему была пріятна ея болтовня. Говорить съ ней было какъ-то весело и заманчиво. Какая-то раздражительная прелесть насмѣшки была въ ея болтовнѣ. И при этомъ иногда въ ней прорывались такія нотки, что Николай становился втупикъ. «Пусть однако она не думаетъ, что я ею очень интересуюсь!»—рѣшилъ вдругъ Николай и сталъ раскланиваться, когда они подошли къ перекрестку.

— Да вы опять бѣжать? Или вспомнили о какомъ-нибудь дѣлѣ?—спросила Нина.

— Нѣтъ, просто нужно сдѣлать одинъ визитъ!—совралъ молодой человѣкъ.

— Такъ смотрите же, до свиданія! — повторила Смирнова.—И до скораго.

— Еще, вѣрно, вечеромъ увидимся? — лѣниво обронила Нина, кивнувъ головой.—Вѣрно, на бульварѣ будете? Больше некуда дѣваться. Посмотрите все здѣшнее общество въ сборѣ. Говорятъ, здѣсь много хорошенькихъ!..

— Не знаю. Можетъ-быть!—сказалъ Николай.

Онъ тогда же рѣшилъ не идти на бульваръ. «Подумаетъ, ради нея пришелъ!» Но послѣ обѣда его одолѣла такая скука въ номерѣ, что онъ вышелъ изъ гостиницы, побродилъ по улицамъ и очутился на бульварѣ.

«Пусть думаетъ, что хочетъ. Чортъ съ нею!»

XXII.

Въ саду игралъ хоръ военной музыки. По аллеямъ медленно двигалась публика, тихо разговаривая. За столиками кое-гдѣ пили чай и пиво. Не слышно было ни смѣха, ни громкой рѣчи. Всѣ точно собрались для того, чтобы поскучать на людяхъ и показать наряды. Лица у всѣхъ были какія-то натянутыя, скучныя. Дамы оглядывали костюмы другъ друга и бросали завистливые взгляды. Мужчины какъ-то совсѣмъ скучно гуляли. Николай вмѣшался въ толпу и пошелъ по теченію. Онъ описалъ нѣсколько круговъ вокругъ площадки, гдѣ играла музыка, испытывая адскую скуку, сталъ искать Смирновыхъ и не видѣлъ ихъ.

— Николай Ивановичъ!

Онъ обрадовался, услыхавъ знакомый голосъ Нины Сергѣевны, и торопливо подошелъ къ скамейкѣ, на которой сидѣла Смирнова съ Ниной. Обѣ онѣ лорнировали проходящихъ.

— Садитесь-ка, а то вы ходите, какъ рыцарь печальнаго образа!—проговорила Нина, указывая на мѣсто подлѣ себя.—Видно, очень весело?

— Не особенно.

— Не особенно. Да на вашемъ лицѣ такое воплощеніе скуки, что при взглядѣ на васъ невольно дѣлается скучно!.. Давайте-ка вмѣстѣ смотрѣть на публику... Что, много красивыхъ лицъ?

— Не замѣтилъ.

— А вотъ эта—взгляните!—вступилась Надежда Петровна, указывая едва замѣтнымъ движеніемъ на проходившую молоденькую, красивую барыню.—Вы не знаете этой губернской красавицы?

— Нѣтъ.

— Жена вице-губернатора. Не правда ли, хороша?

— Хороша, но слишкомъ ужъ довольное лицо. На немъ написана глупость!..

— Ну, а вотъ эта брюнетка, дочь здѣшняго городского головы, съ брильянтами въ ушахъ и съ милліономъ приданаго. Хороша?

— Съ милліономъ или безъ него?—засмѣялся Николай.

Въ это время къ скамейкѣ приблизился какой-то пожилой господинъ, раскланиваясь съ дамами. Надежда Петровна усадила его возлѣ себя.

— Ну, теперь мама не будетъ скучать!..—замѣтила Нина.

— Почему? Развѣ этотъ господинъ интересный?..

— Да вы, какъ посмотрю, рѣшительно никого не знаете. Это извѣстный здѣшній сельскій хозяинъ, господинъ Барсуковъ... помѣщикъ.

— А!—промолвилъ Николай.—Извѣстный?

— Мы неизвѣстныхъ не любимъ!—усмѣхнулась Нина.—Однако давайте-ка лучше злословить, а то, право, скучно.

Нина Сергѣевна начала осмѣивать проходящихъ дамъ, дѣлая ядовитыя и подчасъ мѣткія замѣчанія насчетъ ихъ лицъ и костюмовъ, и весело болтала, не обращая, повидимому, вниманія на сдержанное обращеніе Николая. Молодой человѣкъ все еще не могъ забыть подслушанный разговоръ въ саду и не то, чтобы сердился, а хотѣлъ какъ-нибудь дать понять молодой женщинѣ, что она его нисколько не интересуетъ.

Нина Сергѣевна продолжала болтать и смѣяться — и вдругъ смолкла. Смѣхъ оборвался неожиданно, точно лопнувшая струна.

Вязниковъ взглянулъ на молодую женщину и былъ пораженъ внезапной перемѣной. Та ли это Нина, только за секунду передъ тѣмъ веселая, сіяющая, смѣющаяся?

Она вся какъ-то притихла, какъ притихаютъ дѣти послѣ долгаго веселья. Тоской и утомленіемъ дышали ея черты. Она медленно прислонилась къ спинкѣ, откинула вуалетку, и сквозь бѣлый газъ — показалось Николаю — блеснула слеза въ ея глазахъ.

Николай молчалъ, не смѣя нарушить торжественности ея настроенія и проникаясь участіемъ. Молчала и Нина. Сбоку шла оживленная бесѣда Смирновой съ извѣстнымъ сельскимъ хозяиномъ.

— Разсказывайте же что-нибудь! — наконецъ проговорила Нина.

— Что̀ разсказывать?

— Что-нибудь веселое!..

— Вамъ трудно угодить... Странная вы женщина, Нина Сергѣевна, вотъ все, что̀ я могу сказать!

— Это я и безъ васъ знаю.

— Такіе рѣзкіе переходы!.. Сію минуту смѣялись, а теперь...

— Перестала смѣяться? Нервы!

— Нервы—только?

— Разумѣется. У насъ, у женщинъ, все нервы. Вы такъ и запишите въ свою записную книжку: нервы и нервы!—прибавила она съ ироніей въ голосѣ.—У васъ, какъ у литератора, вѣрно, есть записная книжка. Я думаю, много глупостей вы въ нее записываете!..

— У меня нѣтъ записной книжки.

— Нѣтъ?.. У всѣхъ литераторовъ есть; по крайней мѣрѣ, они увѣряютъ. А можетъ-быть, лгутъ, чтобы пугать провинціальныхъ дамъ и барышень, благоговѣющихъ передъ литераторами!..

Она помолчала и черезъ нѣсколько времени сказала:

— Признайтесь, вамъ очень бы хотѣлось знать, отчего это такая перемѣна? Смѣялась, злословила и вдругъ сдѣлалась серьезна. Можетъ-быть, воображеніе ваше и слезу на моихъ глазахъ представило.

— Я и безъ воображенія видѣлъ слезы!—прошепталъ Николай.

— Ну, и поздравляю васъ, если видѣли! — рѣзко оборвала Нина.—А положеніе очень интересное, не правда ли? Садъ, «темнолиственныхъ кленовъ аллея», подъ развѣсистымъ дубомъ скамейка, вдали звуки изъ «Фауста», хоть и скверные звуки, но можно вообразить, что прекрасные, и хорошенькая—не будемъ, молодой человѣкъ, лицемѣрны! — хорошенькая женщина повѣряетъ тайны своего сердца благородному, сочувствующему и тоже—будемъ справедливы! — красивому молодому человѣку. Хоть и старо, а все-таки чувствительно! Сознайтесь, что вы любопытны не менѣе насъ и не прочь узнать, что̀ происходитъ съ женщиной... конечно, если женщина не похожа вонъ на эту даму!—прибавила она насмѣшливо, указывая на очень некрасивую барыню, проходившую мимо.

— Я и такъ знаю!

— Что̀ вы знаете? — какъ-то презрительно протянула Нина.—Ничего вы не знаете.

— Разрѣшаете сказать?—насмѣшливо проговорилъ Николай.

— Говорите! — равнодушно протянула Нина. — Впрочемъ, постойте, лучше не говорите, Николай Ивановичъ! Не разочаровывайте меня хоть сегодня! Пусть я останусь въ пріятномъ заблужденіи, что вы не похожи на... на Горлицына. Вѣдь я напередъ знаю, что̀ вы скажете.

— Что̀ я скажу?

— И вы сознаетесь?

— Даю слово!

— Ахъ, то, что̀ вы скажете, мнѣ столько разъ повторяли ваши развитые люди, которые бываютъ въ обществѣ, что я наизусть выучила эти слова! Вы скажете, что я неудовлетворена оттого, что ничего не дѣлаю, не имѣю въ жизни высокой цѣли, не открываю школъ, не записываюсь въ филантропки, не... мало ли какихъ умныхъ вещей не дѣлаю, что я скучающая, блазированная аристократка,—хотя, замѣтьте на всякій случай, Николай Ивановичъ, я не имѣю чести быть аристократкой по рожденію, пусть мама и отрицаетъ это,—что меня тѣшитъ внѣшній блескъ, что я кокетка, что... ну, мало ли еще что̀... Но что натура моя, прекрасная натура, противодѣйствуетъ плодамъ моего воспитанія, и отсюда—разладъ, отсюда неровность, нервность, тревога, неудовлетворенность... Сто̀итъ только читать умныя книги, бесѣдовать съ серьезными людьми, выйти, пожалуй, замужъ за какого-нибудь развитого, порядочнаго человѣка, воспитывать по всѣмъ правиламъ будущихъ гражданъ, не забывая однако быть ревностнымъ членомъ какого-нибудь дамскаго кружка, посѣщать пріютъ, гдѣ пригрѣты, обуты, напоены и накормлены пятнадцать прелестныхъ безпризорныхъ малютокъ, устраивать журфиксы, на которыхъ былъ бы живой обмѣнъ мыслей, и тогда... тогда,—съ какой-то злостью въ голосѣ прибавила Нина Сергѣевна:—тогда я стану во всѣхъ отношеніяхъ счастливой женщиной, буду примѣрной женой, прекрасной матерью и превосходной гражданкой... Пощадите хоть вы, Николай Ивановичъ. Неужели и вы, несмотря на свою молодость, хотите говорить такія пошлости?.. Не говорите ихъ лучше!

— Честное слово, вы ошибаетесь, Нина Сергѣевна. Ничего подобнаго у меня не было въ мысли. Я не то хотѣлъ сказать.

— Не то? — проговорила она, поднимаясь. — Такъ что же?.. Пойдемте, походимъ,—прибавила Нина.—Мы, мама, скоро вернемся! Надоѣло сидѣть!—сказала она.

— Скорѣй возвращайтесь. Ужъ поздно, пора и домой, Нина.

— Мы недолго... Такъ что-жъ вы хотѣли сказать?—спрашивала Нина Сергѣевна, идя подъ руку съ Николаемъ.—Это начинаетъ меня интриговать. Вы разогнали мою скуку.

— Говорить ли?

— Вы должны теперь сказать! — повелительно произнесла она.—Говорите!

— Вы любите!—прошепталъ Николай.

Рука Нины Сергѣевны какъ будто дрогнула. Она засмѣялась, но смѣхъ звучалъ какъ-то фальшиво.

— Вотъ глупости!.. Нечего сказать—открыли секретъ. Выдумайте что-нибудь похитрѣе! Не знаете ли, кого?.. Не васъ ли?..—произнесла она съ явной насмѣшкой въ голосѣ.

— Стою ли я такой чести!.. Помилуйте! Со мной можно отъ деревенской скуки пококетничать, и за то спасибо.

— Не сердитесь... Ну да, я кокетничала!.. Простите!—вдругъ кротко сказала она.

Николая тронулъ этотъ кроткій тонъ.

— За что сердиться? Помните, вы сами говорили, что мнѣ полезно изучать людей?..

— Серьезнаго вѣдь ничего не было?

— Ни малѣйшей опасности!

— Вотъ видите, значитъ, и не сердитесь!

Она помолчала и снова спросила:

— Такъ, по-вашему, я люблю и, вѣрно, безнадежно?

— Любите, а безнадежно—едва ли.

— И ужъ если вы такой волшебникъ, то не отгадаете ли, кого?

— Тутъ мое волшебство кончается.

— Кончается? А я думала, что вы, какъ настоящій волшебникъ, скажете и имя моего рыцаря,—поддразнила Нина Сергѣевна.

— Вотъ имени рыцаря-то я и не знаю!..—отвѣчалъ Николай.

«То-то бы ты удивилась, если-бъ я сказалъ»,—улыбнулся онъ.

— Итакъ, заблужденіе ваше насчетъ меня не поколеблено?

— Нѣтъ. Каюсь передъ вами, что нѣтъ!

Нина больше не начинала разговора. Молча подвигалась она съ Николаемъ по аллеѣ и снова притихла. Они сдѣлали кругъ, и молодая женщина сказала:

— Вѣрно, мама уже безпокоится. Пойдемте къ ней!.. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не сердитесь? Нѣтъ?

— Да нѣтъ же.

— Право, я не такъ дурна, какъ кажется!—сказала она такъ просто и такимъ задушевнымъ тономъ, что Николай съ участіемъ взглянулъ на нее.

Они тихо приближались къ скамейкѣ. Она хотѣла что-то сказать, но какъ будто колебалась. Николай замѣтилъ это. Она прочитала въ его взглядѣ, что онъ замѣтилъ, и тихо промолвила:

— Я не рѣшалась просить васъ, но теперь рѣшаюсь. Быть-можетъ, мнѣ будетъ нужна ваша помощь. Позволите обратиться къ вамъ?

— Я буду очень радъ, если въ состояніи помочь.

— Такъ, навести справки, узнать объ одномъ...

Она спохватилась и прибавила:

— Ничего особеннаго. Но, во всякомъ случаѣ, благодарю васъ!—горячо сказала она.

«О чемъ просьба? Какія справки?»

Николай съ минуту ломалъ голову и вдругъ вспомнилъ, что Прокофьевъ еще не вернулся и, по словамъ Лаврентьева, отъ него не было никакихъ извѣстій.

«Такъ вотъ отчего эти нервы!»—рѣшилъ Вязниковъ.

Дамы собрались домой. Николай проводилъ ихъ до дому, гдѣ онѣ остановились, а самъ отправился въ гостиницу и засталъ отца спящимъ.

Когда утромъ Вязниковы возвращались домой, Николай разсказалъ отцу о своемъ намѣреніи взять на себя веденіе процесса васильевскихъ крестьянъ со Смирновой.

— Развѣ она въ самомъ дѣлѣ требуетъ лѣсъ обратно?

— Ты думаешь, папа, шутитъ!..

— Я отъ нея этого не ожидалъ!

— Такъ какъ ты думаешь, папа: брать мнѣ дѣло?

— Справишься ли? Дѣло трудное.

— Я поработаю, хорошо поработаю надъ нимъ.

— Тогда что-жъ! Но только надо засѣсть хорошенько, Коля! Тутъ одно краснорѣчіе не поможетъ! Къ чужимъ интересамъ надо относиться свято!.. Свое потеряешь—не бѣда, а чужое—на совѣсти будетъ!

Онъ долго сидѣлъ молча и потомъ проговорилъ:

— Казалось, женщина порядочная и... отнимаетъ лѣсъ! Признаюсь, удивила меня Надежда Петровна! Удивительно!—въ раздумьѣ нѣсколько разъ повторялъ Иванъ Андреевичъ, неодобрительно покачивая головой.

— Кстати, папа, помнишь, ты предупреждалъ меня насчетъ Нины Сергѣевны. Почему ты совѣтовалъ быть осторожнѣй?

— Да темная исторія ея замужества. Она вышла замужъ за старика и, говорятъ, играла при этомъ скверную роль. Просто, говорятъ, поймала его. Впрочемъ, я этого не видалъ, а предупреждалъ тебя потому, что она большая кокетка, и изъ-за нея застрѣлился очень порядочный человѣкъ.

— Это еще что̀ за исторія?

— Я тебѣ когда-нибудь ее разскажу!—отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.—Впрочемъ, и тутъ, быть-можетъ, ее винятъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Поди, узнай человѣческое сердце!

Солнце только-что подымалось, и земля сверкала дрожащими каплями росы, когда Григорій Николаевичъ, мурлыча подъ носъ пѣсню, выѣхалъ изъ прохладнаго лѣса, и передъ нимъ открылась его усадебка, залитая розовымъ свѣтомъ солнечныхъ лучей. Онъ тряхнулъ вожжами, и телѣжка покатилась быстрѣй. Рыжій, добрый конь прибавилъ рыси.

Спокоенъ и счастливъ ѣхалъ Григорій Николаевичъ домой. Радостная улыбка мелькала на лицѣ его, когда онъ окинулъ взоромъ свои небольшія владѣнія, такая радостная улыбка, которой не бывало, когда онъ прежде возвращался домой. Теперь и его «изба», какъ называлъ онъ свой крѣпко посаженный небольшой домъ, и лѣсъ направо, отливавшій золотистымъ блескомъ, и поля съ наклонившимся колосомъ казались ему еще милѣй, еще, если можно такъ сказать, родственнѣй. И все теперь какъ будто получало особенный смыслъ, все казалось ярче и радостнѣй, и листъ—нѣжнѣе, и птица—пѣвучѣе.

И прежде онъ ласковымъ взоромъ привѣтствовалъ свое гнѣздо, но этотъ взоръ не блисталъ той любовью, какой блисталъ теперь. Тогда онъ былъ одинокъ. Сиротливѣй чувствовалъ онъ себя съ годами, и нерѣдко щемящее одиночество, неутоленная потребность любви заставляли его забываться въ винѣ. Но теперь другое дѣло! Духъ любимаго созданія уже жилъ въ доселѣ пустомъ гнѣздѣ.

Еще Леночка не вошла въ домъ, еще она не ходила хозяйкой въ полѣ, не оглашала чуднымъ своимъ голосомъ молодого сада, а между тѣмъ и домъ, и поле, и садъ— все было полно ею, и близокъ былъ день, когда ея свѣжій голосокъ будетъ ежедневно раздаваться здѣсь, и славная, честная Леночка, какъ трудящаяся, домовитая ласточка, озаритъ домъ счастіемъ и ласкою... Какое еще можетъ быть для человѣка счастіе?

Такъ думалъ Григорій Николаевичъ, посматривая вокругъ и затягивая все громче и громче пѣсню своего сердца.

Не совсѣмъ обыкновенно, вѣрнѣй — совсѣмъ необыкновенно сложилась жизнь этого столбового дворянина, сына заслуженнаго генерала. Не безъ борьбы пришелъ онъ къ тихой пристани полумужицкаго счастья. Но зато уже давно онъ не испытывалъ мукъ сомнѣнія, не искалъ въ потѣ лица истины, не мучился вопросами, не подходилъ даже къ нимъ. Разъ онъ попалъ въ колею,—онъ не сворачивалъ съ нея и шелъ по ней съ упорствомъ вола и непоколебимой честностью испытавшаго себя человѣка, добровольно лишившаго себя большого состоянія. Почему бывшаго богатаго морского офицера, когда-то мечтавшаго о подвигахъ, о славѣ, потянуло къ мужику, и какъ онъ сдѣлался такимъ, каковъ онъ теперь,—объ этомъ читатель узнаетъ изъ слѣдующей главы.

XXIII.

Не особенно радостно протекли дѣтскіе годы Лаврентьева. Мать его умерла въ чахоткѣ еще молодой женщиной, когда младшему ея сыну и любимцу, Гришѣ, минуло только пять лѣтъ. На другой же день послѣ похоронъ пріѣхавшая изъ деревни тетка, родная сестра отца осиротѣвшаго мальчика, генерала, отличавшагося въ это время на Кавказѣ, — старая дѣва лѣтъ подъ шестьдесятъ, увезла ребенка изъ Москвы, гдѣ, брошенная мужемъ, одиноко окончила свою печальную жизнь мать Григорія Николаевича.

Тетка привезла племянника въ свое имѣніе, въ Орловской губерніи. До одиннадцати лѣтъ Гриша росъ въ пустынномъ, мрачномъ большомъ барскомъ домѣ, лишенный нѣжной ласки матери, когда эта ласка такъ нужна дѣтскому сердцу, въ обществѣ суровой, нелюдимой старухи-тетки да ея компаньонки, пожилой дѣвицы, бѣдной дальней родственницы, безропотно сносившей насмѣшки и ка-

призы своей благодѣтельницы. Сиротливо и жутко было бѣдному мальчику, особенно въ первое время, когда онъ былъ еще маленькимъ мальчикомъ. Холодомъ вѣяло отъ этого пустыннаго дома, гдѣ всѣ ходили молчаливые, испуганные, страшась прогнѣвить суровую барышню. Непривѣтлива, суха, придирчива и строга была съ Гришей старая тетка. Казалось, она какъ будто перенесла на ребенка свою нелюбовь къ покойной его матери, которая осмѣлилась породниться съ стариннымъ дворянскимъ родомъ Лаврентьевыхъ, происходя изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Бракъ Лаврентьева въ свое время возбудилъ общее неудовольствіе. «Если-бъ покойный батюшка былъ живъ, никогда не было бы такого позора!»—не разъ говорила старая тетка, не стѣсняясь присутствіемъ ребенка. Она ни за что не хотѣла видѣть невѣстку и увидала ее въ первый разъ въ гробу. Набожно кладя земные поклоны, она въ то же время въ душѣ радовалась, что Господь прибралъ наконецъ эту женщину, бывшую виновницей многихъ семейныхъ ссоръ.

Маленькое созданіе, очутившись въ большомъ старомъ домѣ, не смягчило очерствѣвшаго сердца тетки. Молчаливая, суровая, набожная и озлобленная, вѣчно подозрительно поглядывавшая сѣрыми острыми глазами, часто зажигавшимися зловѣщимъ огонькомъ, она внушала страхъ не только ребенку, но и всѣмъ въ домѣ. Ее боялись и ненавидѣли. Эта старая дѣвица была одной изъ жестокихъ помѣщицъ, такъ что послѣ одного ужъ слишкомъ жестокаго истязанія, совершеннаго ею надъ горничной, имѣніе ея чуть-было не взяли въ опеку, но, благодаря ея связямъ, дѣло было замято. Въ околоткѣ ее иначе не звали, какъ «старой вѣдьмой». Скупая, не довѣрявшая никому, она одиноко проводила жизнь въ своемъ мрачномъ гнѣздѣ, находя, повидимому, наслажденіе наводить на всѣхъ трепетъ. Родные боялись ее, разъ или два въ годъ ѣздили къ ней на поклонъ, какъ къ богатой родственницѣ, но оставались обыкновенно не долго: очень ужъ непривѣтливо и тоскливо было въ ея берлогѣ.

Нечего и говорить, что маленькій Гриша чувствовалъ непреодолимый страхъ къ своей теткѣ. Онъ невольно вздрагивалъ, какъ только, бывало, завидитъ высокую, худощавую фигуру въ длинномъ балахонѣ, съ высоко поднятой сѣдой головой, съ костылемъ въ рукахъ и связкой ключей, болтавшихся у пояса,—и пугливо жался къ нянѣ.

Тетка замѣчала этотъ дѣтскій страхъ, но никогда не пробовала приласкать ребенка. Она молча проходила, обводя его взглядомъ, отъ котораго душа у него уходила въ пятки. По вечерамъ, передъ отходомъ ко сну, мальчикъ долженъ былъ просиживать около часу съ теткой въ гостиной. Обыкновенно онъ съеживался гдѣ-нибудь въ уголкѣ большого кресла, не смѣя пошевелиться и не отводя глазъ съ желтаго, высохшаго лица старой дѣвы, раскладывавшей въ это время гранъ-пасьянсъ и отпускавшей жесткія колкости компаньонкѣ—забитому существу, обязанному неизмѣнно находиться при своей благодѣтельницѣ.

Иногда она пробовала шутить съ мальчикомъ, но шутка выходила такая неласковая, холодная, мальчикъ такъ пугливо отвѣчалъ на ея вопросы, что она умолкала и еще жестче и ядовитѣй издѣвалась надъ безотвѣтной компаньонкой.

Жутко бывало въ такіе зимніе вечера, въ этой мрачной гостиной, бѣдному мальчику. Въ его воображеніи тетка принимала какіе-то фантастическіе размѣры и казалась ему бабой-ягой, поѣдающей маленькихъ дѣтей. Онъ закрывалъ глаза и сильнѣй съеживался въ креслѣ, пока на порогѣ не появлялась любимица-няня и не приглашала его идти спать. Нерѣдко добрая Арина Кузьминична нарочно приходила пораньше, и когда тетка отрывисто спрашивала: «Развѣ время?»—старая няня отвѣчала, что наверху ужъ пробило восемь часовъ.

Гриша подходилъ къ теткѣ и прикладывался къ ея длинной, костлявой рукѣ. Тетка молча крестила его, дѣлала какое-нибудь строгое замѣчаніе нянѣ, и затѣмъ ребенокъ уходилъ наверхъ, въ дѣтскую, гдѣ часто рыдалъ неутѣшными слезами, пока не засыпалъ съ улыбкой на устахъ, утѣшенный, ободренный и пригрѣтый на любящей груди Арины Кузьминичны.

Мало свѣтлыхъ воспоминаній осталось бы у Лаврентьева изъ этой поры дѣтства, если-бъ у него не было вѣрнаго друга и заступницы, этой славной няни, отдавшей всю силу любви своего горячаго, сострадательнаго сердца бѣдному брошенному ребенку. И кого же такъ горячо любила и жалѣла Арина Кузьминична? Маленькаго барчука, послѣдыша того самаго человѣка, который причинилъ ей же величайшее зло, отдавши единственнаго ея сына, за какую-то грубость, въ солдаты. За зло она отплатила доб-

ромъ. Она пожалѣла сироту и добровольно поѣхала съ ребенкомъ жить къ старой «вѣдьмѣ», несмотря на то, что послѣ смерти молодой барыни, которой была подарена мужемъ, Арина Кузьминична, по завѣщанію, получила вольную.

«Кто призритъ сиротку?» — подумала Арина Кузьминична, когда ей объявили вольную, и рѣшилась не оставлять ребенка, пока онъ не подрастетъ.

Чуднымъ, свѣтлымъ, неизгладимымъ воспоминаніемъ запечатлѣлся навсегда образъ этой старой подруги сиротливаго дѣтства въ сердцѣ Григорія Николаевича. Съ благоговѣніемъ и признательностью вспоминалъ онъ самоотверженную, любящую женщину, выносившую изъ-за него брань и наказанія суровой тетки, замѣнившую ему мать, бывшую его лучшимъ, вѣрнымъ другомъ и пѣстуномъ. Она согрѣла сердце ребенка нѣжной лаской, она заставляла забывать одиночество сказкой и пѣсней, она первая посѣяла въ молодой душѣ ребенка сѣмена любви къ подневольному, униженному и оскорбленному, — словомъ, Арина Кузьминична была одна изъ тѣхъ русскихъ крѣпостныхъ нянь, которыя беззавѣтной любовью скрасили не одно сиротство дворянскихъ подростковъ, утерли немало слезъ, смягчили немало сердецъ и бывали первыми и лучшими наставницами многихъ безпризорныхъ русскихъ дворянскихъ дѣтей.

Матери своей ребенокъ не могъ помнить, но, по разсказамъ няни, сохранилъ о ней горячее и признательное воспоминаніе, нерѣдко впослѣдствіи задумываясь надъ ея печальной судьбой. Судя по портрету, писанному масляными красками вскорѣ послѣ свадьбы и доставшемуся потомъ Григорію Николаевичу, мать его была женщиной замѣчательной красоты—блондинка съ кроткимъ взглядомъ и необыкновенно добрымъ лицомъ. Полузадумчивая, полугрустная улыбка уже скользила на ея устахъ, словно предчувствіе будущей печальной судьбы.

Судьба матери Григорія Николаевича въ самомъ дѣлѣ была изъ печальныхъ. Она была дочь мелкопомѣстнаго дворянина Смоленской губерніи, жившаго по сосѣдству съ Лаврентьевымъ. Кроткая, задумчивая дѣвушка, единственная дочь родителей, выросла дома, не получивъ никакого образованія, едва знала грамоту и, на бѣду свою, въ шестнадцать лѣтъ была замѣчательной красавицей съ пышными русыми волосами и черными глазами. На нее

заглядывались сосѣди; за нее уже сватался какой-то приказный изъ уѣзднаго города, когда отецъ Григорія Николаевича, въ то время бывшій подполковникомъ, только-что переведенный за какой-то проступокъ изъ гвардіи въ армію и заѣхавшій по дорогѣ на Кавказъ погостить къ старухѣ-матери,—встрѣтилъ въ церкви молодую дѣвушку и былъ пораженъ ея красотой. Она возбудила въ немъ сильную животную страсть, и онъ черезъ нѣсколько времени рѣшилъ, что дочь мелкопомѣстнаго дворянина будетъ его женой, хотя бы пришлось изъ-за этого поссориться со всей родней. Лаврентьеву было въ это время тридцать пять лѣтъ, онъ былъ очень нехорошъ собой, низенькаго роста, брюнетъ, съ рѣзко-выдававшимися челюстями. Онъ не отличался изящными манерами,—отъ него несло казарменнымъ духомъ николаевскаго времени. Характера онъ былъ упрямаго, деспотическаго, угрюмаго и не терпѣлъ противорѣчій. Въ немъ сказывалась лаврентьевская порода. Образованіе онъ получилъ неважное, книгъ не читалъ, рѣдко посѣщалъ общество, былъ любимцемъ Михаила Павловича и грозой солдатъ. Вотъ этому-то человѣку имѣла несчастіе понравиться тихая, робкая шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Лаврентьевъ тотчасъ же познакомился съ ея отцомъ и однажды спросилъ ее шутя: пошла ли бы она за него замужъ? Вмѣсто отвѣта, она заплакала, закрыла лицо руками и убѣжала изъ комнаты. Но это не остановило Лаврентьева, хотя онъ и удивился, что дочь несчастнаго мелкопомѣстнаго дворянина не бросилась къ нему сразу въ объятія... Однако дѣло скоро сладилось. Отецъ, обрадовавшись счастью, выпавшему дочери, заставилъ ее идти замужъ. Молодые обвѣнчались чуть ли не тайкомъ и уѣхали на Кавказъ, откуда мать Лаврентьева получила извѣщеніе о женитьбѣ сына.

Первые годы жизнь молодой жены была еще сносна, хотя мужъ терзалъ ее ревностью и пугалъ дикими вспышками гнѣва. Она боялась его и еще болѣе робѣла. Прошло нѣсколько лѣтъ. Лаврентьевъ охладѣлъ къ ней и сталъ тяготиться своей робкой, несвѣтской, застѣнчивой женой. Въ это время онъ отличался въ дѣлахъ противъ горцевъ, былъ за отличіе произведенъ въ генералы, и ему предстояла видная, блестящая карьера. Скромная жена совсѣмъ не годилась для роли генеральши, и подъ конецъ Лаврентьевъ возненавидѣлъ ее, находя въ ней помѣху

для своей карьеры. Онъ сталъ тѣснить несчастную женщину съ безжалостной жестокостью, держалъ ее взаперти, не показывая никому, и наконецъ отправилъ ее въ деревню, запретивъ выѣзжать оттуда. Старшаго сына онъ отправилъ на воспитаніе къ своей матери, а младшаго, только-что родившагося, оставилъ при матери. Тихо чахла бѣдная женщина и послѣ долгихъ просьбъ вымолила разрѣшеніе ѣхать въ Москву лѣчиться. Тамъ одиноко протянула она еще три года и наконецъ, брошенная всѣми, умерла. Тѣмъ временемъ Лаврентьевъ пожиналъ на Кавказѣ лавры, и имя его гремѣло въ газетахъ того времени. Получивши извѣстіе о смерти жены и о томъ, что младшій сынъ взятъ на воспитаніе теткой, Лаврентьевъ обрадовался и скоро женился во второй разъ, сдѣлавъ весьма блестящую партію.

Когда Григорій Николаевичъ впослѣдствіи узналъ отъ няни печальную судьбу своей матери, онъ еще болѣе охладѣлъ къ отцу и питалъ къ нему чувство далеко не сыновнее.

Впрочемъ, Григорій Николаевичъ никогда не былъ близокъ съ отцомъ. Онъ совсѣмъ не зналъ его, никогда не жилъ вмѣстѣ и въ рѣдкія, короткія свиданія, во время наѣздовъ отца въ Петербургъ, мальчикъ испытывалъ почтительный страхъ — и только. Онъ, пожалуй, гордился отцомъ, о боевыхъ подвигахъ котораго гремѣла слава, самъ мечталъ о подвигахъ, когда будетъ офицеромъ, но не испытывалъ большой радости, когда отецъ, весь въ орденахъ и лентѣ, пріѣзжалъ на пятнадцать минутъ въ корпусъ, трепалъ мальчика по щекѣ, давалъ рубль денегъ и, освѣдомившись у корпуснаго начальства о поведеніи сына, уѣзжалъ, прикладывая колючіе свои усы къ щекамъ сына. Иногда отецъ, во время пріѣздовъ въ Петербургъ, бралъ его на воскресенье и оставлялъ на цѣлый день одного въ номерѣ гостиницы съ своимъ денщикомъ. Гриша обыкновенно завязывалъ бесѣду съ старымъ солдатомъ и не особенно горевалъ, что отецъ въ отсутствіи. Онъ невольно чувствовалъ, что отецъ ему чужой, что онъ на него не обращаетъ вниманія и ни однимъ ласковымъ словомъ не приближаетъ къ себѣ. Всегда рѣзкій, сухой, съ грубыми манерами, приземистый, некрасивый, съ краснымъ солдатскимъ лицомъ, этотъ человѣкъ, быть-можетъ, и любилъ по-своему сына, но любилъ ужъ очень странно, никогда

не проявляя своей любви нѣжнымъ чувствомъ, мягкимъ словомъ, дружескимъ участіемъ. Разговоры его съ сыномъ бывали всегда лаконичны.

— Здоровъ? — обыкновенно встрѣчалъ онъ сына, торопливо надѣвая мундиръ, когда мальчикъ по воскресеньямъ въ девять часовъ утра приходилъ изъ корпуса въ номеръ гостиницы, гдѣ останавливался отецъ.

— Здоровъ,—отвѣчалъ Гриша, подходя къ красной, короткой, жилистой, поросшей волосами рукѣ.

— Хорошо учился?

— Хорошо.

— Не сѣкли?

— Нѣтъ.

Затѣмъ разговоръ прекращался. Гриша садился въ сторону и не безъ удовольствія любовался на шитый мундиръ, на золотые аксельбанты и на ордена, которыми усѣяна была выпяченная грудь кавказскаго героя. Иногда, впрочемъ, его созерцаніе нарушалось неожиданными вспышками гнѣва отца противъ денщика. Тогда красное лицо генерала становилось багровымъ, глаза наливались кровью, и онъ билъ кулакомъ по лицу стараго солдата съ какимъ-то непостижимымъ звѣрствомъ и ругался площадными словами. Денщикъ только жмурился и чуть-чуть отстранялъ лицо послѣ каждаго удара. Обыкновенно вспышки эти бывали изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ. Гриша въ это время полонъ былъ состраданія къ солдату, испытывая чувство стыда и негодованія. Когда отецъ уѣзжалъ, Гриша вздыхалъ свободнѣе.

Разъ или два въ годъ отецъ писалъ сыну въ корпусъ безграмотныя, короткія и лаконическія, какъ канцелярскія бумаги, письма, съ приложеніемъ десяти рублей на лакомство; въ этихъ письмахъ обыкновенно отецъ рекомендовалъ сыну хорошо вести себя, слушать начальство и не разсуждать, какъ это подобаетъ будущему слугѣ отечества, и быть впослѣдствіи бравымъ офицеромъ. Иногда въ письмѣ сообщалось и о полученныхъ наградахъ. Вотъ точная копія съ одного изъ писемъ, полученныхъ однажды четырнадцатилѣтнимъ кадетомъ:

«Любезный Григорій!

«Я, слава Богу, нахожусь въ вожделѣнномъ здравіи. Богъ хранитъ меня. Недавно государь императоръ изволилъ пожаловать меня орденомъ Владиміра второй степени. Этотъ орденъ надо заслужить. Желаю и тебѣ впо-

слѣдствіи быть его достойнымъ. А впрочемъ будь здоровъ и веди себя хорошо.

«При семъ посылаю десять рублей.

«Твой отецъ генералъ Лаврентьевъ».

Таковы были отношенія между отцомъ и сыномъ.

Когда, черезъ два года послѣ смерти жены генерала Лаврентьева, старая тетка однажды получила отъ брата письмо съ извѣщеніемъ о вступленіи его во второй бракъ съ грузинской владѣтельной княжной, «дѣвицей привлекательной наружности, пріятнаго характера, получившей воспитаніе въ Смольномъ институтѣ»,—обыкновенно суровое лицо старухи прояснилось, и на лицѣ ея промелькнула радостная улыбка. Въ тотъ же день она велѣла позвать священника и приказала отслужить молебенъ.

Послѣ молебна она торжественно объявила, что братъ ея вступилъ во второй бракъ, и по этому случаю пригласила батюшку обѣдать и приказала испечь для людей пироги и дать мужчинамъ по стакану водки, а женщинамъ по рюмкѣ,—дальше этого ея щедрость не шла.

Обратившись къ маленькому племяннику, она сказала:

— У тебя теперь есть мать. Молись за нее въ своихъ молитвахъ. Слышишь?

Семилѣтній мальчуганъ не совсѣмъ ясно понималъ, въ чемъ дѣло, почему это тетка такъ торжественно объявила, что у него теперь есть мать, когда няня говорила, что добрая его мама взята на небо и живетъ съ ангелами несравненно лучше, чѣмъ жила въ Москвѣ. По обыкновенію, онъ взглянулъ на няню, требуя разрѣшенія этого недоразумѣнія, но Арина Кузьминична была какъ-то особенно сдержанна и, какъ показалось Гришѣ, невесела. Она ничего не отвѣтила мальчику въ залѣ, а повела его въ дѣтскую, взяла его на руки, крѣпко-крѣпко прижала къ своей груди и залилась слезами.

— Бѣдный, бѣдный ты мой сиротка!—тихо наконецъ произнесла Арина Кузьминична.

Отчего онъ вдругъ послѣ молебна сталъ бѣдный? Что̀ такое случилось? Почему тетка радуется, а няня плачетъ, что папенька женился?

Нѣсколько минутъ ломалъ онъ надъ этими вопросами свою голову и наконецъ пришелъ къ заключенію, что, вѣрно, новая его мать—не прежняя добрая мама, а такая же страшная и сердитая, какъ и тетка; оттого тетка такъ

радуется, а няня, напротивъ, плачетъ. Немедленно же онъ сообщилъ своему другу свои предположенія и былъ нѣсколько озадаченъ, когда няня, улыбаясь сквозь слезы, замѣтила:

— Она молодая. Тетенька сказывала: грузинская царевна.

— Молодая? Царевна? Не похожа на тетеньку? Такъ что-жъ ты плачешь, няня?

— Она тебѣ мачеха, а не мать. Родную твою маменьку Господь прибралъ къ себѣ. Мачеха не будетъ любить тебя!

— Такъ я мачеху и знать не хочу. Перестань, няня, не плачь! Если ты ее не любишь, такъ и я не люблю. Зачѣмъ намъ мачеха? Мы всегда вмѣстѣ будемъ жить. Вѣдь правда, няня? Я вырасту, буду офицеромъ, и ты со мной... Стоитъ изъ-за мачехи плакать! Она сюда не пріѣдетъ!

Онъ съ необыкновенно комичной серьезностью сталъ утѣшать Арину Кузьминичну, вытирая платкомъ крупныя слезы, катившіяся по сморщеннымъ, грубымъ щекамъ, и, когда няня немного успокоилась и съ надеждой прошептала: «Богъ не оставитъ тебя!»—Гриша весело сказалъ:

— И ты не оставишь меня! И намъ будетъ очень хорошо!.. Мы возьмемъ къ себѣ жить кучера Ивана, Ѳедю, Митю, а мачехи не надо!

Няня слушала болтовню ребенка, и грустная улыбка свѣтилась въ ея добрыхъ глазахъ.

Здоровымъ, сильнымъ и крѣпкимъ мальчуганомъ выросталъ Гриша на деревенскомъ воздухѣ. По счастію, тетка недолюбливала мальчика и не обращала на него особеннаго вниманія. Такимъ образомъ первоначальное воспитаніе свое Гриша получилъ у няни и среди прислуги. Всѣ жалѣли безпризорнаго барчонка и всѣ наперерывъ старались приласкать его, полюбивши мальчика за ласковый нравъ и жалостливое сердце. Въ людской ходила о Гришѣ молва, какъ онъ однажды спасъ казачка, разбившаго дорогую фарфоровую чашку, отъ жестокаго наказанія, сказавъ теткѣ, что разбилъ чашку онъ, за что и былъ высѣченъ теткой. Этотъ поступокъ произвелъ большой эффектъ, и съ тѣхъ поръ Гриша сталъ общимъ любимцемъ дворни. Участіе и ласку, которыхъ онъ не находилъ у родныхъ, онъ нашелъ среди чужихъ людей, и, очень понятно, мальчика тянуло въ людскую, несмотря на

воркотню няни, что тетенька узнаетъ и имъ обоимъ достанется. Тѣмъ не менѣе Гриша сдружился съ дворовыми мальчишками, своими сверстниками, игралъ вмѣстѣ съ ними въ саду, увѣренный, что няня его не выдастъ. Нерѣдко няня отыскивала его въ людской, обѣдающимъ вмѣстѣ съ дворовыми, или въ конюшнѣ, сидящимъ на колѣняхъ у старика-кучера Ивана, большого пріятеля Гриши. Старикъ разсказывалъ отличныя сказки, тѣшилъ мальчика волчками и украдкой сажалъ на лошадь и возилъ по двору. Арина Кузьминична не разъ трепетала за своего любимца, когда онъ, бывало, долго не возвращался домой, забѣгая вмѣстѣ съ друзьями въ лѣсъ, какъ сумасшедшая бѣжала за нимъ звать его обѣдать,—тетка терпѣть не могла, когда мальчикъ опаздывалъ къ обѣду!—и часто находила его въ цѣлой компаніи, гдѣ-нибудь подъ деревомъ, беззаботно бесѣдующимъ о разныхъ разностяхъ. Арина Кузьминична бранила любимца, драла за вихоръ кого-нибудь изъ мальчишекъ постарше, торопливо вела Гришу домой, переодѣвала и приводила въ столовую какъ разъ передъ самымъ обѣдомъ. Сколько разъ спасала эта Арина Кузьминична своего любимца отъ теткина гнѣва! Сколько ночей не спала она, когда Гриша заболѣлъ корью; какъ усердно молилась она за сиротку и съ какою настойчивостью докладывала барышнѣ, что Григорій Николаевичъ «очень занедужили» и не прикажетъ ли барышня послать за лѣкаремъ. Во время болѣзни Гриши—корь у него была очень серьезная—вся дворня была смущена; всѣ спрашивали: какъ барчукъ?—украдкой засматривали въ дѣтскую, и когда наконецъ барчукъ вышелъ въ первый разъ, то всѣ съ такимъ радостнымъ участіемъ отнеслись къ Гришѣ, что Гриша сконфузился отъ радостнаго чувства, охватившаго его сердце при видѣ общей любви къ нему.

Тетка и не догадывалась о такомъ тѣсномъ общеніи своего маленькаго племянника съ «хамами», какъ называла она обыкновенно своихъ крѣпостныхъ: ни одна душа ни разу не заикнулась объ этомъ. Всѣ тщательно оберегали сиротливаго барчука. Съ теткой Гриша видѣлся за утреннимъ чаемъ, за обѣдомъ и вечеромъ, когда племянникъ обязанъ былъ отсиживать около часу въ гостиной передъ отходомъ ко сну. Въ это время Гришѣ нерѣдко доставалось отъ тетки. Она находила, что онъ совсѣмъ не похожъ на благороднаго мальчика, что онъ совершенный мужикъ, и что она напишетъ отцу, чтобы тотъ поскорѣе

опредѣлилъ его въ корпусъ. Дѣйствительно, большеголовый, плотный, некрасивый Гриша нисколько не походилъ на изящнаго ребенка и не отличался хорошими манерами, которымъ, впрочемъ, нельзя было научиться у кучера Ивана. Когда тетка начинала выговоръ, мальчикъ опускалъ глаза въ тарелку и молчалъ, пока продолжалась назойливо-злобная воркотня. Молчаніе мальчика нерѣдко гнѣвило тетку. Она съ презрительной улыбкой взглядывала на ребенка и рѣзко произносила:

— Весь въ мать,—такой же скрытный волченокъ! Ступай вонъ изъ-за стола!

Гриша уходилъ въ дѣтскую—няня, разумѣется, украдкой приносила ему обѣдъ—и не думалъ просить прощенія, несмотря на совѣты няни. Это еще болѣе раздражало старуху и, случалось, она приказывала привести «упрямаго мальчишку» внизъ и собственноручно сѣкла маленькаго племянника, и сѣкла не шутя, къ величайшему огорченію доброй Арины Кузьминичны.

Гришѣ пошелъ девятый годъ. Онъ зналъ много сказокъ, пѣсенъ и пословицъ, умѣлъ назвать всѣ деревья и цвѣты въ саду, зналъ укромныя мѣстечки въ лѣсу, гдѣ водится много ягодъ, различалъ птицъ, умѣлъ заливать суслика и ловить ящерицъ, научился у кучера Ивана запрягать лошадь и съ честью могъ выйти изъ драки съ любымъ изъ своихъ сверстниковъ-пріятелей, при чемъ никогда не жаловался нянѣ, если, случалось, бывалъ побѣжденъ,—но зато буквы азбуки различать не умѣлъ и, надо сознаться, не имѣлъ къ этому ни малѣйшей склонности.

Тетка все собиралась выписать гувернантку, о чемъ даже сообщала брату-генералу, но по скупости откладывала намѣреніе и однажды призвала дьякона, молодого семинариста, недавно поступившаго на мѣсто, и предложила ему за три рубля въ мѣсяцъ учить племянника и быть съ нимъ построже. Высокій, съ лицомъ, сплошь покрытымъ веснушками, и съ намасленными рыжими волосами, отецъ-дьяконъ оказался весьма порядочнымъ и добрымъ малымъ, сталъ учить барчука съ любовью и скоро сдѣлался большимъ пріятелемъ Гриши. Гриша выучился читать, писать, зналъ, съ грѣхомъ пополамъ, четыре правила ариѳметики, имѣлъ смутное понятіе о Рюрикѣ, Святославѣ, Игорѣ и Ольгѣ, зналъ «Вѣрую» и десять заповѣдей, но еще лучше зналъ, какъ насвистывать

птицъ, насчетъ чего отецъ-дьяконъ былъ большой мастеръ, и съ охотой посвящалъ въ свое мастерство ученика. Впослѣдствіи отецъ-дьяконъ обѣщалъ Гришѣ взять его съ собой на озеро и научить его удить рыбу, но обѣщанія своего исполнить не могъ, такъ какъ въ одинъ прекрасный день, когда, послѣ диктовки, отецъ-дьяконъ, вмѣсто урока изъ русской исторіи, сталъ, по настоятельной просьбѣ ученика, разсказывать, сколько онъ третьяго-дня наловилъ окуней и какъ сорвалась большущая шельма-щука,— неожиданно къ крыльцу усадьбы подъѣхалъ тарантасъ— дѣло было въ августѣ—и учитель съ ученикомъ увидали въ окно, какъ изъ тарантаса выскочилъ молодой офицеръ и вошелъ въ домъ.

— Сродственникъ, видно?—полюбопытствовалъ отецъ-дьяконъ.

Но Гриша не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Онъ зналъ наперечетъ всѣхъ рѣдкихъ посѣтителей тетки, но между ними молодого офицера не видалъ. Пока учитель съ ученикомъ дѣлали разныя предположенія насчетъ пріѣзжаго офицера, Арина Кузьминична пришла вся въ слезахъ и объявила Гришѣ, что тетенька зоветъ Гришу внизъ. Мальчикъ въ недоумѣніи и испугѣ вопросительно смотрѣлъ на няню, но няня ничего не говорила, и онъ тихо спустился внизъ.

Тетка сидѣла въ гостиной у стола, на которомъ лежало развернутое письмо. Въ креслѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ адъютантской формѣ.

Мальчикъ подошелъ къ теткѣ, поклонился офицеру и съ любопытствомъ сталъ разглядывать его форму.

— Завтра ты съ ними поѣдешь въ морской корпусъ!— проговорила торжественно тетка и потомъ прибавила:— Давно пора, а то здѣсь мальчикъ совсѣмъ избаловался! Поди, скажи твоей нянькѣ, чтобы она приготовила все къ отъѣзду!

Извѣстіе это ошеломило Гришу. Онъ прибѣжалъ наверхъ, бросился на шею къ Аринѣ Кузьминичнѣ и заревѣлъ, какъ теленокъ, котораго собираются рѣзать. Гриша нѣсколько успокоился только тогда, когда няня сказала, что изъ корпуса онъ выйдетъ офицеромъ, и дала слово переѣхать въ Петербургъ и навѣщать Гришу въ корпусѣ.

Рано утромъ на слѣдующій день онъ простился со всей дворней, побывалъ въ людской, на конюшнѣ, у садовника, сбѣгалъ къ отцу-дьякону и послѣ обѣда уѣхалъ изъ тет-

киной усадьбы, напутствуемый самыми искренними пожеланіями, едва сдерживая слёзы при видѣ неутѣшно рыдающей Арины Кузьминичны.

Тетка простилась съ племянникомъ сухо, однако подарила червонецъ и совѣтовала вести себя хорошо и не огорчать отца.

Когда тарантасъ тронулся, Гриша долго еще махалъ картузомъ нянѣ и долго еще всхлипывалъ, несмотря на увѣренія своего спутника, что будущему кадету стыдно плакать.

Арина Кузьминична сдержала свое слово. Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Гриши уѣхала и она, разсчитывая пробраться въ Петербургъ.

XXIV.

— Медвѣдь! Медвѣдь! Смоленскій медвѣдь!

— Новичокъ! Новичокъ! Мишенька!

— Топтыгинъ!

— Лѣсной звѣрь!.. У-у, какой онъ страшный, господа!

— Кусается?.. Ты кусаешься, Мишенька?

— Медвѣдь! Медвѣдь Лаврентьичъ!

— Лаврушка! Лавреновичъ! Лаврешка! Лавровишневыя капли!

Подъ градомъ такихъ восклицаній, окруженный толпою мальчугановъ въ курточкахъ съ бѣлыми погонами, стоялъ Гриша въ своей неуклюжей статской курткѣ и не безъ сердитаго изумленія посматривалъ вокругъ на смѣющіяся лица новыхъ товарищей, принявшихъ его въ первый же день такъ недружелюбно. Около него, словно чертенята, прыгали, кричали эти стриженые мальчишки, дергали за куртку, щупали волосы, щипали за колѣнки, а Гриша въ самомъ дѣлѣ озирался, какъ сконфуженный медвѣжонокъ, переминаясь съ ноги на ногу, и вдругъ совершенно неожиданно далъ такую здоровую затрещину какому-то егозѣ, схватившему его за носъ, что егоза съ визгомъ отскочилъ, и всѣ моментально шарахнулись въ сторону, словно испуганные воробьи.

— Славно! — одобрительно воскликнулъ какой-то черненькій мальчуганъ.

— Ого!? Онъ умѣетъ хлестаться!—раздались голоса.

— Посмотримъ!—раздался чей-то самоувѣренный голосъ, и съ этими словами бѣлобрысый мальчикъ выступилъ изъ толпы и, подойдя къ Лаврентьеву, произнесъ вызывающимъ тономъ:

— Давай, новичокъ, хлестаться!

— Что̀ значитъ хлестаться? — изумленно спросилъ Гриша.

Веселый хохотъ толпы маленькихъ мальчишекъ раздался въ отвѣтъ на вопросъ Гриши.

— Онъ не знаетъ, что̀ значитъ хлестаться!?—раздались насмѣшливыя восклицанія со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ пойдемте въ умывалку!—съ серьезнымъ видомъ произнесъ бѣлобрысый кадетъ.—Я покажу тебѣ, что̀ значитъ хлестаться!

— Пойдемъ!—произнесъ Гриша.

Съ этимъ словомъ онъ храбро пошелъ, окруженный толпой, въ умывальную комнату, не совсѣмъ ясно понимая, въ чемъ дѣло, но предчувствуя что-то серьезное.

— Господа! На часы!—крикнулъ кто-то.

— Ладно. Не прозѣваемъ.

Двое мальчугановъ стали у дверей сторожить дежурнаго офицера. Остальные мальчишки сомкнули кругъ, въ которомъ очутились другъ противъ друга оба противника съ серьезностью, достойной предстоящаго дѣла, и приготовились слѣдить за ходомъ битвы.

— Шмаковъ его отхлещетъ!—замѣчали тихо въ толпѣ.

— Онъ проучитъ смоленскаго медвѣдя.

Нѣсколько секундъ оба противника стояли другъ противъ друга въ ожиданіи. Гриша, казалось, не хорошо понималъ, что̀ будетъ дальше, какъ вдругъ, не говоря ни слова, бѣлобрысый кадетъ со всего размаха хватилъ Гришу по уху и сталъ быстро наносить удары. Гриша первое мгновеніе ошалѣлъ и отступилъ-было, но затѣмъ яростно бросился на противника и, въ свою очередь, не ударилъ лицомъ въ грязь. Удары сыпались за ударами. Двое мальчугановъ то сходились, то расходились, какъ два разъяренные пѣтуха. Первое время казалось, что побѣда будетъ на сторонѣ бѣлобрысаго кадетика. Ловкій, увертливый, словно угорь, онъ далъ подножку, такъ что Гриша, коренастый и неуклюжій, чуть-было не свалился, но все-таки продолжалъ напирать съ упорствомъ раздраженнаго медвѣжонка.

— Признавайся, что тебя отхлестали! — крикнулъ кто-то.—Куда тебѣ со Шмаковымъ! Проси пощады!

— Еще подожди, братцы!—замѣтилъ черномазый мальчуганъ, который раньше одобрилъ Гришу.—Новичокъ молодцомъ хлещется! Еще неизвѣстно!..

Гриша не слышалъ ничего. Онъ храбро наносилъ удары и наконецъ успѣлъ обхватить своего противника. Тотъ пробовалъ вырваться, но крѣпкія объятія все болѣе и болѣе сдавливали его, и онъ опустился на-земь. Гриша стоялъ надъ поверженнымъ врагомъ, крѣпко надавливая ему грудь, и, весь красный, взъерошенный, только пыхтѣлъ и отдувался, но не билъ уже болѣе своего врага.

— Шмаковъ отхлестанъ!—раздались голоса. — Проси пощады!

— Молодецъ новичокъ!.. Онъ честно хлестался!

— Пусти! — прошепталъ наконецъ поверженный противникъ.

Гриша тотчасъ же отпустилъ противника. Тогда сконфуженный мальчуганъ произнесъ, обращаясь къ Гришѣ:

— Ты хорошо хлещешься, но не повали ты меня, я бы тебѣ задалъ!

Всѣ присутствующіе единогласно признали, что новичокъ отлично хлестался, вообще держалъ себя молодцомъ и, какъ слѣдуетъ молодцу, ни разу не ударилъ въ животъ и показалъ великодушіе, не воспользовавшись случаемъ совсѣмъ «расхлестать» Шмакова, когда Шмаковъ лежалъ на полу. Не безъ уваженія теперь подходили къ Гришѣ мальчуганы, недавно дразнившіе его, и знакомились съ нимъ, подавая руки.

— Теперь хорошенько вымойся да причешись!—совѣтовали ему со всѣхъ сторонъ.

— Да подбѣли синяки мѣломъ. Умѣешь ты бѣлить синяки?—спрашивалъ его черненькій, быстроглазый, веселый, маленькій мальчуганъ, котораго всѣ звали «Жучкомъ».—Не умѣешь? Эй, господа, принесите кто-нибудь мѣлу, я ему подбѣлю, онъ самъ не умѣетъ! Да смотри, Лаврентьевъ, — ласково прибавилъ тихимъ голосомъ Жучокъ:—если «Селедка» спроситъ, съ кѣмъ ты хлестался— не говори.

— Какая селедка?

— Селедки не знаешь? Развѣ не видалъ ротнаго командира? Такой длинный, высокій, съ сѣдыми баками. Мы его «Селедкой» зовемъ... Онъ не любитъ, когда съ новичками дерутся. Да и никому не говори, а то Шмакову достанется.

— Я не фискалъ!—произнесъ Гриша, утираясь носовымъ платкомъ, обязательно предложеннымъ Жучкомъ.— Я никому не скажу.

— Да ты, какъ видно, молодецъ! Хочешь, будемъ дружны?—воскликнулъ Жучокъ.

— Будемъ дружны!—отвѣчалъ Гриша, которому очень понравился этотъ черномазый Жучокъ.

— И будемъ дѣлиться?

— Будемъ.

— Такъ пойдемъ же сейчасъ, я тебѣ полбулки вчерашней дамъ. Ты ѣлъ когда-нибудь вчерашнюю булку? Нѣтъ?.. Сейчасъ увидишь, какъ это вкусно.

Гриша выходилъ изъ умывалки въ другомъ настроеніи. Всѣ эти стриженые мальчики въ курточкахъ съ бѣлыми погонами, казавшіеся ему за полчаса такими гадкими и злыми, теперь казались ему уже не такими, а Жучокъ сразу даже очень ему понравился. Теперь Гришу ужъ не дразнили, а, напротивъ, дружелюбно разспрашивали: откуда онъ пріѣхалъ, часто ли прежде хлестался, кто его отецъ, къ кому онъ будетъ ходить «за корпусъ»? и т. п., такъ что Гриша едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Жучокъ между тѣмъ повелъ своего новаго друга въ коридоръ, вытащилъ изъ кармана теплую булку и, отдавая половину, сказалъ:

— Ѣшь!.. Не правда ли, хороша? Она цѣлое утро въ печкѣ была. Повернись-ка на свѣтъ... Ничего незамѣтно. Ты только не попадайся на глаза Селедкѣ. А ты, Лаврентьевъ, славно хлестался. Только зачѣмъ ты морочилъ, будто не знаешь, что̀ значитъ хлестаться?

— Я не зналъ.

Вмѣсто отвѣта, Жучокъ плутовски подмигнулъ чернымъ бойкимъ глазомъ, словно бы говоря: «Ладно, меня не проведешь!» и, хлопнувъ пріятеля по спинѣ, продолжалъ:

— Подѣломъ Шмакову. Онъ задира!.. Только тебѣ, пожалуй, еще придется хлестаться съ Копчикомъ!

— Зачѣмъ?

— Онъ сильный, Копчикъ, и какъ узнаетъ, что ты отхлесталъ Шмакова, обидится и, пожалуй, тебя отхлещетъ!—въ раздумьѣ продолжалъ Жучокъ: — но только я ему скажу, что если онъ тебя тронетъ, то я вступлюсь. Я хоть не очень сильный, а спуску не дамъ!.. Пожалуй, онъ тогда не посмѣетъ!

— А гдѣ Копчикъ?

— Въ лазаретѣ «огуряется»!

— Какъ огуряется? Что̀ значитъ: огуряется?

— Боится въ классъ идти, не знаетъ уроковъ, и пошелъ въ лазаретъ. Сказалъ доктору, что у него голова болитъ и все болитъ. Понялъ?

— А у него взаправду болитъ?

— То-то ничего не болитъ. Это и называется — огуряться! — весело смѣялся Жучокъ, входя въ объясненіе.—Если ты не будешь знать урока—непремѣнно огурнись, а то Селедка въ субботу, пожалуй, выпоретъ. Онъ по субботамъ всегда поретъ лѣнивыхъ. Три нуля получишь—знай, что выпоретъ.

— Однако-жъ Селедка, должно-быть, сердитый! — промолвилъ Гриша.

— Нѣтъ, не очень. И сѣчетъ не больно. Много-много—десять розогъ.

Въ тотъ же день Жучокъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ старался просвѣтить своего новаго друга насчетъ подробностей предстоящей жизни. Онъ разсказалъ, какіе офицеры добрые и какіе злые, за что̀ сѣкутъ, за что̀ сажаютъ въ карцеръ, за что̀ ставятъ «подъ часы», какъ надо быть съ фельдфебелемъ и унтеръ-офицерами,—однимъ словомъ, сообщилъ немало интересныхъ свѣдѣній.

На слѣдующій же день Гриша, остриженный подъ гребенку, въ форменной курточкѣ съ бѣлыми погонами, былъ посаженъ въ «точку», т.-е. въ приготовительный классъ, и, по счастію, ему довелось сидѣть съ своимъ новымъ другомъ. Послѣ классовъ, когда малолѣтняя рота была во фронтѣ, готовясь идти обѣдать, вошелъ высокій, сухощавый ротный командиръ и, обходя по фронту, замѣтилъ новичка и, приблизившись къ нему, спросилъ:

— Ну что̀, Лаврентьевъ, не скучно у насъ? Привыкъ?

— Привыкъ.

— А знаешь ли, какъ зовутъ ротнаго твоего командира?

— Александръ Егоровичъ.

— Ай да новичокъ!.. А это у тебя что̀?—наклонился Александръ Егоровичъ, разсматривая лицо Лаврентьева и дотрогиваясь пальцемъ до большого синяка на лбу.

— Я ушибся.

— Ушибся? Когда ушибся? Ты, Лаврентьевъ, уже врешь? Вижу—дрался!.. Съ кѣмъ ты дрался?

— Я не дрался, я ушибся.

«Селедка» пристально взглянулъ на Гришу, едва замѣтно улыбнулся и, потрепавъ его по щекѣ, проговорилъ, отходя:

— Смотри, Лаврентьевъ, впередъ такъ не ушибайся... Ведите роту!—обратился онъ къ дежурному офицеру.

Рота пошла въ столовую. Жучокъ одобрительно подмигнулъ своему новому другу. И за столомъ поступокъ новичка вызвалъ всеобщее одобреніе. Всѣ находили, что новичокъ совсѣмъ молодецъ.

Несмотря однако на первые свои успѣхи и на дружбу, которую оказывалъ ему Жучокъ, Гриша все-таки тосковалъ первое время въ корпусѣ, нерѣдко вспоминая няню, кучера Ивана, маленькихъ своихъ друзей, отца-дьякона и раздолье деревенской жизни.

Корпусная жизнь со всѣми ея обычаями казармы—мальчикъ поступилъ въ 1852 году, когда солдатчина была въ большой модѣ въ морскомъ корпусѣ—первое время очень смущала Гришу, привыкшаго къ простору полей, шуму лѣса и забавамъ деревни. Тѣсно и скучно казалось ему въ ротной залѣ, негдѣ было разгуляться, нельзя было съ отцомъ-дьякономъ пасвистывать птицъ, запречь съ Иваномъ лошадь, а главное—не было Арины Кузьминичны, которую такъ сильно любилъ мальчикъ, и онъ первые дни очень тосковалъ, несмотря на старанія добраго Жучка развлечь своего новаго друга. Онъ добросовѣстно выучилъ его многимъ кадетскимъ штукамъ и фокусамъ, которые, по увѣренію Жучка, составляли секретъ немногихъ; онъ предлагалъ даже Лаврентьеву по вторникамъ и субботамъ, когда на третье блюдо давали слоеные пироги съ яблоками, мѣняться пирогомъ на «говядку», убѣжденный, что яблочный пирогъ значительно повліяетъ на расположеніе духа Лаврентьева, но однако Гриша всетаки тосковалъ, къ изумленію веселаго и забавнаго Жучка. Онъ замѣтилъ, что Лаврентьевъ, ложась спать, всегда закрываетъ лицо одѣяломъ и даже не хочетъ толковать о «домашнемъ», говоря, что хочется спать. «Ужъ не реветъ ли Лаврентьевъ?» — заподозрилъ Жучокъ и рѣшился обслѣдовать это обстоятельство. Однажды, когда въ спальнѣ была тишина, всѣ мальчики спали, Жучокъ осторожно поднялся съ постели, незамѣтно подошелъ къ кровати Лаврентьева и услышалъ тихій плачъ. Жучокъ тихо подтолкнулъ своего друга и произнесъ голосомъ, полнымъ участія:

— Это я! Жучокъ!.. Отчего ты, Лаврентьевъ, скрытничаешь? Развѣ мы не друзья!? Чего ты плачешь? Не нравится, что ли, въ корпусѣ?

— Нѣтъ, не нравится. То ли дѣло въ деревнѣ.

— И мнѣ прежде не нравилось, а теперь ничего себѣ. Прежде, Лаврентьевъ, такъ домой хотѣлось... Ты, видно, по матери скучаешь?—осторожно спросилъ Жучокъ, присаживаясь къ кровати.

— У меня, Жучокъ, нѣтъ матери. Она давно умерла.

— Это не хорошо! У меня мать есть, она мнѣ пишетъ письма. Такъ если ты говоришь, у тебя нѣтъ матери, такъ о комъ же ты скучаешь, Лаврентьевъ? Можетъ-быть, объ отцѣ?

— Отецъ съ нами не жилъ.

Худощавое, тонкое личико черномазаго мальчика выражало участіе. Онъ покачалъ головой и, вздрагивая отъ холода въ одной рубашкѣ, продолжалъ:

— Не жилъ? Такъ у кого же ты жилъ?

— У тетки.

— Видно, тетка-то добрая?

— Нѣтъ, злая.

— Злая?—изумился Жучокъ.—Такъ о комъ же ты скучаешь?

Гриша колебался открыться другу, онъ зналъ, что Жучокъ, при всѣхъ его хорошихъ качествахъ, иногда любилъ поднимать на смѣхъ, и боялся, что другъ его не съ должнымъ сочувствіемъ отнесется къ его деревенскимъ друзьямъ, а это было бы очень больно любящей душѣ мальчика. Однако потребность вылиться пересилила эту щекотливую боязнь деликатнаго чувства.

— Ты не станешь, Жучокъ, смѣяться и никому не скажешь?..

— Отхлещи меня, Лаврентьевъ, пять разъ по рожѣ, если я скажу кому-нибудь слово!

Послѣ такого торжественнаго завѣренія Гриша вполнѣ открылся своему другу, и у него стало гораздо легче на душѣ. Онъ уже не плакалъ и вполголоса объяснялъ Жучку, какъ слѣдуетъ отыскивать птичьи гнѣзда, какъ отецъ-дьяконъ отлично насвистывалъ птицъ, и какъ Иванъ давалъ ему запрягать лошадь. Съ большимъ сочувствіемъ слушалъ Жучокъ своего друга. Онъ полюбилъ Гришиныхъ деревенскихъ пріятелей, негодовалъ на тетку и взялъ слово съ Гриши, что тотъ познакомитъ его съ няней. Въ свою очередь, и Жучокъ счелъ долгомъ открыться Гришѣ и посвятить его въ свои домашнія дѣла. Онъ разсказалъ ему, что отецъ его въ дальнемъ плаваніи, а мама

живетъ въ Коломнѣ съ двумя маленькими сестрами, и что мать очень его любитъ. Есть у него и тетки, но онѣ— очень хорошія тетки, зато няни у него такой, какъ у Лаврентьева, нѣтъ. Мальчуганы долго еще болтали о «домашнемъ» и, прощаясь, наконецъ дали торжественную клятву въ неизмѣнной дружбѣ.

Прошелъ мѣсяцъ, и маленькій Гриша совсѣмъ свыкся съ новымъ положеніемъ; его уже не тянуло въ деревню. Новая жизнь охватила его новыми интересами. Скучно ему бывало по воскресеньямъ, когда товарищи его уходили по домамъ, а онъ оставался въ корпусѣ, но вскорѣ пріѣхала въ Петербургъ няня и навѣщала своего любимца по воскресеньямъ.

Почти безвыходно провелъ Лаврентьевъ годы ученія въ морскомъ корпусѣ, и корпусная жизнь того времени, конечно, не осталась безъ хорошаго вліянія на закалку его характера, хотя мало способствовала умственному развитію. Учился онъ такъ себѣ, не дурно, но и не хорошо. Вообще Лаврентьевъ не выдавался ни способностями, ни умомъ, ни быстротой соображенія; все ему давалось съ трудомъ, умъ его работалъ тяжело. Въ кругу товарищей онъ пользовался любовью и уваженіемъ за прямоту и истинно-рыцарскій характеръ. Если Лаврентьевъ находилъ какой-нибудь поступокъ нехорошимъ, это значило, что и въ самомъ дѣлѣ поступокъ былъ нехорошъ; всѣ знали, что Лаврентьевъ не покривитъ душой, не обидитъ слабаго, не выдастъ товарища. Онъ всегда былъ грозой обидчиковъ и шпіоновъ и въ такихъ случаяхъ пользовался своей физической силой. Въ пятнадцать лѣтъ Лаврентьевъ былъ заправскимъ кадетомъ стараго времени. Онъ могъ съѣсть на пари двадцать пять блиновъ, былъ отличнымъ по фронту, любилъ патріотическія стихотворенія, считалъ за позоръ быть штафиркой, старался говорить басомъ, презиралъ «француза» (такъ звали французскаго учителя), стригся подъ гребенку, выносилъ розги стоикомъ и для закалки, вмѣстѣ съ двумя, такими же, какъ онъ, кадетами, ходилъ ночью на Голодай, для испытанія своей храбрости. Онъ напускалъ на себя грубость, гордился хорошо развитыми мускулами, мечталъ о военныхъ подвигахъ и преодолѣніи разныхъ опасностей. Жизнь моряка манила его. Если къ этому прибавить, что наружность его не перемѣнилась къ лучшему—въ пятнадцать лѣтъ онъ былъ плотнымъ, неуклюжимъ, угловатымъ и застѣн-

чивымъ подросткомъ съ краснымъ, некрасивымъ лицомъ— и что манеры его далеко не отличались изяществомъ, то читатель пойметъ, что недаромъ въ корпусѣ Лаврентьева звали «медвѣдемъ». Когда въ семнадцать лѣтъ Лаврентьевъ былъ произведенъ въ офицеры, то онъ все-таки оставался такимъ же неразвитымъ малымъ, какъ и былъ. О литературѣ онъ не имѣлъ никакого понятія, ничего не читалъ и тотчасъ же по выходѣ изъ корпуса ушелъ въ кругосвѣтное плаваніе, мечтая о карьерѣ моряка. Съ Жучкомъ Лаврентьевъ остался попрежнему закадычнымъ пріятелемъ, хотя съ годами разница между ними дѣлалась все больше и больше. Въ то время, когда Лаврентьевъ остался старымъ кадетомъ, Жучка уже коснулись вѣянія шестидесятыхъ годовъ, и онъ въ послѣдніе два года корпусной жизни кое-что почитывалъ и мечталъ объ университетѣ. Когда пріятели сдѣлались офицерами, то Жучокъ однажды объявилъ Лаврентьеву, что онъ окончательно рѣшилъ бросить службу и поступить въ университетъ. Лаврентьевъ покачалъ головой и не одобрилъ намѣренія друга.

— Опять за книги? И охота тебѣ въ студенты! То ли дѣло офицеромъ!..

— Ты чудакъ, Лаврентьевъ... Ты все меня не понимаешь... Не тянетъ меня служба. Жаль, что ты со студентами не знакомъ... Они не то, что мы...

— А что же они?

— Они образованные...

— И чортъ съ ними!.. — обрѣзалъ Лаврентьевъ. — Моряку не нужно знать разныя глупости... Наше дѣло—поддерживать честь флага и умереть съ честью! Ты помнишь, какъ сказалъ Нельсонъ: «Надѣюсь, каждый исполнитъ долгъ свой!..» Вотъ наше дѣло... Это жизнь настоящая, а то какимъ-нибудь чиновникомъ или учителемъ... Мерзость!

— Кому какъ...

— Отецъ развѣ позволяетъ тебѣ въ отставку?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Жучокъ.

— Такъ какъ же ты? Развѣ хочешь противъ воли отца?

— Я попрошу его, а не согласится—что̀ дѣлать!

Друзья задушевно простились, когда Лаврентьевъ уходилъ въ плаваніе, и обѣщали другъ другу писать. Горячо обнялись они; каждый мечталъ о будущности съ надеждой въ сердцѣ: Лаврентьевъ мечталъ о карьерѣ моряка, хо-

тѣлъ выработать изъ себя морского волка, браваго мореходa, поддерживающаго честь флага, а Жучокъ, напротивъ, жаждалъ иной дѣятельности.

Если вѣяніе шестидесятыхъ годовъ осталось вначалѣ безъ вліянія на Лаврентьева, то тѣмъ сильнѣе оно коснулось его впослѣдствіи. Заграничное путешествіе было первымъ толчкомъ, заставившимъ его подумать, что въ Россіи не все лучше, чѣмъ въ Европѣ. Сравненіе лѣзло въ глаза, и Лаврентьевъ, бывшій въ тѣ времена ультрапатріотомъ, невольно задумывался. Къ тому же бесѣды въ каютъ-компаніи образованнаго и свѣдущаго молодого врача, плававшаго вмѣстѣ на корветѣ, производили свое дѣйствіе. Все это было совсѣмъ ново для Лаврентьева; рѣчи, доселѣ никогда имъ неслыханныя, дѣйствовали на него сильно, хотя онъ и не поддавался имъ сразу, а, напротивъ, старался противостоять имъ. Докторъ былъ очень порядочный человѣкъ, и скоро Лаврентьевъ сошелся съ нимъ. Онъ сталъ читать. Новый міръ идей понемногу сталъ открываться передъ нимъ; статьи Добролюбова и другого извѣстнаго писателя произвели на молодого человѣка потрясающее, ошеломляющее впечатлѣніе. Голова его сильно работала въ это время, и прочитанное находило откликъ въ горячемъ его сердцѣ. Заглохшая-было дѣтская любовь къ мужику пробудилась въ немъ съ новой силой и уже сознательно... Матросъ напоминалъ ему мужика съ его безконечнымъ горемъ. Воспоминанія дѣтства, просвѣтленныя сознаніемъ, наполняли благодарностью горячее сердце, жаждавшее случая отплатить за добро. Когда теперь онъ припоминалъ прошлое, ореолъ героя-отца потухалъ въ его глазахъ. Медленно, не безъ борьбы спадала пелена съ духовныхъ очей молодого человѣка, и когда черезъ три года онъ вернулся изъ кругосвѣтнаго плаванія въ Россію, то не мечталъ уже болѣе о славѣ, о подвигахъ, о карьерѣ. Другія мысли, другія стремленія охватили его.

Черезъ годъ послѣ его возвращенія умеръ его отецъ, и Лаврентьеву досталось огромное имѣніе въ Смоленской губерніи. Несмотря на увѣщанія начальства, Лаврентьевъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и переѣхалъ вмѣстѣ съ няней въ деревню. Первымъ шагомъ его новой дѣятельности была раздача всей земли крестьянамъ. Себѣ онъ оставилъ двѣсти десятинъ и повелъ жизнь, къ изумленію няни, совсѣмъ не господскую. Онъ жилъ въ двухъ

комнатахъ ветхаго барскаго дома, держалъ одну прислугу, ѣлъ совсѣмъ скромно. Въ скоромъ времени онъ устроилъ въ селѣ школу, основалъ ссудо-сберегательное товарищество, сблизился съ крестьянами и зажилъ скромною, трудовою жизнью, не имѣющею ничего общаго съ жизнью русскаго помѣщика, а скорѣй напоминающею жизнь англійскаго фермера. Онъ самъ работалъ въ полѣ, вмѣстѣ съ своими рабочими, торговалъ хлѣбомъ, одѣвался по-мужицки. Сперва на него въ уѣздѣ смотрѣли, какъ на сумасшедшаго, потомъ какъ на очень опаснаго человѣка, но въ концѣ концовъ привыкли къ «чудаку» и только время отъ времени подымали въ заглазныхъ разговорахъ на смѣхъ «дикаго человѣка». Въ свою очередь, и Лаврентьевъ не велъ съ сосѣдями-помѣщиками знакомства, а знался только съ крестьянами. Такъ прожилъ онъ въ своей «Лаврентьевкѣ» четырнадцать лѣтъ, пользуясь любовью и довѣріемъ мужиковъ, всегда готовый постоять за ихъ интересы, помочь въ нуждѣ, спасти въ бѣдѣ, выбираемый всегда гласнымъ крестьянами, бѣльмо на глазу у кулаковъ и міроѣдовъ, довольный скромной своей жизнью и ни за что̀ не промѣнявшій бы ее ни на какую другую. Онъ понемногу такъ втянулся въ эту жизнь, что не понималъ, какъ можно жить въ городѣ и быть чиновникомъ или офицеромъ.

Полная заботъ, дѣятельная жизнь Лаврентьева отнимала все его время. Читать было некогда, да онъ какъ-то и отвыкъ за послѣднее время отъ книгъ и читалъ мало. Въ своей дѣятельности онъ нашелъ разрѣшеніе сомнѣній и примиреніе съ совѣстью. Онъ нашелъ себѣ колею, и «мучительные вопросы» уже не волновали его; они были имъ разрѣшены давно и разъ навсегда. Занятый практической дѣятельностью, онъ не пытался, да едва ли и умѣлъ обобщать безобразныя явленія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу. Факты волновали его, находили въ немъ горячаго порицателя, но обнять связи ихъ и причинности онъ былъ не въ состояніи. Всей душой ненавидѣлъ онъ притѣснителей крестьянъ, собирался добраться до какого-нибудь «Кузьки» и нѣсколько наивно дивился, что ни ссудо-сберегательныя товарищества, ни артельныя сыроварни не въ состояніи помочь въ борьбѣ съ разными «Кузьмами Петровичами», овладѣвшими деревней.

Несмотря ни на постоянныя неудачи въ борьбѣ Григорія Николаевича съ разными хищниками, донимавшими де-

ревню, ни на безплодность его оригинальныхъ рѣчей въ земскихъ собраніяхъ, ни на ничтожность результатовъ отъ устроенныхъ имъ ссудо-сберегательнаго товарищества и артельной сыроварни, Григорій Николаевичъ не падалъ духомъ, не искалъ иныхъ путей, а шелъ впередъ съ упорствомъ вола и все еще не терялъ надежды упечь ненавистнаго «Кузьку» по Владимірке.

Крѣпко привязанъ былъ Григорій Николаевичъ къ своему гнѣзду и съ любовью занимался хозяйствомъ въ своемъ маленькомъ имѣніи. Дѣло свое онъ зналъ превосходно, зоркимъ глазомъ смотрѣлъ за всѣмъ, съ ранняго утра былъ на ногахъ, нерѣдко самъ работалъ въ полѣ, словомъ—велъ трудовую жизнь. Онъ былъ разсчетливъ, даже скупъ, умѣлъ торговаться съ купцами съ остервенѣніемъ и при умѣренномъ образѣ жизни прикопилъ себѣ даже небольшую сумму денегъ изъ доходовъ своей «Лаврентьевки». Работящіе, хорошіе мужики всегда ссужались у него, но лодырямъ онъ не давалъ. Въ округѣ мужики уважали Лаврентьева, называли его «дошлымъ», ходили къ нему за совѣтомъ и знали, что его на кривой не объѣдешь.

Лаврентьевъ зналъ мужика хорошо, сжился съ нимъ, любилъ его безъ сентиментальничанія, всегда готовый помочь и защищать его интересы. Не умѣвшій обобщать явленій, человѣкъ ума неповоротливаго и не широкаго полета мысли, Григорій Николаевичъ не умѣлъ объяснить причинъ своихъ неудачъ и всѣ бѣды и злополучія сваливалъ на недостатокъ хорошихъ людей и на разныя частныя причины.

Погруженный въ хозяйство, занятый заботами деревенской жизни, онъ мало-по-малу втянулся въ эту жизнь зажиточнаго фермера и трезво, спокойно шелъ по намѣченной имъ колеѣ, не зная ни мукъ сомнѣнія, ни работы неугомонной мысли. Въ книгѣ онъ искалъ фактовъ, цифръ и свѣдѣній, но обобщенія и выводы не заставляли работать его мысль. Онъ былъ доволенъ и своимъ положеніемъ, и своей дѣятельностью. Никакая скептическая струйка не смущала его личнаго довольства. Въ идеалѣ скромнаго полу-помѣщичьяго, полу-мужицкаго счастья онъ нашелъ примиреніе, исходъ благородныхъ стремленій молодости, никогда не жалѣлъ о карьерѣ и удивлялся, какъ это люди не могутъ устроить себѣ счастья. Онъ не безъ гордости говорилъ, что «не раститъ брюха на счетъ другихъ».

Увѣренный въ этомъ, Григорій Николаевичъ расхохотался бы въ глаза всякому, кто сказалъ бы ему, что и онъ въ своей «Лаврентьевкѣ» роковымъ образомъ не чуждъ общаго грѣха...

Онъ очень любилъ Васю, но, когда однажды юноша открылъ ему свою душу и подѣлился сомнѣніями, волнующими его горячее сердце, Григорій Николаевичъ изумился и не понялъ его порываній...

. . . . . .

. . . . . .

XXV.

Вернувшись изъ города, Григорій Николаевичъ въ тотъ же день, какъ только спала жара, вышелъ изъ дому и весело зашагалъ по направленію къ усадьбѣ, гдѣ жила Леночка... Скорыми шагами прошелъ онъ лѣсъ, и когда увидалъ знакомый сѣрый, небольшой домъ на пригоркѣ, окруженный садомъ,—сердце Григорія Николаевича застучало быстрѣй.

«Могъ ли онъ, еще годъ тому назадъ, думать о такомъ счастьѣ!? Смѣлъ ли онъ ожидать, что Леночка наконецъ согласится быть его женой?.. Скоро, скоро пройдутъ полтора мѣсяца, и Леночка переберется въ «Лаврентьевку». По временамъ онъ даже не вѣрилъ своему счастью. Застѣнчивый, нелюдимый, боявшійся женскаго общества, онъ почему-то думалъ, что ни одной женщинѣ не можетъ понравиться, и вдругъ, поди-жъ, Леночка согласилась выйти за него, за «сиволапаго», какъ онъ себя называлъ!.. И она увидитъ, какое преданное сердце у сиволапаго. Онъ будетъ беречь свою любимую, ненаглядную Леночку. Онъ все сдѣлаетъ для ея счастія, и они заживутъ отлично. И отчего ей быть несчастливой? Она не такая, какъ другія: она славная, честная, трудолюбивая, какъ пчелка, эта Леночка, и будетъ именно такая жена, о которой онъ порой мечталъ въ грезахъ. Славная будетъ хозяюшка Леночка! «Лаврентьевка» съ Леночкой!.. Господи! Да какое можетъ быть еще счастье!.. Только бы поправилась она, а то въ послѣднее время бѣдняжка что-то прихварываетъ... Непремѣнно лѣкаря... Надо уговорить ее!»

Такія мысли проносились у Лаврентьева. Счастливый своимъ глубокимъ чувствомъ, радостный и веселый вошелъ онъ въ садъ, озираясь по сторонамъ, не мельк-

нетъ ли между деревьевъ знакомая фигура молодой дѣвушки.

«Вѣрно, на крыльцѣ сидитъ!»—рѣшилъ онъ и пошелъ къ дому. На крыльцѣ никого не было, и Григорій Николаевичъ вошелъ въ комнаты.

Въ столовой на диванѣ сидѣла Леночкина тетка, Мароа Алексѣевна, по обыкновенію, изнемогая отъ жары, вся красная, обливаясь пòтомъ. Она лѣниво отмахивалась вѣткой отъ мухъ и покрикивала отъ скуки на босоногую дѣвочку, собиравшую чай.

При входѣ Лаврентьева Мароа Алексѣевна лѣниво кивнула головой и, протягивая руку, произнесла:

— Эка вы обкарнались какъ, Григорій Николаевичъ!.. Давно пора, а то съ космами отъ жары съ ума сойдешь... Экая жара-то! Садитесь, сейчасъ чай будемъ пить!.. А вамъ не стыдно бѣднаго братца подводить?—вдругъ выпалила Мароа Алексѣевна.

— Вы это о чемъ, Мароа Алексѣевна?

— Да въ Залѣсьѣ-то... Охота было путаться!.. Бѣдный братецъ только-что изъ города вернулся, разстроенный... Кажется, будущаго тестя можно было бы пожалѣть... Видно, вамъ мужичье ближе, чѣмъ тесть... Впрочемъ, вамъ хоть колъ на головѣ теши... Вы какіе-то полоумные...

Григорій Николаевичъ зналъ хорошо Мароу Алексѣевну и не обращалъ особеннаго вниманія на ея рѣчи. «Пусть себѣ брешетъ!»—обыкновенно говорилъ онъ, когда она начинала охать и жаловаться на нынѣшнія времена.

— Тоже и Вязниковы хороши! — продолжала между тѣмъ Мароа Алексѣевна. — И старикъ и сынки очень хороши! Нечего сказать... А изъ-за нихъ бѣдный братецъ въ отвѣтѣ...

— Да вы сказывайте, барыня, толкомъ... Разнесъ, что ли, генералъ Ивана Алексѣевича?

— Разнесъ!? Эка у васъ слогъ какой... Хоть бы вы, Григорій Николаевичъ, ради Леночки нѣсколько поотесались, а то, право, словно бы вы не благородный человѣкъ, а мужланъ говорите!

Лаврентьевъ добродушно усмѣхнулся и промолвилъ:

— Была, значитъ, выволочка?

— Тьфу ты! И откуда вы такія хамскія слова берете?

— Что вы, Мароа Алексѣевна?—поддразнилъ Лаврентьевъ.—Это самое деликатное слово. Нонче во дворцѣ не иначе говорятъ...

— Не вамъ бы о дворцѣ говорить! Могли бы и во дворцѣ быть, если-бъ не ваша глупость... Экое имѣнье-то было!..

— Слыхали, Марѳа Алексѣевна...

— И еще разъ услышать не мѣшаетъ... А еще жениться выдумали... Чѣмъ дѣтей-то содержать будете?

— Небось, прокормимся! — шутя, говорилъ Лаврентьевъ.

— А братецъ ужо поблагодаритъ васъ. Это вы, видно, старика Вязникова настроили къ губернатору ѣхать, а губернаторъ послѣ все срамилъ братца насчетъ какой-то статистики... Очень это по-родственному!.. И Вася долговязый туда же... путается! Я даже и не повѣрила. Что̀ выдумалъ глупый! Къ Кузьмѣ Петровичу разлетѣлся съ совѣтами!.. Ну, времена, нечего сказать!.. И какъ это старикъ не высѣкъ сына-то... Впрочемъ, и то: самъ онъ недаромъ въ молодости въ солдатахъ былъ. Яблочко отъ яблони падаетъ недалеко! Вотъ еще намедни пришла братцу бумага секретная: искать по уѣзду какого-то студента Мирзоева... Просто ни минуты покоя... Каково пожарѣ по этакой рыскать!

— Да гдѣ Леночка?—перебилъ словоохотливую старуху Григорій Николаевичъ.

— А я почемъ знаю! Вѣрно, сейчасъ придетъ. За книжкой, чай, сидитъ!

— Здорова она?

— Не говоритъ, что больна; значитъ, здорова.

— Ну, это значитъ, что пристяжная скачетъ!

— А я вотъ что̀ вамъ скажу насчетъ вашей Леночки. Вы, какъ женихъ, книжки бы у нея всѣ отобрали...

Лаврентьевъ весело разсмѣялся при этихъ словахъ, произнесенныхъ Марѳой Алексѣевной самымъ серьезнымъ тономъ.

— Не смѣйтесь... смѣяться еще погодите, а, право, послушайте меня, а не то, того и гляди, и она обезумѣетъ... Долго ли! Нынче какая-то мода безумствовать... Мало ли нигилистовъ этихъ развелось, а братецъ совсѣмъ дочку свою распустилъ... И вотъ еще что̀: ужъ скорѣй бы вы вѣнчались, право...

— Вы-то что̀ спѣшите?

— А то, что кровь-то родная; слава Богу, племянница!— даже обидѣлась Марѳа Алексѣевна.—Вы-то слѣпы, а я, даромъ что старуха, а вижу.

— Что-жъ вы видите?

— Лена, Богъ ее знаетъ... больна—не больна, а стала послѣднее время какая-то нехорошая. Худѣть стала,—это не къ добру. По-моему, это все отъ книгъ. Обрадовалась, что Вязниковъ изъ Петербурга понавезъ разныхъ книжекъ, и набросилась. Хорошаго она оттуда не вычитаетъ, вѣрьте слову, а только отъ хозяйства отобьется! И то отбилась! И къ чему Вязниковъ Ленѣ книги даетъ? Читай самъ, коли путнаго дѣла нѣтъ, но благородную дѣвушку зачѣмъ впутывать? Слава Богу, она тоже училась, въ гимназіи курсъ кончила, нечего ее опять учить!

Марѳа Алексѣевна хотѣла-было продолжать, но посмотрѣла на Григорія Николаевича и съ сердцемъ плюнула.

— И я-то хороша!—проговорила она.—Я по-родственному предостерегаю жениха, а онъ смѣется! Да мнѣ-то что за дѣло! Съ вами, какъ посмотрю, и говорить-то нечего!

— Опять баталія?—раздался въ это время изъ дверей веселый стариковскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ въ столовую вошелъ, потягиваясь послѣ сна, Иванъ Алексѣевичъ.

Это былъ предобродушный, небольшого роста, бравый старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами и располагающимъ лицомъ. Онъ былъ въ форменномъ люстриновомъ пальто, держался съ молодцоватостью старой военной косточки и посасывалъ какую-то невозможную сигару.

— Снова Марѳа донимаетъ васъ, а, Григорій Николаевичъ?—весело продолжалъ старикъ, пожимая руку Лаврентьева.—Она вѣдь консерваторъ чистѣйшей крови... Хе-хе-хе! Вѣрно, на нигилистовъ жаловалась? Сестрица и меня въ нигилисты записала!—снова разразился веселымъ смѣхомъ бравый старикъ.

— И впрямь старый нигилистъ!

— Нигилистъ—исправникъ! Ахъ, ты, Марѳа Посадница! Тоже и она нынче политикой занимается, а мнѣ такъ она... хоть бы вовсе ея никогда не было,—столько съ нею хлопотъ!

— Вамъ, братецъ, посмотрю, какъ съ гуся вода. Губернаторъ вамъ сраму надѣлалъ, а вы...

— Не плакать же! Ну, распекъ; надо правду сказать, распекъ, что называется, со всѣми онерами,—обратился Иванъ Алексѣевичъ къ Лаврентьеву.—Главное—зачѣмъ

статистика невѣрна. Такъ развѣ я статистикъ? Я исправникъ, а не статистикъ. Ну, да пусть. На то онъ и губернаторъ!

— А все Никодимка нагадилъ, а еще кумъ!—вставилъ Лаврентьевъ.

— Это онъ противъ меня хотѣлъ апрошъ вести, да самъ попался!.. Жаль, что вы не застали тогда меня: на слѣдствіе въ другой конецъ уѣзда каталъ! А Никодиму Егорычу на руку. Бестія обрадовался случаю и набрехалъ въ телеграммѣ съ три короба. И мнѣ гонка, и его, того и гляди, турнутъ! Такъ-то. Жаль, жаль, Григорій Николаевичъ. Мы бы эту поганую исторію затушили своими средствами. Я бы вашего врага какъ-нибудь уговорилъ, а теперь—скандалъ. Его превосходительство не знаетъ, какъ и быть... Чиновникъ по особымъ порученіямъ дѣло представилъ по-своему. Кузьма-то, не будь дуракъ...

Съ этими словами Иванъ Алексѣевичъ плутовски прищурился и весело разсмѣялся.

— Какъ бы и вамъ, братецъ, не досталось...—замѣтила Марѳа Алексѣевна.

— А мнѣ за что? Слава Богу, я каши-то не заваривалъ. Мнѣ предписано было взыскать, а я предписалъ Никодиму Егорычу. Такъ развѣ я предписывалъ ему пакостить? Я ему по-дружески еще сказалъ, что ежели что такое, то отложи... Иной разъ и строжайшее предписаніе забудешь, коли придется его исполнять на людскихъ спинахъ. Тоже и мы люди! Да. На многое насмотришься, а иной разъ и ничего не подѣлаешь, жалость надо въ карманъ, чтобы своя шкура осталась цѣла! При бывшемъ губернаторѣ всего бывало: иногда, я вамъ скажу, чуть не плачешь, а порешь. Анаѳемская служба, самая анаѳемская,—вздохнулъ старый исправникъ.—А кормиться надо!

Лаврентьевъ лѣниво слушалъ старика, все прислушиваясь, не раздадутся ли шаги Леночки. А старикъ, осѣдлавши своего любимаго конька, не скоро останавливался.

— И знаете, что я вамъ скажу, Григорій Николаевичъ: вѣрьте мнѣ—не вѣрьте, а прежде куда душевнѣй было...

— Будто?..

— Конечно, слова нѣтъ: реформы... высокое ихъ значеніе... гласный судъ... не спорю... но только прежде проще все какъ-то, смятенія этого въ умахъ не было... цивилизаціи... Ужъ я и не знаю, какъ это вамъ сказать!..

Ну, положимъ,—взятки, это точно; но вѣдь и теперь развѣ ангелы? Оно, если разобрать, то еще спорный пунктъ... Потребности нынче разныя, воспитаніе дѣтей, а жалованье—мизерія какая-то; человѣкъ и долженъ позаботиться о семьѣ... Я, впрочемъ, не объ этомъ, а насчетъ простоты... Прежде ты зналъ, что̀ дѣлать, а теперь развѣ я знаю, какъ мнѣ поступать!? Съ одной стороны, чтобы немедленно, а съ другой—чтобы деликатно, безъ шума! И немедленно, и безъ шума... вотъ и вертись! А главное: и тутъ смотри, и тамъ смотри! И начальства остерегайся, и публики остерегайся, и всякому толстопузому мирволь, и чтобы въ газетахъ о тебѣ ни слуху, ни духу, и чтобы все вездѣ благополучно!.. Что ни губернаторъ, то система... Прежде одно начальство знали и опасались, а теперь еще и разныхъ толстопузыхъ опасайся... Развѣ я могу его, жидомора, теперь за бороду, какъ прежде? Шалишь, исправникъ! У нихъ теперь амбиція, и онъ тебѣ такую мину подведетъ, что и съ мѣста слетишь!... Анаѳема, а не служба!

Старый исправникъ, хотя былъ и добрый человѣкъ, но все-таки не ангелъ и, гдѣ могъ, пользовался; впрочемъ, бралъ по чину и добродушно. Тѣмъ не менѣе при всякомъ удобномъ случаѣ старикъ любилъ пофилософствовать и искренно возмущался тяжелыми временами.

— И честятъ же насъ!—продолжалъ старикъ, закуривая свой трабукосъ. — Честятъ! — повторилъ онъ, улыбаясь.—Что ни нумеръ вѣдомостей, то непремѣнно либо исправника, либо становому пробираютъ. Только про нихъ и пишутъ. Читаешь, читаешь, и иногда даже злость беретъ; выходитъ, будто вся бѣда идетъ отъ исправника да отъ становаго. Всѣ хороши, только, молъ, исправники шельмецы!.. А какъ смекнешь, что и писателю надо кормиться, такъ даже и злость отходитъ. Повыше жарить нельзя, а кормиться надо; можетъ, у него и семейство есть, онъ и жаритъ нашего брата. Иной разъ, шельма, такъ отбреетъ, что лихо... хохочешь, какъ онъ расписываетъ! Вотъ теперь навѣрное скоро будетъ корреспонденція. Прочтемъ!.. И продернетъ же онъ за эту исторію!.. А губернаторъ не любитъ, когда объ нашей губерніи пишутъ. Вотъ давеча онъ меня распекалъ за эту статистику: зачѣмъ, молъ, о Залѣсьѣ невѣрныя свѣдѣнія... Вѣрно, говоритъ, и весь уѣздъ такъ же спутанъ, и приказалъ всю статистику заново! А когда мнѣ статистикой заниматься? И такъ

послѣднее время все по секретнымъ предписаніямъ гоняютъ, какъ зайца... Губернаторъ ничего себѣ, человѣкъ добрый, но донялъ своей статистикой... бѣда!

— Може, я могу помочь?—спросилъ Григорій Николаевичъ.

— Помоги, отецъ родной, въ ноги поклонюсь. Я вамъ дамъ таблички эти, вы тамъ проставьте, что̀ знаете, чтобъ имъ пусто было!.. Тутъ—статистика, тамъ — недоимки, чтобы немедленно, а вдобавокъ—гонка по секретнымъ предписаніямъ... Вотъ намедни еще новое получилъ: разыскать какого-то студента—Мирзоева. А какъ его разыщешь? У него на лбу не написано, что онъ Мирзоевъ, а примѣты такія, что и васъ можно принять за Мирзоева: лицо смуглое, волосы черные, роста средняго. Вотъ и ищи!

Старикъ добродушно разсказывалъ о секретномъ предписаніи. Обыкновенно всѣ его домашніе тотчасъ же знали о служебныхъ секретахъ, ибо исправникъ нерѣдко въ домашнемъ совѣтѣ обсуждалъ секретныя бумаги.

— Очень ужъ трудно стало! Вотъ годъ дотяну до полнаго пенсіона, и Богъ съ ними! Слава Богу, всѣ дѣти на ногахъ теперь. Намедни Кузьма Петровичъ пріѣхалъ, какъ бы вы думали, съ чѣмъ? Скажи я ему автора корреспонденціи, которая—помните?—недѣли двѣ тому назадъ была напечатана въ газетахъ. И вѣдь обидѣлся, когда я сказалъ, что это не мое дѣло. Онъ сына Вязникова подозрѣваетъ... Только врядъ ли. А статейка была ядовитая... Кривошейновъ очень сердился и теперь послѣ исторіи рветъ и мечетъ... Эхъ, времена-то пошли!—вздохнулъ исправникъ.—Да что-жъ это Леночка не идетъ? Не знаетъ развѣ, что Григорій Николаевичъ здѣсь?

Иванъ Алексѣевичъ подошелъ къ окну и крикнулъ:

— Леночка! Лена! Иди, голубчикъ, къ намъ! Григорій Николаевичъ пришелъ, и самоваръ на столѣ.

— Сейчасъ иду!—раздался сверху Леночкинъ голосъ.

Черезъ минуту она вошла въ столовую. Лаврентьевъ былъ пораженъ видомъ молодой дѣвушки, такая она была разстроенная и сумрачная. Онъ подошелъ къ ней, крѣпко пожалъ руку и съ нѣжнымъ участіемъ взглянулъ ей въ глаза. Они были красны отъ слезъ. Леночка поглядѣла на Лаврентьева робкимъ взоромъ, точно виноватая, и опустила глаза. Слабая, страдальческая улыбка мелькнула на ея лицѣ, когда Леночка замѣтила перемѣну въ Григорьѣ Николаевичѣ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, и

вмѣсто косматой гривы, придававшей его лицу оригинальный видъ, волосы его были приглажены и даже напомажены, отчего некрасивая физіономія Лаврентьева еще болѣе потеряла...

— Вы нездоровы, Елена Ивановна!—произнесъ съ необыкновенной нѣжностью въ голосѣ Григорій Николаевичъ.—Позвольте, я за лѣкаремъ быстро смахаю.

— Нѣтъ, не надо, Григорій Николаевичъ. Я... такъ... голова болитъ.

Она торопливо отошла отъ него и сѣла за самоваръ.

— Что ты, Леночка? Въ самомъ дѣлѣ не прихворнула ли?—освѣдомился и старикъ, ласково поглядывая на дочь.

— Нѣтъ. Голова немного болитъ.

— А ты бы капустки, Леночка, на головку!

— Еще бы головѣ не болѣть! Цѣлые дни за книжками!—замѣтила Марѳа Алексѣевна.

Лаврентьевъ свирѣпо взглянулъ на Марѳу Алексѣевну и проговорилъ:

— Это вы все, Марѳа Алексѣевна, зря говорите...

— Деликатно, очень деликатно! — проворчала Марѳа Алексѣевна.—Вы съ отцомъ готовы во всемъ Ленѣ потакать. Ужо погодите, какъ мужемъ будете, такъ ли станете въ глаза смотрѣть...

— Да полно тебѣ, Марѳа Посадница, воевать-то! — вступился старикъ.—Жаль, что васъ исправниками не назначаютъ, а то бы хорошая изъ тебя вышла исправница!—смѣялся Иванъ Алексѣевичъ.—Мы вотъ съ тобой книгъ не читаемъ, а Леночка пусть себѣ на здоровье читаетъ. Ея дѣло!

Леночка молча сидѣла за самоваромъ, пока старики перебранивались. Когда отпили чай, она подошла къ Лаврентьеву и проговорила, не поднимая глазъ:

— Пойдемте, Григорій Николаевичъ, въ садъ!..

Они вышли въ садъ и тихо пошли по дорожкѣ. Съ тревогой и нѣжностью посматривалъ Григорій Николаевичъ на Леночку, недоумѣвая, что у нея за болѣзнь и отчего она упорно отказывается отъ доктора. Онъ напрасно старался заглянуть ей въ лицо. Она шла, склонивъ на грудь голову, погруженная, казалось, въ раздумье. По временамъ ея плечи вздрагивали, и рука нервно сжимала платье.

Такъ шли они нѣсколько минутъ.

— А мы теперь съ Николаемъ Ивановичемъ фортепіано

въ городѣ торговали. Теперь за вами дѣло, Елена Ивановна. Поѣдемъ-ка завтра? Заодно къ лѣкарю бы съѣздили!—съ глубокой нѣжностью произнесъ Лаврентьевъ.

Леночка вздрогнула и остановилась. Она взглянула на Лаврентьева умоляющимъ взглядомъ, хотѣла что-то сказать, но слова замерли на ея устахъ.

— Елена Ивановна! Родная, ненаглядная!—дрожащимъ голосомъ сказалъ Григорій Николаевичъ, осторожно беря ея руку.—Вамъ очень недужится. Ишь, рука совсѣмъ холодная. Что̀ болитъ у васъ? Я мигомъ слетаю за лѣкаремъ.

— Нѣтъ, не надо. Докторъ не поможетъ,—прошептала дѣвушка.

Потомъ, какъ бы рѣшившись наконецъ, она быстро подняла голову и, останавливая на Лаврентьевѣ глаза, полные слезъ, проговорила:

— Простите ли вы меня, мои добрыи, хорошій Григорій Николаевичъ?

У Лаврентьева заныло въ груди. Растеряннымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на Леночку и, казалось, не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Я хотѣла вамъ писать... Я... я не должна идти за васъ замужъ,—чуть слышно прибавила Леночка.

Мелкія судороги исказили лицо Григорія Николаевича. Оно вдругъ потемнѣло и осунулось. Нѣсколько секундъ стоялъ онъ неподвижно, пораженный внезапнымъ ударомъ, и не проронилъ ни слова. Казалось, онъ все еще неясно понималъ значеніе ужасныхъ словъ.

— Простите, простите меня, если можете, Григорій Николаевичъ!..

— Простить? да развѣ вы виноваты?—произнесъ наконецъ Лаврентьевъ такимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, что у Леночки сжалось сердце.—Спасибо вамъ, что напрямки сказали. Хорошая вы дѣвушка...

Григорій Николаевичъ казался теперь спокоинымъ. Необычайной силой воли пересилилъ онъ невыносимую боль. Онъ не спрашивалъ объясненій, а думалъ только, какъ бы успокоить Леночку.

— Я во всемъ виноватъ, а вы-то чѣмъ виноваты?.. Я долженъ былъ понять, что вы не пара мнѣ, и я не сдѣлаю васъ такой счастливой, какой вы должны быть. Туда же въ калашный рядъ!—какъ-то печально усмѣхнулся Григорій Николаевичъ.—Хотѣлъ васъ законопатить въ «Лаврентьевкѣ»...

— Я въ Петербургъ думаю ѣхать, Григорій Николаевичъ!

Лаврентьевъ вздрогнулъ.

— Учиться,—успокоительно прибавила Леночка.

— Вотъ видите, какая вы хорошая... Дай же Богъ вамъ всего добраго, Елена Ивановна! Коли что,—помните, что у васъ есть вѣрный другъ.

Съ этими словами онъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и, не оглядываясь, вышелъ поспѣшными шагами изъ сада.

Лаврентьевъ пошелъ въ лѣсъ, забираясь въ самую глубь. Голова у него кружилась, въ виски стучало. Онъ останавливался, отдыхалъ и снова шелъ впередъ, самъ не зная, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Ему просто хотѣлось куда-нибудь уйти подальше. Онъ припоминалъ подробности только-что бывшей сцены, и Леночкины слова такъ и врѣзывались въ самое сердце. Она потеряна для него, и опять впереди одиночество, а онъ-то надѣялся, ждалъ, что и для него есть счастіе, что на его горячую любовь откликнулось любимое существо!..

«Она меня жалѣла только!»—произнесъ Лаврентьевъ. Невыносимая тоска охватила все его существо. Крупныя слезы катились по осунувшемуся лицу «дикаго барина».

Поздно ночью вернулся онъ домой, выпилъ нѣсколько графиновъ водки и снова ушелъ. Такъ пропадалъ онъ нѣсколько дней въ лѣсу и не ночевалъ дома. Когда онъ наконецъ вернулся домой, то кухарка со страхомъ взглянула на Григорія Николаевича: такъ онъ былъ мраченъ и такъ осунулся.

Черезъ нѣсколько дней Григорій Николаевичъ писалъ слѣдующее письмо своему старому другу, Жучку, бывшему въ Петербургѣ докторомъ:

«Любезный Жучокъ! Свадьба моя лопнула, а потому, если некогда—не пріѣзжай. Сегодня первый день, что я тверезъ окончательно и пересталъ киснуть, а то дрянь дѣла были, да и самъ я дрянь. Завтра займусь опять дѣломъ. Она, братъ, не виновата: она по совѣсти сказала, что не можетъ идти за меня замужъ, и сама убивалась. Скоро поѣдетъ въ Питеръ къ вамъ, учиться. Ты, другъ, познакомься съ нею и, коли что надо тамъ, окажи помощь; да если будетъ бѣдствовать—напиши: схитримъ работу. Славная, братъ, это дѣвушка, очень хорошая; ну, да и то: видно, мнѣ не жениться никогда. Нечего тебя

предупреждать, чтобы ты ей о моихъ любвяхъ никогда не сказывалъ, да и вообще никому не сказывай... Въ ту пору, какъ она это объявила, очень было трудно: насилу устоялъ, за собственное мясо руками ухватился,— синяки важные! Человѣчина—тварь слабая... Такая одолѣла тоска и такъ все опоганѣло, что я запьянствовалъ. Опротивѣла теперича «Лаврентьевка», хоть бы продать, а поди, къ дѣлу пойдетъ—не продамъ. Если хочешь чревною жизнью пожить и время позволяетъ,—кати сюда; жать станемъ, тебѣ, поди, въ охотку, а то шатнемъ въ другую сторону, куда вздумаемъ. Провѣтриться хочется. А затѣмъ будь здоровъ... Чай, въ Питерѣ-то отощалъ?.. Я—попрежнему, только сѣдой волосъ одолѣлъ, и всяческая мерзость здѣсь иной разъ сердитъ. Твой Григорій Лаврентьевъ».

Тяжелое время переживалъ Григорій Николаевичъ, хотя онъ и писалъ другу, что пересталъ киснуть. Онъ усердно, по обыкновенію, занимался съ утра до вечера по хозяйству, но по вечерамъ нападала на него такая хандра, что онъ либо напивался, либо уходилъ въ лѣсъ и затягивалъ тамъ заунывныя пѣсни. Леночка попрежнему безраздѣльно царила въ его сердцѣ, и онъ нерѣдко боролся съ желаніемъ какъ-нибудь увидать ее... Ни съ кѣмъ ему не хотѣлось видѣться, и даже, когда пришелъ какъ-то къ нему Вася, Григорій Николаевичъ не особенно былъ доволенъ этимъ посѣщеніемъ, и Вася ушелъ отъ Лаврентьева печальный, недоумѣвая, какъ Леночка могла такъ жестоко поступить съ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ Григорій Николаевичъ, который ее такъ сильно любитъ. Онъ рѣшилъ непремѣнно переговорить объ этомъ съ Леночкой.

XXVI.

Только послѣ тяжелой внутренней борьбы Леночка пришла къ рѣшенію, результатомъ котораго было извѣстное читателю объясненіе молодой дѣвушки съ Григоріемъ Николаевичемъ. Не одну безсонную ночь, въ тоскѣ и слезахъ, провела она, не зная, какъ быть, что дѣлать, сознавая себя безсильной передъ невѣдомымъ до сихъ поръ мучительнымъ и сладкимъ чувствомъ, охватившимъ все ея существо съ силой впервые пробудившейся страсти, встревоженная подъ наплывомъ новыхъ идей и стремленій, вызванныхъ вновь чтеніемъ и бесѣдами съ Николаемъ. Въ то же время сердце ея сжималось отъ жалости, когда она

думала о тяжкомъ ударѣ, который нанесетъ глубоко любившему ее человѣку, если ему откажетъ.

«Господи! Да что же мнѣ дѣлать?»—не разъ спрашивала себя Леночка. Она старалась отогнать любимый образъ, а онъ все-таки носился передъ ней. Она начинала думать о Лаврентьевѣ, считая себя глубоко виноватой передъ нимъ; она старалась увѣрить себя, что любитъ Григорія Николаевича, что должна его любить и сдержитъ слово... Иначе—она разобьетъ чужую жизнь. Она должна пожертвовать собой. Съ людьми нельзя такъ шутить... Она будетъ непремѣнно его женой и заглушитъ въ себѣ чувство... И въ то же время мысль о томъ, что она должна быть женой Лаврентьева и вѣчно быть съ нимъ въ «Лаврентьевкѣ», приводила ее въ ужасъ. «Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!»—вырвался изъ груди ея скорбный стонъ; незамѣтно она снова начинала думать о Николаѣ, и сердце ея опять трепетало, какъ птица въ клѣткѣ. Все въ немъ казалось ей прекраснымъ: и лицо, и голосъ, и мысли, и улыбка. Она ловила себя на этихъ «гадкихъ», какъ называла она, мысляхъ и заливалась слезами.

«Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ?»—шептала Леночка въ отчаяніи. Она избѣгала послѣднее время встрѣчъ съ Николаемъ и при нечаянныхъ встрѣчахъ держала себя съ нимъ холодно и сдержанно, глубоко и стыдливо тая про себя любовь къ нему, но зато тѣмъ больше о немъ думала: думала, оставаясь одна, думала, читая книгу, гуляя въ саду, слушая Лаврентьева. Сердце ея замирало при встрѣчахъ съ молодымъ человѣкомъ. Она тосковала, если долго не видала его, не слыхала его голоса; она выдумывала какой-нибудь предлогъ, чтобы пойти къ Вязниковымъ, и въ то же время краснѣла при одной мысли о томъ, что Николай можетъ узнать о ея любви къ нему.

«Развѣ онъ, умный, красивый, можетъ когда-нибудь полюбить ее, такую скромную, простенькую, некрасивую дѣвушку?»—часто думала Леночка и еще сдержаннѣе и суровѣе держала себя съ Николаемъ.

Она раньше любила Николая, но то было весеннее дыханіе любви, товарищеская дружба, любовь, оставившая по себѣ пріятное воспоминаніе. Теперь не то!.. Теперь совсѣмъ иное чувство пробудилось въ Леночкѣ, и она не могла противостоять ему. Она удивлялась, почему съ пріѣздомъ Николая все какъ-то перемѣнилось въ ея жизни,

и Григорій Николаевичъ сталъ въ ея глазахъ гораздо болѣе чужимъ, чѣмъ прежде. Постепенно, незамѣтно для нея самой случилось это, и она напрасно старалась увѣрить себя, что это такъ только, пройдетъ потомъ... Она почувствовала съ инстинктомъ любящей дѣвушки, что совсѣмъ иныя чувства заставили ее согласиться быть женой Григорія Николаевича. Она привыкла къ нему, она уважала и цѣнила его, какъ прекраснаго, честнаго и добраго человѣка; Леночку трогала его привязанность; чувство благодарности она приняла за любовь и наконецъ, послѣ двухъ отказовъ, дала слово. Но никогда она не испытывала того, что̀ испытывала теперь; Григорія Николаевича она встрѣчала всегда спокойно и ровно, встрѣчала какъ хорошаго, добраго друга; никогда сердце ея не билось тревожно въ ожиданіи его прихода, никогда рука ея не вздрагивала въ его рукѣ; а теперь съ ней совсѣмъ не то.

«Я люблю!»—невольно̄ шептала Леночка и съ этимъ словомъ нерѣдко засыпала, счастливая своимъ чувствомъ.

Вмѣстѣ съ чувствомъ пробуждался и духовный міръ молодой дѣвушки.

Николай слишкомъ поспѣшно̄ вывелъ заключеніе, что Леночка «успокоилась», что бывшій отзывчивый его товарищъ, прежняя умная, пытливая Леночка, мечтавшая не меньше своего товарища, годится только для того, чтобы «нянчить, работать и ѣсть». Сдержанная вообще, неувѣренная въ себѣ, Леночка принадлежала къ числу тѣхъ скромныхъ, глубокихъ натуръ, которыя стыдливо прячутъ задушевныя мысли и не сразу показываютъ богатство внутренняго своего содержанія. Такова была и Леночка. Хотя она сразу показалась Николаю черезчуръ солидною для ея лѣтъ, слишкомъ погрузившеюся въ хозяйственныя заботы, но въ дѣйствительности на днѣ ея души теплился огонекъ, и мысль не засыпала. У нея были свои завѣтныя убѣжденія, свои мечты, неясныя стремленія. Ей подчасъ становилось тѣсно въ захолустьѣ, но она считала своимъ долгомъ вести маленькое хозяйство отца и съ усердіемъ посвятила себя этому занятію. Все то, что̀ бродило въ головѣ Леночки, было неясно, неопредѣленно; ея порыванія не находили себѣ отклика ни въ окружающихъ ее людяхъ, ни въ окружающей обстановкѣ и глохли, какъ цвѣтокъ, лишенный свѣта. Она росла физически, расцвѣтала на деревенскомъ привольѣ, но умъ

ея не развивался. Книгъ не было, приходилось читать урывками, что̀ попадется подъ руку, безъ всякаго выбора. Людей, которые бы возбудили духовную ея дѣятельность, тоже не было. Лаврентьевъ не годился для этого. Онъ самъ ничего не читалъ и если вліялъ на нее, то вліялъ въ другомъ направленіи: онъ научилъ ее любить деревню, любить работу, быть полезной окружающимъ, но не ему было разбудить чувства высшаго порядка, дремавшія въ душѣ молодой дѣвушки и только ждавшія какого-нибудь толчка, чтобы развиться во всей полнотѣ.

Скромная, трудолюбивая, всегда занятая мыслями о другихъ, готовая помочь каждому, она мало-по-малу свыклась съ скромнымъ своимъ положеніемъ и сумѣла въ тѣсной сферѣ своей дѣятельности быть полезной. Она лѣчила крестьянъ домашними средствами, ходила за больными, нерѣдко бывала предстательницей за нихъ передъ отцомъ, который любилъ безъ памяти свою Леночку, и все это она дѣлала тихо, безъ шума, не на показъ, а изъ глубокой потребности добраго сердца. Всюду поспѣвала она, всегда кроткая, веселая, вносящая съ собой добрую свѣжесть цвѣтущей молодости и несравненную прелесть добродушія и ласковости.

Пріѣздъ Николая, его горячія рѣчи, полныя увлекательной прелести, повѣяли на нее чѣмъ-то знакомымъ, давно желаннымъ. Онъ говорилъ о своихъ стремленіяхъ, онъ высказывалъ свои надежды, и его слова западали глубоко въ сердце дѣвушки и звучали въ ея ушахъ, какъ вѣчевой колоколъ. Она вѣрила всему, что̀ говорилъ онъ, и онъ поднималъ со дна ея души тысячи мыслей и ощущеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ ощущеній и идей она точно вся встрепенулась. Она жадно вслушивалась и стала жадно читать книги, которыя далъ ей молодой человѣкъ. Чѣмъ-то свѣтлымъ, возвышающимъ, манящимъ въ даль, волнующимъ душу, захватывающимъ мысль залило сердце молодой дѣвушки, когда она прочитывала Шекспира, Байрона, Гёте, когда она познакомилась съ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ... Новый міръ охватилъ ее всю. Узкій кругъ ея прежнихъ думъ и стремленій сталъ для нея тѣсенъ. Мысль рвалась на просторъ. Леночка переживала тѣ счастливыя времена молодости, когда подъ впечатлѣніемъ книги такъ сильно чувствуется все свѣтлое, честное и высокое, въ неясной еще дали мелькаетъ заманчивая перспектива, духъ захватывается отъ внезапнаго

наплыва идей и ощущеній, и слезы, плодотворныя слезы невольно льются надъ какой-нибудь потрясающей страницей. Въ такія минуты сердце проникается восторженностью и любовью, жажда знанія и подвига охватываетъ человѣка, просвѣтляется умъ, возвышается духъ, и мысль кладетъ свой благородный отпечатокъ на челѣ.

Такія минуты испытывала Леночка рядомъ съ борьбой мятежнаго сердца. Это время было переломомъ въ ея жизни. Она много пережила и передумала. Какъ ни тяжело ей было, но она поняла, что надо было нанести ударъ Лаврентьеву и сказать ему, что она не можетъ быть его женой.

Ударъ былъ нанесенъ, она ему сказала, а все-таки Леночка чувствовала себя виноватой и долго еще съ тоской вспоминала о немъ. Григорій Николаевичъ такъ мягко, такъ деликатно отнесся къ ней. Ни одного слова упрека; напротивъ: она, хотя невольно, причинила ему жестокое страданіе, а онъ такъ искренно, такъ просто пожелалъ ей счастія и даже увѣрялъ, что виноватъ онъ, а не она. Онъ виноватъ за то, что такъ сильно, горячо любилъ! Она сама любила, любила втайнѣ, не ожидая взаимности, и тѣмъ болѣе жаль ей было Григорія Николаевича, тѣмъ яснѣе понимала она, каково ему. Она хотѣла-было послать Лаврентьеву длинное письмо, но какая-то внутренняя деликатность подсказала ей, что лучше теперь не посылать, не бередить его сердца, лучше когда-нибудь послѣ, послѣ, когда пройдетъ время, и онъ спокойнѣй отнесется къ ея исповѣди и ея извиненіямъ.

XXVII.

Велико было изумленіе старика Ивана Алексѣевича, когда, дня черезъ два послѣ объясненія съ Григоріемъ Николаевичемъ, Леночка вошла къ отцу въ кабинетъ и сказала ему, что отказала Лаврентьеву. Старикъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, такъ неожиданно было для него это извѣстіе.

— Повтори, повтори, что ты сказала, Леночка?—переспросилъ онъ дочь.

— Свадьба наша разстроилась, папенька! — повторила Леночка.

— То-есть какъ же это? Почему разстроилась? Что случилось?

— Ничего не случилось, папенька. Просто я раздумала.

— Но какъ же однако? Ты дала слово, всѣ знаютъ. Наконецъ это, въ нѣкоторомъ родѣ, скандалъ. Григорій Николаевичъ, конечно, не Богъ знаетъ что̀ за партія, но все-таки онъ человѣкъ хорошій и основательный. Правда, нѣсколько того... мужиковатъ...

— Онъ превосходный человѣкъ. Я очень люблю и уважаю Григорія Николаевича, — горячо подхватила Леночка:—и считаю, что онъ—превосходная партія, а не Богъ знаетъ какая, какъ вы, папенька, говорите!..

Иванъ Алексѣевичъ совсѣмъ недоумѣвалъ и смотрѣлъ во всѣ глаза на Леночку.

— Или я, на старости лѣтъ, потерялъ голову, или ты, Леночка, съ ума спятила, но только я ничего не понимаю. Сама же ты говоришь, что любишь и уважаешь Григорія Николаевича, и въ то же время отказала ему. Это что же значитъ? Или новая какая-нибудь мода такая? Объясни мнѣ, пожалуйста!—съ сердцемъ проговорилъ старикъ.

— Мнѣ нечего объяснять больше, папенька! Я просто не хочу идти замужъ!

— Не хочу! Не хочу! Заладила: не хочу! Мало ли чего и я не хочу. Ужъ не хочешь ли ты за принца какого выйти замужъ? Такъ принцевъ-то на твой обиходъ нѣтъ. Шалишь!

— Я ни за кого не желаю выходить замужъ!

— И что̀ это вдругъ на тебя нашло? Все была согласна, приданое сдѣлали, всѣмъ объявили и вдругъ: не хочу! Ой, ой, Елена! Смотри, не къ нашему лицу быть разборчивой невѣстой. Ты знаешь: у меня средствъ никакихъ нѣтъ, такъ, кое-какіе гроши, а безприданницъ нонче не очень-то берутъ. Въ дѣвкахъ сидѣть тоже не радость.

— Я знаю это, папенька.

— То-то знаешь. И все-таки отказала.

— Рѣшительно отказала.

— Ну, дѣвка, пеняй тогда на себя. Послѣ плакать будешь. Нечего сказать, разодолжила! А я-то думалъ... Вотъ тебѣ новость!.. Ай да выкинула колѣнце! То-то тетка удивится!.. Послушай, Леночка, ты лучше выкинь дурь эту и напиши скорѣй Григорію Николаевичу. Онъ по твоей младости проститъ.

— Что̀ вы, папенька? Развѣ я шучу?

— Вотъ какъ? Мудрецъ какой!—ворчалъ старикъ.

— Да полно вамъ, папенька, сердиться!

— Какъ не сердиться? Сама говоритъ: хорошій человѣкъ, и вдругъ: не хочу! Или кто другой приглянулся, что ли?—прибавилъ старикъ, понижая тонъ.

Леночка вспыхнула.

— Никто мнѣ не приглянулся.

— Ну, ну. Ужъ ты сейчасъ и въ обиду!.. Я вѣдь не гоню тебя; слава Богу, будетъ намъ вдвоемъ мѣста. Любя тебя говорю. Ты знаешь: неволить не стану!..—совсѣмъ уже ласково проговорилъ отецъ.—Дѣлай, какъ знаешь, Леночка. А все жаль: Григорій Николаевичъ человѣкъ основательный.

— Оставимъ этотъ вопросъ, папенька... Я еще имѣю къ вамъ просьбу.

— Какая твоя такая просьба, говори?

— Вы отпустите меня въ Петербургъ?

— Это еще что̀ за новости? Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?—удивился Иванъ Алексѣевичъ.

— Учиться.

— Что?..

— Учиться, папенька...

— То-есть какъ это учиться, позвольте васъ спросить?.. Развѣ дома ты не можешь учиться?

— Я хочу окончить курсъ. Надо систематически учиться.

— Ой, Лена! Да ты, никакъ, въ самомъ дѣлѣ въ книгахъ одну дурь вычитала. Ужъ не Вязниковъ ли тебя сбиваетъ?..

— Я сама рѣшила. Никто меня не сбиваетъ.

— Ишь выдумала: въ Петербургъ!..—удивлялся старикъ.

— По крайней мѣрѣ, папенька, я никому не буду обузой. Сами же вы говорили, что у насъ средствъ нѣтъ, что безприданницъ не берутъ...

— Ты не очень-то стрекочи... мало ли что говорится!.. А если я не пущу тебя въ Петербургъ?

— Вы не захотите причинять мнѣ горе! Не правда ли?

— Ей-Богу, тетка права, что ты отъ рукъ отбилась, Елена! И не воображай лучше, чтобы я когда-нибудь согласился на твою дурацкую просьбу. Знаемъ мы этотъ Петербургъ и разные тамъ ваши курсы! Очень знаемъ, слава Богу! Того и гляди, нигилисткой сдѣлаешься: фанаберія, очки, стриженые волосы, а послѣ разныя революціи—смотришь, и ведутъ бычка на веревочкѣ!.. Ка-

ково-то будетъ отцу, ты только подумай... И откуда, скажи мнѣ на милость, блажь полѣзла въ твою голову? Замужъ не хочу, учиться хочу! Жила себѣ спокойно, прилично, какъ слѣдуетъ порядочной дѣвицѣ; дала человѣку слово; все, кажется, отлично; приданое нашили—и вдругъ: папенька, хочу въ Петербургъ! Учиться!.. Мало, что ли, училась! Нѣтъ, Елена, ты лучше выкинь изъ головы дурь-то. И не думай. Я не пущу. Слышишь ли?—проговорилъ старикъ, возвышая голосъ.

— Мнѣ очень жаль, что вы не согласны, но я не оставлю своего намѣренія...

— Не оставишь?—крикнулъ вдругъ старикъ.

— Не оставлю!—тихо отвѣтила Леночка.

— Такъ знай же, что и я своего рѣшенія не перемѣню и ни гроша тебѣ не дамъ. Чѣмъ ты будешь жить въ Петербургѣ?.. Нѣтъ, ты лучше не серди меня, Елена!.. Зарядила: хочу да хочу. А я не хочу!

— Но что̀ за причина?..

— Причина? А причина та, что земля кругла! Вотъ тебѣ и причина!—вспылилъ старикъ.—Ишь выросла упрямая дура. Отецъ толкомъ говоритъ, а она: что̀ за причина?.. Какъ посмотрю, въ самомъ дѣлѣ нынче вы умнѣй отцовъ стали. Очень ужъ умны! Удивительно! И всякая дѣвчонка: «какая причина?»

Леночка тихо вышла изъ кабинета. Она хорошо знала характеръ отца и была увѣрена, что пройдетъ время—и старикъ станетъ сговорчивѣй.

Когда Марѳа Алексѣевна узнала объ отказѣ Леночки Лаврентьеву, то она напустилась на брата.

— Вотъ, полюбуйтесь, плоды вашего воспитанія! Нечего сказать—хороши! Давали дѣвкѣ волю, вотъ вамъ и воля. Ахъ, срамъ какой! Приданое пошили... Да я бы заставила идти замужъ. А вы, небось, братецъ, по головкѣ погладили? Очень хорошо. Теперь на весь уѣздъ осмѣютъ. Любуйтесь дочкой-то! Говорила я, книжки-то эти до добра не доведутъ. Изъ-за книжекъ и бунтуютъ все, вамъ же хлопоты. Ну, ужъ и дѣтки!..

Досталось, разумѣется, и Леночкѣ. Марѳа Алексѣевна ее всячески бранила, говорила, что она погубитъ отца, что теперь, послѣ такого пассажа, никто на ней не женится; однимъ словомъ, не давала Леночкѣ покоя и сердилась, что Леночка покорно выслушивала всѣ эти упреки, не отвѣчая ни слова.

— Очень ужъ вы воображаете о себѣ, сударыня!

— Я, тетенька, ничего не воображаю!

— Понимаю, понимаю!.. Вы думаете, что Вязниковъ на васъ женится?.. Дудки!.. Онъ на васъ и смотрѣть не хочетъ!..

— Тетенька, съ чего вы это выдумали? Прошу васъ, не говорите этого!

— Просите не просите, но только будьте покойны. Вашъ Николай Ивановичъ на васъ плюетъ! Онъ за вдовушкой за богатой ухаживаетъ, за Ниной этой безстыжей. Тоже молодой человѣкъ понимаетъ жизнь, не дуракъ, не бойтесь!.. А вы думали, онъ вамъ книжки даетъ изъ сердечнаго интереса, что ли? Ахъ, Боже мой, какая вы красавица! Такъ и привлекли! Нашелся одинъ дуракъ, такъ вы бы должны Бога молить, а вы вдругъ наканунѣ почти свадьбы отказали... Вы хоть бы подумали объ отцѣ. Приданое денегъ стоитъ, а у отца-то вашего средствъ нѣтъ. Нынче времена не прежнія. Доходы нынче самые мизерные. Ну, что теперь съ приданымъ дѣлать?

— Тетенька!

— Нечего «тетенька»! Срамъ одинъ!

Леночка уходила въ свою комнату и запиралась, но за обѣдомъ тетка снова начинала пилить племянницу, такъ что старикъ даже разъ замѣтилъ съ сердцемъ сестрѣ:

— Ну, будетъ тебѣ язычничать-то! Оставь Лену въ покоѣ!

Нѣсколько дней старикъ дулся на Леночку и ни слова не говорилъ, но наконецъ не выдержалъ и, цѣлуя Леночку, спросилъ:

— А ты все еще, упрямица, въ Петербургъ хочешь?

— Хочу.

— И обѣщаешь мнѣ, что будешь тамъ жить, какъ слѣдуетъ порядочной дѣвушкѣ?

— Папенька!.. Что это вы?

— Эхъ, Леночка!.. Ну, ужъ что съ тобой дѣлать!.. Ты дѣвушка серьезная и не будешь тамъ вертопрашничать. Поѣзжай себѣ съ Богомъ. Будешь съ братьями жить, а я тебѣ буду давать двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, больше не могу. Ты когда хочешь ѣхать?

— Въ сентябрѣ.

— Ну, и Христосъ съ тобой. На праздники къ намъ пріѣзжай. Вѣдь безъ тебя пусто будетъ, Леночка. Пріѣдешь?

— Разумѣется. Ахъ, добрый мой, хорошій! — воскликнула Леночка, горячо обнимая отца.

«Пусть себѣ въ самомъ дѣлѣ дѣвка учится. По крайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба будетъ имѣть! Состоянія у бѣдняжки нѣтъ!»

Вопросъ о кускѣ хлѣба побѣдилъ стараго исправника.

XXVIII.

Цѣлую недѣлю Леночка не ходила къ Вязниковымъ. Ей было какъ-то совѣстно идти въ «Витино». Ей думалось, что послѣ исторіи ея съ Григоріемъ Николаевичемъ старики должны косо на нее смотрѣть, а она ихъ такъ любила, они такъ ее ласкали... Кромѣ того, она все боялась, чтобы какъ-нибудь они не догадались о причинѣ ея отказа и не открыли бы тайну, которую она такъ тщательно скрывала въ тайникѣ души... «Никто и никогда не узнаетъ объ этомъ!» Однако ей очень хотѣлось повидать Марью Степановну, и вотъ она выбрала время, когда Николай обыкновенно работалъ, и пошла въ «Витино».

Она хотѣла пройти прямо въ комнату къ Марьѣ Степановнѣ, но въ залѣ ее встрѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

— Леночка!.. Наконецъ-то вы зашли, а я было къ вамъ хотѣлъ идти, провѣдать васъ, — необыкновенно мягко и участливо встрѣтилъ ее Иванъ Андреевичъ, и особенно нѣжно, ласково — показалось Леночкѣ — звучалъ его голосъ.—Ну, пойдемте къ женѣ. Она васъ давно ждетъ!

Онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ о томъ, что знаетъ объ ея отказѣ, и съ участіемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, которая въ короткое время такъ сильно измѣнилась. Она похудѣла, осунулась, и на лицѣ ея лежалъ отпечатокъ пережитого горя. Это ужъ была не прежняя веселая Леночка.

— Посмотри-ка, Марья Степановна, какую я дорогую гостью къ тебѣ привелъ!

Съ этими словами старикъ пропустилъ впередъ Леночку, а самъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ ихъ наединѣ.

— Леночка! — произнесла своимъ мягкимъ голосомъ Марья Степановна, приближаясь плавной походкой къ молодой дѣвушкѣ.

Она больше не произнесла ни слова, а крѣпко-крѣпко обняла Леночку и поцѣловала ее. Потомъ, обхвативъ ея талію, она привела Леночку къ дивану, усадила ее, сама сѣла подлѣ и взглянула на Леночку такъ ласково, съ

такой материнской нѣжностью и любовью, что Леночка, тронутая до глубины души, бросилась на шею къ Марьѣ Степановнѣ и залилась слезами. А Марья Степановна попрежнему не говорила ни слова и только тихо гладила своей широкой ладонью голову Леночки. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Въ этой безмолвной ласкѣ доброй женщины Леночка нашла утѣшеніе, котораго она напрасно искала въ своихъ одинокихъ думахъ. Ей было такъ тепло и хорошо отъ этой материнской, нѣжной ласки. Она ее пригрѣла и успокоила.

— Добрая, хорошая вы! — прошептала Леночка, припадая къ рукѣ Марьи Степановны.

— А ты-то развѣ не добрая? — отвѣтила марья Степановна, цѣлуя молодую дѣвушку. — Вѣдь вонъ ты какъ измучилась. Осунулась, похудѣла...

— Тяжело было. Онъ такой славный, хорошій. Ни однимъ словомъ не упрекнулъ.

— За что-жъ упрекать? Ты честно поступила.

— Но каково ему!

— Тяжело, очень тяжело. Онъ тебя такъ любитъ; но развѣ лучше было бы, если бы ты вышла замужъ, не любя человѣка? Этого скрыть нельзя, моя дѣвочка. Рано или поздно нелюбовь сказалась бы, и тогда было бы еще тяжелѣй. Ты, по крайней мѣрѣ, во-время спохватилась...

Такъ утѣшала Марья Степановна, любуясь своей любимицей.

— Славная ты, Леночка, дѣвушка!.. — произнесла какъ-то задушевно Марья Степановна. — Не горюй, время залѣчитъ горе бѣднаго Григорія Николаевича. И къ тебѣ счастіе придетъ, найдешь своего суженаго.

«Найду ли?» — подумала Леночка.

— Такую дѣвушку, какъ ты, нельзя не полюбить, право... И я отъ души желаю, чтобы будущія мои невѣстки походили на тебя. Богъ съ ними, съ этими кокетками, говоруньями! Онѣ счастья не приносятъ!..

— Что вы, что вы, Марья Степановна! — шептала Леночка, вся замирая отъ охватившаго ее волненія.

— Я тебѣ не комплименты говорю, Лена, ты знаешь!..

Леночка сообщила Марьѣ Степановнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, и Марья Степановна одобрила ея планы.

— Поѣзжай, поѣзжай, мой другъ. Нынче и нашей сестрѣ надо учиться. Дай Богъ тебѣ всего хорошаго. Жаль

только, безъ тебя скучно будетъ, ну, да ты будешь вѣдь пріѣзжать? Это ты умно надумала. Тебѣ надо изъ этихъ мѣстъ уѣхать, а то, въ самомъ дѣлѣ, что̀ тебѣ, молодой дѣвушкѣ, въ глуши-то жить. Жить тамъ съ братьями будешь?

— Да.

— Отецъ согласился?

— Сперва было-отказалъ... сердился, а потомъ позволилъ. Папенька вѣдь очень, очень добрый!

— Да развѣ съ тобой можно недобрымъ быть? Ты всякаго обезоружишь, — ласково промолвила Марья Степановна.—Вчера еще за обѣдомъ мы о тебѣ вспоминали, какой ты дѣвочкой славной была... Такъ, значитъ, рѣшенное дѣло... Студенткой будешь?

— Да.

— Я увѣрена, что ты отлично кончишь курсъ... Ты, слава Богу, способная. Съ Колей-то вмѣстѣ поѣзжайте; вдвоемъ — веселѣй. А въ Петербургѣ онъ будетъ тебя навѣщать, въ театръ когда вмѣстѣ сходите... все свой человѣкъ. Я скажу Колѣ, чтобъ онъ тебя чаще навѣщалъ.

«Она не догадывается!»—радостно подумала Леночка и быстро сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите. Зачѣмъ говорить!

— Какъ зачѣмъ? Одну тебя оставить тамъ, что̀ ли?

— Я буду съ братьями жить.

— Еще какъ ты съ братьями-то сойдешься... Давно вѣдь ты ихъ не видала... Мало ли что... А я непремѣнно попрошу Колю, чтобъ онъ къ тебѣ заходилъ. Слава Богу, ты намъ не чужая, и Коля любитъ тебя, какъ сестру.

«Какъ сестру!»—вздохнула Леночка и спросила:

— Развѣ Николай Ивановичъ въ сентябрѣ ѣдетъ въ Петербургъ? Кажется, онъ разсчитывалъ остаться до октября?

— Мало ли какъ Коля разсчитываетъ! — разсмѣялась Марья Степановна.—Онъ непосѣда. Не усидѣть ему въ деревнѣ до октября! Ужъ я замѣчаю: скучать началъ, хоть и увѣряетъ, что ему весело. Мать-то ему не провести! Сердце чуетъ... это онъ по своей деликатности намъ, старикамъ, въ утѣшеніе. Что̀ ему съ нами-то дѣлать? Недавно онъ статью свою окончилъ и отослалъ въ редакцію, теперь безпокоится, отвѣта ждетъ. Какъ жаль, Леночка, что ты не слыхала его статьи. Превосходная статья! Онъ читалъ намъ. Такъ хорошо написана, честно,

горячо... Ты не думай,—спохватилась добрая женщина:—что я говорю пристрастно, какъ мать, ей-Богу нѣтъ... Статья въ самомъ дѣлѣ прекрасная и, навѣрное, будетъ имѣть успѣхъ.

— Еще бы!—подхватила Леночка. — Навѣрное, будетъ имѣть успѣхъ. Николай Ивановичъ такой умный, честный, талантливый.

— Не правда ли?—наивно спросила Марья Степановна.

И Леночка горячо ее поддержала и рада была, что можетъ говорить о Николаѣ.

— Какъ Коля статью кончилъ,—продолжала Марья Степановна:—онъ, показалось мнѣ, заскучалъ. Хотѣлъ-было процессомъ заняться, попробовать себя адвокатомъ.

— Процессомъ? Какимъ?

— Развѣ ты не слыхала? Чуть-было со Смирновой не завелъ дѣла. Смирнова лѣсъ отъ своихъ крестьянъ требовала.

— Да, да, слышала. Григорій Николаевичъ говорилъ. Такъ отчего-жъ онъ не ведетъ дѣло?

— Смирнова окончила дѣло миролюбиво.

— А!—протянула Леночка такимъ тономъ, какъ будто была недовольна, что Николаю не пришлось вести дѣло со Смирновой.

— А Колѣ очень хотѣлось. Такъ, сложа руки сидѣть ему скучно. И то: натура живая, впечатлительная... Человѣкъ молодой, а развлеченій-то никакихъ и людей кругомъ мало, а онъ любитъ общество... Ему и не сидится въ деревнѣ.

— А развѣ у Смирновыхъ, напримѣръ, не весело?.. Тамъ гостятъ пріѣзжіе изъ Петербурга, люди развитые, и наконецъ старшая дочь, Нина, говорятъ, очень интересная и умная женщина? — проговорила Леночка, стараясь придать равнодушный тонъ своимъ словамъ.

— Богъ съ ней, съ ея красотой и съ умомъ! Признаюсь, мнѣ эта Нина не нравится... Въ ней что-то такое... непонятное... И про нее разсказываютъ странныя вещи... Изъ-за нея человѣкъ застрѣлился!..

— А Николаю Ивановичу тоже не нравится?

— Спроси-ка его сама! — засмѣялась Марья Степановна.—Смотри, меня не выдавай, а сдается мнѣ, что она произвела на него впечатлѣніе; хоть и говоритъ, что нѣтъ, а, кажется, есть грѣшокъ...

Къ счастію, Марья Степановна не замѣтила, какъ молодая дѣвушка при этихъ словахъ измѣнилась въ лицѣ.

— Впрочемъ, я думаю, это ужъ и прошло. Онъ всегда легко увлекался... Вѣрно, Нина съ нимъ кокетничала, а Коля самолюбивъ... въ немъ самолюбія много, надо правду сказать... И еще въ немъ есть черта... признаюсь, она смущаетъ меня... Онъ какъ-то все новыхъ людей ищетъ... Набросится, а потомъ и отойдетъ! Совсѣмъ характеръ его не похожъ на Васинъ... Вася другой... какой-то особенный!—вздохнула Марья Степановна.

— Вася не ѣдетъ въ Петербургъ?

— Не знаю еще... Здоровье его смущаетъ меня... Кашляетъ все... И такой онъ какой-то, Леночка, несчастный: все волнуетъ его, все-то онъ близко къ сердцу принимаетъ... И все изъ-за другихъ... о себѣ и не думаетъ. Если онъ поѣдетъ въ Петербургъ, ты, Леночка, сдѣлай милость, чуть что̀—напиши мнѣ... Онъ вѣдь такой деликатный... Терпѣть будетъ и никому не скажетъ. Ты знаешь, послѣ этой залѣсской исторіи Вася захворалъ, даже перепугалъ меня... Жаръ, бредъ... въ бреду-то все говоритъ: «такъ нельзя... такъ нельзя!» Нервный онъ такой... Ужъ я, признаюсь тебѣ, Леночка, много о немъ поплакала... Все страшно мнѣ за него... И ребенкомъ онъ былъ не такой, какъ другіе... Бывало, заберется въ садъ, сядетъ гдѣ-нибудь подъ деревомъ да и сидитъ смирнехонько одинъ, задумчивый такой... Болитъ у меня за него сердце. Страшно отъ себя его пускать, а дѣлать нечего—надо... Смотри же, Лена, въ Петербургѣ о Васѣ узнавай... Да ты куда это, Леночка? Развѣ не съ нами обѣдаешь?—удивилась Марья Степановна, замѣтивъ, что Леночка беретъ шляпку.

— Нѣтъ, Марья Степановна, домой пора.

— Ужъ и домой! Оставайся; что̀ дома-то дѣлать?

Въ эту минуту вошелъ Николай.

Онъ подошелъ къ Леночкѣ, улыбаясь по обыкновенію привѣтливой своей улыбкой, крѣпко пожалъ ея руку и дружески проговорилъ:

— Останьтесь, Елена Ивановна. Вы вѣдь такъ давно у насъ не были. Останетесь?

И Николай, не дожидаясь отвѣта, тихонько высвободилъ изъ рукъ молодой дѣвушки шляпку.

Когда Марья Степановна сообщила, что Леночка собирается въ Петербургъ, то Николай воскликнулъ:

— Вотъ это славно! Молодецъ вы, Елена Ивановна! Давно бы такъ!.. Въ самомъ дѣлѣ ѣдете?

— Ѣду!

— Браво, браво! Порадовали вы своего стараго товарища!

Леночка пробыла у Вязниковыхъ цѣлый день. Она была сдержанна и молчалива и почти не отходила отъ Марьи Степановны. Всѣ замѣтили перемѣну въ Леночкѣ. За эти дни она очень измѣнилась. Это была не прежняя веселая, привѣтливая Леночка. Она стала серьезной, и на ея лицѣ появилось то сосредоточенное выраженіе, которое является у людей, пережившихъ серьезный моментъ жизни. И это выраженіе придавало ея прекрасному лицу оттѣнокъ какой-то высшей, духовной красоты.

Вася изумился этой перемѣнѣ. На его глаза, Леночка какъ будто сдѣлалась старше на нѣсколько лѣтъ и гораздо красивѣе, чѣмъ прежде. Онъ тотчасъ же понялъ, что говорить съ ней о Лаврентьевѣ невозможно.

«Обоимъ имъ тяжело!»—думалъ онъ, украдкои подымая на молодую дѣвушку взоръ, полный любви и участія, и не зная, кого больше жалѣть: Лаврентьева или Леночку, и недоумѣвая, какъ это случилось.

Засвѣтло Леночку проводили всей компаніей до дому и нѣсколько времени посидѣли съ Мароой Алексѣевной. Ивана Алексѣевича не было дома. По словамъ Мароы Алексѣевны, «братецъ рыскалъ по дѣламъ службы». Какъ-то особенно ласково—показалось Леночкѣ—простился съ ней старикъ Вязниковъ и, пожимая ея руку, проговорилъ:

— Смотрите, Леночка, не забывайте насъ, навѣщайте! Скоро вы уѣдете. А мы васъ такъ любимъ!

«Господи! Какіе они всѣ хорошіе!»—шептала Леночка, оставшись одна, и тихо-тихо заплакала подъ наплывомъ какого-то хорошаго, радостнаго чувства.

Вязниковы лѣсомъ возвращались домой.

— Славная дѣвушка!—въ раздумьѣ произнесъ Иванъ Андреевичъ.

— Да, — подтвердила Марья Степановна.—И какъ тяжело ей... Лаврентьевъ ее такъ любитъ!.. Она совсѣмъ измѣнилась за это время.

— Но какъ же однако? Такъ неожиданно?

— Я не разспрашивала... она не говорила... Вѣрно, почувствовала, что не любитъ, и сказала. А Лаврентьевъ тоже какой хорошій... Ни одного слова упрека...

— Сильно любитъ!

— Я радъ, мама, за Леночку!—проговорилъ Николай,

подходя къ матери.—Признаюсь, я всегда удивлялся, что она хотѣла идти за Лаврентьева... Онъ прекрасный человѣкъ, но только не пара ей. Какова бы была ея жизнь съ Григоріемъ Николаевичемъ?..

Вася не проронилъ ни слова. Онъ только взглянулъ на брата долгимъ взглядомъ и снова задумчиво опустилъ голову на грудь.

XXIX.

Августъ приходилъ къ концу.

Жизнь въ «Витинѣ» шла обычной колеей. Иванъ Андреевичъ, по обыкновенію, хозяйствомъ не занимался и больше для очистки совѣсти, чѣмъ изъ любопытства, заглядывалъ иногда на скотный дворъ, на гумно, осматривалъ поля и т. п. Онъ большею частью по утрамъ занимался у себя въ кабинетѣ: читалъ журналы и газеты или писалъ различныя записки и проекты для земскаго собранія, хотя въ послѣднее время и у него какъ-то пошатнулась вѣра въ свои записки. Онъ спорилъ съ Николаемъ, по вечерамъ игралъ съ нимъ въ шахматы, чаще, чѣмъ прежде, бесѣдовалъ съ Васей, съ тревогой въ сердцѣ слѣдя за юношей, и нерѣдко съ грустью думалъ, что скоро оба сына уѣдутъ, и «Витино» опустѣетъ. Прежде, бывало, осенью и зимой, Леночка часто навѣщала одинокихъ стариковъ, а теперь и Леночка уѣдетъ, и они останутся совсѣмъ одни до лѣта. Нерѣдко смущали старика и денежныя ихъ обстоятельства. Небольшой капиталъ, бывшій у него, былъ прожитъ, а надежды впереди плохія. Хоть Марья Степановна, которая несла бремя хозяйственныхъ заботъ, попрежнему не посвящала Ивана Андреевича въ «эти дрязги», какъ она нарочно при мужѣ называла свои труды и хлопоты, но Иванъ Андреевичъ по лицу ея замѣчалъ, что дѣла скверны. Урожаи, дѣйствительно, предстояли плохіе. Эти мысли нерѣдко наводили на него хандру.

— Плохи доходы? — спрашивалъ онъ Марью Степановну.

— Не очень однако! Ты не безпокоися, мой другъ.

— Какъ не безпокоиться? Къ декабрю придется платить въ банкъ проценты, и кромѣ того надо же Колѣ давать, пока онъ не найдетъ себѣ мѣста... Васѣ тоже.

— Какъ-нибудь справимся со всѣмъ!—отвѣчала Марья Степановна.—Не волнуйся! И проценты внесемъ, и дѣтямъ поможемъ.

— Изъ какихъ это доходовъ?

— А видишь ли... я думаю свои брильянты продать... Тысячу рублей дадутъ. Мы и извернемся!

Иванъ Андреевичъ нахмурился.

— Не люблю я этого... Ты и такъ всѣ свои брильянты спустила.

— Такъ что-жъ? Носить ихъ, что ли?

— Все же... какъ-то... Ты вѣдь готова послѣднюю юбку для насъ продать... Знаю я!—нѣжно проговорилъ Иванъ Андреевичъ, поднося руку Марьи Степановны къ своимъ губамъ.

— Ишь выдумалъ! Слава Богу, юбокъ у меня много!.. Коля, конечно, скоро пристроится, и тогда намъ вдвоемъ хватитъ... А Васѣ, самъ знаешь, многаго не надо. Онъ и не возьметъ!

Послѣ этого разговора Иванъ Андреевичъ нѣсколько успокоился и попрежнему ворчалъ, если обѣдъ былъ нехорошъ и вино кисло. Иванъ Андреевичъ любилъ жить хорошо и недаромъ въ молодости прожилъ порядочное состояніе.

Николаю деревня начинала надоѣдать. Послѣ того, какъ онъ окончилъ статью, Николай рѣшилъ-было призаняться—для этой цѣли онъ и книги съ собою привезъ,—но занятія какъ-то не клеились; онъ было-началъ, но ему скоро надоѣла серьезная работа, и онъ отложилъ ее до зимы. А пока онъ читалъ журналы, ходилъ на охоту, ѣздилъ верхомъ, былъ раза два у Смирновыхъ, снова тамъ поспорилъ съ Присухинымъ и сцѣпился съ Горлицынымъ—апломбъ «молодого ученаго» былъ ему ненавистенъ,—заходилъ раза два къ Лаврентьеву, но не заставалъ дома, и, вѣроятно, не зналъ бы, что̀ дѣлать, если бы въ послѣднее время онъ не принялся съ увлеченіемъ за развитіе Леночки.

Сперва Леночка избѣгала Николая, но онъ съ такимъ товарищескимъ участіемъ разспрашивалъ объ ея занятіяхъ, приносилъ ей книги, вступалъ въ споры, что Леночка мало-по-малу перестала избѣгать молодого человѣка, и они часто бывали вмѣстѣ. Она тщательно скрывала свои чувства, и Николай не только о нихъ не догадывался, а, напротивъ, не разъ говорилъ съ упрекомъ, что Леночка совсѣмъ перемѣнилась къ нему и стала какая-то другая.

Обыкновенно Леночка по утрамъ занималась дома, а по

вечерамъ приходила къ Вязниковымъ. Нерѣдко въ саду молодые люди вмѣстѣ читали и вели горячіе споры по поводу прочитанной книги или статьи. Николай не безъ изумленія замѣчалъ, что бывшая его ученица вовсе не такая «простенькая», какою онъ считалъ ее. Леночка нерѣдко поражала Николая чуткостью, тонкостью пониманія, глубиною мысли. Николай попрежнему относился къ Леночкѣ немножко свысока,—Леночка по скромности какъ будто не замѣчала этого,—и удивлялся, когда молодая дѣвушка не всегда соглашалась съ нимъ, а горячо отстаивала свои взгляды.

Николай такъ привыкъ по вечерамъ видѣть молодую дѣвушка, что, когда она не приходила, ему чего-то недоставало. На другой день онъ шелъ узнавать, что̀ случилось, и звалъ Леночку... Она покорно приходила, чувствуя, что не въ силахъ бороться противъ искушенія, и утѣшая себя мыслью, что Николай не знаетъ и не долженъ знать о ея любви.

«Что̀ она для него?»

Какъ тщательно ни скрывала Леночка свою любовь, но развѣ можно было скрыть ее?.. Она сказывалась въ разныхъ мелочахъ: она сказывалась въ неровности ея обращенія, въ нѣжной дрожи голоса, когда они оставались наединѣ, въ краскѣ лица, въ смущеніи... И Николай сталъ догадываться. Онъ вдругъ какъ-то сдѣлался съ ней сдержанъ при другихъ и искалъ случая оставаться наединѣ. Тогда онъ говорилъ какъ-то мягко, нѣжно, разсказывалъ о своей дружбѣ, посвящалъ Леночку въ свои мечты, съ увлеченіемъ говорилъ о своихъ идеалахъ, надеждахъ, планахъ, нерѣдко дольше, чѣмъ слѣдовало другу, держалъ ея руку въ своей, бросалъ на нее взгляды, полные значенія, и незамѣтно увлекался, не думая, что̀ будетъ впереди... Ему было такъ весело и хорошо вдвоемъ съ Леночкой. Она была такая хорошенькая, эта Леночка, и Николай любилъ ее провожать по вечерамъ домой. Обыкновенно они шли по лѣсу. Николай замедлялъ шаги, чтобы подольше идти рука въ руку съ Леночкой. И часто шли они, оба молодые, полные страсти, стараясь найти предметъ разговора и часто не находя его.

Однажды послѣ обѣда, чуднымъ солнечнымъ осеннимъ днемъ, молодые люди шли по лѣсу и оживленно разговаривали. Леночка въ этотъ день была какъ-то особенно

оживлена и горячо говорила. Николай слушалъ ее и не слышалъ, любуясь ею съ какимъ-то наивнымъ восторгомъ. Она замѣтила его взглядъ, смутилась и смолкла. Николай началъ-было разговоръ, но разговоръ не клеился... Оба молчали, тихо подвигаясь впередъ въ чащу лѣса.

— Куда это мы идемъ? Пойдемте назадъ!—вдругъ испуганно промолвила Леночка.

— Здѣсь такъ хорошо. Тихо такъ. Впрочемъ, какъ хотите! Пойдемте на дорогу!..

Опять наступило молчаніе.

— Послушайте, Леночка, я давно хотѣлъ спросить васъ,—заговорилъ Николай:—любили вы Лаврентьева или нѣтъ?

— Къ чему вамъ знать, Николай Ивановичъ? Не все ли вамъ равно?

— Мнѣ интересно знать. Я думаю, вы никогда его не любили и не могли любить!

— Отчего? Онъ превосходный человѣкъ.

— Мало ли хорошихъ людей, но онъ не могъ же нравиться вамъ... признайтесь... вы просто изъ жалости хотѣли выйти за него замужъ...

— Николай Ивановичъ! Не говорите объ этомъ!—тихо произнесла она.

— Такъ вотъ она, дружба!—проговорилъ Николай.

— Вы непремѣнно хотите знать: ну, да, я никогда его не любила! То-есть любила и теперь люблю, какъ очень хорошаго человѣка, но не такъ, какъ...

Она запнулась.

— Какъ надо любить!—подсказалъ Николай.

— Пожалуй, какъ надо любить!—повторила Леночка.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ.

— Почему?

— Да развѣ вы, съ вашимъ чуткимъ сердцемъ, съ жаждой знанія, съ богато-одаренной натурой, могли удовлетвориться идеаломъ Григорія Николаевича? Его идеалы—узки; его жизнь—суха; самъ онъ...

— Послушайте! — перебила Леночка. — Я васъ прошу при мнѣ не говорить худо о Григорьѣ Николаевичѣ.

— Да развѣ я худо о немъ говорю?.. Я первый уважаю его, и все-таки, когда я пріѣхалъ сюда и узналъ, что вы выходите замужъ за Лаврентьева, мнѣ было такъ больно, такъ обидно за васъ...

— Какъ за ученицу, не оправдавшую надеждъ?

— Какъ за человѣка, какъ за друга!..

«Какъ странно онъ говоритъ!» — подумала Леночка, жадно прислушиваясь къ его словамъ. А въ словахъ его звучали нѣжныя струны.

— И когда я узналъ, что свадьба разстроилась, я... очень обрадовался.

— Каково-то другимъ!

— Эхъ, Леночка!.. Все на свѣтѣ проходитъ!

— Проходитъ, но не все легко переживается... Вотъ вы, кажется, счастливый человѣкъ.

— Какъ счастливый?

— Да такъ. Вамъ увлечься ни почемъ.

— Вы думаете?

— Вы не сердитесь: я думаю!

— Вотъ вы какая! А на какомъ основаніи?

— Какъ вамъ сказать?.. За откровенность—откровенностью. Вамъ очень нравится Нина Сергѣевна?

— Откуда вы взяли?

— Нравилась?

— Пожалуй, чуть-чуть!

— А теперь?

— Ни капельки!

— Такъ какъ же вы не счастливый человѣкъ! Впрочемъ, и слава Богу!

Они вышли къ дорогѣ и пошли опушкой.

— А вы... вы никого не любили?

— Никого!—чуть слышно промолвила Леночка.

Николай посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, и какая же она ему показалась прелестная, эта Леночка, и какъ хотѣлось ему услышать, что она его любитъ, и сказать ей, что онъ ее любитъ, любитъ... Онъ шелъ нѣсколько минутъ молча, и вдругъ совершенно неожиданно у него сорвалось, именно сорвалось:

— Леночка, вѣдь я хотѣлъ бы не только вашей дружбы...

Николай проговорилъ эти слова взволнованный, охваченный страстью.

Рука Леночки задрожала въ его рукѣ. Она вся затрепетала отъ счастія, но это было на мгновеніе. Внезапно отдернула она руку, отступила на шагъ и прошептала упавшимъ голосомъ, прямо глядя въ лицо Николая:

— И вамъ не стыдно смѣяться надо мной?

— Смѣяться? Леночка! Развѣ вы не видите?

Онъ схватилъ ея руку и сталъ осыпать ее поцѣлуями. Теперь она не отрывала руки и только испуганно шептала:

— Это правда? Правда?

— Правда! правда! Развѣ я умѣю лгать?

Никто не догадывался о любви нашихъ молодыхъ людей. Съ хитростью влюбленныхъ они тщательно скрывали свою любовь. Леночка была счастлива. Она вѣрила словамъ любви, которыя шепталъ ей Николай, довѣрчиво склоняя свою голову на тяжело дышавшую грудь Николая. Они собирали весенніе цвѣты любви, писали другъ другу записки, жали другъ другу руки, цѣловались и не думали о будущемъ. Имъ такъ хорошо жилось настоящимъ. Николаю казалось, что онъ любитъ Леночку такъ, какъ никого не любилъ, и онъ говорилъ о своей любви гораздо болѣе, чѣмъ Леночка. Она слушала, какъ очарованная, и вѣрила. Ей такъ хотѣлось вѣрить. Она любила его горячо, съ беззавѣтностью глубокой страсти, и пошла бы за нимъ, куда угодно... Они рѣшили не говорить до времени никому, пока Николай не устроится.

XXX.

Нашего юношу сомнѣнія и скорбныя мысли не оставляли въ покоѣ. Тяжелая внутренняя работа происходила въ немъ, и ни жизнь, ни книги, которыя онъ перечиталъ, не давали ему удовлетворительныхъ для его сердца отвѣтовъ. Есть души—правда, мало ихъ—съ удивительно чуткой совѣстью, болящія чужимъ страданіемъ, чужимъ горемъ, которое становится ихъ собственнымъ страданіемъ. Такая чуткая до болѣзненности душа была и у Васи. Онъ словно чувствовалъ на себѣ чужую неправду и жаждалъ примиренія своихъ неясныхъ еще идей съ дѣйствительностью. Нерѣдко онъ задумывался надъ жгучими, терзающими его вопросами, и какіе только планы, какія фантазіи не бродили въ его головѣ! О себѣ онъ никогда не думалъ—эта черта въ Васѣ была выдающаяся. Себя онъ забывалъ. Онъ считалъ себя виноватымъ, что до сихъ поръ жилъ не по совѣсти, и съ искренней печалью высчитывалъ, сколько онъ стоилъ своему отцу. Онъ твердо рѣшился жить не такъ, какъ живутъ вокругъ, но какъ? Что дѣлать? Къ кому обратиться, какъ тотъ богатый юноша, который обратился къ Христу? Никто изъ окружающихъ не давалъ отвѣтовъ. Всѣ говорили не то, что

нужно было его сердцу. Приходилось искать отвѣта въ книгахъ и въ себѣ самомъ, и Вася пришелъ въ заключеніе, что онъ обязанъ укрѣпить свое слабое тѣло, работать и ѣсть такъ же, какъ и мужикъ. Эта мысль одно время сильно занимала юношу и не давала ему покоя, и онъ закалялъ себя, занимался гимнастикой, полевыми работами и горевалъ, что силы нѣтъ. Онъ сталъ въ послѣднее время отказывать себѣ въ пищѣ; ему казалось, что онъ не имѣетъ права наѣдаться, когда вокругъ люди питаются Богъ знаетъ какъ. Но и эта будущность не удовлетворяла его, хотя нѣсколько и примиряла съ совѣстью. Ему надо было помочь ближнимъ, отдать всего себя на служеніе имъ. Но какъ?—этотъ вопросъ главнѣйшимъ образомъ и мучилъ его...

О, онъ охотно бы положилъ животъ свой за обездоленныхъ и угнетенныхъ! Что значитъ жизнь? Отецъ его рисковалъ же ею!

Такъ часто думалъ юноша, и думы эти не выходили у него изъ головы. Не даромъ онъ съ такимъ восторгомъ перечитывалъ біографіи Гусса и Савонаролы, попавшіяся въ библіотекѣ отца.

Вася усердно готовился къ экзамену. Онъ сдѣлаетъ, какъ хочетъ отецъ, и, кромѣ того, пріобрѣтетъ знанія — отецъ въ этомъ правъ,—но ни за что онъ не употребитъ эти знанія во зло другимъ. Но сколько ждать времени? Оно, впрочемъ, пройдетъ съ пользою, онъ укрѣпитъ свое тѣло.

Такъ думалъ Вася, усердно слѣдуя своей программѣ. Онъ вставалъ очень рано, дѣлалъ гимнастику, потомъ занимался какою-нибудь физической работой, возвращался домой, занимался и послѣ обѣда читалъ. Читалъ онъ обыкновенно книги, описывающія бытъ крестьянъ, или историческія сочиненія, дѣлалъ замѣтки у себя въ тетради; мысли же и факты, особенно его поражавшіе, онъ записывалъ въ свой дневникъ. По вечерамъ онъ ходилъ гулять и часто заходилъ въ деревню къ знакомымъ крестьянамъ. Онъ любилъ слушать о крестьянскомъ житьѣ, и рѣчи съ одной и той же унылой нотой глубоко западали въ его чуткое сердце. Молодого барчука любили и звали его «чуднымъ».

Иванъ Андреевичъ нерѣдко бесѣдовалъ съ Васей и долженъ былъ сознаться, что онъ совсѣмъ ошибался, назвавъ юношу неучемъ. Скромный и застѣнчивый Вася никогда не бросался въ глаза, но, при разговорахъ съ отцомъ,

онъ подчасъ выказывалъ такую начитанность, особенно по исторіи, что отецъ удивленно спросилъ однажды:

— Да откуда ты все это знаешь?

— Изъ твоей же библіотеки.

— Когда же ты успѣлъ?

— Слава Богу, полтора года прожилъ здѣсь!

— Ахъ ты какой! И хоть бы сказалъ когда!..—съ любовью замѣтилъ Иванъ Андреевичъ.

Отецъ былъ очень радъ, что Вася поступитъ въ технологическій институтъ—Вася въ академію не пожелалъ,—но все-таки видѣлъ, что бесѣды его не переубѣдятъ юношу. Онъ предлагалъ ему счастіе, а сынъ искалъ креста.

Марья Степановна тревожно смотрѣла на Васю. Она нерѣдко спрашивала: что̀ съ нимъ? Здоровъ ли онъ?

— Ничего, мама, не безпокойся, я здоровъ.

— Но отчего ты такой нелюдимъ?

— Такъ ужъ... Развѣ это тебя огорчаетъ?

— Тебя жаль. Мнѣ все кажется, что ты боленъ. Не остаться ли тебѣ еще годикъ въ деревнѣ?

— Нѣтъ, я поѣду. А ты не безпокойся.

И онъ обвилъ шею матери своими длинными руками и нѣжно глядѣлъ ей въ глаза. А мать тоже смотрѣла долго на него, и вдругъ ей сдѣлалось жаль сына. Ее поразило что-то особенное въ этомъ нѣжномъ, страдальческомъ взглядѣ, и почему-то показалось ей, что сынъ не жилецъ на свѣтѣ. Слезы тихо закапали изъ ея глазъ.

— Ты что̀ это? Не плачь, дорогая!..

— Милый мой!..

— Къ чему плакать? Развѣ я такой жалкій?

— Нѣтъ, нѣтъ. Такъ... взгрустнулось.

Вася долго сидѣлъ около матери и все старался ее успокоить. Она сквозь слезы улыбнулась, улыбнулся и онъ.

Однажды Вася откуда-то пришелъ домой со связкой книгъ, необыкновенно взволнованный и возбужденный.

— Что̀ съ тобой, Вася? Откуда ты?—остановилъ его Николай, пораженный встревоженнымъ видомъ брата.

— Отъ Прокофьева. Онъ мнѣ книгъ далъ.

— Развѣ онъ пріѣхалъ?

— Двѣ недѣли тому назадъ.

— Покажи-ка, что̀ за книги?.. Ого!..—протянулъ Николай.—Книги все хорошія. Да развѣ ты, Вася, знаешь французскій языкъ?

— Ничего себѣ, знаю. Читать могу свободно

— Когда ты это успѣлъ?

— Да здѣсь.

— А это что̀ за списокъ у тебя изъ кармана торчитъ? Можно взглянуть?

— Смотри.

Николай пробѣжалъ длинный списокъ книгъ и проговорилъ:

— Списокъ превосходный. Это на что̀ же?

— Прочитать надо.

— Прокофьевъ совѣтовалъ?

— Да.

— У него книгъ, видно, много?

— Ахъ, если бы ты зналъ, Коля, сколько у него книгъ! Вся комната завалена книгами, и все такими. А самъ-то какъ живетъ,—тутъ же и кровать; скромно-скромно живетъ. Я у него цѣлое утро провелъ и цѣлый бы день остался, да ему некогда. Онъ пошелъ рабочимъ лекціи читать.

— Лекціи?

— Какъ онъ говоритъ! То-есть не то, что хорошо... нѣтъ, и хорошо, а знаешь ли,—такъ никто не говорилъ, то-есть я не слыхалъ. Никто! Знаешь ли, Коля,—все, о чемъ я думалъ, что̀ меня мучитъ, онъ понялъ... Нѣтъ, Коля, это такой человѣкъ, такой...

— Да говори толкомъ, а то только и слышу: такой человѣкъ, такой человѣкъ! Что̀ за телячій восторгъ!

— Не смѣйся, Коля Ну, да, я въ восторгѣ. Вѣдь онъ, Коля, все мое душевное состояніе объяснилъ. Вѣдь онъ... Да ты пойми, Коля, пойми, голубчикъ... Онъ не такъ, какъ всѣ... Онъ не для себя живетъ... Онъ...

— Эка восторги какіе! А для кого же?—насмѣшливо перебилъ Николай.

— Для кого? Да ты, Коля, опять смѣешься. Къ чему же ты разспрашиваешь? Я не стану говорить. Я не могу слышать, когда надъ такими людьми смѣются!

И Вася прошелъ въ свою комнату.

XXXI.

Въ свѣтлый сентябрьскій день, въ четырехмѣстной коляскѣ, съ кучеромъ Иваномъ на ко̀злахъ, ѣхало семейство Вязниковыхъ на станцію желѣзной дороги. Грустные сидѣли старики, поглядывая на своихъ сыновей. Особенно печально сидѣла Марья Степановна, едва удерживая слезы,

— Полно, полно. Вѣдь они на Рождество пріѣдутъ. Коля, можетъ-быть, будетъ занятъ, а Вася непремѣнно пріѣдетъ. Вѣдь такъ?—обратился Иванъ Андреевичъ къ сыновьямъ.

— Я пріѣду!—отвѣчалъ Вася.

— И я постараюсь, если только будетъ какая-нибудь возможность.

— И Леночку привозите! — вспомнила Марья Степановна.

— И ее привеземъ, мама!—сказалъ Николай.

— Вотъ видишь ли! Всего какихъ-нибудь три мѣсяца однимъ намъ прожить. Много ли? И не замѣтимъ, какъ пролетитъ время, а чтобы оно скорѣе летѣло, вы, мои милые, письма намъ чаще пишите. Смотри, Вася, ты обѣщалъ со мною особенную переписку вести!—пошутилъ Иванъ Андреевичъ.—Не забудь же. Просвѣти меня. Можетъ-быть, и я, на старости лѣтъ, стану утопистомъ. Кто знаетъ! Да смотри, Вася: тебѣ, голубчикъ, можетъ-быть, двадцати пяти рублей не хватитъ, такъ ты пиши.

— Куда больше!

— А на дорогу вамъ мы пришлемъ. Только пріѣзжайте.

— Да что ты, папа! Ты и безъ того мнѣ много далъ денегъ. Куда мнѣ шестьсотъ рублей.

— Ну, ну, что объ этомъ говорить. Много! Тебѣ нужно. Пока еще работу найдешь!

— Я скоро найду. Ужъ у меня есть въ виду присяжный повѣренный,—не Присухинъ, не бойся!—который возьметъ меня въ помощники. Кромѣ того еще за статью получу!

— Ну, ладно, ладно. А пока при деньгахъ-то—лучше.

Коляска остановилась у станціи. Вязниковы вошли на станцію. Тамъ уже дожидалась Леночка съ Марѳой Алексѣевной.

— А Иванъ Алексѣевичъ не пріѣдетъ?—спросилъ старикъ.

— Братцу невозможно. Вотъ служба-то, даже съ дочерью проститься не дадутъ! Развѣ вы не слыхали! Вѣдь Залѣсье сгорѣло дотла сегодня

— Залѣсье?—спросили въ одинъ голосъ отецъ и сыновья.

— Братецъ тамъ былъ. Сегодня эта продажа назначена по иску Кузьмы Петровича. А мужики опять было

не давать. Однако ничего, братецъ уговорилъ, какъ вдругъ пожаръ... Все дотла... ничего не спасли, да, кажется, и спасать-то не хотѣли мужики. Говорятъ: подожгли. Одну бабу молодую подозрѣваютъ. Взяли ее съ пожара-то... Братецъ къ губернатору по телеграммѣ... Все насчетъ этого, будь онъ проклятъ... какъ его звать-то, Леночка?

— Мирзоевъ!—подсказала Леночка.

— Мирзоевъ?—спросилъ Николай.

— Ну, да, Мирзоевъ! Богъ его знаетъ, какой-такой; сказываютъ, бѣглый студентъ; только изъ-за него братцу покоя нѣтъ. Три раза—все секретныя предписанія. Братецъ рыскалъ, искалъ, да развѣ такъ онъ и объявится. Шутишь! Дурной человѣкъ, извѣстное дѣло, логово безопасное ищетъ! Но только вчера пріѣхали изъ Петербурга два господина; думали, видно, что братецъ не сумѣлъ бы безъ нихъ найти, — обидчиво проговорила Марѳа Алексѣевна.

— И что̀ же?—спросилъ Николай.

— Да ничего. Ночью уѣхали и ни съ чѣмъ и вернулись!—торжественно объявила Марѳа Алексѣевна, обиженная за брата.—Братецъ по секрету мнѣ сказывалъ,— а вы не болтайте, молодые люди!—что будто бы этотъ Мирзоевъ около имѣнья Надежды Петровны скрывается. Это слухъ такъ былъ. Ну, и никакого Мирзоева не оказалось. А Надежду Петровну даромъ потревожили. У нея все хорошіе люди живутъ: одинъ адвокатъ и ученый изъ Петербурга, управляющій заводомъ еще... какъ его? Да, вспомнила, Прокофьевъ. Только управляющаго-то дома не было. По дѣламъ, три дня тому назадъ, Смирнова послала его въ Петербургъ. Закупки для завода сдѣлать. Такъ вотъ такимъ манеромъ и не дали отцу дочь-то проводить! Еще, пожалуй, опять ему достанется! Просто бѣда нынче; ужъ лучше бы скорѣй братецъ въ отставку вышелъ, право. То сюда, то туда. Ровно угорѣлый мечись, а вѣдь Ивану Алексѣевичу шестьдесятъ три года... Каково-то ему!

Извѣстіе о пожарѣ въ Залѣсьѣ произвело на всѣхъ тягостное впечатлѣніе. Иванъ Андреевичъ взглянулъ на сыновей и совсѣмъ насупился. Марья Степановна то и дѣло утирала слезы, не отрывая глазъ отъ Васи, котораго она усадила подлѣ. Николай пошелъ брать билеты.

— Ты, Леночка, смотри, деньги-то не потеряй. Да въ Петербургѣ не ротозѣйничай. Тамъ живо карманы вы-

воротятъ! Я была разъ въ Петербургѣ—знаю!—говорила Марѳа Алексѣевна.

— Не бойтесь, тетя.

— Сейчасъ поѣздъ идетъ!—проговорилъ начальникъ станціи, подходя къ Вязникову.

Всѣ вышли на платформу. Тяжело пыхтя, медленно приближался поѣздъ.

— Ну, прощайте, дѣти! Прощай, Коля, голубчикъ мой! Желаю тебѣ успѣха. Хорошій ты, славный... Оставайся такимъ! Пиши. Прощай!—взволнованнымъ голосомъ говорилъ старикъ, обнимая Николая.

А въ это время Марья Степановна перекрестила Васю, обняла его, долго не отпускала отъ себя и, рыдая, прошептала:

— Да хранитъ тебя Господь Богъ, моего милаго!

— Береги себя, Вася! Береги, мой добрый, мой честный мальчикъ. Береги себя! Вѣдь ты... ты...

Тутъ голосъ старика оборвался, и слезы скатились по его бородѣ, когда онъ прижалъ къ своей груди Васю. Онъ поцѣловалъ его, потомъ взялъ за подбородокъ, съ нѣжностью и тревогой засматривая въ глаза блѣднолицаго юноши, и снова привлекъ къ себѣ.

Старики обняли Леночку, расцѣловали ее, пожелали счастія, и отъѣзжающіе стали садиться въ вагонъ.

Черезъ три минуты поѣздъ тихо двинулся. Вася высунулся изъ вагона и махнулъ фуражкой. Скоро поѣздъ скрылся изъ глазъ, и старики, печальные, отправились въ осиротѣлую усадьбу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ясный, морозный январскій день потухалъ. Зимнія сумерки окутывали Петербургъ сѣро-туманной дымкой. На улицахъ зажигали фонари, и ярко освѣтились магазины и рестораны. Невскій и Большая Морская, гдѣ только-что кишѣла публика, начинали пустѣть. Фланеры и кокотки попадались рѣже. Взмыленные рысаки, взбивая копытами снѣжную пыль, развозили катавшійся людъ по домамъ; толстые, краснолицые кучера, съ обледенѣвшими бородами, обгоняя извозчиковъ, покрикивали зычными голосами на зазѣвавшихся пѣшеходовъ. На малолюдныхъ улицахъ они сдавали вожжи, и кони мчались стрѣлой. Только легкій, скрипящій шумъ на улицѣ, когда пролетали парныя сани и быстро скрывались въ дали сумерекъ. Вагоны конно-желѣзныхъ дорогъ были биткомъ набиты проголодавшимися чиновниками и служащими, возвращавшимися со службы къ своимъ пенатамъ; у Гостинаго двора, у Адмиралтейской площади толпилась публика въ ожиданіи прихода конки; мѣста занимались чуть не съ бою. Иззябшіе извозчики, съ ледяными сосульками въ бородѣ и усахъ, усиленно предлагали пѣшеходамъ «прокатить за двугривенный», указывая движеніемъ руки на своихъ вздрагивавшихъ, покрытыхъ инеемъ, «американскихъ шведокъ». Начинался обычный отливъ отъ центровъ къ окраинамъ. Департаменты, правленія, конторы опустѣли. Петербургъ торопился обѣдать.

Въ этотъ самый часъ по Фурштадтской улицѣ, направляясь къ Таврическому саду, шелъ Вася. Морозъ былъ порядочный, а между тѣмъ костюмъ нашего юноши совсѣмъ не соотвѣтствовалъ сезону: на немъ было осеннее

пальтецо да пледъ, которые едва ли предохраняли отъ холода его тщедушное тѣло. Хотя морозъ и пробиралъ молодого человѣка, заставляя его время отъ времени вынимать изъ кармановъ руки и потирать носъ и щеки, но, казалось, Вася не очень смущался холодомъ, такъ какъ не особенно торопился, а шелъ обычной своей походкой, опустивъ голову и, повидимому, погруженный въ такія пріятныя размышленія, которыя заставляли его забывать, что на дворѣ морозъ свыше 18° по Реомюру.

Дойдя почти до конца улицы, онъ вошелъ въ ворота большого дома, прошелъ дворъ, поднялся по темной лѣстницѣ на самый верхъ и тихо позвонилъ у дверей. Очутившись въ теплой прихожей, освѣщенной лампочкой, Вася почувствовалъ всю прелесть тепла, охватившаго разомъ его иззябшее тѣло послѣ совершеннаго путешествія съ Царскосельскаго проспекта къ Таврическому саду.

Онъ привѣтствовалъ старую женщину, отворившую ему двери, и освѣдомился, дома ли Елена Ивановна.

— Это вы, Василій Ивановичъ? Сразу-то я васъ и не признала! Быть вамъ богатымъ!—проговорила квартирная хозяйка, добродушная на видъ женщина лѣтъ за пятьдесятъ, у которой Леночка нанимала комнату со столомъ.—Барышня наша еще не вернулась.

— Не вернулась?—протянулъ Вася.

— Должна скоро быть. Обождите. Небось иззябли?

— Да, морозъ, кажется, порядочный! — проговорилъ Вася.

— Ступайте-ка въ комнату, обогрѣйтесь. Самоварчикъ, что ли, приказать поставить? Сейчасъ Мавра вернется.

— Благодарю васъ, Пелагея Петровна. Я ужъ заодно, когда Елена Ивановна будетъ пить.

— Ну, какъ знаете. А то бы выпили?

— Нѣтъ. Вѣрно, Елена Ивановна сейчасъ придетъ.

— Надо ей давно бы быть. Развѣ куда зашла?

Вася вошелъ въ Леночкину комнату и присѣлъ на диванъ у стола, на которомъ былъ накрытъ приборъ и горѣла лампа, освѣщая мягкимъ, ровнымъ свѣтомъ крайне скромную обстановку жилища молодой студентки. Комната была крошечная. Постель съ подушками и одѣяломъ, сіявшими бѣлизной, кисейныя занавѣски, комодъ съ туалетнымъ зеркаломъ, этажерка съ двумя десятками книгъ, кожаный диванъ, столъ и два стула составляли все ея убранство, но въ этой маленькой келійкѣ было необыкно-

венно уютно, свѣтло и опрятно. Сразу чувствовалось присутствіе умѣлой женской руки и вѣяло домовитостью и любовью къ порядку.

Вася взялъ со стола книгу и сталъ-было читать, но ему не читалось. Онъ отложилъ книгу и восторженнымъ взглядомъ обвелъ эту хорошо знакомую ему комнату; мысли его обратились къ Леночкѣ, и онъ думалъ о ней съ любовью, глубоко спрятанной въ его любящей душѣ. Чувство, которое давно уже питалъ юноша къ молодой дѣвушкѣ, было горячее, безкорыстное юношеское чувство привязанности. Онъ любилъ Леночку, какъ нѣжный братъ и преданный другъ. Никакія другія побужденія не смущали его привязанности, и Вася счелъ бы великимъ святотатствомъ, если бы было иначе. Цѣломудренный и стыдливый, онъ возбуждалъ не разъ насмѣшки Николая и не любилъ, когда Николай подсмѣивался надъ его исключительными мнѣніями по этому предмету.

Привязанность Васи къ Леночкѣ была совершенно невинная. Онъ считалъ Леночку святой дѣвушкой, желалъ ей счастія, печалился, когда замѣчалъ, что она озабочена или грустна, и радовался, видя ее счастливою и довольною. Онъ дѣлалъ ей всякія услуги: доставалъ билеты въ театръ, переписывалъ лекціи, помогалъ заниматься математикой, доставалъ книги, — словомъ, обнаруживалъ самую нѣжную заботливость.

Довѣрчивый и простодушный, Вася, разумѣется, и не подозрѣвалъ о любви Леночки къ брату, тѣмъ болѣе, что молодые люди тщательно ее скрывали; близость ихъ онъ объяснялъ товарищеской дружбой, чуть-чуть завидовалъ брату, досадовалъ на него, когда замѣчалъ, что братъ обращается съ Леночкой съ нѣкоторой фамильярностью, и иногда думалъ, что для Лаврентьева еще не все потеряно, и если онъ подождетъ, когда Леночка окончитъ курсъ, то она выйдетъ за него замужъ, и они заживутъ отлично.

Самъ Вася усердно работалъ и много читалъ. Жилъ онъ отдѣльно отъ брата,—ему надо было ходить на лекціи и нанять комнату поближе къ технологическому институту, а Николай не хотѣлъ жить въ той сторонѣ,— въ скромной комнаткѣ, съ чисто спартанской простотой. Да ему и не было надобности въ другой жизни; онъ не ломалъ себя, а скромныя привычки являлись сами собой. Онъ жилъ отшельникомъ, водилъ знакомство съ нѣ-

сколькими товарищами, бывшими ему по душѣ, и переписывался съ отцомъ. Переписка эта была очень интересна; читатели познакомятся съ нею въ своемъ мѣстѣ. Теперь можно только замѣтить, что Иванъ Андреевичъ не всегда давалъ читать эти письма Марьѣ Степановнѣ и каждый разъ, послѣ полученія письма, въ раздумьѣ ходилъ печальный по кабинету.

Въ послѣднее время Вася сталъ замѣчать перемѣну въ молодой дѣвушкѣ. Первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Петербургъ Леночка была такая счастливая, какою Вася ее никогда не видалъ; въ послѣднія же двѣ недѣли съ ней что-то сдѣлалось. Она была какъ-то озабочена, раздражительна и грустна. Разъ или два онъ заставалъ ее въ слезахъ, но у него недоставало духа спросить о причинѣ; онъ даже дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ слезъ, и обыкновенно старался чѣмъ-нибудь развлечь Леночку. Она ничего ему не говорила. Однажды только замѣтила:

— Если случится, услышите, Вася, объ урокахъ, достаньте мнѣ.

Нечего и говорить, что Вася принялся дѣятельно хлопотать, но хлопоты его были безуспѣшны. Онъ сообщилъ объ этомъ Леночкѣ и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Видите ли, Елена Ивановна, пока вы не сыскали уроковъ, я бы просилъ васъ... У меня есть лишнія деньги, онѣ мнѣ вовсе не нужны, право, не нужны... Такъ ужъ вы не обидьте меня, возьмите по-товарищески...

— Спасибо, Вася! Благодарю васъ, но теперь мнѣ деньги не нужны. Вы, я знаю, послѣднее свое готовы считать лишнимъ!—улыбнулась она.

— Какъ не нужны? Къ чему же тогда вы уроковъ ищете?

— Я всякой работы ищу... Не сейчасъ... но впослѣдствіи она мнѣ очень нужна.

— Очень нужна?—недоумѣвалъ Вася.

— Не спрашивайте... У меня есть одинъ планъ. Когда-нибудь послѣ узнаете!—какъ-то грустно и тихо прибавила Леночка.

Вася болѣе не спрашивалъ и ушелъ домой, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, какой-такой у Леночки планъ. Онъ снова сталъ хлопотать объ урокахъ, сдѣлалъ въ газетахъ объявленія, но успѣха никакого не было. Но вчера одинъ изъ товарищей сообщилъ ему, что можно получить мѣсто корректорши. Вася спѣшилъ сообщить эту новость Леночкѣ.

Черезъ полчаса раздался звонокъ, и въ комнату вошла Леночка, иззябшая, румяная.

— Здравствуйте, Вася!.. — проговорила она, пожимая руку Васѣ.—Что̀ васъ давно не видать?.. Здоровы?

— Что̀ мнѣ дѣлается! Я здоровъ!—отвѣчалъ Вася.

— Холодно сегодня какъ!—продолжала Леночка, снимая шубку и мѣховую шапочку и поправляя передъ зеркаломъ волосы. — Я на Васильевскомъ островѣ была...

— Пѣшкомъ ходили?

— А то какъ же?

— Далеко!..

— Не близко!.. Николая Ивановича видѣли?

— Нѣтъ, не видалъ. Трудно его застать.

— Это что̀ еще значитъ?.. Какъ трудно?

— Дома никогда нѣтъ.

— Зачѣмъ же ему дома сидѣть?

— Я не къ тому. Я просто говорю: трудно застать. Два раза былъ и не заставалъ.

— А вы бы пораньше сходили!

— Онъ вѣдь спитъ до двѣнадцати часовъ.

— Ужъ и до двѣнадцати?

— Поздно, вѣрно, ложится.

— Вѣрно, по ночамъ работаетъ!

— Ужъ я не знаю!..—промолвилъ Вася.

— А что̀, не слышали, его статья... принята? Разумѣется, принята?

— Не знаю!

— Какъ это, Вася, вы ничего не знаете!—съ раздраженіемъ замѣтила Леночка.—Хорошъ братъ!

— Я, право, не виноватъ. Я на недѣлѣ четыре раза у него былъ и не могъ застать... Если хотите, я завтра пойду, пропущу лекцію...

— Кто васъ посылаетъ!.. Экій вы какой смѣшной, Вася! — вспыхнула Леночка и отвернулась, воспользовавшись приходомъ кухарки, которая принесла на подносѣ тарелку щей и кусокъ зажаренной говядины.

— Хотите ѣсть, Вася?

— Нѣтъ, я обѣдалъ.

— Не церемоньтесь. Я всего не съѣмъ.

— Я не церемонюсь.

— Ну, какъ знаете.

Леночка принялась обѣдать. Вася молча посматривалъ

на нее. Сегодня Леночка показалась ему особенно возбужденной и раздражительной.

— А у васъ Коля давно былъ?

— Давно!.. Недѣлю тому назадъ. Онъ, вѣрно, бѣдный, въ хлопотахъ. Все у него неудачи!

Болѣе чуткое ухо подслушало бы въ этихъ словахъ не одно только товарищеское участіе. Слова ея звучали тревогой любящаго сердца.

— Хлопоты—хлопотами, а могъ бы найти время зайти къ вамъ!—проговорилъ Вася.—Я ему скажу завтра, чтобы онъ зашелъ...

— Кто васъ проситъ? Прошу васъ, не говорите!.. — рѣзко оборвала Леночка.

Вася сконфуженно взглянулъ на Леночку и, минуту спустя, добродушно проговорилъ:

— Вы, Елена Ивановна, не въ духѣ сегодня.

— Нездоровится...

— То-то... вы бы сказали. Я, можетъ-быть, мѣшаю?.. Я уйду... я только на минуточку, хотѣлъ сказать вамъ, что есть мѣсто корректорши.

Леночкѣ стало стыдно. Она ласково взглянула на Васю и съ чувствомъ сказала:

— Вы простите меня, не сердитесь... Вотъ вы какой добрый, а я...

— Только мѣсто это не очень-то подходящее!—продолжалъ Вася, чувствуя, какъ радостно бьется его сердце отъ ласковаго слова Леночки.—Глаза можно испортить!..

— Благодарю васъ, Вася... Очень благодарю васъ... Теперь мнѣ не надо этой работы... Я сегодня уроки получила... Спасибо Александру Михайловичу, онъ рекомендовалъ.

— Вотъ это лучше!—обрадовался Вася.—У кого?

— У одного купца на Васильевскомъ островѣ... Каждый день два урока маленькой дѣвочкѣ и за это тридцать пять рублей въ мѣсяцъ... Заниматься отъ пяти до семи часовъ вечера...

— Молодецъ докторъ!—весело воскликнулъ Вася.—Вы знаете, онъ товарищъ Григорія Николаевича,—прибавилъ Вася.

При имени Лаврентьева по лицу Леночки пробѣжала тѣнь.

— Знаю; я о немъ давно слышала... Григорій Николаевичъ его Жучкомъ зоветъ.

— Онъ и впрямь на жука похожъ. Такой черный весь.

Леночка то и дѣло посматривала на часы и нѣсколько разъ выходила изъ комнаты подъ предлогомъ поторопить Мавру съ самоваромъ, но на самомъ дѣлѣ она ходила не къ Маврѣ, а подбѣгала къ дверямъ и прислушивалась, не раздадутся ли по лѣстницѣ знакомые шаги Николая. Но на лѣстницѣ было тихо, и Леночка, взволнованная, возвращалась въ комнату.

— Куда-жъ вы, Вася? Подождите, напьемся чаю. Сейчасъ самоваръ подадутъ!—остановила Леночка Васю, собиравшагося-было уходить.—Еще рано... восемь часовъ!

— Да вы, быть-можетъ, собираетесь куда? Все на часы смотрите!

— На часы?.. я поджидаю одну товарку... Обѣщала придти, да, видно, не придетъ!—прошептала Леночка.

Подали самоваръ. Вася молча отхлебывалъ чай. Онъ пробовалъ-было начать разговоръ, но разговоръ не клеился. Леночка разсѣянно слушала его и поминутно взглядывала на часы. Наконецъ она промолвила упавшимъ голосомъ:

— Девять часовъ. Она, вѣрно, не придетъ!

— Сходить за ней?—вызвался Вася.—Я скоро.

— Нѣтъ, Вася, не надо... Разскажите-ка лучше что-нибудь...

— Не умѣю я разсказывать, Елена Ивановна!..—замѣтилъ Вася.—Мало ли что бродитъ въ головѣ, всего не разскажешь... Да и не интересно... Мало ли какія у кого мысли, да если онѣ мыслями останутся, что толку-то?.. Это я такъ... вотъ сейчасъ о братѣ вспомнилъ... Онъ вотъ умѣетъ говорить и писать умѣетъ... да вотъ жаль только, умъ у него какъ-то особенно устроенъ...

— Какъ это особенно?

— Такъ — особенно. Мы съ нимъ часто споримъ... Только напрасно... Каждый остается при своемъ... Только онъ сердится...

— Будто сердится?

— Ей-Богу, сердится... Онъ сталъ какой-то раздражительный.

— Поневолѣ станешь... Онъ вѣдь не то, что мы съ вами... Онъ талантливый человѣкъ... ему нужна дѣятельность широкая, свободная, а вмѣсто этого однѣ неудачи...

— Неудачи? Какія это неудачи? Коля ужъ очень торопится... Непостоянный онъ какой-то, а главное—очень

ужъ любитъ широко жить... Отецъ далъ шестьсотъ рублей—деньги немалыя, а гдѣ онѣ? Коля не можетъ себя стѣснить, а это большая бѣда... А впрочемъ, онъ умный человѣкъ и, вѣрно, придетъ къ тому, что все это суета одна...

— Ну, ужъ вы, Вася, опять съ вашей философіей.

— Такъ я не буду... Я вѣдь съ своей точки зрѣнія.

— Да и не вы одни... Вотъ тоже и докторъ совсѣмъ несправедливо нападаетъ на Николая Ивановича... Называетъ его самонадѣяннымъ, заносчивымъ, воображающимъ о себѣ Богъ знаетъ что. Это все неправда... Надо знать хорошо человѣка, чтобы судить о немъ... Я горячо спорила съ докторомъ.

— Коля не заносчивъ—это вздоръ, а что онъ... какъ бы сказать?.. легко иногда относится къ людямъ, это въ немъ есть... Это у него какъ-то безъ намѣренія выходитъ.

— И это неправда... Онъ просто давитъ другихъ своимъ умомъ и талантомъ.

— Такъ не дави... Зачѣмъ давить другого?..

— Это невольно...

Леночка проговорила цѣлый диѳирамбъ Николаю, не замѣчая, какой горячностью звучали ея слова. Вася слушалъ молодую дѣвушку и находилъ, что она очень ужъ захваливала брата. Онъ самъ очень любилъ брата и смотрѣлъ на его недостатки снисходительно, но все-таки не идеализировалъ этихъ недостатковъ такъ, какъ Леночка.

Въ разговорѣ о Николаѣ Леночка оживилась и не замѣтила, какъ пролетѣло время. Когда она взглянула на часы, было одиннадцать часовъ.

— Засидѣлся я у васъ!—проговорилъ Вася, прощаясь.

— Смотрите, не зовите вашего брата... Нечего его безпокоить! Ему не до посѣщеній!—еще разъ напомнила Леночка, провожая Васю.—Это что значитъ?—вдругъ воскликнула Леночка.

— Что такое?

— Гдѣ ваше мѣховое пальто?—допрашивала Леночка, замѣтивъ, какъ Вася тщательно укутывался въ пледъ.—Съ вашимъ здоровьемъ да въ этакій морозъ въ одномъ пледѣ! И я еще обѣщала Марьѣ Ивановнѣ за вами смотрѣть! Гдѣ ваше пальто? Вѣрно, кому-нибудь отдали?

— Товарищъ одинъ больной... Ему нужнѣй!..

— А вы здоровый, что ли?

— Я—ничего, слава Богу. Да вы не сердитесь, Елена Ивановна... Онъ на время взялъ...

— Ахъ вы, Вася, Вася, добрая вы душа!—воскликнула Леночка. — Однако такъ я васъ не пущу. Возьмите еще мой платокъ. Безъ разговоровъ! Постойте, я васъ сама одѣну.

И Леночка принесла изъ комнаты большой теплый платокъ и заботливо укутала Васю, несмотря на его протесты.

Оставшись одна, Леночка не могла долѣе сдерживать своего горя. Слезы невольно полились изъ глазъ, и рыданія вырвались изъ ея груди.

— Онъ не любитъ меня!—беззвучно шептали ея губы.— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. Это было бы ужасно!

Одна мысль объ этомъ приводила въ отчаяніе молодую дѣвушку, недавно почувствовавшую, что она будетъ матерью...

Она скрывала это отъ Николая. Ей было почему-то стыдно сказать ему. Она все откладывала, ждала, когда выяснятся ихъ отношенія, но онъ молчалъ, молчала и она, переживая тяжелые дни...

На-дняхъ она написала ему два письма, звала его—и никакого отвѣта!..

Она припомнила теперь послѣднее время, и ей казалось, что Николай ее разлюбилъ. Онъ рѣже у нея бывалъ, не такъ говорилъ съ ней, не такъ глядѣлъ. Все казалось ей не такъ, какъ было прежде.

«Онъ не любитъ меня!—опять прошептала Леночка.— Не любитъ!»

Вася шелъ домой, погруженный въ мысли о Леночкѣ. Онъ недоумѣвалъ, что̀ такое съ ней случилось. Что̀ за причина ея грусти и нервности? Почему она такъ рѣзко остановила Васю, когда онъ хотѣлъ позвать брата, о которомъ между тѣмъ она говорила съ необыкновеннымъ чувствомъ и оживленіемъ? Вася никогда не слыхалъ, чтобы она о комъ-нибудь такъ говорила, какъ говорила о Николаѣ. Голосъ ея звучалъ особенной нѣжностью, глаза загорались блескомъ.

Въ первый разъ мысль о томъ, что Леночка любитъ Николая, закралась въ душу юноши и глубоко засѣла тамъ. Онъ сталъ припоминать разныя мелочи, характеризующія отношенія между братомъ и Леночкой, и теперь эти отношенія какъ бы являлись передъ нимъ въ иномъ свѣтѣ. Припоминались ему различные факты, которые тогда онъ пропускалъ безъ вниманія, а теперь они имѣли въ глазахъ его особенное значеніе. Почему Леночка от-

казала Лаврентьеву? Съ какихъ поръ она стала особенно часто ходить въ «Витино»? Пріѣздъ Николая какъ разъ совпадалъ, по мнѣнію Васи, съ рѣзкой перемѣной, происшедшей въ Леночкѣ. Затѣмъ онъ припомнилъ внезапный отказъ Лаврентьеву, рѣшеніе Леночки ѣхать въ Петербургъ, затѣмъ сближеніе ея съ братомъ, чтенія вдвоемъ, бесѣды и прогулки, — все это подтверждало подозрѣнія юноши.

«Леночка любитъ брата!»—подумалъ юноша и въ то же время не хотѣлъ и допустить мысли, что Николай виноватъ хоть сколько-нибудь въ томъ, что свадьба Леночки разстроилась, и Лаврентьеву причинено несчастье.

«Это было бы очень нехорошо!—рѣшилъ Вася.—Коля неспособенъ на такой поступокъ!»

А между тѣмъ именно мысли о виновности брата гнѣздились въ его головѣ. Онъ припоминалъ его отзывы о Лаврентьевѣ, о томъ, что Леночка ему не пара. «Ужъ не говорилъ ли братъ того же и Леночкѣ? Не смутилъ ли онъ ее, обворожив своими увлекательными рѣчами?»

— Я клевещу на брата!—обвинялъ себя Вася.—Онъ не могъ ей этого говорить!

Тѣмъ не менѣе Вася теперь почти не сомнѣвался, что Леночка любитъ Николая, и очень сокрушался за Леночку, такъ какъ былъ увѣренъ, что Николай совсѣмъ не любитъ Леночку; по крайней мѣрѣ, не такъ привязанъ, какъ слѣдовало бы, по мнѣнію Васи. Онъ и держитъ себя съ ней совсѣмъ не такъ и говоритъ о ней не такъ, какъ Лаврентьевъ. Тотъ такъ любилъ ее!

Но если онъ не любитъ ее, такъ зачѣмъ же онъ не скажетъ ей? Зачѣмъ онъ ходитъ къ Леночкѣ? Къ чему до послѣдняго времени онъ каждый день бывалъ у нея, ѣздилъ съ ней въ театръ, гулялъ съ ней вдвоемъ? Развѣ онъ не видитъ, что Леночка увлечена имъ? А если видитъ и все-таки ходитъ, продолжая увлекать?

Всѣ эти мысли угнетали Васю, и, вернувшись домой, онъ долго еще не могъ заснуть, раздумывая объ отношеніяхъ брата къ Леночкѣ. Само собой, что Васѣ и въ голову не приходило, чтобы братъ могъ воспользоваться привязанностью довѣрчивой, любящей дѣвушки. На это способны только подлецы!

Онъ припомнилъ разговоры Николая о женщинахъ; легкость, съ которою иногда братъ говорилъ при немъ о нихъ, откровенность, съ которой онъ оцѣнивалъ ихъ внѣ-

шнія достоинства, нерѣдко возмущали непорочнаго юношу. Въ своей юношески-строгой исключительности Вася недоумѣвалъ, какъ братъ его, человѣкъ честный и порядочный, могъ такъ относиться къ женщинѣ. Когда Вася однажды замѣтилъ, что говорить такъ—значитъ профанировать высоко-идеальное чувство любви, то Николай весело разсмѣялся, назвалъ брата «Іосифомъ прекраснымъ» и замѣтилъ, что когда онъ будетъ постарше, то заговоритъ иначе. Все это какъ нарочно припоминалось именно теперь, и Васѣ почему-то безконечно было жаль Леночку.

II.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Леночка напрасно ожидала Вязникова, Николай наконецъ собрался побывать у Смирновыхъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сдѣлалъ имъ визитъ и былъ принятъ радушно. Надежда Петровна съ участіемъ разспрашивала молодого человѣка, какъ онъ устроился, порадовалась, что онъ поступилъ помощникомъ къ такому безукоризненному человѣку и талантливому адвокату, какъ Левъ Васильевичъ Пряжнецовъ, который большой ея пріятель («Вы помните его рѣчь по дѣлу ограбленія почты? Вы помните? Не правда ли, прелестная рѣчь?»); освѣдомилась, не пишетъ ли Николай Ивановичъ новой статьи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, дружески посовѣтовала отдать ее не въ «Русскую Лѣтопись», а непремѣнно въ «Указатель Прогресса», редакторъ котораго, «милѣйшій Александръ Александровичъ, высоко держитъ либеральное знамя» и одинъ изъ ея добрыхъ друзей; по мнѣнію Надежды Петровны, статья, помѣщенная въ «Указателѣ Прогресса», скорѣй обратитъ вниманіе. Затѣмъ Надежда Петровна выразила надежду, что молодой человѣкъ не откажется быть членомъ «общества вспомоществованія истинно-бѣднымъ людямъ», вручила ему уставъ и нѣсколько отчетовъ, такъ что Николай принужденъ былъ вынуть изъ бумажника десять рублей и отдать ихъ почтенной благотворительницѣ. Прощаясь, Надежда Петровна любезно пригласила бывать у нихъ непремѣнно по четвергамъ и вообще не забывать ихъ.

— Вы встрѣтите у насъ, — промолвила Надежда Петровна:—небольшой, но избранный и тѣсный кружокъ. Для вашего спокойствія прибавлю,—улыбнулась Надежда

Петровна:—что консервативный элементъ отсутствуетъ на нашихъ четвергахъ!

Молодому человѣку оставалось только поблагодарить за честь быть въ числѣ избранныхъ, что̀ онъ и сдѣлалъ съ должной любезностью; однако, очутившись на лѣстницѣ, онъ ругнулъ Надежду Петровну за то, что она такъ ловко лишила его десяти рублей и сдѣлала членомъ «общества вспомоществованія истинно-бѣднымъ людямъ», на что̀ онъ никакъ не разсчитывалъ, отправляясь съ визитомъ.

Въ исходѣ десятаго часа Николай подъѣхалъ къ большому, красивому дому въ одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Литейной. Отдавъ пальто и калоши швейцару, онъ оправился передъ зеркаломъ, взбилъ чуть-чуть волосы, отчего они стали еще кудрявѣе, что̀ къ нему шло, и по широкой лѣстницѣ, устланной краснымъ ковромъ, съ тощими пальмами на площадкахъ, поднялся въ третій этажъ.

Хотя Николай и нѣсколько свысока относился къ Смирновымъ, считая ихъ «жидкими либералами», и заранѣе осмѣивалъ ихъ журфиксы (онъ вспомнилъ, какъ смѣялась надъ ними Нина Сергѣевна), тѣмъ не менѣе нашъ молодой человѣкъ испытывалъ нѣкоторое волненіе, когда остановился у дверей съ блестящей дощечкой, на которой была выгравирована изящной вязью фамилія Смирновой. Волненіе это не было слѣдствіемъ робости,—нѣтъ, это было волненіе самолюбія.

Мысли о томъ, какъ на него посмотрятъ, какъ къ нему отнесутся, какъ онъ войдетъ, не оставляли его. У Смирновыхъ, онъ зналъ, собирались все болѣе или менѣе «извѣстные» люди, и онъ, «неизвѣстный» молодой человѣкъ, мечтавшій объ извѣстности и уже заранѣе настроившій себя на насмѣшливо-враждебный тонъ, теперь вдругъ почувствовалъ такую малодушную робость, что даже не прочь былъ уѣхать домой.

Сознаніе, что онъ оробѣлъ, именно оробѣлъ самымъ постыднымъ образомъ, взбѣсило нашего молодого человѣка.

«Фу ты, какая мерзость!»—проговорилъ онъ и придавилъ пуговку электрическаго звонка такъ рѣшительно, что въ прихожей раздался звонокъ совсѣмъ ужъ неприличный, напоминавшій звонки почтальона.

Красивый, необыкновенно представительный лакей во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ выхоленными бакенбар-

дами, сдѣлавшими бы честь любому камеръ-юнкеру, отворилъ поспѣшно двери и, доложивъ, что барыня у себя и принимаетъ, пропустилъ Николая въ гостиную. Въ ярко освѣщенной, роскошно убранной большой гостиной не было никого; изъ сосѣдней комнаты раздавался оживленный разговоръ.

Приподнявъ свою красиво посаженную голову, Николай прошелъ въ столовую, пріостановился на порогѣ, слегка прищуривая глаза, и, отыскавъ хозяйку, направился къ ней.

— Наконецъ-то!—любезно привѣтствовала Николая Надежда Петровна, находя, что Николай и наружностью, и манерами, и безукоризненнымъ костюмомъ не только не шокировалъ ея респектабельныхъ чувствъ, но даже былъ совсѣмъ не лишнимъ украшеніемъ ея журфиксовъ, въ качествѣ представительнаго молодого человѣка, хотя еще не «извѣстнаго», но подающаго большія надежды.

— Гдѣ это вы пропадали, молодой человѣкъ? Такъ-то вы держите слово? Какъ здоровье вашихъ? Иванъ Андреевичъ не собирается сюда?

И, не дожидаясь отвѣта на свои вопросы, Надежда Петровна громко произнесла, обращаясь ко всему обществу:

— Николай Ивановичъ Вязниковъ!

Николай сдѣлалъ общій поклонъ, а Надежда Петровна между тѣмъ назвала по именамъ нѣсколько болѣе или менѣе извѣстныхъ фамилій, преимущественно изъ судебнаго міра. Впрочемъ, были и такія фамиліи, которыя Николай слышалъ въ первый разъ.

— Съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и съ мосьё Горлицынымъ вы вѣдь знакомы?

— Какъ же, какъ же! Еще спорили въ деревнѣ!—снисходительно проговорилъ Присухинъ, протягивая свою мягкую, пухлую руку.

Обмѣнявшись рукопожатіями съ барышнями и господиномъ Горлицынымъ, Николай сѣлъ на свободное мѣсто, очутившись между незнакомыми лицами. Съ одной стороны сидѣлъ худой, совсѣмъ худой господинъ съ длинными волосами, съ другой — некрасивая полная дама не первой молодости, въ свѣтломъ платьѣ съ большимъ вырѣзомъ, открывавшимъ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы въ интересахъ дамы, рыхлую, жирную шею сомнительной свѣжести.

Прерванный на минуту разговоръ возобновился, и Ни-

колай могъ свободно разглядывать общество, сидѣвшее за столомъ.

Въ срединѣ сидѣла хозяйка, въ черномъ шелковомъ платьѣ, безукоризненно сшитомъ, привѣтливая, веселая и улыбающаяся. Она внимательно слушала свою сосѣдку, прехорошенькую блондинку, съ тонкими чертами лица, щебетавшую пріятнымъ голоскомъ о необходимости поторопиться устройствомъ благотворительнаго базара, чтобы опередить другой дамскій кружокъ,—и въ то же время зорко слѣдила, есть ли у всѣхъ чай, и, если замѣчала у кого-нибудь пустой стаканъ, значительно взглядывала на скромную даму, сидѣвшую за самоваромъ на концѣ стола. Хорошенькая блондинка была вице-предсѣдательницей общества вспомоществованія истинно-бѣднымъ людямъ, предсѣдательницей кружка, призрѣвающаго пять прелестныхъ малютокъ, и женой симпатичнаго, круглолицаго, румянаго брюнета, даровитаго петербургскаго профессора, сидѣвшаго напротивъ. Онъ то и дѣло смѣялся веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, бесѣдуя съ Присухинымъ и другимъ солиднымъ господиномъ, извѣстнымъ юристомъ и членомъ магистратуры — Анохинымъ. Около барышень тихо ораторствовалъ молодой ученый г. Горлицынъ. На этотъ разъ онъ объяснялъ не Спенсера, а Шекспира, и внимательно взглядывалъ на рыжеватаго господина, сидѣвшаго подлѣ, когда тотъ прерывалъ плавную, докторальную рѣчь молодого ученаго разными замѣчаніями. Маленькій, худенькій, чистенькій господинъ съ свѣтло-рыжими вьющимися волосами, нервный и вертлявый, съ необыкновенно юркими, бѣгающими во всѣ стороны карими глазками, показался знакомымъ Николаю. Онъ припомнилъ, что встрѣчалъ его въ какой-то редакціи. Это былъ господинъ Пастуховъ, педагогъ, археологъ, сотрудникъ газетъ, ученый дилетантъ, чиновникъ, секретарь во многихъ ученыхъ обществахъ и вообще бойкій молодой человѣкъ, умѣвшій втираться всюду и пользовавшійся, какъ слышалъ Николай, покровительствомъ какого-то сановника, которому молодой человѣкъ помогалъ составлять научное изслѣдованіе о древне-русской посудѣ.

Невдалекѣ отъ Николая сидѣли два литератора—одинъ очень скромный и молчаливый, другой, напротивъ, какъ показалось Николаю, не обладавшій большой скромностью. Скромный литераторъ, съ едва замѣтной улыбкой, сколь-

зившей на нервномъ, умномъ лицѣ, слушалъ своего сосѣда, высокаго, плотнаго, бѣлокураго господина съ мясистыми губами, который громко, очевидно, желая обратить общее вниманіе, высказывалъ необыкновенно либеральные взгляды по поводу современнаго положенія дѣлъ. Онъ волновался, кипятился, говорилъ необыкновенно развязно и произвелъ на Николая отвратительное впечатлѣніе. Въ его рѣчахъ слышалась фальшивая нота. Онъ точно старался подчеркнуть свой отчаянный либерализмъ, словно боясь, что ему не повѣрятъ. И ему, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то не вѣрили.

Толстая, некрасивая дама, сосѣдка Вязникова, млѣла отъ восторга и сильно затянутаго корсета, слушая нескромнаго литератора, и подавала ему реплики.

Литераторъ однако не вызвалъ общаго вниманія. Худой господинъ съ длинными волосами сидѣлъ молча, не вмѣшиваясь въ разговоръ. Разъ или два онъ поднялъ большіе, темные, лѣнивые глаза на волнующагося литератора и снова опустилъ ихъ. Повидимому, его не занимали разговоры, происходившіе въ столовой. Онъ обводилъ равнодушнымъ взглядомъ общество и то и дѣло посматривалъ на двери.

«Вѣрно, улизнуть хочетъ!»—подумалъ Вязниковъ, недоумѣвая, къ какому разряду отнести этого барина. По виду онъ походилъ не то на художника, не то на артиста.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ бѣлокурый господинъ?—спросилъ тихо Николай своего сосѣда.

— Браиловскій.

— Сотрудникъ «Почты»?

— А не знаю... Знаю, что литераторъ и большой болтунъ!

— А другой, рядомъ съ нимъ?

— Негожевъ...

— Негожевъ!—повторилъ Вязниковъ и взглянулъ еще разъ на скромнаго господина въ очкахъ, съ жиденькой бородкой, разсказы котораго отличались недюжиннымъ талантомъ.

Разговоры то стихали, то становились громче. Духъ благовоспитаннаго недовольства носился въ столовой. Всѣ такъ или иначе осуждали современные порядки, но не было одушевленія, не было задѣвающей жилки; все было въ мѣру умно, либерально и неинтересно. Чувствовалась какая-то вялость, что-то не глубоко прочувствованное во

всѣхъ этихъ порицаніяхъ. Всѣ точно говорили потому, что нельзя же на журфиксѣ молчать. И только когда разговоръ принималъ характеръ сплетни, лица оживлялись, рѣчь становилась живѣй, вниманіе напряженнѣе.

Надежда Петровна отлично исполняла обязанности хозяйки. Она старалась всѣхъ втянуть въ разговоръ, нѣсколько разъ обращалась въ вопросами къ Негожеву, но тотъ отвѣчалъ коротко и въ разговоры не вмѣшивался, а болѣе слушалъ. Худой господинъ тоже молчалъ и видимо скучалъ.

Разговоры замерли, когда общимъ вниманіемъ овладѣлъ Алексѣй Алексѣевичъ, начавъ разсказывать о предстоящемъ знаменитомъ процессѣ. Дѣло шло о подложномъ духовномъ завѣщаніи въ три милліона рублей, въ составленіи котораго обвинялось лицо, принадлежавшее къ высшему кругу.

Онъ мастерски разсказывалъ пикантныя и романическія подробности этого дѣла, еще неизвѣстныя изъ газетъ, и порадовался, что процессъ наконецъ будетъ.

— Дѣло это чуть-было не замяли!..—прибавилъ онъ, разсказавъ, какъ случилось, что его не замяли.

По этому поводу Присухинъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній. Онъ говорилъ съ обычнымъ мастерствомъ и, разумѣется, достаточно либерально. Общія соображенія дали ему случай пожурчать нѣсколько минутъ, очаровывая слушателей. Хотя все то, что онъ говорилъ, не поражало ни глубиной мысли, ни новизной, но талантливость изложенія и блестящая форма его рѣчи заставляли слушать Присухина. Всѣ молчали. Только нескромный литераторъ, улучивъ минуту паузы, хотѣлъ-было высказать въ свою очередь нѣсколько еще болѣе либеральныхъ взглядовъ, но это ему не удалось, такъ какъ Алексѣй Алексѣевичъ, не любившій, чтобы его прерывали, очень ловко перебилъ литератора и продолжалъ говорить, пока не дошелъ до настоятельной необходимости реформъ, послѣ чего скромно опустилъ масляные глазки въ пустой стаканъ.

Надежда Петровна воспользовалась наступившимъ затишьемъ и пригласила гостей въ другія комнаты. Всѣ поднялись съ мѣстъ и перешли въ гостиную и кабинетъ Надежды Петровны,—изящное гнѣздышко, освѣщенное мягкимъ свѣтомъ голубого фонаря. Всѣ разбились по группамъ; около Присухина образовался кружокъ; онъ разсказывалъ какой-то анекдотъ, при общемъ хохотѣ; ры-

женькій господинъ хохоталъ болѣе всѣхъ. Нескромный литераторъ нашелъ жертву въ полной барынѣ и оживленно ей объяснялъ, какъ трудно высказаться.

Николай замѣтилъ, что Негожевъ уже скрылся, а худой господинъ, его сосѣдъ за столомъ, отыскивалъ шляпу.

— Куда, куда? Еще такъ рано!—остановила его хозяйка.

— Голова болитъ, Надежда Петровна.

— И, полноте!.. Вы намъ что-нибудь сыграете изъ вашей новой оперы? Говорятъ, прелестная вещь.

И она рѣшительно взяла отъ него шляпу.

Худой господинъ остался, но за рояль не сѣлъ, а забился въ уголъ и сталъ перелистывать альбомъ.

— Не правда ли, сегодня Алексѣй Алексѣевичъ въ ударѣ?—обратилась Надежда Петровна къ Николаю.

— Да, онъ недурно говоритъ.

— Недурно,—что̀ вы! Дайте-ка намъ парламентъ!

Но такъ какъ молодой человѣкъ не могъ никакъ дать парламента, то Надежда Петровна уже оставила его и подсѣла къ Любарскому, замѣтивъ, что онъ одинъ.

Николай начиналъ скучать между незнакомыми людьми. Онъ прошелъ въ кабинетъ Надежды Петровны; тамъ сидѣли дамы и неизмѣнно ораторствовалъ Горлицынъ, и только-что пріѣхавшій изъ театра молодой господинъ разсказывалъ о томъ, какъ мила была сегодня Паска.

Евгенія Сергѣевна усадила Николая возлѣ себя.

— Долго же вы собирались къ намъ, Николай Ивановичъ!—любезно упрекнула его Евгенія.

— Все некогда было, Евгенія Сергѣевна.

— Много работаете? Пишете что-нибудь?

— Пока больше бездѣльничаю!—засмѣялся Николай.

— Это нехорошо!

— Пожалуй, что даже дурно.

— Способные люди теперь должны работать!—внушительно замѣтила Евгенія.

— Такъ я желалъ бы быть неспособнымъ,—пошутилъ Николай.—А вы что̀ подѣлываете хорошаго?

— Немного хорошаго.

— Однако?

— Хожу на курсы. Штудирую Лессинга.

— Лессинга?

— У насъ цѣлый кружокъ составился. Собираемся разъ въ недѣлю. Составляемъ рефераты...

— И великъ вашъ кружокъ?

— Человѣкъ двадцать. Алексѣй Алексѣевичъ—иниціаторъ... Не хотите ли къ намъ? Очень интересно.

— Не сомнѣваюсь, но только...

— Не хотите?—засмѣялась Евгенія.

— Нѣтъ.

«Бѣдняжка!—подумалъ Николай.—Изучала Спенсера, изучала химію, теперь штудируетъ Лессинга, а все-таки не выходитъ замужъ! А вѣдь очень недурна, особенно сегодня!»

— А какъ поживаетъ за границей Нина Сергѣевна?

— Она здѣсь.

— Какъ здѣсь?—воскликнулъ Николай.

— Такъ, въ Петербургѣ. Недѣлю тому назадъ вернулась, совсѣмъ неожиданно. Никто и не думалъ. Она уѣхала на годъ, а пробыла всего пять мѣсяцевъ.

— Вотъ какъ!

— Она, вѣрно, скоро будетъ. Въ оперѣ сегодня.

Николай очень обрадовался этой новости. Эта загадочная женщина положительно раздражала его любопытство съ тѣхъ поръ, какъ онъ нечаянно узналъ ея интимную исторію. Онъ былъ почти увѣренъ, что ея отъѣздъ за границу имѣлъ связь съ отъѣздомъ Прокофьева изъ деревни.

Онъ нарочно заговорилъ о деревенской жизни лѣтомъ и между прочимъ вскользь спросилъ у Евгеніи Сергѣевны, не слышала ли она чего-нибудь о Прокофьевѣ.

— Объ управляющемъ? Нѣтъ. Вѣдь онъ уѣхалъ въ началѣ сентября на три дня въ Петербургъ по дѣламъ и не вернулся. Онъ опасно заболѣлъ и извѣстилъ, что долженъ отказаться отъ мѣста. Вы его не встрѣчали послѣ пріѣзда?

— Нѣтъ.

— Странный господинъ. Очень загадочный!

— Чѣмъ же?

— Онъ насъ всѣхъ заинтриговалъ послѣ того, какъ у насъ разыскивали какого-то Мирзоева, бѣжавшаго изъ Сибири. Слышали?

— Какъ же, слышалъ.

— Поиски были дня черезъ три послѣ отъѣзда Прокофьева. Примѣты очень похожи. Мама тогда перетрусила. Она ждала, что Прокофьевъ вернется, какъ вдругъ она получаетъ письмо отъ Прокофьева, въ которомъ онъ из-

вѣщаетъ о болѣзни и отказывается отъ мѣста. Мама еще болѣе перепугалась и не знала, какъ быть ей съ письмомъ. Алексѣй Алексѣевичъ совѣтовалъ послать его къ губернатору для собственнаго спокойствія.

— И послали?

— То-то нѣтъ. Нина убѣдила не дѣлать этого и удивительно хохотала надъ этими страхами. По ея мнѣнію, Прокофьевъ не скрывался бы такъ открыто. Письмо сожгли. Нина сама сожгла, чтобы успокоить маму. Во всякомъ случаѣ, странное совпаденіе. Нина всегда наперекоръ всѣмъ думаетъ, а по-моему ничего не было невозможнаго, если-бъ и въ самомъ дѣлѣ Прокофьевъ скрывался.

Въ это время подошла Любарская. Евгенія заговорила съ ней, и Николай незамѣтно пробрался въ гостиную. Тамъ шелъ оживленный споръ между Любарскимъ и Присухинымъ о какомъ-то юридическомъ вопросѣ. Около нихъ группировались другіе гости. Худощаваго господина не было. «Таки улизнулъ!»—рѣшилъ Николай, усаживаясь въ сторонкѣ на маленькомъ диванѣ за трельяжемъ.

Онъ рѣшилъ дождаться Нины. Онъ взглянулъ на часы—было половина двѣнадцатаго; вѣрно, скоро пріѣдетъ. Все только-что имъ слышанное убѣждало его, что никто въ семьѣ и не догадывался объ ея отношеніяхъ къ Прокофьеву. Загадочная эта женщина умѣла хорошо прятать концы.

Но какимъ образомъ могли соитись эти натуры? Что между ними общаго? Какъ могла эта барыня полюбить такого человѣка, какъ Прокофьевъ? И любитъ ли она его? Не заинтересовалъ ли онъ ее только?

Занятый этими мыслями, Николай и не замѣтилъ, какъ приблизился рыженькій господинъ и присѣлъ около.

— Мы, кажется, встрѣчались?—проговорилъ г. Пастуховъ тоненькимъ голосомъ.

— Да,—отвѣтилъ Николай.—Въ редакціи «Общественнаго Блага».

— Именно. Вы тамъ, попрежнему?

— Нѣтъ.

— Ушли?

— Ушелъ!—сухо отвѣтилъ Николай.

— Я и не зналъ. Скотина тамъ редакторъ... ну, и сотрудники... я вамъ скажу...

— Вы, кажется, тоже сотрудничаете?—рѣзко замѣтилъ Николай.

— Да, печатаю критическія, педагогическія статьи... Можетъ-быть, читали? Буквой Ф. подписываюсь. Платятъ тамъ... Мнѣ до редакціи нѣтъ дѣла... Чортъ съ ними!

Пастуховъ помолчалъ и замѣтилъ:

— И скучища же здѣсь, я вамъ скажу!

— Кто-жъ мѣшаетъ вамъ уѣхать?

— Да ужъ подожду до ужина. Ужинъ, по крайней мѣрѣ, хорошій! А за ужиномъ будемъ опять слушать Іоанна Златоуста... Онъ здѣсь—соловей. Вы знаете Присухина?

— Немного.

— Репутація большая, а въ сущности онъ — скотина порядочная. Состояніе имѣетъ большое, а какъ платитъ помощникамъ... Стыдъ!

Пастуховъ сталъ перебирать гостей и про каждаго сообщилъ какую-нибудь сплетню. Сплетничалъ онъ съ какимъ-то захлебываніемъ, и сплетни у него имѣли характеръ необыкновенно пакостный. Глазки въ это время искрились, и самого его передергивало.

— Слышите, какъ Браиловскій распинается? прислушайтесь-ка! А вѣдь все вретъ, все вретъ... Выгнали его изъ акциза,—онъ въ акцизѣ служилъ и, говорятъ, того!— подмигнулъ глазомъ Пастуховъ:—а теперь либералъ... читаютъ его... есть дураки... А поэтесса млѣетъ... мужчина-то онъ ражій!

— Какая поэтесса?

— Да возлѣ васъ сидѣла... Толстая барыня... Сижкова... Ни малѣйшаго таланта, такъ печатаютъ, на затычку, а она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что поэтесса... Бабѣ мужа хочется, — вотъ и стихи. Мужъ хоть и есть, но такъ только, по названію, такъ она почувствовала поэтическіе приливы...

«Фу, какой пакостный сплетникъ!»—подумалъ Николай.

— Жаль, вотъ нашъ Бетховенъ уѣхалъ, а то бы новую музыку послушали.

— Какой Бетховенъ?

— Да Битюговъ. Худой, съ длинными волосами. Онъ вѣдь геній... Оперу сочинилъ. Я слышалъ отрывки... Чортъ знаетъ, что такое!..

Вязникову становилось противно. Мелкая, самолюбивая, завистливая душонка обнаруживалась совсѣмъ голо. Николай встрѣчалъ немало сплетниковъ, но такого озлобленнаго и подленькаго пришлось увидать въ первый разъ.

Не было ни одного лица изъ множества болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, упомянутыхъ г. Пастуховымъ, о которомъ бы онъ не разсказалъ какой-нибудь невозможной гнусности и притомъ самаго ужаснаго характера. Такой-то, котораго всѣ считаютъ за порядочнаго человѣка, уморилъ жену, такой-то бьетъ кухарку, тотъ скупъ, какъ Плюшкинъ, этотъ по уши въ долгахъ и живетъ на счетъ купчихи, тотъ выдалъ чужое изслѣдованіе за свое. Этотъ рыжеватенькій молодой человѣкъ, казалось, былъ пропитанъ насквозь завистью и не могъ равнодушно слушать, когда кого-нибудь хвалили. Онъ тотчасъ же какъ-то ежился, хихикалъ и дарилъ какой-нибудь пакостью. А между тѣмъ Николай видѣлъ, съ какимъ заискиваніемъ онъ относился къ тому самому редактору, котораго онъ обозвалъ скотиной, какъ лакейски льстилъ Присухину, какъ лебезилъ передъ Любарскимъ. При этомъ Пастуховъ, когда сплетничалъ, какъ будто сожалѣлъ, что такой-де извѣстный человѣкъ и вдругъ подлецъ.

— Къ чему вы разсказываете мнѣ всѣ эти сплетни?— спросилъ наконецъ Николай, выведенный изъ терпѣнія.

Пастуховъ быстро заморгалъ глазами и захихикалъ.

— Къ чему? Да вѣдь интереснѣе же сплетничать, чѣмъ слушать всѣ эти возвышенные разговоры. Признайтесь, интереснѣе? Вонъ тамъ они требуютъ реформъ, но вѣдь ни одинъ изъ нихъ на это рубля своего не дастъ, ей-Богу, не дастъ!

— А вы-то сами?

— Я?.. Съ удовольствіемъ далъ бы, чтобы посмотрѣть, какъ всѣ эти господа перегрызутся. Ей-Богу, далъ бы!— весело хихикалъ Пастуховъ.—Спектакль былъ бы интересный.

Однако Пастуховъ смолкъ и взглянулъ на часы.

— Здѣсь въ два часа ужинаютъ!—промолвилъ онъ.

Николай не отвѣчалъ. Онъ поднялся съ дивана и пошелъ въ кабинетъ. Въ передней звякнулъ звонокъ.

«Она!»—произнесъ Николай, останавливаясь на порогѣ.

Въ гостиную торопливо вошла Нина, неся за собой тонкія струйки душистаго аромата. При ея появленіи въ гостиной смолкли разговоры—всѣ невольно любовались красавицей. Она дѣйствительно была необыкновенно красива и изящна въ нарядномъ туалетѣ. Черное бархатное платье, плотно облегавшее мягкія формы роскошнаго бюста, нис-

падало тяжелыми складками вдоль стройной, гибкой, высокой фигуры, оканчиваясь длиннымъ шлейфомъ. Черный бархатъ еще рельефнѣе оттѣнялъ ослѣпительную бѣлизну лица, шеи и груди, полуприкрытой прозрачными бѣлыми кружевами, окаймлявшими вырѣзъ платья. Золотисто-рыжіе волосы, собранные въ роскошныя косы, спереди были гладко зачесаны назадъ; высокія бѣлыя перчатки обливали изящныя очертанія маленькихъ рукъ съ сверкавшими на нихъ браслетами. Въ маленькихъ розовыхъ ушахъ горѣло по брильянту.

Что-то ослѣпительное и раздражающее было въ нѣжныхъ, тонкихъ чертахъ, въ блестящихъ глазахъ, во всей роскошной фигурѣ этой красивой женщины, и Нина показалась сегодня Николаю прелестнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ вмѣстѣ съ другими невольно любовался ею и не спускалъ съ нея глазъ.

Нина поцѣловалась съ матерью, привѣтливо пожала руки гостямъ и, сказавъ нѣсколько словъ, какъ прошла опера, направилась въ кабинетъ.

— Николай Ивановичъ! Вотъ не ожидала васъ встрѣтить!—воскликнула Нина, останавливаясь, нѣсколько удивленная, передъ Николаемъ и дружески протягивая ему обѣ руки.—Мнѣ сестры говорили, что вы были разъ съ визитомъ и съ тѣхъ поръ въ воду канули. Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ сюда? Очень рада васъ видѣть, очень рада!—повторила она задушевнымъ тономъ, ласково глядя на Николая.—Какъ вы живете? Счастливо? Впрочемъ, нечего и спрашивать! Разумѣется, счастливо. Развѣ въ ваши годы люди бываютъ несчастливы. Однѣхъ надеждъ сколько впереди! Мы съ вами, надѣюсь, еще поговоримъ сегодня, поболтаемъ, какъ, бывало, болтали въ деревнѣ. Хорошо тамъ было!

Николаю показалось, что при этихъ словахъ, словно тѣнь, пробѣжала грустная улыбка по ея губамъ и легкій вздохъ вырвался изъ груди.

— А теперь пойду къ гостямъ!—прибавила она, указывая вѣеромъ на кабинетъ.—Вѣроятно, Горлицынъ, постарому, просвѣщаетъ?

— Да.

— Все какъ было, ничего не измѣнилось!.. И какъ это имъ не наскучитъ!..—улыбнулась она, отходя отъ Николая.—А впрочемъ, можетъ-быть, оно и лучше!—прибавила она, полуоборачиваясь на ходу.

Черезъ нѣсколько минутъ Нина сидѣла съ Николаемъ на одномъ изъ маленькихъ дивановъ, за столомъ, на которомъ стоялъ маленькій подносъ съ чашкой чая и печеньемъ.

— Ну, разсказывайте теперь о себѣ,—говорила она, стягивая перчатки и принимаясь за чай.

— Ничего о себѣ интереснаго разсказать не могу, Нина Сергѣевна. Немного работаю, а больше бездѣльничаю.

— По крайней мѣрѣ не скучаете?

— Этимъ не грѣшенъ.

— И слава Богу. Вы вѣдь, кажется, адвокатъ?..

— Да, но пока больше по названію.

— Что̀ такъ? Еще не сдѣлались извѣстностью?..

— Нѣтъ, не сдѣлался!

— Сдѣлаетесь!—засмѣялась Нина.—Вы вѣдь пишете тоже?

— Пока болѣе для насущнаго хлѣба, чѣмъ для славы!

— А славы вамъ хочется, очень хочется?—проронила Нина, пристально взглядывая на Николая.

— Не всѣмъ она дается!

— Но это не мѣшаетъ гоняться за ней! Ужасно вы всѣ самолюбивы, какъ посмотрю. Всѣхъ васъ гложетъ какой-нибудь червь и не даетъ вамъ покою. Не умѣете вы жить. Не умѣете пользоваться счастьемъ!..—проговорила Нина задумчиво.

— Кто это—всѣ?

— Всѣ вообще нѣсколько неглупые люди!..

— А вы умѣете?

— Я?.. Объ этомъ когда-нибудь поговоримъ. Разсказывайте пока, что̀ вы дѣлаете, съ кѣмъ знакомы, гдѣ часто бываете?

— Да что̀ говорить? У васъ вотъ есть что разсказывать, а мнѣ, право, нечего... Хорошо ли вы съѣздили за границу? Вы, кажется, не разсчитывали скоро вернуться?

— Мало ли на что̀ разсчитываешь!

— Гдѣ были?..

— Въ Парижѣ больше.

— И надолго сюда?..

— А не знаю, какъ поживется...

Нина Сергѣевна неохотно говорила о себѣ и старалась замять разговоръ, какъ только Николай начиналъ говорить объ ея заграничномъ путешествіи.

«Непремѣнно что-нибудь случилось съ ней!»—подумалъ

онъ, взглядывая на молодую женщину. Ему показалось, что она въ лицѣ похудѣла и стала какъ-то серьезнѣй. Глаза ея не смѣялись, какъ бывало прежде. Напротивъ, взглядъ ея сталъ мягче, ласковѣй, грустнѣй.

Она кончила чай и проговорила, вставая:

— Теперь пойдемте слушать Присухина. Кстати, какъ вамъ понравились наши четверги? Весело?

— Не очень.

— То-то! А вѣдь сколько четверговъ еще впереди! И опять одно и то же, одно и то же!

Тонъ ея голоса звучалъ такимъ отчаяннемъ, что Николай спросилъ:

— Да что̀ съ вами, Нина Сергѣевна? Вы совсѣмъ стали другой съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ.

— Такъ, хандра. Музыка, вѣроятно, навела хандру. Музыка на меня дѣйствуетъ. Сегодня «Гугеноты» отлично шли. Это пройдетъ!—улыбнулась Нина.—Все на свѣтѣ проходитъ.

— Будто?

— У такихъ людей, какъ мы съ вами, или, если вы не согласны, такъ у такой женщины, какъ я. Кстати, что̀ подѣлываетъ вашъ братъ? Здоровъ ли онъ?

«Почему она о немъ спрашиваетъ?»—удивился Николай.

— Ничего, здоровъ, учится. Вы развѣ знаете Васю?

— Разъ видѣла и случайно много слышала о немъ. Говорятъ, оригинальный, славный юноша. Приведите-ка его ко мнѣ.

— Что̀ за фантазія?—разсмѣялся Николай.

— Что̀ васъ удивляетъ? Или онъ не пойдетъ?

— Онъ—дикарь. Попробую.

— Смотрите же, приведите. Быть-можетъ, онъ не будетъ судить по наружности, какъ всѣ. Да и вы не забывайте меня, Николай Ивановичъ.

Она сказала свой адресъ и прибавила:

— По утрамъ я всегда дома. Придете?

— Непремѣнно.

— Смотрите же... я васъ жду на-дняхъ же. И брата приводите какъ-нибудь... Да... я и забыла васъ спросить: правда, что свадьба вашей знакомой деревенской барышни разстроилась?

— Да!.. Она отказала Лаврентьеву. Вы слышали о немъ?

— Какъ же, и какъ-то видѣла въ деревнѣ... Что̀ за причина?.. Говорятъ, это случилось такъ неожиданно.

— Не пара она Лаврентьеву.

— Она, говорятъ, здѣсь теперь... учится?

— Да.

— А вы часто видитесь?

— Мы съ Леночкой большіе пріятели!..—проговорилъ, краснѣя, Николай.

— Ужъ не вы ли, чего добраго, виновникъ этой исторіи?—серьезно замѣтила Нина.

— Я?.. Что вы!..—отвѣтилъ Николай, краснѣя еще больше.

— Она, говорятъ, отличная дѣвочка, эта ваша Леночка!.. И хорошенькая... Въ ней что-то свѣжее, непочатое есть...

— Откуда вы все это знаете?

— Слухомъ земля полнится... Ну, смотрите же, на-дняхъ я жду васъ, тогда поговоримъ свободнѣе... И то мама ужъ на меня смотритъ, что я забыла гостей. Надѣюсь, мы будемъ настоящими пріятелями?.. Вы меня, быть-можетъ, и съ Леночкой познакомите, если она удостоитъ... Уговорите ее...

Нина присѣла къ гостямъ и принялась весело болтать, разсказывая объ оперѣ, объ исполненіи, о знакомыхъ, которыхъ она встрѣтила въ театрѣ, о туалетахъ и пр. Около нея тотчасъ же образовался кружокъ мужчинъ. Присухинъ то и дѣло заговаривалъ съ ней, но она ему отвѣчала съ нескрываемой сухостью и презрѣніемъ.

Николай не дождался ужина и, несмотря на просьбы Надежды Петровны, уѣхалъ, получивъ приглашеніе не забывать по четвергамъ.

Разговоръ Нины Сергѣевны сильно заинтересовалъ Вязникова.

«Съ чего это она вздумала познакомиться съ Леночкой и братомъ?»

III.

Было около двухъ часовъ ночи, когда Николай вышелъ на подъѣздъ, сопровождаемый швейцаромъ, получившимъ подачку. У подъѣзда стояли три-четыре кареты съ дремавшими на козлахъ кучерами и нѣсколько извозчичьихъ саней, около которыхъ сбились въ кучу извозчики, собравшіеся на огонекъ за выручкой. Погода была мерзкая. Сильный морозъ захватывалъ духъ; рѣзкій ледяной вѣтеръ неистово крутилъ въ воздухѣ снѣгъ, падавшій су-

хими, мелкими крупинками, и прохватывалъ со всѣхъ сторонъ, заставляя «ночниковъ» усердно оттирать щеки.

Только-что стукнули двери подъѣзда, какъ толпа извозчиковъ со всѣхъ ногъ шарахнулись на панель. Обмотанныя башлыками головы, завязанныя платками щеки, обледенѣлыя бороды, залѣпленныя снѣгомъ лица окружили Николая, предлагая «прокатить его сіятельство на доброй». Чей-то веселый голосъ произнесъ: «Авекъ муа, мусью!», что вызвало общій взрывъ хохота. «Мнѣ по пути!» «Я два часа дожидаю!»—раздавались въ перебой голоса.

Николай на мгновеніе былъ въ нерѣшимости, куда ѣхать? Онъ разсчитывалъ поужинать у Палкина, но погода испугала его. Онъ пробрался черезъ толпу, сѣлъ въ ближайшія сани и, не торгуясь, велѣлъ ѣхать въ Кирочную, домой.

— Только, пожалуйста, поскорѣи,—дооавилъ онъ, подымая воротникъ мѣхового пальто.

— Будьте покойны. Мигомъ доставлю! — проговорилъ около него старческій голосъ, и зимникъ торопливо сталъ застегивать жиденькую полость, въ то время, какъ другіе извозчики, толпясь около саней, весело изощряли свое остроуміе и надъ санями, и надъ лошадью, и надъ самимъ возницей, нашедшимъ тароватаго, повидимому, сѣдока.

— Кого выбрали, господинъ! Самаго что ни на есть желтоглазаго!

— У него не лошадь, а крыса!

— На углу издохнетъ!

— Сани-то, сани! Гляди, старина, развалятся сейчасъ!

— Эхъ, не срамитесь, ваше сіятельство! Я бы васъ лихо прокатилъ!

Старикашка, надъ которымъ издѣвались извозчики, ни единымъ словомъ не отвѣчалъ на насмѣшки, точно не надъ нимъ смѣялись. Онъ торопливо усѣлся на облучокъ и стегнулъ кнутомъ свою маленькую лошаденку. Перевязанныя веревками санки, дребезжа и громыхая, заскрипѣли по пустынной улицѣ.

Извозчикъ то и дѣло подхлестывалъ кнутомъ, чмокалъ губами, дергалъ обледенѣлыя веревочныя вожжи, поощрялъ лошаденку ласковыми словами, привставалъ съ мѣста, но, несмотря ни на что, лошадь плелась мелкой рысцой.

— Оставь, все равно!—проговорилъ Николай, высовывая лицо изъ воротника

— Деревенская!—какъ бы въ оправданіе проговорилъ старикъ, оборачиваясь.—Тоже кормиться надо!

Николай снова уткнулъ лицо въ воротникъ, поглядывая однимъ глазомъ изъ-за пушистаго мѣха на вздрагивавшую спину, заметенную снѣгомъ... Онъ погрузился въ размышленія о проведенномъ вечерѣ и рѣшилъ, что ѣздить на журфиксы къ Смирновой не стòитъ: скука тамъ отчаянная и ничего интереснаго нѣтъ. Если бы не Нина Сергѣевна, онъ, разумѣется, не остался бы такъ долго.

Николай перебиралъ всѣ лица, припоминалъ разговоры и отнесся ко всему не только съ насмѣшкой, но даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ. Особенно досталось Алексѣю Алексѣевичу Присухину. Его бесѣды онъ находилъ банальными, манеру держать себя неприличной, самодовольный апломбъ его, сквозившій подъ напускной скромностью, отвратительнымъ.

«А всѣ имъ восхищаются! Всѣ ему вѣрятъ! Онъ былъ десертомъ журфикса! Каждое его слово ловятъ, какъ манну небесную! Остроты его разносятся по городу! Какъ же! Извѣстный адвокатъ и публицистъ. Авторитетное имя!»

«Хорошъ тоже и этотъ нескромный литераторъ, съ подозрительнымъ паѳосомъ толковавшій о своихъ статьяхъ. А сплетникъ журфикса, эта завистливая, мелкая душонка? А молодой ученый, поясняющій Шекспира глупымъ барышнямъ, изнывающимъ отъ желанія выйти замужъ? Недурна, въ своемъ родѣ, и эта хорошенькая барынька, щебетавшая съ апломбомъ о базарѣ и о пяти безпризорныхъ малюткахъ. А сама Смирнова, эта ловкая баба, чего стòитъ? И вѣдь воображаетъ, что ея гостиная—святилище въ нѣкоторомъ родѣ; попасть въ нее—особенная честь!»

Николай, какъ видно, былъ въ озлобленномъ настроеніи и, по обыкновенію, впадалъ въ преувеличенія. Все казалось ему у Смирновыхъ смѣшнымъ; ему не нравился тонъ гостиной; ни въ комъ не замѣтилъ онъ задушевности убѣжденія, огонька... Хотя разговоры и отличались либерализмомъ, хотя всѣ и казались недовольными гражданами, но въ этомъ недовольствѣ его чуткое ухо слышало фразу, а подчасъ и фальшивую ноту...

«А вѣдь какъ распинались!»—подумалъ Николай съ какимъ-то ожесточеніемъ.

Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ за чайнымъ столомъ его подмывало придраться къ Алексѣю Алексѣевичу и обо-

рвать эту «либеральную шельму», готовую за изрядный кушъ подать искъ на самого Господа Бога (Николай доподлинно зналъ подноготную г. Присухина). Кровь прилила къ сердцу, весь онъ вскипѣлъ отъ негодованія — и между тѣмъ не осмѣлился заговорить. И не осмѣлился не потому, что боялся вступить съ Присухинымъ въ споръ (о, нѣтъ, онъ многое могъ бы сказать, и хорошо сказать!), а изъ другого малодушнаго побужденія. Онъ увѣренъ былъ, что Присухинъ и, пожалуй, всѣ, навѣрное даже всѣ, отнесутся къ его словамъ съ снисходительнымъ пренебреженіемъ. Онъ боялся сдѣлаться смѣшнымъ въ глазахъ этой публики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно не соглашаться съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ? И кто это осмѣливается?—Какой-то Вязниковъ!—Кто такой этотъ Вязниковъ?—Неизвѣстный молодой человѣкъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

«И вѣдь струсилъ, опять струсилъ!» — повторялъ со злостью Николай, чувствуя, что онъ и въ самомъ дѣлѣ струсилъ, испугавшись (и еще какъ!) мнѣнія тѣхъ самыхъ «либераловъ», къ которымъ вотъ теперь наединѣ относился съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. «Я, молъ, не то, что вы!»

Сознаніе подловатаго чувства еще болѣе озлобило Николая, и онъ съ какой-то настойчивостью останавливался на этихъ мысляхъ. Онъ и уѣхалъ-то раньше, ужинать не остался, хотя онъ и очень не прочь былъ хорошо поѣсть («а эти либералы ѣдятъ отлично!»), по той же причинѣ. И нашъ молодой человѣкъ даже выругался вслухъ, такъ что извозчикъ, принявшій брань на свой счетъ, снова сталъ стегать лошаденку.

Надо однако упомянуть, что недовольство Вязникова журфиксомъ Смирновой, вызванное вполнѣ искреннимъ негодованіемъ молодого чуткаго чувства, усиливалось кромѣ того еще нѣсколько уязвленнымъ самолюбіемъ молодого человѣка (хотя онъ и не признался бы въ этомъ), на котораго у Смирновыхъ не обратили почти никакого вниманія. Снисходительное: «какъ же, помню!», которымъ при встрѣчѣ привѣтствовалъ Присухинъ Вязникова, пожалуй, было не послѣднимъ аргументомъ и при оцѣнкѣ «либеральной шельмы», сдѣланной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

А Николай съ раннихъ лѣтъ обращалъ на себя вниманіе, привыкъ слушать похвалы и не лишенъ былъ сла-

бости считать ихъ вполнѣ заслуженной данью. Избалованный съ дѣтства такимъ отношеніемъ, онъ убѣжденъ былъ въ своей талантливости (о ней такъ часто ему говорили!) и въ тайникѣ души считалъ себя существомъ, нѣсколько отличнымъ отъ другихъ, существомъ, о которомъ рано или поздно заговорятъ. Совершая подвиги еще въ дѣтскихъ мечтахъ, онъ наслаждался удивленіемъ, возбужденнымъ его доблестными поступками; его занимали въ мечтахъ не столько самые подвиги, сколько очарованіе героемъ, совершившимъ ихъ. Еще ребенкомъ онъ, бывало, подолгу разгуливалъ по саду, возбужденный, съ блестящими глазами, счастливый, окруженный ореоломъ славы, сочиненной дѣтской фантазіей. Онъ рѣдко представлялъ себѣ препятствія, а если и представлялъ, то преодолѣвалъ ихъ съ необычайной легкостью, и маленькій герой въ концѣ концовъ всегда торжествовалъ, оказывая великодушіе врагамъ и широкой рукой разсыпая вокругъ благодѣянія... Эта склонность къ празднымъ мечтамъ, въ которыхъ главную роль игралъ всегда герой, доставляла ребенку наслажденіе, отучая его въ то же время отъ упорнаго труда въ занятіяхъ, тѣмъ болѣе, что блестящія его способности легко преодолѣвали то, что̀ другимъ давалось съ трудомъ. Николай, какъ читатель знаетъ, былъ общимъ любимцемъ въ «Витинѣ». Отецъ радовался, глядя на своего любимца, и не замѣчалъ, какъ въ мальчикѣ развивались самомнѣніе и наклонность къ блеску. Позже, въ гимназіи, Николай выдавался среди товарищей, а студентомъ игралъ даже нѣкоторую роль въ одномъ кружкѣ. Его слушали, имъ восхищались, его любили за добрый, привѣтливый нравъ, за искренность юности и необыкновенную привлекательность въ обхожденіи; пріятели предрекали ему блестящую будущность, а профессора замѣтили блестящія его способности и упрекали юношу за лѣнь и недостатокъ усидчивости. Даровитый, талантливый юноша занимался превосходно; ему все какъ-то давалось легко, онъ быстро усваивалъ чужія мысли, много читалъ, но никогда не работалъ упорно, слишкомъ надѣясь на свои способности. Онъ кое-что зналъ, хотя зналъ поверхностно, но при необыкновенной памяти онъ умѣлъ отлично пользоваться своими знаніями. Его выручала способность быстро схватывать сущность вопроса, не обращая вниманія на подробности, и нѣкоторая діалектика. Немудрено, что въ кружкѣ онъ былъ маленькимъ божкомъ.

За годъ передъ окончаніемъ курса Николай чуть-было не угодилъ въ Вологодскую губернію за одну изъ тѣхъ такъ-называемыхъ «исторій», которыя губятъ столько молодыхъ силъ. Вся «исторія» заключалась въ томъ, что у Николая нашли нѣсколько брошюръ и книгъ преступнаго содержанія, и нашего юношу арестовали въ числѣ десятка молодыхъ людей, соприкосновенныхъ къ этой исторіи. Быть бы бычку на веревочкѣ, но и тутъ нашего баловня выручила его необыкновенная привлекательность, которая, помимо его желанія, обворожила даже начальство.

Обходительный джентльменъ, занявшійся съ молодымъ студентомъ съ истинно-отеческой мягкостью и нѣсколько разъ повторившій въ видѣ поощренія, что и самъ онъ въ молодости увлекался, предложилъ Николаю побесѣдовать по душѣ, какъ съ старшимъ другомъ, и объяснить, отъ кого онъ получилъ книги и брошюры. Однако Николай обнаружилъ столько скептицизма, что дружбы, столь откровенно предложенной ему, не принялъ и ни единымъ словомъ не обмолвился.

При всемъ томъ, несмотря на такое упорство, юноша все-таки произвелъ на «старшаго друга» такое благопріятное впечатлѣніе и своей симпатичной наружностью, и манерами, и костюмомъ, что когда ректоръ университета пріѣхалъ хлопотать за Николая, то счастливый юноша былъ избавленъ отъ необходимости предпринять отдаленное путешествіе и могъ окончить курсъ.

Онъ отлично выдержалъ экзаменъ и оставилъ университетъ, полный вѣры и надеждъ, мечтая о будущихъ успѣхахъ.

Первый успѣхъ не заставилъ себя долго ждать. Мѣсяца за два до экзаменовъ онъ окончилъ большую статью публицистическаго характера, полную горячаго чувства, юношескаго задора и написанную весьма недурно. Пріятели находили, что статья превосходная. Николай отправилъ ее въ редакцію журнала, который онъ особенно уважалъ, и съ трепетомъ ожидалъ приговора. Прошелъ мучительный мѣсяцъ, и онъ отправился въ редакцію.

Когда онъ вошелъ въ пріемную комнату и увидалъ въ ней нѣсколько человѣкъ, весело бесѣдовавшихъ между собою, то немного смутился. «Неужели такъ-таки при всѣхъ и объявятъ, что статья не годится?»—пронеслось у него въ головѣ. Онъ вопросительно поглядывалъ на разговаривающихъ, но никто не обратилъ на него вни-

манія. Такъ прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Наконецъ изъ сосѣдней комнаты вышелъ пожилой господинъ въ очкахъ и, замѣтивъ Николая, направился къ нему. Это былъ одинъ изъ редакторовъ журнала, извѣстный писатель Платоновъ, котораго Николай тотчасъ же узналъ по портрету.

— Что̀ вамъ угодно? — произнесъ Платоновъ сухимъ, дѣловымъ тономъ, взглядывая на молодого человѣка изъ-подъ очковъ своимъ умнымъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Въ редакцію доставлена статья Вязникова... — тихо проговорилъ Николай.

— Вы—авторъ?—проговорилъ Платоновъ уже болѣе любезнымъ тономъ.

— Я.

— Очень пріятно познакомиться! — продолжалъ редакторъ, протягивая руку.—Присядьте, пожалуйста. Статья ваша принята и уже набирается. Она пойдетъ въ этой же книжкѣ. Очень недурная статья и хорошо написана... съ огонькомъ. Вы прежде писали?

— Нѣтъ. Это мой первый трудъ!—проговорилъ Николай, вспыхивая.

Платоновъ проговорилъ съ молодымъ человѣкомъ нѣсколько минутъ относительно статьи, замѣтилъ, что статья выиграла бы еще болѣе, если бы фактовъ было побольше, и сказалъ, что редакція будетъ рада его сотрудничеству, если молодой человѣкъ будетъ давать такія статьи, какъ первая.

— Если хотите прочесть корректуру—вамъ пришлютъ... вы оставьте свой адресъ въ конторѣ...

Николай ушелъ изъ редакціи, очарованный Платоновымъ и счастливый своимъ первымъ успѣхомъ.

О, съ какимъ восторгомъ молодой авторъ увидалъ въ первый разъ имя свое въ печати и перечитывалъ свое произведеніе! Въ печати оно казалось ему несравненно лучше, чѣмъ въ рукописи. Онъ такъ часто его перечитывалъ, что выучилъ наизусть, и разсказывалъ товарищамъ о томъ, какъ обласкалъ его Платоновъ и какое онъ производитъ хорошее впечатлѣніе.

Прошла недѣля—и для нашего молодого человѣка наступили новыя мученія. Онъ ждалъ, обратятъ ли вниманіе на его статью, скажутъ ли о ней въ газетахъ и что̀ именно скажутъ. Съ замираніемъ сердца заглядывалъ онъ въ газеты и наконецъ увидалъ свое имя и рядомъ съ нимъ эпитетъ «талантливый». Онъ съ жадностью перечитывалъ

рецензію. Статья обратила на себя вниманіе. Молодого автора похвалили въ нѣсколькихъ газетахъ.

Этотъ первый успѣхъ вскружилъ голову нашему автору. Вернувшись изъ деревни въ Петербургъ, онъ разсчитывалъ, что передъ нимъ открывается дорога, что ему остается только пожинать лавры. Онъ записался помощникомъ къ извѣстному адвокату Пряжнецову, разсчитывая заниматься только уголовными дѣлами и въ то же время не оставлять литературной дѣятельности, начатой такъ успѣшно.

Но прошло пять мѣсяцевъ, а нашъ молодой человѣкъ еще ничѣмъ не заявилъ себя. Вмѣсто свѣжихъ лавровъ дѣйствительность принесла ему заботы о кускѣ хлѣба. Онъ не произнесъ еще ни одной рѣчи, такъ какъ не имѣлъ ни одного кліента; никто къ нему не обращался. Надо было выжидать случая, а пока произносить блестящія рѣчи у себя въ комнатѣ. Вторая статья его, написанная въ деревнѣ, хотя и была напечатана, но Платоновъ замѣтилъ, что эта статья вышла неудачнѣе первой и написана слишкомъ торопливо, при чемъ дружески намекнулъ, что надо побольше работать. Объ этой статьѣ нигдѣ не сказали ни слова, прошли равнодушнымъ молчаніемъ. А Николай такъ надѣялся на эту статью!.. Николай было-сдѣлался сотрудникомъ одной большой газеты, написалъ нѣсколько бойкихъ передовыхъ статей, но черезъ мѣсяцъ вышелъ изъ редакціи, не сойдясь во взглядахъ съ редакторомъ... Деньги, полученныя отъ отца и за статью, давно были израсходованы самымъ легкомысленнымъ образомъ. Вмѣсто успѣховъ приходилось думать о завтрашнемъ днѣ, заботиться о грошахъ, хлопотать о работѣ. Проза жизни со всѣми ея будничными мелочами дѣйствовала подавляющимъ образомъ на Николая. Онъ сдѣлался раздражителенъ, придирчивъ. Первыя неудачи уязвляли его самолюбивую натуру. Его грызъ червякъ, хотя онъ и тщательно скрывалъ это. Извѣстность была еще въ туманѣ. Никто его не зналъ. Одна только Леночка смѣло вѣрила въ его звѣзду и поддерживала Николая, когда онъ по временамъ хандрилъ. Впечатлительный, онъ скоро переходилъ отъ унынія къ надеждѣ, принимался работать запоемъ и снова мечталъ объ успѣхахъ и извѣстности.

IV.

— Сюда, ко второму подъѣзду! Стой!—крикнулъ Николай, предвкушая удовольствіе теплой комнаты.

Сани остановились у громаднаго дома въ концѣ Кирочной. Николай разсчитался съ извозчикомъ и торопливо дернулъ звонокъ у подъѣзда.

— Господъ много еще тамъ, баринъ?—освѣдомился старикъ-извозчикъ, потопывая ногами.

— Много еще.

Извозчикъ, поблагодаривъ барина, сѣлъ въ сани и хлестнулъ свою клячу.

Николай поднялся въ третій этажъ. Прошло добрыхъ пять минутъ, пока Николай услыхалъ за дверями шлепанье туфель, ворчаніе и наконецъ недовольный голосъ:

— Кто тутъ?

— Это я, Степанида... я... Отворяйте скорѣй.

Заспанная, растрепанная кухарка, позѣвывая и ворча, пропустила Николая въ прихожую.

— Никого не было?—освѣдомился Николай.

— Братецъ вашъ были. Да письмо еще есть. На столѣ у васъ... Когда будить-то?

— Пораньше... часовъ въ десять.

— Такъ и встали!—усмѣхнулась Степанида, отдавая Николаю свѣчу.—Поди, теперь третій часъ?

— Третій! Смотрите же, непремѣнно разбудите. Мнѣ заниматься надо!

— За мной дѣло не станетъ! Вы только вставайте!

Вязниковъ вошелъ къ себѣ въ комнату и зажегъ свѣчи. Это была обширная и очень хорошо обставленная комната, служившая кабинетомъ и пріемной; другая, маленькая комната рядомъ была спальней. Эти двѣ комнаты Николай нанималъ отъ квартирныхъ хозяевъ и на меблировку и отдѣлку ихъ затратилъ бо̀льшую часть денегъ, полученныхъ отъ отца. «Надо же жить по-человѣчески!»—говорилъ онъ Васѣ, когда Вася спрашивалъ: «Къ чему такія хоромы?» Кромѣ того его привлекало жить въ тишинѣ. Жизнь въ меблированныхъ комнатахъ ему опротивѣла еще во времена студенчества, а здѣсь онъ былъ единственнымъ жильцомъ, да и хозяева оказались тихими людьми.

Мягкая, красивая мебель, обитая полосатымъ репсомъ и доставшаяся, какъ увѣрялъ приказчикъ мебельной лавки въ Александровскомъ рынкѣ, «по необыкновенному случаю», красивый библіотечный шкапъ и полки съ книгами, нѣсколько бюстовъ по угламъ, недурныя литографіи разныхъ знаменитостей по стѣнамъ, большой письменный столъ съ изящными письменными принадлежностями,—та-

ково было убранство комнаты Николая, имѣвшей внушительный видъ кабинета литератора или ученаго.

Николай нашелъ на бумагахъ письмо, быстро разорвалъ его и сталъ читать. Вотъ что прочелъ онъ на маленькомъ листкѣ почтовой бумаги:

«Я жду тебя, другъ мой, цѣлую недѣлю... Я писала тебѣ... Я была у тебя... Что̀ съ тобой? Отчего ты не былъ или хоть не написалъ двухъ словъ?.. Меня безпокоитъ твое молчаніе... Что̀ это значитъ? Или все кончено?.. Но развѣ ты не сказалъ бы мнѣ прямо? Развѣ ты, милый мой, не уважаешь меня настолько, что не рѣшаешься сказать!?.. Вѣдь ты знаешь, мы обѣщали другъ другу говорить правду... Я все выслушаю и, конечно, не мнѣ упрекать тебя... Прости... Я такъ разстроена... нѣтъ... не разстроена... не то... просто измучилась, не зная, чѣмъ объяснить твое молчаніе... Приходи же, ради Бога... Приходи, ненаглядный мой... Приходи...»

Эти нѣсколько строчекъ кольнули Николая. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не отвѣчалъ на два ея письма, все собирался къ ней и не былъ цѣлую недѣлю. Въ отрывочномъ, нервномъ тонѣ записки, въ неровномъ, торопливомъ почеркѣ онъ прочелъ большую тревогу любящаго существа и почувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ Леночкой.

«Или все кончено!?..»—прошепталъ онъ нѣсколько разъ слова записки.

Ему вдругъ стало невыразимо жаль Леночку. Но что-жъ такое случилось? Съ чего она взяла, что все кончено!? Онъ ее любитъ, эту славную, милую Леночку... Онъ въ послѣднее время рѣже бывалъ, это правда... Онъ иногда былъ раздражителенъ, несправедливъ къ ней, даже рѣзокъ... но мало ли что бываетъ между близкими людьми!? О, она ему дорога... Она такъ довѣрчиво ввѣрилась ему!.. Развѣ она не будетъ его женой, только бы ему устроиться!?

Такъ оправдывался онъ, но что-то шептало внутри, что онъ во всякомъ случаѣ поступаетъ съ ней нехорошо, совсѣмъ нехорошо, и вовсе не потому, что не былъ у нея недѣлю, совсѣмъ не потому...

Онъ никогда прежде не анализировалъ своихъ отношеній къ Леночкѣ. Онъ какъ-то отдался волнѣ страсти, охватившей его, и не думалъ, куда волна унесетъ его.

Со стороны Николая было увлеченіе (онъ прежде увлекался часто), но со стороны Леночки было такое сильное, глубокое чувство, которое не могло не отразиться на Ни-

колаѣ. Оно его тронуло и умилило. Онъ съ какой-то боязливой осторожностью сдерживалъ порывы страсти, но порывистая натура Николая развѣ могла сдержать себя? Все случилось какъ-то внезапно... Петербургская жизнь ихъ сближала болѣе и болѣе; Николай каждый день почти бывалъ у Леночки, рѣже говорилъ объ идеалахъ, но зато чаще вздрагивалъ, обнимая дѣвушку и нашоптывая ей страстныя рѣчи.

Леночка отдалась Николаю беззавѣтно, не думая о будущемъ, не требуя увѣреній.

Николай давно говорилъ о свадьбѣ. Они повѣнчаются, какъ только онъ устроится. Леночка слушала, счастливая, довѣрчивая, и просила его не безпокоиться объ этомъ.

— Развѣ не все равно? Развѣ мы менѣе счастливы?— спрашивала она, заглядывая въ глаза Николая.

Они переживали медовый мѣсяцъ любви, тщательно скрывая отъ другихъ свое счастье. «Къ чему другимъ знать? Все равно узнаютъ, когда мы женимся!»—говорилъ Николай.

— Конечно... къ чему другимъ знать!—повторяла Леночка, но въ то же время чувствовала по временамъ фальшивость своего положенія. Ей казалось страннымъ скрывать ихъ отношенія. Да если-бъ Николай позволилъ, она всѣмъ сказала бы съ гордостью, что любитъ, любитъ своего ненагляднаго.

Медовый мѣсяцъ прошелъ. Прошелъ у Николая и бурный порывъ молодой, вдругъ налетѣвшей страсти. Онъ сталъ раздражителенъ, неровенъ, капризенъ. Убѣжденный въ безграничной преданности Леночки, онъ подчасъ придирался къ ней, срывая на любящемъ существѣ свои неудачи. Онъ, правда, нерѣдко горячими словами любви старался загладить несправедливость, но скоро забывалъ о ней и снова становился небреженъ... Леночка безропотно сносила все, объясняя и извиняя вспышки Николая понятнымъ раздраженіемъ неоцѣненнаго таланта... Въ послѣднее время онъ сталъ рѣже бывать, сдѣлался особенно придирчивъ и наконецъ какъ будто совсѣмъ забылъ Леночку...

Все это припомнилось теперь Николаю. Онъ почувствовалъ себя глубоко виноватымъ, сознавая, что причинилъ большое страданіе существу, обожавшему его. Онъ поступалъ, какъ эгоистъ. Что̀ сказали бы его старики?..

«Это гнусно!—воскликнулъ онъ и заходилъ въ волненіи по комнатѣ.—И къ чему долѣе медлить со свадьбой! Къ чему ставить Лену въ ложное положеніе!..»

Онъ рѣшилъ не медлить и жениться какъ можно скорѣй. Завтра же онъ напишетъ своимъ, и чѣмъ скорѣе свадьба, тѣмъ лучше!..

«Славная, дорогая Леночка! Я сдѣлаю тебя счастливой!»—произнесъ онъ, увлеченный порывомъ, и въ этотъ мигъ ему казалось, что онъ любитъ Леночку больше, чѣмъ когда-либо. Онъ сталъ мечтать на эту тему, и счастливая Леночка представлялась ему въ лучезарномъ сіяніи его будущей славы.

Николай присѣлъ къ столу и написалъ Леночкѣ длинное, горячее посланіе. Онъ высказалъ въ немъ все, что передумалъ въ эти минуты послѣ прочтенія ея записки, онъ просилъ прощенія, говорилъ о любви, о будущемъ счастіи, превозносилъ Леночку до небесъ и писалъ, что завтра будетъ у нея.

Письмо успокоило нашего молодого человѣка, и онъ легъ спать. Лежа въ постели, онъ опять сталъ-было мечтать, какъ они славно заживутъ съ Леночкой, какъ онъ сдѣлаетъ ее счастливой, но вслѣдъ затѣмъ совсѣмъ неожиданно въ головѣ его мелькнула мысль, что было бы лучше, если-бъ Леночка вышла за Лаврентьева и онъ не зашелъ бы такъ далеко... Не стѣснитъ ли она его свободы? Будетъ ли она счастлива?.. Конечно, Леночка—превосходная женщина, онъ ее любитъ, но все-же она не тотъ идеалъ, о которомъ онъ мечталъ. Она слишкомъ простая, обыкновенная, эта Леночка! Нѣтъ въ ней захватывающаго интереса, нѣтъ артистической жилки, нѣтъ обаянія исключительной, высшей натуры... Все въ ней ясно и свѣтло, какъ на днѣ прозрачнаго озера.

Онъ сталъ засыпать, когда передъ нимъ вдругъ явился блестящій образъ Нины. Она была такая ослѣпительная, роскошная, красивая... Ея загадочный, манящій взглядъ улыбался насмѣшливой улыбкой, и губы шептали: «И вы надѣваете ярмо... Поздравляю! Не умѣете вы пользоваться жизнью!»

«Чепуха! — проговорилъ сквозь сонъ Николай. — Леночка... я ее люблю... Она чудная, а эта Нина...»

Онъ не докончилъ, повернулся на другой бокъ и заснулъ...

V.

На слѣдующій день, только-что пробило десять часовъ, Степанида отворила двери спальни Николая и, остановившись на порогѣ, повторила нѣсколько разъ:

— Николай Ивановичъ, вставайте! Одиннадцатый часъ! Вставайте!—громко произнесла она.

— Слышу, слышу! Что̀ вы такъ кричите!—раздался голосъ Николая.—Встаю!

Старая кухарка, знавшая привычки барина, однако не ушла. Она постояла съ минуту и, заглянувъ въ спальню, промолвила:

— Уснулъ! Ишь соня! А самъ просилъ, чтобы непремѣнно... Полуночничаетъ, вставать-то и не охота!

Она хотѣла-было оставить Николая въ покоѣ, но, вспомнивъ, что̀ Николай настойчиво просилъ разбудить, громко крикнула:

— Николай Ивановичъ! Вставайте!

— Да что вы пристали? Дайте часокъ заснуть!

— Мнѣ-то что̀! Спите себѣ съ Богомъ. Сами просили. Письмо вамъ...

— Такъ бы и сказали... Давайте-ка письмо да принесите газеты!—проговорилъ Николай, окончательно проснувшись.

Степанида подала письмо и газеты и спросила:

— Что̀ въ булочной-то брать?..

— Что-нибудь возьмите... Да кстати... возьмите у меня на столѣ письмо и отдайте посыльному, чтобы немедленно снесъ... Деньги въ ящикѣ... Знаете?

Николай прочелъ записку, и довольная улыбка появилась на его лицѣ. Записка была отъ Платонова. Онъ просилъ молодого человѣка зайти къ нему на квартиру около двѣнадцати часовъ—переговорить насчетъ статьи Николая и кстати позавтракать вмѣстѣ.

«Вѣрно, что-нибудь насчетъ цензурныхъ смягченій! Платоновъ очень остороженъ!»—подумалъ Николай, возлагавшій большія надежды на статью, отданную имъ недѣли три тому назадъ въ редакцію. По его мнѣнію, эта статья особенно ему удалась. Онъ таки-поработалъ надъ ней. Вѣрно, она понравилась Платонову, и на нее непремѣнно обратятъ вниманіе!

Веселый и довольный, онъ быстро одѣлся, прошелъ въ кабинетъ и сталъ пробѣгать газеты, прихлебывая кофе... Черезъ полчаса отворились двери, и на порогѣ появился Вася.

— Васюкъ! Здорово... Наконецъ-то!—обрадовался Николай, крѣпко пожимая холодную Васину руку.—Озябъ? Напейся скорѣй кофе... Степанида, стаканъ дайте!—крикнулъ онъ въ двери.—Ну, какъ поживаешь, Вася? Давно я тебя не видалъ...

— Я у тебя нѣсколько разъ былъ... все не заставалъ...

— По вечерамъ трудно меня застать, особенно въ послѣднее время,—замотался какъ-то. Теперь опять примусь за работу... А ты какъ это не на лекціяхъ сегодня? Ты такой аккуратный... Кстати: знаешь, кто съ тобой хочетъ познакомиться?.. Угадай-ка!

— Да я почемъ знаю...

— Навѣрно не угадаешь!—разсмѣялся Николай.—Нина Сергѣевна...

— Что̀ ей отъ меня надо?.. Развѣ она пріѣхала?

— Вчера ее видѣлъ. Очень просила привести тебя. Пойдешь?

Вася подумалъ.

— Пожалуй, пойду. Отчего не пойти!—разсѣянно отвѣчалъ Вася.

— Вотъ какъ! И не боишься?

— Чего-жъ бояться?

— Она такая красавица—эта Нина Сергѣевна!

Вася покраснѣлъ до ушей и серьезно проговорилъ:

— Какое мнѣ дѣло до этого?

— Ну, не сердись, Вася. Ты вѣдь извѣстный женоненавистникъ. Я только пошутилъ. Я, признаться, думалъ, что ты не пойдешь. Она тебѣ не нравится.

— Да, не нравится, но я ее совсѣмъ не знаю. Богъ ее знаетъ; можетъ, мнѣ съ перваго разу такъ показалось.

Вася молча допилъ свой кофе и коротко отвѣчалъ на вопросы брата. Николаю показалось, что братъ сегодня былъ какой-то странный и какъ будто смущенный. Онъ точно собирался что-то сказать, но не рѣшался; то и дѣло взглядывалъ онъ на Николая и потиралъ руками колѣни, что̀ служило, какъ зналъ Николай, признакомъ волненія Васи.

— Что̀ съ тобой, Вася? Не случилось ли чего?—спросилъ Николай.

Вася сконфузился и, помолчавъ съ минуту, отвѣтилъ:

— Со мной ничего не случилось. Чему со мной случиться? Я пришелъ къ тебѣ поговорить объ одномъ дѣлѣ. Видишь ли, Елена Ивановна...

Онъ отвелъ взглядъ и тихо прибавилъ:

— Она, Коля, все тебя ждетъ; очень безпокоится.

— Я сегодня зайду къ ней. А что̀ съ Леночкой? Она больна?

— Елена Ивановна, — подчеркнулъ строго Вася: —

повидимому, очень разстроена нравственно... Послушай, Коля,—ты прости меня и не сердись. Я, знаешь самъ, не люблю мѣшаться въ чужія дѣла!—продолжалъ Вася, останавливая на братѣ серьезный и задумчивый взглядъ:—но бываютъ такія обстоятельства... И наконецъ ты мнѣ близкій человѣкъ!—прибавилъ горячо Вася.

— Въ чемъ дѣло? Что̀ тревожитъ тебя? Говори, говори, Вася. Я не разсержусь, увѣряю тебя!

— Ты небрежно поступаешь, Коля, съ Еленой Ивановной! Ты развѣ не видишь самъ, что она...—Вася остановился на мгновеніе и чуть слышно прошепталъ:—любитъ тебя. Очень любитъ!

— Кто тебѣ это сказалъ? Она сказала? — вспыхнулъ Николай.

— Никто не говорилъ. А она развѣ скажетъ? Да и зачѣмъ ей мнѣ говорить? Я самъ вижу. Я слышалъ, какъ она о тебѣ говорила вчера, какъ близко принимаетъ къ сердцу твои дѣла. Развѣ ты не видишь? О, она очень любитъ тебя и можетъ, пожалуй, разсчитывать, что и ты ее такъ же любишь. Ты такъ съ ней былъ близокъ и въ «Витинѣ», и здѣсь. Она, быть-можетъ, и за Григорія Николаевича не пошла изъ-за того, что тебя любитъ. Ты прости, что я говорю объ этомъ; было бы нечестно скрыть отъ тебя это. Шутить съ человѣкомъ нельзя. Вѣдь ты не любишь Елену Ивановну? Такъ не вводи ее въ заблужденіе. Скажи ей. Перестань бывать у нея. Ты, вѣрно, не замѣтилъ ея привязанности къ тебѣ? Не замѣтилъ?

— Чудакъ ты, Вася! Большой, голубчикъ, чудакъ! Вѣдь вотъ какъ тебя взволновало! И голосъ дрожитъ, и смотришь какимъ-то страдальцемъ! Почему же ты полагаешь, что я не люблю Леночку? А быть-можетъ, ты ошибся и напрасно прочелъ наставленіе? Я, право, не сержусь, Вася, не думай, пожалуйста. Нисколько! Я вѣдь понимаю твои побужденія!—проговорилъ Николай, протягивая брату руку.—Ты у насъ не отъ міра сего!.. Такъ, по-твоему, не люблю, а?—улыбался Николай.—Такъ знай же, мой добрый Васюкъ, что Леночка — моя невѣста, и скоро наша свадьба.

Трудно передать изумленіе, выразившееся на лицѣ юноши при этихъ словахъ. Онъ привсталъ даже со стула, опять сѣлъ и смотрѣлъ на брата растеряннымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ, словно услышалъ нѣчто совсѣмъ невѣроятное.

— Ты... женишься на Еленѣ Ивановнѣ? — наконецъ проговорилъ онъ, медленно произнося слова.

— Экій ты какой смѣшной! Чего ты такъ изумился? Ну, разумѣется, на Еленѣ Ивановнѣ. Это тебя огорошило?

— Огорошило!—простодушно подтвердилъ Вася.

Николай разсмѣялся и спросилъ:

— Почему-жъ это тебя такъ огорошило?

Вася все еще не могъ придти въ себя. Ему показалось удивительнымъ, что вдругъ Коля женится, и женится на Леночкѣ. И только, когда Николай повторилъ вопросъ, онъ отвѣтилъ:

— Видишь ли, это такъ для меня неожиданно. Я никакъ не думалъ, и ты ничего не говорилъ. А впрочемъ, зачѣмъ же говорить? Я тоже никому бы не сказалъ. Отъ всѣхъ бы скрылъ! Ты смотри, Коля, не сердись; мнѣ очень больно, что я объ этомъ заговорилъ съ тобой. Вчера Елена Ивановна такъ была разстроена и вообще...

— Что вообще?—спросилъ Николай, когда Вася остановился.

— Вообще въ послѣднее время она измѣнилась. Я это замѣчалъ. Это, значитъ, отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ... А я очень радъ за тебя, Коля, что ты любишь Елену Ивановну. Она святая дѣвушка!—восторженно произнесъ Вася.—Да что-жъ я-то тебѣ говорю!—вдругъ сконфузился Вася.—А я вѣдь, Коля, подумалъ-было... Ну, да теперь слава Богу. Нечего и говорить!

— Нѣтъ, скажи, Вася, что-жъ ты думалъ обо мнѣ? Скажи, не стѣсняйся!

— Если хочешь, я скажу, я не смѣю не сказать. Ты имѣешь полное право спрашивать. Видишь ли, разныя этакія мысли насчетъ тебя... и мнѣ было больно. Мнѣ приходило на умъ, что ты, можетъ-быть, говорилъ что-нибудь Леночкѣ насчетъ Лаврентьева и вообще насчетъ ея замужества, вообще подѣйствовалъ на нее и... какъ бы сказать?.. такъ, самъ не замѣчая, произвелъ на нее впечатлѣніе, а потомъ и отошелъ, не подозрѣвая, что случилось съ ней... Ну, да все это вздоръ, и ты прости меня, Коля. Я скверно о тебѣ подумалъ; мнѣ казалось, что ты вообще иногда небреженъ къ людямъ. Я вотъ тебя заподозрѣлъ и самъ оказался виноватымъ. Очень надо быть осторожнымъ. Какъ разъ обвинишь совсѣмъ напрасно. И выходитъ подло, очень даже подло.

Не особенно пріятно дѣйствовали на Николая слова

младшаго брата. Николай чувствовалъ, что Вася былъ правъ, строя свои предположенія, за которыя теперь онъ же обвиняетъ себя въ подлости. Вѣдь Николай дѣйствительно не разъ говорилъ съ Леночкой насмѣшливо о бракѣ ея съ Лаврентьевымъ. Вѣдь онъ сперва было-увлекся Ниной Сергѣевной, а потомъ ужъ отъ скуки въ деревнѣ сблизился съ Леночкой. Небрежность была, и большая.

Вотъ это-то сознаніе, что Вася правъ, хотя бы отчасти, и что онъ, Николай, сознавая, что братъ правъ, все-таки долженъ скрывать это и принимать еще его извиненія, и уязвляло Николая. Онъ чувствовалъ, какъ недоброжелательное чувство начинаетъ шевелиться въ его груди именно за то, что братъ былъ правъ и что ему же такъ тяжело теперь, но онъ тотчасъ же подавилъ это чувство, взглянувъ на кроткое, растерянное лицо Васи. И вдругъ, самъ не зная, что его подвинуло, онъ подошелъ къ брату, крѣпко обнялъ его и тихо проговорилъ съ дрожью въ голосѣ:

— Складная ты душа, Васюкъ! Не говори больше объ этомъ. Полно!

— Я не объ этомъ. Ты не сердишься—и дѣло съ концомъ. Я вѣдь увѣренъ былъ, идя къ тебѣ, что все разъяснится. Ты, Коля, благородный человѣкъ. Я вообще вспомнилъ по поводу подозрѣній. Трудно часто брать на себя отвѣтственность, очень трудно!—продолжалъ Вася, какъ бы разсуждая самъ съ собой.—У насъ недавно (я тебѣ не разсказывалъ) скверная исторія вышла съ однимъ товарищемъ. Очень тяжелая исторія, которая на многихъ произвела сильное впечатлѣніе... Да ты, быть-можетъ, Коля, куда-нибудь собираешься, и я тебя задерживаю?

— Нисколько не задерживаешь. Такъ какая исторія? А прежде, впрочемъ, скажи: не хочешь ли еще кофе?

— Нѣтъ, не хочу... Видишь ли, въ чемъ дѣло. На нашемъ курсѣ былъ одинъ товарищъ, котораго никто не любилъ. Очень ужъ онъ былъ какой-то юркій и лебезилъ передъ профессорами. Человѣкъ какой-то вкрадчивый... Съ нимъ всѣ очень сухо обращались, однако все-таки кланялись, жали руку. Онъ первый всегда подходилъ, заговаривалъ. И со мной былъ знакомъ, записокъ часто просилъ. На-дняхъ вдругъ пронесся слухъ, что вотъ этотъ самый студентъ—шпіонъ. Ужъ я не знаю, кто первый распустилъ этотъ слухъ, но только всѣ повѣрили, тѣмъ болѣе, что кто-то видѣлъ, какъ этотъ студентъ выходилъ

утромъ тайкомъ изъ квартиры директора, а въ тотъ же день директоръ собралъ всѣхъ насъ и по поводу замышляемой на курсѣ оваціи одному профессору, не ладившему съ директоромъ, предупредилъ, что ему извѣстно объ этомъ, и пригрозилъ на случай, если будетъ устроена овація. А мы это самое предположеніе, казалось намъ всѣмъ, держали въ секретѣ, и директоръ не могъ знать... И всѣ, т.-е. не всѣ, а большинство—были и заступники—рѣшили, что этотъ студентъ доносчикъ... На другой день, когда онъ пришелъ на лекцію, всѣ какъ-то подозрительно смотрѣли на него, отходили, когда онъ подходилъ, не отвѣчали на его поклонъ. Онъ измѣнился въ лицѣ и какъ-то весь принизился; страннымъ, жалкимъ такимъ выраженіемъ свѣтился его взглядъ. Показалось мнѣ, что онъ съ какимъ-то недоумѣніемъ взглянулъ на всѣхъ, но однако остался и все время на лекціи просидѣлъ въ задумчивости. Послѣ лекціи одинъ изъ студентовъ громко сказалъ, проходя мимо подозрѣваемаго, что какой-то подлецъ донесъ директору... Этотъ-то подозрѣваемый совсѣмъ помертвѣлъ,—я стоялъ недалеко и видѣлъ хорошо его лицо. Лучше было бы не видать его! Въ его лицѣ было и страданіе, и ужасъ, и что-то гордое, чего никогда не бывало. Онъ понялъ, что это его подозрѣвали. Онъ посмотрѣлъ вокругъ какимъ-то вызывающимъ, злымъ взглядомъ, какъ-то странно усмѣхнулся и направился къ выходу. Въ это время кто-то его спросилъ: былъ ли онъ тогда-то у директора? Онъ опять поблѣднѣлъ, рѣзко отвѣтилъ, что былъ, и вышелъ изъ аудиторіи. Никто не сомнѣвался послѣ этого, что онъ шпіонъ, но мнѣ казалось, что человѣка безвинно оскорбили. Взглядъ, знаешь ли, у него былъ такой... особенный, и именно во взглядѣ-то я и прочелъ, что этотъ человѣкъ не доносилъ, но что послѣ этой-то минуты—это когда его заподозрѣли—онъ, пожалуй, рѣшится и на это... О, ужасное, братъ, было то мгновеніе! Я высказалъ сомнѣнія... я и прежде не былъ на сторонѣ большинства, но мои слова не убѣдили... однако всѣ какъ-то притихли; видно было, что всѣхъ что-то стало мучить. А меня, Коля, этотъ его взглядъ до того перевернулъ, что я всю ночь не могъ заснуть и на другой день пошелъ къ этому самому доносчику. Прихожу и застаю его сидящаго за столомъ; видно было, что онъ совсѣмъ не ложился, и на себя не похожъ. За ночь-то онъ осунулся, измѣнился совсѣмъ, глаза ввалились и блуждали,

какъ у безумнаго. Вижу, совсѣмъ бѣдняга плохъ. Онъ однако при моемъ приходѣ сперва изумился, а вслѣдъ затѣмъ со злостью посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ этакъ холодно: «Что̀ вамъ угодно?» и самъ трясется, точно въ лихорадкѣ. Я ему протянулъ руку, но онъ не подалъ своей и замѣтилъ съ какой-то безумной усмѣшкой: «Какъ вамъ не стыдно протягивать доносчику руку!..» Я отвѣтилъ ему, что не вѣрю, что онъ доносчикъ, а потому и пришелъ къ нему. Тутъ, Коля, произошла, братъ, очень тяжелая сцена... Онъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и съ такою благодарностью на меня взглянулъ, что у меня заныло сердце. Съ трудомъ я его нѣсколько успокоилъ, уложилъ въ постель и просидѣлъ около него. Я у него ни слова не спрашивалъ, да и онъ ни словомъ не упоминалъ о вчерашней сценѣ. Нервы его были очень разстроены. Я посидѣлъ у него въ комнатѣ,—жилъ-то онъ бѣдно, бѣдно совсѣмъ,—съ часъ или два и, когда онъ немного успокоился, сталъ прощаться. Вотъ тогда-то онъ и сказалъ: «Я, можетъ-быть, и гадкій человѣкъ, но все-таки... не могъ бы перенести этого позора!.. Спасибо, вы пришли и спасли меня!» Я въ первую минуту не понялъ, что̀ это онъ хотѣлъ сказать, но, случайно взглянувъ вокругъ, увидалъ на столѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, маленькую склянку... и, признаюсь, тогда понялъ смыслъ этихъ словъ. Нечего и говорить, что я склянку убралъ (въ склянкѣ-то былъ ядъ!) и ушелъ, обѣщавъ у него быть черезъ два часа, а отъ него прямо на лекціи, чтобы разсказать все, что̀ видѣлъ. А ужъ тамъ шумъ... Совершенно случайно узнали, кто это директору-то донесъ, а донесъ-то студентъ, на котораго не могло быть и подозрѣнія! Директора племянникъ сообщилъ студентамъ, что онъ, племянникъ-то, гимназистъ, слышалъ весь этотъ разговоръ и зналъ студента, который былъ вхожъ къ директору.

— Зачѣмъ же этотъ-то, котораго невинно заподозрѣли, ходилъ къ директору?

— Это послѣ разъяснилось. Онъ ходилъ просить пособія... очень онъ бѣдный ужъ... Такъ за подаяніемъ какъ бы ходилъ... Ему и стыдно было сперва признаться... Однако мнѣ онъ признался...

— Извинились передъ нимъ?

— Цѣлая депутація ходила къ нему... торжественно извинились...

— А онъ что̀?

— Онъ очень холодно принялъ извиненіе и черезъ день заболѣлъ совсѣмъ... нервная горячка сдѣлалась... Теперь въ больницѣ лежитъ... Очень на него подѣйствовало... Да и какъ не подѣйствовать!.. Это—ужасное подозрѣніе, Коля! Чуть-было человѣка не погубили! Я навѣщаю его. Теперь ему лучше. Говоритъ, что не останется болѣе здѣсь... Въ Москву уѣдетъ!..

— А настоящій шпіонъ?

— О, этотъ совсѣмъ иначе себя держалъ! Онъ пришелъ въ негодованіе, кричалъ, что на него клевещутъ, требовалъ, чтобы ему подали мерзавца, который распустилъ про него это,—однимъ словомъ, выходилъ изъ себя. Многіе повѣрили ему.

— И онъ остался?

— Остался. Ходитъ на лекціи и держитъ себя съ необыкновеннымъ апломбомъ!

Вася замолчалъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ты домой писалъ о своей женитьбѣ?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Нѣтъ еще, сегодня напишу. Я думаю, папа и мама тоже удивятся.

— Я думаю, Коля, очень удивятся.

— Что-жъ тутъ удивительнаго?

— По-моему, Коля, тебѣ какъ-то не идетъ жениться!—замѣтилъ Вася.

— Какъ это не идетъ?—засмѣялся Николай.

— Да такъ, не идетъ. Вотъ, напримѣръ, Лаврентьеву шло, а тебѣ не идетъ.

— А мнѣ нѣтъ?

— Нѣтъ. А впрочемъ, я, быть-можетъ, чепуху говорю, ты не обращай на это вниманія!—промолвилъ Вася.—Однако который, братъ, часъ?

— Двѣнадцать.

— Ну, мнѣ пора! Надо еще къ одному товарищу зайти, а послѣ въ больницу. Обѣщалъ. Что твоя статья? Принята?

— Кажется. Вотъ сейчасъ отъ Платонова получилъ записку. Зоветъ переговорить. На-дняхъ къ нему зайду. Сегодня проспалъ, вчера отъ Смирновыхъ поздно вернулся.

— А какъ вообще дѣла?

— Пока не важны, Васюкъ. Ну, да поправятся, а пока жду денегъ изъ дому.

— Изъ дому?—удивился юноша.

— Отцу писалъ, просилъ въ долгъ, я не хочу такъ брать!—проговорилъ Николай.

— Такъ, такъ.

— А ты давно получалъ письма изъ дома?

— Нѣтъ, недавно. Всѣ здоровы. Тамъ, Коля, тоже, кажется, дѣла не важны.

— Подожди, Вася. Дай только время. Дѣла поправимъ!—весело замѣтилъ Николай.—Съ Леночкой и мотать меньше буду. Ты и то меня въ мотовствѣ винишь! Самъ-то живешь отшельникомъ, питаешься акридами и медомъ, хочешь, чтобы и всѣ такъ жили! Такъ къ Нинѣ Сергѣевнѣ-то пойдемъ?—спрашивалъ Николай, прощаясь съ братомъ.

— Пойдемъ.

— Кстати: Прокофьева не встрѣчалъ въ Петербургѣ и ничего о немъ не слыхалъ?..

— Онъ арестованъ!—печально проговорилъ Вася.

— Арестованъ?

— Да. Въ Москвѣ. Изъ-за границы, говорятъ, возвращался.

— Давно?

— Съ мѣсяцъ.

— Кто это тебѣ говорилъ?

— Это вѣрно. Вотъ, Коля, человѣкъ!—прибавилъ Вася восторженно.—Я когда-нибудь тебѣ разскажу о немъ, а то ты все скептически относишься къ нему, не зная его.

— Да я вѣрю, Вася, что онъ хорошій человѣкъ, право, вѣрю. Я только надъ твоею восторженностью смѣялся. Онъ, этотъ Прокофьевъ, по твоимъ словамъ, какой-то идеалъ всѣхъ добродѣтелей. Я тоже его немного знаю. А ты все-таки разскажи... Меня онъ по одному обстоятельству очень интересуетъ.

— О, да ты его совсѣмъ не знаешь! — воскликнулъ Вася, оживляясь при одномъ имени Прокофьева.—Я его прежде тоже не зналъ, но здѣсь слышалъ. О, это, братъ, настоящій человѣкъ! Однако прощай, Коля!

— Ты мнѣ разскажи про настоящаго-то человѣка, котораго ты отыскалъ! Да вотъ что, Вася: обѣдаемъ-ка сегодня вмѣстѣ съ Леночкой. Приходи къ шести часамъ къ «Медвѣдю». Знаешь «Медвѣдя»?

— Нѣтъ, не знаю!

— Я и забылъ, что ты постникъ

Онъ сказалъ адресъ и прибавилъ:

— Смотри же, приходи, Вася. Выпьемъ за наше счастье. Придешь?

— Ладно, приду!

Вася вышелъ отъ брата и пошелъ по улицамъ, раздумывая о Николаѣ и Леночкѣ. Новость о свадьбѣ произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ радъ былъ, что ошибся въ своихъ подозрѣніяхъ, и въ то же время ему почему-то жаль было Леночку.

«Оба они хорошіе люди, а какъ будто не пара!»—повторялъ онъ про себя.

VI.

Черезъ часъ послѣ ухода брата, Николай отправился къ Леночкѣ. Она сегодня не пошла на лекціи и поджидала Николая, перечитывая нѣсколько разъ его горячее, порывистое письмо. Въ прихожей раздался звонокъ. Леночка встрепенулась, радостная и счастливая. Послышались знакомые шаги, и въ дверяхъ показался Николай. Онъ бросился къ Леночкѣ и, цѣлуя ея руки, повторялъ нѣсколько разъ:

— Ты простила? Ты не сердишься, Леночка? Нѣтъ? Нѣтъ?

Онъ глядѣлъ ей въ глаза и по глазамъ могъ видѣть, что она не сердилась. Какое! въ ея глазахъ свѣтилась такая любовь, такое счастье!

— Ты спрашиваешь еще! И тебѣ не стыдно? Да развѣ я на тебя могу сердиться?.. И за что? За твое чудное письмо?.. Да если-бъ ты...

Она не досказала мысли и любовалась Николаемъ съ такимъ простодушнымъ восхищеніемъ, что Николай, шутя, закрылъ ей рукою глаза.

— Не смотри такъ, Лена! Не смотри! — проговорилъ онъ, смѣясь.—Славная ты... добрая, хорошая моя! Ахъ, если бы ты знала, какъ тронуло меня твое письмо. И тебѣ было не стыдно даже подумать? «Или все кончено?»—писала ты. Ахъ, Леночка! Съ тобой какъ-то лучше становишься, право...

— Ну, ну, не захваливай, пожалуйста.

— Однако ты похудѣла, Леночка! Что съ тобой? Здорова ты?—тревожно спрашивалъ Николай, заглядывая ей въ глаза и любуясь ея счастливымъ, хорошенькимъ личикомъ.—Это я тебя такъ разстроилъ? Я? Этого больше не будетъ, Лена. Къ чему намъ такъ жить? Къ чему

откладывать свадьбу? Къ чему скрывать отъ всѣхъ, что мы—мужъ и жена? Обвѣнчаемся скорѣй... О, мы заживемъ отлично съ тобой!

Леночка слушала, и сердце ея радостно трепетало отъ этихъ словъ. А Николай между тѣмъ продолжалъ:

— И то я виноватъ, что до сихъ поръ медлилъ. Зачѣмъ? Кто намъ мѣшаетъ?

— Но ты... твои дѣла... Ты еще не устроился... Помнишь, ты говорилъ...

— Мало ли что̀ говорилъ! И чепуху говорилъ. Да наконецъ и устроился... Лучше было бы, если бы мы раньше повѣнчались. По крайней мѣрѣ ты не имѣла бы причины думать, что «все кончено»!—весело засмѣялся Николай.— И наконецъ твое присутствіе поддержитъ меня. Я вѣдь, Лена, знаешь, иногда падаю духомъ, злюсь на неудачи... Ну, да объ этомъ теперь нечего говорить! И развѣ вдвоемъ намъ много нужно? Особенно вдвоемъ... съ тобой?.. Такъ ты согласна? Пиши своимъ, а я напишу сегодня же въ «Витино». И аминь!

Согласна ли она? Она тихо сіяла отъ переполненнаго чувства, и слова какъ-то не шли на ея уста... Николай и любовался ея счастіемъ, и самъ въ эту минуту былъ счастливъ.

— Послушай, Коля,—наконецъ произнесла Леночка тихимъ, замирающимъ отъ счастія голосомъ.—Ты знаешь, какъ я тебя люблю. Ты видишь! Но я боюсь, что когда-нибудь могу стѣснить тебя. Тогда ты раскаешься, что женился... Мало ли что̀ можетъ случиться... Ты встрѣтишь...

— Леночка... Леночка!.. Что̀ ты говоришь!..—перебилъ Николай.

— Нѣтъ, дай досказать... Я слишкомъ люблю тебя и вѣрю въ тебя... Ты можешь встрѣтить другую, лучше, достойнѣе меня, а бракъ стѣснитъ тебя, и ты будешь несчастливъ... Мнѣ все равно... Не обращай вниманія на меня... Будемъ жить попрежнему. Если нужно скрывать, что мы мужъ и жена, будемъ скрывать. Я все равно счастлива буду твоей любовью... и, по крайней мѣрѣ, буду знать, что ты свободенъ... всегда свободенъ...

Николай въ волненіи слушалъ ея слова и, умиленный, глядѣлъ на нее глазами, влажными отъ слезъ. Мало ли она принесла ему жертвъ!.. Она готова даже быть тайной любовницей... О, какъ онъ виноватъ передъ ней!

— Лена! Замолчи! Что̀ ты предлагаешь? Я былъ бы подлецъ, если-бъ согласился на твое предложеніе. Я не хочу... не хочу тайны... Ты будешь моя жена передъ всѣми.

— Ты хочешь? Ты не боишься? Ты не будешь несчастливъ со мной?

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ ея трепещущую руку и крѣпко сжалъ въ своей рукѣ.

— Но по крайней мѣрѣ, Коля, дай мнѣ слово, честное слово, что ты никогда не скроешь отъ меня, если я стѣсню тебя, если ты разлюбишь меня... Вѣрь мнѣ, желанный мой, одна мысль, что я могу стать тебѣ на дорогѣ, приводитъ меня въ ужасъ. Даешь ты мнѣ слово?

— Леночка, да что̀ ты!.. Откуда эти мысли?

— Эти мысли давно у меня... Я много объ этомъ думала... Развѣ мало несчастныхъ браковъ? Развѣ рѣдко люди живутъ вмѣстѣ, не имѣя характера разойтись? Вотъ я и прошу тебя, чтобы ты никогда не жалѣлъ меня. Узнать, что тебя жалѣли—это ужасно! Я понимаю, какъ тяжело было Лаврентьеву! Я не любила бѣднаго Григорія Николаевича, а только жалѣла его... За меня не бойся, Коля... Я все вынесу, даже и твое охлажденіе, и, конечно, не отъ меня тебѣ услышать когда-нибудь слово упрека! Помнишь, ты не разъ говорилъ, что любовь свободна, и ничто не можетъ удержать ее, если она пройдетъ... Вѣдь правда?

— Правда!—прошепталъ Николай.

— Такъ даешь мнѣ слово?—торжественно повторила Леночка.

— Даю!—проговорилъ Николай.

— И если?..

— Полно, Леночка... Къ чему эти «если»... Не надо ихъ!..

— Да вѣдь я для тебя... для тебя, мой славный!.. Я за себя не боюсь!—вскрикнула она.—Развѣ я когда-нибудь ждала такого счастья?.. Развѣ я сто̀ю его?.. Послушай, что̀ я тебѣ скажу... вѣдь я виновата передъ тобой... скрывала отъ тебя!..—краснѣя, шептала Леночка.

— Что̀ ты скрывала?..

— Я... беременна!—чуть слышно произнесла она.

«И она еще предлагала остаться любовницей!—промелькнуло въ головѣ у Николая.—И я никогда объ этомъ не подумалъ!»

— И тебѣ не стыдно было скрывать отъ меня? Давно ты это скрывала?

— Недавно очень. Я не рѣшалась какъ-то сказать тебѣ...

— Почему?

— Да видишь ли...

Она остановилась въ нерѣшительности.

— Что-жъ ты не говоришь?

— Видишь ли. Ты не сердись, мой милый. Я не хотѣла тебя стѣснить.

— Какъ стѣснить?..

— Да развѣ ты не понимаешь? Ты вѣдь такой добрый и могъ бы пожалѣть меня и изъ жалости жениться. А въ послѣднее время мнѣ казалось, что ты не любишь меня! — улыбалась Леночка своими славными, большими глазами.

— О, Леночка, Леночка!—воскликнулъ Николай.—Какая ты!

— Ну, а теперь, когда убѣждена... я и сказала. Ты не сердишься?

Они весело болтали о томъ, какъ они устроятся и поведутъ скромную, трудовую жизнь. Свадьба будетъ черезъ мѣсяцъ, и самая скромная. Они съ довѣріемъ молодости глядѣли оба въ глаза будущему. Оно казалось имъ такимъ счастливымъ и радостнымъ. Она будетъ ходить на лекціи, а онъ писать. О, она не будетъ ему мѣшать, пусть онъ не думаетъ!

— То-то тетя удивится! Вѣдь она всегда дразнила меня тобой и говорила, что ты никогда не обратишь на меня вниманія и что ты женишься на одной изъ Смирновыхъ.

— Нашла на комъ жениться! Ну, а отецъ твой?

— Папа радъ будетъ. А твой? Не найдутъ, что ты дѣлаешь скверную партію?

— Да развѣ они не знаютъ тебя? Они очень обрадуются...

— Я шучу. Они вѣдь такіе славные—и отецъ твой и мать. Мы съѣздимъ въ деревню лѣтомъ?

— Поѣдемъ, еще бы.

— А, быть-можетъ, они пріѣдутъ.

— Пожалуй... И твой отецъ.

— И его позову. Братья тоже удивятся, когда узнаютъ!

— Они что-то не бываютъ у тебя.

— Ты знаешь, мы не сходимся. Они недовольны, что я студентка,—улыбнулась Лена.

— И не нравятся они мнѣ. Особенно старшій. Чиновникъ будетъ, карьеристъ.

— Ну, Богъ съ ними. И мнѣ не нравятся, а все какъ-то... братья! Нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнишь, что свои... Да ты, Коля, разскажи о себѣ. Что̀ ты дѣлалъ это время? Статья принята? Получилъ работу въ «Пользѣ»?

Николай сказалъ о письмѣ Платонова и о томъ, что въ «Пользѣ» получилъ работу. Леночка обрадовалась. Она увѣрена была, что статья будетъ принята и произведетъ впечатлѣніе. Она не сомнѣвалась въ этомъ. А что̀ онъ будетъ дѣлать въ «Пользѣ»?

— Пока вырѣзки изъ газетъ. Даютъ семьдесятъ пять рублей,—усмѣхнулся Николай.

— Вырѣзки? Ну, это пока. И во всякомъ случаѣ эта работа немного займетъ времени?

— Часа два-три.

— Значитъ, у тебя времени будетъ довольно работать серьезно. О, я, Коля, убѣждена, что тебѣ предстоитъ славная будущность. У тебя талантъ, ты уменъ... я вѣрю въ твою звѣзду!—восторженно произнесла Леночка.

— Вѣришь? Ты вѣришь потому, что любишь.

— О, нѣтъ, не потому. Это ты напрасно. Любовь не ослѣпляетъ такъ.

— Ослѣпляетъ, говорятъ. Помнишь, какъ мы съ тобой разсчитывали на успѣхъ моей второй статьи? И что же? Никакого успѣха.

— Да онъ будетъ, будетъ непремѣнно, только бы тебѣ не заботиться много о работѣ изъ-за хлѣба, не тратить времени на разныя вырѣзки! Вотъ только ты произнесешь первую рѣчь въ судѣ—посмотришь, какъ заговорятъ... Увидишь. Только не торопись, Коля. Повѣрь, все придетъ. Вѣдь мы будемъ жить аккуратно и скромно. У меня будетъ двадцать пять рублей да еще отъ уроковъ тридцать пять, да у тебя семьдесятъ пять въ мѣсяцъ. Вѣдь довольно?

— Какіе уроки?

— Ахъ, ты и не знаешь.

И она разсказала, какъ по рекомендаціи доктора Александра Михайловича она получила урокъ.

— Зачѣмъ тебѣ уроки, Лена? Слава Богу, и безъ уроковъ твоихъ проживемъ! А то тебѣ на Васильевскій

островъ ходить! Я тебя не пущу! Да и знаешь ли, не надо и отъ отца тебѣ брать. Я надѣюсь, мы безъ всякой помощи будемъ жить. На адвокатуру я не разсчитываю. Ты знаешь, я съ большимъ разборомъ буду брать дѣла. Не стану же я въ родѣ Присухина или какого-нибудь подобнаго барина. Но все-таки кое-что заработаю. И наконецъ статьи. О, ты не безпокойся, Лена.

— О, я увѣрена, что ты, Коля, можешь много заработать, я не сомнѣваюсь въ этомъ, но мнѣ было бы тяжело видѣть тебя за работой, которая отниметъ время отъ твоихъ серьезныхъ занятій. Мнѣ все будетъ казаться, что я виновата...

— Ты-то чѣмъ виновата?

— Да тѣмъ, что люблю тебя!—улыбнулась счастливой улыбкой Леночка.—Нѣтъ, безъ шутокъ, тебѣ и такъ пришлось вотъ взять на себя какія-то вырѣзки, ради денегъ... Развѣ это твоя работа!? Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ Коля, тебѣ надо думать о твоихъ серьезныхъ работахъ, заниматься, читать и какъ можно меньше заботиться о грошахъ, чтобы не утомляться безплодно. Если ты будешь доставать сто рублей—вѣдь это не трудно?—то этихъ денегъ на первое время намъ за глаза, вмѣстѣ съ тѣми, которыя я получаю изъ дому и получу за уроки. Ты не хочешь, чтобы я получала отъ отца?.. Если ты не хочешь, я откажусь, Коля, но отчего-жъ мнѣ не брать отъ отца?.. Онъ... онъ все же отецъ, и, право, Коля, добрый, очень добрый... Или тебѣ кажется...

Леночка сконфузилась и остановилась, вопросительно взглядывая на Николая.

— Нѣтъ, Леночка, ничего мнѣ не кажется... Я такъ сказалъ... быть-можетъ, твоего отца стѣсняетъ эта помощь!.. А если не стѣсняетъ, это твое дѣло, и я, конечно, ничего не имѣю противъ того, будешь ли ты получать твои двадцать пять рублей или не будешь... Но къ чему уроки? Изъ-за тридцати пяти рублей шагать на Васильевскій островъ, и еще каждый день!..

— Такъ что-жъ?.. Мнѣ это даже полезно... моціонъ! А съ лекціями я справлюсь: буду часомъ или двумя раньше вставать...

— И все это для того, чтобы облегчить меня?.. Ахъ, ты, Леночка!—проговорилъ, улыбаясь, Николай, цѣлуя ея раскраснѣвшіяся щеки. — Ну, допустимъ даже, что моціонъ этотъ тебѣ полезенъ, — хотя я этого и не

нахожу, — допустимъ. Какъ же это мы ухитримся прожить на сто шестьдесятъ рублей въ Петербургѣ, гдѣ все такъ дорого?.. Ты не забудь, что твой мужъ не похожъ на блаженнаго Васю, который далъ себѣ обѣтъ отшельничества, и не привыкъ къ первобытной жизни, которую ведетъ твой поклонникъ Григорій Николаевичъ.

— Коля! Зачѣмъ ты надъ нимъ смѣешься?—тихо упрекнула Леночка.

— А ты попрежнему его заступница?

— Мнѣ просто жаль его!—тихо промолвила Леночка.

— Ты тоже прими, Леночка, въ соображеніе, что намъ нужны книги, нужны время отъ времени развлеченія, необходимо видѣть людей—нельзя же безъ людей!—и затѣмъ разскажи, какъ это мы на сто шестьдесятъ рублей будемъ по-человѣчески жить? Прикинь-ка нашъ бюджетъ.

— Да что̀ ты, Коля, — воскликнула Леночка. — Сто шестьдесятъ рублей! Развѣ это мало?.. Да на эти деньги мы будемъ жить роскошно... прелесть, какъ будемъ жить, и еще можемъ откладывать...

— И откладывать!? Разсказывай, разсказывай, Лена, а я буду слушать, какой рай ты обѣщаешь на сто шестьдесятъ рублей...

— Во-первыхъ, мы наймемъ маленькую квартирку въ три комнаты: одна будетъ побольше, а двѣ маленькія, съ кухней, за тридцать рублей... разумѣется, во дворѣ, гдѣ-нибудь здѣсь вблизи, у Таврическаго сада...

— И съ такой лѣстницей, что надо подыматься, заткнувши носъ?.. И, разумѣется, у небесъ?..

— Зачѣмъ же ужъ ты сейчасъ, Коля, преувеличиваешь? Можно найти и чистую лѣстницу... Я поищу!..

— Я только противъ идилліи, Леночка. Хорошо, квартиру нашли и даже лѣстницу не пахучую. Дальше?

— Да ты... ужъ скептически относишься?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, Лена... Право, нѣтъ! Я лишь сдѣлалъ маленькую поправку... И не на такихъ лѣстницахъ я жилъ студентомъ...

— Такъ не перебивай. Послѣ, когда я кончу, ты можешь дѣлать поправки!—улыбнулась Леночка и продолжала:—Самая большая и лучшая комната будетъ твоимъ кабинетомъ. Не махай головой!.. Конечно, твоя комната должна быть лучшей. Другія двѣ—пріемная и столовая, и наша спальня. Не бойся, тѣсно не будетъ,—будетъ хо-

рошо и уютно. Я сама буду заботиться. Ты знаешь, я люблю, чтобы было чисто. Мебель у насъ будетъ, разумѣется, самая простая,—къ чему роскошь? Не правда ли? Вѣдь тебѣ все равно, лишь было бы опрятно? Кабинетъ, и чудный кабинетъ, у тебя есть, остается купить немного мебели для гостиной и спальни. Такую квартиру можно нанять за тридцать пять рублей. На столъ... ну, на столъ положимъ, разсчитывая, что ты немножко избалованъ, тридцать рублей, по рублю въ день. Чай и сахаръ, кухарка, остальные расходы... Ты не забудь, что я сама буду за всѣмъ смотрѣть. Пожалуй, мое хозяйство, надъ которымъ ты смѣялся въ деревнѣ, и пригодится... На всѣ остальные расходы положимъ двадцать пять рублей.

Леночка вся оживилась, вычисляя примѣрный бюджетъ, въ которомъ ухитрилась даже отложить на личные расходы Николая пятьдесятъ рублей.—«Тебѣ вѣдь довольно будетъ?»—и затѣмъ продолжала разсчитывать подробности бюджета.

А Николай съ улыбкой слушалъ, съ какой любовью и съ какимъ практическимъ смысломъ она рисовала подробности ихъ будущей жизни, на первомъ планѣ которой были, конечно, заботы о его комфортѣ, о его удобствахъ. Онъ слушалъ, и скромный бюджетъ казался ему очень ужъ скромнымъ. Эта жизнь, которую такъ восторженно рисовала Леночка, казалась ему нѣсколько «мѣщанской». И въ то время, когда Леночка, увлекаясь, расписывала, какъ онъ въ своемъ кабинетѣ создастъ замѣчательныя вещи (о, она ни за что не будетъ мѣшать ему!—опять повторила она), и какъ по вечерамъ они будутъ вмѣстѣ читать или пойдутъ въ театръ, наверхъ, разумѣется, — въ его головѣ пробѣгали далеко не очень пріятныя мысли о жизни при такихъ скромныхъ средствахъ.

Три чистенькія, свѣтленькія комнатки, кисейныя занавѣски, цвѣты съ Сѣнной и скромная мебель съ провалившимися сидѣньями, вонючая лѣстница, чадъ изъ кухни, тѣснота и крикъ ребенка, — крикъ, долетающій въ кабинетъ,—все это казалось ему не такъ привлекательно, какъ казалось Леночкѣ. Для нея эта обстановка—рай, а для него—не совсѣмъ рай!

— Ну, что ты теперь, Коля, скажешь? Развѣ не отлично мы будемъ жить на эти деньги?—спросила она, окончивъ разсказъ и не безъ торжества взглядывая на Николая.—

Къ чему же тебѣ особенно хлопотать? Занимайся себѣ, пиши, и, повѣрь, успѣхъ явится къ тебѣ!.. Тебя будутъ знать, тебя будутъ читать!..

Николаю жаль было нарушить радостное настроеніе Леночки. Онъ взглянулъ на нее—она была такая сіяющая и хорошенькая—и вмѣсто отвѣта притянулъ ее къ себѣ и покрылъ поцѣлуями.

Вечеромъ они обѣдали въ отдѣльной комнатѣ ресторана втроемъ, съ Васей.

Обѣдъ прошелъ весело. И невѣста и женихъ были въ отличномъ настроеніи. Леночка сегодня пріодѣлась въ парадное платье и была необыкновенно мила. Николай посматривалъ на Леночку, любуясь ею, и находилъ, что будущая его жена прехорошенькая. Отъ нея вѣетъ какой-то прелестью искренности и доброты; на такую женщину можно положиться! Вася сперва застѣнчиво молчалъ, поглядывая украдкой на счастливыя лица Леночки и брата, но подъ конецъ обѣда и онъ разошелся. Ему теперь даже казалось, что онъ напрасно думалъ, будто братъ не пара Леночкѣ. Оба они добрые, хорошіе. Братъ, навѣрное, любитъ ее и еще больше полюбитъ Леночку, а она?—нечего и сомнѣваться. О, она поддержитъ Николая въ минуту его слабости!..

На радостяхъ Николай приказалъ подать бутылку шампанскаго. Онъ налилъ бокалы и, цѣлуя невѣсту, проговорилъ:

— За наше счастье, Леночка! За нашу любовь!

— За твои успѣхи, милый мой!—отвѣчала Леночка.

Вася обнялъ брата и горячо пожалъ Леночкину руку. Онъ выпилъ залпомъ бокалъ и проговорилъ:

— О, я вѣрю, что вы должны быть счастливы! И ты, Коля, и Елена Ивановна, оба вы хорошіе... такъ какъ же вамъ быть несчастливыми? Не правда ли?..

— Леночка! И ты позволяешь ему называть себя Еленой Ивановной?

— Конечно, нѣтъ! Зовите меня Леночкой, Вася!

— И выпейте, господа, брудершафтъ на «ты»!—подсказалъ Николай, наливая бокалы.

— Съ удовольствіемъ.

— Не все ли равно? А, впрочемъ, отчего-жъ? Вы теперь моя сестра. Я васъ и раньше, Леночка, считалъ сестрой!—промолвилъ Вася, конфузясь.

Они выпили брудершафтъ. Вино возбудило нашего

юношу; его худое блѣдное лицо покрылось румянцемъ, глаза заблестѣли. Онъ восторженно глядѣлъ на Леночку и проговорилъ:

— То-то наши обрадуются!

— Выпьемъ-ка за здоровье нашихъ и за здоровье Леночкина отца!—воскликнулъ Николай.

— И за Васино здоровье!—горячо подхватила Леночка и промолвила:—Дай Богъ тебѣ всего хорошаго, Вася... Всего, всего, чего бы ты ни пожелалъ!..

— О, спасибо, Леночка.

— Ты такой славный, добрый, Вася... ты и самъ не знаешь!

— Не знаю! — добродушно замѣтилъ юноша. — Да и тебѣ такъ кажется по добротѣ. А вѣдь въ сущности-то всѣ добрые или, вѣрнѣе, всѣ могли бы быть добрыми... И будутъ... о, непремѣнно будутъ!

— Онъ неисправимъ съ своей теоріей всеобщаго блаженства!—усмѣхнулся Николай.

— А то какъ же? Развѣ безъ этой вѣры можно жить? Неужели ты и въ эту минуту не вѣришь, Коля? Ты нарочно такъ говоришь! — восторженно воскликнулъ юноша.—Ты тоже вѣришь и обязанъ вѣрить, что будетъ не такъ, совсѣмъ иначе будетъ... Все къ тому идетъ! О чемъ же ты пишешь? Къ чему тогда ты пишешь? Зачѣмъ ты вотъ не хочешь жить, какъ Присухинъ? Зачѣмъ вотъ Леночка учится? Развѣ для того, чтобы получить дипломъ и жить для себя? О, я знаю ея цѣль!.. Она хоть и не говорила мнѣ, но я знаю... отлично знаю...

— О, добрая ты душа, Вася!—проговорилъ Николай.— Долго еще придется ждать твоего всемірнаго счастья... Пожалуй, и не дождешься!

— Разумѣется, мы не дождемся. Такъ что-жъ? Развѣ идея не живетъ? Безъ идеи жизнь—была бы тоска! О, какая тоска!—воскликнулъ Вася.

— Ну, Вася, брось пока свою философію... Ты нагонишь хандру. Лучше, братъ, выпьемъ!

— Нѣтъ, довольно. Не наливай, Коля! Я и такъ захмелѣлъ... Нѣтъ, не надо! Я и безъ того философію брошу!—добродушно разсмѣялся онъ.—Къ чему наводить хандру?.. Я не хочу!.. А если навелъ ужъ, то простите!

Николай велѣлъ подать счетъ.

— Сколько взяли?—полюбопытствовалъ Вася.

— Пятнадцать рублей!

Вася только покачалъ головой. Удивилась и Леночка.

— Ну, стòитъ ли говорить! Мы праздновали помолвку!

Всѣ вышли на улицу. Вася простился и пошелъ домой. Николай съ Леной тихо пошли по Невскому.

— Какой славный этотъ Вася!—проговорила наконецъ Леночка.

— Сгубитъ себя онъ безъ толку!

— Ты думаешь?

— Развѣ не видишь? А знакомства-то его?

— Какія же знакомства?

— Да все такіе же донъ-Кихоты, какъ и онъ самъ. Жаль его будетъ! А вѣдь упрямый какой: его не убѣдишь!.. Я было-спорилъ, да бросилъ!

— Онъ искренно вѣритъ въ то, чтò говоритъ. Это такая рѣдкость!

— То-то очень ужъ слѣпо вѣритъ!

— Да развѣ это худо?

— Надо принимать въ соображеніе обстоятельства. И если ужъ гибнуть, такъ за что-нибудь!—авторитетнымъ тономъ рѣшилъ Николай.

«Вѣрно, и у Васи на умѣ есть это «что-нибудь»!—подумала Леночка, но почему-то не сказала этого вслухъ.

Былъ девятый часъ въ исходѣ. Послѣ обѣда славно было пройтись на морозномъ воздухѣ. Наши молодые люди тихо шли по Невскому, рука въ руку. Леночка какъ-то затихла подъ сильнымъ впечатлѣніемъ всѣхъ событій этого дня. О, какой это былъ счастливый день для нея...

— Знаешь ли, Лена!—воскликнулъ Николай.—На воздухѣ такъ хорошо! Поѣдемъ-ка куда-нибудь прокатиться!

— Это будетъ дорого стòить, Коля!

— Э, вздоръ... Ты вѣдь хочешь?

— Я не прочь.

— Такъ ѣдемъ!..

Они остановились на углу и наняли лихача. Николай усадилъ Леночку на узкія санки, обхватилъ ее за талію и придвинулъ къ себѣ. Лихачъ дернулъ вожжи, и сани быстро понеслись по улицамъ. Когда выѣхали за городъ, лихачъ припустилъ лошадь, и она понеслась по гладкой снѣжной дорогѣ по островамъ.

— Вѣдь хорошо, Леночка?

— Славно!

— Тебѣ не холодно?

— О, нѣтъ, нисколько.

— Ахъ, ты моя славная!—проговорилъ Николай, сжимая въ своихъ рукахъ ея горячія, влажныя руки.—Какая ты хорошенькая, Леночка!.. Не отворачивайся. Смотри на меня!—шепталъ Николай, наклоняясь къ ней и заглядывая въ ея раскраснѣвшееся на морозѣ лицо.—Если бы ты видѣла теперь себя!—повторялъ онъ, любуясь Леночкой.—Ну, поцѣлуй же меня.

Онъ прильнулъ къ ея влажнымъ устамъ. Ему хотѣлось цѣловать ее безъ конца.

Сани мчались стрѣлой. Лихачъ, предчувствуя хорошую прибавку, не жалѣлъ лошади. Леночка склонила голову на плечо Николая и, замирая отъ счастія, съ полузакрытыми глазами, слушала нѣжныя, страстныя рѣчи Николая. Онъ говорилъ ей о любви, онъ шепталъ ей о счастьѣ и все крѣпче и крѣпче сжималъ ее своей рукой.

— Ты озябла!.. Напьемся чаю... Заѣдемъ куда-нибудь. Хочешь?

— Куда хочешь!—прошептала Леночка.

Черезъ нѣсколько минутъ сани остановились у ресторана. Веселые и иззябшіе прошли наши молодые люди въ отдѣльную комнату и приказали подать чай. Николай снялъ съ Леночки шубку и теплую шапочку и согрѣвалъ ея алыя щеки горячими поцѣлуями.

Когда они вернулись въ городъ, и Николай довелъ Леночку до дверей квартиры, Леночка проговорила:

— До завтра?

— До завтра!

— О, милый мой!—еще разъ шепнула она, обнимая его...

Подъ радостными впечатлѣніями этого дня, она засыпала счастливая, улыбающаяся, съ именемъ своего любимаго на устахъ.

«Хорошо жить на свѣтѣ, ахъ, какъ хорошо!»

VII.

Не безъ нѣкотораго волненія Николай на слѣдующій день входилъ въ небольшой кабинетъ Платонова, уставленный шкапами и полками съ книгами; кабинетъ былъ очень скромный; мебель была старенькая и потертая. Самъ хозяинъ, въ старенькомъ сѣромъ пиджакѣ, сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ корректурами, рукописями и книгами. Его большая голова съ темными сѣдѣющими волосами склонилась надъ работой.

Онъ внимательно читалъ рукопись, помахивая въ рукѣ большимъ карандашомъ.

— Добро пожаловать! — привѣтливо произнесъ Платоновъ, подымая свои большіе, темные, глубоко сидящіе глаза, блестѣвшіе рѣзкимъ блескомъ изъ-подъ очковъ.— Садитесь-ка, Николай Ивановичъ, побесѣдуемъ!

Онъ протянулъ Николаю руку, отодвинулъ отъ себя рукопись и сталъ отыскивать на столѣ рукопись Николая. «Неужели не принята?»—мелькнула мысль въ головѣ автора.

— А, вотъ она!—проговорилъ Платоновъ, доставая толстую тетрадь и кладя ее передъ собой.—Я внимательно прочелъ, Николай Ивановичъ, вашу статью...

Онъ остановился, взглянулъ на взволнованное лицо Николая и, улыбаясь, сказалъ:

— Очень ужъ торопливо написана статья, Николай Ивановичъ. Очень торопливо!—прибавилъ онъ, покачивая головой какъ бы съ укоризной.

— А что? Развѣ статья... нехороша... не годится? Она не можетъ быть напечатана?—произнесъ Николай упавшимъ голосомъ.

— Отчего-жъ! Напечатать ее можно, и мы, пожалуй, ее напечатаемъ, если вы позволите посократить ее немножко, да дѣло не въ томъ. Вы могли бы гораздо лучше написать: ваша первая статья была очень недурна; но только вамъ необходимо серьезно поработать, Николай Ивановичъ!—мягкимъ тономъ прибавилъ Платоновъ.—Вы извините, что я откровенно высказываю свое мнѣніе.

— О, пожалуйста, прошу васъ, не стѣсняйтесь, говорите все, что вы думаете. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, могу ли я писать, могу ли посвятить себя литературѣ?

— Ну, такъ я вотъ что скажу вамъ, Николай Ивановичъ: если вы хотите серьезно заняться литературной дѣятельностью, если вы хотите не печататься только, а быть настоящимъ литераторомъ, то вѣдь надо къ дѣлу относиться серьезнѣй. Въ вашей статьѣ есть огонекъ, вы пишете недурно, не безъ таланта, но въ нее вложено мало, нѣтъ труда, продуманности, глубины и съ фактической стороны она прихрамываетъ. Вѣдь вотъ вы написали свою статью по двумъ-тремъ книжкамъ, не правда ли?

— Правда.

— А вѣдь по этому вопросу цѣлая литература есть

Надо было перечитать не три книжки, а побольше. Тогда бы и фактовъ было больше, да и выводы были бы основательнѣе. Въ общемъ выводы ваши вѣрны, но они какъ будто голословны, не убѣждаютъ и слѣдовательно не производятъ впечатлѣнія. Статью вашу прочтутъ, написана она бойко, но и только... а вѣдь развѣ вы хотѣли писать только бойко и легко? Развѣ для этого стоитъ серьезно посвятить себя литературной дѣятельности?

Платоновъ погладилъ свою бороду, поправилъ очки и продолжалъ:

— Я говорю вамъ это все, Николай Ивановичъ, потому, что вы молоды, потому, что въ васъ дарованіе есть, и вамъ еще не поздно сдѣлаться полезнымъ и даже замѣтнымъ литературнымъ работникомъ. И мнѣ было бы очень жаль, если бы вы пошли по той дорогѣ, которая многихъ сгубила и продолжаетъ губить. Плоскость-то это покатая!—серьезно проговорилъ Платоновъ. — Въ послѣднее время какъ-то черезчуръ легко относятся къ этому дѣлу, очень легко, даже начинающіе литераторы. Литература обращается въ ремесло. Отвалялъ статью, принесъ; не приняли въ одной редакціи, примутъ въ другой; статья напечатана—получай деньги. Оно-то, положимъ, и легко, но вѣдь это одинъ литературный развратъ!—рѣзко оборвалъ Платоновъ, сверкая своими умными глазами изъ-подъ очковъ.—Развратъ самый ужасный! Сперва небрежность, а потомъ... потомъ погоня за гонораромъ, а дальше вѣдь можно придти и чортъ знаетъ къ чему. И даже пріобрѣсти успѣхъ среди извѣстныхъ читателей. Вѣдь вотъ, напримѣръ...

И Платоновъ не безъ презрѣнія назвалъ нѣсколько именъ.

— А вѣдь и они начали не такъ. Тоже дарованіе было, огонекъ, но исписались, не работали, а теперь уже поздно. Стараго не вернешь. Ну, и пишутъ всякую дрянь, благо спросъ есть! И поздно заняться какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Ужасная будущность!

— Да, это ужасно!—воскликнулъ Николай, подавленный суровой рѣчью Платонова.

— А приходятъ къ этому незамѣтно, не сразу. Легкость успѣха губитъ, недостатокъ труда, знанія. Талантишко есть, и иной думаетъ, что талантишко вывезетъ. Ну, и вы сами видите, Николай Ивановичъ, каково это отзывается на литературѣ. О, бойтесь этого! Лучше бросить

литературу, если не чувствуешь себя способнымъ на упорный трудъ, на борьбу, бросить лучше! Послѣ, когда втянешься, поздно ужъ будетъ, и человѣкъ принужденъ строчить, понимаете ли, строчить изъ-за куска хлѣба... считать строчки, печатные листы, чтобы больше ихъ было, больше, а прежняя-то легкость уже исчезла. Мыслей нѣтъ, такъ какъ читать-то и трудно, да и некогда подчасъ. И выходитъ какая-то каторга. Я знаю такихъ несчастныхъ,— ихъ не мало.

— И вотъ еще что меня сердитъ подчасъ!—продолжалъ, разгорячившись, Платоновъ.—Это какое-то неуваженіе къ печати. Прежде, бывало, приходишь въ редакцію, какъ въ святилище какое-то. Да, я помню, какъ я понесъ свою первую статью. Знаете ли, поджилки дрожали, ей-Богу. Ну, вдобавокъ, и судья-то кто былъ? Николай Гавриловичъ! Неувѣренность, знаете ли, страхъ и все такое. Главное, чувствуешь, что вѣдь идешь съ дерзкой мыслью пріобщиться къ литературѣ. А нынче!? Точно въ кабакъ, въ редакцію ходятъ, ей-Богу. «Годится?—Не годится.—Прощайте!» И вѣдь всякій лѣзетъ! На-дняхъ еще одинъ господинъ пришелъ, принесъ два листика, говоритъ: начало романа, и еще обидѣлся, что я не взялъ ихъ и посовѣтовалъ ему принести, когда онъ напишетъ цѣлый.

Николай въ смущеніи слушалъ Платонова. Редакторъ всталъ и нервно заходилъ по кабинету, продолжая говорить на ту же тему. Наконецъ онъ взглянулъ на Николая, замѣтилъ его смущеніе, подошелъ къ нему и мягко проговорилъ:

— Вы не смущайтесь совсѣмъ-то, Николай Ивановичъ! Я все это говорилъ вамъ,—къ сожалѣнію, не одному вамъ!—потому, что замѣтилъ въ вашихъ статьяхъ дарованіе, огонекъ и умѣнье привлечь читателя. Такъ вамъ, слѣдовательно, писать можно... Работайте только, да не падайте духомъ отъ первыхъ неудачъ. И тогда вы напишете нѣчто посерьезнѣе. Жизнь-то у васъ впереди. Такъ-то-съ, батюшка. Ну-съ, теперь о вашей статьѣ. Разрѣшаете сдѣлать сокращенія?

— Сдѣлайте одолженіе!—проговорилъ Николай.

— Не бойтесь, статья отъ этого не проиграетъ!.. Вотъ взгляните-ка, какія мѣста я предполагаю сократить.

Платоновъ взялъ рукопись и показалъ ее Николаю. Очень многія страницы были обведены карандашомъ. Пла-

тоновъ объяснилъ, почему онъ сдѣлалъ эти сокращенія, указалъ на двѣ, на три фактическія ошибки и въ заключеніе прибавилъ, что статья ничего себѣ; хоть мысли въ ней и не новыя, а все-таки она бьетъ въ точку.

— Денегъ не нужно ли вамъ?—спросилъ Платоновъ.— Нашему брату деньги всегда нужны!—усмѣхнулся онъ съ горькой улыбкой.

Николай вспомнилъ въ эту минуту, что Платоновъ имѣлъ на рукахъ громадную семью, получалъ сравнительно немного, хотя и работалъ, какъ волъ, и пользовался большой репутаціей, какъ писатель и человѣкъ. Съ невольнымъ уваженіемъ взглянулъ молодой человѣкъ на некрасивое, но очень выразительное лицо Платонова съ большимъ, широкимъ лбомъ и славными темными глазами, на его потертый пиджачокъ. Все въ немъ въ эту минуту понравилось Николаю, несмотря на суровый приговоръ: и эта горькая улыбка, появившаяся на его лицѣ, и простота, съ которою онъ держалъ себя...

— Вы не стѣсняйтесь, батюшка! Я скажу издателю. Онъ дастъ рубликовъ двѣсти. Довольно?

— Если возможно.

— Очень даже возможно. Статья-то вѣдь у насъ,— усмѣхнулся Платоновъ:—слѣдовательно издатель можетъ быть спокоенъ! Завтра я вамъ пришлю деньги. — Ну-съ, а теперь пойдемте, позавтракаемъ!—произнесъ онъ, подхватывая Николая за талію.—Что̀, вы работаете еще гдѣ-нибудь?

— Въ «Пользѣ».

— А! Ничего себѣ газета, приличная. Что̀ дѣлаете?

— Пока внутреннимъ отдѣломъ завѣдую.

— Важный отдѣлъ, очень важный!..

— Больше вырѣзки.

— И вырѣзки-то надо съ толкомъ сдѣлать!.. А пересмотръ корреспонденцій?..

Они прошли въ столовую, гдѣ уже была въ сборѣ вся семья Платонова: жена его, высокая, худощавая, когда-то, должно-быть, красивая барыня, и шесть человѣкъ дѣтей.

— Каково поколѣніе-то?.. Вотъ, Зиночка, рекомендую тебѣ Николая Ивановича Вязникова,—проговорилъ Платоновъ.

Платонова протянула руку, процѣдила сквозь зубы «очень пріятно» и искоса бросила взглядъ на столъ.

Завтракъ былъ крайне скромный. Супруга Платонова,

накладывая куски, должна была внимательно смотрѣть, чтобы досталось всѣмъ.

— Водку пьете?—спросилъ Платоновъ.

— Пью.

Платоновъ налилъ рюмку и придвинулъ къ Николаю селедку.

— А недурно бы пивка, Зиночка,—проговорилъ Платоновъ робкимъ голосомъ.—Кажется, пиво есть?

— Есть. Сейчасъ принесу.

— Да ты сама не безпокойся!.. Наташа принесетъ!

Николай посматривалъ на жену Платонова, и ему она не понравилась. Лицо ея было какое-то недовольное и сухое.

Платоновъ разговаривалъ съ гостемъ, шутилъ съ дѣтьми и былъ въ очень добродушномъ настроеніи. Жена, напротивъ, сидѣла молча.

— А ты въ редакціи не будешь сегодня?—внушительно обратилась она къ мужу.

— Нѣтъ... А что?

Она бросила на мужа значительный взглядъ и проговорила:

— Ты ужъ забылъ? Я, кажется, утромъ тебѣ говорила, что необходимо сходить.

— Ахъ да, да! Извини, пожалуйста, совсѣмъ забылъ. Послѣ завтрака схожу!—какъ-то робко проговорилъ Платоновъ.—Кстати, и вашу статью отдамъ въ наборъ!—обратился онъ къ Николаю.

Когда всѣ встали изъ-за стола, и Николай пошелъ въ кабинетъ за шляпой, до его ушей долетѣлъ рѣзкій, недовольный голосъ:

— Вѣдь ты знаешь, что въ домѣ ни копейки нѣтъ, а еще спрашиваешь!..

Одна изъ дѣвочекъ затворила двери, и Николай дальше не слышалъ словъ. Черезъ минуту Платоновъ вернулся въ кабинетъ нѣсколько сконфуженный. Николай тотчасъ же сталъ прощаться.

— Такъ завтра я вамъ деньги пришлю!.. До свиданія, Николай Ивановичъ. Смотрите же, я жду отъ васъ хорошей работы. Если книги нужны, библіотека моя къ вашимъ услугамъ!.. Да захаживайте когда вечеркомъ. Милости просимъ!—говорилъ Платоновъ, провожая Николая до дверей.

«Жена-то, должно-быть, его въ рукахъ держитъ!»—подумалъ Николай, уходя отъ Платонова.

Онъ возвращался отъ него недовольный. Отзывъ Пла-

тонова сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго молодого человѣка. Онъ разсчитывалъ на статью очень, а между тѣмъ она вызвала со стороны Платонова суровый приговоръ. Онъ не могъ не согласиться, что Платоновъ былъ вполнѣ правъ, и это еще болѣе его уязвляло. «Но однако у меня есть дарованіе, талантъ!» — успокаивалъ онъ себя. Онъ рѣшилъ основательно засѣсть за работу и серьезно заняться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ слишкомъ мало работалъ... О, онъ поработаетъ, какъ слѣдуетъ, и тогда... Платоновъ не то скажетъ!..

Скорѣй свадьбу!.. Съ Леночкой ему будетъ лучше. А то эта холостая жизнь не даетъ работать, какъ слѣдуетъ!

По обыкновенію, онъ размечтался на эту тему, и когда подъѣхалъ домой, то въ воображеніи уже написалъ прелестнѣйшую вещь, которая сразу доставитъ ему имя...

Дома онъ нашелъ повѣстку на триста рублей и кромѣ того записку отъ своего патрона, Пряжнецова, въ которой тотъ предлагалъ ему передать по случаю отъѣзда на нѣсколько дней интересное и благородное, по его словамъ, дѣло: взыскивать съ управленія одной желѣзной дороги вознагражденіе за увѣчье сторожа. Николай вспомнилъ, что Присухинъ юрисконсультомъ въ управленіи этой желѣзной дороги, и обрадовался еще болѣе. Наконецъ-то онъ скажетъ блестящую рѣчь и оборветъ эту «либеральную каналью»!

— Господинъ еще одинъ былъ сегодня, вскорѣ послѣ васъ,—доложила ему Степанида.

— Кто такой?

— А не знаю, не сказывался. Я спросила; говоритъ: не надо.

— Какой онъ изъ себя?

— Лохматый такой, черноватый, неказистый изъ себя. И говоритъ грубо такъ, ровно бы мужикъ, хоть одежда на немъ и господская. Только одѣтъ не важно.

— Молодой?

— Нѣтъ, средственный. Сѣдого волоса много въ бородѣ, а на головѣ не примѣтила. На головѣ баранья шапка, простая.

«Ужъ не Лаврентьевъ ли?»—мелькнула у него мысль, и, надо сказать правду, Николай не особенно обрадовался этому предположенію. Онъ снова сталъ разспрашивать кухарку, и по дальнѣйшему ея описанію почти не было сомнѣнія, что къ нему заходилъ Лаврентьевъ.

— Онъ обѣщалъ зайти?

— Ничего не сказалъ. Постоялъ, постоялъ и ушелъ!..

«Что ему надобно!?»—въ раздумьѣ проговорилъ Николай, стараясь подавить въ себѣ невольное безпокойство.

VIII.

Николай не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Этотъ «лохматый», по выраженію кухарки, заходившій утромъ къ Вязникову, былъ не кто иной, какъ Григорій Николаевичъ Лаврентьевъ.

Наканунѣ, въ тотъ самый вечеръ, когда наши молодые люди обѣдали въ ресторанѣ и спрыскивали шампанскимъ помолвку, Григорій Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ пассажирскимъ поѣздомъ и, разумѣется, въ третьемъ классѣ. Онъ торопливо пробрался черезъ толпу пассажировъ къ выходу, не обратилъ никакого вниманія на зазыванія комиссіонеровъ, выкрикивавшихъ названія разныхъ гостиницъ, и съ небольшимъ чемоданомъ въ рукѣ зашагалъ черезъ Знаменскую площадь.

Въ меблированныхъ комнатахъ, рядомъ съ Знаменской гостиницей, онъ занялъ крошечный номерокъ, поторговавшись предварительно съ хозяйкой, и немедленно, не переодѣваясь съ дороги, отправился пѣшкомъ на Выборгскую сторону, къ своему пріятелю, доктору Александру Михайловичу Непорожневу, болѣе извѣстному читателю подъ именемъ «Жучка».

Лаврентьевъ шелъ по улицамъ скорыми, большими шагами, опустивъ голову, повидимому, углубленный въ думы. Нѣсколько разъ онъ сталкивалъ прохожихъ, задѣвая своимъ могучимъ плечомъ, и не думалъ извиняться. Нѣсколько разъ его называли вслѣдъ «мужланомъ», «невѣжей», «пьяницей», но онъ, казалось, не слыхалъ этихъ привѣтствій; на одномъ изъ перекрестковъ на Григорія Николаевича чуть-было не наскочилъ рысакъ; оглобля скользнула по его плечу и оттолкнула его въ сторону. Онъ поднялъ голову, послалъ вдогонку забористое ругательство и снова зашагалъ, не обращая ни на что вниманія. При свѣтѣ газа можно было увидать, что лицо Григорія Николаевича угрюмо и озабочено, скулы быстро двигались, и глаза его глядѣли мрачно. Очевидно, онъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и, казалось, не чувствовалъ сильнаго мороза, свободно хватавшаго грудь и шею, открытыя изъ-подъ распахнувшейся длинной волчьей шубы.

Дѣйствительно, Лаврентьевъ былъ очень озабоченъ и шелъ къ Жучку по дѣлу, которое занимало всѣ его мысли.

Съ того памятнаго для Лаврентьева дня, когда Леночка отказала Григорію Николаевичу (и отказала такъ для него неожиданно!) и затѣмъ уѣхала въ Петербургъ, обычная жизнь Григорія Николаевича точно выбилась изъ колеи и, несмотря на всѣ его усилія, въ прежнюю колею уже войти не могла. Казалось какъ будто, что все шло по-старому: Лаврентьевъ такъ же усердно занимался хозяйствомъ, работалъ и даже усерднѣе работалъ; такъ же преслѣдовалъ «Кузьку», хотя все еще подъ судъ не упекъ; ратовалъ за интересы мужиковъ на земскихъ собраніяхъ; ругательски ругалъ при встрѣчахъ «Никодимку», который снова получилъ мѣсто,—но онъ чувствовалъ, что въ душѣ его что-то оборвалось. Ему чего-то недоставало: не было прежняго спокойствія, прежней бодрости. И самая его дѣятельность какъ будто потеряла для него тотъ смыслъ, которымъ она полна была прежде. Онъ сталъ хандрить. По временамъ одиночество какъ-то особенно тяготило его, и на Лаврентьева находили такіе приступы тоски, съ такою болью чувствовалось сиротство любящаго, нѣжнаго сердца, что онъ «отъ грѣха», зная порывы гнѣва, смѣнявшіе эту отчаянную тоску, уѣзжалъ, бывало, на нѣсколько дней вонъ изъ «Лаврентьевки», закучивалъ гдѣ-нибудь въ селѣ и возвращался домой, коря себя за слабость. А то уходилъ съ ружьемъ на плечѣ въ лѣсъ и шлялся по лѣсу, отмахивая десятки верстъ, до тѣхъ поръ, пока не одолѣвала усталость.

Хотя Григорій Николаевичъ и писалъ не разъ Жучку, что онъ «здравъ и невредимъ, чрево въ такой же исправности, какъ, бывало, въ корпусѣ, онъ на жратву лютъ и вообще духомъ ничего себѣ и не пьянствуетъ», тѣмъ не менѣе между строкъ слышалась необыкновенно тоскливая нота неудовлетвореннаго глубокаго чувства. Изъ недосказанной тоски его писемъ, изъ нѣжной заботливости, съ которой онъ справлялся у Жучка о Леночкѣ, изъ восторженныхъ отзывовъ о ней было видно, что на душѣ у него мрачно, безотрадно, и что сердечную его рану нисколько еще не затянуло.

Прямо объ этомъ онъ ни разу не написалъ и вообще не жаловался; напротивъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ Жучку (а съ тѣхъ поръ, какъ Леночка переселилась въ Петербургъ, онъ, прежде разъ въ годъ

писавшій къ пріятелю, зачастилъ письмами), въ отвѣтъ на шутливое замѣчаніе Жучка о «любвяхъ» вообще, категорически утверждалъ, что «любовную канитель давно бросилъ и дурость эту изъ себя извлекъ», какъ и подобаетъ сиволапому, который рыломъ не вышелъ и не умѣетъ выражать чувствій, какъ тамъ, поди, умѣютъ у васъ въ подлецѣ-Питерѣ. «Пораскинувши умомъ, дорогой мой Жучокъ, оно быдто и взаправду не къ моей рожѣ и не къ лѣтамъ (намъ, братъ, сорокъ годовъ!) любовныя-то возвышенности и всякая такая малина. Надо честь знать, коли раньше-то не пришлось сподобиться на этотъ скусъ!— И то, по твоему лѣкарскому толкованію, всякая баба— баба, и слѣдовательно гоняться, задравши-то хвостъ, человѣку съ сѣдымъ волосомъ не приходится. Почто?—И вотъ я, по слабости человѣческаго естества, обладился тутъ съ одной сосѣдкой по близости, солдатской вдовой. Преядреная, Жучокъ, баба и изъ себя по всѣмъ статьямъ, если бы не плутъ-баба. Посмотрю еще и, може, вовсе возьму ее въ домъ, если только, сволочь, баловать перестанетъ. Очень шальливая, хотя и съ разумомъ, но только глазамъ ея вѣры что-то нѣтъ, хоть, шельма, и ластится. Линія-то эта будто ей очень нравится... Какъ полагаешь, ужъ не сочетаться ли? Однако ты, Жучокъ, смотри, чтобы какъ-нибудь... Ни гу-гу... Этого не надо никому знать. Я только тебѣ для удостовѣренія насчетъ любвей».

Такъ, между прочимъ, писалъ Григорій Николаевичъ въ шутливомъ тонѣ, но этотъ тонъ едва ли убѣдилъ Жучка. Лаврентьеву просто совѣстно было признаться передъ другомъ, что онъ, закаливавшій себя, бывало, въ корпусѣ, ходившій по ночамъ на Голодай и никогда не пикнувшій подъ розгами, до сихъ поръ «не извлекъ изъ себя дурости». Леночка безраздѣльно царитъ въ его сердцѣ, и мысль о погибшемъ счастьѣ отравляетъ его жизнь.

Григорій Николаевичъ сдѣлался несообщительнѣе и угрюмѣе. Онъ мрачнѣе сталъ смотрѣть на то, что̀ дѣлалось вокругъ, а кругомъ ничего радостнаго не было. Кузьма Петровичъ, до котораго онъ такъ наивно добирался, неистовствовалъ съ бо̀льшею силою и, что называется, въ усъ не дулъ. Новый губернаторъ (губернатора-«статистика» скоро смѣнили послѣ залѣсскаго «возмущенія» крестьянъ) статистикой не занимался, а пріѣхалъ съ цѣлью «подтянуть» губернію и навелъ страхъ на нее. Новое вѣяніе отразилось, разумѣется, и на подчиненныхъ;

всѣ волей-неволей должны были подтягивать и вездѣ улавливать «злонамѣренный духъ» и, очевидно, желали его искоренять. Въ этомъ похвальномъ намѣреніи, вскорѣ послѣ его вступленія въ должность было закрыто нѣсколько школъ и выслано нѣсколько учителей; исправникамъ и становымъ предписано было строжайше увеличить бдительность; Григорію Николаевичу подъ рукой сообщили, чтобы онъ былъ осторожнѣе, такъ какъ его превосходительство косо смотритъ на артельныя сыроварни, устроенныя еще давно Лаврентьевымъ, и относится вообще къ «дикому барину» подозрительно, считая его причастнымъ къ такъ-называемому залѣсскому бунту. Разсказывали, что Кузьма Петровичъ немало способствовалъ такому взгляду его превосходительства при посредствѣ новаго правителя канцеляріи, привезеннаго его превосходительствомъ изъ Петербурга, человѣка молодого, но очень расторопнаго и исполнительнаго.

Бѣдный Иванъ Алексѣевичъ, ожидавшій нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы выйти съ полнымъ пенсіономъ въ отставку, рѣшительно терялъ свою сѣдую голову и скакалъ по уѣзду изъ конца въ конецъ, обнаруживая такимъ образомъ неусыпную бдительность, и жаловался Григорію Николаевичу, когда тотъ изрѣдка заѣзжалъ въ городъ къ старику съ цѣлью узнать, нѣтъ ли новостей отъ Леночки.

— Того и гляди, что подъ сюркупъ попадешь... Того и жди, ей-Богу! — говорилъ онъ, усиленно затягиваясь своимъ трабукосомъ.—Ужъ губернаторъ меня два раза этимъ Мирзоевымъ допекалъ! А Никодимка рыжій опять что-то лебезитъ, видно, пакость собирается сдѣлать. И все-то онъ теперь шныритъ и никакъ ничего не можетъ открыть. На-дняхъ, шельма, докладываетъ, что у него есть великая тайна, ей-Богу, такъ и говоритъ, и весь трясется отъ радости. Ужъ вы, говоритъ, Иванъ Алексѣевичъ, не скройте, пожалуйста, что это я, молъ, первый тайну-то обнаружилъ!—Какая, спрашиваю, такая тайна?—«Пребольшая, только я, говоритъ, при Марѳѣ Алексѣевнѣ, по чрезвычайной важности, открыть не могу... Онѣ-съ, говоритъ, дама!..»—разсказывалъ старикъ, подмигивая глазомъ на Марѳу Алексѣевну, по обыкновенію коротавшую зимніе вечера за гранъ-пасьянсомъ.

— Вообразите, Григорій Николаевичъ, какая скотина! Такъ и брякнулъ!.. Онъ полагалъ, что и въ самомъ дѣлѣ

мнѣ очень любопытно слушать его дурацкія тайны!—вставила Марѳа Алексѣевна.

— Ну, положимъ, сестра...

— И ты туда же!..

— Очень однако мучилась въ тотъ вечеръ... И такъ, и этакъ... Но я былъ неумолимъ!..

— Неумолимъ!?.. Самъ-то ты первый все разболтаешь... Небойсь, повѣрилъ тогда Никодимкѣ...

— Ну, ну, не перебивай, дай разсказать. Такъ вотъ, какъ это онъ, Никодимка-то нашъ, напустилъ такой важности, я его сейчасъ въ кабинетъ: въ чемъ, спрашиваю, дѣло? «А дѣло, сказываетъ, въ томъ, что у Петра Николаевича Курбатова (знаете Петра Николаевича, акцизнаго?) по вечерамъ собираются разныя подозрительныя личности, сидятъ за полночь и, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, не такъ, какъ обыкновенно, проводятъ время... въ карты не играютъ и вина не пьютъ, а какъ будто очень даже предосудительно разсуждаютъ и, полагать надо, читаютъ запрещенныя сочиненія». Я было сперва расхохотался: слава Богу, знаю Петра Николаевича... о чемъ ему разсуждать! Однако Никодимка обидѣлся и клянется. «Я, говоритъ, по долгу службы. Мало ли что можетъ оказаться впослѣдствіи, такъ ужъ я долгъ свой исполнилъ... Вотъ уже, говоритъ, четыре дня сряду, какъ у него собираются, и, замѣтьте, занавѣски спущены, чтобы не видать ничего съ улицы... Таинственно такъ...»—Кто-жъ бываетъ тамъ?—«Всѣхъ не перечислю, не знаю, а могу сказать, что два молодыхъ армейскихъ офицера и помѣщикъ Усатовъ, братъ котораго, знаете, былъ сельскимъ учителемъ!.. Не угодно ли, Иванъ Алексѣевичъ, сегодня же вечеромъ провѣрить справедливость моихъ словъ... Можетъ-быть, мы накроемъ очень серьезный заговоръ, и намъ объявится фортуна. Не угодно ли?»—говоритъ и опять, каналья, трясется весь отъ радости... Ему, натурально, не заговоръ важенъ, а показать усердіе и въ люди выскочить...

— И вы пошли къ Курбатову? — усмѣхнулся Лаврентьевъ.

— Нельзя было... Пошелъ...—со вздохомъ промолвилъ старикъ.

— И что же?

— Да смѣхъ одинъ... И ругалъ же я Никодимку потомъ!..—смѣялся старикъ.—Онъ теперь—замѣтили?—хо-

дитъ поджавши хвостъ, какъ ошпаренный поганый песъ. Надо было идти, хоть я и мало вѣрилъ Никодимкѣ... Вѣдь окажись потомъ что-нибудь... въ какомъ бы видѣ меня аттестовали, а? — съ горькой усмѣшкой проговорилъ старикъ.—Сами знаете, какое нынѣ безпокойное время!.. Этакъ въ десять часовъ пошли мы въ переулокъ съ Никодимомъ... Дѣйствительно, въ квартирѣ Курбатова огонь, занавѣски опущены и нѣсколько тѣней... Казалось бы, дѣло обыкновенное, но вотъ подите же! Въ ту пору и на меня, стараго дурака, точно затменье нашло! А Никодимка поставилъ двухъ полицейскихъ у воротъ, заглянулъ въ окно,—квартира-то была въ нижнемъ этажѣ,— и машетъ мнѣ рукой... «Посмотрите, Иванъ Алексѣевичъ!—шепчетъ онъ, а голосъ-то у него дрожитъ.—Посмотрите!» На улицѣ тихо, улица-то глухая, всѣ спятъ.— «Посмотрите-ка!» Заглянулъ, признаться, и я—что̀ будешь дѣлать!—въ свободный уголокъ, занавѣска-то не вся была опущена, и вижу: сидятъ нѣсколько человѣкъ вокругъ стола, а Петръ Николаевичъ что-то читаетъ... «Видѣли?»— Видѣлъ, говорю.—«Это непремѣнно какая-нибудь прокламація!» И съ такой увѣренностью это говоритъ Никодимъ, что я и взаправду въ ту минуту подумалъ, что Петръ-то Николаевичъ читаетъ прокламацію... Очень ужъ, Григорій Николаевичъ, напуганы мы, ей-Богу... Ну, ладно. Я и говорю Никодимкѣ: пойдемъ! А онъ струсилъ: «А если, говоритъ, съ оружіемъ въ рукахъ? Надо, Иванъ Алексѣевичъ, осторожно!.. Развѣ можно такъ!»—«Эхъ, Никодимъ Егоровичъ!» Это я-то ему, и самъ, не долго думая, въ квартиру. Иду, двери нигдѣ не заперты. Тутъ, признаться, сомнѣнье меня взяло: статочное ли дѣло Петру Николаевичу прокламаціи и все такое? Навѣрное, набрехалъ Никодимка. Я все иду. Тьфу!

Старикъ плюнулъ, засосалъ сигарку и черезъ минуту продолжалъ:

— Вошелъ въ залу—темно; думаю: не вернуть ли назадъ? Хотя и строжайшая бдительность и все такое, но все-таки въ чужую квартиру этакъ, какъ бы татью... Не знаю, пошелъ ли бы дальше, какъ изъ сосѣдней комнаты кто-то спрашиваетъ: «Степанъ, ты?»—Ну-съ, я кашлянулъ да и отворяю дверь. Смотрю—все знакомые: слѣдователь, два армейскіе офицерика да еще губернаторскій племянникъ, шутъ гороховый, отъ скуки по губерніи шатается, при дяденькѣ въ порученіяхъ. Петръ Нико-

лаевичъ ничего, даже обрадовался. Тары-бары, садитесь. «Какъ васъ Богъ занесъ?» — «На огонекъ, говорю, думалъ—пулечка».—«Какая пулечка! Интересную книжку читаемъ, хотите послушать?»—«А что̀ такое, какая такая книжечка?»—«Посмотрите-ка, рѣдкая, только-что вышла въ Петербургѣ». И суетъ мнѣ подъ носъ книжку; посмотрѣлъ: «Дѣвица Жиро, моя жена»... «Вы послушайте-ка, Иванъ Алексѣевичъ...» И Петръ Николаевичъ прочелъ одинъ отрывокъ, очень ужъ пакостный. Я, знаете, для приличія посидѣлъ съ четверть часика и какъ дуракъ выхожу вонъ. А Никодимка за воротами: «Ну, что̀?» Въ тѣ поры я очень разсердился и говорю: «А то, что вы болванисимусъ!» Онъ то, се... я ему и разсказалъ, да и про то, что племянникъ губернаторскій тамъ былъ. Онъ перетрусилъ. «Не давайте, взмолилъ, огласки!» Ну, ужъ и пробралъ я его. Смотрите и вы, Григорій Николаевичъ, того... не болтайте, а то какъ разъ посмѣшищемъ станешь. Еще слава Богу, Петръ-то Николаевичъ не догадался! — окончилъ свой разсказъ словоохотливый старикъ.—Вотъ вамъ и прокламаціи! Они «Дѣвицу Жиро», а Никодимка сдуру трясся. И я-то, нечего сказать, обезумѣлъ! Да и, право, обезумѣешь! Времена!..

Григорій Николаевичъ нѣсколько разъ улыбался во время этого разсказа и освѣдомился, давно ли были извѣстія отъ Елены Ивановны. Оказалось, что недавно. «Леночка здорова, учится и, кажется, все слава Богу». Лаврентьевъ изрѣдка заѣзжалъ къ исправнику на полчаса и незамѣтно разспрашивалъ о Леночкѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ Лаврентьевъ, не получая долго писемъ отъ Жучка (Жучокъ писалъ рѣдко), поѣхалъ въ городъ и по обыкновенію зашелъ къ Ивану Алексѣевичу. Старика дома не было, а Марѳа Алексѣевна встрѣтила его смущенная, съ письмомъ въ рукахъ, вся въ слезахъ.

— Что̀ такое? Не случилось ли чего съ Еленой Ивановной?—спросилъ упавшимъ голосомъ Лаврентьевъ. — Непріятное письмо? Отъ Елены Ивановны?

— И очень даже непріятное!—значительно проговорила старая дѣвица.—Охъ, ужъ это ученье! Чуяло мое сердце! Вы-то чего медлили, скажите на милость!?

— Больна? Да что же вы, Марѳа Алексѣевна? Говорите же!

— Да что вы-то пристали? Эхъ вы! Во̀-время-то жениться не умѣли. Тоже поблажку давали. Говорила я!..

— Да вы толкомъ.

— Тоже умный человѣкъ еще считается. Не видалъ, какъ козла пустилъ въ огородъ! Носъ-то вамъ и наклеила дѣвка!

— Ну, ужъ вы это оставьте, Марѳа Алексѣевна.

— Оставьте!? Ужъ очень умны вы стали, а мы глупы. Что «оставьте»? Вы думаете, она не изъ-за этого молодца вамъ-то отказала? Глупы вы, мужчины, какъ втюритесь, я посмотрю! Все онъ, Вязниковъ-то, умникъ петербургскій... Онъ книжки носилъ да потомъ это вмѣстѣ и въ Петербургъ сманилъ! Я давно ее предупреждала, а она: ахъ, тетенька! Вотъ теперь и «ахъ, тетенька!» Кто-то уменъ былъ!

При имени Вязникова лицо Григорія Николаевича сдѣлалось мрачно, въ сердцѣ у него что-то больно заныло.

Какъ нарочно въ эту минуту ему припомнилось, что Жучокъ не очень-то одобрительно отзывался въ письмахъ о Вязниковѣ и, между прочимъ, писалъ, что онъ часто бываетъ у Леночки и, кажется, имѣетъ на нее большое вліяніе.

— Я говорила тогда отцу: не пускай ты ее въ Петербургъ. Доброму-то тамъ не научится, а только коммуны разныя, мерзость всякая... слава Богу, пишутъ, ну, а онъ, какъ извѣстно, первый потатчикъ!.. И хоть бы братьевъ слушала! Какъ можно: мы всѣхъ умнѣй. Вотъ и умнѣй. А она-то, глупенькая, довѣрчивая... и въ самомъ дѣлѣ вообразила, что Вязниковъ-то имѣетъ намѣренія, какъ слѣдуетъ благородному человѣку. Да развѣ онъ серьезно, что ли? Еще здѣсь бывши, онъ все къ Смирновымъ шатался... Знаетъ, гдѣ приданое, небойсь, не дуракъ, на Ваську-то не похожъ, на блажного! Ну, а глупую отчего же и не облестить. Сама лѣзла, видно. Долго ли до грѣха...

Григорія Николаевича всего передернуло при этихъ намекахъ. Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на Марѳу Алексѣевну и рѣзко проговорилъ:

— Какъ вамъ не стыдно, Марѳа Алексѣевна, клеветать на Елену Ивановну? Вы все вздоръ городите. И тотъ, кто вамъ эти пакости сообщаетъ, тотъ подлецъ!

— Да вы-то что вскинулись? Онъ же! Его, какъ дурака, обвели, а онъ на меня же! Вы, сударь, потише. Сдѣлайте одолженіе. Она-то мнѣ — кровь, а вамъ что? Была, батюшка, невѣстой да сплыла. Клевещутъ! Стану я на род-

ную племянницу клеветать. Языкъ у васъ вовсе мужицкій. То-то за васъ и Леночка даже не пошла! Братъ родной ея пишетъ... братъ!.. Понимаете ли? Каково-то отцу, отцу-то каково!—ныла Марѳа Алексѣевна.

— Что-жъ онъ пишетъ? — спросилъ Григорій Николаевичъ.

— Что пишетъ!? Такъ вамъ и скажи. И безъ того сраму довольно.

— Марѳа Алексѣевна... Вы того... лучше скажите! Я знать хочу! Слышите!—проговорилъ Лаврентьевъ.

Марѳа Алексѣевна испуганно взглянула на Лаврентьева. Лицо его было блѣдно и искажено страданіемъ, губы дрожали.

— Да вы, Григорій Николаевичъ, что-жъ такъ глядите?.. Я вамъ все разскажу... Вы, я знаю, сору изъ избы не вынесете, я знаю васъ. Человѣкъ вы вѣрный и любите Леночку. Читайте сами!

Григорій Николаевичъ схватилъ письмо и сталъ читать. Въ письмѣ этомъ братъ Леночки сообщалъ о странныхъ отношеніяхъ между Вязниковымъ и Леночкой и выражалъ опасенія, что сестра кончитъ очень скверно и сдѣлается, если не сдѣлалась, любовницей Вязникова. Она влюблена въ него, какъ дура, а онъ, конечно, не женится на ней и броситъ. Случайно онъ увѣрился въ своихъ предположеніяхъ, но путаться въ эти дрязги не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что сестра ему не довѣряетъ, но онъ считаетъ долгомъ предупредить и пр.

— Пакость какая! — съ омерзеніемъ проговорилъ Лаврентьевъ.—Хорошъ братъ! Марѳа Алексѣевна! Если вы любите старика, не показывайте ему этой мерзости! И вы могли повѣрить?

— Невѣроятнаго-то немного! Точно нашу сестру трудно увѣрить.

— Да развѣ Вязниковъ... подлецъ? Да нѣтъ... Елена Ивановна...

— И не подлецы увлекутся, а потомъ и бросятъ. Мало ли примѣровъ.

— Нѣтъ, это все вздоръ!.. Чепуха!.. Не можетъ быть! Не сказывайте же старику. Бога побойтесь!—упрашивалъ Григорій Николаевичъ.

Она дала слово, и Лаврентьевъ ушелъ отъ нея совсѣмъ мрачный и разстроенный. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, рѣшившись узнать, въ чемъ дѣло, и, если

нужно, вступиться за оскорбленную Леночку и наказать негодяя.

«Нѣтъ, это вздоръ!—повторялъ онъ, утѣшая себя.— Она сказала бы мнѣ, когда отказывала, если бы любила этого Вязникова.

Однако слова тетки сдѣлали свое дѣло. Ненависть къ Николаю уже охватила все его существо, и онъ считалъ его теперь виновникомъ своего одиночества и несчастія Леночки.

IX.

Александръ Михайловичъ Непорожневъ, худощавый, низенькій господинъ съ маленькимъ, смуглымъ, пріятнымъ лицомъ, обросшимъ черными волосами, и черными свѣтящимися глазами, сидѣлъ въ старомъ, запятнанномъ военномъ пальто, съ засученными рукавами, у большой лампы, привинченной къ краю рабочаго стола, и, напѣвая фальшивымъ теноркомъ арію изъ «Руслана», препарировалъ распластанную на дощечкѣ зеленую лягушку.

Большая комната, въ которой онъ работалъ, сразу свидѣтельствовала о профессіи хозяина. Огромныхъ размѣровъ рабочій столъ, занимавшій большую часть кабинета, былъ заставленъ различными инструментами, препаратами, электрическими приборами, банками, бутылями и ящиками. Въ однѣхъ банкахъ шлепались лягушки, въ другихъ неподвижно лежала цѣлая груда ихъ, въ третьихъ хранились въ спирту различные органы животныхъ. Въ двухъ клѣткахъ сидѣли кролики съ выгаращенными красными глазами и заяцъ съ перевязаннымъ горломъ; на краю стола, въ ящикѣ, устланномъ сѣномъ, смирно лежала маленькая собачонка съ обмотанной головой и, уткнувши морду въ лапки, глядѣла умными, нѣсколько томными глазами на доктора. Нѣсколько шкаповъ съ книгами, письменный небольшой столъ да нѣсколько стульевъ составляли остальное убранство комнаты. Въ ней стоялъ тяжелый, особенный запахъ. Пахло спиртомъ, животными и табакомъ.

Докторъ отбросилъ на столъ дощечку съ лягушкой, хлебнулъ глотокъ чаю и посмотрѣлъ-было на банку съ живыми лягушками, какъ раздался сильный звонокъ, и черезъ минуту на порогѣ появилась плотная фигура съ косматой головой. Докторъ взглянулъ и бросился навстрѣчу Лаврентьеву.

— Когда пріѣхалъ? Какими судьбами занесло тебя въ

подлый Питеръ? Ого! Посѣдѣлъ-таки порядочно!—весело говорилъ Непорожневъ послѣ того, какъ облобызался съ пріятелемъ и усадилъ его на диванъ.—Надѣюсь, у меня остановишься? Мѣсто-то есть. Не здѣсь, не думай! У меня рядомъ еще комната!

— Нѣтъ, братъ, я у Знаменья присталъ!

— И тебѣ не стыдно, Лаврентьевъ! Завтра ко мнѣ тащи чемоданъ.

— Да я, видишь ли, не зналъ, одинъ ли ты.

— Думалъ, съ дамой какой, что ли? Нѣтъ, братъ, я безъ дамы, больше вотъ съ этой тварью!—ул..бнулся онъ, указывая на банки.

— Все потрошишь?

— Потрошу.

— Любезное, братъ, дѣло. А вонь одначе у тебя, Жучокъ!—проговорилъ Григорій Николаевичъ, поводя носомъ.—Съ воздуха сильно отшибаетъ.

— Попахиваетъ!—разсмѣялся Жучокъ.—А мы пойдемъ-ка въ другую комнату.

— И въ Питерѣ у васъ вездѣ вонь!

— Нельзя, братъ... Столица! Тебѣ послѣ твоей «Лаврентьевки», чай, съ непривычки.

— Пакостно! А песъ-то что это у тебя обвязанъ? Нешто пыталъ его?—спрашивалъ Лаврентьевъ, подходя къ столу.

— Пыталъ!

— И зайчину тоже? Эко у тебя, Жучокъ, всякой пакости!

Они перешли въ сосѣднюю комнату и усѣлись за самоваромъ.

— Ну, какъ живешь, дружище?—участливо спрашивалъ докторъ, наливая чай.—Что̀, какъ дѣла?

— Мерзость одна...

— А что̀? Кузька васъ донимаетъ?

— Всякой, Жучокъ, пакости довольно! Иной разъ тоска беретъ!

— Гмъ! А ты, Лаврентьевъ, на видъ-то неказистъ!—проговорилъ докторъ, разглядывая пристально Лаврентьева.—Лицо у тебя неважное. Осунулся, глаза ввалились. Здоровъ? А то не спалъ, что ли, доро̀гой?

— Самую малость.

— Отоспишься! Ты ромъ-то пьешь?

— Люблю временемъ!—промолвилъ Григорій Николае-

вичъ и, отпивъ полстакана, долилъ его ромомъ.—Иной разъ выпиваю, Жучокъ!—какъ-то угрюмо прибавилъ Лаврентьевъ.

— Что такъ?

— Да такъ. Тоска подчасъ забираетъ!

— Хандритъ-то, значитъ, не пересталъ, — тихо промолвилъ докторъ, посматривая на пріятеля. — Надолго пріѣхалъ?

— А не знаю, денька три-четыре...

— Провѣтриться?

— Дѣло одно!

Лаврентьевъ все не рѣшался заговорить о Леночкѣ. Пріятели нѣсколько времени дружески разговаривали о разныхъ предметахъ; больше говорилъ Жучокъ, Лаврентьевъ слушалъ и все подливалъ себѣ рому. Наконецъ онъ спросилъ какъ будто равнодушнымъ тономъ:

— Давно Елену Ивановну видѣлъ?

— Недѣли двѣ.

— Здорова?

— Ничего себѣ. Похудѣла только немного. Заходила ко мнѣ, урокъ просила достать. Я досталъ ей. Барышня твоя работящая, хорошая.

— Хорошая!—воскликнулъ Лаврентьевъ.—Это, братъ, такой человѣкъ... мало такихъ, братъ!

— Людей вотъ только не раскусываетъ. Въ Вязникова этого ужъ очень вѣритъ! А по-моему, человѣкъ онъ неважный. Не глупый, а болтаетъ больше! И думаетъ о себѣ... думаетъ! Барышня горой за него. Да и ты имъ прежде увлекался, а? Братъ у него—другой человѣкъ!

— Человѣка-то не раскусишь!

— Ну, да и, признаться, мужчина-то онъ! Какъ разъ по юбочной части! Красивъ, уменъ, говоритъ хорошо, огонекъ есть, глаза такіе, ну и все прочее... Лестно! А самолюбивъ!..

— Ты, Жучокъ, это насчетъ чего? Развѣ онъ того, шибко ухаживаетъ за барышней? Близокъ къ ней?—проговорилъ Григорій Николаевичъ, съ трудомъ выговаривая слова и не глядя на Жучка.

— А ты думалъ, зѣвать станетъ!

— То-есть какъ?

— Очень просто. Твоя барышня, кажется, втюрилась въ него! Ты раньше-то не догадывался?

— Втюрилась! Видишь ли, къ теткѣ тоже писали, и

будто онъ съ ней подло поступаетъ... Правда это? Не знаешь? Нѣтъ ли какой пакости?

— Не знаю. Да ты чего глядишь такъ? Ну, и Богъ съ ними!.. Оставь ихъ въ покоѣ!..

— Оставить!—воскликнулъ, сверкая глазами, Лаврентьевъ.—Негодяй соблазнитъ, а послѣ броситъ человѣка, какъ дерьмо?.. Шалишь!

— Ужъ и соблазнитъ! Почемъ ты знаешь?..

— А если... Мало ли между брехунами прохвостовъ!.. Они самые подлые!.. Сперва благородныя слова... развивать, молъ, а послѣ...

— А послѣ,—подхватилъ докторъ, и лицо его насмѣшливо улыбалось:—книжки подъ столъ и въ третью позицію: «Такъ, молъ, и такъ...» «шопотъ, робкое дыханье» и прочее. Ну, а дѣвица, на то она и дѣвица, чтобы млѣть и слушать кавалера. И пойдетъ развитіе, но уже по части амуровъ и для приращенія человѣчества, но, разумѣется, безъ стѣсненія узами Гименея. А тамъ сорвалъ цвѣты удовольствія... «Очень прискорбно... Ты мнѣ не пара!..» И лети къ другому цвѣтку, начинай снова: книжки подъ мышку... заговаривай зубы... Все это такъ. Есть такіе бездѣльники шатающіеся... есть, но нынче они рѣже. И дѣвица стала умнѣй...

— Такую тварь и убить не жаль!

— Эка какой ты кровожадный! Ужъ не пріѣхалъ ли ты, Лавруша, Вязникова убивать? — улыбнулся Жучокъ.—И съ чего это сыръ-боръ загорѣлся? Ты, братъ, кажется, напрасно его въ негодяи ужъ произвелъ. Малый онъ, по-моему, легковѣсный, неработящій, но все-жъ не паскудникъ. Почемъ ты знаешь, можетъ, и онъ барышню облюбовалъ... А ты ужъ сейчасъ въ защиту невинности... Да, можетъ, невинность-то тебя за это не похвалитъ!..

— Это мы все узнаемъ! — прошепталъ Григорій Николаевичъ, подливая себѣ рому. Онъ чувствовалъ, какъ злоба душила его при имени Вязникова.

Докторъ пристально взглядывалъ на пріятеля и, помолчавъ, замѣтилъ:

— Посмотрю я, Лавруша, такъ ты, дружище, того...

Григорій Николаевичъ вспыхнулъ и угрюмо процѣдилъ:

— Что «того»?

— Дурость-то, какъ видно, не извлекъ, а? — тихо, съ нѣжностью въ голосѣ, проговорилъ Жучокъ.

Лаврентьевъ молчалъ.

— Кисну еще! — тихо проговорилъ онъ наконецъ, опуская голову.

— И работа не помогаетъ?

— Нѣтъ.

— Гмъ!.. Переселяйся въ городъ.

— Куда ужъ. Что въ городѣ-то? У васъ хуже еще! У насъ хоть народъ-то по совѣсти живетъ, а у васъ!? А эта кислота пройдетъ... навѣрное пройдетъ. Одному иной разъ тоска... такая тоска! Если-бъ ты только зналъ, братъ! Къ тому же и пакость пошла... Кругомъ разореніе да грабежъ... Одинъ Кузька крови-то сколько перепортилъ! А все въ городъ не пойду! Привыкъ къ вольному воздуху. Привыкъ!.. Развѣ вотъ погонятъ. И ты вѣдь одинъ!— прибавилъ Лаврентьевъ.

— А эти твари!—улыбнулся докторъ, указывая головой на сосѣднюю комнату.—Слышишь, какъ шлепаютъ. Я, братъ, всегда въ веселой компаніи.

— И ничего, ладно?

— Ничего себѣ, ладно. Занятъ. Надѣюсь за границу на счетъ академіи ѣхать! Недавно вотъ операцію въ клиникѣ ловкую сдѣлалъ одному больному. Онъ было-умиралъ, а я ему не далъ!—разсказывалъ, оживляясь, докторъ.

— Выздоровѣлъ?

— Э, нѣтъ, умеръ, гдѣ ему жить, нечѣмъ, братъ, было жить, но все-таки сутки-то я его продержалъ!.. Ровно сутки!

— Эка, стоило хлопотать!

— Да тутъ не въ больномъ! Умеръ сутками раньше, сутками позже—не въ томъ дѣло, а главное—операція. Надо было въ точку. Обыкновенно умираютъ подъ ножомъ, а онъ сутки... понимаешь, Лаврентьевъ, сутки!

Однако Григорій Николаевичъ все-таки не могъ понять радости пріятеля, что онъ далъ больному отсрочку на сутки, и не безъ удивленія слушалъ, съ какимъ азартомъ Жучокъ разсказывалъ объ этомъ обстоятельствѣ и даже вошелъ въ подробности.

— Всѣ, знаешь ли, собрались на утро смотрѣть, какъ это я сдѣлалъ операцію; я ее принялъ на свою отвѣтственность,—ночью, вижу—больной задыхался. Профессоръ и ассистенты!.. А у насъ, братъ, народъ тоже, какъ и вездѣ... зависть, интриги... Около профессоровъ нѣкоторые лебезятъ, до лакейства доходятъ даже, потому что профессоръ, да еще знаменитый, можетъ пустить тебя

въ ходъ. Практика и все такое. Ну, профессоръ посмотрѣлъ, и всѣ смотрятъ разрѣзъ-то мой, а я объясняю. А самъ, братъ Лаврентьевъ, не увѣренъ... не повредилъ ли я при операціи органовъ? Надо было въ самую точку. Профессоръ (а онъ очень ко мнѣ расположенъ) одобрительно покачалъ головой, а другіе, вижу, переглядываются, шепчутся. На нѣкоторыхъ лицахъ злорадство. Провалился, молъ, я! Цѣлыя сутки я былъ, братъ, самъ не свой... Жду. Однако больной умеръ, какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ. Вскрыли... опять всѣ собрались, и что же? Операція-то оказалась безъ малѣйшей фальши... Въ точку! Въ самую точку! Ни одного органа не повреждено. Ну, профессоръ меня поздравилъ, а у многихъ лица-то вытянулись!—разсмѣялся докторъ, оканчивая разсказъ о своемъ торжествѣ.—Словно аршинъ проглотили!..

Григорій Николаевичъ между тѣмъ все подливалъ себѣ рому. Разсказъ Жучка произвелъ на него странное впечатлѣніе. Онъ недоумѣвалъ по простотѣ, съ чего это Жучокъ придаетъ такое значеніе этому случаю и такъ радуется, что отсрочилъ смерть на сутки. Радость Жучка ему показалась даже нѣсколько удивительной. Онъ съ уваженіемъ посматривалъ на своего друга, а въ головѣ его пробѣгала мысль: «Чудакъ однако Жучокъ! Какъ онъ радуется!»

— И у васъ въ наукѣ, братъ, пакостничаютъ!—замѣтилъ онъ.—Другъ дружку грызутъ, какъ послушаю!

— Нельзя. Мы, братъ, тоже люди!—усмѣхнулся Жучокъ.

— То-то! А я бы, Жучокъ, не пошелъ къ вамъ!

— Что̀ такъ?

— Претитъ, какъ послушаешь тебя!.. Оно наука—вещь пользительная, это мы понять можемъ, а только... въ деревнѣ-то лучше! И человѣкъ тамъ проще, а у васъ тутъ...

Лаврентьевъ махнулъ рукой и замолчалъ. Жучокъ улыбался.

— Эхъ, Жучокъ,—началъ, немного спустя, Григорій Николаевичъ.—Ты, поди, думаешь, какъ это я все насчетъ этой барышни. Ты вотъ съ лягухами да со всякой дрянью, въ точку тамъ попадаешь, за границу поѣдешь... все, какъ слѣдуетъ. Молодчина! Тебѣ оно по душѣ, а мнѣ это ни къ дьяволу. Вонь одна, нутро воротитъ, да и глупъ я для вашего дѣла! Какая ужъ наука! Мнѣ въ самый разъ въ деревнѣ и нѣтъ другого мѣста. Да если бы въ «Лаврентьевку» хозяйку...

Григорій Николаевичъ произнесъ послѣднія слова съ глубокой тоской въ голосѣ. Онъ вылилъ изъ бутылки остатки рома въ стаканъ, отпилъ и сказалъ:

— Я, Жучокъ, къ ней-то привязался, какъ собака!.. Ты этого не понимаешь, я никогда тебѣ не сказывалъ. Два раза пыталъ и только по третьему согласилась. Вовсе обнадеженъ былъ. Думалъ, вмѣстѣ заживемъ, и такъ радостно это было! Все къ свадьбѣ обладилъ. Фракъ заказалъ... фракъ, пойми! Космы окарналъ, бороду постригъ,— смѣялись даже. Ну, усадьбу отдѣлалъ, всё, какъ слѣдуетъ... вотъ-вотъ и хозяйка дорогая домишко-то голоскомъ звонкимъ огласитъ... душу согрѣетъ словомъ, взглядомъ, лаской. День свадьбы назначили! Три года ждалъ этого счастья и думалъ: пришло и ко мнѣ оно... Да такъ при фракѣ и остался! Прежде, помоложе былъ, оно будто и не такъ одному мотаться, а года—дрянь дѣло. Душа-то у меня глупая, тоже ищетъ тепла, друга требуетъ, а ты одинъ, и никому твоей паршивой души не требуется!

Лаврентьевъ помолчалъ, взглянулъ на притихшаго пріятеля и продолжалъ:

— Тебя, Жучокъ, вотъ любили, а меня никто, ни разу. Рыло-то, видно, ужъ очень зазорное!—усмѣхнулся горько Лаврентьевъ.—Ни разу! Ну, и робость,—самъ знаешь, робѣю я съ женскимъ поломъ. Вотъ и пойми, какова радость-то была, когда она свое согласіе изъявила и со мной, какъ съ человѣкомъ близкимъ, ласковая, добрая, слушала, какъ я ей пѣсни пѣлъ, про жизнь разсказывалъ. Она-то! Такая душа нѣжная, откликнулась! И вдругъ словно треснули по лбу. Все пошло прахомъ. Жалѣла только, а настоящаго-то нѣту... настоящаго-то... При фракѣ! Думалъ, выдержу... сперва-то хоть руки наложи! Гришка! Осилю, а поди, и о сю пору не осилилъ. Бобылемъ вотъ и живи, мотайся. Ни привѣта, ни ласки. Выйдешь это теперь изъ дому. Хорошо такъ у насъ, Жучокъ! Люблю я встать рано. Воздухъ весной—сладость; всякая тварь трепещетъ жизнью, солнышко подымается такое радостное и льетъ свѣтъ, а ты одинъ, какъ пень,—одинъ... Придетъ вечеръ—и опять благодать у насъ вокругъ, пей ее полной грудью, а ты снова одинъ! Зиму вотъ скороталъ, а только и зима! Скверная, другъ, зима! Подлая зима!..

Утомленный двумя безсонными ночами, Лаврентьевъ нѣсколько захмелѣлъ послѣ выпитой имъ бутылки рома. Онъ началъ-было разсказывать про Кузьму Петровича,

какія онъ пакости мастеритъ, но скоро умолкъ и осовѣлъ. Голова отяжелѣла. Пора было отдохнуть. Онъ собрался-было уходить, но докторъ уговорилъ его переночевать у него.

— Ну ладно, Жучокъ. Мнѣ гдѣ-нибудь. Нѣжностей не надо!.. Только вотъ потрошить лягухъ—ни-ни!.. А завтра мы все узнаемъ!—повторялъ онъ, раздѣваясь.—Узнаемъ, и если онъ обидѣлъ ее—берегись!.. Берегись!—воскликнулъ Григорій Николаевичъ, сжимая кулаки при воспоминаніи о Вязниковѣ.

— Ложись-ка да отдохни, братъ!—проговорилъ докторъ:—а я пойду, еще одну лягуху обработаю.

— Обрабатывай, обрабатывай, Жучокъ, прахъ тебя бери! Ты человѣкъ хорошій, Жучокъ, хорошій!..

На слѣдующій день Григорій Николаевичъ, какъ читатель уже знаетъ, былъ у Николая, но не засталъ его дома. Своимъ визитомъ онъ нѣсколько смутилъ нашего молодого человѣка, но смущеніе это скоро прошло, и Николай нарочно просидѣлъ до вечера дома, поджидая Лаврентьева. Мысль, что его могутъ обвинить въ трусости, придавала ему отчаянную храбрость. Однако Лаврентьевъ не приходилъ. Николай написалъ длинное письмо отцу, въ которомъ просилъ согласія на бракъ съ Леночкой (онъ не сомнѣвался, разумѣется, въ согласіи), получилъ денежное письмо, принесенное дворникомъ, и былъ тронутъ извиненіями отца, что онъ не можетъ помогать Николаю такъ, какъ бы хотѣлось; а о томъ, что у нихъ у самихъ нѣтъ денегъ, и что посланныя деньги были заняты — ни слова!

Эта деликатность и тронула и кольнула Николая.

«Онъ больше не будетъ стѣснять своихъ славныхъ стариковъ».

X.

Сердце Леночки забило тревогу, когда вечеромъ она услыхала отъ Николая о посѣщеніи господина, похожаго по всѣмъ описаніямъ на Григорія Николаевича. О, это непремѣнно онъ; она не сомнѣвалась. Она знала ревнивые порывы Лаврентьева, знала, что онъ все еще любитъ ее («ахъ, зачѣмъ онъ не забылъ ее!»), и ничего нѣтъ невѣроятнаго, если онъ приходилъ къ Николаю. Онъ долженъ ненавидѣть его. И все изъ-за нея. Она одна во всемъ виновата. Она тогда скрыла отъ Лаврентьева, что любитъ другого, и теперь все обрушится на Николая.

Какое-нибудь грубое слово, Николай вспыхнетъ—онъ такой горячій!—и Господи, что̀ можетъ быть. Страхъ за любимаго человѣка охватилъ Леночку. Мысль, что Лаврентьевъ какъ-нибудь догадывается объ ихъ отношеніяхъ и вздумаетъ обвинить Николая, невольно прокрадывалась въ голову. Она вспомнила намеки брата, сцену... Это совсѣмъ разстроило Леночку, хотя она и старалась скрыть свое смущеніе отъ Николая.

— Тебя эта новость испугала, Лена?

— Нѣтъ. Отчего-жъ?.. Онъ просто зашелъ къ тебѣ. Да наконецъ, можетъ-быть, это былъ и не Лаврентьевъ.

— Ну, положимъ, Лаврентьевъ. Лохматый, ровно мужикъ, — кому другому быть? — насмѣшливо проговорилъ Николай.—Навѣрное, Отелло изъ «Лаврентьевки».

— А ты не принимай его, Коля. Съ какой стати!

Николай удивленно взглянулъ на Леночку и рѣзко замѣтилъ:

— Какой ты вздоръ говоришь!.. Отчего не принять? Я приму его... Посмотрю на дикаго человѣка, давно не видалъ! Не бойся, со мной онъ будетъ смиренъ. Я медвѣдей не боюсь! Ну, да объ этомъ нечего и говорить!.. Успокойся, пожалуйста, а то со страху ты не вѣдаешь, что̀ говоришь!

Николай какъ-то особенно оживленно болталъ и казался очень веселымъ. Онъ взялъ Леночку въ театръ и все посмѣивался надъ ея страхами. И она старалась скрыть передъ нимъ свою тревогу напускной веселостью, хотя ей было жутко. Она слушала болтовню Николая, а сама думала, какъ бы увидаться съ Лаврентьевымъ и узнать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Пусть Николай разсердится, пусть даже очень разсердился, узнавши объ этомъ, но она должна объясниться съ Григоріемъ Николаевичемъ, не теряя времени, а то, пожалуй, будетъ поздно. Она во всемъ виновата и должна поправить ошибку. Въ ея воображеніи чудились Богъ знаетъ какія картины. Она знала, что Лаврентьевъ страдаетъ, онъ оскорбленъ. Мало ли на что̀ рѣшится такой человѣкъ! И ей вдругъ представилось, что этотъ близкій ей, дорогой, славный Николай лежитъ безъ дыханія, а около Лаврентьевъ съ пистолетомъ. О, Господи! Она зажмурила глаза. Голова у нея закружилась.

— Что̀ съ тобой, Лена? Ты блѣдна совсѣмъ.

— Голова закружилась! — слабо улыбнулась она.— Жарко здѣсь.

— Пойдемъ въ фойе.

— Нѣтъ, ничего. Теперь прошло. А ты на меня не сердишься, Коля?

— За что̀?..

— Да, помнишь, я глупость сказала, совѣтовала не принимать Лаврентьева. Вѣдь и правда — глупость, сама вижу. Конечно, прими. Ты вѣдь въ одиннадцать часовъ встаешь?..

— Завтра раньше встану...

— Раньше? А мы развѣ не поѣдемъ изъ театра поужинать? Мнѣ очень ѣсть хочется!

— Въ первый разъ ты зовешь ужинать!.. Вотъ чудеса, Лена! Поѣдемъ; я радъ!..

Онъ было-предложилъ ей ѣхать, не дождавшись конца спектакля, но она упросила его остаться. Они поѣхали и долго сидѣли за ужиномъ. Николай все торопился, говоря, что ему надо раньше встать, а она, какъ нарочно, сегодня была необыкновенно мила, возбуждена и просила посидѣть еще минуточку...

— Ну, Лена, изъ-за тебя я опять поздно встану! Пожалуй, заставлю дожидаться дикаго человѣка, если онъ удостоитъ своимъ посѣщеніемъ!..

— Подождетъ!..—весело отвѣчала Леночка, крѣпко прижимаясь къ Николаю.

Она поздно вернулась домой... О, какіе мучительные часы тревоги провела она, а часы тянулись такъ долго! Леночка не смыкала во всю ночь глазъ. Только подъ утро она немного забылась. Сонъ былъ тревожный; ей все снился убитый Николай, и она нѣсколько разъ въ страхѣ вскакивала съ постели.

Въ девятомъ часу ужъ она ѣхала къ Непорожневу и все торопила извозчика: «Ради Бога скорѣй, скорѣй!» Докторъ съ изумленіемъ встрѣтилъ бѣдную встревоженную Леночку.

— Что̀ случилось, барышня?

— Ничего, ничего. Мнѣ надо видѣть Григорія Николаевича. Онъ у васъ?

«Таки не послушался! — промелькнуло у Жучка. — Вѣрно, сочинилъ скандалъ!»

— Нѣтъ. Да вы передайте, что̀ надо. Я ему скажу.

— Гдѣ онъ живетъ?—спрашивала Леночка.

Докторъ сообщилъ ей адресъ.

— До свиданія... Извините!..—проговорила Леночка, уходя.

— Да что̀ случилось?.. Эка какая... ужъ вспорхнула и не слышитъ!.. Удивительно рѣшительны онѣ, когда любятъ!.. И Лаврентьевъ еще вздумалъ защищать ее отъ человѣка, за котораго она жизнь отдастъ! Она его поблагодаритъ! Экая ерунда!—промолвилъ Жучокъ, присаживаясь къ своимъ лягушкамъ.—Ну, лѣзь... лѣзь, голубушка!

Леночка вышла на улицу. Извозчикъ, который привезъ ее, уже уѣхалъ съ сѣдокомъ... («Экая я дура! не догадалась оставить его!») На улицѣ не было ни одного извозчика. Она побѣжала почти бѣгомъ и наконецъ только на мосту встрѣтила сани.

— Домой ѣду, барышня!—сказалъ извозчикъ, когда она позвала его.

— Голубчикъ... довези... Недалеко...

— Куда?

— Къ Знаменью...

Онъ отрицательно махнулъ головой и стегнулъ лошадь... У Леночки выступили слезы...

Наконецъ уже за мостомъ она сѣла въ сани и велѣла ѣхать какъ можно скорѣй...

— Али за дохтуромъ? — полюбопытствовалъ извозчикъ, съ участіемъ взглядывая на блѣдное лицо Леночки.

— Да... да... человѣкъ умираетъ...

Извозчикъ понесся во весь духъ.

— Стой... тутъ... у большого дома...

Она поднялась бѣгомъ наверхъ, въ четвертый этажъ, и постучалась въ тридцать второй номеръ. Отвѣта нѣтъ.

— Спитъ, вѣрно!—радостно подумала Леночка и постучала сильнѣй.

— Да вы напрасно, барышня! — проговорила проходившая по коридору горничная съ самоваромъ.—Господинъ изъ тридцать второго номера съ часъ тому назадъ какъ ушли!..

— Куда?—машинально спросила Леночка.

— А не знаю... Намъ не сказывали!—иронически замѣтила горничная, останавливаясь на минуту и осматривая Леночку.

— Да здѣсь Лаврентьевъ живетъ?

— А Богъ его знаетъ... Черномазый такой... лохматый!

У Леночки упало сердце...

«Онъ, вѣрно, теперь у Николая... Но Коля спитъ!.. Лаврентьевъ, значитъ, дожидается, и она вызоветъ его!»

Эта мысль придала ей энергіи. Надежда снова улыбнулась ей. Она взглянула на часы, — безъ четверти десять.

«Онъ навѣрное спитъ! Къ десяти часамъ она доѣдетъ...»

Сердце ея замирало отъ страха, когда она дернула звонокъ у дверей квартиры Вязникова. Степанида отворила дверь. Леночка взглянула пытливымъ взглядомъ въ лицо кухарки: ничего, лицо спокойное, привѣтливое.

— Здравствуйте, барышня! Какъ поживаете? Давно не жаловали!.. Давно!..

— Николай Ивановичъ дома?

— Нѣтъ. Сегодня раненько ушли.

— Давно?

— Да съ полчаса будетъ.

— Здоровъ онъ?

— Слава Богу... Что̀ ему дѣлается! Сегодня и всталъ-то рано, въ восемь часовъ. Поджидали все одного знакомаго, что̀ вчера приходилъ... «Вы, говоритъ, Степанида, безпремѣнно разбудите»... Онъ не любитъ такъ рано вставать, а тутъ сейчасъ же вскочилъ... Да что̀ же вы, барышня... Вы взойдите... Отдохните... Запыхались, чай?

— А вчерашній господинъ былъ?

— Какъ же, былъ. Сродственникъ ихъ?

— Нѣтъ.

— То-то и я подумала, что нѣтъ! Угрюмый такой баринъ... А можетъ, и не баринъ?

— И долго онъ былъ?

— А не знаю. Не знаю, барышня. Я въ булочную бѣгала. Онъ безъ меня ушелъ, а вскорѣ за нимъ и Николай Ивановичъ.

Леночка вздохнула свободнѣе. Съ Николаемъ ничего не случилось. Однако какое было объясненіе? И чѣмъ оно кончилось? Снова тревожныя мысли охватили любящее созданіе. «Лаврентьевъ не такъ же приходилъ! Она во всякомъ случаѣ должна увидать Лаврентьева!»

Черезъ полчаса она опять стучалась у дверей тридцать второго номера.

— Входи!—раздался твердый голосъ Лаврентьева.

Она отворила двери. При ея появленіи Григорій Николаевичъ совсѣмъ смутился и опустилъ глаза въ какомъ-то благоговѣйномъ страхѣ, точно предъ нимъ явился грозный судья, а не встревоженная и блѣдная Леночка.

XI.

Прежде, чѣмъ продолжать наше повѣствованіе, необходимо разсказать читателю о встрѣчѣ Лаврентьева съ Николаемъ, которая такъ безпокоитъ бѣдную Леночку.

Въ это утро нашъ молодой человѣкъ не заставилъ будить себя нѣсколько разъ. Какъ только Степанида постучала въ дверь и объявила, что восемь часовъ, Николай вскочилъ съ постели и сталъ одѣваться съ нервной поспѣшностью человѣка, боящагося опоздать. Эту ночь, противъ обыкновенія, онъ спалъ скверно: съ вечера долго не могъ заснуть и часто просыпался, нервы его были возбуждены ожиданіемъ встрѣчи съ Лаврентьевымъ. Хотя наканунѣ онъ и казался веселымъ, стараясь увѣрить и Леночку, и себя самого, что свиданіе съ Григоріемъ Николаевичемъ нисколько его не тревожитъ, но именно оно-то и тревожило Николая своей неизвѣстностью. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что вчера къ нему заходилъ Лаврентьевъ, и не сомнѣвался, что онъ непремѣнно придетъ и сегодня, и придетъ, казалось ему, не какъ добрый знакомый, а не иначе.

Николай тщательно повязывалъ галстукъ передъ зеркаломъ, и въ это время различныя предположенія лѣзли въ голову по поводу ожидаемой встрѣчи. Онъ ждалъ ее, заранѣе настраивая себя на враждебный тонъ къ этому «дикому человѣку», который прежде ему даже нравился. Николай догадывался, что дикій человѣкъ все еще любитъ Леночку («и охота мнѣ было разстроить свадьбу!»), какъ можетъ любить эта «дикая натура», и подъ вліяніемъ страсти готовъ, пожалуй, выкинуть какую-нибудь грубую выходку.

При одной мысли объ этомъ кровь приливала къ сердцу возбужденнаго молодого человѣка; глаза зажигались огонькомъ, нервно сжимался кулакъ... онъ закипалъ гнѣвомъ отъ воображаемой обиды. Что-то стихійно-безобразное казалось ему теперь въ натурѣ Лаврентьева; онъ вздрагивалъ отъ негодованія и напряженно прислушивался, не раздастся ли звонокъ.

Напрасно онъ старался быть спокойнымъ и не думать о Лаврентьевѣ. Онъ наскоро выпилъ кофе, отхлебывая быстрыми глотками изъ чашки, курилъ папироску за папироской и заходилъ быстрыми шагами по кабинету. Невольно мысли сосредоточивались на одномъ и томъ же.

«Къ чему заходилъ къ нему Лаврентьевъ? Что̀ ему надо? Не узналъ ли онъ объ его отношеніяхъ къ Леночкѣ?»

Николай снова почувствовалъ себя очень виноватымъ передъ Леночкой, но какое дѣло Лаврентьеву? Какъ онъ смѣетъ мѣшаться въ его личныя дѣла? Разумѣется, онъ не снизойдетъ до объясненія по поводу своихъ отношеній, если бы Лаврентьевъ осмѣлился потребовать ихъ. Никто не смѣетъ мѣшаться. Онъ никому не позволитъ! «А все-таки лучше было бы, если бы онъ не увлекался: не было бы глупаго свиданія съ дикимъ человѣкомъ!»—проносилось въ его головѣ.

«Ужъ не трушу ли я этого Отелло?»—насмѣшливо проговорилъ вслухъ Николай.—«Трусишь!»—подсказалъ ему внутренній голосъ. Мысль, что онъ труситъ, заставила его вспыхнуть отъ негодованія, стыда и злости. Онъ презрительно улыбнулся и взглянулъ въ зеркало, потомъ присѣлъ къ столу и принялся читать книгу.

Но ему не читалось. Строки мелькали передъ глазами, онъ не понималъ ихъ. Напряженно прислушивался онъ снова къ звонку, поджидая Лаврентьева въ тревожномъ, возбужденномъ состояніи. Онъ чувствовалъ, что встрѣча съ дикимъ человѣкомъ будетъ серьезная.

Ему казалось, что время идетъ необыкновенно долго, и онъ досадовалъ, что Лаврентьевъ не приходитъ.

«Скорѣй бы онъ приходилъ!»

Николай рѣшилъ ждать его до часу, а то, пожалуй, этотъ медвѣдь подумаетъ, что Николай нарочно избѣгаетъ свиданія.

«А можетъ-быть, онъ и не придетъ! Просто заходилъ повидаться, не засталъ—и уѣдетъ въ свою берлогу. Вѣрно, пріѣхалъ по какому-нибудь дѣлу на короткое время, а я ужъ чортъ знаетъ что̀ предполагаю—какія-то враждебныя намѣренія! За что̀ ему питать ко мнѣ злыя чувства? Не дуракъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ! Леночка ему отказала, ну, конечно, непріятно, да развѣ я виноватъ, что она не любитъ его? Пожалуй, онъ ужъ видѣлъ Васю, узналъ о свадьбѣ и не придетъ... Къ чему ему приходить?»

Такъ пробовалъ-было Николай объяснить себѣ цѣль посѣщенія Григорія Николаевича, но самъ тотчасъ же сознавалъ нелѣпость этихъ объясненій.

— Ну, и чортъ съ нимъ!—проговорилъ онъ, злясь, что Лаврентьевъ его такъ тревожитъ.

Онъ принялся-было за работу, какъ вдругъ въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ.

«Это онъ!»—прошепталъ нашъ молодой человѣкъ, слыша въ этомъ рѣзкомъ звонкѣ что-то особенное.

Сердце у него ёкнуло. Страхъ внезапно охватилъ все его существо, по спинѣ пробѣжали холодныя мурашки, и онъ вздрогнулъ. Но это было на одно мгновеніе. Черезъ секунду онъ уже оправился. Боязнь показаться передъ Лаврентьевымъ (и вообще передъ кѣмъ бы то ни было) трусомъ пересилила малодушный страхъ. Онъ вдругъ какъ-то весь подобрался и казался не только совершенно спокойнымъ, но какъ будто даже веселымъ и безпечнымъ. Чуть-чуть насмѣшливая улыбка скользила по его слегка вздрагивающимъ губамъ; надѣтое пенсне придавало его лицу вызывающее, пикантное выраженіе. Глядя теперь на Николая, свѣжаго, румянаго, красиваго и улыбающагося, нельзя было и подумать, что нѣсколько секундъ тому назадъ онъ перетрусилъ.

Онъ повернулъ голову къ дверямъ, но тотчасъ же снова отвернулся. Онъ ясно слышалъ, какъ тихо скрипнули двери, и кто-то вошелъ.

«Безъ позволенія входитъ!»—подумалъ Николай.

Онъ все-таки не оборачивался и ждалъ. Кто-то откашлялся. Тогда только Вязниковъ повернулся и увидалъ приземистую, неуклюжую фигуру Лаврентьева въ черномъ сюртукѣ, высокихъ сапогахъ, съ огромной бараньей шапкой въ рукахъ.

Николай поднялся съ кресла, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился при видѣ серьезной и мрачной физіономіи Григорія Николаевича. Они обмѣнялись поклонами, но никто изъ нихъ не протянулъ другъ другу руки. Оба внезапно почувствовали смущеніе и серьезно взглянули одинъ на другого.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу!—сухо и рѣзко оборвалъ Григорій Николаевичъ, стараясь не глядѣть на Николая и приближаясь на нѣсколько шаговъ. — Дѣло это очень для меня важное!—глухимъ, тяжелымъ голосомъ прибавилъ онъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Григорій Николаевичъ!—отвѣтилъ Николай.—Надѣюсь, серьезное дѣло не помѣшаетъ намъ присѣсть?—продолжалъ онъ веселымъ тономъ, съ иронической ноткой въ голосѣ.

Лаврентьевъ поднялъ на него свои глубоко засѣвшіе,

блестящіе глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ. Въ этомъ взглядѣ было совсѣмъ не дружелюбное выраженіе. Тонъ Николая, его самоувѣренный, задорный, смѣющійся видъ— все теперь казалось ненавистнымъ Лаврентьеву.

— Шутить изволите? А я вѣдь не для шутокъ пришелъ!—промолвилъ Григорій Николаевичъ, стараясь сдержать себя.

— И я вовсе не расположенъ шутить!—рѣзко отвѣтилъ, вспыхивая весь, Николай.

— Не всегда шутить-то въ пору, Николай Ивановичъ!.. Мнѣ вотъ насчетъ одного обстоятельства очень желательно попытать вашего мнѣнія, за тѣмъ я и пришелъ. Человѣкъ вы умный, статьи пишете и все такое. Чай, не откажете намъ, сиволапымъ, ась?

— Охотно! — насмѣшливо процѣдилъ сквозь зубы Николай.

— Ладно, значитъ! Теперича мы другъ дружку поймемъ!—значительно прибавилъ Лаврентьевъ.—Дѣло, видите ли, такое. Прослышали мы—тоже и въ нашу глухую сторону вѣсти доходятъ—будто нѣкоторый молодой человѣкъ, парень, сперва, казалось, очень хорошій, сталъ дѣвушку одну уму-разуму учить... развивать, что ли... Книжки разныя и все такое. Говорить-то онъ мастеръ! Ладно! Дѣвушка,—надо сказать, честная, довѣрчивая, хорошая дѣвушка,—продолжалъ Лаврентьевъ, и голосъ его дрогнулъ скорбной ноткой:—повѣрила рѣчамъ умнымъ,— рѣчи-то сладкія!—и полюбила парня... А онъ, въ тѣ поры, лясы-то свои брось,—не требуется, молъ!—и стань облещивать честнаго человѣка... Поигралъ, поигралъ, натѣшился да и бросилъ... Надоѣло... По-нашему, по-деревенскому, это выходитъ какъ будто пакость одна, а поди, парень-то, можетъ, думаетъ, что оно какъ слѣдуетъ, даже и либерально. Такъ я, перво-на-перво, хочу попытать молодца, правда ли это?.. Какъ присовѣтуете?

Лаврентьевъ смолкъ и поднялъ на Николая строгій, пристальный взглядъ.

Блѣдный, съ сверкающими глазами, нервно пощипывая дрожавшими пальцами бороду, слушалъ Николай Лаврентьева, и когда тотъ обратился къ нему, онъ презрительно усмѣхнулся и насмѣшливо проговорилъ, отчеканивая слова:

— Я полагаю, что молодецъ, о которомъ вы говорите, и объясняться-то съ вами не захочетъ, г. Лаврентьевъ!

— Не захочетъ? — угрюмо протянулъ Григорій Николаевичъ.—А коли не захочетъ, такъ я попрошу его драться. А на дуэль не пойдетъ, трусомъ вдобавокъ окажется, ну, тогда... тогда... — проговорилъ съ угрозой Лаврентьевъ.

— Довольно, г. Лаврентьевъ!—перебилъ его Николай, вздрагивая. — Довольно! Къ чему аллегоріи? Я принимаю вашъ вызовъ!

— Вотъ и поняли другъ дружку!—усмѣхнулся Лаврентьевъ и сдѣлался вдругъ спокойнѣе.—По-моему, нечего дѣло откладывать. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Угодно завтра?

— Пожалуй, завтра.

— Да и формальности-то по-боку. Богъ съ ними. Можно и самимъ сговориться, безъ секундантовъ. Или требуется по формѣ?

— Можно и такъ.

— Десять шаговъ... Драться на пистолетахъ. Три выстрѣла каждому. Подходитъ?—серьезно продолжалъ Лаврентьевъ.

Николай небрежно махнулъ головой. Онъ уже не злился, а былъ въ какомъ-то особенномъ пріятномъ возбужденіи. Онъ даже старался показать Лаврентьеву, что онъ нисколько не труситъ, и нѣсколько рисовался этимъ.

— На Голодаѣ я знаю мѣста укромныя. А чтобы, въ случаѣ чего, не было огласки, каждый черкнетъ цидулку: надоѣло, молъ, жить, и потому покончилъ съ собою самъ.

— Это самое лучшее.

— Разумѣется, барышнѣ не надо знать о нашемъ дѣлѣ?

— Разумѣется.

— Секундантамъ объяснять насчетъ причины дуэли, поди, тоже нечего?

— Къ чему имъ знать?

— По одному на брата довольно?

— За глаза!—проговорилъ Николай бойко, съ особенной аффектаціей небрежности.

Весь этотъ разговоръ казался ему въ эту минуту очень интереснымъ и пріятно возбуждалъ нервы.

— Вашъ пріѣдетъ къ моему или мой къ вашему насчетъ остальныхъ подробностей?—продолжалъ такъ же основательно и серьезно допрашивать Григорій Николаевичъ.

— Все равно. Я еще не знаю, кто у меня будетъ. Пожалуй, мой пріѣдетъ къ вашему!

— Такъ пришлите ужо къ доктору Непорожневу. Знаете?

— Какъ же, знаю!

— А затѣмъ до завтра. Въ шесть часовъ утра, не рано?

— Какъ разъ время.

Лаврентьевъ кивнулъ головой и вышелъ изъ кабинета.

Оставшись одинъ, Николай нѣсколько времени былъ еще въ прежнемъ возбужденномъ состояніи. Нервы его были натянуты. Сердце билось сильно. Онъ словно былъ въ какомъ-то опьяненіи. Онъ все еще не могъ придти въ себя; только-что происшедшая сцена казалась ему какимъ-то страннымъ, подавляющимъ сномъ. Дуэль представлялась въ какомъ-то парадномъ видѣ. Онъ припоминалъ всѣ подробности объясненія и остался доволенъ собой. О, онъ не позволитъ съ собой шутить!

Прошло минутъ пять, и послѣ порыва возбужденія настало раздумье. Нервы слабѣли, и вся эта исторія представлялась ему въ иномъ свѣтѣ. Дѣло казалось теперь гораздо серьезнѣе...

Онъ будетъ драться и, быть-можетъ, завтра будетъ убитъ!

«Убитъ!»—повторилъ онъ, беззвучно шевеля губами.

Страхъ, неодолимый страхъ охватилъ Николая при мысли о смерти. Онъ почувствовалъ, какъ потъ выступалъ на лбу, по спинѣ пробѣгала струя холода, волосы точно подымались, сердце сжалось невыразимой тоской.

О, какъ хотѣлось ему жить, какъ все теперь вокругъ казалось ему прекраснымъ, близкимъ и дорогимъ! Онъ припомнилъ почему-то дѣтскіе годы, вспомнилъ отца и мать, Васю. Чѣмъ-то теплымъ и мягкимъ пахнуло на него, и эти воспоминанія еще болѣе манили его къ жизни. Тоскливымъ, помутившимся взглядомъ озирался онъ вокругъ, и все то, что прежде, казалось, не имѣло въ его глазахъ никакой цѣны, получило вдругъ какое-то особенное значеніе. Солнечный морозный день, весело заглянувшій въ комнату, теперь показался ему прелестнымъ, чуднымъ, и самая комната не та, и все не то, и голосъ Степаниды, доносившійся изъ коридора, звучалъ какимъ-то особеннымъ звукомъ. А впереди цѣлая жизнь, и какая жизнь... Онъ ждалъ отъ нея счастія, славы, успѣховъ, и вдругъ умереть...

«И изъ-за чего? Съ какой стати онъ дерется? Изъ-за чепухи! Пришелъ сумасшедшій какой-то идіотъ, и онъ подставляетъ грудь подъ пулю! Глупо, ахъ, какъ глупо! Какъ умны англичане, у нихъ нѣтъ дуэлей! Какой это нелѣпый предразсудокъ, остатокъ варварства!.. И хотя бы были серьезные поводы. Вѣдь онъ могъ бы объяснить этому... этому мерзавцу, что онъ женится. Могъ бы. Нѣтъ, не могъ. Его обвиненія оскорбляли. Не могъ. И наконецъ не все ли равно? Теперь поздно... Онъ долженъ драться!»

Онъ подумалъ о Леночкѣ съ чувствомъ досады. Изъ-за нея вся эта глупая исторія! Какимъ дуракомъ—именно дуракомъ—онъ былъ, сближаясь съ нею! И къ чему онъ полюбилъ ее? Какъ хорошо было бы, если бы она не отказывала Лаврентьеву. И нужно было ему путаться. Привыкла бы къ Лаврентьеву!

«Нельзя не драться!»—проговорилъ вслухъ Николай.

Онъ вздрогнулъ при воспоминаніи намека Лаврентьева, какъ бы поступилъ Лаврентьевъ, если бы онъ отказался отъ дуэли, и ненависть къ Лаврентьеву смѣнила страхъ. Нервы его снова возбудились. Мрачныя мысли уступали мѣсто болѣе свѣтлымъ. Къ чему думать о смерти? Развѣ онъ непремѣнно будетъ убитъ? Сколько дуэлей кончаются благополучно. Онъ стрѣляетъ хорошо, и кто знаетъ, быть-можетъ, Лаврентьевъ будетъ убитъ,—Николай даже обрадовался при этой мысли,—а самъ онъ останется невредимъ, ну, пожалуй, раненъ въ ногу или руку, не опасно. Это даже ничего. Онъ на дуэли не струситъ, нѣтъ! Теперь страшно, а тамъ... Надо только передъ тѣмъ хорошенько выспаться!

Николай вспомнилъ, что ему надо поторопиться найти секунданта, и онъ вышелъ изъ дому, рѣшивъ вернуться раньше вечеромъ, привести свои дѣла въ порядокъ, написать, на всякій случай, письмо старикамъ и Леночкѣ. Онъ было-хотѣлъ ѣхать къ Васѣ, звать его секундантомъ, но мысль, что Васѣ можетъ достаться, если узнаютъ о дуэли, остановила его. Онъ вспомнилъ объ одномъ пріятелѣ изъ литературнаго міра и рѣшилъ пригласить этого господина. Онъ взглянулъ на часы, — было рано. «Онъ, вѣрно, еще спитъ». И Николай, не спѣша, пошелъ пѣшкомъ по направленію къ Невскому.

На улицѣ онъ встрѣтилъ двухъ знакомыхъ и бойко поболталъ съ ними о разныхъ пустякахъ; они не могли бы

догадаться, что съ ними бесѣдуетъ человѣкъ, который завтра дерется на дуэли. Люди дѣйствовали на нашего молодого человѣка возбуждающимъ образомъ. Глядя на него теперь, нельзя было сомнѣваться, что онъ на міру готовъ умереть съ насмѣшкой на устахъ.

А Григорій Николаевичъ, выйдя отъ Вязникова, зашагалъ своей обычной походкой къ себѣ въ меблированныя комнаты. Онъ не думалъ ни о дуэли, ни о смерти. Онъ свалилъ дѣло съ плечъ, исполнилъ то, что̀ считалъ своей обязанностью, а тамъ будь, что̀ будетъ... Онъ видѣлся вчера съ братомъ Леночки, а послѣ свиданія съ Вязниковымъ болѣе не сомнѣвался въ виновности Николая. Отказъ его объясниться, прямо сказать, что взведенное на него обвиненіе—ложь, по мнѣнію Григорія Николаевича, ясно свидѣтельствовалъ о его винѣ, и слѣдовательно онъ, Лаврентьевъ, поступилъ справедливо. Нельзя оставлять безнаказанной такую пакость. «А все-таки онъ не струсилъ... молодцомъ!»—одобрилъ онъ даже Николая, хотя это не мѣшало ему питать къ нему глубочайшую ненависть.

Теперь его занимала одна мысль: увидать Леночку хотя издали. Къ ней онъ не пойдетъ. Зачѣмъ? И что̀ онъ скажетъ ей? Про свою любовь? Онъ горько усмѣхнулся.

Поднявшись въ свою комнату, Лаврентьевъ досталъ изъ чемодана бумаги (и въ ихъ числѣ духовное завѣщаніе, по которому «Лаврентьевка» переходила къ Леночкѣ, и письмо къ ней), чтобы отнести ихъ къ Жучку, и хотѣлъ-было уходить, когда совсѣмъ неожиданно передъ нимъ явилась взволнованная Леночка.

XII.

— Здравствуйте, Григорій Николаевичъ! — проговорила Леночка.

Она приблизилась къ Лаврентьеву, протянула ему руку, взглядывая на смущенное лицо Григорія Николаевича, и смутилась сама.

— Васъ удивляетъ мое посѣщеніе?

— Смѣлъ ли я, Елена Ивановна, надѣяться увидать васъ!—отвѣтилъ Лаврентьевъ съ такимъ горячимъ чувствомъ, что Леночка смутилась еще болѣе.

Отъ волненія и усталости она едва стояла на ногахъ и опустилась на стулъ. Она улыбнулась въ отвѣтъ на безпокойные взгляды Григорія Николаевича и замѣтила:

— Я запыхалась, подымаясь къ вамъ... Это ничего, сію минуту пройдетъ.

Она перевела духъ и продолжала:

— Мнѣ необходимо было повидаться съ вами, разсказать вамъ... Я хотѣла писать, но вчера мнѣ сказали, что вы здѣсь.

— Кто сказалъ?

— Николай... Николай Ивановичъ!—поправилась она, и при этомъ имени яркій румянецъ вспыхнулъ на ея лицѣ.

Григорій Николаевичъ не промолвилъ ни слова. Только по лицу его пробѣжала судорога. Прошла минута тяжелаго молчанія.

— Зачѣмъ вы были у него?—неожиданно спросила Леночка.

Лаврентьевъ смутился отъ этого вопроса.

— Зачѣмъ?—продолжала Леночка.—О, прошу васъ, не скрывайте отъ меня... Зачѣмъ вы были у него?.. Мнѣ нужно знать...

— Вы очень любите его?—съ трудомъ прошепталъ Лаврентьевъ.—Даже послѣ того, какъ онъ такъ съ вами поступилъ?

— Какъ поступилъ?—воскликнула Леночка, вся загораясь. — Что вы говорите?.. О, вѣрно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе... какія-нибудь подлыя сплетни. Вы объяснитесь. У васъ что-нибудь вышло? Григорій Николаевичъ!.. О, какой вы! Въ чемъ онъ виноватъ?.. Я одна виновата передъ вами. Да, я виновата. Я не сказала тогда... мнѣ тяжело было... Я боролась съ чувствомъ и не могла побороть... Я хотѣла все написать вамъ теперь, передъ нашей свадьбой.

— Свадьбой! Онъ женится! — прошепталъ уныло Лаврентьевъ.—Онъ женится?!

— Да... на-дняхъ наша свадьба.

— А! Зачѣмъ же онъ не сказалъ?.. Онъ даже не хотѣлъ объясняться...

Онъ остановился въ нерѣшительности.

— Что-жъ дальше, говорите... Вы, вѣрно, оскорбили его, сказали что-нибудь?

— Нѣтъ. Я просто вызвалъ его на дуэль!—сконфузился Лаврентьевъ.

— Дуэль? — повторила Леночка и лицо ея покрылось мертвенной блѣдностью.—Дуэль? За то, что мы любимъ другъ друга? О, Григорій Николаевичъ!.. это... это...

— Елена Ивановна!.. Не корите, выслушайте. Не потому. Я сумѣю все вынести... нѣтъ... Я думалъ, что васъ смѣли обидѣть... обманули... Но теперь, какъ вижу, выходитъ другая статья...

— А если-бъ и обманули!?—воскликнула съ сердцемъ Леночка.—Какое кому дѣло? Кто смѣетъ быть судьей? И вы такъ вздумали заступаться за меня!?.. О, вы никогда не любили меня. Да случись что-нибудь съ нимъ, я возненавидѣла бы васъ, слышите?.. Хотя бы меня и бросили, какъ вы говорите!.. Я его люблю, я! Развѣ этого не довольно?..

Глаза ея блистали гнѣвомъ. Она съ такой силой произнесла: «я его люблю, я!», что у Григорія Николаевича упало сердце.

Онъ однако поборолъ невыносимую боль и рѣшился выслушать все до конца.

— Если вы хотите наказать за горе, которое я вамъ причинила... наказывайте... вы въ правѣ; но только меня... Я виновата передъ вами, я одна, Григорій Николаевичъ!—умоляющимъ голосомъ вдругъ сказала Леночка.—Дуэли вѣдь не будетъ? Нѣтъ?

— Не будетъ!

— Вы извинитесь передъ нимъ? Вы напрасно оскорбили человѣка!

— Извинюсь!—глухо произнесъ Лаврентьевъ.

— О, я не сомнѣвалась въ этомъ!—радостно воскликнула Леночка.

Она взглянула на Лаврентьева благодарнымъ взглядомъ и прибавила:

— А теперь, Григорій Николаевичъ, вы въ правѣ наказать меня за то, что я причинила вамъ горе. Требуйте, чтобъ я отказалась отъ счастія, и я откажусь, я не выйду замужъ!..

— Чтобы я!?.. Да развѣ я злодѣй?.. Васъ наказать!.. И то я поступилъ, какъ звѣрь! И то я обидѣлъ васъ! И вы еще такъ говорите!?.. Простите, Елена Ивановна, и не поминайте лихомъ! — проговорилъ прерывающимся голосомъ Лаврентьевъ, отворачиваясь, чтобы скрыть свое волненіе...

— Простите и вы меня!—прошептала тихо Леночка, подымаясь.

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Вы стоите счастья!..—сказалъ Лаврентьевъ.

Повидимому, онъ былъ теперь спокоенъ. Только голосъ его чуть-чуть дрожалъ.

— А на прощанье, Елена Ивановна, скажите еще разъ, что вы простили меня!

Леночка протянула ему руку. Онъ благоговѣйно прикоснулся къ ней губами, взглянулъ на нее ласковымъ, добрымъ взглядомъ и промолвилъ:

— Будьте спокойны. Я извинюсь, и дуэли не будетъ.

— Прощайте, Григорій Николаевичъ!

— Прощайте, Елена Ивановна!

Онъ вышелъ проводить ее въ коридоръ.

— Еще просьба: не говорите Николаю Ивановичу, что я была у васъ.

— Почто сказывать!

— Я прошу васъ объ этомъ, Григорій Николаевичъ, зная характеръ Николая... Онъ можетъ подумать, что вы не деретесь съ нимъ по моей просьбѣ. Это оскорбитъ его! Вѣдь правда? И если бы вы узнали... провѣрили слухи, то и безъ моей просьбы отказались бы драться.

— Э, не тревожьтесь... Я понимаю, Елена Ивановна! Скажи онъ тогда слово—ничего бы не было. А я слухамъ повѣрилъ... Скотства-то во мнѣ много!.. Теперь пусть хотя за труса считаетъ, а дуэли не будетъ. Онъ вашъ будущій мужъ.

Леночка съ чувствомъ пожала руку въ отвѣтъ на эти слова.

— Хорошій вы, Григорій Николаевичъ! Я всегда сохраню о васъ добрую память!—прошептала она и стала спускаться съ лѣстницы.

Она вышла на подъѣздъ радостная, что все такъ благополучно окончилось. О, сколько тревоги и страха испытала она со вчерашняго вечера, и какъ весело теперь билось ея сердце при мысли, что любимому ея Николаю не угрожаетъ никакой опасности! Она шла домой полная думъ о Николаѣ и о будущей ихъ жизни, вспоминая его ласковыя рѣчи, счастливая своимъ счастьемъ, которое чуть-было не отняли. О Лаврентьевѣ она и не вспомнила. Счастье такъ эгоистично!

Григорій Николаевичъ проводилъ грустнымъ взглядомъ спускавшуюся по лѣстницѣ Леночку и, когда она скрылась, перегнулся внизъ черезъ перила. Вотъ мелькнула еще разъ ея маленькая фигурка... стукнули двери подъѣзда, а онъ все еще стоялъ.

На душѣ у него сдѣлалось такъ мрачно, сиротливо. Глубокой скорбью свѣтились его глаза.

«Ушла!—проговорилъ онъ.—Ушла!»

И тихо пошелъ къ себѣ въ номеръ, легъ на постель и долго пролежалъ съ закрытыми глазами, припоминая любимый образъ Леночки, ея голосъ, движенія.

«Счастливецъ! — съ какою-то отчаянной завистью въ голосѣ проговорилъ Лаврентьевъ, чувствуя, какъ приливаетъ къ сердцу злоба къ Николаю. — Какъ она его любитъ!..»

Передъ нимъ стояли они оба, смѣющіеся, довольные, сливаясь другъ съ другомъ въ объятіяхъ. О, съ какимъ наслажденіемъ онъ задушилъ бы этого «счастливца»!.. Лаврентьевъ бѣшено стукнулъ кулакомъ объ стѣну и вскочилъ съ постели. Голова его кружилась. Глаза налились кровью.

«Скотина! Тварь гнусная!.. Опять не сустоялъ!—мрачно ругался Григорій Николаевичъ:—а еще человѣкъ!»

Онъ подошелъ къ умывальнику, вылилъ на голову кувшинъ воды, причесался, уложилъ въ чемоданъ вынутыя-было бумаги и вышелъ изъ номера.

Свѣжій воздухъ нѣсколько освѣжилъ и успокоилъ его. Ему сдѣлалось стыдно, что чувство ревности осилило его любовь.

«Шалишь, Гришка!—прошепталъ со злостью Лаврентьевъ.—Сустоишь и извинишься, какъ слѣдуетъ, или ты будешь подлецъ!»

Рѣшившись свято исполнить обѣщаніе, данное Леночкѣ, Григорій Николаевичъ первымъ дѣломъ пошелъ въ технологическій институтъ и разыскалъ тамъ Васю. Вася очень обрадовался Лаврентьеву и сперва было-смутился, вспомнивъ о Леночкиной свадьбѣ, но Григорій Николаевичъ казался такимъ спокойнымъ, что Вася ошалѣлъ.

— Какъ живете, Василій Ивановичъ?.. Какъ поживаетъ Елена Ивановна? — спрашивалъ, между прочимъ, Лаврентьевъ.—Замужъ не собирается?

И, не дожидаясь отвѣта, засмѣялся и прибавилъ:

— Барышнѣ пора бы и замужъ, барышня хорошая. Что въ дѣвкахъ-то сидѣть!

— Елена Ивановна выходитъ замужъ. Вы развѣ не знаете?

— Отъ кого же мнѣ знать? Это она не глупо дѣлаетъ.

— За брата.

— Вотъ это добре!.. Парочка славная, оба ребята молодые, красивые. Скоро и я, братъ Василій Ивановичъ, въ законъ!

— Вы?

— Эка выпучили глаза, Иванычъ... Нешто, паря, мнѣ и жениться нельзя?.. Думаешь, только и свѣту, что Елена Ивановна... Я, братецъ ты мой, тоже невѣсту себѣ сыскалъ по своему авантажу! Такъ-то. Не знаю только, когда свадьбу сыграть?.. А вы, Вася, какъ погляжу, въ Питерѣ-то поотощали. Харчъ здѣсь, видно, не важный! Ужо лѣтомъ, поди, къ намъ на откормъ? Не любъ, поди, вамъ Питеръ-то?

— Не люблю я Петербурга... Въ деревнѣ лучше...

— Еще бы. Здѣсь у васъ шаромыжникъ-народъ. Ну, одначе до свиданія. Такъ, повидать васъ забрелъ.

— Я къ вамъ зайду, Григорій Николаевичъ! Хотѣлось бы поразспросить, какъ тамъ у насъ... Вы гдѣ остановились?

— Да я, поди, вечеромъ укачу, а то утромъ. Да и радостнаго говорить нечего, Василій Ивановичъ. Понапрасну только смущаться будешь. Пакость одна! Ужо пріѣдете— побесѣдуемъ, а теперь прощайте, Иванычъ. Смотри, не тощай очень-то, а то и косить нельзя будетъ!—проговорилъ Григорій Николаевичъ, крѣпко пожимая на прощанье Васину руку.

«Другой сортъ будетъ парень-то!»—проговорилъ про себя Лаврентьевъ, направляясь къ конкѣ.

Черезъ полчаса онъ былъ уже снова на квартирѣ у Николая и, не заставши его дома, оставилъ слѣдующую записку:

«Милостивый государь

«Николай Ивановичъ!

«Очень нужно съ вами повидаться. Зайду опять въ семь часовъ».

— Ну, братъ, Жучокъ!—проговорилъ Григорій Николаевичъ, входя черезъ часъ къ своему пріятелю, который поджидалъ его обѣдать: — а вѣдь я пальцемъ въ небо попалъ!

— Какъ такъ?

— Онъ женится.

— А ты ужъ, видно, сдурилъ?

— Былъ грѣхъ. Скотъ-то во мнѣ голосъ подалъ. Чело-

вѣкъ, братъ, большая скотина! Чуть-было на завтра тебя въ благородные свидѣтели не поволокъ... Хотѣлъ пристрѣлить парня-то... Ну, да не требуется теперь. Пусть себѣ живутъ!—вздохнулъ Григорій Николаевичъ.

Онъ разсказалъ, какъ было дѣло, и точно нарочно старался представить все въ смѣшномъ видѣ. Даже и свиданіе съ Леночкой Григорій Николаевичъ хотѣлъ-было разсказать въ шутливомъ тонѣ, но это какъ-то не удалось.

Онъ замолчалъ, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки и, между прочимъ, замѣтилъ:

— А ты, Жучокъ, обо всей этой глупости какъ-нибудь не проговорись... Шабашъ теперь! Вотъ только еще повидаюсь съ Вязниковымъ и гайда домой.

Докторъ выслушалъ Григорія Николаевича и замѣтилъ:

— Тебѣ, братъ, раньше надо было родиться... Рыцарь, какъ посмотрю!

— Только безъ дамы...

— Дамъ много... Захоти только! А все, братъ Лаврентьевъ, совѣтую тебѣ полѣчиться.

— Мнѣ-то? Какая такая у меня болѣсть? Нешто пласталъ ты меня, какъ лягухъ?

— Тебѣ разсѣяться нужно... Съѣздилъ бы куда-нибудь. А то въ своей медвѣжьей норѣ снова захандришь...

— Теперь, братъ, не сумнѣвайся. Извлекъ!

— Такъ ли?

— Шабашъ! — прибавилъ Лаврентьевъ, выпивая рюмку водки и съ аппетитомъ принимаясь за обѣдъ.—Шабашъ! Надурилъ—и будетъ! Знаешь что̀, Жучокъ... оно, какъ разсудишь, и впрямь мы ровно бы недалеко отъ обезьянъ. Она-то, сволочь, иногда осиливаетъ... давеча, какъ я съ нимъ-то былъ... ну, такъ и хотѣлось его пришибить... Самцы, што ли, по-твоему, изъ-за самки дерутся? Ты вѣдь все такъ объясняешь,—съ грустной насмѣшкой замѣтилъ Григорій Николаевичъ.

— А ты думалъ, въ тебѣ не самецъ говоритъ? Самецъ—будь благонадеженъ!

— Охъ, вы, лѣкаря, лѣкаря!.. Ну да ладно, тебя послушаю, возьму въ домъ солдатскую вдову, и если, шельма, шалить не станетъ—къ батькѣ и въ законъ... Все же баба будетъ около, дѣтвора, пожалуй... Не одинъ, какъ перстъ, въ домѣ-то... Самецъ и самка! Такъ, что ли. Жучище?

Жучокъ плохо вѣрилъ словамъ Григорія Николаевича.

Онъ украдкой посматривалъ на пріятеля. Въ его глазахъ было столько грусти, а изъ-за напускной шутки вырывались такіе скорбные звуки, что Жучокъ отъ души пожалѣлъ своего друга.

XIII.

Николай, противъ ожиданія, не засталъ дома пріятеля, котораго хотѣлъ звать въ секунданты. Онъ съ утра ушелъ и обѣщалъ быть дома не ранѣе шести часовъ вечера. Николай оставилъ ему записку, въ которой просилъ непремѣнно, по очень важному дѣлу, заѣхать къ нему, а самъ направился въ редакцію, гдѣ работалъ пріятель, въ надеждѣ застать его тамъ около часу.

Погода, какъ нарочно, была превосходная. Стоялъ славный, яркій, морозный день... Николай доѣхалъ до Поцѣлуева моста и пошелъ пѣшкомъ... Опять грустныя мысли проносились въ его головѣ... Опять тоскливо сжималось сердце у молодого человѣка... Какъ нарочно, навстрѣчу ему попались похороны. Онъ даже полюбопытствовалъ узнать, кого хоронятъ. Оказалось, что хоронятъ какого-то молодого человѣка.—«И его, можетъ-быть, такъ же повезутъ!...»—А кругомъ кипѣла жизнь... улицы оживлялись... Николай теперь съ особеннымъ интересомъ заглядывалъ въ лица проходившихъ. Они сегодня казались ему особенно добрыми, хорошими...

— Николай Ивановичъ! — почти въ упоръ раздался чей-то звонкій, пріятный, знакомый голосъ.

Онъ повернулъ голову. Изъ подъѣзда дома министра внутреннихъ дѣлъ проходила къ каретѣ Нина Сергѣевна.

— Вы точно влюблены или получили непріятное извѣстіе,—сказала она, протягивая изъ-подъ бѣлаго пушистаго мѣха бархатной накидки мягкую, теплую руку, оголенную почти до локтя.—Въ какія страны?

— На Литейную.

— Намъ по дорогѣ. Садитесь, я васъ подвезу!

Николай согласился и сѣлъ вслѣдъ за нею въ маленькую карету. Встрѣча съ этой красивой, изящной женщиной обрадовала его... Онъ уже снова пріободрился.

— Что̀ съ вами? Вы въ самомъ дѣлѣ какъ-то печально шли,—съ участіемъ продолжала она, обдавая его мягкимъ, нѣжнымъ взглядомъ.—Какое у васъ горе?

— Никакого... такъ задумался.

— Не весело же вы задумались!

Она продолжала болтать; попеняла, что Николай не заходитъ, сказала, что непремѣнно придетъ послушать, какъ онъ будетъ въ судѣ сражаться съ Присухинымъ. Присухинъ ей говорилъ.

Николай взглядывалъ на эту блестящую красавицу, и ему было необыкновенно пріятно... Хотѣлось побыть съ ней подольше, поговорить, узнать наконецъ, что̀ это за женщина... А Нина Сергѣевна, какъ нарочно, глядѣла на него такъ ласково. «Вѣдь, можетъ-быть... онъ никогда ее не увидитъ. Она и не знаетъ, что онъ завтра дерется».

— Знаете ли, Николай Ивановичъ, съ вами весело встрѣчаться! А вы вотъ какъ будто не хотите. Отчего?

— Некогда было, Нина Сергѣевна...

— Все это вздоръ... Когда захочешь кого видѣть, всегда найдешь время.

— Да и къ чему?..—прибавилъ тихо Николай.

— Къ чему?—усмѣхнулась Нина.

— Пожалуй... того и гляди, опять, какъ тогда въ деревнѣ...—улыбнулся Вязниковъ.

— О, какой вы самолюбивый... До сихъ поръ помните... Ну, что-жъ? Положимъ, даже и влюбитесь...

— А потомъ?

— А потомъ найдете, что это было глупо!—разсмѣялась Нина.

— Вы все смѣетесь!

— Дѣлать-то мнѣ больше нечего!..

— Странная вы, Нина Сергѣевна! Въ деревнѣ вы были не та...

— Будто? Ахъ, да... вы помните... тогда вы говорили, что я любила какого-то рыцаря? — насмѣшливо протянула она.

— А развѣ нѣтъ?.. Отвѣтьте-ка серьезно.

— Положимъ. Вы угадали.

— А теперь?

— Теперь? Ну, такъ и быть, скажу. Теперь—нѣтъ!..

— И хандрите?

— И хандрю.

— И даже отъ скуки дѣлами занимаетесь?.. Къ министру ѣздите?..

— Хочу основать новый дамскій кружокъ... Хлопотала объ уставѣ. Хотите въ секретари?

— Вы это какъ—серьезно или опять шутите?

— А вы какъ думаете? Недостаетъ еще, чтобы Присухина въ вице-президенты. Нѣтъ, нѣтъ... я еще до этого не дошла. Подождите; какъ старухой сдѣлаюсь, тогда развѣ... Я по другому дѣлу была. Кстати: помогите мнѣ. Напишите мнѣ прошеніе. Видите ли, одна мать просила меня похлопотать за своего сына... Неспокойная натура... Искалъ бурь и нашелъ тихую пристань.

— Въ домѣ предварительнаго заключенія?..

— Кажется!.. Не знаю, впрочемъ, гдѣ именно... Такъ я обѣщала похлопотать, чтобъ его пока выпустили на поруки. Вотъ и ѣзжу къ великимъ міра сего.

— И успѣшно?

— Надѣюсь...—улыбнулась Нина Сергѣевна.—А вы помогите мнѣ написать докладную записку...

— Какъ фамилія этого неспокойнаго?..

— Фамилія? (Нина Сергѣевна остановилась). Да вы фамиліи не проставляйте. Сама перепишу прошеніе и тогда... Я забыла фамилію...

«О, неправда. Ты помнишь!»—подумалъ Николай.

— Такъ вы напишете? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Если можно, завтра къ 12 часамъ приходите ко мнѣ.

«Завтра!—вспомнилъ вдругъ Николай.—Завтра!»

— Хорошо, Нина Сергѣевна. Я приду завтра, если...

— Безъ «если». Непремѣнно. Я не люблю этихъ «если»!.. Да или нѣтъ? Я люблю рѣшительные отвѣты на всякіе вопросы,—загадочно произнесла Нина Сергѣевна.

— На всякіе?—поддразнилъ Николай.

Онъ испытывалъ какое-то раздражающее удовольствіе отъ этой бесѣды, полной прелести намековъ, недосказанныхъ словъ, полупризнаній. Эта загадочная Нина Сергѣевна была такая изящная, ослѣпительно-красивая, благоухающая... Ему припомнились неясные разсказы объ ея замужествѣ, о гибели какого-то юноши... Наконецъ сцена въ саду съ Прокофьевымъ, ея внезапный отъѣздъ—все это придавало ей какую-то заманчивую прелесть.

— А если вамъ не отвѣтятъ?

— Тогда я разсержусь!—проговорила Нина.

— И очень?

— Хотите испытать?—улыбнулась Нина, и въ ея темныхъ глазахъ блеснула искорка.

— Я не боюсь, но только... Однако-жъ мнѣ пора... Вот и Литейная...

— Подождите. Куда спѣшить? Проѣдемъ еще... Прово-

дите меня, мнѣ недалеко... Надо заѣхать еще къ одному сильному міра...

— И все по просьбѣ бѣдной старушки?.. Я бы съ удовольствіемъ васъ проводилъ, но мнѣ нельзя... ей-Богу... Необходимо увидать одного пріятеля.

Онъ высунулся изъ окна кареты и приказалъ кучеру остановиться у подъѣзда редакціи.

— Вы рѣшительно не хотите!..

— Не могу!.. Прощайте, Нина Сергѣевна!—проговорилъ онъ съ особеннымъ чувствомъ, когда карета подъѣзжала къ крыльцу.

Нина удивленно взглянула на него.

— Вы прощаетесь будто навѣкъ.

— Кто знаетъ!

— Умирать собираетесь?

— Пока собираюсь отыскать секунданта,—смѣясь, проговорилъ Николай.

— Вы завтра деретесь на дуэли!—воскликнула она съ такимъ сердечнымъ участіемъ въ голосѣ, что Николай былъ тронутъ.—И не сказали раньше ни слова?—продолжала она, придерживая руку Николая въ своей рукѣ.—А еще мы считаемся друзьями!.. Съ кѣмъ? Изъ-за чего? Страничка любви, ревности?..

— По правдѣ сказать, я и самъ не знаю, изъ-за чего!

— И все-таки дѣлаете эту глупость? Развѣ нельзя объясниться?..

— Не всегда захочешь объясняться, Нина Сергѣевна!—проговорилъ Николай, вспыхивая.

— О, какой же вы самолюбивый!

Нина остановила на Николаѣ пристальный, ласковый взглядъ. Ей было жаль этого красиваго, славнаго Николая. Жить бы ему только, и вдругъ глупый случай! Странная улыбка вдругъ скользнула въ ея глазахъ.

— Вы свободны вечеромъ?—спросила она.

— А что?

— Проведемъ вечеръ вмѣстѣ! Хотите?

Николай взглянулъ на Нину.

«Въ самомъ дѣлѣ, отчего-жъ ему не провести вечеръ у Нины Сергѣевны?»

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ онъ.

— Все веселѣй будетъ, чѣмъ скучать одному и думать о завтрашнемъ днѣ! Вы мнѣ разскажете о вашей дуэли,—о, я увѣрена, что все кончится благополучно!—а я, если

хотите, разскажу вамъ исторію одной скучающей женщины... Будете?

— Это такъ интересно, что непремѣнно буду.

— Такъ до вечера?—сказала она, пожимая его руку.

— До вечера!—отвѣтилъ Николай и захлопнулъ дверцы кареты.—Я вамъ и записку привезу.

Нина дружески кивнула головой, и карета тронулась.

«Странная женщина!» — промолвилъ Николай, поднимаясь по лѣстницѣ.

Въ редакціи онъ не нашелъ пріятеля, написалъ ему записку и поѣхалъ домой, разсчитывая теперь же написать письма и списокъ своихъ долговъ, чтобы быть вечеромъ свободнымъ и провести его у Нины Сергѣевны. «То-то удивится она, когда я объявлю ей о своей женитьбѣ!..» Во всякомъ случаѣ, онъ проведетъ интересный вечеръ.

«Можетъ-быть, послѣдній въ жизни!»—мелькнуло въ головѣ, и снова безпокойныя, мрачныя мысли овладѣли нашимъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ остался одинъ.

Когда онъ пріѣхалъ домой и увидалъ записку Лаврентьева, сердце его радостно забилось. Надежда закрадывалась въ его душу. Лаврентьевъ, быть-можетъ, узналъ о свадьбѣ, былъ у Леночки или у Васи, кто-нибудь изъ нихъ ему сказалъ, и... онъ придетъ объясниться. О, какъ бы ему хотѣлось, чтобы это было такъ! Да, разумѣется, будетъ такъ. Зачѣмъ же Лаврентьевъ опять заходилъ? Онъ вѣдь, въ сущности, не такой же идіотъ, этотъ Отелло!..

Въ безпокойствѣ, переходя отъ унынія къ надеждѣ, ждалъ теперь Николай Григорія Николаевича.

Опять рѣзкій звонокъ колокольчика. Опять Николай вздрогнулъ, и сердце его замерло въ страхѣ отъ ожиданія. Онъ старался овладѣть собой и скрыть волненіе передъ «дикимъ человѣкомъ».

«Дикій человѣкъ» вошелъ, какъ утромъ, не постучавшись въ двери. Николай старался по лицу Григорія Николаевича узнать рѣшеніе, но на лицѣ Лаврентьева онъ ничего не прочелъ. Николай сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу, поклонился и, самъ не зная къ чему, проговорилъ:

— Секундантъ мой еще не былъ у г. Непорожнева. Я жду его каждую минуту...

— Не надо секундантовъ! Я пришелъ повиниться передъ вами, Николай Иванычъ! Я давеча погорячился, на-

брехалъ чортъ знаетъ чего... ну да... А вы не захотѣли успокоить человѣка... Теперь примите мою повинную!— проговорилъ Лаврентьевъ угрюмо, съ нѣкоторымъ усиліемъ.

Николай тотчасъ же весело протянулъ руку. Лаврентьевъ не совсѣмъ охотно подалъ свою, но Николай подъ впечатлѣніемъ радостнаго чувства не замѣтилъ этого.

— Я охотно готовъ забыть. Мнѣ было очень обидно, Григорій Николаевичъ, что вы могли повѣрить слухамъ. Конечно, я, можетъ-быть, совершенно невинно могъ причинить вамъ боль...

— Не станемъ больше объ этомъ говорить!—перебилъ Лаврентьевъ.—Я самъ понимаю свою дурость.

Онъ на минуту остановился, взглянулъ на Николая и проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Я узналъ все. Желаю вамъ... Берегите Елену Ивановну, Николай Ивановичъ! Она очень хорошая... Прощайте.

Николай вышелъ проводить Лаврентьева въ переднюю. Григорій Николаевичъ надѣлъ своего волка взялъ въ руки чемоданъ и кивнулъ головой.

— Вы сейчасъ уѣзжаете?—освѣдомился Николай.

— Прямо на чугунку. Прошу передать мое почтеніе Еленѣ Ивановнѣ!

Черезъ часъ Жучокъ проводилъ своего друга. Лаврентьевъ прикидывался спокойнымъ и даже сдѣлалъ нѣсколько одобрительныхъ замѣчаній насчетъ Вязникова. Тѣмъ не менѣе, когда поѣздъ тихо двинулся, докторъ въ раздумьѣ покачалъ головой и прошепталъ:

«Неизлѣчимая болѣзнь! Рѣдкій случай привязанности!»

XIV.

Какъ легко, весело стало нашему молодому человѣку, когда Лаврентьевъ ушелъ! Тяжелый кошмаръ прошелъ, мысли его просвѣтлѣли; онъ испытывалъ радость жизни, ему хотѣлось веселиться, какъ ребенку. Завтра онъ встанетъ, когда захочетъ. Завтра... ничего не будетъ завтра ужаснаго. Не надо будетъ подставлять подъ дуло грудь. Въ то же время онъ не безъ пріятнаго чувства къ себѣ самому думалъ, что поступилъ, какъ порядочный человѣкъ. Онъ не трусилъ (о, онъ и на барьерѣ бы не струсилъ!) и въ то же время искренно протянулъ руку, когда Лаврентьевъ извинился. «Въ самомъ дѣлѣ, бѣднягѣ должно

быть тяжело. Онъ такъ любитъ Леночку, и что̀ у него останется, кромѣ личнаго счастья?»—не безъ снисхожденія подумалъ Николай.

Онъ даже въ эту минуту пожалѣлъ Григорія Николаевича и мысленно обвинилъ Леночку въ легкомысліи. «Зачѣмъ она давала ему слово? Надо быть осторожнѣе... Такъ нельзя шутить! Впрочемъ, и ей было тяжело. Чѣмъ же она виновата, что полюбила меня! И Леночка славная. Славная!»—повторялъ онъ.

Всѣ въ эту минуту казались ему славными.

Ожидаемый секундантъ однако не являлся, а Николай съ утра ничего не ѣлъ и теперь почувствовалъ голодъ. Онъ однако написалъ обѣщанную докладную записку и сталъ одѣваться съ особенною тщательностью, собираясь пообѣдать гдѣ-нибудь въ ресторанѣ («можно сегодня раскутиться и хорошо пообѣдать!») и оттуда ѣхать къ Нинѣ Сергѣевнѣ. Онъ вспомнилъ, что слѣдовало бы побывать у Леночки, но рѣшилъ, что къ Леночкѣ можно завтра. Онъ обѣщалъ Нинѣ Сергѣевнѣ, и надо исполнить обѣщаніе, неловко. «Пожалуй, Леночка обидится? Глупости!»—рѣшилъ онъ послѣ минутнаго колебанія. Что-жъ тутъ дурного? Развѣ онъ теперь привязанъ, что ли, оттого, что женится? Развѣ ему нельзя бывать, гдѣ вздумается? Леночка умная, она пойметъ, что нельзя же вѣчно быть другъ съ другомъ и... Да и что̀ ему Нина Сергѣевна? Просто интересный субъектъ для наблюденій. Въ ней что-то таинственное, и онъ сегодня узнаетъ, что̀ это за женщина. Слава Богу, онъ не юбочникъ!—вспомнилъ онъ выраженіе Прокофьева, и ему даже досадно стало.—Съ ней можно провести пріятно вечеръ, вотъ и все. А Леночку онъ любитъ, и она можетъ быть спокойна. Да и какъ не любить Леночку? Она его такъ любитъ!»

Въ началѣ десятаго часа Николай позвонилъ у двери, на которой блестѣла узенькая дощечка съ надписью: «Нина Сергѣевна Ратынина». Лакей доложилъ, что барыня у себя, и черезъ гостиную провелъ его до портьеры слѣдующей комнаты и проговорилъ:

— Пожалуйте!

Николай отвелъ тяжелую портьеру и вошелъ въ большую, ярко освѣщенную комнату. Никого не было. Онъ съ любопытствомъ оглядывалъ необыкновенно изящный кабинетъ молодой женщины. Ничего въ немъ не бросалось въ глаза, но все свидѣтельствовало объ артистической

жилкѣ и тонкомъ вкусѣ. Каждый стулъ, каждая безделка на столахъ были художественною вещью. Картины на стѣнахъ показывали, что хозяйка знаетъ въ нихъ толкъ. Въ углу стоялъ мольбертъ съ опущеннымъ каленкоромъ. «Ого! Она пишетъ, и никогда не сказала!»—подумалъ Николай, продолжая разглядывать этотъ кабинетъ, нисколько не похожій на обыкновенные дамскіе кабинеты. Онъ подошелъ къ библіотекѣ и еще болѣе удивился. Выборъ книгъ былъ необыкновенно хорошій. Иностранные классики, произведенія лучшихъ русскихъ писателей, затѣмъ серьезныя книги. «Дарвинъ, Спенсеръ, Бокль, Марксъ, Лассаль, Фурье, Прудонъ! — прочитывалъ Николай названія книгъ.—Вѣрно, послѣ мужа остались. Не читаетъ же она. А впрочемъ, кто знаетъ!» Онъ продолжалъ разглядывать книги, какъ сзади него раздался мягкій голосъ:

— Простите, Николай Ивановичъ, я заставила васъ ждать.

Николай обернулся.

Слегка зѣвая и потягиваясь, стояла Нина Сергѣевна въ голубомъ, вышитомъ шелками капотѣ, ласково протягивая ему обѣ руки.

— Я заснула!—продолжала она, щуря глаза на свѣтъ.— Устала сегодня съ этими разъѣздами, ну и отъ скуки вздремнула передъ вечеромъ... Пойдемте туда, въ мой уголокъ. Я тамъ люблю сидѣть.

— Въ томъ-то и бѣда, что я, пожалуй, не кстати потревожилъ вашъ сонъ.

— Очень кстати. Я очень рада васъ видѣть!

— И, быть-можетъ, думали—въ послѣдній разъ. Вы любите все интересное, а это тоже интересно. Но увы, дуэли не будетъ!—смѣясь, замѣтилъ Николай.

— Не будетъ?! Ну, слава Богу! — повторила она и медленно перекрестилась, къ удивленію Николая.—А говорить вамъ такъ—стыдно!... Вы подумали, что я позвала васъ изъ любопытства? Непроницательный же вы! Мнѣ просто стало жаль васъ. Вы такой молодой, вамъ такъ жить хочется. Вѣдь хочется?.. И вы теперь рады, что все прошло?

— Радъ!

— То-то. А я испугалась, что вы скажете фразу. Юный вы какой!—тихо проговорила она.—А все-таки съ вами весело... глядишь на васъ и невольно сама вспомнишь о молодости!.. Ну, ну, не вздумайте обижаться, я

вѣдь старше васъ. Разсказывайте мнѣ вашу исторію. Съ кѣмъ? Изъ-за чего? Теперь я смѣю вступить въ свои права и быть любопытной, какъ и должно быть женщинѣ. Кто жаждалъ вашей крови?

— Лаврентьевъ.

— О, это интересно. Этотъ медвѣдь?

— И вдобавокъ Отелло!

— Изъ-за этой барышни? Какъ ее звать, я все забываю?

— Леночка.

— Да, Леночка! Такъ изъ-за Леночки? Онъ считаетъ васъ похитителемъ своего счастья. И что-жъ, въ правѣ былъ?

— Онъ слышалъ разныя сплетни, пріѣхалъ и прямо ко мнѣ.

— Требовать объясненій?

— Я ихъ не далъ.

— Понимаю. Какъ можно дать человѣку, для котораго эта Леночка, говорятъ, дороже жизни?—иронически подсказала Нина Сергѣевна.—Вѣдь онъ ее очень любитъ?

— Любитъ, но...

— Но она его не любитъ, какъ обыкновенно бываетъ, и онъ искалъ виновника? Но какъ же дѣло уладилось?

— Онъ думалъ, что я...

— Увлекли, пошутили и... Тоже старая исторія!

— То-то и ошиблись. Онъ думалъ такъ же, какъ и вы, но когда узналъ, то пришелъ и извинился.

— Узналъ, что не вы соперникъ?

— Напротивъ, узналъ, что я женюсь.

— Вы? Вы женитесь? Вы сегодня какъ будто нарочно хотите изумлять меня.

— Развѣ такъ удивительно, что я женюсь? Скоро наша свадьба.

— И, пожалуй, такъ же разстроится, какъ и ваша дуэль, и мнѣ снова придется порадоваться за васъ.

Николай даже разсердился. Она говорила объ его женитьбѣ съ какимъ-то недовѣріемъ.

— Да вы не сердитесь, Николай Ивановичъ. Ей-Богу, меня эта новость огорчила не менѣе, чѣмъ новость о дуэли. Еще вопросъ, что̀ лучше?

— Вы, Нина Сергѣевна, противъ браковъ вообще или противъ моего въ частности?

— Противъ вашего. Нельзя жениться ни слишкомъ

рано, ни слишкомъ поздно. Одинаково скверно, а вамъ и подавно. Вы еще не перегорѣли.

— Вы преувеличиваете опасность. Во-первыхъ, никто насъ не остановитъ, если...

— Если вы другъ друга достаточно измучаете?

— А во-вторыхъ, я люблю свою невѣсту.

— Любите? Вамъ кажется, что вы любите!

Нина Сергѣевна говорила съ участіемъ, точно мать съ сыномъ. Этотъ тонъ раздражалъ Николая.

— Вы не вѣрите?

Она тихо покачала головой.

— То кровь кипитъ, то силъ избытокъ. Еще сколько разъ вамъ будетъ казаться!

Николай сталъ говорить о Леночкѣ, о томъ, какъ онъ Леночку любитъ. Онъ разсказывалъ, какая Леночка замѣчательная дѣвушка, сколько въ ней ума, энергіи, оригинальности, самоотверженія, и, увлекаясь искреннимъ образомъ, не жалѣлъ красокъ для ея возвеличенія. Ему какъ будто хотѣлось увѣрить и себя, и Нину Сергѣевну, какъ онъ любитъ Леночку, и, когда онъ говорилъ о Леночкѣ, слова его звучали такой страстью, такой нѣжностью! Нина Сергѣевна жадно слушала. Казалось, эти горячія слова любви подѣйствовали и на нее. Она какъ-то притихла, не спуская глазъ съ возбужденнаго лица Николая.

— Теперь вы убѣдились?—воскликнулъ Николай, оканчивая свою горячую исповѣдь.

— Нѣтъ!.. И знаете ли что? Я готова пари держать, что вашу свадьбу легко разстроить.

— Ужъ не вы ли?—насмѣшливо спросилъ онъ, весь вспыхивая.

Она подняла на него серьезное лицо, только глаза ея странно улыбались.

— Да хоть бы и я!

— Попробуйте!

— Вы ужъ забыли деревню?..

— Что прошло, то не повторится! — рѣзко сказалъ Николай.

Нина Сергѣевна усмѣхнулась.

— Будьте спокойны,—я пошутила. Я съ вами больше не сдѣлаю опыта!—тихо проронила Нина.—Довольно и прежнихъ.

— А ихъ было много?

— Бывало.

— И всѣ удавались?

— Иногда!—задумчиво протянула Нина.

Николай вспомнилъ слова отца объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который застрѣлился изъ-за этой женщины, и ему хотѣлось спросить объ этомъ опытѣ, но, взглянувъ на Нину, онъ не рѣшился. Грустнымъ выраженіемъ свѣтились теперь эти насмѣшливые глаза.

— Странная вы, Нина Сергѣевна! — прошепталъ Николай.

— Странная? Говорятъ! И не то еще говорятъ!.. Пусть говорятъ!—прибавила она равнодушно.—Не все ли равно? Такъ вы женитесь, Николай Ивановичъ? Что-жъ, съ Богомъ! Не вы первый, не вы послѣдній...

— Ужъ докончите: дѣлаете эту глупость?

— Пожалуй, что и такъ!

— А я все-таки попробую!

Она тихо усмѣхнулась.

— Да вы не сердитесь! Пожалуйста, не сердитесь и не примите моихъ словъ за кокетство!—прибавила она, дотрагиваясь рукой до его руки.—Этого бы еще недоставало! Я въ самомъ дѣлѣ за васъ боюсь. Вы, сколько я васъ знаю, впечатлительны, легко увлекаетесь и къ тому же... Говорить ли?

— Говорите.

— Самолюбивы, очень самолюбивы. Васъ гложетъ червь. Вы ждете отъ жизни чего-то особеннаго. Вамъ хочется славы, вамъ хочется извѣстности. Не такъ ли?

— Положимъ, и такъ.

— Вотъ въ томъ и бѣда! Вамъ показалось, что вы любите, и вы, не долго думая, руку и сердце.

— Что̀ же дальше?

— А дальше вотъ что̀. Если бы будущая ваша жена была похожа... ну, положимъ, на меня, такая же скучающая натура, тогда ничего, не бѣда. Мы бы скоро надоѣли другъ другу и разошлись въ разныя стороны; но ваша невѣста, сколько я знаю, не такая. Она лучше насъ съ вами! Она любитъ, вѣрно, васъ такъ, какъ мы съ вами не умѣемъ,—такъ, какъ, говорятъ, можно и должно любить.

— Говорятъ,—подчеркнулъ Николай.

— Да, говорятъ! Ну, и что-жъ тогда? Вы сдѣлаете однимъ несчастнымъ человѣкомъ больше. Вотъ и все!

— Какая мрачная картина! Развѣ можно знать, что̀

случится? Я люблю, а что̀ будетъ впередъ... будь, что̀ будетъ!

— Будь, что̀ будетъ! Вотъ Лаврентьевъ вашъ такъ бы не сказалъ. Онъ любитъ, а кто любитъ, тотъ такъ не говоритъ!..

— А какъ же?

— Иначе...

— Вы слышали, какъ?

— Полно шутить! А впрочемъ, не вѣрьте мнѣ... право... Я сегодня мрачно настроена и, быть-можетъ, слова мои слишкомъ жестки... Согрѣйте ихъ въ вашемъ любящемъ сердцѣ, и дай Богъ вамъ славы, хорошенькихъ дѣтей и согласія!..—сказала она какъ-то задушевно.

— Вы нынче въ особенномъ настроеніи.

— Такъ, стихъ такой напалъ, желать всѣмъ счастья! — улыбнулась она.

— А самой не давать ни другимъ, ни себѣ?

— Кому какъ... Однако давайте лучше чай пить...

Она позвонила и приказала подать чай.

— А исторія скучающей женщины? Вы ее разскажете?

— Не боитесь хандры? А впрочемъ, похандрите... Это не мѣшаетъ! Я разскажу вамъ эту исторію... Пожалуй, можете сообщить какому-нибудь беллетристу... Сюжетъ пикантный... Но только пусть онъ не дѣлаетъ изъ героини какой-нибудь демонической натуры. Выйдетъ глупо, это вы и сами увидите. Это вмѣсто предисловія, а вамъ и въ видѣ предостереженія!

— Ужъ я самъ выведу заключеніе, не безпокойтесь...

— И откровенно произнесете свой приговоръ?

— Еще бы!..

— Ну, начинаю... Дѣтство оставимъ въ сторонѣ... И неинтересно, и долго. Замѣчу только, что моя героиня выросла въ роскоши. Институтъ тоже въ сторону. Начнемъ съ того времени, когда нашей героинѣ минуло восемнадцать лѣтъ, она выѣзжала и влюбилась въ одного молодого человѣка. Онъ былъ юный, увлекающійся, порывистый. Онъ былъ недуренъ, богатъ надеждами и бѣденъ. Она тоже была бѣдна... Состояніе послѣ отца разстроилось. Они дали другъ другу слово въ вѣчной любви, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она уже вѣнчалась съ однимъ богатымъ чиновнымъ старикомъ. Онъ былъ сдержанъ, очень уменъ и не говорилъ о любви. Ему нужна была жена...

— И она сознательно пошла замужъ?

— Сознательно или нѣтъ, а пошла и даже очень была рада... подите! Она, моя героиня, любила роскошь, любила блескъ, а это все было. Тогда какъ у молодого человѣка... однѣ надежды. Вдобавокъ...

— Просьбы матери?

— Отчасти... Но только отчасти. Не воображайте самоотверженія... вообще раздирающихъ сценъ... Ничего этого не было. Мать взглянула на вопросъ практически и разсказала всѣ шансы... Она выслушала и не мѣшала устройству свадьбы...

— А послѣ?..

— Вы ждете драмы?..—усмѣхнулась Нина Сергѣевна.— Никакой драмы не случилось. Мужъ былъ, какъ я вамъ сказала, уменъ, внимателенъ и понималъ людей... Онъ умѣлъ скрывать свою ревность — а онъ былъ очень ревнивъ! — и никогда не говорилъ ей о любви. Во-первыхъ, онъ былъ всегда занятъ, а во-вторыхъ, понималъ, что она его не любила и не могла любить! Онъ не стѣснялъ ея свободы; она выѣзжала, кокетничала, за ней много ухаживали, она была недурна...

— Что такъ скромно?.. Она была красавица!—воскликнулъ Николай.

— Допустимъ!—улыбнулась Нина. — Жизнь проходила, какъ обыкновенно проходитъ жизнь свѣтской женщины... весело и пусто. Она не имѣла времени скучать, хоть изрѣдка хандрила и была вѣрной женой.

— А что̀ же случилось съ рыцаремъ? И его клятва оказалась пустымъ словомъ?

— О, нѣтъ. Онъ, бѣдный...

— Застрѣлился?

— Вы угадали... Вѣрно, слышали объ этой исторіи?— тихо проговорила Нина.

— Слышалъ! Что же она?

— Пожалѣла.

— И только?

— А что же больше? Не въ монастырь же идти! Мужъ догадался свезти ее за границу. Они пробыли полгода и вернулись. Между тѣмъ свѣтская жизнь начинала надоѣдать моей героинѣ. Люди казались скучными, всѣ эти ухаживанія—однообразными. Она стала читать, сперва отъ скуки, а тамъ увлеклась. Стала больше хандрить. Попробовала-было заняться филантропіей, но скучно стало. Въ одинъ прекрасный день умеръ мужъ, и она осталась

вдовой съ состояніемъ. Сперва она обрадовалась—она не жалѣла о мужѣ!—но скоро опять стала скучать. Одно время ей даже пришла сумасбродная мысль сдѣлаться докторомъ, но вскорѣ и эта мысль показалась ей нелѣпой. Къ чему? Для чего? Развѣ ей нужно доставать средства? О, въ это время разныя сумасбродныя мысли лѣзли въ голову. Она старалась разсѣяться, рисовала, читала, пробовала слушать лекціи Присухина и Горлицына,—они сейчасъ же руку и сердце. Тоска...

— Итакъ, ваша героиня никого не любила?

— Такъ... одинъ обманъ... а, впрочемъ, исторія не кончена...

— Начинается только?

— Случайно она встрѣтилась съ человѣкомъ, непохожимъ на тѣхъ, кого она встрѣчала, ее заинтересовалъ этотъ человѣкъ... и...

— Она стала дѣлать опыты?

— Сперва, а потомъ...

— Полюбила?

— Въ родѣ этого. Если хотите, полюбила даже!

— Чѣмъ же этотъ замѣчательный человѣкъ увлекъ вашу героиню?

— Всѣмъ: энергіей, умомъ, характеромъ, отсутствіемъ фразы. Все въ немъ было непохоже на то, что она встрѣчала въ другихъ. Случайно она еще узнала его прежнюю исторію, и онъ заинтересовалъ мою скучающую женщину. Она попробовала его изучить, а потомъ незамѣтно увлеклась, тѣмъ болѣе, что онъ не обращалъ на нее вначалѣ ни малѣйшаго вниманія. Всѣ поклонялись, а онъ хоть бы какое вниманіе. Это ее взорвало,—она тоже, какъ вы, самолюбива! Она познакомилась съ нимъ ближе, стала слушать его. Такъ было страшно, ново и заманчиво. Онъ все искалъ бурь, и вся жизнь его была—буря. Она увлеклась, а онъ принялъ это, какъ нѣчто должное, даже и не удивился. Натура деспотическая, упрямая, безъ уступокъ. Моя героиня было-подумала: вотъ оно настоящее... вотъ оно счастье. Въ ней вспыхнула страсть. Вначалѣ тревоги, безпокойства, ожиданія... было жутко и весело, а послѣ, когда они ближе узнали другъ друга, когда онъ поставилъ вопросъ прямо, она испугалась и его, и бурной жизни. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, послѣ многихъ дней, когда чувствуется, что приближается начало конца, они рѣшили, что довольно... и... разошлись.

— Нашла коса на камень? Сошлись двѣ безпокойныя натуры?

— Сошлись, приняли порывъ страсти за любовь, обманулись и разошлись!

— И конецъ?

— Конецъ. Между ними большая разница. Онъ ищетъ борьбы, а она ея боится. Она слишкомъ избалованная женщина.

— И не разстанется съ такимъ уютнымъ гнѣздышкомъ, какъ, напримѣръ, ваше?

— Да и къ чему? Здѣсь такъ тепло, уютно, не правда ли? А тамъ... Богъ знаетъ, что̀ тамъ!

— И онъ, въ свою очередь, сюда не придетъ!

— Еще бы! Да и здѣсь онъ будетъ не на мѣстѣ, такъ же, какъ я тамъ!—замѣтила Нина, смѣясь.—Вѣдь было бы смѣшно, если бы я, напримѣръ, вотъ этими самыми руками стала готовить кушанье. Зачѣмъ я буду это дѣлать и портить руки! Глупо и скучно!—усмѣхнулась Нина Сергѣевна.—Вотъ вамъ и исторія. Вы ждали бо̀льшаго? Не правда ли?

— И этого довольно. Благодарю васъ!..

— А приговоръ?

— Самый строгій!—улыбнулся Николай.

— Какой же?

— Выйти замужъ за господина Присухина!

— За Присухина?—воскликнула Нина и разсмѣялась.—Вы придумали моей героинѣ дѣйствительно ужасный приговоръ!

— Впрочемъ, я милостивый судья и, пожалуй, дамъ снисхожденіе! Она и такъ довольно наказана.

— Вы думаете?—промолвила Нина, осторожно макая сухарикъ въ чашку.

— Еще бы! Вѣдь не удалось приручить рыцаря? Всѣхъ приручала, а вотъ наконецъ нашелся таинственный рыцарь безъ страха и упрека, изъ-за котораго наша гордая красавица, пожалуй, не разъ омочила слезами свои насмѣшливые глазки. Вамъ этихъ подробностей героиня не сообщала, Нина Сергѣевна?—говорилъ, посмѣиваясь, Николай, любуясь въ то же время ослѣпительной красотой Нины.—Она не говорила вамъ? Были слезы? А тайныя свиданія при лунномъ свѣтѣ бывали, гдѣ-нибудь въ бесѣдкѣ?

— Вѣрно,—усмѣхнулась Нина.

— И знаете ли что̀? Ваша героиня изъ хищныхъ на-

туръ, да къ тому-жъ изъ артистическихъ. О, она умѣетъ художественно играть съ людьми, и вдругъ не удалось. Ее соблазнила новизна, заманчивость; она думала, что и этотъ рыцарь поддастся ей, и... не удалось. Не оттого ли она и хандритъ теперь? Пожалуй, она до сихъ поръ неравнодушна? Признаться, Нина Сергѣевна, я даже радъ, что ваша героиня получила урокъ...

— Ну, мой строгій моралистъ, сознайтесь, вы бы обрадовались еще болѣе, если-бъ моя героиня васъ помучила?—насмѣшливо промолвила Нина.—Вамъ досадно, что не вы на мѣстѣ героя?

— Куда мнѣ! — вспыхнулъ, задѣтый за живое, Николай.—Слава Богу, я незнакомъ съ этой барыней, а то, чего добраго, если-бъ отъ скуки ей вздумалось удостоить меня своимъ вниманіемъ, пококетничать, я былъ бы несчастнѣйшій человѣкъ. Слава Богу, вы хоть, Нина Сергѣевна, смягчились и не намѣрены разрушить моего семейнаго счастія, — иронически прибавилъ Вязниковъ. — Сердце у меня мягкое, довѣрчивое. Я бы повѣрилъ ей сразу и... и полюбилъ, да какъ полюбилъ!.. Все забылъ бы ради вашей милой хищницы. За одинъ ея поцѣлуй, за ласку я готовъ былъ бы на самыя ужасныя жертвы... ну, хоть слушать лекціи Горлицына. Я, какъ рабъ, ждалъ бы ея слова, ея взгляда. Я шепталъ бы ей страстныя рѣчи, отъ которыхъ содрогнулся бы... самъ Присухинъ и понялъ бы, что̀ такое молодая горячая страсть. А она, ваша гордая красавица, принимала бы эту дань, какъ недурное лѣкарство отъ скуки. О, мнѣ остается только радоваться, что вашъ сфинксъ не удостаиваетъ вниманіемъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Облокотившись на столъ, чуть-чуть отвернувъ голову, слушала Нина, не прерывая, эту саркастическую рѣчь Николая. Въ тонѣ его голоса звучала не одна насмѣшка. Страстные звуки незамѣтно вырывались изъ его груди, лаская слухъ и щекоча ея нервы. Она тихо повернула голову, взглядывая украдкой изъ-подъ ладони на свѣжее, молодое, красивое, вызывающее лицо Николая. Странная, загадочная улыбка пробѣжала по ея оживившемуся лицу. Въ глазахъ загорался огонекъ, грудь задышала быстрѣе. Она какъ-то вся потянулась, жмуря глаза.

Николай замолчалъ и взглядывалъ на Нину, стараясь замѣтить впечатлѣніе своихъ словъ, но лицо ея было прикрыто рукой. Она не подымала головы и молчала.

Когда наконецъ она тихо отвела руку и повернулась къ Николаю, она была совсѣмъ спокойна. Только румянецъ алѣлъ на ея розоватыхъ щекахъ. Она посмотрѣла на молодого человѣка насмѣшливымъ пристальнымъ взглядомъ и, словно бы нехотя, проговорила:

— Напрасно вы такъ иронизировали, Николай Ивановичъ! Моя героиня никогда бы и не подумала серьезно васъ сдѣлать своимъ рабомъ. Во-первыхъ, рабы скоро надоѣдаютъ, а во-вторыхъ...

Она остановилась на секундѣ, какъ бы въ раздумьѣ.

— А во-вторыхъ,—продолжала она:—вы вѣрно замѣтили: хищница, и даже артистическая. Мнѣ кажется, ее даже и при скукѣ не заняла бы слишкомъ легкая побѣда надъ такимъ юношей, какъ вы. Вамъ не пришлось бы ждать ея поцѣлуевъ. Напрасная трата времени!—прибавила она холодно.

Нина нанесла жестокій ударъ самолюбію нашего молодого человѣка. Онъ старался-было подъ смѣхомъ скрыть досаду, но смѣхъ вышелъ ненатуральный. Онъ посмотрѣлъ на Нину со злостью. Въ голосѣ звучала раздражительная нотка, когда онъ проговорилъ:

— А ваша героиня, какъ видно, очень самоувѣренна и раздаетъ поцѣлуи только...

Съ устъ его чуть-было не слетѣло имя Прокофьева. Но онъ во-время остановился.

— Только очень интереснымъ людямъ!—прибавилъ онъ ядовито.—И, вѣрно, тайно, чтобы никто не зналъ.

— Какъ видите... самоувѣренна. Избаловали ее! Однако довольно о ней. Оставимъ ее въ покоѣ.

— Въ ожиданіи новаго рыцаря?—ядовито добавилъ Николай.

— Пожалуй, если найдется подходящій!.. Жить вѣдь хочется!

— О, за этимъ дѣло не станетъ. Стоитъ поискать только.

— Да вы, кажется, очень недовольны моей героиней? Я и сама ею недовольна... Разскажите-ка лучше о себѣ, Николай Ивановичъ. Вы только-что такъ хорошо говорили о вашемъ будущемъ счастьѣ, о любви, о надеждахъ, что я готова еще разъ прослушать... Я вѣдь очень люблю слушать счастливыхъ людей.

Николай вспыхнулъ. Въ словахъ Нины Сергѣевны звучала тонкая иронія. Надъ нимъ, очевидно, потѣшались, какъ надъ школьникомъ.

— Съ удовольствіемъ бы разсказалъ, Нина Сергѣевна, да боюсь: вамъ будетъ, пожалуй, завидно чужому счастью.

— О, я не завистлива.

— Да и поздно. Посмотрите, ужъ первый часъ въ исходѣ. Вотъ какъ мы заболтались.

— А что-жъ, и слава Богу!.. Я всегда рада поболтать съ вами... Впрочемъ, не смѣю задерживать васъ. Вамъ теперь столько хлопотъ.

— Хлопотъ много! — отвѣчалъ, подымаясь, Вязниковъ.—Ахъ, чуть-было и не забылъ!.. Вотъ вамъ и обѣщанное прошеніе.

Онъ положилъ бумагу на столъ.

— Благодарю васъ!—проговорила Нина, пробѣгая глазами бумагу.—Отлично. Коротко и ясно.

— А имя молодого человѣка вы все еще, видно, не припомнили?—значительно замѣтилъ Николай, прощаясь.

— Оно васъ, кажется, очень интересуетъ?

— Нѣтъ. Такъ!—протянулъ Николай.—Какое мнѣ дѣло до чужихъ именъ и тайнъ.

— Какія тайны? — промолвила, чуть-чуть краснѣя, Нина.

— Я такъ, подъ впечатлѣніемъ исторіи вашей героини. Она, кажется, любитъ тайны. А впрочемъ, Богъ съ ней!.. Прощайте, Нина Сергѣевна. Желаю вамъ не хандрить и поскорѣй быть такой же веселой, какъ въ деревнѣ, помните? Ну, да за этимъ дѣло не станетъ, надѣюсь?

— Разумѣется!.. Зачѣмъ «прощайте»? Я не прощаюсь съ вами, а говорю: «до свиданія», надѣясь изрѣдка видѣться. Часто заходить не прошу: вамъ, счастливымъ влюбленнымъ, не до того; а изрѣдка загляните, я поболтать съ вами всегда рада. Надѣюсь, вы познакомите меня съ вашей женой?

— Непремѣнно!—церемонно проговорилъ Николай.

— Ну, а затѣмъ дай Богъ вамъ всего хорошаго!—проговорила Нина, и снова въ ея голосѣ зазвучала задушевная нота.

Она дружески-крѣпко пожала ему руку и прибавила:

— Да смотрите, не очень сердитесь за скучную исторію героини. И сами не походите на нее!

Николай ушелъ отъ Нины Сергѣевны раздраженный, въ скверномъ расположеніи духа. Теперь въ его глазахъ она потеряла значительную долю прежняго обаянія.

«Просто самодовольная кокетка!»—подумалъ онъ.

— А хороша, дьявольски хороша!—проговорилъ онъ съ досадой, припоминая ея лицо, плечи, шею и грудь.

Нина Сергѣевна долго еще сидѣла у маленькаго столика. Наконецъ она поднялась и тихо прошла въ спальню.

«Теперь не скоро придетъ!»—проговорила она, и насмѣшливая улыбка показалась въ ея глазахъ.

Она зѣвнула и приказала горничной раздѣвать себя.

— Нравится, Анна, тебѣ этотъ господинъ?—спрашивала она, ложась въ постель.

— Очень. Такой красивый, славный молодой человѣкъ, Нина Сергѣевна. Онъ будетъ, вѣрно, у насъ часто бывать?

— А что̀?—усмѣхнулась Нина.

— Я такъ, къ слову.

— Нѣтъ, не будетъ, Анна!—проговорила Нина, подавивъ легкій вздохъ.

Анна взглянула съ недоумѣніемъ на барыню.

— Онъ женится... А то бы часто бывалъ!—усмѣхнулась Нина, потягиваясь.

Анна, давно служившая у Нины, съ участіемъ взглянула на барыню, пожелала ей спокойной ночи и вышла изъ спальни не безъ досаднаго чувства, что барыня упустила такого премилаго любовника. Прежній ей не очень нравился.

На другой день, при встрѣчѣ съ Леночкой, Николай нѣсколько смутился, когда Леночка сказала ему, что вчера ждала его.

Онъ разсказалъ ей о своемъ свиданіи съ Лаврентьевымъ, потомъ объ его извиненіи («вѣрно, онъ отъ Васи узналъ, что мы женимся!») и, обнимая Леночку, воскликнулъ:

— А ты, Лена, и не знала, что изъ-за тебя мы собирались драться на дуэли?

— Не знала,—солгала Леночка, краснѣя.

— И что меня могло не быть сегодня на свѣтѣ? Я не хотѣлъ тебя тревожить, Леночка, и мы обѣщали не говорить тебѣ о дуэли. Ну, видишь ли, все кончилось отлично. Лаврентьевъ пожелалъ намъ счастья!—весело говорилъ Николай, не догадываясь, кому онъ обязанъ тѣмъ, что исторія съ Лаврентьевымъ уладилась. — А ты что̀? Опять сегодня у тебя лицо какое-то нехорошее. Худо спала ночь?

Съ любовью и гордостью Леночка смотрѣла на Николая и проговорила:

— О, нѣтъ, я здорова. Такъ, сегодня дурно спала. Зубы болѣли! Теперь, Коля, милый мой, изъ-за меня тебѣ болѣе не придется рисковать жизнью!

— Теперь, Лена... теперь... Да какая же ты добрая, хорошая моя!—прошепталъ Николай, глядя на тихо сіяющее, счастливое лицо Леночки. — Теперь давай скорѣй устраивать наше хозяйство и сегодня же пойдемъ искать квартиру.

Они вышли на улицу. Николай, между прочимъ, разсказалъ, что вчера вечеромъ онъ былъ у Нины Сергѣевны по важному дѣлу. Надо было написать ей прошеніе.

Онъ объяснилъ, какое, и прибавилъ, смѣясь:

— Отъ скуки къ министрамъ ѣздитъ. Все, по крайней мѣрѣ, можетъ-быть, доброе дѣло сдѣлаетъ! Вообрази, она желаетъ съ тобой познакомиться, Лена, и съ Васей.

— Богъ съ ней!

— Не нравится она тебѣ?

— Нѣтъ! И что̀ ей у насъ дѣлать?

— Да и мнѣ, Лена, она не нравится. Пустая женщина!..

Этотъ отзывъ порадовалъ Леночку, и она поспѣшила прибавить:

— А впрочемъ, если хочетъ познакомиться, отчего же? Быть-можетъ, она и добрая женщина!

XV.

Я попрошу теперь читателя перенестись въ большую залу дворянскаго дома губернскаго города С. присутствовать на открытіи чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія.

Къ общему изумленію, гласные на этотъ разъ собрались охотно. Зала быстро наполнялась. На хорахъ было довольно публики. Въ ожиданіи пріѣзда губернатора, земцы оживленно бесѣдовали, разбившись по группамъ. Предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства, казался нѣсколько смущеннымъ и о чемъ-то горячо говорилъ съ нашимъ старымъ знакомымъ, Иваномъ Андреевичемъ Вязниковымъ, высокая фигура котораго съ сѣдой львиной гривой выдѣлялась среди окружавшей ихъ группы.

Въ залу быстрой, военной походкой вошелъ губернаторъ. Разговоры смолкли. Это былъ небольшого роста,

сутуловатый генералъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ рѣзкимъ, недовольнымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдыми бакенбардами, смѣнившій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ губернатора-статистика. Новый губернаторъ пріѣхалъ подтянуть губернію. Въ короткое время его превосходительство успѣлъ проявить свои несомнѣнныя административныя дарованія, хотя, надо сознаться, энергія, съ которой его превосходительство подтягивалъ ввѣренную ему губернію, успѣла навести на с—ихъ жителей значительную робость. Мирные обитатели вдругъ почувствовали себя какъ будто виноватыми.

Его превосходительство зналъ хорошо впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на край своей энергіей, и былъ очень этимъ польщенъ. Человѣкъ добросовѣстный, несомнѣнно честный, «солдатъ прежде всего», какъ онъ самъ называлъ себя, исполнительность котораго имѣла за собой цѣлую легенду въ полку, которымъ онъ командовалъ передъ тѣмъ, какъ пріѣхалъ управлять губерніей,—онъ взглянулъ на свое назначеніе и понялъ совѣтъ «дѣйствовать съ мудрой твердостью»,—совѣтъ, данный ему въ Петербургѣ,—какъ на миссію — очистить край. Его предшественникъ «распустилъ нюни», по выраженію его превосходительства, а, по мнѣнію генерала, время было такое, что нужна была, напротивъ, желѣзная рука Бисмарка.

Нѣсколько заикаясь и опустивъ глаза внизъ, генералъ произнесъ краткую, но энергичную рѣчь. Онъ пожелалъ собранію заняться дѣломъ, а не разговорами, и, объявивъ собраніе открытымъ, такъ же быстро вышелъ изъ залы, какъ и вошелъ.

Эта краткая рѣчь произвела на земцевъ не особенно пріятное впечатлѣніе. Всѣ какъ-то переглянулись, раздался ироническій смѣхъ.

Предсѣдатель, толстый, почтенный господинъ, занялъ свое мѣсто. Онъ, очевидно, былъ встревоженъ, безпокойно взглядывая то на большую тетрадь, лежавшую передъ нимъ, то на старика Вязникова. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Милостивые государи! Нашъ почтенный и высокоуважаемый товарищъ, Иванъ Андреевичъ Вязниковъ, представилъ мнѣ записку, которую проситъ доложить собранію прежде, чѣмъ откроются пренія по вопросу, составляющему цѣль нашего засѣданія. Хотя записка эта и относится къ дѣлу, но предварительно я долженъ доло-

жить собранію, что она написана въ такомъ направленіи, что я бы просилъ собраніе, въ виду возможныхъ случайностей, отклонить ея чтеніе, — прибавилъ предсѣдатель взволнованнымъ голосомъ.

Всѣ на минуту притихли и взглянули на Вязникова. Онъ тихо поднялся, обвелъ собраніе спокойнымъ взглядомъ и проговорилъ громкимъ, твердымъ голосомъ:

— Мнѣ кажется, что господинъ предсѣдатель не имѣетъ права дѣлать такое предложеніе. Я прошу собраніе выслушать мою записку.

— Читать! Читать!—раздались голоса.

— Не надо! Не надо!

— Читать! Читать!

— Я снова долженъ предупредить собраніе,—проговорилъ дрожащимъ голосомъ, весь блѣдный предсѣдатель:— что записка нашего почтеннаго сотоварища едва ли должна быть прочитана.

Послѣднія слова предсѣдателя, его испуганный, растерянный видъ произвели впечатлѣніе. Собраніемъ какъ будто овладѣло недоумѣніе. На лицахъ отразился испугъ. Всѣ молчали, безпокойно взглядывая въ ту сторону, гдѣ возвышалась сѣдая голова Ивана Андреевича.

— Мнѣ очень прискорбно, но еще болѣе удивительно,— началъ онъ, взглядывая на блѣднаго предсѣдателя съ улыбкой, полной презрѣнія:—что г. предсѣдатель настаиваетъ на своемъ незаконномъ предложеніи. Собраніе знаетъ меня и можетъ быть увѣрено, что въ запискѣ моей нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что̀ могло бы компрометировать собраніе, и я снова позволю себѣ спросить г. предсѣдателя, недоумѣвая, что̀ такое въ названной запискѣ могло такъ... такъ обезпокоить нашего предсѣдателя? Пусть онъ выскажется яснѣе. Мы собрались сюда высказать свое мнѣніе по вопросу очень серьезному, милостивые государи, вы очень хорошо это знаете. Было бы странно, недостойно собранія, если бы оно побоялось выслушать слово своего товарища единственно на томъ основаніи, что г. предсѣдатель находитъ его мнѣнія несоотвѣтствующими своимъ взглядамъ. Какъ, господа, мы ни стѣснены въ своихъ узкихъ рамкахъ, но тѣмъ не менѣе неужели мы сами же надѣнемъ на себя намордники и даже не посмѣемъ отвѣчать въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда насъ спрашиваютъ!?

Громкая, страстная рѣчь благороднаго старика возбу-

дила собраніе. Рѣчь его была покрыта громкими рукоплесканіями.

— Читать, читать!—раздались крики, покрывая голоса, протестовавшіе противъ чтенія.

Большинство, очевидно, было за чтеніе.

— Въ такомъ случаѣ я прошу выбрать на время другого предсѣдателя... Я не могу оставаться предсѣдателемъ!—проговорилъ предводитель дворянства.

Черезъ нѣсколько времени выбранъ былъ предсѣдатель. Старый тотчасъ же оставилъ залу вмѣстѣ съ нѣсколькими болѣе перепуганными членами.

— Не угодно ли будетъ, Иванъ Андреевичъ, вамъ самому прочитать?

При общемъ напряженномъ вниманіи и глубокой тишинѣ Вязниковъ сталъ читать свою записку.

Въ спокойномъ, сдержанномъ, хотя и грустномъ тонѣ излагалось въ началѣ положеніе земства. Глубокимъ чувствомъ звучалъ голосъ Вязникова, когда онъ читалъ, какъ мало-по-малу суживался кругъ земскаго самоуправленія и отбирались права, дарованныя законодателемъ. Земство, по словамъ Вязникова, играло жалкую роль и, при малѣйшей попыткѣ выйти изъ недостойнаго положенія, встрѣчало недоброжелательство. Оно принуждено было съ болью смотрѣть, какъ администрація налагала свою руку и вмѣсто помощи нерѣдко являла противодѣйствіе. Поневолѣ пришлось сдѣлаться безгласнымъ. При такомъ положеніи дѣлъ оно поставлено въ невозможность достойно помочь въ тяжкихъ испытаніяхъ, переживаемыхъ страной. Представители земства должны съ прискорбіемъ сознаться, что они безсильны. Земскимъ учрежденіямъ не выпадаетъ счастливая доля бо̀льшаго простора, самостоятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренности въ правѣ своемъ безбоязненно подавать свободный голосъ. Только полное довѣріе, безъ разныхъ ограниченій, при широкомъ обмѣнѣ мнѣній земствъ, представляетъ, по словамъ записки Ивана Андреевича, единственную возможность обсудить съ должной серьезностью причины прискорбныхъ явленій и найти дѣйствительные способы къ мирному развитію отечества.

Иванъ Андреевичъ окончилъ чтеніе среди глубочайшаго молчанія. Записка произвела сильное впечатлѣніе. Въ ней повторялось то, что̀ многими чувствовалось.

— Смѣю думать, милостивые государи,—произнесъ Вязниковъ:—что я не высказалъ въ своей запискѣ ничего

такого, что̀ могло бы дать кому бы то ни было поводъ обвинить собраніе за то, что оно выслушало ее! Я презираю такія обвиненія!—прибавилъ онъ громовымъ голосомъ, потрясая сѣдой головой.—Я исполнилъ свой долгъ по крайнему своему убѣжденію, предложивъ вашему вниманію соображенія, которыя невольно напрашиваются и составляютъ давно наболѣвшую у всѣхъ насъ рану. Отъ васъ, конечно, зависитъ принять ихъ во вниманіе или нѣтъ. Мы можемъ, разумѣется, обыкновеннымъ способомъ—къ прискорбію, очень обычнымъ—рѣшить вопросъ, занимающій насъ. Господинъ начальникъ губерніи даже предрѣшилъ рѣшеніе наше, рекомендуя не разсуждать!—усмѣхнулся Иванъ Андреевичъ.—Способъ, конечно, очень легкій, но я позволю себѣ, господа, напомнить вамъ, что мы можемъ и сами рѣшить вопросъ, безъ посторонняго вмѣшательства. И не забудьте, господа, что достоинство наше, какъ представителей выборнаго учрежденія, какъ честныхъ русскихъ людей, заставляетъ высказать наше мнѣніе честно и открыто, не прикрываясь фразами, которыя къ тому же никого не обманутъ! Въ противномъ случаѣ и лучшіе изъ нашихъ современниковъ, а потомъ и дѣти наши вправѣ подумать, что мы, отцы ихъ, оказались недостойными тѣхъ великихъ реформъ, которыхъ были счастливыми свидѣтелями и менѣе счастливыми исполнителями. Не забудьте, милостивые государи, и примите слова старика безъ дурного чувства, что дѣти наши могутъ сказать про насъ, что мы не любили своей родины, что мы сознательно обманывали общество и правительство, или—я ужъ не знаю, что̀ хуже!—или что намъ и въ самомъ дѣлѣ нечего было сказать, и мы, земскіе люди, недостойны были называться представителями учрежденія, въ которомъ, господа, лежитъ зерно будущаго возрожденія нашей бѣдной родины... Рѣшайте же, господа!

Взрывъ рукоплесканій огласилъ залу. Словно электрическая искра, увлеченіе охватило обыкновенно апатичное собраніе. Даже тѣ самые робкіе люди, которые нѣсколько времени тому назадъ противились чтенію записки, теперь подходили къ Вязникову и жали ему руку. Лица у всѣхъ вдругъ сдѣлались серьезны. Слова старика пробудили какія-то хорошія, заглохнувшія чувства.

Записка Ивана Андреевича была принята собраніемъ въ принципѣ. Однако послѣ преній рѣшено было нѣсколько измѣнить редакцію и на другой день собраться для подписи.

Но вечеромъ того же дня настроеніе многихъ гласныхъ уже измѣнилось, вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ, разнесшихся съ быстротою въ городѣ. Въ клубъ то и дѣло пріѣзжали вѣстовщики и привозили самыя разнообразныя вѣсти. Разсказывали, что губернаторъ пригласилъ предсѣдателя и имѣлъ съ нимъ очень рѣшительное объясненіе, что у предводителя дворянства составляется протестъ, что будто бы его подписали, между прочимъ, нѣкоторые изъ гласныхъ, одобрившихъ утромъ записку въ собраніи, и что комиссія не собралась. Наконецъ передавали за вѣрное, что старикъ Вязниковъ внезапно уѣхалъ въ деревню и т. п. Всѣ эти разсказы вліяли на земцевъ самымъ подавляющимъ образомъ, и когда, въ двѣнадцатомъ часу, въ клубъ пріѣхалъ временный предсѣдатель собранія, то его окружили и стали настоятельно разспрашивать, что̀ случилось. Оказалось, что начальникъ губерніи настоятельно рекомендовалъ земцамъ «одуматься», представляя на видъ, что въ противномъ случаѣ будутъ весьма серьезныя послѣдствія. Почтенный предсѣдатель хоть и старался показать, что онъ не испугался этого предостереженія, однако по лицу его было видно, что онъ очень разстроенъ. Онъ даже не сѣлъ играть въ винтъ, несмотря на то, что былъ большой любитель. Относительно протеста онъ сообщилъ, что навѣрное не знаетъ, но, кажется, есть вѣроятіе въ слухахъ. Что же касается Вязникова, то слухи объ его отъѣздѣ—чистѣйшій вздоръ; предсѣдатель былъ у него полчаса тому назадъ и засталъ его въ номерѣ гостиницы, занятаго исправленіемъ редакціи своей записки, такъ какъ комиссія поручила это дѣло ему.

— Что-жъ Вязниковъ? — спрашивали со всѣхъ сторонъ.—Знаетъ, какой переполохъ?

— Иванъ Андреевичъ, вы знаете, господа, какъ возьметъ что̀ въ голову, такъ не скоро откажется. Я передалъ ему разговоръ съ губернаторомъ, а онъ даже разсердился. Старикъ—совсѣмъ увлекающійся человѣкъ! — прибавилъ разсказчикъ.

Многіе подхватили это слово. Въ самомъ дѣлѣ онъ «увлекающійся человѣкъ». Онъ ужъ черезчуръ горячится. Конечно, записка его написана превосходно—онъ умница! — но все-таки собраніе поторопилось. Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ представитъ губернаторъ сегодняшнее засѣданіе! Того и гляди, изъ-за него всѣмъ достанется!..

Такія слова вырывались у многихъ; многіе про себя рѣшили не ѣхать завтра въ собраніе.

Иванъ Андреевичъ только-что окончилъ работу, перечелъ записку, и горькая усмѣшка пробѣжала по его лицу.

— Ужъ они, кажется, назадъ!—проговорилъ онъ, вспоминая посѣщеніе предсѣдателя.—Неужели струсили? А утромъ еще...

Онъ уже собирался ложиться, когда въ двери вошелъ слуга и подалъ ему пакетъ. Онъ распечаталъ и прочелъ записку, написанную крупнымъ, красивымъ писарскимъ почеркомъ, слѣдующаго содержанія:

«Его превосходительство г. начальникъ губерніи покорнѣйше проситъ Ивана Андреевича Вязникова пожаловать завтра въ 9 часовъ утра, для объясненій».

Записка не была подписана.

— Что этому... отъ меня надо?—проговорилъ старикъ, задѣтый за живое тономъ этой записки.

Однако онъ рѣшилъ пойти.

Долго ворочался старикъ въ постели, а сонъ не приходилъ успокоить его возбужденные нервы. Грустныя мысли бродили въ головѣ Ивана Андреевича.

Оптимизмъ старика все чаще и чаще подвергался тяжелымъ испытаніямъ. Вязниковъ уже далеко не съ прежней надеждой ожидалъ близкихъ весеннихъ дней. Въ послѣднее время онъ даже съ какимъ-то ужасомъ смотрѣлъ на то, что дѣлалось вокругъ. Нерѣдко, возвращаясь изъ города, онъ разсказывалъ Марьѣ Степановнѣ о томъ, что слышалъ, что видѣлъ, и грустно задумывался, сидя въ своемъ кабинетѣ. Бывали минуты,—и онѣ стали повторяться все чаще и чаще,—когда Иванъ Андреевичъ съ болью вспоминалъ о младшемъ сынѣ. Онъ писалъ ему горячія письма, въ которыхъ съ какою-то особенной настойчивостью предостерегалъ его отъ увлеченій («пока надо учиться, учиться и учиться!»), рисуя окружающую жизнь, близкое будущее въ розовомъ свѣтѣ. Онъ накладывалъ свѣтлыя краски, а въ то же время самъ чувствовалъ, что краски не тѣ, что въ дѣйствительности тонъ не такой свѣтлый, и со страхомъ ожидалъ отвѣтовъ. Въ нѣжныхъ письмахъ сына, въ которыхъ сынъ спорилъ съ отцомъ, чуткое любящее сердце слышало какіе-то скорбные звуки молодой, возбужденной души. Оптимизмъ отца не дѣйствовалъ въ виду грустной дѣйствительности. Старикъ пони-

малъ, что трудно успокоить юношу, когда даже и онъ, старикъ, начиналъ терять надежду...

Но въ старикѣ, какъ видѣлъ читатель, еще сохранилась вѣра въ идеалъ. Онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ.

Впечатлѣніе, произведенное его горячей запиской, оживило старика и пробудило надежды. Но вечеръ испортилъ хорошій день. Бесѣда съ предсѣдателемъ заставила его усомниться въ своихъ товарищахъ. Изъ словъ его онъ понялъ, что его записка завтра не будетъ принята.

Ровно въ девять часовъ, на слѣдующій день, Иванъ Андреевичъ входилъ въ кабинетъ къ его превосходительству.

Генералъ принялъ старика стоя. Онъ рѣзко поклонился и произнесъ отрывистымъ, недовольнымъ тономъ:

— Ваша записка, милостивый государь, вызвала вчера неприличную сцену въ собраніи. Я удивляюсь, какъ вамъ позволили ее читать, но еще болѣе удивляюсь, какъ вы рѣшились написать такую непозволительную записку... Я...

— Я тоже изумляюсь, почему вы пригласили меня, генералъ? — рѣзко перебилъ старикъ, блѣднѣя отъ негодованія.—Вы можете дѣйствовать въ законномъ порядкѣ, но прежде надо спросить у меня, желаю ли я слышать выраженія вашего изумленія!..

Его превосходительство, не ожидавшій ничего подобнаго, смѣшался и не зналъ, что̀ сказать. Наконецъ съ его дрогнувшихъ толстыхъ губъ слетѣли отрывистыя фразы:

— Я имѣлъ намѣреніе предупредить, какъ хозяинъ губерніи. Я призванъ сюда... Наконецъ въ моей власти...

Вязниковъ обмѣривалъ серьезнымъ взглядомъ его превосходительство.

— Наконецъ вамъ извѣстно, что мнѣ предоставлено право... Я могу...

— Это ужъ не мое дѣло, генералъ!—гордо произнесъ Вязниковъ и вышелъ изъ кабинета.

Его превосходительство нѣсколько минутъ оставался въ недоумѣніи. Наконецъ онъ послалъ за правителемъ дѣлъ, расторопнымъ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, и приказалъ ему написать рѣшительное распоряженіе насчетъ Ивана Андреевича. Однако расторопный молодой человѣкъ успѣлъ, хотя и не безъ труда, убѣдить генерала не дѣлать пока такого рѣшительнаго шага, въ виду положенія и преклонныхъ лѣтъ Вязникова.

— Я полагаю выждать, что̀ скажетъ Петербургъ!—прибавилъ молодой человѣкъ.

Его превосходительство не скоро еще успокоился, и въ этотъ день лица, являвшіяся съ донесеніями, получили большую гонку.

Черезъ два дня Вязниковъ, мрачный, возвращался въ свое «Витино». Записка его была подписана только пятью человѣками. Большинство собранія нашло ее несвоевременной. Въ городѣ ходили тревожные толки насчетъ Ивана Андреевича. Записка, надѣлавшая столько шума, была послана въ Петербургъ.

XVI.

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Андреевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ тепломъ, подбитомъ заячьимъ мѣхомъ, сюртукѣ, погруженный въ чтеніе, когда въ одиннадцатомъ часу дня въ кабинетъ тихо вошла Марья Степановна, положила на столъ привезенныя со станціи газеты и подала ему письмо.

— Отъ Коли!—произнесла она, радостно улыбаясь.

— Что-то пишетъ хорошенькаго! — промолвилъ Иванъ Андреевичъ.

Онъ сталъ читать письмо. Въ чертахъ лица Ивана Андреевича Марья Степановна замѣтила такое удивленіе, что тревожно спросила:

— Что̀ такое?.. Ты, кажется, очень изумился письмомъ?

— Еще бы!.. Знаешь ли, какую новость сообщаетъ Коля?—проговорилъ Вязниковъ, передавая письмо.—Никакъ не догадаешься!.. Коля женится.

— Женится!—испуганно вскрикнула Марья Степановна.

— На Леночкѣ!

— На Леночкѣ!..—съ облегченнымъ сердцемъ проговорила Марья Степановна, жадно пробѣгая письмо.—Вотъ неожиданная новость... Я никакъ не могла бы подумать.

— Признаться, поразилъ и меня Коля... И какъ торопится...

— Ты какъ же, Иванъ Андреевичъ? Доволенъ?—спрашивала она черезъ нѣсколько времени, когда прошло первое впечатлѣніе отъ неожиданнаго извѣстія.

— По-моему, рано бы Колѣ жениться... По его характеру надо бы подождать...

— Оно, пожалуй, и лучше для Коли раньше жениться. Онъ такой увлекающійся!—замѣтила, улыбаясь, мать.

— То-то лучше ли?—въ раздумьѣ проговорилъ Иванъ Андреевичъ.—И вѣдь раньше ни слова не сказалъ, даже не намекнулъ!—прибавилъ Иванъ Андреевичъ.—А еще другъ! А ты ничего не замѣчала? Ужъ не лѣтомъ ли они сблизились другъ съ другомъ? И этотъ неожиданный отказъ Лаврентьеву...

— А пожалуй! То-то Леночка тогда такъ мучилась!

— Мы съ тобою, братъ, ужъ стары стали, ничего и не видѣли! — засмѣялся старикъ, ласково пожимая руку жены.—Что-жъ? Раненько-то раненько Колѣ жениться, а впрочемъ, оба они такіе славные...

— И знаютъ давно другъ друга... Они будутъ счастливы!

— Только бы Колѣ побольше характера, выдержки. Съ семьей не то, что одному! — замѣтилъ Иванъ Андреевичъ.—А мы помочь-то ему, къ сожалѣнію, не въ состояніи. Дѣтямъ-то ничего дать не можемъ!—грустно промолвилъ старикъ.—Развѣ уголъ въ деревнѣ.

— Проживутъ!—весело сказала Марья Степановна.—Да и у насъ еще кое-что найдется, чтобы помочь имъ устроиться на первое время.

— Еще развѣ есть брильянты въ запасѣ?—усмѣхнулся Иванъ Андреевичъ.

— Есть еще... продадимъ! Тысячку, другую наберемъ.

— Ну, да Леночка—бережливая, умница, она удержитъ Колю. Онъ-то въ меня... любитъ мотать деньги!—усмѣхнулся Вязниковъ.—Вотъ Вася, такъ тотъ въ тебя. Все другимъ готовъ отдать. Впрочемъ, Коля пишетъ, что дѣла его поправились.

— И какъ не поправиться. Съ его умомъ, да чтобы не прожить безъ особенныхъ заботъ! Слава Богу! А въ случаѣ чего—милости просимъ въ «Витино».

Старики весело говорили о Колѣ и Леночкѣ. Имъ казалось, что время прошло удивительно скоро. Давно ли Коля и Леночка были дѣтьми, а вотъ ужъ, Богъ дастъ, и внуковъ поняньчить придется.

— На свадьбу мы, разумѣется, поѣдемъ? — радостно проговорила Марья Степановна.

— Я бы радъ, очень радъ!—оживился старикъ:—но... сама знаешь...

— О деньгахъ не безпокойся... найдемъ. Немного же намъ и нужно. Кстати, ты разсѣешься. Довольно-таки въ послѣднее время непріятностей.

— Какъ это ты только изворачиваешься, моя милая! Такъ ѣдемъ? Въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣть на нихъ. А все я пожурю Колю, что другу-то ни слова не сказалъ!

— Ну, не жури.

— А ужъ ты испугалась?

На другой же день утромъ Марья Степановна поѣхала въ городъ, и черезъ два дня старики послали Николаю тысячу рублей и писали, что черезъ недѣлю сами пріѣдутъ благословить дѣтей. Леночкѣ старики написали горячее письмо, въ которомъ выразили радость, что могутъ ее назвать своею дочерью.

Хотя Марья Степановна и просила мужа не безпокоиться, говоря, что деньги найдутся, но денежный вопросъ очень ее тревожилъ. Она продала послѣднія свои цѣнныя вещи, за которыя ей дали всего тысячу рублей, а надо было достать еще денегъ на уплату процентовъ въ банкъ и на поѣздку въ Петербургъ. То, что было въ ея кассѣ, было послано раньше Колѣ по его просьбѣ, и въ домѣ денегъ не оставалось. Она нѣсколько ночей не спала, придумывая, какъ бы извернуться и доставить мужу (о себѣ она, по обыкновенію, не думала) удовольствіе поѣздкой въ Петербургъ. Она со страхомъ замѣчала, какъ Иванъ Андреевичъ въ послѣднее время хандрилъ въ деревнѣ. Исторія съ запиской, разстроившая мужа, разстроила и ее. Она скрывала отъ Ивана Андреевича свою тревогу, но до нея доходили слухи, распущенные въ городѣ, и она еще болѣе тревожилась и съ ужасомъ думала объ этихъ слухахъ. Первые дни послѣ возвращенія старика изъ города каждый звукъ колокольчика приводилъ ее въ трепетъ...

Въ теченіе недѣли Марья Степановна нѣсколько разъ ѣздила въ городъ. Оставался еще послѣдній клочокъ лѣса, и она хотѣла его продать, но цѣну давали самую ничтожную. Тогда она обратилась къ одному богатому родственнику и наконецъ достала еще тысячу рублей, разсчитывая уплатить долгъ продажей лѣса по болѣе выгодной цѣнѣ.

Иванъ Андреевичъ хотя и догадывался, но не вполнѣ, о тревогахъ жены. Она предпочитала скрывать свои тревоги, зная, какъ больно было бы старику. Давно уже она пріучила мужа не безпокоиться о дѣлахъ. Вся тяжесть заботъ лежала на ней. Она несла это бремя тихо, спокойно и весело, никогда не жалуясь. Иванъ Андреевичъ,

привыкшій смолоду мало думать о средствахъ, и не подозрѣвалъ, сколько нужно было Марьѣ Степановнѣ умѣнья, труда и заботъ, чтобы жить, не нуждаясь. А дѣла въ послѣднее время шли все хуже и хуже. Капиталъ женинъ былъ прожитъ, имѣніе приносило самый незначительный доходъ, а Иванъ Андреевичъ попрежнему добродушно ворчалъ, если за обѣдомъ, случалось, не было пирожнаго!

Когда наконецъ Марья Степановна устроила всѣ дѣла, Вязниковы поѣхали къ Ивану Алексѣевичу. Старый исправникъ былъ въ восторгѣ отъ свадьбы. Марѳа Алексѣевна тоже радовалась. Они показали Вязниковымъ письмо Леночки, а Марѳа Алексѣевна значительно замѣтила:

— Ужъ я давно замѣчала, давно.

— Много ты замѣчала!—добродушно смѣялся исправникъ.

Однако ѣхать въ Петербургъ на свадьбу онъ не могъ.

— Ахъ, Иванъ Андреевичъ, если бы вы только знали, что̀ за каторга намъ!—вздыхалъ старикъ.

— Знаю, знаю, Иванъ Алексѣевичъ! Да вы, кажется, недолго... скоро въ отставку?

— То-то, скоро! Мы вѣдь не можемъ, какъ вы! Славное, говорятъ, вы ему асаже задали!—смѣялся исправникъ.—Я слышалъ. На-дняхъ его вызвали въ Петербургъ. А васъ не вызывали, Иванъ Андреевичъ?

— Нѣтъ.

— Предводитель дворянства тоже вызванъ...

— Вызванъ?

— Какъ же! А вы не изволили слышать?

— Я вѣдь не былъ съ тѣхъ поръ въ городѣ.

— Я была въ городѣ и тоже ничего не слыхала!—замѣтила Вязникова.

— Вчера только телеграмма получена.

Когда Вязниковы возвращались домой, Марья Степановна, стараясь подавить тревогу, спросила:

— А ты... тебѣ ничего не можетъ быть за эту записку?

— Что-жъ они могутъ со мной сдѣлать? — усмѣхнулся старикъ.

— Мало ли что̀.

— Ну, что-жъ!? надѣюсь, мы съ тобой на старости лѣтъ не пойдемъ кланяться?—гордо проговорилъ Иванъ

Андреевичъ.—И что̀ можетъ насъ испугать, стариковъ, теперь? Жизнь наша и безъ того подходитъ къ закату. Не такъ ли, мой добрый другъ?—какимъ-то серьезно-торжественнымъ тономъ прибавилъ старикъ.

Марья Степановна взглянула на мужа. Въ лицѣ его не было ни малѣйшей тревоги. Оно попрежнему было спокойно-задумчиво. Его спокойствіе сообщилось и ей. Она улыбнулась своей кроткой улыбкой и твердо проговорила:

— Ты правъ. Чего намъ бояться!

— Особенно съ тобой вмѣстѣ!—нѣжно прошепталъ старикъ.—И съ такими дѣтьми, какъ наши!

И они замолчали.

Черезъ нѣсколько дней Вязниковы были уже въ Петербургѣ. Свиданіе съ дѣтьми было самое радостное. Въ тотъ же вечеръ вся семья собралась въ комнатѣ у Николая за самоваромъ. Всѣ были веселы и счастливы. Нѣжные взгляды стариковъ попеременно останавливались на дѣтяхъ. Глядя на Николая и Леночку, старики не сомнѣвались, что передъ ними счастливая пара.

Когда, послѣ первыхъ разспросовъ, старикъ, по просьбѣ сыновей, разсказывалъ подробности новой своей «неудачи» въ земскомъ собраніи, Николай вскипѣлъ негодованіемъ, а Вася молча глядѣлъ на отца восторженнымъ взглядомъ.

Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда стариковъ была свадьба Николая и Леночки.

XVII.

Иванъ Андреевичъ Вязниковъ разсчитывалъ пробыть въ Петербургѣ еще недѣли двѣ. Старику хотѣлось подольше остаться съ дѣтьми,—особенно безпокоилъ его Вася,—повидать старыхъ друзей и знакомыхъ и прислушаться, «какъ въ Петербургѣ бьется пульсъ». Кромѣ того, Ивану Андреевичу хотѣлось и разсѣяться послѣ долгой жизни въ провинціальномъ захолустьѣ; благодаря финансовымъ способностямъ и настояніямъ Марьи Степановны, Вязниковъ собирался побывать въ оперѣ, пообѣдать въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ и вспомнить старинку за бутылкой, другой шампанскаго. Но всѣ эти планы, повидимому, вполнѣ исполнимые, оказались преждевременными, по пословицѣ: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Едва только Иванъ Андреевичъ началъ присматриваться къ настроенію Петербурга (и, надо сказать правду, остался не очень имъ доволенъ), какъ ровно черезъ три дня послѣ

свадьбы сына долженъ былъ выѣхать изъ столицы и спѣшить, нигдѣ не останавливаясь, въ «Витино», хотя ни внезапный отъѣздъ, ни его стремительность вовсе не входили (это необходимо замѣтить) въ первоначальные планы Ивана Андреевича, а тѣмъ болѣе Марьи Степановны.

Было бы несправедливо сказать, что отъѣздъ этотъ, несмотря на стремительную его поспѣшность, явился неожиданностью, по крайней мѣрѣ, для самого Вязникова. Въ данномъ случаѣ судьба какъ будто приняла въ соображеніе почтенные годы старика и не застала его совершенно врасплохъ. Обстоятельства сложились относительно еще такъ счастливо (и Марья Степановна впослѣдствіи съ грустной улыбкой вспоминала объ этомъ, по поводу другого отъѣзда), что Иванъ Андреевичъ успѣлъ своевременно извѣстить сыновей объ отъѣздѣ и проститься съ ними.

Счастливое предостереженіе приготовиться къ отъѣзду явилось въ видѣ двухъ фактовъ: во-первыхъ, наканунѣ дня отъѣзда получено было изъ «Витина» нѣсколько странное и, очевидно, торопливое письмо отъ старосты Никиты Ѳадѣича и, во-вторыхъ, въ тотъ же самый день Иванъ Андреевичъ имѣлъ свиданіе съ однимъ бывшимъ своимъ товарищемъ, занимавшимъ въ описываемое нами время если не очень важное, то во всякомъ случаѣ довольно видное мѣсто въ администраціи.

Никита Ѳадѣевичъ, калиграфія котораго на этотъ разъ хромала пуще обыкновеннаго, хотя и сомнѣвался въ юридическомъ правѣ своемъ отписать письмо, но все-таки считалъ несокрушимымъ своимъ долгомъ доложить его высокоблагородію барину Ивану Андреевичу, на всякій случай, для свѣдѣнія, что «вчерашняго числа, въ ночное время, въ усадьбу вашу изволили пожаловать господа и, неизвѣстно по какой причинѣ составивши ахту, изволили благополучно отбыть поутру изъ усадьбы». Увѣдомляя объ этомъ, Никита Ѳадѣичъ просилъ инструкцій насчетъ «ежели опять, чего Боже храни», и затѣмъ желалъ всякаго благополучія Ивану Андреевичу, а равно и супругѣ Марьѣ Степановнѣ, а также и сынкамъ ихъ.

Едва только Иванъ Андреевичъ прочиталъ письмо Никиты Ѳадѣевича и раздумывалъ, не лучше ли скрыть это посланіе отъ Марьи Степановны (ея, по счастью, не было дома), какъ въ двери номера гостиницы раздался осто-

рожный стукъ, и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ появился незнакомый господинъ въ вицмундирѣ и, отрекомендовавшись экзекуторомъ такого-то департамента, передалъ Ивану Андреевичу свидѣтельство почтенія и поздравленіе съ пріѣздомъ его превосходительства такого-то и вмѣстѣ съ тѣмъ просьбу пожаловать къ нимъ, если позволятъ обстоятельства, на квартиру (господинъ въ вицмундирѣ обязательно сообщилъ адресъ) между двѣнадцатью часами и часомъ, по очень важному дѣлу, лично касающемуся Ивана Андреевича.

Проговоривъ эту краткую рѣчь, почтенный чиновникъ счелъ долгомъ поклониться еще разъ, прежде чѣмъ прибавить ко всему вышеизложенному извиненіе его превосходительства, что они сами не могутъ сегодня же пожаловать къ Ивану Андреевичу, а равно и не могли написать письма, вслѣдствіе обремененія служебными обязанностями.

При этихъ словахъ Вязниковъ не могъ не улыбнуться, припомнивъ своего стараго товарища, не отличавшагося прежде особенной любовью къ занятіямъ. Господинъ въ вицмундирѣ не зналъ, чему приписать улыбку на лицѣ Вязникова: тому ли, что его превосходительство обремененъ занятіями, или какому-либо другому обстоятельству. Съ проницательностью департаментскаго экзекутора, малаго на всѣ руки, онъ заключилъ-было, что его превосходительство намѣренъ призанять денегъ у пріѣзжаго помѣщика и потому такъ торопится его видѣть. Что же касается улыбки Вязникова, то она была сочтена за неблагопріятный признакъ для намѣреній его превосходительства. Господинъ въ вицмундирѣ однако не счелъ возможнымъ позволить себѣ какіе-либо разспросы по этому поводу, тѣмъ болѣе, что Вязниковъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія вступить въ разговоръ. Экзекуторъ вѣжливо откланялся, когда Иванъ Андреевичъ, послѣ секунды раздумья, проговорилъ, продолжая улыбаться:

— Прошу васъ передать его превосходительству, что я заѣду!

Въ назначенный часъ Вязниковъ заѣхалъ къ бывшему своему однокашнику Евгенію Петровичу Каратаеву. Краснощекій, пышный, хорошо сохранившійся господинъ встрѣтилъ Ивана Андреевича въ кабинетѣ. Старые товарищи облобызались. Послѣ первыхъ привѣтствій и извиненій господина Каратаева, что онъ не могъ самъ заѣхать, хо-

зяинъ усадилъ гостя на диванъ, плотно затворилъ двери и проговорилъ съ озабоченнымъ и нѣсколько смущеннымъ видомъ:

— Я по старой дружбѣ, Иванъ Андреевичъ, хотѣлъ тебя предупредить. Видишь ли: дѣло съ твоей запиской плохо. На нее взглянули здѣсь очень серьезно.

— Какъ видно... Посмотри-ка, что̀ пишутъ мнѣ изъ деревни! — насмѣшливо проговорилъ Вязниковъ, подавая письмо.

Его превосходительство прочелъ письмо.

— Видишь ли!.. И охота тебѣ кипятиться! Точно въ провинціи вы не знаете положенія дѣлъ.

— Кажется, вы вотъ здѣсь ничего не знаете, что̀ дѣлается въ Россіи!—горячо проговорилъ Вязниковъ.

— И мы знаемъ, пожалуйста, не считай насъ такими оптимистами! Знаемъ, что дѣла идутъ не такъ, какъ было бы желательно.

— Знаете? И все-таки ничего не дѣлаете?

— Ужъ ты слишкомъ, по обыкновенію... Мы, братъ, тоже работаемъ.

— Работаемъ, ты говоришь? И посылаете къ намъ дураковъ?

— Это ужъ вина князя. Онъ самъ его назначилъ. Но все же онъ ужъ не совсѣмъ же... И наконецъ теперь такое время... Нужна энергія...

— Полно, Евгеній Петровичъ, повторять вздоръ. Только и слышишь вездѣ: такое время! Именно такое время, когда надобно подумать посерьезнѣй, а не сочинять бумаги и пугать людей! Вы вотъ тутъ сочиняете циркуляры и думаете, что дѣлаете дѣло. У насъ въ губерніи голодъ, а вы и этого не знаете. Насъ и спрашивать не хотите, а когда удостоите, и вамъ отвѣчаютъ не по-чиновнически, такъ вы приходите въ ужасъ. Даже моя записка показалась ужасною. Ну, что же въ ней-то ужаснаго, скажи-ка по совѣсти?

— По моему личному мнѣнію, она... несвоевременна. Здѣсь же она произвела болѣе сильное впечатлѣніе.

Вязниковъ усмѣхнулся.

— Кажется, и форма-то очень мягкая, и наконецъ развѣ мы не въ правѣ...

— Не уходился еще ты, Иванъ Андреевичъ, какъ посмотрю!—проговорилъ г. Каратаевъ, дотрагиваясь до руки Вязникова.—Допустимъ, что твоя записка высказываетъ

вполнѣ справедливыя мысли, допустимъ! Но мало ли справедливыхъ мыслей, которыя высказывать нельзя, несвоевременно, если не желаешь подвергаться риску? Неужели же ты полагалъ, что здѣсь записку твою похвалятъ?

— Я не заботился, какъ здѣсь взглянутъ! Я считалъ долгомъ совѣсти отвѣтить на вопросъ. Когда спрашиваютъ мое мнѣніе, я считаю нечестнымъ давать лживые отвѣты. А если вы спрашиваете для того, чтобы получить отвѣтъ, что все обстоитъ благополучно, то тѣмъ хуже для васъ, господа! И развѣ я нарушилъ законъ?

— Ты, Иванъ Андреевичъ, кажется, вообразилъ, что мы съ тобою живемъ въ Англіи,—тихо замѣтилъ его превосходительство и прибавилъ:—Однако собраніе не подписало твоей записки... всего пять человѣкъ...

— А вы тутъ знаете, какъ происходило дѣло? Пять человѣкъ! Да, пять! Но было бы не пять подписей, а пятьдесятъ, если бы вы дѣйствительно захотѣли услышать мнѣніе земства. Люди—вездѣ люди, и когда ихъ стращаютъ разными страхами, то они молчатъ. Я думаю, и у васъ въ Петербургѣ понимаютъ, какъ фабрикуются эти обычныя земскія заявленія.

— Положимъ...

— А если бы, Евгеній Петровичъ, всѣ земства подали подобныя же записки, что̀ бы вы здѣсь тогда сказали?

— Ты ставишь вопросъ ребромъ. Я, право, затрудняюсь отвѣчать.

— Однако. Ты вотъ тутъ близокъ къ разнымъ источникамъ. Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что ихъ положили бы подъ сукно.

— И конецъ?

— Назначили бы, пожалуй, комиссію.

Вязниковъ медленно покачалъ головой и проговорилъ:

— Дослужитесь вы, господа, до чего-нибудь съ такими взглядами!

Господинъ Каратаевъ только пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ. Да, признаться, его давно не занимали никакіе вопросы, кромѣ вопросовъ о личномъ положеніи. Онъ прежде всего былъ чиновникъ и добрый малый. Онъ дорожилъ мѣстомъ, такъ какъ получалъ хорошее жалованье, но особеннаго рвенія не обнаруживалъ, умѣлъ недурно писать доклады и составлять записки по какимъ угодно вопросамъ на основаніи канцелярской рутины, въ государственные люди не мѣтилъ и дальше сенаторскаго

мѣста мечты его не заходили, былъ виверомъ-холостякомъ и чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, когда послѣ недурного обѣда пріѣзжалъ вечеромъ въ сельскохозяйственный клубъ и садился въ винтъ по двѣ копейки. Онъ давнымъ-давно осѣлъ, вылился, такъ сказать, въ форму равнодушнаго петербургскаго чиновника и не безъ нѣкотораго изумленія посматривалъ на бывшаго товарища, вздумавшаго на старости лѣтъ писать записки, горячиться о какихъ-то правахъ и компрометировать себя, пускаясь въ авантюры. Вотъ и теперь, вмѣсто того, чтобы интересоваться личнымъ своимъ положеніемъ, онъ затѣваетъ еще пикантные разговоры, тогда какъ его превосходительству надо поспѣть къ шести часамъ на одинъ пріятельскій обѣдъ съ дамами.

— Оставимъ пока теоретическіе вопросы въ сторонѣ, Иванъ Андреевичъ! — проговорилъ Каратаевъ, взглядывая на часы.—Не безпокойся! У насъ еще есть время!— добавилъ онъ, замѣтивъ движеніе Вязникова.—Ты извини... Я сегодня на званомъ обѣдѣ!.. Я, видишь ли, насчетъ твоего дѣла такъ и не объяснилъ тебѣ. Когда я прочиталъ твою записку и узналъ о впечатлѣніи, произведенномъ ею, то, разумѣется, съ своей стороны употребилъ всѣ зависящія средства, чтобы смягчить впечатлѣніе, но ты знаешь, я самъ—мелкая сошка, и вліяніе мое невелико... Все, что̀ я могъ сдѣлать...

— Но кто просилъ хлопотать за меня? Кажется, я не уполномочивалъ тебя!—неожиданно проговорилъ Вязниковъ, волнуясь.—Пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ!

Каратаевъ растерялся. Такого отвѣта онъ никакъ не ожидалъ. Онъ съ изумленіемъ поднялъ глаза на взволнованное лицо Ивана Андреевича и смущенно проговорилъ:

— Ты не сердись, пожалуйста, что я безъ полномочія... Вѣдь все-таки... Ну, да и не могъ же я забыть, Иванъ Андреевичъ, старой твоей услуги... Помнишь, какъ ты меня спасъ въ то время?.. И наконецъ я думалъ... я считалъ долгомъ чѣмъ-нибудь быть полезнымъ старому товарищу... Взгляды наши могутъ быть разные, но все-таки... Или «моя» услуга такъ непріятна тебѣ?—прибавилъ господинъ Каратаевъ, и голосъ его какъ будто задрожалъ отъ волненія...

— Извини меня, Каратаевъ, и спасибо за твои старанія!—отвѣтилъ Иванъ Андреевичъ, протягивая руку.— Ты меня не такъ понялъ. Не твои услуги мнѣ непріятны,

а вообще я не люблю, когда за меня просятъ, а тѣмъ болѣе, когда я не чувствую за собой никакой вины.

— Чудакъ ты!—могъ только проговорить его превосходительство.

—Что же вы придумали однако?

— Посовѣтовать тебѣ ѣхать въ деревню и заниматься хозяйствомъ, а не политикою! Конечно, это непріятно, но...

— Могло быть и хуже? — подсказалъ, усмѣхнувшись, Иванъ Андреевичъ.

— А губернатору здѣсь намылили голову, — замѣтилъ какъ бы въ утѣшеніе его превосходительство.—Онъ жаловался, что ты былъ съ нимъ рѣзокъ, но ему сказали, что онъ самъ виноватъ... Нельзя въ статской службѣ слишкомъ по-военному.

— Онъ остается?

— Остается... Неловко было бы его смѣнить... Ты понимаешь...

— Какъ же, понимаю... понимаю!—улыбнулся Вязниковъ.

— Но ему внушено, чтобы онъ потише и не очень бы ссорился съ земствомъ.

— Ну, во всякомъ случаѣ, спасибо тебѣ, Каратаевъ!—проговорилъ еще разъ Иванъ Андреевичъ.

— А ты не безпокойся... Твое уединеніе, я думаю, долго не продлится!..—проговорилъ Каратаевъ, облобызавшись съ Иваномъ Андреевичемъ.

— Все равно. Просить я не стану, и, пожалуйста, ты не хлопочи!

Вязниковъ ушелъ, а его превосходительство сталъ торопливо одѣваться къ обѣду и искренно пожалѣлъ Вязникова, который въ захолустьѣ будетъ лишенъ всѣхъ прелестей столичной жизни—тонкихъ обѣдовъ, француженокъ, комфорта,—словомъ, всего, что, по мнѣнію господина Каратаева, составляло сущность жизни.

— Самъ виноватъ! — проговорилъ его превосходительство.

И вслѣдъ затѣмъ мысли его сосредоточились на обѣдѣ и приняли нѣсколько фривольное направленіе.

XVIII.

Извѣстіе, сообщенное Каратаевымъ, не произвело на Ивана Андреевича особенно сильнаго впечатлѣнія. Онъ

принялъ его съ презрительнымъ спокойствіемъ мужественной гордости. И не такое извѣстіе выслушалъ бы этотъ старикъ безъ малодушныхъ жалобъ и безъ рабскаго страха. Жизнь его слишкомъ была хороша, чтобы портить ея закатъ. Но его надеждамъ и упованіямъ было нанесено новое и чувствительное пораженіе. На душѣ было мрачно. Онъ испытывалъ оскорбительную боль человѣка, очутившагося въ положеніи школьника. То, что онъ видѣлъ и слышалъ въ короткое пребываніе свое въ Петербургѣ, далеко не располагало къ оптимизму. Слухи и факты, одинъ другого грустнѣе, западали глубоко въ сердце. Бесѣда съ Каратаевымъ—а Каратаевъ былъ еще не изъ самыхъ яркихъ!—явилась только новымъ подтвержденіемъ неутѣшительныхъ выводовъ. Разумѣется, Каратаевъ служилъ только отголоскомъ господствовавшихъ мнѣній, но и эти отголоски такъ краснорѣчиво говорили о равнодушіи и презрѣніи къ правдѣ, что не оставляли мѣста ни для какихъ иллюзій даже и въ сердцѣ такого розоваго оптимиста, какимъ былъ Вязниковъ.

Съ грустью онъ думалъ о будущемъ, съ тоской о погибающей молодой силѣ. «Бѣдные!» — невольно вырвалось изъ груди старика.

Неробѣющій за себя, онъ робѣлъ при мысли о своемъ младшемъ сынѣ, объ этомъ благородномъ юношѣ, который съ упорствомъ высокой души искалъ выхода и свѣта изъ мрака, надвигающагося грозными удушающими тучами... Она не мирилась на томъ, на чемъ мирятся болѣе слабыя души. Эту чуткую совѣсть нельзя было успокоить словами—старикъ хорошо это понималъ и чувствовалъ теперь смущеніе, предвидя впечатлѣніе, которое произведетъ на Васю извѣстіе о внезапномъ отъѣздѣ старика.

Еще только вчера отецъ предостерегалъ сына отъ увлеченій, особенно отъ тѣхъ, по его мнѣнію, пагубныхъ, изъ-за которыхъ гибнутъ молодыя силы; горячо говорилъ юношѣ, поддерживаемый Николаемъ, о просторѣ и плодотворности дѣятельности для честнаго человѣка на всякомъ поприщѣ. Вася недовѣрчиво покачивалъ головой и, по обыкновенію, съ какой-то восторженной стремительностью высказывалъ свои соображенія. Иванъ Андреевичъ разсердился, назвалъ сына блажнымъ дуракомъ и весь вечеръ не говорилъ съ нимъ ни слова.

А между тѣмъ теперь отецъ собственнымъ примѣромъ долженъ опровергнуть свои вчерашнія доказательства.

Убійственное положеніе отца, дрожащаго за сына, въ груди у котораго бьется горячее сердце и живетъ вѣра въ правду, вѣра, требующая приложенія!

Такія мысли гнѣздились у старика, когда онъ, плотно укутавшись въ шубу, ѣхалъ отъ Каратаева на Царскосельскій проспектъ къ Васѣ.

Старикъ чувствовалъ теперь особенную потребность увидать поскорѣй Васю, чтобы ласковымъ словомъ смягчить вчерашнюю размолвку. Да и къ тому же еще онъ у него не былъ, а ему хотѣлось взглянуть, какъ живетъ въ Петербургѣ этотъ юноша, деликатно отказавшійся отъ денегъ и увѣрявшій, что ему за глаза довольно двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. «Не то, что Коля»,—подумалъ старикъ. Иванъ Андреевичъ собирался взять Васю съ собой къ Николаю и среди близкихъ провести послѣдній вечеръ въ Петербургѣ.

Погода на дворѣ была отвратительная; густой мокрый туманъ, сквозь который слабо мигали фонари и освѣщенныя окна, пронизывалъ до костей. Извозчикъ то-и-дѣло покрикивалъ: «берегись». На улицахъ было пусто. Хотѣлось скорѣй добраться до теплой, сухой комнаты, и Иванъ Андреевичъ обрадовался, когда наконецъ сани остановились у воротъ большого дома въ концѣ Царскосельскаго проспекта. Вязниковъ торопливо прошелъ въ ворота и, послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ попытокъ отыскать квартиру сына безъ посторонней помощи, вызвалъ дворника и спросилъ, какъ пройти въ двадцать восьмой номеръ.

— Да вамъ кого нужно?

— Василія Ивановича Вязникова!

— Вязникова? — переспросилъ дворникъ. — Что-то не слыхать, чтобы здѣсь жилъ такой господинъ. Они кто такіе будутъ? Чиновники?

— Студентъ Вязниковъ...

— Студентъ?—протянулъ дворникъ, и Ивану Андреевичу послышалось въ голосѣ презрѣніе.—Вы сказываете—Вязниковъ? Надо-быть, что въ двадцать восьмомъ. Тамъ студенты живутъ. Идите вотъ въ уголъ, гдѣ фонарь свѣтитъ... Тамъ крыльцо... Въ самый верхъ!—крикнулъ онъ на ходу, скрываясь въ темную пасть дворницкой.

Обыкновенная петербургская такъ-называемая черная лѣстница (она же и парадная), освѣщенная газомъ, обдала Ивана Андреевича сыростью и особеннымъ запахомъ, болѣе чувствительнымъ во время оттепелей; большія мокрыя

пятна выступали по стѣнамъ. Изъ отворенныхъ дверей квартиръ несся чадъ. Всѣ эти ароматы, къ которымъ привыкло обоняніе петербуржца, подѣйствовали на Вязникова удручающимъ образомъ и сразу не расположили къ дому, гдѣ жилъ сынъ.

«А онъ еще кашляетъ!»—припомнилось старику.

Раза два остановившись на площадкахъ, чтобы перевести духъ, Иванъ Андреевичъ наконецъ добрался до двадцать восьмого номера и, отворивъ непритворенныя двери, очутился въ прихожей, слабо освѣщавшейся свѣтомъ изъ кухни, расположенной за перегородкой. Въ прихожей было тихо, въ кухнѣ—ни души. И въ той и другой комнатѣ—или, лучше сказать, въ одной—стоялъ спертый, прокислый воздухъ, несмотря на отворенную форточку.

Иванъ Андреевичъ отворилъ дверь изъ прихожей и очутился въ темнотѣ. За стѣной раздавались шаги. Онъ ощупью нашелъ ручку двери и постучался. «Войдите!» Силуэтъ отмѣривающаго шаги по комнатѣ вырисовывается въ табачномъ дыму.

— Извините, пожалуйста. Не знаете ли, гдѣ комната Вязникова?—спрашиваетъ Иванъ Андреевичъ, все болѣе и болѣе недовольный выборомъ Васи.

— А вотъ пойдемте, я васъ проведу! — отвѣчаетъ молодой голосъ, и изъ полусвѣта комнаты выдѣляется фигура молодого человѣка съ приподнятой лампой въ рукахъ.

Свѣтъ падаетъ прямо на свѣжее, румяное лицо, покрытое темнымъ шелковистымъ пушкомъ, съ толстыми, сочными губами и парой темныхъ глазъ. Наружность молодого человѣка сразу располагаетъ въ свою пользу, заставляетъ Ивана Андреевича бросить бѣглый взглядъ на его костюмъ и замѣтить не вполнѣ удовлетворительное его состояніе.

— Осторожнѣе. Тутъ у стѣны шкапъ, не наткнитесь!—говоритъ молодой человѣкъ, отправляясь впередъ по узкому коридору, по одной сторонѣ котораго расположены были комнаты.

Онъ остановился въ самомъ концѣ, отворилъ двери и проговорилъ:

— Его нѣтъ дома. Я и не зналъ.

— Какъ же, какъ же, съ часъ будетъ, какъ ушелъ!—проговорила внезапно появившаяся старая женщина въ платкѣ на головѣ, съ восьмушкой чаю и булкой въ рукѣ.—Нѣтъ ли Василія Ивановича напротивъ?.. Сегодня изъ

четырнадцатаго номера въ театръ пошли, можетъ, онъ при дитѣ остался...

— Нѣтъ, Василиса Петровна... Тамъ Вороновъ.

— Во всякомъ случаѣ, я подожду его. Можетъ, онъ скоро придетъ.

Молодой человѣкъ взглянулъ на Вязникова быстрымъ, пристальнымъ взглядомъ.

— Я—отецъ его!—добавилъ, чуть-чуть улыбнувшись, Иванъ Андреевичъ.

Эти слова, казалось, произвели на молодого человѣка очень пріятное впечатлѣніе. Онъ съ большимъ уваженіемъ взглянулъ на старика, зажегъ въ комнатѣ Васи лампу и, торопливо объявивъ, что сбѣгаетъ справиться, нѣтъ ли Васи у одного знакомаго, черезъ два дома, оставилъ Ивана Андреевича.

Вязниковъ снялъ шубу, присѣлъ на стулъ и оглядѣлъ комнату.

Это была крохотная каморка, въ которой едва можно было повернуться. Кровать съ жиденькимъ тюфякомъ, маленькій столъ, два стула, комодъ и этажерка съ книгами занимали все помѣщеніе. На столѣ, на почетномъ мѣстѣ, среди книгъ и тетрадокъ стояли портреты отца и матери.

Иванъ Андреевичъ съ грустной улыбкой внимательно осматривалъ обстановку Васиной кельи и поморщился. Прокислый, тяжелый воздухъ стоялъ здѣсь, несмотря на отворенную форточку.

«А здоровье его плохое!» — проговорилъ онъ въ раздумьѣ.

Взглядъ его упалъ на раскрытую книгу, лежавшую на столѣ. Онъ заглянулъ, тихо покачалъ головой и сталъ машинально перелистывать толстый томъ экономическаго изслѣдованія, испещреннаго замѣтками Васи на поляхъ. Старикъ прочиталъ одну и, заинтересованный, сталъ прочитывать далѣе. Его увлекали оригинальныя замѣчанія; видно было, что Вася серьезно штудировалъ книгу. Возмущенное сердце, любовь къ ближнему, исканіе правды чувствовались въ быстрыхъ, горячихъ строкахъ этихъ замѣтокъ. Отецъ пробѣжалъ ихъ нѣсколько разъ.

— Голубчикъ мой!—взволнованно прошепталъ старикъ, оставляя книгу.

Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ въ раздумьѣ, склонивъ голову...

По коридору раздались торопливые шаги, и вслѣдъ за-

тѣмъ въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, провожавшій Вязникова: въ рукахъ онъ несъ стаканъ чаю.

— Васи нѣтъ и тамъ! Не угодно ли?—прибавилъ онъ, ставя передъ Иваномъ Андреевичемъ стаканъ чаю.—Я такъ думаю, что онъ долженъ скоро быть...

— Очень вамъ благодаренъ. Напрасно вы безпокоились,—отвѣчалъ Вязниковъ, протягивая руку.

— Какое безпокойство!

— Вы, вѣрно, Васинъ товарищъ?

— Пріятели!—проговорилъ молодой человѣкъ такимъ тономъ, что старикъ почувствовалъ еще бо́льшее расположеніе къ молодому человѣку.

— Очень пріятно познакомиться. Вы не Андрей ли Николаевичъ Чумаковъ?

— А вы почемъ знаете?—проговорилъ, внезапно краснѣя, молодой человѣкъ.

— Я съ вами давно знакомъ по письмамъ Васи,—промолвилъ Вязниковъ.—Однако комнаты тутъ у васъ не очень-то хорошія.

— Нехорошія? Кажется, ничего себѣ.

— Воздухъ скверный...

— Есть-таки грѣхъ, но зато комнаты недорогія, и хозяйка хорошая. У насъ еще ничего, а посмотрѣли бы вы квартиру внизу! Тамъ такъ сыро!—прибавилъ Чумаковъ.

— Ну, и здѣсь, кажется, сыровато!—замѣтилъ Иванъ Андреевичъ, показывая пальцемъ на стѣну.—Съ Васинымъ здоровьемъ тутъ не очень-то хорошо!.. Что, онъ сильно кашляетъ?

— Покашливаетъ, но не очень!.. Простужается, не бережется!.. Я его за это часто ругаю!

— Вы бы больше его ругали!—улыбнулся старикъ.

— Ничего съ Васей не подѣлаешь. Такой ужъ онъ у насъ человѣкъ!—улыбнулся Чумаковъ.—О себѣ мало заботится! Въ деревнѣ поправится! Не угодно ли еще стаканъ чаю?

— Благодарю; я не хочу больше. А вы-то что-жъ не пьете?

— Успѣю еще.

— Ну, однако пора... Видно, я Васи не дождусь!—проговорилъ Иванъ Андреевичъ, взглядывая на часы.—Ужъ и восемь часовъ! Пожалуйста, передайте Васѣ, если онъ скоро вернется, что я прошу его зайти сегодня вечеромъ къ брату. Если же Вася вернется не скоро, то попросите

его завтра пораньше быть у меня. Скажите, что я завтра въ полдень уѣзжаю въ деревню.

Старикъ крѣпко пожалъ руку пріятеля Васи и вышелъ, сопутствуемый молодымъ человѣкомъ, который съ лампой въ рукахъ проводилъ его до лѣстницы.

— Благодарю, благодарю васъ! — повторилъ старикъ, осторожно спускаясь.—Не безпокойтесь!..

«Мы не такъ жили!»—подумалъ Иванъ Андреевичъ, сравнивая свою блестящую обстановку во время студенчества съ обстановкой жилища Васи.—А они находятъ еще, что живутъ отлично!..»

Вязниковъ поѣхалъ къ Николаю, но не засталъ никого дома. Онъ съ Леночкой былъ въ театрѣ.

Оставивъ записку, Иванъ Андреевичъ вернулся въ гостиницу, гдѣ засталъ Марью Степановну за самоваромъ.

Иванъ Андреевичъ осторожно сообщилъ женѣ о бесѣдѣ съ Каратаевымъ и сказалъ, что завтра надо ѣхать... Напрасно Марья Степановна старалась скрыть безпокойство, охватившее ее при этомъ извѣстіи. Она то и дѣло бросала тревожные взгляды на мужа.

— Тебѣ это очень непріятно? — проговорила она наконецъ.

— Не тревожься за меня, мой другъ!—отвѣчалъ Вязниковъ.—Вѣдь ты знаешь, я и безъ этого рѣдко выѣзжалъ изъ «Витина»!—улыбался онъ.—Налей-ка мнѣ чаю... я прозябъ... Погода здѣсь мерзкая! Я былъ у дѣтей, да не засталъ никого дома. Завтра пріѣдутъ проститься. А ты гдѣ сегодня была?

— Утромъ зашла за Леночкой, вмѣстѣ ходили въ Гостиный дворъ. Васѣ кое-что изъ бѣлья надо было купить. Совсѣмъ безъ бѣлья. Говоритъ—потерялъ, а я знаю—раздаетъ другимъ. Лена разсказывала, какъ она его видѣла въ одномъ пледѣ; теплое свое пальто больному товарищу отдалъ. А самъ-то онъ!.. Ужъ я просила Лену за нимъ присматривать. Жаль вотъ, нельзя Васѣ у Коли жить.

— Да... жаль... Я былъ у него. Скверно!

— То-то вотъ. Комнатка-то крошечная, и воздухъ такой нехорошій. А онъ похваливаетъ, Вася-то нашъ!

— Не передѣлаемъ мы Васю!—задумчиво протянулъ старикъ.—Обѣдала у Коли?

— Да, и Вася на минутку заходилъ. Завтра хотѣлъ меня на выставку вести. Молодые уѣхали въ театръ, а

онъ меня проводилъ домой. Спрашивалъ: не сердишься ли ты на него?

— Я на Васю? Это онъ вчерашнія слова мои вспомнилъ!..

Старикъ замолчалъ... Черезъ нѣсколько времени онъ сказалъ:

— Тебѣ, быть-можетъ, хотѣлось бы остаться еще въ Петербургѣ? Такъ ты оставайся, мой другъ. Я одинъ поѣду.

— Что̀ ты, что̀ ты! Съ чего это выдумалъ?.. — проговорила Марья Степановна, какъ будто пугаясь мысли оставить Ивана Андреевича одного.

Они еще поговорили и скоро разошлись по своимъ номерамъ.

На другой день рано утромъ Вася уже былъ въ гостиницѣ.

Онъ слушалъ сосредоточенно разсказъ, веденный Иваномъ Андреевичемъ нарочно въ шутливомъ тонѣ, не подымая глазъ на отца.

Когда отецъ кончилъ, Вася съ любовью взглянулъ на старика и прошепталъ:

— Вотъ видишь ли!..

Эти немногія слова смутили Ивана Андреевича. Онъ пробовалъ-было пуститься съ Васей на хитрости и сталъ объяснять, что онъ отчасти самъ виноватъ, что записка была рѣзка, что можно было иначе и т. д.

Вася въ отвѣтъ на эти слова тихо покачалъ головой.

— Полно, папа!—серьезно замѣтилъ онъ.—Зачѣмъ ты со мной лукавишь? Развѣ ты могъ бы иначе? И развѣ ты чувствуешь себя виноватымъ? Точно я не знаю тебя!

Иванъ Андреевичъ отвернулся какъ разъ во̀-время, иначе Вася замѣтилъ бы волненіе, охватившее старика при этихъ восторженныхъ словахъ. Радостное чувство отцовской гордости смѣшалось съ чувствомъ страха за сына, волной прилило къ сердцу—и слеза капнула изъ глазъ старика. Ему хотѣлось прижать къ сердцу милаго своего мальчика, и въ то же время онъ боялся обнаружить передъ нимъ свое невольное одобреніе. Во всякомъ случаѣ, онъ чувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи. Что̀ могъ бы сказать отецъ сыну послѣ своей неудачной хитрости?

По счастью, въ эту минуту вошла Марья Степановна, обняла сына и позвала пить чай. Самоваръ ужъ на столѣ. Послѣ чаю надо укладываться! И то она проспала.

— А тебѣ, Вася, бѣлье Леночка передастъ. Смотри, не растеряй опять! — улыбнулась Марья Степановна. — Да ходи чаще къ Колѣ обѣдать. Ты, говорятъ, Богъ знаетъ какую дрянь ѣшь. Въ кухмистерскихъ въ вашихъ и не разберешь, что̀ даютъ. Я думаю, всякую мерзость. Коля и то въ претензіи, что ты рѣдко у него бываешь!..

— Некогда, мама! А ѣмъ я хорошо—не думайте. Есть студенты, такъ тѣ совсѣмъ почти голодаютъ, а я слава Богу!

— Ужъ въ деревнѣ мы тебя откормимъ!

— Ты пораньше, Вася, пріѣзжай!—вставилъ отецъ.

— Послѣ экзаменовъ пріѣду. Мнѣ хочется въ деревню. Тамъ славно!

Послѣ чаю Вася сталъ усердно помогать укладываться. Ему былъ порученъ отцовскій чемоданъ. Старикъ похаживалъ взадъ и впередъ по номеру, посматривая, какъ Вася хлопоталъ объ укладкѣ. Отецъ больше не заговаривалъ съ Васей о щекотливыхъ вопросахъ. Онъ только нѣсколько разъ ласково потрепалъ Васю по спинѣ и раза два крѣпко обнялъ его, заглядывая нѣжно въ глаза, и совѣтовалъ беречься и не простужаться.

— Того и гляди, заболѣешь. Видно, Чумаковъ твой мало тебя ругаетъ!—усмѣхнулся Иванъ Андреевичъ.

— Довольно-таки! А насчетъ здоровья не безпокойся. Непорожневъ осматривалъ меня и сказалъ, что ничего особеннаго нѣтъ. Въ деревнѣ окрѣпну. Понравился тебѣ Чумаковъ, папа?

— Очень.

— И ты ему понравился. Онъ хорошій, Чумаковъ, честный такой! Я было-хотѣлъ, папа, просить тебя позволить ему лѣтомъ въ деревню къ намъ пріѣхать.

— Привози... очень радъ буду.

— Ему, видишь ли, хочется поработать, знаешь ли, какъ простому рабочему... Выучиться...

— Онъ тоже Микула Селяниновичъ... твой Чумаковъ?— улыбнулся Вязниковъ.

Онъ заходилъ снова по комнатѣ и, смѣясь, спросилъ:

— А гдѣ это ты обязанности няньки исполняешь, Вася? Вчера, какъ я былъ у тебя, такъ ваша кухарка разсказывала.

— Знакомые одни живутъ... Такъ иногда просятъ присмотрѣть... Мы и присматриваемъ!

— Эхъ, вы, молодежь, молодежь!—задушевно проговорилъ старикъ.—Славные вы ребята, только... только...

Онъ взглянулъ и не досказалъ своей мысли.

Въ одиннадцатомъ часу пріѣхали молодые. Пошли, конечно, разспросы, что̀ значитъ внезапный отъѣздъ. Разсказъ отца произвелъ на Николая сильное впечатлѣніе, хотя и не удивилъ его. Ему было жаль старика. Безвыѣздно жить въ деревнѣ, по его мнѣнію, было очень скверно. Вся эта исторія казалась ему очень глупой и нелѣпой. Она ему представлялась болѣе всего именно съ этой стороны. По обыкновенію, онъ разразился горячей рѣчью и, увлекаемый собственными словами, разгорячился и не безъ остроумія осмѣялъ и Каратаева, и губернатора, и дураковъ-гласныхъ. Слова его звучали насмѣшкой, но въ ней проскальзывала нотка, которая непріятно поразила чуткое ухо Васи. Ему показалось, что братъ какъ будто слишкомъ равнодушно въ сущности относится къ поступку отца. Насмѣшливый, полупрезрительный тонъ, какимъ онъ говорилъ обо всей этой исторіи, косвенно скользилъ и по отцу. Въ тонѣ брата Вася инстинктивно чувствовалъ какой-то нездоровый, нехорошій скептицизмъ. Эти нотки Вася слышалъ не въ первый разъ, и онѣ его глубоко оскорбляли.

— Надо непремѣнно какъ-нибудь разсказать это въ печати,—сказалъ Николай.

Иванъ Андреевичъ улыбнулся.

— Ужъ ты и увлекся! Пойдемъ-ка, братъ, позавтракаемъ!

Николаю было даже нѣсколько досадно, что отецъ, повидимому, такъ спокойно отнесся къ исторіи, и что все это произошло такъ просто. Воображеніе его ужъ быстро нарисовало ему тотъ же подвигъ, но при блестящей обстановкѣ, съ помпой. Тогда было бы лучше, а то теперь никто и не узнаетъ, какой у него славный отецъ!

«Идеалистъ однако отецъ! Кажется, понимаетъ безплодность своихъ записокъ, а все еще пишетъ!»—пронеслось у него въ головѣ, но онъ почему-то не рѣшился высказать этой мысли...

Но, прощаясь на вокзалѣ, Николай все-таки сказалъ отцу, отводя его въ сторону:

— Ты, папа, голубчикъ, будь осторожнѣе. Изъ-за пустяковъ не сто̀итъ вѣдь рисковать. Не правда ли?

Старика что-то кольнуло. Но онъ ни слова не отвѣтилъ, тѣмъ болѣе, что пробилъ второй звонокъ, и кондукторъ просилъ скорѣе садиться въ вагонъ. Вася снова

обнялъ отца, и старикъ на ходу успѣлъ шепнуть ему еще разъ:

— Смотри же, голубчикъ... Береги себя... береги... вообще... не торопись! Пожалѣй насъ!

— Прощай, Леночка! Прощайте, милые! — говорила Марья Степановна, цѣлуясь со всѣми.

— Васю-то берегите!—крикнула она изъ вагона.

Она поманила Васю рукой. Онъ подошелъ къ закрытому окну. Мать торопливымъ крестомъ осѣнила его изъ окна, и поѣздъ тронулся.

Иванъ Андреевичъ былъ дорогой не въ духѣ. Совѣтъ Николая объ осторожности не понравился старику.

«Изъ-за пустяковъ!! — мысленно повторялъ онъ слова Николая. — Что же, по его мнѣнію, не пустяки?.. Тогда все на свѣтѣ пустяки!»

Онъ, быть-можетъ, не такъ понялъ Колю? Не могъ же его славный любимецъ Коля считать пустякомъ долгъ каждаго порядочнаго человѣка!.. Навѣрное, онъ его не такъ понялъ!

Отъѣздъ Вязниковыхъ, какъ можно было предвидѣть, не возбудилъ особеннаго вниманія. Мало ли уѣзжаетъ изъ Петербурга лицъ въ разныя мѣста, и объ этомъ—и то не всегда—знаютъ только близкія лица. Газеты, сообщающія подробности иногда даже о самыхъ незначительныхъ происшествіяхъ и отмѣчающія пріѣзды и отъѣзды особъ первыхъ четырехъ классовъ, не извѣстили однако о выѣздѣ Вязникова, хотя слухи объ его запискѣ и случаѣ въ земскомъ собраніи и послѣдствіяхъ уже проникли въ редакціи и служили предметомъ разговоровъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ госпожа Смирнова тотчасъ же написала прелюбезную записку Николаю и просила его непремѣнно быть у нихъ въ четвергъ. Ей такъ хотѣлось, чтобы у нея въ гостиной были разсказаны всѣ подробности изъ вѣрнаго источника. Это бы оживило журфиксъ. Однако Николай не пріѣхалъ, такъ что Смирнова, обѣщавшая-было гостямъ самыя вѣрныя извѣстія объ incident Вязниковъ, принуждена была, къ досадѣ своей, предложить своимъ гостямъ выслушать разсказъ изъ менѣе точныхъ источниковъ.

Все-таки этотъ incident далъ случай г. Присухину сказать приличную рѣчь, и на этотъ разъ безъ перерыва со

стороны нескромнаго литератора, такъ какъ онъ былъ занятъ оживленной бесѣдой на другомъ концѣ чайнаго стола насчетъ своихъ собственныхъ статей.

— Я думала, что молодой Вязниковъ сегодня будетъ!— замѣтила за ужиномъ Надежда Петровна, словно бы извиняясь передъ гостями, что его нѣтъ.

— Недавно его свадьба была, мама!—проговорила Нина Сергѣевна.

— А! Вотъ почему онъ не пріѣхалъ! А я и не знала... На комъ онъ женился?

Минуту-другую занялъ вопросъ о женитьбѣ молодого человѣка, и вслѣдъ затѣмъ забыли о Вязниковыхъ, отцѣ и сынѣ, и перешли къ другимъ обычнымъ темамъ.

Когда, на другой день послѣ отъѣзда, редакторъ «Пользы», гдѣ работалъ Николай, жаловался, что мало интересныхъ новостей, то Николай сообщилъ ему интересную новость и рекомендовалъ ее напечатать. Редакторъ, желавшій интересныхъ новостей, напечаталъ на другой день очень коротенькую замѣтку, составленную довольно темно, насчетъ «неожиданнаго отъѣзда г. В., гласнаго с—аго земскаго собранія, подавшаго извѣстную записку», но черезъ три дня горько пенялъ и на себя, и на своего сотрудника, сообщившаго ему это свѣжее извѣстіе.

XIX.

Скромныя желанія Леночки относительно квартиры и обстановки не нашли ни малѣйшаго сочувствія въ Николаѣ. Онъ подсмѣивался надъ ея мечтами о «кисейныхъ занавѣскахъ и трехъ комнаткахъ съ кухней», и когда пришлось устраиваться, то Леночкѣ оставалось только вздыхать и дѣлать осторожныя замѣчанія. Но Николай находилъ, что необходимо устроиться порядочно, и не безъ ссылки даже на науку доказывалъ, что хорошее помѣщеніе—одно изъ главныхъ условій; къ тому же при его занятіяхъ оно еще болѣе необходимо. Вопросъ шелъ о «занятіяхъ Коли», и Леночка принуждена была умолкнуть, хотя кое-какія возраженія слетѣли бы съ ея устъ, если бы ей пришлось говорить съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Извѣстно, что любовь нерѣдко отнимаетъ способность анализа. Быть-можетъ, при другихъ обстоятельствахъ Николай, хотя и скрѣпя сердце, принялъ бы въ соображеніе Леночкины восклицанія, но теперь у него въ

карманѣ были двѣ тысячи рублей—тысяча своя и тысяча Леночкина—и кромѣ того впереди розовыхъ надеждъ болѣе чѣмъ на десятки тысячъ; такъ что все было за порядочную квартиру. Николай щеголялъ чувствомъ изящнаго, и «ситцевыя занавѣски», по его мнѣнію, только раздражали глазъ. Впрочемъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторую уступку Леночкѣ и вмѣстѣ съ нею пересмотрѣлъ нѣсколько тѣхъ маленькихъ квартиръ на дворѣ, о которыхъ такъ горячо говорила Леночка, рисуя будущую ихъ жизнь вдвоемъ. Въ простотѣ душевной Леночка находила всѣ осмотрѣнныя ими квартиры прелестными, но Николай только морщился, пожимая плечами, или же смѣялся. Ни одно изъ такихъ «гнѣздышекъ»,—такъ пустилъ онъ камешекъ въ Леночкинъ огородъ,—не привлекало его. То лѣстница черезчуръ грязна, то повернуться негдѣ, то потолки низки, то свѣту мало. Кончилось тѣмъ, что они стали искать квартиру не на дворѣ, а на улицу. Выборъ Николая остановился на квартирѣ въ четыре большихъ комнаты, съ паркетными полами, парадной лѣстницей и швейцаромъ.

— Это недурная квартира! Вотъ тутъ будетъ мой кабинетъ, здѣсь гостиная, это спальня, а небольшая комната—столовая!—говорилъ Николай, осматривая комнаты.

Леночка молчала.

— Тебѣ нравится, Лена?

— Куда намъ столько комнатъ, Коля? — проговорила она.—И сколько надо мебели.

— Не безпокойся, Лена... Ты только скажи: нравится?

— Конечно, нравится, но...

— Какъ цѣна?—спросилъ Николай у дворника.

— Девятьсотъ рублей, по контракту.

При этихъ словахъ у Леночки вырвался крикъ изумленія.

— Девятьсотъ рублей!—могла только проговорить она.

— Она постоянно такъ ходитъ, сударыня! — замѣтилъ дворникъ, искоса поглядывая на Леночку.

Николай малодушно конфузится за Леночку передъ дворникомъ. «Настоящая она провинціалка!»—думаетъ онъ, значительно взглядывая на свою подругу, такъ что она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что сдѣлала неловкость.

Николай сталъ торговаться и кончилъ тѣмъ, что нанялъ квартиру за восемьсотъ пятьдесятъ рублей, отдавши тутъ же задатокъ.

— Вѣдь это, Коля, очень дорогая квартира!—замѣчаетъ Леночка, когда они выходятъ на улицу.

— А ты думала, что въ Петербургѣ, какъ въ вашемъ уѣздномъ городѣ?

— Я не объ этомъ думала, Коля. Мнѣ кажется, что наши средства...

— Ты опять за свое, Лена!—останавливаетъ ее Николай съ несдерживаемымъ раздраженіемъ. — Средства... средства... Я знаю, что̀ дѣлаю! Ужъ предоставь мнѣ позаботиться о средствахъ и повѣрь, что я сумѣю заработать по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не жить въ конурѣ и не питаться медомъ и акридами!

Леночка чувствуетъ себя виноватой. О, она нисколько не сомнѣвается въ его силахъ, и если заговорила о средствахъ, то потому только, что ему же будетъ трудно, особенно первое время, пока Коля—въ чемъ она не сомнѣвается—не пріобрѣтетъ извѣстности.

Эти слова, произнесенныя съ чувствомъ сознанія своей вины и съ трогательной искренностью ослѣпленія влюбленной женщины, производятъ на Николая смягчающее дѣйствіе. Онъ ласково улыбается, великодушно пожимаетъ Леночкину руку, и такимъ образомъ вопросъ о средствахъ, остающійся de facto открытымъ, порѣшенъ и въ любящемъ сердцѣ Леночки, и въ воображеніи Николая.

Такое же пораженіе потерпѣла Леночка и по другимъ вопросамъ ихъ хозяйства. Мебель для гостиной, крытая бараканомъ, которая показалась Леночкѣ весьма хорошей и была уже приторгована ею въ Апраксиномъ рынкѣ за семьдесятъ пять рублей, была рѣшительно забракована Николаемъ, когда Леночка привела его въ лавку показать свой выборъ. Онъ оглядѣлъ вещи такимъ презрительнымъ взглядомъ, что Леночка подумала, будто и въ самомъ дѣлѣ она дала слишкомъ дорого. Приказчикъ однако счелъ обязанностью, при видѣ неудовольствія молодого господина, ткнуть всей пятерней по дивану и воскликнуть:

— Волосъ! Чистый волосъ! По случаю отъ одной кокотки-съ!

Николай нашелъ, что мебель никуда не годится, уродлива и вмѣсто волоса набита пескомъ.

— У насъ, сударь, песку не полагается!—обиженно замѣтилъ приказчикъ.—По цѣнѣ—настоящій приборъ. Не нравится—извольте подороже выбрать. У насъ слава Богу!

Николай отправился наверхъ и выбралъ наконецъ приборъ для гостиной, мебель для столовой и для спальни.

Вещи были недурны, и Николай тутъ же объяснилъ Леночкѣ, что гораздо практичнѣе покупать хорошія вещи, чѣмъ дрянныя. По крайней мѣрѣ продержатся дольше.

— Это точно-съ! Вещь вещи рознь. Эта мебель и та мебель! Одна починка чего стоитъ!

Когда былъ написанъ счетъ, оказалось, что куплено на шестьсотъ рублей.

Къ этой мебели понадобилась, разумѣется, и остальная подходящая обстановка. Леночка только про себя вздыхала, когда Николай накупалъ ковры, лампы, цвѣты, посуду и прочее.

Наконецъ все куплено. Мебель установлена, картины развѣшаны, цвѣты поставлены у оконъ. Николай самъ наблюдалъ за всѣмъ и, когда наканунѣ свадьбы квартира была готова, повелъ мать и Леночку посмотрѣть.

— Не правда ли, недурно?—спрашивалъ онъ, показывая имъ комнату за комнатой.—И вѣдь недорого?

Марья Степановна и Леночка нашли, что все очень мило и со вкусомъ, но, по мнѣнію Николая, Леночка какъ будто недостаточно выказала восторговъ, и это было ему непріятно. А Леночка въ самомъ дѣлѣ находила, что ужъ слишкомъ все хорошо, а главное, предчувствовала, что Николай истратилъ много денегъ, и что ему же, бѣдному, придется хлопотать.

— Ты, кажется, Лена, недовольна?—спросилъ Николай, вводя ее въ спальню, раздѣленную перегородкой на двѣ половины.—Вотъ твой уголокъ. Развѣ нехорошъ?

— Отлично, отлично, Коля! Слишкомъ даже хорошо!—говорила она, оглядывая хорошенькій уголокъ съ мягкой мебелью, цвѣтами и изящнымъ письменнымъ столомъ.—Но только зачѣмъ мнѣ эта роскошь?

— Ужъ не раздѣляешь ли ты Васиныхъ вкусовъ къ студенческой обстановкѣ? — засмѣялся Николай. — Ну, такъ я въ тебѣ разовью болѣе изящные вкусы, Леночка!—прибавилъ онъ и въ доказательство, что разовьетъ, обнялъ ее и поцѣловалъ такъ нѣжно, что Леночка окончательно осталась довольна своимъ уютнымъ уголкомъ.

— А дорого ты за все заплатилъ, Коля? — спросила Марья Степановна, показываясь въ дверяхъ.

Въ голосѣ ея послышалась нѣкоторая тревога.

— Нѣтъ, мама. Все обошлось въ тысячу двѣсти рублей.

— Однако, голубчикъ, не дешево! — вздохнула Марья Степановна.—Ты какъ думаешь, Леночка?

Леночка вполнѣ сочувствовала матери, но отвѣтила съ дипломатической тонкостью:

— Вещей, мама, много. И наконецъ обстановка дѣлается разъ.

Не дешево! Положительно женщины не понимаютъ толка въ вещахъ. И безъ того Николай какъ-то нечаянно уменьшилъ цифру на пятьсотъ рублей, не желая пугать мать, а она все еще находитъ, что не дешево.

— Что̀ ты, мама! Даромъ вещей не отдаютъ!

— А ты бы не торопился! Ты, Коля, любишь мотать деньги. Ну, да теперь Леночка тебя попридержитъ. Женишься—перемѣнишься!.. Ты не сердись голубчикъ, что я это говорю.

И Марья Степановна, какъ бы въ извиненіе, прибавила:

— Мы бы и рады были тебѣ помочь лучше устроиться, но дѣла наши, Коля, неважныя. Доходы плохіе.

— Что̀ ты, мама! Я и такъ вашъ должникъ.

— Я не къ тому, милый. Выдумалъ—должникъ! Считаться, что ли, вздумалъ! Экій ты самолюбивый мальчикъ. Сейчасъ и загорѣлся!—улыбнулась Марья Степановна, обнимая сына.—Я по дружбѣ тебѣ говорю. Ты вѣдь считать деньги не любишь, а считать ихъ надо. Вѣдь мы, родной, и хотѣли бы, да... руки коротки!—грустно улыбнулась Марья Степановна.

— Полно, полно! Я, слава Богу, и самъ на ногахъ. Подожди, и съ тобой подѣлюсь!

На другой же день послѣ свадьбы Николай, отдавая женѣ двѣсти рублей, проговорилъ:

— Вотъ, Лена, хозяйственная касса. Остатки отъ двухъ тысячъ. Немного, а? Но ты не безпокойся! Скоро получимъ изъ редакціи! Теперь ты покажи свое искусство хозяйничать, мудрецъ экономіи, но, смотри, не очень тѣсни меня котлетами.

Николай засмѣялся, подошелъ къ Леночкѣ и, цѣлуя ея оголенную шею, проговорилъ:

— И какая же ты хорошенькая женщина въ капотѣ и чепчикѣ, Леночка! Тебѣ идетъ чепчикъ. Такъ ты гораздо лучше, чѣмъ въ своемъ коричневомъ мундирѣ, въ которомъ бѣгаешь на лекціи!

— Ты глупости говоришь, Коля!—проронила Леночка, вспыхивая отъ замѣчанія мужа.

— Такъ не будешь обижать меня котлетками?

— Не бойся, не буду обижать! Ты только говори мнѣ, что̀ ты не любишь.

— И ты сердиться не станешь?

— Я? Сердиться?

Она порывисто прижалась къ нему и заглянула въ его лицо, веселая, радостная, свѣжая. Она была такъ счастлива въ этотъ день въ своемъ гнѣздѣ, которое свилъ ей Николай, она въ эту минуту такъ свѣтло глядѣла въ глаза будущему, вѣря въ себя, переполненная благоговѣйной любовью къ Николаю, она такъ была счастлива мыслью, что они теперь будутъ вмѣстѣ съ Николаемъ, что она, не стѣсняясь, можетъ назвать его своимъ мужемъ, другомъ и любовникомъ—она что-нибудь да значитъ для него,—что ей казалось, будто она не заслуживаетъ такого счастья. Тихія, радостныя слезы блеснули въ ея глазахъ, и она проговорила задушевнымъ шопотомъ:

— Если бы ты только зналъ, какъ я тебя люблю и какъ я счастлива!

XX.

Съ свойственной ей энергіей, она вся отдалась заботамъ о любимомъ человѣкѣ. И съ какимъ чисто-женскимъ умѣньемъ она находила время и хозяйничать, и аккуратно посѣщать лекціи, и бѣгать на Васильевскій островъ давать уроки. Все это она, по обыкновенію, дѣлала весело, словно бы шутя, никогда не жалуясь на усталость, съ скромностью человѣка, никогда не занимающагося самимъ собой, гордясь попеченіями о любимомъ человѣкѣ. Онъ не долженъ знать домашнихъ заботъ. Это не его дѣло. Она такъ убѣждена была въ превосходствѣ Николая, что удивилась бы искренно, если бы ей сказали, что Николай не сто̀итъ ея мизинца. Каждое одобреніе его радовало ее; насмѣшка его или порицаніе огорчали ее. Она волновалась, когда онъ былъ не въ духѣ. Эгоизмъ самолюбивой и тщеславной натуры Николая, скрывавшійся подъ привлекательной, изящной оболочкой, она принимала за раздражительность неоцѣненнаго таланта и, слишкомъ любящая, не замѣчала въ его отношеніяхъ снисходительно-покровительственной нотки человѣка, позволяющаго любить себя и преклоняться передъ собой.

А Николай былъ дѣйствительно въ ея глазахъ божкомъ. Избалованный, онъ принималъ поклоненіе, какъ нѣчто

должное, и втайнѣ думалъ, что, женившись на Леночкѣ, онъ нѣкоторымъ образомъ приносилъ себя въ жертву—и не такая скромная женщина достойна была связать съ нимъ судьбу!—и что она должна быть счастлива, сдѣлавшись его женой.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ сталъ скучать. Онъ, конечно, увѣрялъ и себя и Леночку, что любитъ ее, но по вечерамъ убѣгалъ изъ дому, если къ нимъ не приходили гости. Съ женой сидѣть вдвоемъ было скучно. Очень простая она женщина, эта Леночка, и не представляла ему интереса. Ея требованія отъ жизни были очень ужъ скромныя, и она, думалъ онъ, не могла вполнѣ оцѣнить его и быть ему товарищемъ. Онъ бывалъ доволенъ, когда приходилъ Вася и приносилъ съ собою какую-нибудь книгу. Пусть просвѣщаются и мечтаютъ о переустройствѣ міра, а онъ поѣдетъ въ театръ или куда-нибудь въ гости. Ему надо видѣть людей.

Какъ всѣ мелкія самолюбивыя душонки, онъ нерѣдко вымещалъ на преданномъ существѣ свои кажущіяся неудачи и съ небрежностью эгоистической натуры не замѣчалъ, сколько горя и обидъ онъ наносилъ Леночкѣ. Обыкновенно онъ первый послѣ сценъ просилъ извиненія, увѣренный, что достаточно его ласки, нѣжнаго слова—и все должно быть забыто. Вѣдь она его такъ любитъ!.. И она забывала обиды. Онъ такъ горячо цѣловалъ ее, а въ любящемъ сердцѣ такъ много мѣста для оправданія!

Его грызло дьявольское самолюбіе. Его литературные труды не обращаютъ на себя никакого вниманія. Его адвокатская дѣятельность, несмотря на нѣсколько блестящихъ рѣчей, не сдѣлала ему имени. Онъ тщательно старался скрыть свои претензіи непризнаннаго таланта, но зато доставалось Леночкѣ. Полосами онъ сильно работалъ, много читалъ и работалъ надъ статьями, но онѣ были заурядны, особеннымъ талантомъ или оригинальностью взглядовъ не блистали; ему говорили, что онъ можетъ быть небезполезнымъ работникомъ, и это его бѣсило. Мало ли небезполезныхъ работниковъ!.. Онъ воображаетъ себя талантомъ, мечтаетъ объ извѣстности, о славѣ, а ему говорятъ: небезполезный работникъ!.. Неужели такъ пройдетъ вся жизнь въ борьбѣ за кусокъ хлѣба? Дѣятельность скромнаго работника развѣ могла удовлетворить такую самолюбивую, тщеславную натуру? Успѣха, блеска, извѣстности,—вотъ о чемъ онъ мечталъ постоянно, вотъ

что̀ неустанно точило его, подымая по временамъ со дна души зависть, желчь и озлобленіе. Онъ добьется успѣха, если не въ литературѣ, то на адвокатскомъ поприщѣ. Онъ иногда мечталъ о немъ съ какою-то болѣзненной страстностью помѣшаннаго и думалъ, что судьба къ нему несправедлива. Вдобавокъ дѣла его были плохи. Онъ дѣлалъ долги, разсчитывая, что все должно вдругъ перемѣниться, и въ одинъ прекрасный день у него явятся и слава и деньги. Слава безъ средствъ въ его глазахъ была полу-слава. А пока надо было ходить ежедневно въ редакцію дѣлать черную работу, писать наскоро передовыя статьи и изрѣдка произносить въ судѣ рѣчи по какимъ-нибудь дѣламъ, не обращающимъ вниманія публики!.. Ослѣпленная страстью, Леночка вѣрила въ звѣзду своего избранника. Она вѣрила въ его большой талантъ, въ его силы, преувеличивая ихъ размѣры въ своей любящей душѣ. Несчастныя эти женщины, которымъ выпадаетъ на долю связать свою судьбу съ непризнанными геніями!.. Она ухаживала за нимъ съ преданностью няньки и благоговѣніемъ низшаго существа. Онъ долженъ былъ творить въ своемъ кабинетѣ, а она должна была заботиться, чтобы ничто его не волновало, чтобы въ тиши кабинета онъ былъ вдали отъ дрязгъ обыденной жизни. На ея скромную долю—черная работа домашней жизни; на его—высокія наслажденія талантливой натуры. Онъ даже и не замѣчалъ всей деликатной нѣжности Леночкиныхъ заботъ; не замѣчала и она этого невниманія, забывая о себѣ ради любимаго человѣка.

Николай еще спитъ, поздно вернувшись домой, а Леночка уже давно на ногахъ и повторяетъ тетрадки. Въ десятомъ часу она съ кухаркой идетъ на рынокъ: надо ухитриться сдѣлать на маленькія средства обѣдъ, который бы понравился Колѣ. У него, у бѣднаго, катарръ желудка, ему нельзя ѣсть то, что̀ можетъ съ удовольствіемъ ѣсть она. Надо купить для него вырѣзку или рябчикъ. Онъ любитъ рябчики. И къ кофе надо свѣжаго масла, самаго свѣжаго. У него такой нѣжный вкусъ, онъ не можетъ переносить ни малѣйшей горечи въ маслѣ. Она возвращается домой, и ей жалко будить мужа. Пусть онъ поспитъ еще, а она подождетъ. Однако пора—надо будить. Они пьютъ вмѣстѣ кофе. Николай читаетъ газеты и разсказываетъ, гдѣ вчера былъ (иногда, впрочемъ, не вполнѣ достовѣрно). Ей пора бѣжать на лекціи. Она обни-

маетъ его, звонко цѣлуетъ и, веселая, радостная, уходитъ.

«Счастливая эта Леночка!—снисходительно думаетъ Николай: — какъ мало ей нужно отъ жизни!» — Онъ направляется въ кабинетъ, разсчитывая сѣсть за работу. Онъ ходитъ по комнатѣ, обдумывая передовую статью. Незамѣтно мысли его принимаютъ другое направленіе. Онъ начинаетъ фантазировать. Мечты его уносятъ далеко отъ дѣйствительности. Онъ успѣлъ уже написать замѣчательную книгу, обратившую на себя вниманіе. О немъ говорятъ. Книга читается нарасхватъ. Онъ получилъ за нее хорошія деньги и уплатилъ всѣ долги. Лучшій журналъ предлагаетъ ему постоянное сотрудничество. Онъ получаетъ письма со всѣхъ сторонъ. Его портретъ помѣщенъ въ «Иллюстраціи». Онъ пользуется популярностью. Книга его необыкновенно талантлива. Въ ней высказаны оригинальныя и честныя идеи. Успѣхъ его ободряетъ. Онъ еще больше работаетъ и уже не стѣсненъ заботами о насущномъ кускѣ хлѣба. Онъ пишетъ не спѣша, когда хочетъ. Ему вдругъ приходитъ въ голову, что онъ долженъ попробовать написать беллетристическую вещь. Онъ уже написалъ нѣсколько вещей, но никому ихъ не показывалъ. Онъ недоволенъ ими... Въ головѣ его неясными чертами носится содержаніе повѣсти, но главное не въ содержаніи—это послѣ,—главное въ томъ, что она имѣетъ громадный успѣхъ.

Онъ ходитъ по комнатѣ до изнеможенія, поглядывая на приготовленный листъ бумаги. Однако уже двѣнадцатый часъ!.. Пора садиться пока за передовую статью. Онъ обѣщалъ непремѣнно сегодня ее доставить. Нужно. Онъ недоволенъ, что нужно заниматься такой работой, и находится еще нѣкоторое время подъ вліяніемъ самолюбивыхъ фантазій... Наконецъ онъ обрываетъ свои мечты и садится за работу, недовольный, съ натянутыми нервами. Онъ спѣшитъ, рветъ бумагу, сердится, начинаетъ снова... А время идетъ. У него дѣлается нѣчто въ родѣ лихорадочнаго состоянія, и онъ за одинъ присѣстъ исписываетъ двѣ страницы бумаги, читаетъ, недовольно покачиваетъ головой, торопливо выходитъ и ѣдетъ въ редакцію газеты. Николай застаетъ редактора въ его кабинетѣ, по обыкновенію, мрачнымъ.

— Передовая готова?—спрашиваетъ его редакторъ.

— Вотъ она!

— Поздненько, Николай Ивановичъ... Типографія и то жалуется. О чемъ?

— О народномъ образованіи.

Редакторъ едва замѣтно морщится.

— Надо читать?

— Нѣтъ, кажется!..

— Ужъ вы, пожалуйста, Николай Ивановичъ, не подведите... Сами знаете!..—говоритъ редакторъ, посылая рукопись въ типографію.—На насъ и то косо смотрятъ.

— А какъ подписка?.. Идетъ?

Николай задѣваетъ самое больное мѣсто. Сперва раздается подавленный вздохъ. На мрачное лицо редактора налегаютъ тѣни.

— Плохо!..—говоритъ онъ.—Ужъ я и не знаю, чего имъ надобно... Кажется, мы ведемъ газету порядочно, а между тѣмъ...

Николай уже раскаялся, что какъ-то машинально предложилъ этотъ вопросъ. Пришлось выслушать длинныя сѣтованія и изліянія желчи на колоссальный успѣхъ «Правдиваго». Шесть тысячъ одной розничной продажи!.. Публика на направленіе не очень-то обращаетъ вниманіе!.. Редакторъ однако во всякомъ случаѣ не опуститъ рукъ... Честная газета должна существовать. Онъ какъ-то глухо упомянулъ, что изданіе обезпечено до конца года, а тамъ, быть-можетъ, и подписка пойдетъ лучше...

— Только ужъ вы, господа, оживите газету... помогите мнѣ, и не слишкомъ того... Помягче тонъ, помягче. Надо сообразоваться съ условіями... Вонъ на-дняхъ Кривцовъ принесъ статью... Право, можно было подумать, что онъ изъ Аркадіи пріѣхалъ... И еще удивляется, что нельзя помѣстить... Эхъ, Николай Ивановичъ, плохо, батюшка, плохо!—снова вздыхаетъ редакторъ, довольный, что нашелъ жертву, которой онъ можетъ излить жалобы.

Скверныя дѣла «Пользы» наводили уныніе на редактора, а онъ, въ свою очередь, наводилъ уныніе на сотрудниковъ. Николай поспѣшилъ улизнуть изъ кабинета въ редакціонную комнату.

XXI.

За длиннымъ большимъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, съ разбросанными на немъ ворохами газетъ, сидѣли сотрудники... Николай обмѣнялся рукопожатіями, собралъ газеты, вооружился ножницами и сталъ пробѣгать внутреннія извѣстія, вырѣзывая подходящія.

— Что̀, много выудили?—обратился къ Николаю сосѣдъ его справа, нервный господинъ съ живыми бѣгающими глазами, отодвигая отъ себя газету и бросая быстрый взглядъ на господина въ очкахъ, сидящаго напротивъ и углубленнаго въ чтеніе оригинала.

— Нѣтъ... ничего особеннаго...

— Интересная статья въ «Nature»... хотите прочесть?.. Опытъ Шарко... Прочтите-ка вотъ это мѣсто.

Онъ подсунулъ тотчасъ же Николаю «Nature», но, не дожидаясь, пока онъ начнетъ, сталъ самъ разсказывать объ опытахъ, увлекся, перешелъ къ другимъ опытамъ и, «волнуясь и спѣша», уже излагалъ свое собственное изобрѣтеніе—усовершенствованіе микрофона. Онъ говорилъ громко, съ азартомъ, въ то время, какъ Николай наклеивалъ вырѣзки и надписывалъ сверху перомъ: «по извѣстіямъ такой-то газеты» или «такая-то газета сообщаетъ». Николай слышалъ объ изобрѣтеніи уже въ десятый разъ и потому не особенно внимательно слѣдилъ за рѣчью сосѣда и, улыбаясь, посматривалъ изрѣдка на господина въ очкахъ, ожидая обычной сцены. Аккуратный, педантичный, необыкновенно упрямый редакторъ иностраннаго отдѣла нѣсколько разъ уже взглядывалъ на разсказчика. На его обыкновенно спокойномъ и сдержанномъ лицѣ появлялись едва замѣтныя движенія нетерпѣнія и безпокойства. Онъ взглядывалъ на часы и морщился. Наконецъ онъ не выдержалъ и тихимъ голосомъ произнесъ:

— Григорій Васильевичъ! Вы, конечно, кончили переводъ?

— Сейчасъ кончу... Мнѣ немного!..

— Типографія ждетъ, Григорій Васильевичъ... Мы тутъ будемъ разговаривать, а газета опоздаетъ... Вѣдь это, согласитесь, немножко неудобно, Григорій Васильевичъ. Я не спорю—гораздо пріятнѣе говорить о микрофонѣ, чѣмъ переводить, но вѣдь типографія, Григорій Васильевичъ, безъ матеріала... Ужъ вы пожалуйста, Григорій Васильевичъ... Я дожидаюсь. О микрофонѣ въ другой разъ, Григорій Васильевичъ!

Онъ не говорилъ, а тянулъ скрипучимъ голосомъ.

Изобрѣтатель улучшенія по микрофону, превосходный переводчикъ и образованный научный хроникеръ, славный малый и отчаянный болтунъ, наскоро доканчиваетъ изложеніе теоріи микрофона и принимается за переводъ рѣчи Гамбетты. Случается, онъ, недовольный рѣчью Гамбетты,

нарочно сокращаетъ ее, иногда исправляетъ рѣчи другихъ ораторовъ, если они, какъ онъ говоритъ, слишкомъ завираются и разводятъ канитель, которая можетъ быть на руку отечественнымъ либераламъ. Однако за это его не хвалитъ господинъ въ очкахъ и ядовито иногда совѣтуетъ ѣхать въ Парижъ и тамъ говорить самому рѣчи, а не исправлять ораторовъ, но эти ядовитости онъ пропускаетъ мимо ушей и все-таки старается переводить то, что̀ ему больше по вкусу. А ему гораздо больше по вкусу то, что̀ не по вкусу редактора, и онъ находитъ, что редакторъ переходитъ границы осторожности.

Нѣкоторое время въ редакціи тишина, прерываемая приходомъ репортеровъ. Они молча кладутъ замѣтки и уходятъ. Имъ нѣтъ времени, да съ ними и не удостоиваютъ чести много бесѣдовать. Это—паріи прессы. Лабораторія въ полномъ ходу. За зеленымъ столомъ быстро изготовляется нумеръ газеты. Хроника готова; передовая статья и ежедневное политическое обозрѣніе уже въ типографіи... Политическій отдѣлъ почти готовъ. Худощавый молодой человѣкъ съ болѣзненнымъ умнымъ лицомъ, сидѣвшій на концѣ стола, встаетъ изъ-за стола и, отдавая посыльному «Печать», незамѣтно уходитъ...

Приносятъ лампы. Уже четвертый часъ. Николай уже наклеилъ внутреннія извѣстія и просматриваетъ корреспонденцію. Григорій Васильевичъ уже кончилъ и съ Гамбеттой, и съ Биконсфильдомъ и, на свой страхъ, переводитъ еще о рабочемъ митингѣ въ Англіи, хотя переводить о митингѣ не отмѣчено. Но онъ все-таки рискуетъ; быть-можетъ, редакторъ измѣнитъ на этотъ разъ своей осторожности. А не измѣнитъ и пропадетъ трудъ—не бѣда. Отворяются двери, и въ комнату входитъ литераторъ Браиловскій, и изъ-за дверей еще слышны раскаты его смѣха. Онъ на-ходу громко разсказываетъ интересную исторію, хохочетъ болѣе другихъ своимъ остротамъ и старается обратить на себя общее вниманіе. Онъ только-что былъ у одного человѣчка. Мало утѣшительнаго. Однако онъ принесъ передовую статью и надѣется...

Редакціонная комната оживляется. Начинаются шумные разговоры. Новости дня переплетаются съ газетными сплетнями. Всѣ принимаютъ участіе. Подъ шумъ разговора Григорій Васильевичъ началъ-было объяснять Николаю производство искусственныхъ алмазовъ, но остановился, не закончивъ, и заспорилъ съ Браиловскимъ. «Иностран-

ный отдѣлъ» уже не морщился: все было готово, и онъ могъ тоже принять участіе въ разговорѣ. Браиловскій ушелъ, но зато въ редакціи появился Пастуховъ, тотъ самый литературный сплетникъ, съ которымъ Николай познакомился у Смирновыхъ. Онъ принесъ статью и цѣлый ворохъ сплетенъ. Онъ сообщилъ такую интересную исторію объ издателѣ «Правдиваго», что мрачное лицо редактора «Пользы» прояснилось. Добросовѣстно исполнивъ свою задачу, юркій господинъ немедленно изъ «Пользы» поѣхалъ въ редакцію «Правдиваго» и тамъ въ свою очередь доставилъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, сочинивъ, что въ «Пользѣ» нѣтъ ни гроша денегъ, и она закроется не сегодня—завтра.

Пора была расходиться — уже пять часовъ. Однако прежде, чѣмъ идти домой, Николай зашелъ рядомъ въ контору газеты и спросилъ у конторщика, нельзя ли получить денегъ.

— Вамъ много нужно?

— Пятьдесятъ рублей.

— Нельзя ли до завтра?.. Завтра будетъ получка.

— А сегодня нельзя?

— Сегодня всѣ деньги роздали. Завтра непремѣнно будутъ!

Онъ ѣхалъ домой. Въ сутолокѣ редакціонной комнаты онъ безплодно проводилъ день, хотя нѣсколько разъ и давалъ себѣ слово пріѣзжать въ редакцію пораньше, сдѣлать свою работу и ѣхать домой. Но его затягивали эта комната, этотъ гамъ разговоровъ, сплетенъ и новостей, мѣняющихся ежедневно, что однако не мѣшало ему, по пріѣздѣ домой, жаловаться на усталость.

Леночка безпокоилась, что жаркое пережарится. Она давно поджидала его. Отчего онъ такъ поздно?

— Заболтался въ редакціи. Эта редакція отнимаетъ такъ много времени!

Онъ принимался за обѣдъ и нерѣдко фыркалъ. Неужели нельзя порядочно изжарить бифштексъ? Кажется, не хитрость! А масло, что̀ за масло! Его въ ротъ нельзя взять!

Леночка чувствовала себя виноватой за его капризы. Онъ молча доѣдалъ обѣдъ и шелъ къ себѣ въ кабинетъ. Леночка приносила ему чашку кофе и ласково спрашивала:

— Ты, Коля, не въ духѣ. Что̀ съ тобой?

— Ничего особеннаго...

— Ты сердишься?

— Нисколько... Знаешь, Лена, надоѣла мнѣ моя поденщина! Тратится много времени... Я хочу бросить эту работу.

— Что-жъ... твое дѣло!—произноситъ Леночка, но голосъ ея слегка дрожитъ.

Онъ слышитъ и понимаетъ, отчего голосъ дрожитъ.

— Ты думаешь, мы не обойдемся безъ нея?—внезапно раздражается Николай. — Экая прелесть какая — нечего сказать... Я бы могъ вмѣсто этого написать что-нибудь порядочное, а тутъ вырѣзай да наклеивай.

— Но вѣдь ты самъ говорилъ: эта работа беретъ три часа времени... А впрочемъ, что-жъ, откажись. Скоро твоя статья будетъ напечатана...

— Платоновъ что-то тянетъ долго... Откажись! И радъ бы, да надо ради куска хлѣба... Корпи, мѣняй себя на мелкую монету!—раздражается Николай все болѣе и болѣе и продолжаетъ монологъ на эту тему.

Если бы не ослѣпленіе влюбленной женщины, то Леночка расхохоталась бы надъ этимъ нытьемъ, но она серьезно жалѣетъ Николая и готова была бы еще давать уроки, только бы ему было легче. Какъ бы онъ не загубилъ своего таланта!

Вечеромъ она сама же предлагаетъ ему разсѣяться, идти въ театръ. А она? Она не хочетъ, да и некогда—надо на урокъ. Онъ идетъ разсѣяться, а она отправляется на Васильевскій островъ, занятая мыслью, какъ бы помочь Николаю. Казалось, они получали довольно: онъ зарабатывалъ до полутораста рублей, да она имѣла шестьдесятъ, но деньги какъ-то таяли. Николай бралъ бо̀льшую ихъ часть, оставляя ей пустяки, такъ что она съ трудомъ изворачивалась. Вскорѣ стали въ квартирѣ появляться кредиторы. Оказались долги, надо платить проценты. Раздѣлаться бы съ долгами, и вѣдь это такъ просто!—рѣшила однажды Леночка. Сто̀итъ продать ихъ мебель и перебраться въ квартиру поменьше. Что̀ за бѣда потѣсниться!

Леночка какъ-то сообщила свой планъ Николаю, когда онъ жаловался на долги.

— Придумала отличное средство!—насмѣшливо проговорилъ онъ.—Очень остроумно!.. Трогательно!.. Какой-нибудь чердачокъ съ геранью въ слуховомъ окнѣ еще лучше и дешевле... А мы вдвоемъ будемъ сидѣть и любоваться небомъ. Не такъ ли?

— Зачѣмъ ты, Коля, сейчасъ смѣешься? Развѣ я предлагаю чердакъ?

— Все равно — какую-нибудь вонючую конуру... Но слуга покорный! Я не раздѣляю этихъ вкусовъ. Мнѣ нуженъ свѣтъ и чистый воздухъ. Моя работа не тетрадки долбить, ты должна это понять. Мои занятія требуютъ особенныхъ условій... Ты думаешь, что можно и на чердакѣ заниматься? Благодарю!

— Какъ тебѣ не стыдно, Коля! Ты нарочно не хочешь понять меня.

— Очень ужъ трудно.

— Я понимаю, что тебѣ нужна большая комната. Она будетъ. Я предложила тебѣ средство избавиться отъ долговъ... Вѣдь тебѣ же тяжело.. Развѣ нельзя работать въ маленькой квартирѣ? Развѣ нужна дорогая мебель?

— Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ съ твоими добродѣтельными нравоученіями! Меня не прельщаютъ перспектива чердаковъ и идеалы мѣщанскаго счастьица. Мнѣ бо̀льшаго нужно. Я не Лаврентьевъ!—проговорилъ онъ, раздражаясь все болѣе и болѣе, и вышелъ изъ Леночкиной комнаты, хлопнувъ дверью.

Леночка была поражена этой грубой выходкой. И прежде бывали сцены, но такой еще не было. Съ чего онъ такъ раздражился? Какіе идеалы мѣщанскаго счастья? Развѣ скромная трудовая жизнь — непремѣнно мѣщанское счастье? Она въ первую минуту не могла сообразить. И зачѣмъ онъ вспомнилъ Лаврентьева?

Она, по своему обыкновенію, старалась объяснить эту выходку неудачами Николая, но другія объясненія невольно закрадывались въ голову. Она припомнила всю ихъ жизнь послѣ свадьбы, припомнила долгіе одинокіе вечера, и, казалось ей, не той, совсѣмъ не той должна быть жизнь... Не того ждала она.

Что̀, если онъ...

Она испугалась сама запавшей мысли, но эта мысль охватила Леночку. Ей стало страшно.

«Не любитъ!?.. А вѣдь это такъ просто!»

А Николай уже стоялъ на порогѣ. Онъ ласково улыбался, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ты не сердись на меня, Леночка!—проговорилъ онъ, приближаясь.—Я наговорилъ тебѣ чортъ знаетъ чего. Ты знаешь, я вспыльчивъ!

Онъ обвилъ рукой ея шею и цѣловалъ ея поблѣднѣвшія щеки.

— Не сердись же!—продолжалъ онъ, вполнѣ увѣренный, что послѣ его извиненія и поцѣлуевъ Леночка должна тотчасъ же просіять, тѣмъ болѣе, что онъ первый протягиваетъ руку.

Она тихо пожала руку Николая, тихо освободилась отъ его поцѣлуевъ, но лицо ея не просіяло.

— Ты все еще сердишься, Лена?—спросилъ онъ тономъ капризнаго ребенка.

— Я не сержусь, Коля!—тихо проговорила Леночка.

— Такъ поцѣлуй меня и скажи, что ты забыла. Посмотри-ка на меня!

— У меня такъ скоро не проходитъ все, Коля!—тихо улыбнулась она, останавливая на Николаѣ грустный, задумчивый взглядъ.—Но ты не думай только, что я сержусь. Честное слово, я ничего не имѣю противъ тебя и никогда, слышишь ли, никогда, мнѣ кажется, не обвиню тебя. Но я хотѣла бы тебя спросить... Видишь ли, наши частыя сцены навели меня на мысль... Иногда мнѣ кажется...

Она остановилась на мгновеніе, стараясь скрыть охватившее ее волненіе.

— Что̀ же тебѣ кажется, Леночка? И съ чего такой торжественный тонъ?

— Мнѣ кажется, что ты несчастливъ со мной! Я тебѣ не пара!—медленно проговорила Леночка.

— Вздоръ какой! Съ чего ты это взяла? Чѣмъ я несчастливъ?—говорилъ онъ нетерпѣливо, предчувствуя объясненіе.

— Подумай самъ. Не торопись успокоить меня. Вдумайся въ наши отношенія.

— Леночка! Неужели мнѣ повторять тебѣ, что ты говоришь глупости! Полно, милая! Полно! Ты всему придаешь какое-то значеніе. Ну, иногда я раздражаюсь, это правда, но ты тутъ ни при чемъ.

— Такъ ли? Не обманываешься ли ты, мой милый? Тебѣ скучно со мной! Ты точно тяготишься моимъ присутствіемъ. Точно я тебѣ не другъ. И то мы такъ рѣдко видимся въ послѣднее время!

— Упреки!? Развѣ я долженъ сидѣть все дома? Кто тебѣ мѣшаетъ? Я часто зову тебя въ театръ, ты сама не хочешь, а теперь ты меня же винишь?

— Что̀ ты, что̀ ты? Развѣ я прошу тебя сидѣть дома?

— Такъ что̀ за вопросы? Къ чему эти сцены, эти ко-

панія въ груди? У тебя все одна любовь на умѣ, и ты все относишь къ любви. Тебѣ кажется, въ любви—все. Но можно любить и чувствовать себя неудовлетвореннымъ. Есть высшіе интересы...

И онъ незамѣтно перешелъ въ тонъ обвинителя. Леночка воображаетъ Богъ знаетъ что̀. Ея любовь слишкомъ эгоистична.

Онъ окончилъ монологъ нѣжными объятіями и проговорилъ:

— Успокойся же, Леночка, и не будемъ мучить другъ друга.

Оказывалось, что Леночка его мучила.

Николай просидѣлъ съ женой полчаса и нетерпѣливо поглядывалъ на дверь. Сцена его разстроила, и ему надобно разсѣяться.

— Не хочешь ли, Лена, въ театръ? Сегодня «Русалка».

— Нѣтъ, не хочется. Иди ты.

— А ты что̀ будешь дѣлать? Обѣщаешь не хандрить?

— Не безпокойся. Иди же, иди, Коля, разсѣйся!

Онъ опять цѣлуетъ ее и оставляетъ ее одну, не сомнѣваясь, что успокоилъ Леночку и окончательно ее успокоитъ, когда вернется домой, горячими ласками.

Онъ вышелъ изъ дому на улицу и вспомнилъ, что сегодня четвергъ. Послѣ театра онъ поѣдетъ къ Смирновой. Давно онъ не видѣлъ Нину Сергѣевну, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она такъ зло надъ нимъ подшутила. Онъ все еще сердился, но ему очень хотѣлось съ ней встрѣтиться. Она такая интересная и роскошная женщина. Плечи, плечи!.. И съ ней такъ весело говорится. Съ ней невозможно скучать.

А Леночка—очень сентиментальна и слишкомъ ужъ его любитъ. Чуточку поменьше—было бы лучше. Если-бъ онъ не женился, было бы еще лучше, но теперь поздно!

«Бѣдная!»—великодушно пожалѣлъ онъ ее и вошелъ, пріосаниваясь, въ театральную залу.

Послѣ театра онъ былъ у Смирновой и обрадовался, когда Нина Сергѣевна дружески обошлась съ нимъ и попеняла, что онъ забылъ ее. О прежнемъ ни слова.

— На лѣто въ деревню?—спрашивала она.

— Нѣтъ, на дачу куда-нибудь.

— И я остаюсь здѣсь. Въ Петергофѣ буду скучать... а вы гдѣ, не рѣшили еще?

— Нѣтъ еще!—проговорилъ онъ, внезапно рѣшая, что найметъ дачу въ Петергофѣ.

А Леночка, несмотря на увѣренность мужа, не успокоилась. Прошелъ часъ, другой, а она все сидѣла на старомъ мѣстѣ въ раздумьѣ. Слезы тихо лились, но не облегчали ее.

Разныя сомнѣнія смущали ее. То казалось ей, будто она виновата въ чемъ-то передъ Николаемъ, что она его мучитъ своими сомнѣніями, то внезапно приходила въ голову мысль, что Николай полюбилъ и скрываетъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! Къ чему скрывалъ бы онъ? Развѣ не помнитъ онъ нашего уговора?»

Она перебирала всевозможныя объясненія Николая и, какъ часто бываетъ, не находила настоящаго, не понимая, что ея любимый Николай—бездушный эгоистъ, никого не любитъ и едва ли можетъ любить кого-либо, кромѣ себя.

Внезапное появленіе Васи вывело ее изъ раздумья. Леночка поздоровалась съ Васей, отворачивая лицо, чтобы онъ не замѣтилъ заплаканныхъ глазъ. Кстати, ей тотчасъ же понадобилось распорядиться насчетъ самовара, и она вышла изъ комнаты, промолвивъ:

— Садись, Вася. Я пойду, попрошу, чтобы давали самоваръ.

Однако Вася, несмотря на свою разсѣянность, замѣтилъ слезы.

Онъ какъ-то замѣчалъ все, касающееся Леночки.

«Эхъ, братъ, братъ!»—подумалъ онъ, провожая Леночку встревоженнымъ взглядомъ.

Онъ часто заходилъ въ послѣднее время къ Леночкѣ и, замѣчая, что она одна, старался разсѣять ее, приводилъ съ собой Чумакова и еще одного пріятеля, читалъ ей вслухъ какую-нибудь, какъ онъ говорилъ, «настоящую» книгу, звалъ ее прогуляться. А то придетъ, просидитъ молча вечеръ да и уйдетъ, спохватившись, что одиннадцать часовъ и пора уходить.

Вася недоумѣвалъ, что за охота брату шататься каждый день по гостямъ да театрамъ, и его возмущала небрежность его къ Леночкѣ. Старыя опасенія нерѣдко закрадывались ему въ голову.

И вообще его дивилъ Николай. Вася съ какимъ-то сожалѣніемъ слушалъ, какъ братъ начиналъ издѣваться надъ мечтами Васи. Его удивляло непонятное раздраженіе, съ какимъ иногда Николай говорилъ объ этомъ, а это раздраженіе въ послѣднее время бывало чаще, хотя Вася и не вызывалъ на такіе разговоры.

Въ словахъ брата звучала скептическая струна и не чувствовалось въ нихъ присутствія идеала. Все дурно, все нехорошо, все пустяки. Это презрительное отношеніе глубоко трогало Васю, и онъ задумчиво покачивалъ головой, размышляя о братѣ и не понимая, какъ это можно надо всѣмъ слегка посмѣиваться.

Когда Леночка позвала Васю пить чай, Вася спросилъ:

— Будемъ послѣ читать?

— Нѣтъ, Вася. Мнѣ что-то нездоровится.

Вася украдкой посматривалъ на Леночку встревоженнымъ взглядомъ, полнымъ любви. Когда Леночка ловила его взглядъ, Вася растерянно опускалъ глаза. Леночка и не догадывалась, что дыханье первой любви коснулось юноши. Онъ самъ не понималъ, почему его сердце такъ сильно бьется въ присутствіи Леночки и почему оно замираетъ въ тоскѣ, когда она встревожена.

Послѣ чаю, когда они прошли въ комнату къ Леночкѣ, Вася вынулъ изъ кармана сложенный печатный листъ и, подавая Леночкѣ, сказалъ:

— Хочешь прочесть?

Леночка стала читать. Вася заходилъ по комнатѣ. Когда она кончила, лицо молодой женщины было взволновано.

Она молча отдала Васѣ листокъ и черезъ нѣсколько минутъ замѣтила:

— Смотри, Вася, осторожнѣй съ этимъ!

— Не бойся!..

Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ:

— Въ деревню не ѣдете? Рѣшили?

— Нѣтъ... Колѣ нельзя, одной ѣхать не хочется... А ты скоро?

— Черезъ мѣсяцъ. Тянетъ изъ города... Въ «Витинѣ» теперь славно...

— Да... славно тамъ!—вздохнула Леночка.

Вася скоро ушелъ. Прежде чѣмъ вернуться домой, онъ долго еще бродилъ по улицамъ въ какомъ-то мечтательномъ настроеніи.

XXII.

— Вотъ и дождались гостей! Иванъ Андреевичъ! Вася пріѣхалъ!

Такое радостное восклицаніе Марьи Степановны раздалось въ витинскомъ домѣ, въ первыхъ числахъ іюня, передъ самымъ закатомъ солнца.

Вслѣдъ затѣмъ Марья Степановна уже была въ передней и обнимала Васю.

— А это, мама, Чумаковъ! — произнесъ Вася, указывая на стоявшаго поодаль пріятеля.

— Очень пріятно. Очень рада! — радушно привѣтствовала Марья Степановна молодого человѣка и опять обняла Васю.

— Какъ же это вы такъ неслышно подъѣхали? На почтовыхъ?

— Нѣтъ, мама. Мы со станціи по пути съ однимъ залѣсскимъ мужикомъ... Онъ подвезъ насъ.

— Узнаю Васю, узнаю!—говорилъ Иванъ Андреевичъ, цѣлуя сына.—Не могъ увѣдомить. Трудно, что ли, было бы кучеру съѣздить! Добро пожаловать, г. Чумаковъ!—весело обратился старикъ къ гостю.—Очень радъ.

— Однако неказистъ ты на видъ, Вася!—продолжалъ Иванъ Андреевичъ, когда всѣ перешли въ залу, и старикъ тревожно оглядывалъ сына. — Похудѣлъ, и цвѣтъ лица... Мало, видно, вы, г. Чумаковъ, его бранили!—полушутя, полугрустно обронилъ Иванъ Андреевичъ. — Кашляешь? Грудь болитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, папа. Я здоровъ, а въ деревнѣ совсѣмъ окрѣпну.

— Мы его поправимъ здѣсь. Еще бы цвѣту лица быть, когда они Богъ знаетъ что̀ ѣдятъ тамъ въ кухмистерскихъ. Они всѣ въ Петербургѣ какіе-то чахлые!—сказала Марья Степановна, заглядывая въ лицо Васи.

— Ну, это ты напрасно. Посмотри-ка на г. Чумакова.

И точно, румяный, плотный, онъ весь сіялъ здоровьемъ и, казалось, опровергалъ мнѣніе Марьи Степановны насчетъ гибельнаго вліянія петербургскихъ кухмистерскихъ.

— Такъ, можетъ-быть, г. Чумаковъ... какъ васъ по имени и отчеству? Не люблю я по фамиліи звать.

— Андрей Николаевичъ.

— Такъ, можетъ-быть, Андрей Николаевичъ у родныхъ обѣдалъ.

Чумаковъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ-съ, я тоже въ кухмистерскихъ.

— А иногда и такъ, мама!—подсказалъ Вася.

— Какъ такъ?—удивилась Марья Степановна.

— Ситникъ и колбасы кусокъ.

— И, какъ видите, слава Богу! — разсмѣялся Чумаковъ.

— Ну, я васъ откормлю, голубчиковъ. Сейчасъ покушаете. Сейчасъ будетъ готово. А Коля и Леночка здоровы?

— Здоровы.

— Обидно, что они не пріѣдутъ. Что̀ дѣлать!

— Что̀, какъ его дѣла? — освѣдомлялся Иванъ Андреевичъ.

— Кажется, ничего себѣ!—уклончиво отвѣчалъ Вася, не желая огорчить отца.

— Адвокатура какъ?

— Кое-какія дѣла есть. Однако немного еще.

— Будутъ! Малый онъ талантливый. Изъ него можетъ выработаться хорошій адвокатъ. Писательство онъ, вѣрно, броситъ. Таланта настоящаго у Коли нѣтъ, ну, да и усидчиво работать мы не умѣемъ! Онъ-то пока мечтаетъ,— самъ, впрочемъ, убѣдится. Статьи его ничего себѣ, но и только, а адвокатомъ—это его дѣло! Одну рѣчь его я читалъ. Ничего, недурна, очень недурна, только очень ужъ онъ противника своего допекалъ, Присухина. Ты былъ на судѣ? Слышалъ? Хорошо говоритъ Коля?

— Хорошо.

— И рѣчь честная, славная. И дѣло-то чистое. Ну, да Коля не станетъ вести нечистыхъ дѣлъ!

— Еще бы! Тогда... Разумѣется, не станетъ!

— Однако я разспрашиваю, а вамъ съ дороги, видно, ѣсть-то хочется. Проведи-ка, Вася, Андрея Николаевича въ твою комнату. Вы какъ, вмѣстѣ хотите?

— Вмѣстѣ!—отвѣтилъ Вася.

— А то Колина комната свободна. Ну, какъ знаете!

Черезъ часъ всѣ сидѣли за столомъ. Марья Степановна то и дѣло подкладывала кушанья молодымъ людямъ.

— Кушайте, голубчики, кушайте!..

Вася уже успѣлъ сбѣгать въ людскую, побывалъ въ конюшнѣ у кучера Ивана, заглянулъ къ старой пянѣ. Все было попрежнему въ «Витинѣ»; всѣ обрадовались пріѣзду Васи и послѣ говорили о немъ:

— Такой же душевный... Изъ тѣла только поотощалъ!

Послѣ ужина, когда стали расходиться, Иванъ Андреевичъ увелъ Васю къ себѣ въ кабинетъ, обнялъ его и, усаживая подлѣ себя, проговорилъ:

— Ну, теперь, милый мой, разскажи мнѣ о себѣ.

— О чемъ, папа?

Старикъ понизилъ голосъ и тревожно спросилъ:

— Ты... въ разныхъ тамъ кружкахъ не участвуешь? Нынче вѣдь вы...

— Знакомъ...

— Знакомъ? И принимаешь участіе?—со страхомъ проронилъ старикъ.

— Нѣтъ, папа,—отвѣтилъ Вася.—Вѣдь я обѣщалъ тебѣ сперва учиться. Я сдержу слово.

— То-то... Спасибо, голубчикъ. Ты еще такъ молодъ. Не торопись.... Прежде провѣрь себя, провѣрь свои мнѣнія. Я знаю, сердце-то твое горячее... кипитъ, но подожди, подожди, мой хорошій!—почти умолялъ старикъ, съ любовью глядя на Васю.

Вася нѣсколько времени молчалъ, потомъ тихо замѣтилъ:

— Ты правъ... я еще мало знаю. И не ты одинъ правъ... Прокофьевъ—жаль, ты его не знаешь—то же говоритъ... Надо сперва подготовить себя.

Отецъ никакъ не ожидалъ такого вывода.

— Подготовить себя? Къ чему?

— Ко всему!—тихо проронилъ Вася.

Въ свою очередь, и отецъ замолчалъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ сына, чтобы сомнѣваться въ истинномъ значеніи этихъ словъ.

— И что-жъ ты думаешь дѣлать... потомъ?

— Не знаю... Развѣ можно сказать?.. Знаю одно,—и голосъ его дрогнулъ:—знаю, что всѣ мои силы, всѣ мои мысли, жизнь моя... будетъ посвящена тому, что̀ я считаю правдой... Ты знаешь... Я писалъ тебѣ... Мы говорили...

— А если твоя правда—заблужденіе?

— Для меня она—правда.

— И ты все вѣришь?

— Вѣрю... Иначе не можетъ быть... Тогда гдѣ же правда? Гдѣ она? Не та ли, о которой говорятъ?.. Кругомъ, что ли?.. Не въ томъ ли, что ты за правдивое слово наказанъ? Не въ томъ ли, что вокругъ насъ люди живутъ, какъ скоты?.. Гдѣ, гдѣ-жъ она?

— И ты думаешь, что, сдѣлавшись,—помнишь, ты писалъ?—сельскимъ писаремъ или рабочимъ, ты принесешь больше пользы, чѣмъ на другихъ поприщахъ?..

— Я не знаю, принесу ли я пользу, я могу только желать этого... но я знаю, что не буду жить на счетъ другихъ. И безъ того довольно!

Старикъ слушалъ сына и чувствовалъ, что не переубѣдитъ его. Онъ съ грустью смотрѣлъ на Васю и вспомнилъ свою молодость.

Когда Вася ушелъ, старикъ еще долго не ложился. Мрачныя предчувствія закрадывались въ голову. Онъ боялся, что Васѣ не придется долго ждать, и онъ невольно не сдержитъ слова.

И онъ не ошибся.

XXIII.

— Славные твои старики, Вася! — говорилъ на другой день Чумаковъ, потягиваясь на постели.

— О, ты ихъ еще не знаешь. Это такіе... такіе...

И онъ сталъ разсказывать своему пріятелю, какіе у него превосходные люди отецъ и мать.

— У меня... Вася, не такіе!..—сказалъ Чумаковъ.

— Это жаль...—протянулъ Вася.

— И ты не сердись, я тебѣ скажу... братъ твой Николай не похожъ на васъ.

— Ты, Чумаковъ, мало знаешь брата.

— Мало или много, а все судить могу... По-моему, онъ ненадежный человѣкъ!

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь, Чумаковъ? Зачѣмъ?.. Ты вѣдь знаешь, что мнѣ это больно слышать!—проговорилъ Вася съ упрекомъ въ голосѣ.

— А надо говорить только то, что̀ пріятно? Я этого не зналъ за тобой, Вася!

Вася не отвѣчалъ.

Онъ самъ думалъ о братѣ такъ же, какъ и его пріятель, и вотъ почему ему было еще больнѣе слышать осужденіе Николая отъ другихъ...

Въ тотъ же день Вася былъ въ деревнѣ и обошелъ всѣ избы. Мужики радушно встрѣчали его и разсказывали ему одну и ту же вѣчную исторію. Вдобавокъ очень жаловались на новаго исправника Никодима Егоровича.

— Старикъ Иванъ Аѳанасьевичъ на покой ушелъ! Тотъ еще ничего, а этотъ лютый.

— Страсть!..

— Строгость нонѣ пуще пошла!

— Раззоръ!..

Вася слушалъ всѣ эти восклицанія молча. Слова утѣшенія не шли на уста.

Подъ вечеръ онъ собрался навѣстить Лаврентьева.

— Ты не слышалъ развѣ, Вася,—замѣтилъ Иванъ Андреевичъ:—вѣдь Григорій Николаевичъ чуть не умеръ...

— Что̀ ты?

— Ѣздилъ онъ въ Петербургъ зимой, помнишь?.. Вернулся и слегъ въ постель въ горячкѣ. Докторъ отчаивался, думалъ—не выдержитъ... Выдержалъ однако... Поправился!.. Послѣ болѣзни онъ, братъ, еще нелюдимѣе сталъ и, кажется... пьетъ очень...

— Пьетъ?..—протянулъ Вася и невольно подумалъ о Леночкѣ.—Онъ собирался жениться... Въ Петербургѣ говорилъ мнѣ...

— Не слыхалъ... Едва ли... Попрежнему бобылемъ... Да вотъ самъ увидишь. Передай ему, пожалуйста, отъ меня поклонъ.

Вася засталъ Григорія Николаевича сидящимъ на крыльцѣ дома въ одной рубахѣ. Онъ осунулся, постарѣлъ и, показалось Васѣ, былъ слишкомъ красенъ.

— Пріятель! Здорово!.. Когда сюда пожаловалъ? — встрѣтилъ его Григорій Николаевичъ, пожимая по обыкновенію руку до боли.—Отощалъ, отощалъ! Давно пора на вольный харчъ! пора!

— Вчера пріѣхалъ...

— Спасибо, Иванычъ, что не забылъ стараго пріятеля. Молодчина! Этимъ нонѣ не хвалятся. Н-нѣтъ... Ты вотъ душевный парень... Что̀ у васъ въ Питерѣ-то... мерзость, чай?..

— И здѣсь не важность...

— Это вѣрно. Правильно... Правильно, Василій Ивановичъ. Мало важности!.. Вотъ развѣ Никодимка, шельмецъ, важность на себя напускаетъ нонѣ, какъ гоголемъ заходилъ... И форситъ, подлецъ... Да Потапка тоже... Разбойники!.. Кузька-то нонѣ къ вамъ въ Питеръ переѣхалъ разбойничать, а за себя Потапку оставилъ... Помнишь, еще примочками отхаживалъ, когда въ Залѣсьѣ его помяли? Только напрасно вовсе тогда его не рѣшили. Лучше было бы... Звѣрь, какъ есть, дикая звѣрина!.. Но я доберусь до него... Доберусь!

Вася вспомнилъ, какъ Григорій Николаевичъ добирался до Кузьмы и не добрался.

По его лицу пробѣжала грустная улыбка.

— Думаешь, не доберусь? Хвастаю? Кузьку выпустилъ, а этого—шалишь! Ша-ли-шь! Коли не опомнится, мы его помнемъ... помнемъ! Довольно отъ него терпитъ народъ...—мрачно проговорилъ Лаврентьевъ.

Онъ вдругъ замолчалъ. Молчалъ и Вася, съ участіемъ посматривая на Григорія Николаевича.

— А ты что̀ такъ поглядываешь?.. Ты такъ, родной, мой, не гляди... Лучше ругай Гришку! Отъ тебя все приму—не бойся... Тебя ни-ни... не трону... Ты не брехунъ, не то, что...

Вася смущенно ждалъ конца. Онъ догадывался, на кого намекаетъ Лаврентьевъ. Но Лаврентьевъ не досказалъ слова.

— Постой, Иванычъ, погоди, голубчикъ!—проговорилъ Лаврентьевъ, когда Вася сталъ прощаться.—Одно словечко. Елена Ивановна здорова?

Голосъ Лаврентьева звучалъ необыкновенной нѣжностью.

— Здорова...

— И... и... счастлива?..

Трудно было отвѣчать Васѣ на этотъ вопросъ. Онъ самъ задавалъ его не разъ и не находилъ отвѣта.

— Что-жъ ты? Говори правду, по совѣсти!

— Кажется, счастлива!

— Дай ей Богъ, дай Богъ!—прошепталъ Лаврентьевъ и прибавилъ:—Ну, теперь ступай домой, Иванычъ, и приходи ко мнѣ, когда я буду тверезый. Приходи же. Придешь?

— Приду.

— То-то. Ты парень душевный!

Вася возвращался домой тѣмъ самымъ лѣсомъ, гдѣ часто пѣвалъ Лаврентьевъ.

«Зачѣмъ это все такъ случилось?» — думалъ Вася, и сердце его сжималось при воспоминаніи о Леночкѣ.

Онъ задумчиво шелъ по лѣсу, а вечеръ тихо спускался на землю.

XXIV.

Прошелъ мѣсяцъ.

Вася замѣтно поправился на деревенскомъ воздухѣ, такъ что нерѣдко вмѣстѣ съ Чумаковымъ занимался мужицкой работой. Чумаковъ исправно работалъ все время. Сперва мужики дивились, но потомъ привыкли. Никодимъ Егоровичъ нѣсколько разъ подсылалъ узнавать, почему это молодой человѣкъ, гостившій въ «Витинѣ», работаетъ, но ничего не открывалось такого, что̀ давало бы Никодиму Егоровичу надежду на открытіе преступныхъ замысловъ.

Однако онъ зорко слѣдилъ и довелъ до свѣдѣнія его превосходительства объ этомъ событіи.

Генералъ поморщился и соображалъ.

— Вы говорите—работаетъ, какъ мужикъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство. Какъ простой мужикъ!

— Ггммъ. А еще?

— Пока ничего-съ.

— И незамѣтно, чтобы... вредныя идеи?

— Трудно поручиться, ваше превосходительство!

— Трудно!.. Гмъ, да, трудно.

Его превосходительство былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи.

— Ждите приказаній! — рѣшилъ онъ и послалъ за юркимъ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга.

— Въ законѣ указано насчетъ такого факта?

— Нѣтъ. Я уже слышалъ!—почтительно улыбается правитель канцеляріи.

— Я полагаю, странно.

— Но, быть-можетъ, ваше превосходительство, цѣль очень уважительная.

— Работать, какъ простой мужикъ? — усомнился генералъ.

— Этотъ молодой человѣкъ—технологъ.

— А дальше?

— И хочетъ изучить сельское хозяйство на практикѣ.

— А?.. Вы думаете?

— Я не могу предрѣшать фактовъ, но полагаю... Во всякомъ случаѣ, если угодно будетъ вашему превосходительству поручить строжайшее наблюденіе...

— Конечно, конечно.

Никодимъ Егорычъ получилъ соотвѣтствующія приказанія.

Стоялъ жаркій іюльскій день. Какъ-то особенно парило въ воздухѣ. Было около девяти часовъ утра.

Вася съ Чумаковымъ въ это время приближались къ Залѣсью, направляясь къ большому торговому селу «Большіе Выселки», гдѣ въ этотъ день была ярмарка.

Вася разсказывалъ товарищу подробности о сценѣ, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ прошломъ году. На Чумакова этотъ разсказъ произвелъ впечатлѣніе. Подробности онъ слышалъ отъ Васи въ первый разъ.

Залѣсье было близко. Они увидали толпу, стоящую передъ волостнымъ правленіемъ.

— Сходка!—промолвилъ Вася.

— Сходка!—повторилъ Чумаковъ.

Однако—странное дѣло—они не слыхали обычнаго шума волнующейся толпы.

— Это не сходка!—сказалъ Вася, прибавляя шагу.

— А что же такое?

— Ты слышишь?—вздрогнулъ Вася.—Это не сходка!

Жалобный крикъ пронесся въ воздухѣ. Еще и еще.

Они входили въ улицу. На нихъ никто не обратилъ вниманія. Вопли раздавались сильнѣй. Вася былъ блѣденъ. Онъ взглянулъ на Чумакова. Чумаковъ вздрагивалъ. Они подошли къ толпѣ, и Вася спросилъ у одного мужика:

— Что̀ здѣсь?

Мужикъ взглянулъ на Васю и сердито отвѣтилъ, отворачиваясь:

— Исправникъ поретъ!

— За что̀?

Мужикъ не отвѣчалъ.

— За что̀?—повторилъ Вася.

— Извѣстно... недоимки!—проговорилъ другой мужикъ.

Вася пробирался черезъ толпу.. У него тряслись губы; глаза блуждали.

— Куда ты лѣзешь?—говорили въ толпѣ. — Лестно, что-ль, поглядѣть?

Но онъ шелъ впередъ, пока не дошелъ до воротъ. Его схватила за плечо чья-то сильная рука, но онъ рванулся впередъ.

— Вася, Вася, что̀ ты дѣлаешь!.. Уйдемъ!—говорилъ Чумаковъ и самъ шелъ за нимъ.

Вася остановился и взглянулъ, но тотчасъ же зажмурилъ глаза отъ какой-то невыносимой боли. Онъ увидалъ сѣдую бороду, опустившуюся со скамьи, и окровавленное тѣло... Болѣе онъ ничего не видалъ, но стоны еще слышалъ—ужасные стоны!—Онъ все стоялъ. Что-то приливало къ сердцу. Рыданія давили грудь, но онъ не плакалъ. Вдругъ все стихло.

Онъ снова взглянулъ.

Никодимъ Егоровичъ стоялъ на крыльцѣ и махалъ рукой. Его лицо было спокойно. Только рыжіе усы двигались неестественно быстро. Онъ курилъ папиросу и часто пускалъ дымъ.

Въ ногахъ у него валялся мужикъ.

— Плати!—раздался крикъ.

Нѣтъ отвѣта.

— Пори!

Двое мужиковъ схватываютъ подъ руки валявшагося въ ногахъ. Но онъ освобождается и самъ ложится.

Раздался взмахъ розогъ. Толпа глядитъ молча.

Вася трясется, какъ въ лихорадкѣ, губы беззвучно что-то шепчутъ. Раздается вопль, и какая-то сила выбрасываетъ Васю впередъ.

— Послушайте... да развѣ такъ... Не троньте!—вдругъ вырывается изъ груди его не то крикъ, не то стонъ.

Никодимъ Егоровичъ на секунду ошеломленъ. Кто-то сказалъ:

— Это витинскій барчукъ!

— Г. Вязниковъ... идите вонъ!

— Не истязайте, слышите!

— Пори!—раздается крикъ.

Вася кидается впередъ.

— Злодѣй!.. За что̀ ты мучишь людей! — произноситъ онъ и схватываетъ за грудь Никодима Егоровича.

Въ толпѣ раздается гудѣнье.

— Смѣлый!

— Душа-то жалостливая!

— Берите его... бунтовщика! — задыхается Никодимъ Егоровичъ.

Урядники и сотскіе бросаются на Васю.

Черезъ десять минутъ окровавленнаго и избитаго Васю, связаннаго, увозятъ на телѣгѣ.

— Это витинскій барчукъ!—повторяютъ голоса. — Въ прошломъ году онъ былъ у насъ.

— Хрестьянъ пожалѣлъ!

— Што ему будетъ?

— Ничего—баринъ!

Толпа тихо расходилась. Исправникъ уѣхалъ.

Встревоженный прибѣжалъ Чумаковъ въ «Витино» и вошелъ въ кабинетъ.

— Что̀... что̀ случилось?—спросилъ Иванъ Андреевичъ.

Чумаковъ началъ разсказывать, но вдругъ остановился, замѣтивъ, что старикъ поблѣднѣлъ и тихо опускается на кресло.

Чумаковъ поддержалъ его.

— Ничего, ничего... продолжайте!—чуть слышно проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

Чумаковъ разсказываетъ, а старикъ шепчетъ, вытирая слезы:

— Бѣдный, славный мой мальчикъ.

Черезъ нѣсколько времени Иванъ Андреевичъ идетъ къ женѣ и осторожно разсказываетъ ей о случившемся. Онъ старается не смотрѣть ей въ глаза. Голосъ старика дрожитъ, когда онъ, обнимая Марью Степановну, говоритъ:

— Успокойся, успокойся, мой другъ. Не предавайся отчаянію.

Въ тотъ же вечеръ Марья Степановна отправилась въ городъ, а въ ночь исчезъ Чумаковъ. Изъ города не привезли никакихъ успокоительныхъ извѣстій.

— Я видѣла Васю,—разсказывала она, глотая слезы.— Онъ кротко такъ глядѣлъ на меня и все утѣшалъ... Просилъ простить, что огорчилъ насъ... Велѣлъ сказать тебѣ, чтобъ ты не сердился за то, что онъ не могъ сдержать слова... «Папа навѣрное будетъ сердиться!»

Она не могла продолжать...

XXV.

Скверный октябрьскій вечеръ стоялъ въ Петербургѣ. Дождь зарядилъ съ утра и не перестаетъ ни на минуту.

Леночка недавно только-что оправилась послѣ тяжелыхъ родовъ, кончившихся смертью ребенка, и первый разъ сегодня встала съ постели.

Однако она бодрится и говоритъ Николаю:

— Я завтра выйду.

— Куда тебѣ, подожди...

— Я чувствую себя совсѣмъ здоровой!

Николай взглянулъ на Леночку и сказалъ:

— Какъ знаешь, впрочемъ. Однако мнѣ пора!—замѣтилъ онъ, взглянувъ на часы.—До свиданія, Леночка. Ты не будешь скучать?

— Нѣтъ.

— Я скоро вернусь... Мнѣ надо по одному дѣлу!

Онъ, по обыкновенію, цѣлуетъ ее, и торопливые шаги его раздаются изъ залы.

Леночка грустно улыбается вслѣдъ.

— Вѣрно, къ Ратыниной!—шепчутъ ея губы.

Она вспоминаетъ лѣто въ Петергофѣ, и лицо ея дѣлается еще серьезнѣй. Душевная борьба, очевидно, происходитъ въ ней. Ахъ, зачѣмъ это гадкое чувство ревности! Вѣдь онъ увѣрялъ, клялся еще вчера, что любитъ ее...

Къ чему ему лгать? Развѣ онъ не свободенъ?

Она поднялась и прошла въ кабинетъ.

— Какой у него безпорядокъ, однако! — говорила она вслухъ.

Она начинаетъ прибирать письменный столъ. Она всегда сама это дѣлала. Во время болѣзни ея некому было позаботиться, и столъ въ безпорядкѣ. Коля самъ не приберетъ.

Она аккуратно раскладываетъ по мѣстамъ письменныя принадлежности, книги и бумаги. Машинально глаза ея останавливаются на маленькомъ листкѣ почтовой бумаги, исписанномъ и зачеркнутомъ во многихъ мѣстахъ.

— Вѣрно, рѣчь черновая. Надо этотъ листокъ положить отдѣльно.

Съ этими словами она беретъ бумажку и, желая удостовѣриться, рѣчь ли это, начинаетъ читать.

Странная рѣчь! Она начинается словами: «Вы этого хотѣли? Ну да, я васъ люблю!»

Леночка вздрогнула, хотѣла бросить листокъ и вмѣсто того стала жадно читать.

По мѣрѣ чтенія мертвенная блѣдность разливалась по лицу ея. Листокъ выпалъ у нея изъ рукъ, и она безсильно опустилась на кресло.

На почтовомъ листикѣ было написано нѣсколько варіантовъ письма къ Нинѣ Сергѣевнѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ:

«Вы этого хотѣли... Ну да, я васъ люблю, люблю, какъ никого не любилъ (въ скобкахъ поставлено: безумно, глупо), хотя и знаю, что вы встрѣтите эти слова насмѣшливой улыбкой. Камо бѣгу отъ духа твоего и отъ лица твоего камо бѣгу?.. Дома... О, бѣдная Леночка! Милое, кроткое созданіе... Вы были правы тогда, говоря, что мнѣ не слѣдовало связывать судьбу свою съ этой женщиной... Ей нужна другая натура... другой человѣкъ, а не я... Ея идеалъ—тихое семейное счастье, дѣти, мужъ всегда подлѣ. Она не понимаетъ и не можетъ понять, что есть другой идеалъ... что есть натуры... высшія... И чье положеніе трагичнѣе: ея или мое?—рѣшите... Я увлекся, женился, мнѣ казалось, что я обязанъ былъ жениться и принести себя въ жертву, а теперь вижу, что жертва выше моихъ силъ... Я знаю, что для нея моя любовь... иллюзія любви... все... Но что же дѣлать...»

Далѣе продолжались варіанты, съ однимъ и тѣмъ же концомъ: «Вы этого хотѣли?.. Такъ знайте же, я васъ

люблю, люблю. Скажите слово только, скажите, и я буду ждать».

Когда Леночка черезъ часъ поднялась съ кресла, она бережно положила на мѣсто письмо и, шатаясь, вышла изъ комнаты, одѣлась и поѣхала къ одной изъ своихъ пріятельницъ.

— Что съ тобой, Вязникова?—встрѣтила та ее.—Ты на себя не похожа.

— Ничего!—отвѣчала она.—Уложи меня въ постель, мнѣ холодно!

На слѣдующій день она написала Николаю короткое письмо.

Вязниковъ не ожидалъ подобнаго рѣшительнаго шага. Онъ прочиталъ Леночкино письмо и тотчасъ же поѣхалъ къ ней, увѣренный, что уговоритъ ее, тѣмъ болѣе, что передъ письмомъ жены онъ получилъ отъ Нины слѣдующую записку, которая его привела въ бѣшенство:

«Ничего я не хотѣла и ничего не хочу. Бросьте ваши изліянія и не мучьте вашу бѣдную жену».

Николай поѣхалъ на квартиру, гдѣ пока была Леночка, но навстрѣчу ему вышелъ докторъ Непорожневъ и сказалъ:

— Ваша жена нездорова и просила передать, что ей тяжело было бы кого-нибудь принимать...

Вязниковъ уѣхалъ и написалъ ей горячее письмо. Но отвѣта не было.

XXVI.

Прошелъ годъ. О Васѣ не было ни слуху, ни духу.

Однажды въ «Витино» пріѣхалъ незнакомый молодой человѣкъ, передалъ Ивану Андреевичу письмо и тотчасъ же уѣхалъ.

Старикъ распечаталъ, удивленно взглянулъ, что письмо написано изъ Лондона, и прочелъ слѣдующее:

«Милостивый государь,

Иванъ Андреевичъ!

Я только-что могу сообщить вамъ печальное извѣстіе. Сынъ вашъ Василій Ивановичъ и мой другъ умеръ 10 мая отъ чахотки въ ***. Я былъ при послѣднихъ его минутахъ. Онѣ были спокойны. Незадолго до кончины онъ говорилъ о васъ и вашей супругѣ и просилъ передать, что

умираетъ увѣренный, что вы будете вспоминать его съ тою любовью, съ которой вспоминалъ онъ о васъ.

«Искренно уважающій васъ

«Мирзоевъ».

— Вася... Вася... милый мой!..—прошепталъ старикъ и поникъ головой.

Вслѣдъ за этимъ ударомъ на старика обрушился и другой. Газеты принесли извѣстіе, что Николай защищалъ Кузьму Петровича, обвинявшагося въ умышленномъ поджогѣ фабрики, при чемъ погибло много жертвъ, и прибавляли къ этому, что г. Вязниковъ получилъ за защиту пятьдесятъ тысячъ.

— Не можетъ быть... не можетъ быть!.. Это вздоръ!—повторялъ Иванъ Андреевичъ.

Однако когда онъ прочелъ въ газетахъ рѣчь сына и получилъ изъ Петербурга отъ него письмо, въ которомъ, между прочимъ, Николай писалъ, что «надо трезвѣе смотрѣть на жизнь»,—старикъ долженъ былъ увѣриться, что все, сообщенное въ газетахъ, было правдой.

Печально догорала жизнь стариковъ. Онъ совсѣмъ одряхлѣлъ, а Марья Степановна все похварывала. Леночка, пріѣхавшая погостить къ своимъ на лѣто, часто навѣщала ихъ и обѣщаетъ, по окончаніи курса, поселиться около, если ей удастся получить мѣсто земскаго врача въ Залѣсьѣ, гдѣ обѣщали выстроить больницу.

Она пережила свое горе и можетъ вспоминать о прошломъ безъ жгучей боли.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

РѢШЕНІЕ.

I.

Въ этотъ осенній петербургскій день, ненастный и мрачный, наводящій хандру, Варвара Александровна Криницына пришла къ окончательному и твердому рѣшенію: взять дѣтей и уѣхать отъ «этого человѣка».

«Этимъ человѣкомъ» былъ, само собою разумѣется, не кто иной, какъ мужъ, лишенный съ нѣкоторыхъ поръ, за многочисленныя и тяжкія вины, своего христіанскаго имени почему Николаевича. Еще не особенно давно «Борисъ», не осуди иногда даже и «Борька», онъ теперь былъ для И при Александровны только «этимъ человѣкомъ» и такой кличкой, съ прибавкой подчасъ не особенно нѣжныхъ прилагательныхъ, удручалъ мысли Варвары Александровны и фигурировалъ въ ея интимныхъ бесѣдахъ о немъ съ одной доброй пріятельницей, у которой тоже вмѣсто порядочнаго мужа былъ «этотъ человѣкъ». Нечего и говорить, что обѣ пріятельницы досыта изливались одна передъ другой и вмѣстѣ плакали послѣ того, какъ оба «эти человѣка» были обѣими дамами расписаны въ надлежащихъ краскахъ.

Да, взять дѣтей и уѣхать.

Онъ не осмѣлится разлучить дѣтей съ матерью—да и на что, по правдѣ говоря, «этому человѣку» дѣти?—и будетъ давать на ихъ образованіе и на содержаніе—не настолько же онъ «подлъ», чтобъ отказаться отъ священныхъ обязанностей отца (Варвара Александровна мысленно подчеркнула слово: «священныхъ»), да, наконецъ, и судъ есть!—а сама она, конечно, ничего не возьметъ отъ «этого человѣка», ни гроша! Она будетъ работать, не покладая рукъ. Ей обѣщали занятія на пятьдесятъ

рублей въ мѣсяцъ,—какъ-нибудь да проживутъ. Ужъ она присмотрѣла маленькую квартирку въ три комнаты съ кухней на Петербургской сторонѣ, нарочно подальше отъ Владимірской, гдѣ онъ останется жить одинъ въ шести большихъ комнатахъ.

«Квартира-то у него по контракту. Раньше весны не сдастъ!»—не безъ злорадства подумала Варвара Александровна.

И она продолжала ходить быстрой, рѣшительной походкой взадъ и впередъ по спальнѣ, вновь перебирая въ умѣ мотивы своего безповоротнаго рѣшенія.

Другого исхода нѣтъ. Долѣе терпѣть униженія и оскорбленія она не намѣрена («Благодарю покорно!») да и не въ состояніи. Есть предѣлъ всякому терпѣнію для порядочной, уважающей себя, женщины. Довольно-таки перенесла она обидъ, особенно за послѣдній годъ, все надѣясь, что «этотъ человѣкъ» одумается и пойметъ всю гнусность своего поведенія... Но онъ и ухомъ [illegible]едетъ... Попрежнему никогда не сидитъ дома, пропад[illegible]тъ до поздней ночи и возвращается иногда навеселѣ... [illegible] рѣдкіе часы, когда «этотъ человѣкъ» дома, онъ [illegible] Ни-какія объясненія съ нимъ невозмож[illegible] ни слезы, ни упреки не дѣйствуютъ. Онъ [illegible] зуч[illegible] точно и не ему говорятъ, и упор[illegible] отмалчив[illegible] тая нужнымъ даже оправдываться... Съ ней осо[illegible] холоденъ... почти не разговариваетъ, точно она ненавистная жена... Ну, если разлюбилъ... да и могъ ли когда-нибудь серьезно любить «этотъ человѣкъ», готовый увлекаться каждой юбкой и бѣгать за ней, какъ... (Тутъ Варвара Александровна употребила не совсѣмъ удобное въ дамскихъ устахъ сравненіе, и лицо ея выразило гадливое отвращеніе). Ну, не люби, если ужъ ты такой подлецъ, что не цѣнишь порядочной женщины, но уважай, по крайней мѣрѣ, мать своихъ дѣтей, уважай женщину, которая отдала тебѣ свою молодость... («Тогда вы сидѣли дома и никуда безъ меня не смѣли выѣзжать!»). Обращайся, какъ слѣдуетъ, не веди себя, какъ какой-нибудь безпутный мальчишка, не дѣлай жену предметомъ оскорбительныхъ сожалѣній... Оказывай хоть должное вниманіе. Она вѣдь, кажется, не требуетъ бо̀льшаго, настолько она горда... Своимъ поведеніемъ онъ уничтожилъ въ ней всякое чувство, теперь она презираетъ «этого человѣка», и если-бъ не дѣти—давно бросила бы его! Только ради нихъ она

все переносила, ради нихъ питала надежду, что онъ исправится... Но больше нѣтъ надежды, нѣтъ и силъ... Вина на немъ. Ея совѣсть чиста. Она свято исполняла свой долгъ: была вѣрной, любящей женой, хорошей матерью, бережливой хозяйкой... Даже въ мысляхъ она никогда не измѣнила ему, и никто не посмѣетъ усомниться въ ея добродѣтели... Господи! Другія жены и имѣютъ романы, и кокетничаютъ до безстыдства, и разоряютъ мужей и... ихъ любятъ, ихъ цѣнятъ, а она безупречная, честная женщина и... вотъ...

— Уѣду, уѣду!—рѣшительно проговорила вслухъ Варвара Александровна.—Пусть «этотъ человѣкъ» пропадаетъ одинъ... Мы ему не нужны!

— Чего еще ждать? И безъ того она совсѣмъ измучена... Здоровье надорвано, нервы расшатаны... Одинъ видъ «этого человѣка» приводитъ ее въ раздраженіе... Надо же наконецъ успокоиться... Надо поберечь здоровье хотя бы для этихъ бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей... Отнынѣ она безраздѣльно будетъ принадлежать милымъ крошкамъ и жить исключительно для нихъ, а ея личная жизнь кончена... [illegible] надо ей любви, кромѣ любви дѣтей... Впослѣдствіи [illegible] поймутъ, какая она была страдалица и почему [illegible] она бросить ихъ отца... Они, конечно, не осудят [illegible] ери...

И при [illegible] ли о бѣдныхъ дѣтяхъ—мальчикѣ и дѣвочкѣ, которые въ это время весело играли въ сосѣдней комнатѣ съ старой няней, Авдотьей Филипповной, и о томъ, какая она въ самомъ дѣлѣ страдалица, слезы заволокли глаза Варвары Александровны. Она всплакнула, горько жалѣя себя, и ей казалось, что несчастнѣе ея нѣтъ на свѣтѣ женщины, и что она жертва «этого человѣка».

II.

Однако внѣшній видъ Варвары Александровны далеко не соотвѣтствовалъ представленію о «жертвѣ» и еще менѣе внушалъ опасенія за ея здоровье.

Несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ (для лицъ, незнакомыхъ съ ея метрическимъ свидѣтельствомъ, «около тридцати»), это была еще довольно моложавая и свѣжая, пикантная брюнетка, небольшого роста, крѣпкая, сухощавая, отлично сложенная женщина съ тонкой таліей и хорошо развитымъ бюстомъ. Ея смуглое, цыганскаго типа, лицо, энергичное и властное, съ неподдѣльнымъ румянцемъ

на подернутыхъ пушкомъ щекахъ, съ расширенными ноздрями крупнаго восточнаго носа надъ строго сжатыми, пышными губами съ едва замѣтными усиками, съ нѣжнымъ подбородкомъ, на которомъ чернѣла родинка,—еще сохраняло слѣды красоты и дышало жизненностью и здоровьемъ. Большіе черные глаза, осѣненные густыми длинными рѣсницами, были полны жизни, красивы и строги. Несмотря однако на эту строгость взгляда, и въ этихъ глубоко-сидящихъ глазахъ съ темными кругами и маленькими «вѣерками» у висковъ, и въ лицѣ, и въ нервной, порывистой походкѣ, и во всей этой маленькой сухощавой фигуркѣ чувствовался страстный и впечатлительный темпераментъ южанки.

Черные, какъ смоль, роскошные волосы съ узенькой серебристой прядкой, красиво бѣлѣвшей на черномъ фонѣ, были гладко зачесаны назадъ и собраны въ видѣ коронки на темени. Видно было, что Варвара Александровна дорожила внѣшностью и одѣвалась съ кокетливой изысканностью женщины, желающей нравиться. Домашнее черное кашемировое платье съ вырѣзомъ у шеи, закрытымъ пластрономъ, затканнымъ серебрянымъ шитьемъ, отлично сидѣло на ея статной фигуркѣ и шло къ ней.

Варвара Александровна отерла платкомъ слезы, распространивъ по комнатѣ тонкій ароматъ ириса, и меланхолическимъ взоромъ обвела свою спальню,—уютную комнату съ пылающимъ огнемъ камина, убранную со вкусомъ и тонкимъ умѣньемъ опытной женщины, понимающей значеніе хорошо свитаго гнѣздышка,—съ мягкой мебелью, располагающей понѣжиться на отдыхѣ, красивыми вещицами на письменномъ столикѣ и этажеркахъ, съ цвѣтами, ковромъ во всю комнату, краснымъ фонарикомъ и атласной, расписанной цвѣтами, ширмой, за которой стояла кровать подъ бѣлоснѣжнымъ кружевнымъ парижскимъ покровомъ.

Эта, прежде столь любимая, комната возбуждала теперь въ Варварѣ Александровнѣ однѣ лишь горькія воспоминанія оскорбленной женщины и безвинной страдалицы.

Еще бы! Сколько было здѣсь сценъ! Сколько въ ней пролито слезъ за послѣдній годъ! Сколько она тутъ выстрадала! Сколько провела безсонныхъ долгихъ ночей съ печальными думами въ скорбномъ одиночествѣ въ то время, какъ «этотъ человѣкъ», возвратившись на зарѣ и прокравшись чуть слышными шагами, безмятежно храпѣлъ у себя въ кабинетѣ!

Жесткое, злое выраженіе внезапно искривило лицо маленькой женщины и сверкнуло острымъ блескомъ въ глазахъ. Ей почему-то вдругъ живо припомнилось нѣсколько затрудненное объясненіе «этого человѣка», когда онъ, годъ тому назадъ, совершенно неожиданно перебрался въ кабинетъ. И какимъ заискивающимъ, подлымъ тономъ говорилъ онъ тогда!

«Ему, видите ли, удобнѣе спать въ кабинетѣ. Онъ иногда поздно возвращается и не хочетъ безпокоить Вавочку. И наконецъ онъ не выноситъ свѣта лампады!»

А прежде выносилъ!?

— О, подлый, лживый человѣкъ! Къ чему онъ лгалъ? Ему просто хотѣлось скрывать свои позднія возвращенія... Онъ и тогда ужъ не любилъ меня!—прошептала Варвара Александровна, полная злобнаго презрѣнія къ этому лживому человѣку.

Она безъ всякаго сожалѣнія броситъ его и сегодня же, когда онъ вернется со службы, объявитъ ему о своемъ безповоротномъ рѣшеніи. Небойсь, его передернетъ отъ такого сюрприза—онъ все же любитъ дѣтей—и, вдобавокъ, скандалъ... Жили двѣнадцать лѣтъ, и его бросаетъ жена, безупречная, честная жена...

— Какъ-то отмолчится онъ на этотъ разъ. Заговоритъ-таки наконецъ, за-го-во-ритъ!—протянула вслухъ Варвара Александровна съ ядовитымъ сарказмомъ въ тонѣ.

И, разумѣется, не отказала себѣ затѣмъ въ маленькомъ, невинномъ удовольствіи: вообразить «передернутую» изумленіемъ физіономію «этого человѣка», когда она ему «холодно, тихо и спокойно» сообщитъ о своемъ непоколебимомъ рѣшеніи. «Пусть хоть совсѣмъ скосится на сторону это «рыбье лицо»,—подумала эта маленькая рѣшительная женщина, продолжая порывисто ходить по спальнѣ, вся поглощенная злыми мыслями о тяжкихъ винахъ мужа и объ его полнѣйшей безнадежности сдѣлаться когда-нибудь въ ея глазахъ мало-мальски порядочнымъ человѣкомъ.

Вообще далеко не злая, скорѣй даже добрая женщина, всегда умѣвшая довольно терпимо относиться къ людямъ (исключая, впрочемъ, невѣрныхъ мужей) и прощать имъ многое, Варвара Александровна, какъ и большая часть женъ, считавшихъ себя безвинно оскорбленными,—перебирая въ памяти разныя «подлости» послѣдняго времени того самаго мужа, котораго она еще не особенно давно считала лучшимъ человѣкомъ въ подлунной,—была теперь

къ нему безпощаднѣе самаго злѣйшаго врага и мысленно устраивала будущее «этого человѣка» полнымъ такихъ «египетскихъ казней», что при однѣхъ мечтахъ о нихъ лицо Варвары Александровны принимало злобно-торжествующее выраженіе.

Пусть поживетъ одинъ, если не умѣлъ цѣнить счастія семейнаго очага и любви порядочной женщины! Пусть поживетъ! Въ квартирѣ у него, конечно, будетъ грязь, пыль и безпорядокъ, кабинетъ никогда не прибранъ, утромъ чаю ему во-время не дадутъ и нальютъ не такой, къ какому онъ привыкъ... Никто не починитъ ему бѣлья («ходите въ рваномъ, презрѣнный человѣкъ!»), никто не пришьетъ пуговицъ... Кухарка будетъ немилосердно обкрадывать... или шляйся обѣдать по трактирамъ... Почувствуетъ онъ потомъ, что значитъ жить безъ семьи, безъ преданной женщины... Будетъ проводить за картами ночи, кутить, развратничать и совсѣмъ опустится... Пусть! Пусть подъ старость кается, что разрушилъ семью, оттолкнулъ вѣрную жену... Не маленькій... Сорокъ два года!.. Пусть во время болѣзни лежитъ одинъ безъ призора... Нѣтъ жалости къ этому безжалостному человѣку!

Но эта, созданная Варварой Александровной, пріятная картина будущихъ злосчастій «этого человѣка» безъ пришитыхъ пуговицъ, въ рваномъ бѣльѣ, кутящаго развратника («деньги на содержаніе дѣтей будутъ, конечно, удерживаться казначеемъ изъ его жалованья»), возвращающагося поздней ночью въ грязную, неприбранную комнату,— омрачилась внезапно появившейся мыслью, что какая-нибудь другая женщина можетъ, вслѣдъ за переѣздомъ Варвары Александровны, поселиться съ «этимъ человѣкомъ» и не только чинить ему бѣлье, пришивать пуговицы, убирать столъ въ кабинетѣ и наливать по вкусу чай,—но вотъ въ этой же самой комнатѣ нѣжно и мирно бесѣдовать съ нимъ, и не думающимъ удирать изъ дому... Кто именно могла быть такой «дурой», Варвара Александровна съ достовѣрностью рѣшить не могла («этотъ подлецъ ловко скрываетъ отъ нея свои интриги»), и подозрѣніе ея перебѣгало съ одной «дуры» на другую изъ нѣкоторыхъ знакомыхъ дамъ, задѣло было одну смазливую дѣвушку, говорившую, что она безъ предразсудковъ, и кокетничавшую довольно «нагло» съ «этимъ человѣкомъ», и въ слѣпой ярости метнулось даже на свою кузину, молодую «толстушку», съ которой «этотъ человѣкъ» въ послѣднее время обращался слишкомъ по-

родственному и всегда при встрѣчахъ какъ-то долго цѣловалъ ея «скверныя», «жирныя» руки, находя ихъ красивыми,—и ни на комъ не остановилось окончательно... Но такая «дура» могла найтись и вѣрно ужъ есть... Анна Петровна, напримѣръ... Мало ли безсовѣстныхъ женщинъ, разстраивающихъ семейное согласіе?.. И «этотъ человѣкъ» можетъ быть счастливъ, устроивши себѣ новую пріятную жизнь, въ то время, какъ она будетъ жить въ трехъ маленькихъ комнатахъ, въ заботахъ о дѣтяхъ, одинокой, несчастной вдовой при живомъ мужѣ...

Эта мысль о другой женщинѣ, мгновенно развитая причудливой фантазіей Варвары Александровны въ цѣлую картину благополучной, счастливой жизни виноватаго, негоднаго мужа, заставила маленькую женщину вздрогнуть, какъ ужаленную, отъ прилива злобнаго чувства и острой тяжкой обиды.

Господи! Могла ли она когда-нибудь подумать, что ей придется переживать такія страданія, и что ее осмѣлится такъ безжалостно оскорблять тотъ самый человѣкъ, который прежде—и давно ли?—былъ ея покорнымъ, безотвѣтнымъ рабомъ.

III.

Въ самомъ дѣлѣ, быть оскорбленной человѣкомъ, котораго женщина считала своимъ вѣчнымъ подданнымъ, это еще обиднѣе! А прежде, когда Борисъ Николаевичъ еще не состоялъ въ званіи «этого человѣка», онъ, дѣйствительно, находился въ полномъ подчиненіи у властной, деспотической Варвары Александровны, безропотно исполнялъ ея желанія, не смѣлъ, бывало, и пикнуть передъ ней, боясь получить хорошую порцію упрековъ; однимъ словомъ, былъ порядочнымъ мужемъ, мягкимъ и уступчивымъ, никогда, казалось, и не дерзавшимъ даже подумать поднять знамя бунта.

Варвара Александровна была полновластная глава въ домѣ. Она рѣшала не только за себя, но и за мужа. Нерѣдко даже и говорила за него, когда онъ, казалось ей, нѣсколько мямлилъ. Она обожала Бориса Николаевича со всей силой страстной и ревнивой натуры, заботилась о немъ съ усердіемъ няньки и слѣдила за нимъ съ зоркостью опытнаго шпіона. И за свою любовь, безграничностью которой она сама гордилась, точно подвигомъ, и о которой часто напоминала мужу, чтобъ онъ ее чувствовалъ и цѣ-

нилъ,—она, разумѣется, требовала, чтобы онъ находился, такъ сказать, въ постоянномъ и безраздѣльномъ ея пользованіи во все время, свободное отъ службы, и чтобы давалъ отчетъ о тѣхъ рѣдкихъ часахъ, въ которые онъ пользовался относительной свободой. Опозданіе со службы къ обѣду вызывало подробныя объясненія. Еще бы! Вѣдь она такъ безпокоилась за своего Бориса, она такъ его любитъ, что всякая неизвѣстность о немъ серьезно разстраиваетъ ее. Нечего и говорить, что въ гости ли, въ театръ ли они ходили вмѣстѣ, а когда оставались дома, то просиживали вдвоемъ вечера въ ея комнатѣ. Онъ читалъ какую-нибудь книгу, а она слушала, пришивая къ его ночнымъ сорочкамъ пуговицы или штопая его носки. Отпуская его иногда сыграть въ карты, Варвара Александровна просила его не засиживаться—вредно!—и за ужиномъ не пить много вина—еще вреднѣе!—и дожидалась его возвращенія, встрѣчая его ласковой улыбкой и нѣжнымъ взглядомъ своихъ большихъ, черныхъ, блестящихъ глазъ. Разспрашивая о подробностяхъ проведеннаго вечера, она интересовалась: были ли дамы, и какія, и говорила, что проскучала безъ мужа вечеръ: вѣдь она—онъ это знаетъ—такъ его любитъ!

И Борисъ Николаевичъ, человѣкъ очень мягкій, не отличавшійся большимъ характеромъ, несъ это иго чрезмѣрной любви съ трогательной покорностью, и хотя его подчасъ тянуло изъ дому сыграть въ картишки, или поужинать и поболтать въ трактирѣ съ пріятелемъ, но онъ сдерживалъ свои желанія, чтобъ не огорчить жену, подавленный, такъ сказать, ея добродѣтелями и переполненный благодарностью за ея безпредѣльную любовь. Да и трусилъ, признаться, сценъ... очень трусилъ, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли болѣе или менѣе трагическій характеръ и кончались истериками, послѣ которыхъ Борисъ Николаевичъ чувствовалъ себя безконечно виноватымъ. Она вся живетъ для него, боготворитъ его, а онъ, свинья, вдругъ закатился до трехъ часовъ ночи!! Правда, въ головѣ Бориса Николаевича иногда шевелилась мысль, что, пожалуй, было бы лучше, если-бъ жена любила его чуть-чуть поменьше, безъ той порывистой страстности, которая граничитъ съ тираніей, и безъ того особеннаго нѣжнаго и заботливаго вниманія къ его здоровью, которое лишало его возможности безпечно просидѣть за ужиномъ, потягивать винцо и вести оживленную бесѣду, не поглядывая безпокойно на часы

и не думая, что изъ-за тебя не спитъ любимая женщина и въ страхѣ, что тебя переѣхала карета, напали недобрые люди или, еще того хуже, заинтересовала какая-нибудь блондинка или брюнетка,—не отходитъ отъ окна, прислушиваясь: не ѣдетъ ли извозчикъ съ запоздавшимъ мужемъ. Но, разумѣется, Борисъ Николаевичъ не осмѣливался при женѣ проповѣдывать такую возмутительную ересь и возлагалъ надежды на время, которое сдѣлаетъ привязанность жены болѣе спокойной. А пока—надо покориться. Вѣдь Вавочка его такъ любитъ, такъ заботится о немъ,—утѣшалъ себя Борисъ Николаевичъ, вдобавокъ и польщенный, что его особа возбуждаетъ къ себѣ такую необузданную привязанность, да еще такой хорошенькой маленькой женщины, какъ его Вавочка, обладающая какимъ-то особеннымъ искусствомъ поддерживать въ немъ влюбленныя чувства.

И этотъ-то мягкій и пугливый человѣкъ, казалось, вполнѣ помирившійся съ положеніемъ «законнаго плѣнника» и съ трогательной покорностью переносившій, ради рѣдкой любви жены, нѣкоторое стѣсненіе свободы,—вдругъ, послѣ долгаго плѣненія, поднялъ знамя бунта, задумавъ сбросить иго своей повелительницы.

IV.

Революція, какъ водится, началась съ робкихъ демонстрацій.

Оставаясь по вечерамъ наединѣ съ Варварой Александровной, Борисъ Николаевичъ сталъ чаще позѣвывать, испытывая удрученное состояніе духа, и нерѣдко, какъ трусливый человѣкъ, замышляющій ковы, не безъ внутренняго страха бросалъ украдкой взоры на Вавочку, при чемъ, совершенно неожиданно для себя, находилъ, что лицо Вавочки хоть и красиво еще, но потеряло прежнюю свѣжесть, и подмѣчалъ «вѣерки» на вискахъ и то, что подъ глазами какъ будто подведено. И усики на пышныхъ губахъ, которые прежде такъ нравились, теперь казались ему слишкомъ замѣтными у женщины. Борисъ Николаевичъ нерѣдко громко вздыхалъ и читалъ вслухъ книгу безъ прежняго увлеченія и довольно разсѣянно.

«Удрать бы куда-нибудь. То-то бы хорошо!»—частенько забѣгала въ голову Бориса Николаевича соблазнительная мысль на самой интересной сценѣ романа, и онъ мысленно представлялъ себѣ «мѣсто», гдѣ можно бы пріятно про-

вести время,—поболтать съ какой-нибудь менѣе серьезной, чѣмъ Вавочка, хорошенькой женщиной... Просто такъ, поболтать и посмѣяться, не считая всякаго лыка въ строку, а потомъ кутнуть слегка съ добрымъ пріятелемъ... Какъ ни хорошо и уютно, казалось, было въ гнѣздышкѣ Варвары Александровны, гдѣ обыкновенно происходили вечернія чтенія, отъ десяти до двѣнадцати, когда спали дѣти, и какъ ни мила и любяща была сама Вавочка, склонившая головку надъ починкой какой-нибудь принадлежности дѣтскаго или его туалета—«она вѣдь вся живетъ для него и дѣтей!»—тѣмъ не менѣе неблагодарнаго Бориса Николаевича все сильнѣе и сильнѣе тянуло задать тягу изъ этого уютнаго храма безграничной любви и заботъ о немъ, и отъ этой самой образцовой жены, милой, любящей Вавочки, не отпускающей его отъ себя.

Но вотъ вопросъ: какъ улепетнуть, чтобъ не раздражить и не огорчить Вавочку?.. Она приметъ это за недостатокъ любви... и тогда—взбучка!

Борисъ Николаевичъ озабоченно ломалъ голову, пока не напалъ на счастливую мысль: надо ее пріучить къ этому. Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, огорчаться и дѣлать человѣку сцены? Другія же жены (въ головѣ Бориса Николаевича мелькалъ рядъ другихъ женъ) сидятъ однѣ дома или преспокойно себѣ ѣздятъ однѣ въ гости или въ театръ, а мужья ихъ такъ же спокойно уходятъ, куда имъ заблагоразсудится. И ничего себѣ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вариться вѣчно въ собственномъ соку!—не безъ тайнаго раздраженія разсуждалъ Борисъ Николаевичъ, весь полный зависти къ болѣе свободнымъ и менѣе любимымъ мужьямъ. И Борисъ Николаевичъ мечталъ завоевать тихо, постепенно, не раздражая Вавочки, помощью доводовъ, словомъ—легальнымъ путемъ, и себѣ это маленькое право въ супружеской конституціи: право по временамъ уходить изъ дому и посѣщать своихъ знакомыхъ и пріятелей, а не одни только излюбленные женой дома, гдѣ жены—унеси ты мое горе! и вѣчно толкуютъ о своихъ добродѣтеляхъ. Еще бы! Удивительно еще, что мужья не сбѣжали отъ этихъ добродѣтельныхъ уродовъ... А Вавочка именно только съ такими дамами и дружитъ!

Такія революціонныя идеи все чаще и чаще стали заходить въ голову доселѣ покорнаго мужа, и онъ сперва разъ, потомъ два раза въ недѣлю, а затѣмъ и чаще сталъ исчезать изъ дому. На первыхъ порахъ, пока Криницынъ

не перешелъ къ открытому возмущенію и еще трусилъ своей автократической повелительницы,—онъ, передъ уходомъ изъ дому, давалъ подробныя объясненія и, надо сказать правду, довольно-таки позорно вилялъ хвостомъ. То его непремѣнно звали повинтить. «Ужъ ты не сердись, что я уйду, Вавочка. Я давно не игралъ. Я, милая, скоро вернусь» (Чмокъ, чмокъ!). То сослуживецъ именинникъ! «И не особенно хочется, а надо, родная, идти. Обидится!» (Чмокъ, чмокъ!). То пріятель въ какомъ-то обществѣ докладъ читаетъ. Обѣщалъ прослушать, а потомъ къ нему чай пить... «Я буду недолго!» (Чмокъ, чмокъ!). Однимъ словомъ, надобности стали являться сами собой, словно изъ рога изобилія, и тонъ этихъ объясненій былъ убѣдительно-заискивающій и необыкновенно краснорѣчивый—откуда только слова брались, точно у хорошаго адвоката! И когда, въ отвѣтъ на эти ораторскіе пріемы, Варвара Александровна съ прискорбнымъ изумленіемъ смотрѣла на мужа, какъ бы пораженная, что онъ оставляетъ ее одну, Борисъ Николаевичъ старался не глядѣть на Вавочку, чтобы позорно не спасовать въ рѣшительную минуту, и, благодарно облобызавъ хорошенькую ручку, торопливо хватался за шапку и улепетывалъ изъ дома. Очутившись на улицѣ, онъ чувствовалъ необыкновенный приливъ веселости и внезапный подъемъ духа, словно бѣжавшій узникъ, обезпеченный отъ опасности погони, и, вѣроятно, отъ радости, давалъ извозчику хорошую цѣну. Случалось однако, что попытки уйти не увѣнчивались успѣхомъ. Варвара Александровна вдругъ объявляла, что больна, и надѣялась, что Борисъ не оставитъ ее больную одну. Борисъ Николаевичъ покорялся, но въ душѣ ропталъ, не замѣчая никакихъ признаковъ болѣзни Вавочки, кромѣ развѣ того, что она снимала корсетъ, одѣвала капотъ и объявляла, что у нея и голова болитъ, и вотъ тутъ и тутъ. Борисъ Николаевичъ, разумѣется, предлагалъ ѣхать немедленно за докторомъ, чтобы хоть прокатиться съ полчасика, но доктора, конечно, не требовалось... «Такъ пройдетъ!» И дѣйствительно, въ скоромъ времени проходило. Но Борису Николаевичу уходить ужъ было поздно въ одиннадцать часовъ, и онъ выражалъ затаенное неудовольствіе тѣмъ, что помалчивалъ, сидя около Вавочки, довольно сдержанно отвѣчалъ на нѣжныя слова Вавочки, благодарившей за «жертву», которую онъ принесъ для нея, оставшись дома, и закатывался спать, не дожидаясь отхода ко сну Варвары

Александровны и не болтая съ ней, какъ они обыкновенно дѣлали, передъ тѣмъ, что заснуть. На слѣдующій день Борисъ Николаевичъ уже придумывалъ новый предлогъ, чтобы вечеромъ освободиться отъ обязательнаго чтенія или отъ поѣздки вдвоемъ въ гости, тѣмъ болѣе, что, какъ и бо̀льшая, впрочемъ, часть господъ мужей, чувствовалъ себя въ обществѣ, въ присутствіи жены, совсѣмъ не такъ, какъ безъ нея. При ней онъ былъ какъ-то солиденъ и молчаливъ, а безъ нея—откуда только прыть бралась! Онъ оживлялся, болталъ, спорилъ, бывалъ остроуменъ и любезенъ и не стѣснялся высказывать иногда довольно щекотливыя мнѣнія о цѣпяхъ любви; но при этомъ, разумѣется, какъ вполнѣ приличный мужъ, говорилъ вообще, «теоретически»... Что же касается лично до него, то онъ безгранично счастливъ.

И, случалось, въ приливѣ откровенности, послѣ нѣсколькихъ стакановъ вина, шепталъ на ухо пріятелю:

— Вавочка, знаете ли, такая рѣдкая женщина... Такая рѣдкая...

На первыхъ порахъ возвращенія Бориса Николаевича домой были болѣе или менѣе аккуратны, и Варвара Александровна не имѣла повода безпокоиться, что мужа переѣхала карета. Однако учащенныя отлучки изъ дома не нравились ей, вселяя въ ея ревнивое сердце смутныя подозрѣнія и оскорбляя ея властолюбивую душу. «Сидѣлъ покорно дома, никуда его не тянуло, и вдругъ зачастилъ...» И она время отъ времени задавала мужу такъ-называемые «бенефисы», въ которыхъ упрекала, что она вѣчно одна, и что, слѣдовательно, мужъ ее не любитъ. Борисъ Николаевичъ, конечно, клялся, что любитъ попрежнему, въ доказательство нѣжно цѣловалъ ея руки и почтительно старался убѣдить Вавочку, что, во-первыхъ, она не вѣчно одна, а много-много два или три раза въ недѣлю, и что нельзя же ему не поддерживать знакомства съ товарищами и сослуживцами... И такъ какъ «бенефисы» эти были, относительно говоря, изъ легкихъ, то Борисъ Николаевичъ покорно ихъ выслушивалъ, считая ихъ терпимымъ наказаніемъ за пріятно проведенные вечера, и безъ особаго труда получалъ въ концѣ концовъ прощеніе.

Но вскорѣ Борисъ Николаевичъ совершилъ тягчайшее преступленіе.

Уйдя изъ дому, несмотря на жестокую мигрень Варвары Александровны, и обѣщая вернуться никакъ не позже

двѣнадцати часовъ, онъ возвратился въ пятомъ часу утра, и въ какомъ видѣ!..

Пошатываясь, съ раскраснѣвшимся лицомъ, на которомъ бродила добродушно-блаженная улыбка подвыпившаго человѣка, съ осоловѣлыми глазами, вошелъ онъ въ спальню и увидалъ передъ собой дожидавшуюся его жену, изумленную, строгую и взволнованную.

— Борисъ!—прошептала только она голосомъ, полнымъ скорбнаго упрека, при видѣ своего столь тяжко провинившагося подданнаго.

Но Борисъ Николаевичъ какъ будто не почувствовалъ всей трагичности тона жены и добродушно, слегка заплетая языкомъ, спросилъ:

— А ты не спишь, Вавочка?..

— Ты, кажется, видишь!.. Я всю ночь не спала изъ-за тебя,—проговорила она мрачнымъ голосомъ и строго прибавила:—гдѣ ты былъ?

Видимо склонный къ откровенной болтливости и стараясь твердо держаться на ногахъ, Борисъ Николаевичъ неосторожно вдался въ подробности.

— Напрасно ты не спала, Вавочка... Напрасно, милая... Карета меня не переѣхала... Нѣтъ... Твой мужъ здоровъ и невредимъ... Я былъ у Василія Григорьича... Много народу... Играли въ карты... Ужинали... Прости, Вавочка, засидѣлся... А потомъ... потомъ.

— Что потомъ?—спросила упавшимъ голосомъ Варвара Александровна.

— Не пугайся, Вавочка... Потомъ мы поѣхали на тройкахъ... Прелестно... Славная дорога... Въ Самаркандъ... А я сидѣлъ въ саняхъ съ Анной Петровной... Премилая это женщина и хорошенькая, Вавочка... Она къ тебѣ очень расположена... велѣла кланяться... Все смѣялась, что ты меня никуда не пускаешь, и что я къ тебѣ пришитъ... Говорила, что я не посмѣю поѣхать на тройкѣ... А я взялъ и поѣхалъ. Что тутъ дурного?.. Ты вѣдь не сердишься?.. Ты вѣдь прелестная женщина, Вавочка...

Варвара Александровна слушала, пораженная непритворнымъ ужасомъ и внезапно охваченная жгучимъ подозрѣніемъ. Она не прочь была тутъ же, сейчасъ же сдѣлать трагическую «сцену» и показать виновному всю силу своего негодованія, раскрыть всѣ муки оскорбленной, обиженной женщины, мужъ которой ѣздитъ на тройкахъ въ то время, когда жена больна, и ухаживаетъ «Богъ знаетъ

за кѣмъ»; но, взглянувъ на добродушно-веселое лицо Бориса Николаевича, неспособнаго, казалось, въ эту минуту восчувствовать весь ужасъ своего поступка, она лишь рѣзко и повелительно сказала:

— Ложитесь спать!

Варвара Александровна еще долго плакала, оскорбленная, возмущенная, негодующая (особенно противъ этой «подлой, вертлявой» Анны Петровны, завлекающей чужихъ мужей), лежа рядомъ съ безсовѣстно храпѣвшимъ преступникомъ, словно онъ и не совершилъ тяжкаго преступленія, нарушивъ слово и нагло обманывая жену, и наконецъ, обезсиленная отъ злобы и мукъ ревнивыхъ подозрѣній, забылась въ короткомъ тяжеломъ снѣ, принявъ знаменательное рѣшеніе: «серьезно поговорить съ мужемъ», чтобы впредь онъ не осмѣливался оскорблять ея верховныхъ правъ.

По счастью, Борисъ Николаевичъ не могъ провидѣть во снѣ всего значенія этого предстоявшаго «серьезнаго разговора», иначе едва ли его сонъ былъ бы столь безмятеженъ и храпъ такъ нагло безсовѣстенъ, какъ въ это январское утро. Впрочемъ, вѣдь извѣстно, что нѣкоторые преступники спятъ спокойно и передъ казнью.

Позднее пробужденіе Бориса Николаевича было не изъ пріятныхъ. Голова была тяжела, а состояніе духа отвратительное. Воспоминаніе о позднемъ возвращеніи, о неумѣстной болтливой откровенности съ Вавочкой охватило позорной трусостью его робкую душу, удручая ее сознаніемъ дѣйствительной виновности и ожиданіемъ непремѣннаго возмездія.

«Въ пятомъ часу... Тройки... Самаркандъ... Анна Петровна... Мигрень... Вавочка...»—тревожно думалъ онъ, высовывая изъ-подъ одѣяла заспанное лицо и осторожно поворачивая голову... Постель Вавочки пуста... Въ спальнѣ зловѣщая тишина. «Вавочка, вѣрно, одѣлась и пьетъ въ столовой кофе, глубоко огорченная...» И смущенный Борисъ Николаевичъ торопливо поднялся съ постели и сталъ одѣваться, питая робкую надежду удрать поскорѣй безъ объясненій на службу и выпить гдѣ-нибудь по дорогѣ стаканъ чаю... Быстро одѣвшись, онъ вышелъ изъ-за ширмы, изъ-за этой красивой, атласной ширмы, скрывающей обѣ кровати, и совершенно неожиданно увидалъ Вавочку.

Она сидѣла въ мягкомъ креслѣ блѣдная, съ устремленными передъ собой глазами, грозно-спокойная и торже-

ственно-мрачная, точно подавленная тяжестью несчастія, съ крѣпко сжатыми губами и гнѣвно раздувающимися ноздрями своего крупнаго съ горбиной носа, и, казалось, не замѣчала мужа.

Видъ Вавочки не предвѣщалъ ничего пріятнаго, и окончательно струсившій Борисъ Николаевичъ думалъ-было проскользнуть въ двери, а затѣмъ за шапку и съ Богомъ на службу—пусть ужъ объясненіе будетъ потомъ, послѣ обѣда... Но топографія мѣстности не дозволяла исполнить этотъ планъ. Онъ не могъ не замѣтить Вавочки. Поэтому Борисъ Николаевичъ, въ отвагѣ отчаянія, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ креслу и, подбадривая себя, проговорилъ умышленно развязнымъ тономъ, будто человѣкъ, не совершившій ничего преступнаго:

— Здравствуй, Вавочка... Ты, бѣдная, изъ-за меня не спала?

И съ этими словами, развязность тона которыхъ не исключала однако нѣкоторой заискивающей трусливости, Борисъ Николаевичъ, приблизившись къ креслу, хотѣлъ-было поднести руку Вавочки къ своимъ губамъ, какъ вдругъ движеніемъ, полнымъ отвращенія, точно Борисъ Николаевичъ былъ весь въ проказѣ и прикосновеніе къ нему грозило гибелью, Варвара Александровна отдернула вздрагивающую руку и глухимъ трагическимъ голосомъ своего низкаго контральто произнесла:

— Не прикасайтесь ко мнѣ!

Борисъ Николаевичъ опѣшилъ. Такого начала «бенефисовъ» еще не бывало въ его супружеской практикѣ, и «вы» еще ни разу не употреблялось.

И, почтительно отступивъ, онъ могъ только робко и нѣжно произнести:

— Но, Вавочка... другъ мой... выслушай.

— И вы еще смѣете говорить!?—вскрикнула Варвара Александровна, вскакивая съ кресла, словно въ немъ вдругъ оказалась игла, и до глубины души возмущенная недостаточно виноватымъ видомъ Бориса Николаевича, который между тѣмъ такъ виноватъ.

— Вы смѣете еще говорить!?—повторила она, вся закипая гнѣвомъ и окидывая уничтожающимъ взглядомъ своихъ сверкнувшихъ глазъ человѣка, который былъ пьянъ, ѣздилъ на тройкѣ, ухаживалъ за Анной Петровной и вернулся въ пятомъ часу утра, въ то время, какъ жена сидѣла дома одна... больная.

Слова эти были вступленіемъ къ тому, что̀ Варвара Александровна называла: «серьезно поговорить», а вслѣдъ за тѣмъ начался и самый разговоръ, вѣрнѣе монологъ, такъ какъ говорила только Варвара Александровна, а оробѣвшій Борисъ Николаевичъ лишь тщетно пытался вставить слово оправданія, — монологъ, перешедшій въ одну изъ тѣхъ бурныхъ, неистовыхъ сценъ, которыя столь любятъ подозрительныя, страстныя и нервныя женщины, думающія только о своей любви, о своихъ страданіяхъ, оскорбленіяхъ и правахъ, и забывающія въ своемъ наивномъ эгоизмѣ о какихъ бы то ни было правахъ человѣка, который имѣетъ завидную долю быть ими безгранично и горячо любимымъ.

Это было цѣлое драматическое представленіе впечатлительной, экспансивной и страстной женщины, легко принимающей фантазію за дѣйствительность, подозрѣніе за фактъ, частью искреннее, частью нѣсколько театрально приподнятое, съ криками, слезами, угрозами, съ жестами отчаянія и непритворнымъ страданіемъ,—съ эффектами и рѣзкими переходами отъ трагическаго шопота глубоко-несчастной женщины къ властному крику оскорбленной повелительницы возмутившагося подданнаго,—отъ ѣдкихъ оскорбительныхъ сарказмовъ и грубыхъ ругательствъ мучительной ревности къ мольбѣ о пощадѣ и увѣреніямъ въ своей любви и своихъ добродѣтеляхъ,—отъ заклинаній сказать все, все, всю правду и обѣщаній просить, если онъ разлюбилъ Ваву, къ жестокимъ упрекамъ въ подломъ поведеніи, въ обманѣ и въ черной неблагодарности,—отъ злобныхъ насмѣшекъ надъ «подлой тварью», на которую мужъ могъ промѣнять честную женщину, къ угрозамъ покончить съ собой, если онъ ей измѣнитъ...

И затѣмъ—истерика и заключительный обморокъ.

Борисъ Николаевичъ, хорошо знакомый съ драматической жилкой характера своей Вавочки, былъ тѣмъ не менѣе сильно угнетенъ и въ первую минуту считалъ себя безконечно виноватымъ, готовый каяться, что поѣхалъ на тройкѣ, да еще съ Анной Петровной. Удрученный и растерянный, онъ перенесъ Вавочку на кровать, давалъ ей нюхать соли, нашатырный спиртъ, осыпалъ ее поцѣлуями. Но такъ какъ обморокъ не проходилъ, и Вавочка лежала безъ движенія, то Борисъ Николаевичъ, не вполнѣ знакомый съ продолжительностью и характеромъ женскихъ обмороковъ, выбѣжалъ изъ спальни и, взволнованный и

испуганный, хотѣлъ-было посылать за докторомъ. Но старуха-няня, Авдотья Филипповна, державшая втайнѣ всегда сторону Бориса Николаевича и находившая, что онъ совсѣмъ не по-мужски позволяетъ помыкать собой вмѣсто того, чтобы держать жену въ повиновеніи, — остановила его отъ напрасной траты денегъ на доктора и увѣренно объявила, что «все это» у барыни скоро пройдетъ отъ компрессовъ. Она приложитъ ихъ сейчасъ.

— У барыни часто бываетъ эта самая «мегрень»,—дипломатически и не безъ ироніи назвала няня болѣзнь Варвары Александровны:—и, ничего себѣ, скоро проходитъ... Варвара Александровна, слава Богу, дама здоровая... Не выспались,—вотъ и мигрень. А вы напрасно не волнуйтесь, Борисъ Николаичъ... Не изъ чего... И не ухаживайте сами за барыней, лучше будетъ. Наша сестра отъ потачки только больше дурѣетъ...—конфиденціально прибавила Авдотья Филипповна.—Эка важность, что поздно вернулись... Вы посидите-ка въ кабинетѣ, пока я побуду у барыни, а Таня займетъ дѣтей,—подбадривала няня Бориса Николаевича и взглянула на него съ сочувствіемъ и въ то же время съ сожалѣніемъ, что онъ такая «тряпка».

День прошелъ въ томительномъ безпокойствѣ. Въ квартирѣ стояла тишина, точно въ ней былъ тяжело больной. Дѣти, слышавшія, какъ мама ругала папу, присмирѣли и боялись шумно играть. Мама больна. Мама спитъ. И всѣ ходили на цыпочкахъ.

А Борисъ Николаевичъ, нѣсколько оправившійся отъ сцены, терзался упреками, что былъ откровененъ, и далъ себѣ слово впредь о тройкахъ никогда не говорить и ни одного женскаго имени при женѣ не произносить иначе, какъ съ порицаніемъ. Онъ и жалѣлъ Вавочку,—она такъ близко принимаетъ все къ сердцу, бѣдная!—и въ то же время находилъ, что его вина не настолько же, въ самомъ дѣлѣ, серьезна, чтобы такъ разстраиваться и дѣлать такія ужасныя сцены. Вѣдь если подобныя сцены да въ частыхъ порціяхъ, то это проявленіе любви, пожалуй, въ родѣ каторги... Няня умная женщина и права: не слѣдуетъ потакать... «Эка важность, что я поздно вернулся и что ѣздилъ съ Анной Петровной... Ну... поцѣловалъ раза два руку... Только и всего!»

— Барыня васъ проситъ,—доложила вошедшая Таня, довольно уродливая, пожилая дѣвушка, любимица барыни.

Криницынъ съ подавленнымъ вздохомъ вышелъ изъ ка-

бинета, какъ человѣкъ, не знающій, что̀ его ждетъ: возобновленіе ли «бенефиса» (примѣры бывали) или помилованіе. Осторожно ступая, вошелъ онъ за ширмы и хотя только-что у себя въ кабинетѣ храбрился, считая свою вину не очень тяжкой,—здѣсь, передъ Вавочкой, благоразумно имѣлъ покорный видъ кающагося преступника.

Вавочка, хорошо выспавшаяся въ теченіе дня, умытая и надушенная, успѣвшая, при помощи маленькаго зеркала, основательно познакомиться съ наружнымъ видомъ своего посвѣжѣвшаго, послѣ сна, лица и съ эффектомъ распущенныхъ черныхъ волосъ, ниспадавшихъ по бѣлому фону капота,—лежала, полуосвѣщенная мягкимъ свѣтомъ фонарика, на убранной кровати, полузакрывъ глаза, съ томнымъ видомъ оправляющейся отъ тяжкаго недуга женщины.

Борисъ Николаевичъ осторожно взялъ ея руку, поднесъ къ своимъ губамъ и нѣжно и продолжительно поцѣловалъ, какъ бы испрашивая этимъ поцѣлуемъ помилованіе. Варвара Александровна, видимо, перестала считать мужа прокаженнымъ, потому что не только не отняла руки, но даже въ отвѣтъ слабо, какъ немощная женщина, пожала руку Бориса Николаевича, печально вздохнула и, словно вспомнивъ что-то тяжелое, заплакала... Слезы тихо струились изъ ея глазъ, но это были слезы покорной, несчастной женщины и умилили Бориса Николаевича.

— Вавочка... милая...—прошепталъ онъ дрогнувшимъ, взволнованнымъ голосомъ.

И онъ опустился на колѣни (коврикъ передъ постелью былъ мягкій и пушистый) и сталъ нѣжно гладить ея голову. И Вавочка закрыла глаза своими длинными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ сочились слезы.

Прошла минута трогательнаго молчанія съ обѣихъ сторонъ. Борисъ Николаевичъ пріободрился, чувствуя, что возобновленія бенефиса не предвидится, и что помилованіе близко, а слѣдовательно въ домѣ кончится такъ-называемое «военное положеніе», когда всѣ ходятъ мрачные, и дѣти снова могутъ шумно и весело играть безъ страха обезпокоить больную маму.

И въ виду этого Борисъ Николаевичъ съ особенной нѣжностью нѣсколько разъ поцѣловалъ благоухающую Вавочкину щеку и при этомъ нечаянно даже попробовалъ вкусъ слезы, но, впрочемъ, не нашелъ его особенно пріятнымъ.

Наконецъ Варвара Александровна открыла глаза, увлаженные слезами, и, утирая ихъ, тихимъ, совсѣмъ тихимъ и слабымъ голосомъ, точно слабость и горе не позволяли ей говорить громко,—спросила:

— Ты не обманываешь меня, Борисъ? Ты въ самомъ дѣлѣ меня любишь?

Этотъ вопросъ былъ обыкновенно первымъ вѣрнымъ признакомъ помилованія человѣка, которому задавались «бенефисы», и Борисъ Николаевичъ поспѣшилъ отвѣтить самымъ искреннимъ и горячимъ тономъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія:

— О, Вавочка...

И такъ какъ продолжать стоять на колѣняхъ, хотя бы и на мягкомъ коврикѣ, не совсѣмъ было удобно для сорокадвухлѣтняго человѣка, да, повидимому, и не представляло больше надобности, то Борисъ Николаевичъ пересѣлъ въ низенькое креслецо и пріятно потянулся.

— А та... Анна Петровна...—произнесла, какъ бы съ трудомъ выговаривая это имя, Варвара Александровна съ болѣзненно-презрительной гримасой и вперила испытующій долгій взглядъ на мужа.

Борисъ Николаевичъ только брезгливо пожалъ плечами, словно бы говоря, что Анна Петровна для него ровно ничего не значитъ.

— Что между вами было... Признайся, Борисъ... Вѣдь было? Ты съ ней часто встрѣчаешься... Она тебѣ нравится?

— Вавочка!.. Да мы съ ней всего-то разъ или два видѣлись... И за кого ты меня принимаешь?.. Кажется, у меня вкусъ есть... Анна Петровна!? Нравится!?

И Борисъ Николаевичъ даже разсмѣялся и сталъ горячо говорить, что Анна Петровна, пожалуй, и смазливая бабенка, но нисколько не интересная, и съ такой безпощадной критикой сталъ разбирать и ея носъ, и глаза, и шею, и глупость, что если-бъ Анна Петровна могла это слышать, то, вѣроятно, назвала бы Бориса Николаевича порядочнымъ лицемѣромъ и трусомъ, готовымъ изъ-за спасенія своей шкуры позорить ту самую хорошенькую блондинку, бойкую, остроумную и веселую, которой онъ еще вчера расточалъ комплименты.

Варвара Александровна опять испытующе посмотрѣла на мужа. Но онъ, помня еще хорошо утреннюю сцену и зная возможность перехода Вавочки изъ состоянія томной

грусти въ состояніе бѣшеной ярости, съ блистательнымъ безстыдствомъ выдержалъ испытаніе.

— И ты не цѣловалъ ея рукъ?.. Вѣдь она рада случаю. Признайся, цѣловалъ?..

«Нашла дурака!»—подумалъ Борисъ Николаевичъ.

И, чувствуя, что помилованіе его въ шляпѣ, онъ не безъ шутливости замѣтилъ:

— Благодарю покорно, Вавочка... Стану я цѣловать ея скверныя пухлыя руки! — прибавилъ онъ не безъ брезгливости.

— Поклянись!—торжественно произнесла Варвара Александровна, вообще имѣвшая слабость къ разнаго рода клятвамъ.

За этимъ дѣло не стало, и Борисъ Николаевичъ весьма охотно поклялся, предпочитая дать десять ложныхъ клятвъ, чѣмъ имѣть одну сцену, подобную утренней.

— Я бы удивилась, Борисъ, если-бъ тебѣ могла понравиться «такая» женщина,—нѣсколько оживленнѣе проговорила Вавочка.

— Еще бы не удивиться!

— Но какъ же она смѣла дразнить тебя... Говорить вздоръ, что я тебя никуда не отпускаю...

— Дура, потому и говоритъ!—коротко обрѣзалъ Борисъ Николаевичъ.

Варвара Александровна вытянула губы, давая этимъ знать, что онъ можетъ ихъ поцѣловать, и горячимъ поцѣлуемъ помиловала его. Однако продиктовала условія: избѣгать встрѣчъ съ этой «дурой», а то она въ самомъ дѣлѣ вообразитъ, что Борисъ за ней ухаживаетъ. И кромѣ того...

— Что̀, Вавочка?..

— Собирай у себя лучше партнеровъ... Разъ, два въ недѣлю, какъ хочешь...

Борису Николаевичу предложеніе это очень не понравилось. Однако на радостяхъ, по случаю помилованія, онъ обѣщалъ какъ-нибудь это устроить...

Въ эту минуту чего бы онъ ни обѣщалъ?

V.

Варварѣ Александровнѣ казалось, что мужъ теперь настолько проученъ, что не скоро обнаружитъ духъ неповиновенія. Но она ошиблась. Крутыя мѣры, которыми она думала удержать своего подданнаго, вмѣсто того, чтобы

сдѣлать ему благоразумныя уступки, только ускорили приближеніе открытаго бунта.

Прошло два-три дня, что Криницынъ, еще не вполнѣ оправившійся отъ погрома, покорно просиживалъ вечера дома и разъ даже проскучалъ у «симпатичныхъ» знакомыхъ Варвары Александровны, какъ ужъ онъ снова норовилъ удрать изъ дома, гдѣ чувствовалъ ту подавленность и неодолимую скуку, какую испытываетъ заключенный хотя бы съ самымъ обожающимъ его тюремщикомъ. Нечего и говорить, что Борисъ Николаевичъ изъ любви къ Вавочкѣ не всегда откровенно заявлялъ, куда онъ уходитъ, и чаще всего называлъ фамилію одного молодого сослуживца, гдѣ часто играли въ карты, хотя вмѣсто картъ преспокойно дулъ себѣ у Палкина красное вино съ какимъ-нибудь пріятелемъ и горячо говорилъ на тему о женской любви, развивая при этомъ самые парадоксальные взгляды насчетъ стѣснительности ея въ неумѣренной дозѣ. А не то уходилъ къ знакомымъ, гдѣ собиралось много народу въ дни журфиксовъ и гдѣ бывала и Анна Петровна. Давая отчетъ о своемъ времяпрепровожденіи, Борисъ Николаевичъ, изъ боязни огорчить Вавочку и получить «бенефисъ», малодушно вралъ самымъ отчаяннымъ образомъ и о всякой встрѣчѣ съ особами женскаго пола, о всякомъ, самомъ невинномъ, разговорѣ съ ними, не говоря, разумѣется, о любезныхъ разговорахъ менѣе невиннаго свойства,—даже и не заикался, точно домà, гдѣ онъ бывалъ, были мужскіе монастыри, и въ нихъ никогда не встрѣчалось ни одной женщины, а если встрѣчались, то все больше однѣ старухи.

Эта ложь, конечно, обнаруживалась. Жена случайно черезъ своихъ «симпатичныхъ» пріятельницъ узнавала, что вмѣсто холостяка Васильева ея благовѣрный былъ у Иванова на журфиксѣ и очень оживленно болталъ съ Анной Петровной (это съ «дурой»-то!), или что Бориса Николаевича видѣли въ гостиномъ дворѣ, куда онъ вызвался ѣхать за покупками, чтобы не простудилась Вавочка, разговаривающимъ съ какой-то очень миленькой барышней, или наконецъ (о ужасъ!) Бориса Николаевича видѣли, безъ сомнѣнія его, въ очень веселомъ настроеніи духа, въ Аркадіи (а онъ говорилъ, что идетъ на именины къ начальнику и пробудетъ довольно долго. Хорошъ гусь!).

Эти открытія сопровождались блистательными «бенефисами». Благодаря умолчаніямъ мужа изъ боязни этихъ

же самыхъ «бенефисовъ», Варвара Александровна подозрѣвала всякіе ужасы и съ понятнымъ негодованіемъ обманутой женщины осыпала бранью и проклятіями Бориса Николаевича. И напрасно онъ пробовалъ возражать, оправдываться.. Напрасно онъ увѣрялъ, что любитъ одну Вавочку и не измѣнялъ ей. Напрасно онъ доказывалъ, что привязанность не есть вѣчное терзаніе... Онъ обманщикъ... Онъ скрываетъ отъ нея свои шашни... Сцены повторялись все чаще и чаще, были продолжительнѣй и грознѣй, сопровождались обмороками, и послѣ нихъ всѣ въ домѣ долго еще ходили смущенные на цыпочкахъ. Однажды даже Варвара Александровна въ отчаяніи рѣшилась принять ядъ, оказавшійся, по счастію, совершенно безопасной микстурой (и няня потомъ довольно ехидно подчеркнула Борису Николаевичу, что барыня отлично это знала), и трогательно продѣлала сцену предсмертнаго прощанія съ ревущимъ, какъ бѣлуга, Борисомъ Николаевичемъ и плачущими дѣтьми, пока не пріѣхалъ докторъ и не разрѣшилъ недоразумѣнія, объявивъ, къ общей радости, что умирающая совершенно здорова.

Но обтерпѣвшійся Борисъ Николаевичъ уже не такъ близко принималъ къ сердцу всѣ эти сцены, какъ прежде. Эта атмосфера вѣчныхъ исторій, упрековъ, истерикъ и слезъ, это вѣчное стѣсненіе угнетало и озлобляло его, и «домъ» казался ему тюрьмою. Долготерпѣніе покорнаго мужа наконецъ лопнуло, и онъ открыто возмутился.

Началъ онъ съ довольно ловкаго маневра—перебрался въ кабинетъ, чтобы, возвращаясь домой, не рисковать немедленными «бенефисами». Поощряемый старой няней и задѣтый за живое насмѣшками Анны Петровны и одного пріятеля, объяснившаго, какъ онъ прекратилъ обмороки жены, не обращая на нихъ вниманія, Борисъ Николаевичъ обнаружилъ еще бо̀льшую отвагу и однажды на вопросъ Вавочки: «куда онъ собирается?»—такъ рѣшительно отвѣтилъ, что это его дѣло, что Варвара Александровна только ахнула отъ изумленія и въ первое мгновеніе онѣмѣла. И когда явился даръ слова и она заговорила, потомъ вскрикнула и, схватившись за сердце, упала, ка̀къ подкошенная, въ обморокъ (по счастью, не на полъ, а на диванъ), то Борисъ Николаевичъ хоть и колебался съ секунду, но въ концѣ концовъ имѣлъ жестокость, не подавши помощи, уйти изъ дому, пославъ къ женѣ няню, наградившую его одобрительнымъ взглядомъ.

Сбросивъ съ себя иго, бунтовщикъ отпраздновалъ это событіе тѣмъ, что въ тотъ же вечеръ отправился къ пріятелю, «закатился» съ нимъ въ ресторанъ и вернулся домой въ пятомъ часу утра очень навеселѣ. Признаться, въ первое время Борисъ Николаевичъ широко пользовался своей свободой и, словно желая себя вознаградить за долгое рабство, посѣщалъ знакомыхъ, у которыхъ онъ давно не бывалъ, не стѣсняясь оставался ужинать, любезничалъ съ дамами, покучивалъ въ трактирахъ съ пріятелями, совершенно забывая, что вино вредно, словомъ, держалъ себя точно школьникъ, вырвавшійся на волю и переставшій бояться грознаго учителя, и при этомъ не только не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти, а, напротивъ, былъ такъ оживленъ и веселъ въ обществѣ, какъ никогда. И лишь воспоминаніе о томъ, что надо возвращаться домой, угнетало его. Впрочемъ, онъ и бывалъ-то дома не особенно часто: за обѣдомъ да передъ вечерами, когда приходилось выдерживать «бенефисы». Но онъ принялъ отличную тактику: онъ отмалчивался. Чего-чего только ни говорила ему Варвара Александровна, какихъ только сценъ ни дѣлала она, желая вернуть свихнувшагося мужа на путь добродѣтели,—онъ ни гу-гу, только пощипываетъ бородку и постукиваетъ тихонько пальцами по столу, точно и не его называютъ «извергомъ» и «безсовѣстнымъ человѣкомъ», а тамъ за шапку—и маршъ, а не то пойдетъ къ дѣтямъ и возится съ ними, пока не запрется въ кабинетѣ и не начнетъ работать... И Варвара Александровна, видя, что его ничѣмъ не проймешь, бросила наконецъ сцены, обмороки и стала дуться. Увы, и это не помогло. Сдѣлайте одолженіе! Наконецъ безсовѣстность мужа дошла до того, что когда однажды Варвара Александровна, желая сдѣлать послѣднюю попытку обращенія его на путь истины, поздно ночью, когда Борисъ Николаевичъ только-что вернулся,—пришла къ нему вся въ слезахъ, полуодѣтая, съ распущенными волосами, въ кабинетъ, стала просить пощадить и ее, и дѣтей и наконецъ бросилась къ нему съ воплемъ на шею, умоляя измѣнить образъ жизни, Борисъ Николаевичъ не только не успокоилъ ее, не только не обѣщалъ исправиться, но съ любезною вѣжливостью замѣтилъ наконецъ, что ему хочется спать. Это обстоятельство окончательно убѣдило ее въ громадности ея несчастія и открыло глаза на безповоротную потерянность Бориса Николаевича.

VI.

Склонивъ голову надъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, на которомъ, среди разныхъ вещицъ, стояли въ изящныхъ рамкахъ фотографіи дѣтей (портреты «этого человѣка», когда-то занимавшіе почетное мѣсто и на столѣ и надъ столомъ, были давно сосланы въ глубину комода),—Варвара Александровна дописывала своимъ красивымъ мелкимъ англійскимъ почеркомъ шестой листикъ письма или, вѣрнѣе, обвинительнаго акта, въ которомъ, со страстностью самаго свирѣпаго прокурора, сгруппировала въ яркой картинѣ всѣ гадости мужа, сообщая старушкѣ-матери, вдовѣ, жившей на югѣ, о своемъ рѣшеніи.

«Бѣдная мама! Какъ она будетъ удивлена! Она и не подозрѣваетъ, что ея дочь такъ несчастна!»—подумала Варвара Александровна, перечитывая письмо.

Она вложила его въ изящный конвертъ изъ толстой бумаги, написала рѣшительно адресъ, наклеила почтовую марку и вышла изъ спальни, чтобъ приказать горничной Танѣ бросить письмо въ ящикъ. «Съ курьерскимъ оно пойдетъ, и черезъ три дня мама его получитъ и, вѣрно, на слѣдующій же день выѣдетъ!»—разсчитывала Варвара Александровна. Затѣмъ она заглянула въ дѣтскую, гдѣ играли дѣти: мальчикъ Боря, восьми лѣтъ, и Варя—миленькая шестилѣтняя дѣвочка, поцѣловала ихъ обоихъ съ какой-то особенной страстной порывистостью, глотая слезы, и велѣла Авдотьѣ Филипповнѣ придти на минутку къ ней.

Старая, полная, опрятно одѣтая няня, съ маленькими, умными сѣрыми глазами и степеннымъ серьезнымъ лицомъ, вышла вслѣдъ за барыней въ спальню.

— Няня, я знаю, вы любите дѣтей,—заговорила слегка заискивающимъ тономъ Варвара Александровна:—и они къ вамъ привыкли...

— Слава Богу, пять лѣтъ около нихъ,—сдержанно отвѣчала няня, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Такъ, я надѣюсь, вы ихъ не оставите, если я уѣду съ дѣтьми отсюда...

— Куда изволите уѣзжать?..—спросила недовольнымъ тономъ Авдотья Филипповна.

— На другую квартиру... Я съ дѣтьми буду жить отдѣльно отъ Бориса Николаевича.

Няня строго поджала нижнюю губу съ бородавкой и

бросила на барыню недовѣрчивый и неодобрительный взглядъ.

— А какъ же Борисъ Николаичъ будетъ безъ дѣтей?— спросила она послѣ паузы.—Борисъ Николаичъ очень любятъ дѣтей, да и дѣти любятъ барина.

— Онъ будетъ съ ними видѣться.

Старуха укоризненно покачала своей круглой сѣдой головой въ бѣломъ чепцѣ и рѣшительно проговорила:

— Осмѣлюсь доложить, барыня, неладное вы затѣяли дѣло. Мало ли что̀ бываетъ между мужемъ и женой, но только чѣмъ же дѣти виноваты... За что̀ дѣтей лишать отца? Извольте-ка объ этомъ подумать, сударыня.

— Я и безъ васъ, няня, объ этомъ думала... Что̀ дѣлать?.. Иначе нельзя!—промолвила Варвара Александровна, видимо недовольная замѣчаніемъ няни, и, желая прекратить дальнѣйшія объясненія, спросила:

— Такъ вы согласны оставаться у меня или нѣтъ?

— Дѣтей не брошу. Изъ-за нихъ останусь!—отрѣзала Авдотья Филипповна и вышла изъ спальни.

Изъ передней донесся звонокъ.

— Онъ!—шепнула Варвара Александровна и вся какъ-то подтянулась, принимая рѣшительный видъ.

Черезъ минуту вошла горничная и доложила:

— Баринъ пришелъ. Прикажете подавать обѣдать?

— Подавайте... Да скажите кухаркѣ, чтобы не пережарила рябчиковъ,—крикнула вдогонку Варвара Александровна, внезапно увлеченная ролью хозяйки.

«О какихъ пустякахъ приходится заботиться!.. Какіе-то рябчики, когда ломается вся жизнь!»—печально усмѣхнулась Варвара Александровна, подходя къ большому шкапу съ зеркаломъ и съ грустной улыбкой оглядывая свое лицо и всю свою крѣпкую, статную маленькую фигурку.

Она пригладила свои чудесные, густые черные волосы съ эффектной серебристой прядкой, оправила лифъ, тонкая ткань котораго обливала пышныя формы бюста, затѣмъ вымыла маленькія тонкія руки, надѣла кольца, взглянула на безукоризненные розовые ногти и, свѣжая, красивая, изящно одѣтая, съ строго-печальнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, вошла, съ легкимъ шелестомъ платья, въ столовую, гдѣ въ ожиданіи ея Борисъ Николаевичъ держалъ на колѣняхъ дѣтей и, покачивая ихъ, вмѣстѣ съ ними весело улыбался.

«Этотъ человѣкъ» по виду совсѣмъ не походилъ на того «безсовѣстнаго», «безжалостнаго» и «потеряннаго» господина, которому, по мнѣнію Варвары Александровны, предстояла печальная перспектива спиться съ круга и вообще быть жестоко наказаннымъ за свои многочисленныя преступленія.

Это былъ небольшого роста блондинъ съ свѣтлыми волосами и небольшой русой бородкой, съ мягкими, расплывчатыми чертами довольно красиваго лица, моложавый, здоровый, мягкотѣлый, съ флегматическимъ взглядомъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ.

Сравнивая «этого человѣка», въ выраженіи лица котораго и во всей фигурѣ сразу чувствовался спокойный и податливый темпераментъ лѣнивой, склонной къ подчиненію, натуры, съ этой маленькой энергической женщиной,—можно было только удивляться, какъ «этотъ человѣкъ» рѣшился открыто возстать противъ своей повелительницы; развѣ только соображеніе, что эти мягкія, пассивныя натуры, разъ только выведенныя изъ терпѣнія, бываютъ упрямы,—могло до извѣстной степени объяснить строптивую непокорность этого человѣка.

При появленіи Варвары Александровны, веселая улыбка сбѣжала съ лица Бориса Николаевича, и онъ вдругъ затихъ, какъ затихли и стали серьезны вдругъ и дѣти, хорошо понимавшія натянутыя отношенія между родителями.

Борисъ Николаевичъ спустилъ дѣтей съ колѣнъ, поклонился женѣ, проговоривъ холодно-вѣжливымъ тономъ: «Здравствуй, Вавочка!» и хотѣлъ-было подойти къ женѣ, чтобъ пожать ей руку, но Варвара Александровна, едва кивнувъ головой, торопливо прошла и сѣла за столъ на свое хозяйское мѣсто.

Обѣдъ прошелъ, какъ обыкновенно проходилъ въ послѣднее время, въ томительномъ безмолвіи. Только маленькая черноглазая Варя, не обращая никакого вниманія на общую натянутость, по временамъ громко смѣялась и обращалась въ вопросами то къ матери, то къ отцу. Борисъ Николаевичъ добродушно отвѣчалъ ей, любовно посматривая на свою любимицу и какъ бы доказывая, что и «этотъ человѣкъ» способенъ любить дѣтей.

Няня, стоявшая за высокимъ стульчикомъ Вари, была сегодня сумрачна и съ нѣкоторой жалостью смотрѣла на Бориса Николаевича, котораго хотятъ разлучить съ

дѣтьми. Она не одобряла его поведенія за послѣднее время. «Совсѣмъ непутевый сталъ, отбился отъ дому, шатается по ночамъ, и жена ему словно не жена!» Но все-таки во всемъ винила «эту безумную», которая не умѣла ужиться съ такимъ мужемъ. «Все изъ-за того, что бѣсъ въ ней ходуномъ ходитъ! Не можетъ усмирить свою кровь, черномазая! Все еще о своей красотѣ мечтаетъ!» — съ сердцемъ думала Авдотья Филипповна, размышляя о господскихъ неладахъ.

Варвара Александровна разъ или два бросила украдкой взглядъ на мужа и отводила взоръ еще болѣе строгимъ и рѣшительнымъ. Та же холодность... То же безсердечіе и никакого признака раскаянія у «этого человѣка»!

«Навѣрное связался съ этой подлой дурой и воображаетъ, что я дамъ ему разводъ! Ждите моей смерти!»— подумала Варвара Александровна, метнувъ злобный взглядъ на «этого человѣка».

А «этотъ человѣкъ», по правдѣ говоря, «воображалъ», какъ бы поскорѣе кончился обѣдъ и онъ бы могъ поспать часа два и затѣмъ «дернуть» куда-нибудь, благо сегодня онъ получилъ изрядный-таки кушъ наградныхъ денегъ, изъ которыхъ можно, по совѣсти, прокутить малую толику. И о «той дурѣ» онъ ужъ и не думалъ больше. Послѣ четырехмѣсячнаго веселаго и довольно неограниченнаго флирта, «дура» увильнула и на-дняхъ уѣхала за границу въ обществѣ какого-то юнаго дальняго родственника, и Борисъ Николаевичъ могъ только заднимъ числомъ сокрушаться о томъ, что «счастье было такъ близко, такъ возможно», если-бъ онъ не былъ такой рохля.

Обѣдъ былъ конченъ, дѣти ушли, и Борисъ Николаевичъ хотѣлъ-было удрать въ кабинетъ, какъ Варвара Александровна торжественно произнесла:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить.

«Бенефисъ!»—подумалъ, слегка морщась, Криницынъ, снова опускаясь на стулъ, чтобъ выслушать «бенефисъ» въ болѣе удобномъ положеніи, и проговорилъ покорно-равнодушнымъ тономъ человѣка, сознающаго, что противиться неотвратимому року безполезно и надо покориться судьбѣ:

— Я слушаю...

— Не здѣсь, надѣюсь?

Въ самомъ дѣлѣ, какой онъ разсѣянный! Онъ и забылъ, что въ столовой подпускались только ядовитые намеки, а

спеціальнымъ мѣстомъ для «бенефисовъ» былъ въ послѣдній годъ—кабинетъ.

— Такъ пойдемъ въ кабинетъ, Вавочка, — вымолвилъ Криницынъ, по старой привычкѣ называя жену Вавочкой, и, пропустивъ ее мимо себя, вошелъ вслѣдъ за женой въ свою небольшую комнату и съ предусмотрительностью плотно затворилъ двери на случай высокихъ нотъ звучнаго контральта жены.

«Еще смѣетъ называть Вавочкой, негодяй!» — возмутилась про себя Варвара Александровна и присѣла на диванъ.

Криницынъ опустился въ кресло напротивъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

«Что-жъ она не начинаетъ!»—тревожно подумалъ Борисъ Николаевичъ. Взглядъ его скользнулъ по Вавочкѣ, и въ головѣ пронеслась внезапно шальная мысль: «а вѣдь какъ она еще сохранилась, эта Вавочка... Если-бъ только не характерецъ...»

И Криницынъ вздохнулъ...

— Надѣюсь, вы не удивитесь,—начала Варвара Александровна торжественно-спокойнымъ тономъ: — если послѣ всего того, что̀ я испытала за послѣдній годъ, благодаря вашему постыдному поведенію, недостойному порядочнаго человѣка,—я пришла къ рѣшенію: предоставить вамъ полную свободу жить, какъ вамъ будетъ угодно, и уѣхать отъ васъ... Разумѣется, дѣтей я возьму съ собой... Вы вѣдь не рѣшитесь отнять ихъ отъ матери?

Варвара Александровна имѣла полное право торжествовать. Криницына дѣйствительно передернуло отъ этого сюрприза, и онъ воскликнулъ:

— Уѣхать!? Лишить меня дѣтей!?

Это восклицаніе омрачило минутное торжество Варвары Александровны и ядовитымъ жаломъ вонзилось въ ея душу, нанеся глубокое оскорбленіе ея самолюбію, хотя она и говорила, что презирала «этого человѣка».

Какъ! Онъ только жалѣетъ дѣтей, а меня нисколько не жаль,—жены, которая отдала ему лучшіе годы жизни. И это за двѣнадцать лѣтъ вѣрности и любви. О, презрѣнный человѣкъ!

И, совсѣмъ позабывъ, что хотѣла говорить съ нимъ «холодно и спокойно», Варвара Александровна съ гнѣвной страстностью кинула:

— Зачѣмъ вамъ дѣти? Развѣ вы ихъ много видите?

Развѣ вы часто съ ними бываете? Они и такъ лишены отца. Хорошъ отецъ!? Вѣдь вы вѣчно пропадаете изъ дому и возвращаетесь пьяный по утрамъ... Хорошъ примѣръ для дѣтей, нечего сказать! Да и безъ нихъ вамъ будетъ удобнѣе... Они, по крайней мѣрѣ, не помѣшаютъ вамъ жить со своей любовницей... Будете праздновать вторую молодость на полной свободѣ... Никто не стѣснитъ васъ!—ядовито прибавила Варвара Александровна.

Криницынъ молчалъ въ какомъ-то столбнякѣ.

— А если захотите видѣть дѣтей—можете видѣть ихъ у меня... Я останусь въ Петербургѣ. Будьте спокойны, во время этихъ свиданій я не стану безпокоить васъ своимъ присутствіемъ...

Она взглянула на «этого человѣка», сидѣвшаго опустивъ голову, и все еще надѣялась, что онъ вдругъ бросится къ ея ногамъ и станетъ молить о прощеніи, и она, быть-можетъ, проститъ его ради бѣдныхъ дѣтей.

Но Криницынъ не бросался къ ногамъ и, видимо стараясь скрыть свое волненіе, наконецъ проговорилъ:

— Что-жъ, если ты... вы хотите, я согласенъ...

— Еще бы... Я и не сомнѣвалась въ вашемъ согласіи... Надѣюсь, вы не откажете дѣтямъ въ содержаніи... Мнѣ отъ васъ ничего не надо... Но дѣти...

— Я буду давать три четверти своего жалованья...

— Этого за глаза довольно... Благодарю васъ за дѣтей!—поднимаясь съ дивана, проговорила сдержанно-спокойнымъ, казалось, тономъ Варвара Александровна и уже подошла къ дверямъ, какъ вдругъ вернулась и, приблизившись къ Борису Николаевичу, крикнула голосомъ, полнымъ злобы и презрѣнія:

— А отъ себя скажу вамъ, что вы презрѣнный, гнусный человѣкъ, котораго я презираю и никогда не прощу!..

И, глотая рыданія, выбѣжала изъ комнаты.

Борисъ Николаевичъ струсилъ. Струсилъ и крѣпко задумался. Перспектива одиночества и разлука съ дѣтьми сильно смутила его... Да и къ Вавочкѣ вѣдь онъ все-таки въ концѣ концовъ привязанъ... Какъ-ни-какъ, а прожили двѣнадцать лѣтъ... Положимъ, у нея характерецъ... не мало досталось ему отъ Вавочки, но вѣдь она его любила, да еще такъ, что изъ-за этой любви, собственно говоря, все и вышло... (Если-бъ поменьше любила!—вздохнулъ Криницынъ). Ну, да и онъ тоже виноватъ, что до-

велъ жену до того, что она его бросаетъ... Совсѣмъ онъ ее забылъ, бѣдняжку, въ этой борьбѣ за свою свободу и жестоко мстилъ ей... Дѣйствительно, онъ свиньей себя велъ, совсѣмъ того... замотался... Всѣ эти флирты, ничего интереснаго... только трата денегъ... Вольно же ей было оттолкнуть отъ себя нелѣпой ревностью... вѣчными сценами...

Такъ размышлялъ Борисъ Николаевичъ и рѣшилъ, что надо поговорить съ Вавочкой, объяснить ей... успокоить ее...

И самъ нѣсколько успокоился, почему-то увѣренный, что все обойдется. Вавочка не броситъ его и проститъ, несмотря на всѣ его безобразія.

Въ этотъ вечеръ Борисъ Николаевичъ не удралъ изъ дому, пилъ чай съ дѣтьми и долго потомъ ходилъ по кабинету, все не рѣшаясь идти къ Вавочкѣ, пока она «не отойдетъ» послѣ недавняго объясненія...

Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ няню, «какъ барыня?» и старуха все совѣтовала не ходить—обождать, пока барыня въ большомъ разстройствѣ чувствъ, и только около полуночи Авдотья Филипповна пришла въ кабинетъ и сказала:

— Теперь барыня не плачетъ, ступайте, Борисъ Николаевичъ, поговорите. Да только не очень винитесь. Наша сестра этого не любитъ, — конфиденціально прибавила умная няня.

VII.

Тукъ-тукъ-тукъ.

— Кто тамъ?

— Это я, Вавочка,—робко и просительно проговорилъ Криницынъ.

— Войдите!—отвѣтилъ дрогнувшій голосъ Варвары Александровны.

Борисъ Николаевичъ вошелъ въ спальню—давно онъ не заглядывалъ въ эту уютную комнату!—и увидѣлъ жену, сидѣвшую на маленькомъ диванчикѣ и перебиравшую какія-то старыя письма—его письма.

— Что̀ вамъ угодно?—строго спросила она, укладывая письма въ ящикъ.

— Я, Вавочка, пришелъ съ тобой поговорить и...

— Намъ не о чемъ съ вами больше говорить,—презрительно перебила Варвара Александровна.

— Вавочка... Такъ неужели это серьезно?.. Ты хочешь бросить меня...

— А вы думали, я шутила?—саркастически усмѣхнулась она.—Да и не все ли вамъ равно?.. Дѣтей вы будете видѣть...

— Но, Вавочка... Позволь сказать... объяснить... Выслушай, ради Бога...

Чѣмъ мягче и нѣжнѣе звучалъ голосъ Бориса Николаевича, тѣмъ надменнѣе и, казалось, холоднѣе становился тонъ Варвары Александровны. Но грудь ея тяжело дышала изъ-подъ тонкой ткани капота, губы вздрагивали, рука нервно теребила носовой платокъ.

— Что̀ можете вы объяснить? А впрочемъ, говорите, если вамъ угодно...

И Варвара Александро́вна пододвинулась впередъ и, откинувъ за плечи распущенные свои волосы, оперлась рукой на маленькій рабочій столикъ у дивана и полуприкрыла глаза. Свѣтъ лампы освѣтилъ ея поблѣднѣвшее лицо.

— Можно присѣсть, Вавочка? — спросилъ почтительно Борисъ Николаевичъ.

— Садитесь,—съ холодной вѣжливостью отвѣчала она, бросая взглядъ на «этого человѣка» и снова опуская рѣсницы.

Мужъ опустился въ низенькое кресло и началъ:

— Положимъ, я виноватъ предъ тобой, Вавочка... очень виноватъ, хотя и не въ томъ, въ чемъ ты думаешь... Я велъ себя скверно... кутилъ... проводилъ ночи за картами... постоянно уходилъ изъ дому... былъ къ тебѣ невнимателенъ...

— Вы были жестоки, — вставила Варвара Александровна.

— Согласенъ... Но, Вавочка, милая Вавочка, вспомни, отчего все это вышло... Ты слишкомъ... опекала меня, и я... возмутился... Однако повѣрь мнѣ, я никогда не переставалъ тебя любить...

— И имѣли любовницу? — иронически воскликнула Варвара Александровна.

— Я, любовницу?.. Господь съ тобою, Вавочка!

— А эту... вашу... Анну Петровну...

— Анну Петровну!?.. Клянусь тебѣ, что между нами ничего не было...

«Лжетъ!»—подумала Варвара Александровна, но, взгля-

дывая въ лицо «этого человѣка», въ его заблестѣвшіе глаза, которые снова ласкали ее съ давно забытой нѣжностью, Варвара Александровна не стала спорить...

А мужъ продолжалъ:

— Мы съ этой Анной Петровной, правда, иногда встрѣчались... болтали...

— А теперь?..

— Да ея и нѣтъ здѣсь, Вавочка... Она уѣхала за границу съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ.

— Но другія ваши любовницы?..—уже мягче спросила жена.

— Никакихъ никогда у меня не было, Вавочка!—горячо протестовалъ Борисъ Николаевичъ, помня совѣтъ умной няни: «не очень виниться».

И опять, разумѣется, Варвара Александровна, зная мужа, не повѣрила, но, вся охваченная едва сдерживаемымъ волненіемъ близкаго, столь неожиданнаго примиренія, она снова промолчала, готовая простить ему все...

А Борисъ Николаевичъ, не спуская глазъ съ Вавочки, пикантной, еще хорошенькой своей Вавочки, еще горячѣй и искреннѣй заговорилъ, что онъ всегда любилъ Вавочку, зналъ одну только Вавочку въ эти двѣнадцать лѣтъ; онъ пожалѣлъ о бѣдныхъ дѣтяхъ безъ отца и, увидавъ, что растроганная Вавочка жадно внимаетъ его рѣчамъ и, вся заалѣвшая, съ полуоткрытыми устами, смотритъ на него нѣжнымъ прощающимъ взглядомъ своихъ большихъ влажныхъ глазъ,—понялъ, что теперь можно броситься къ ногамъ Вавочки и получить ея полное помилованіе, несмотря на всѣ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія.

VIII.

На слѣдующій день, поздно проснувшись, Варвара Александровна, бодрая, веселая и счастливая, быстро одѣлась, заказала обѣдъ изъ самыхъ любимыхъ блюдъ Бориса Николаевича и послала старушкѣ-матери слѣдующую телеграмму:

«Письмо, которое получите, считайте недѣйствительнымъ. Недоразумѣніе вполнѣ разъяснилось».

А когда часу во второмъ къ Варварѣ Александровнѣ пріѣхала та ея пріятельница, мужъ которой все еще оставался «этимъ человѣкомъ», и, увидавъ Вавочку веселой поздравила ее, рѣшивъ, что она наконецъ разъѣзжается съ мужемъ,—Вавочка, немного смутившись, отвѣтила:

— Нѣтъ, милая, я долго-долго думала и остаюсь ради дѣтей!

Къ обѣду уже всѣ портреты Бориса Николаевича были возвращены изъ ссылки и красовались на прежнихъ мѣстахъ, и «этому человѣку» снова было даровано христіанское имя «Бориса» да еще съ прибавленіемъ «милаго».

СЕРЖЪ ПТИЧКИНЪ.

I.

Когда, лѣтъ десять тому назадъ, этотъ чистенькій, благообразный и румяный юноша съ подстриженными бѣлокурыми волосами и большими, ясными голубыми глазами пріѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ университетъ, на юридическій факультетъ, со ста рублями въ карманѣ, скопленными уроками,—онъ не особенно торопился навѣстить свою родную сестру, немолодую уже дѣвушку, жившую въ гувернанткахъ. Но зато онъ предусмотрительно скоро разыскалъ весьма отдаленную родственницу, богатую вдову генеральшу Батищеву, извѣстную спиритку и благотворительную даму, имѣвшую свой пріютъ для призрѣнія шести младенцевъ, и въ первое же воскресенье, надѣвъ свой новенькій сюртучокъ и причесавшись у парикмахера, отправился съ визитомъ къ генеральшѣ, въ ея собственный домъ, на Сергіевской улицѣ.

— Какъ прикажете доложить?—спросилъ молодого человѣка лакей во фракѣ, съ такимъ представительнымъ видомъ и съ такими великолѣпными бакенбардами, что и этой представительности и этимъ бакенбардамъ могъ позавидовать любой директоръ департамента.

— Птичкинъ!—громко, съ вызывающимъ, горделивымъ видомъ отвѣтилъ молодой человѣкъ, но при этомъ почему-то вспыхнулъ.

Старуха Батищева приняла съ неба свалившагося родственника, о степени родства котораго имѣла крайне смутныя представленія, съ той вѣжливо-строгой холодностью, съ какой обыкновенно принимаютъ бѣдныхъ дальнихъ родственниковъ, которыхъ подозрѣваютъ въ недобромъ намѣреніи обратиться съ какой-нибудь просьбой.

Молодой человѣкъ однако не смутился.

Онъ стоически перенесъ непріятность первыхъ минутъ встрѣчи и, какъ будто не замѣчая этого застланнаго, серьезнаго взгляда старой дамы въ кружевной наколкѣ, съ сѣдыми буклями, обрамлявшими маленькое сморщенное личико съ вздернутымъ носикомъ и выцвѣтшими глазками, не спѣша объяснилъ, что, пріѣхавши въ Петербургъ, онъ счелъ своимъ священнымъ долгомъ явиться къ Аннѣ Михайловнѣ, какъ родственницѣ и когда-то знакомой его покойной матери, съ единственной цѣлью засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе и постараться заслужить ея родственное расположеніе.

Онъ проговорилъ эту маленькую привѣтственную рѣчь почтительно, но безъ заискиванія, и при этомъ глядѣлъ на старуху своими ясными голубыми глазами такъ скромно и въ то же время увѣренно, что Батищева тотчасъ же измѣнила тонъ и сдѣлалась проще. Въ ея лицѣ и въ глазахъ появилось обычное ласковое выраженіе, и она уже съ родственной привѣтливостью протянула свою маленькую костлявую ручку, которую молодой человѣкъ, конечно, почтительно поцѣловалъ, и стала разспрашивать о покойныхъ родителяхъ молодого человѣка, припоминая, что она въ молодости дѣйствительно была дружна съ его maman, которая доводилась ей, кажется, троюродной сестрой.

Молодой человѣкъ, являющійся лишь для засвидѣтельствованія глубочайшаго почтенія, во всякомъ случаѣ пріятная неожиданность, и старая генеральша, видимо, была этимъ тронута, тѣмъ болѣе, что и манеры, и костюмъ, и тихая, пріятная рѣчь, все обличало благовоспитаннаго, скромнаго юношу въ этомъ неожиданно объявившемся родственникѣ.

Въ теченіе получасового визита молодой человѣкъ такъ очаровалъ старушку, что она въ тотъ же день позвала его обѣдать. Особенно ей понравилось вниманіе, съ какимъ слушалъ Птичкинъ ея болтовню. Словоохотливая старуха, видимо, не особенно избалованная терпѣливыми слушателями, разсказала ему про нѣсколько «спиритическихъ» явленій съ подробностями, отступленіями и повтореніями, столь обычными у болтливыхъ стариковъ и старушекъ, и молодой человѣкъ, казалось, былъ весь—вниманіе, точно спиритическіе разсказы генеральши были для него самой интересной вещью на свѣтѣ. Онъ во-время

подавалъ реплики, во-время серьезно покачивалъ своей гладко прилизанной головой, во-время улыбался, словомъ, слушалъ такъ хорошо, что Батищева нашла, что молодой человѣкъ—умница.

Обѣдъ лишь довершилъ очарованіе.

Птичкинъ ѣлъ рыбу не съ ножа, а вилкой, держалъ себя съ тактомъ, недурно говорилъ по-французски и, при удобномъ случаѣ, скромно, но не безъ твердости, высказалъ взгляды, отличавшіеся такимъ рѣдкимъ въ юношѣ благоразуміемъ и столь трезвенной ясностью, что старушка пришла въ восторгъ, въ тотъ же вечеръ по родственному назвала Птичкина «Сержемъ» и разъ навсегда пригласила его приходить къ нимъ обѣдать каждый день.

— А то въ ресторанахъ вы, мой милый, только катарръ наживете! — любезно прибавила старуха, совсѣмъ очарованная своимъ «проблематическимъ» племянникомъ и въ то же время разсчитывавшая съ старческимъ эгоизмомъ имѣть въ молодомъ человѣкѣ жертву ея послѣобѣденной болтовни.

И на остальныхъ членовъ семьи—двухъ барышень и молодого офицера Батищева—нашъ юноша произвелъ хорошее впечатлѣніе. Они нашли, что онъ милый, неглупый малый и вообще «comme il faut».

— И не дуренъ собой!—прибавили обѣ барышни.

— Фамилія только его... Птичкинъ! Птичкинъ!—повторялъ со смѣхомъ Батищевъ: — отзывается mauvais genre'омъ!

— Но это во всякомъ случаѣ дворянская фамилія! Онъ дворянинъ,—замѣтили барышни, хотя тоже согласились, что фамилія дѣйствительно неблагозвучная.

Особенно участливо отнеслась къ этому «одинокому сиротѣ», принужденному съ юныхъ лѣтъ заботиться о своемъ существованіи, старшая сестра Эленъ.

Это была дѣвушка тѣхъ зрѣлыхъ лѣтъ (между тридцатью и сорока), когда всякая надежда на замужество по любви уже потеряна, и когда обезпеченная и не особенно избалованныя дѣвицы этого «переходнаго» возраста чувствуютъ склонность къ благотворительности или къ спиритизму, восторгаются Мазини, Фигнеромъ или Гитри, рисуютъ на фарфорѣ или дѣлаютъ искусственные цвѣты, зачитываются романами Поля Бурже и Золя, любятъ «теоретическіе» разговоры о чувствахъ и скептически относятся къ мужской привязанности, хотя и волнуютъ свое

воображеніе небывалыми романами съ небывалыми героями и питаютъ особенное пристрастіе, полное участливой материнской заботливости, къ свѣжимъ, румянымъ и приличнымъ юнцамъ.

Высокая, стройная брюнетка, съ блѣдно-желтымъ лицомъ, сохранившимъ еще слѣды увядающей красоты, съ впалой грудью, съ темными, добрыми, немного грустными глазами и красивыми руками, съ длинными, тонкими пальцами, съ изумрудомъ на крошечномъ мизинцѣ,—эта Эленъ съ перваго же дня прониклась жалостью къ скромному бѣдному родственнику и, узнавши, что онъ разсчитываетъ найти уроки, на другой же день отправилась къ знакомымъ и просила ихъ рекомендовать въ свою очередь вполнѣ приличнаго молодого человѣка, нуждающагося въ урокахъ.

И черезъ недѣлю или двѣ нашъ молодой человѣкъ уже имѣлъ два хорошіе урока, обезпечивающіе вполнѣ его существованіе, и благодарилъ Эленъ съ такимъ горячимъ чувствомъ, что скромная, добрая дѣвушка сконфузилась и, ласково глядя на Сержа, проговорила:

— Полно... полно... Стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ благодарить!

Но Сержъ все-таки продолжалъ благодарить и нѣсколько разъ, въ знакъ благодарности, принимался горячо цѣловать красивую руку своей «кузины», взглядывая на закраснѣвшуюся Эленъ своими ясными голубыми глазами, съ видомъ наивнаго ребенка, переполненнаго чувствами.

II.

Будущность, казалось, улыбалась молодому человѣку, явившемуся въ Петербургъ безъ денегъ, безъ связей, съ однѣми мечтами добиться впослѣдствіи и связей, и положенія, и денегъ.

Первые шаги его были удачны. Онъ отыскалъ вполнѣ приличныхъ родственниковъ, которые могли быть очень полезны и у которыхъ можно было имѣть даровой обѣдъ; благодаря этой сентиментальной старой дѣвѣ Эленъ, онъ скоро получилъ уроки, словомъ, все начиналось очень хорошо.

Думая объ этомъ, молодой человѣкъ весело улыбался, и его постоянныя мечты стать со временемъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, то-есть сдѣлать блестящую карьеру и быть богатымъ, окрылялись отъ перваго успѣха.

Одно только смущало его, являясь источникомъ его тайныхъ терзаній, это... его фамилія, неблагозвучная, какая-то мѣщанская фамилія, которая еще съ отроческихъ лѣтъ отравляла спокойствіе обыкновенно хладнокровнаго, разсудительнаго мальчика.

Бывало, когда кто-нибудь спрашивалъ этого скромнаго гимназистика, какъ его фамилія, онъ при отвѣтѣ всегда краснѣлъ отъ стыда. И хотя покойный отецъ его, почтенный человѣкъ, бывшій учителемъ русской словесности въ гимназіи, нерѣдко внушалъ мальчику, что называться Птичкинымъ не стыдно, а быть мерзавцемъ стыдно,—эти поученія и однажды даже строгое наказаніе за то, что мальчикъ презрительно назвалъ одного товарища «паршивымъ мужикомъ», не излѣчили юнаго Птичкина. И старый учитель, идеалистъ шестидесятыхъ годовъ, съ тоскливымъ изумленіемъ и ужасомъ спрашивалъ себя: «Откуда это у сына такія аристократическія вожделѣнія и такія эгоистическія наклонности? Что̀ это—атавизмъ или знаменіе новыхъ временъ?»

Онъ умеръ, не дождавшись полнаго расцвѣта своего юнаго отпрыска, увѣренный однако, что этотъ разсудительный, спокойный и практическій мальчикъ, съ красивыми голубыми глазами, не пропадетъ въ битвѣ жизни, какъ пропалъ другой, старшій сынъ, увлекающійся, порывистый юноша, горячо любимый отцомъ.

Когда прежнія неопредѣленныя мечтанія отрока стали принимать болѣе реальную форму, молодого человѣка еще болѣе стала раздражать его фамилія.

И онъ нерѣдко думалъ:

«Нужно же было отцу называться Птичкинымъ! И какъ это мать, дѣвушка изъ старой дворянской семьи, рѣшилась выйти замужъ за человѣка, носящаго фамилію Птичкина? Это чортъ знаетъ что̀ за фамилія! Ну, хотя бы Коршуновъ, Ястребовъ, Сорокинъ, Вороновъ, Воробьевъ... даже Птицынъ, а то вдругъ... Птичкинъ!» И когда онъ мечталъ о будущей славной карьерѣ, мечты эти отравлялись воспоминаніемъ, что онъ... господинъ Птичкинъ.

Даже если бы онъ оказалъ отечеству какія-нибудь необыкновенныя услуги... въ родѣ Бисмарка... его вѣдь все-таки никогда не сдѣлаютъ графомъ или княземъ.

«Князь Птичкинъ»... Это невозможно!»—со злобой на свою фамилію повторялъ молодой человѣкъ.

Правда, онъ любилъ при случаѣ объяснять (что̀ онъ

и сдѣлалъ скоро у Батищевыхъ), что родъ Птичкиныхъ— очень старый дворянскій родъ, и что одинъ изъ предковъ, шведскій рыцарь Магнусъ, прозванный за необыкновенную ѣзду на конѣ «Птичкой», еще въ началѣ XV столѣтія выселился изъ Швеціи въ Россію и, женившись на татарской княжнѣ Зюлейкѣ, положилъ основаніе фамиліи Птичкиныхъ. Но всѣ эти геральдическія объясненія, сочиненныя вдобавокъ еще въ пятомъ классѣ гимназіи, когда проходили русскую исторію, мало утѣшали благороднаго потомка шведскаго рыцаря Птички.

III.

Университетская пора пронеслась быстро и весело для Птичкина.

Способный и неглупый, онъ занимался хорошо и отлично зналъ то, что̀ требовалось для экзаменовъ. Дальше этого онъ не шелъ и не находилъ нужнымъ. Вообще отвлеченныя мысли какъ-то не занимали его практическій умъ и слишкомъ себялюбивую натуру, и онъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ относился къ людямъ, которые пускались въ отвлеченія. И отецъ его изъ-за этого весь свой вѣкъ прожилъ несчастнымъ учителемъ и умеръ бѣднякомъ, и старшій его братъ гдѣ-то скитается по захолустьямъ. Брата онъ рѣшительно презиралъ, какъ дурака, не умѣющаго понимать, казалось, самыхъ простыхъ вещей, и всегда боялся, что «этотъ болванъ» можетъ его скомпрометировать. И когда однажды Сержъ Птичкинъ, уже студентомъ третьяго курса, получилъ отъ старшаго брата письмо, то онъ, не задумавшись, отвѣтилъ ему такимъ посланіемъ:

«Я полагаю, братъ, ты согласишься со мной, что родственныя связи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ровно ничего не значатъ. Мы съ тобой стоимъ совершенно на разныхъ точкахъ зрѣнія. То, что̀ ты считаешь хорошимъ, я считаю мерзкимъ, то, что̀ ты считаешь благомъ, я считаю несчастіемъ. Короче говоря, между нами рѣшительно ничего нѣтъ общаго, и несмотря на то, что случай сдѣлалъ насъ братьями, я не нахожу нужнымъ скрывать полнаго отвращенія и къ твоимъ идеямъ, и къ твоей жизни. Поэтому было бы, полагаю, удобнѣе прекратить всякія отношенія».

Черезъ нѣсколько времени Сержъ Птичкинъ получилъ отъ брата слѣдующій отвѣтъ:

«Извини, братъ. Я рѣшительно не думалъ, что ты

такая современная скотина въ столь молодые годы. Поздравляю».

Младшій братъ прочиталъ эти строки совершенно спокойно. Ни одинъ мускулъ его красиваго, румянаго, нѣсколько женственнаго лица не дрогнулъ. И только въ глазахъ сверкнуло презрѣніе.

Онъ медленно разорвалъ письмо и произнесъ:

— Идіотъ!

Отъ товарищей Птичкинъ держался въ сторонѣ. Водилъ онъ знакомство лишь съ избранными студентами, такими же ранними молодыми людьми, какъ и онъ, да съ нѣсколькими приличными шалопаями.

Въ этомъ кружкѣ онъ былъ божкомъ. Онъ нерѣдко проповѣдывалъ, слушая самъ себя, свою собственную теорію государственнаго права и рисовался крайнимъ консерватизмомъ. Это отвѣчало его аристократическимъ вожделѣніямъ и не мѣшало будущей карьерѣ. Напротивъ!

Говорилъ онъ недурно: тихимъ, спокойнымъ голосомъ, съ апломбомъ человѣка, увѣреннаго въ своемъ превосходствѣ, и любилъ напускать на себя строгую солидность, особенно когда толковалъ о задачахъ трезваго молодого поколѣнія. Выходило недурно.

У Батищевыхъ молодымъ человѣкомъ всѣ восхищались, кромѣ младшей сестры Ниты, хорошенькой, неглупой барышни, не особенно довѣрявшей молодому человѣку. Птичкинъ пробовалъ очаровать эту изящную молоденькую кузину съ насмѣшливыми глазами, но это ему никакъ не удавалось. Онъ чувствовалъ подчасъ ея тонкую иронію, и ему съ ней было какъ-то не по себѣ.

Зато Эленъ восторгалась своимъ любимцемъ. Хотя его крайніе взгляды и казались ей ужъ слишкомъ непреклонными и возмущали ея доброе сердце, но она считала, что этотъ пылъ со временемъ пройдетъ, и все прощала «бѣдному сиротѣ». И онъ за то оказывалъ ей, особенно вначалѣ, почтительно-нѣжное вниманіе, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и часто и горячо цѣловалъ ея маленькую бѣлую руку, думая въ то же время, что эта старая дѣва можетъ еще пригодиться, и что рука у нея все-таки аппетитная.

IV.

И Эленъ все болѣе и болѣе привязывалась къ «милому юношѣ», какъ она его называла.

Это чувство было довольно сложное. Въ немъ соединялась нѣсколько восторженная влюбленность старой дѣвы съ чистой привязанностью доброй души къ бѣдному молодому человѣку, пробивавшему себѣ жизненный путь безъ посторонней помощи, и съ поклоненіемъ передъ умомъ, энергіей и другими достоинствами, которыми обильно надѣляла молодого человѣка дѣвушка, не привыкшая хорошо всматриваться въ людей. Она, разумѣется, тщательно скрывала свои чувства подъ видомъ обыкновеннаго дружескаго расположенія, но втайнѣ радовалась всякимъ успѣхамъ Птичкина и была увѣрена, что изъ него со временемъ выйдетъ замѣчательный человѣкъ. Ее трогало его вниманіе, его благодарность за ея пустыя услуги, и она, какъ порядочный человѣкъ, искренно вѣрила въ его расположеніе... вѣрила и считала своего протежѐ безусловно честнымъ молодымъ человѣкомъ.

Ей точно чего-то недоставало, когда онъ нѣсколько дней не приходилъ. Она любила говорить съ нимъ и съ участіемъ доброй сестры относилась ко всѣмъ его нуждамъ. Однажды даже она, вся краснѣя, со слезами на глазахъ, предложила ему взять взаймы денегъ, но Птичкинъ такъ холодно и рѣзко отказался, видимо, обиженный этимъ предложеніемъ, что Эленъ должна была извиняться и увѣрять Сержа, что въ ея предложеніи не было и мысли сдѣлать обиду.

На спиритическихъ сеансахъ, бывавшихъ поочередно у каждаго изъ членовъ небольшого «спиритическаго кружка», какъ-то случалось, что Эленъ и Птичкинъ сидѣли рядомъ. И эта близость, это прикосновеніе рукъ всегда наполняло Эленъ какимъ-то сладкимъ томленіемъ. И она еще болѣе вѣрила въ спиритическое сродство душъ. А Сержъ, какъ нарочно, иногда слегка надавливалъ ея крошечный мизинецъ своимъ пальцемъ, приводя бѣдную дѣвушку въ большее спиритическое воодушевленіе. Разумѣется, это не онъ давитъ. Онъ не посмѣлъ бы этого сдѣлать. Это дѣло духовъ.

Въ «спиритическомъ кружкѣ», кромѣ старухи Батищевой и Эленъ, участвовали еще три дамы и два почтенныхъ старика—все люди болѣе или менѣе состоятельные и со связями, и Птичкинъ, особенно первое время своего студенчества, охотно посѣщалъ сеансы и былъ, казалось, ревностнымъ спиритомъ. Съ самымъ серьезнымъ видомъ выслушивалъ онъ, когда одна изъ «спиритическихъ дуръ»,

какъ мысленно онъ окрестилъ своихъ соучастницъ по опытамъ, начинала разсказывать о своей бесѣдѣ съ какимъ-нибудь изъ жильцовъ загробнаго міра или объяснять теорію переселенія душъ.

Но эти сеансы сослужили добрую службу. Благодаря имъ, завязывались полезныя знакомства и связи, и нашъ молодой человѣкъ во все время своего студенчества имѣлъ много уроковъ и такихъ хорошихъ, что могъ не только прилично жить, но и скопить небольшую сумму, чтобы по выходѣ изъ университета одѣться, какъ приличествуетъ благородному потомку рыцаря Птички.

Его охотно приглашали, и года черезъ два по пріѣздѣ въ Петербургъ молодой студентъ имѣлъ возможность обѣдать въ разныхъ домахъ, не подвергаясь, такимъ образомъ, опасности ежедневно слушать утомительные послѣобѣденные разсказы—нерѣдко въ пятомъ изданіи—старухи Батищевой, въ обществѣ одной Эленъ, такъ какъ хорошенькая Нита и братъ ея обыкновенно исчезали изъ комнаты, какъ только старуха открывала ротъ, ибо знали всѣ эти разсказы съ тѣхъ поръ, какъ помнили себя.

Онъ нравился вообще дамамъ, этотъ свѣжій, румяный, бѣлокурый студентъ, съ ясными голубыми глазами, маленькой шелковистой бородкой, съ отличными манерами и съ такимъ непреклоннымъ образомъ мыслей. Подъ его наружнымъ спокойствіемъ чувствовался огонекъ. Его звали на балы и вечера, и имъ любовались,—такъ онъ мило танцовалъ.

И въ томъ обществѣ, гдѣ онъ вращался, почти всѣ находили, что «monsieur Serge» рѣдкій молодой человѣкъ, и иногда жалѣли, что у него такая «малоговорящая» фамилія. Нашъ молодой человѣкъ зналъ, что онъ производитъ впечатлѣніе на дамъ, особенно «бальзаковскихъ» лѣтъ и любящихъ пылкость чувствъ. Это льстило его самолюбію. Онъ втайнѣ гордился своими побѣдами; но, казалось, не замѣчалъ ихъ, не позволялъ себѣ ни за кѣмъ ухаживать и напускалъ на себя серьезную солидность слишкомъ занятого и скромнаго человѣка, котораго не занимаетъ ухаживанье. Онъ хорошо разыгрывалъ роль Іосифа Прекраснаго и не забывалъ, что онъ—Птичкинъ, чтобы серьезно ухаживать за свѣтской барышней, пока не оперится. Влюбленный лишь въ самого себя, сухой и самолюбивый, онъ и не увлекался никѣмъ, мечтая впослѣдствіи жениться на дѣвушкѣ съ основатель-

нымъ приданымъ. Плодить бѣдныхъ онъ не хотѣлъ и съ цинизмомъ подсмѣивался надъ дураками, которые «женятся не подумавши».

А пока нашъ молодой человѣкъ пользовался расположеніемъ своей квартирной хозяйки, молодой, смазливой жены мелкаго стараго чиновника. Эта связь была, по крайней мѣрѣ, удобна. Она гарантировала его здоровье и ни къ чему не обязывала. Такъ предусмотрительно обсудилъ Птичкинъ этотъ вопросъ, замѣтивъ, что пышная брюнетка къ нему неравнодушна. И онъ третировалъ ее, относясь къ ней съ высокомѣрнымъ снисхожденіемъ высшаго существа, и дарилъ ей маленькіе подарки, которыми оплачивалъ свои чувственныя удовольствія. Полюбившая его чиновница вздумала-было отказываться отъ этихъ подарковъ, но молодой человѣкъ прикрикнулъ на нее, и она покорно согласилась, не смѣя ему противорѣчить.

V.

Когда въ отлично сшитомъ фракѣ Сержъ Птичкинъ, уже заручившійся, благодаря хлопотамъ Батищевой, недурнымъ мѣстомъ въ провинціи, явился на Сергіевскую съ первымъ визитомъ по окончаніи курса, онъ засталъ въ гостиной одну Ниту. Старушки и Эленъ не было дома. Онѣ уѣхали въ свой пріютъ.

Фракъ очень шелъ къ Птичкину, и вообще этотъ двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ глядѣлъ совершеннѣйшимъ джентльменомъ того особеннаго «стиля», которымъ щеголяютъ молодые чиновники вѣдомства иностранныхъ дѣлъ и вообще свѣтская золотая молодежь. И если бы не знать, что это Сержъ Птичкинъ, миѳическій потомокъ рыцаря Птички, его по виду можно было бы принять хоть за маркиза,—такъ онъ былъ великолѣпенъ.

Ужъ онъ умѣлъ ходить съ небрежнымъ развальцемъ, щурить глаза, растягивать слова, не узнавать на улицѣ плохо одѣтыхъ знакомыхъ, зѣвать, съ видомъ скуки, въ театрѣ и смотрѣть собесѣднику, если онъ простой смертный, не въ глаза, а пониже или повыше: не то въ подбородокъ, не то въ макушку... Однимъ словомъ, Сержъ Птичкинъ уже принялъ обликъ «гороховаго шута»,—обликъ, считаемый за настоящій «cachet» порядочнаго тона.

— Да вы великолѣпны! Просто-таки великолѣпны въ своемъ фракѣ, Сергѣй Николаевичъ!—воскликнула Нита при видѣ Птичкина на порогѣ гостиной.

И ироническая улыбка мелькнула въ ея сѣрыхъ глазахъ и скользнула по алымъ тонкимъ губамъ.

И тотчасъ же прибавила:

— Поздравляю васъ и...

Она на секунду остановилась и глядѣла на великолѣпнаго молодого человѣка съ веселой, чуть-чуть насмѣшливой улыбкой, эта блондинка съ гладко зачесанными назадъ пепельными волосами, бойкая и живая, съ выразительнымъ лицомъ, хорошенькимъ и необыкновенно привлекательнымъ со своимъ задорно приподнятымъ носикомъ. Въ ея чуть-чуть вздернутой кверху головкѣ было что-то надменное и капризное. Въ живыхъ, смѣющихся глазахъ точно игралъ бѣсенокъ, и выраженіе въ нихъ быстро мѣнялось. Она была средняго роста и хорошо сложена. Сѣрое шерстяное платье обливало ея изящную, полную граціи, фигурку.

— И что же дальше? По обыкновенію, какая-нибудь колкость, Анна Александровна? Что-жъ, говорите... Я къ этому привыкъ!—проговорилъ на ходу Птичкинъ, умышленно веселымъ тономъ, стараясь скрыть досаду на эту насмѣшливую барышню, не раздѣлявшую къ нему общаго поклоненія.

И, приблизившись къ дѣвушкѣ, онъ почтительно поднесъ къ губамъ ея крошечную, точно выточенную, розовую ручку.

— Онѣ, я думаю, не особенно чувствительны, мои колкости... для такого умнаго человѣка! Не правда ли?—лукаво прибавила Нита.—Я просто не рѣшаюсь вамъ ничего желать.

— Это почему?

— Да потому, что и безъ моихъ желаній... успѣхи не заставятъ васъ ждать...

— Остается поблагодарить за такое лестное мнѣніе обо мнѣ!—промолвилъ молодой человѣкъ, наклоняя голову...

— Да вѣдь вы и сами увѣрены въ этомъ? Вы вѣдь вообще влюблены въ себя!

— Вы думаете?—промолвилъ, краснѣя, молодой человѣкъ.

— Думаю...

— Напрасно такъ думаете...

— Ну, ужъ что дѣлать...

— А мнѣ это обидно...

Молодая дѣвушка усмѣхнулась.

— И этому не вѣрите?

— Досадно, это я еще пойму, но чтобы обидно...

Эта «дѣвчонка», какъ про себя ее звалъ Птичкинъ, положительно его раздражала своимъ ироническимъ тономъ и разными непріятными откровенностями, а между тѣмъ она ему нравилась, настолько нравилась, что онъ порой мечталъ, что жениться на ней было бы очень недурно. Она невѣста богатая—сто тысячъ приданаго. Но она, видимо, ему не довѣряла и не оказывала ему особеннаго расположенія, и это раздражало его самолюбіе. То ли дѣло Эленъ... Та охотно пошла бы за него замужъ, но ей тридцать три, а ему двадцать пять... «Ужъ слишкомъ она зрѣла, эта отцвѣтшая красавица!»—думалъ Птичкинъ.

Онъ принялъ строго-оскорбленный видъ и мягко-мягко заговорилъ о томъ, что Нита глубоко заблуждается и совсѣмъ не понимаетъ его. Онъ вовсе не такъ дуренъ, какъ она его считаетъ, и ему обидно, что именно она такъ относится къ нему:

— Мнѣ всегда было искренно жаль, что я не заслужилъ вашего расположенія, Анна Александровна... а я всегда былъ и буду глубоко вамъ преданъ...

Онъ проговорилъ эту фразу не безъ огонька, сдѣлалъ паузу и бросилъ взглядъ на дѣвушку. Она, казалось, слушала внимательно.

«Клюнуло!»—подумалъ молодой человѣкъ и, понизивъ голосъ до нѣжнаго минора, продолжалъ:

— Теперь, когда, быть-можетъ, намъ долго не придется увидѣться, я не скрою отъ васъ, что меня всегда мучило ваше недовѣріе... Чѣмъ я его вызвалъ? За что̀ оно? А между тѣмъ... я больше чѣмъ преданъ вамъ... я...

Въ эту минуту изъ залы донеслись голоса Батищевой и Эленъ.

Птичкинъ остановился.

— Что-жъ вы, мосьё Сержъ?.. Allez, allez toujours!—съ громкимъ смѣхомъ проговорила Нита, и презрительная улыбка свѣтилась въ ея глазахъ.

Птичкинъ позеленѣлъ отъ злости.

— Здравствуйте, Сержъ! Поздравляю васъ!

И Батищева и Эленъ радостно пожимали ему руку, высказали много самыхъ искреннихъ и добрыхъ пожеланій и находили, что онъ прелестенъ во фракѣ.

— А ты, Нита, отчего такъ хохотала?—спросила мать.

— Сергѣй Николаевичъ разсмѣшилъ...

— Чѣмъ?

— Онъ великолѣпно прочиталъ комическій монологъ изъ... «Тартюфа».

VI.

Года черезъ четыре Сержъ Птичкинъ показался на петербургскомъ горизонтѣ въ качествѣ виднаго товарища прокурора, уже успѣвшаго зарекомендовать себя. Карьера его обезпечена. Его считаютъ дѣльнымъ, солиднымъ юристомъ, но только черезчуръ непреклоннымъ. Но это не смущаетъ Птичкина, такъ какъ онъ мнитъ себя носителемъ идеи самаго чистаго консерватизма и аристократическихъ тенденцій. Онъ сталъ еще солиднѣе и принялъ видъ государственнаго человѣка. Онъ одѣвается съ изысканно-строгой простотой, «по-англійски», и по праздникамъ посѣщаетъ аристократическія церкви, сдѣлавшись религіознымъ человѣкомъ настолько, насколько требуетъ хорошій тонъ послѣдняго времени. «Для увѣнчанія зданія» оставалось сдѣлаться богатымъ человѣкомъ. И это не заставило его ждать. Годъ тому назадъ онъ женился на хорошенькой купеческой дочкѣ съ милліономъ. Онъ снисходительно позволяетъ себя любить, считаетъ жену дурой и строго дрессируетъ ее. Въ годъ онъ выдрессировалъ жену настолько, что она уже тянетъ слова, щуритъ презрительно глаза и боится своего благовѣрнаго, какъ огня.

Самъ Сержъ Птичкинъ, получивъ милліонъ, еще болѣе влюбился въ собственную особу и сталъ говорить еще медленнѣе, точно произносить звуки ему въ тягость. Ходитъ онъ съ большимъ развальцемъ, словно бы ноги у него развинчены, зѣваетъ и, совсѣмъ аристократически, не узнаетъ на улицѣ многихъ прежнихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ Эленъ. У Батищевыхъ онъ бываетъ разъ-два въ годъ. Чаще бывать ему некогда. Онъ такъ занятъ!

Недавно я имѣлъ счастье видѣть Сержа Птичкина у одного изъ его подчиненныхъ, котораго онъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ. За картами онъ обратилъ вниманіе на какой-то портретъ, висящій на стѣнѣ, и, немного гнусавя, процѣдилъ:

— Что это? Фо-то-ти-пія или фо-то-гра-фія?

И вдругъ такъ зѣвнулъ, что смутившіеся хозяева поспѣшили объяснить, что это фотографія.

— А я по-ла-га-лъ, фо-то-ти-пія! Не-дур-но. О-чень не-дур-но!

Вообще Сержъ Птичкинъ счастливъ. У него прелестная квартира, экипажи на резиновыхъ шинахъ, лошади превосходныя, влюбленная дура-жена, впереди очень видная карьера...

Одно только попрежнему терзаетъ его, это—его фамилія.

— Птичкинъ... Птичкинъ!—повторяетъ онъ иногда со злобой въ своемъ роскошномъ кабинетѣ.—И надобно же было родиться съ такой глупой фамиліей!

ДЯДЕНЬКА ПРОТАСЪ ИВАНОВИЧЪ.

I.

Не онъ ли, Протасъ Ивановичъ, пользовавшійся въ Коломнѣ и на Пескахъ, гдѣ живутъ многочисленные его родственники, репутаціей человѣка геніальнаго ума («готовился въ ветеринары, а куда метнулъ!»—прибавляли обыкновенно при этомъ), не стѣснявшагося попросту говорить «правду-матку» въ глаза непосредственному своему начальству,—не онъ ли, бывало, торжественно восклицалъ, бія увѣсистымъ кулакомъ по своей широчайшей груди:

— У меня хищеніе!? Я давно искоренилъ хищеніе. У меня строгій порядокъ... Чиновникъ у меня — вѣрный, добрый, безсребренный чиновникъ... У меня...

И, не находя болѣе словъ, подъ бременемъ охватывавшихъ его благородныхъ чувствъ, дяденька Протасъ Ивановичъ обыкновенно схватывалъ меня за руку и подводилъ къ стѣнѣ кабинета, которая сплошь была увѣшана различными картами и таблицами.

— Смотри, скептикъ!.. Видишь? У меня тутъ все, какъ на ладони! Весь механизмъ администраціи въ графическомъ изображеніи. Отсюда я все вижу и все знаю...

Я обыкновенно смотрѣлъ на эти красиво раскрашенныя карты и таблицы, пестрѣвшія красными, синими, зелеными и черными кружками, линіями и черточками, противъ которыхъ стояли красиво выведенныя цифры, и восхищался.

— Дѣйствительно, дяденька... Превосходныя таблицы!

— То-то! На нихъ все показано... все до малѣйшей подробности...

— Вѣрны ли онѣ?

— Я, братецъ, два года этимъ занимался... Двѣнадцать чиновниковъ работали надъ ними...

— Положимъ, дяденька, по этимъ таблицамъ вы можете представлять себѣ...

— Не представлять, а знать!—рѣзко перебивалъ Протасъ Ивановичъ.

— Но есть ли у васъ діаграмма нравственныхъ качествъ вашихъ подчиненныхъ?..

Дяденька, питавшій необычайную слабость къ всевозможнымъ статистическимъ таблицамъ и графическимъ изображеніямъ, на минуту былъ озадаченъ моимъ вопросомъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, не далъ ли онъ маху? Почему у него нѣтъ такой таблицы?»—говорило, казалось, его широкое, скуластое лицо, на которомъ блестѣли маленькіе глазки. Мысль эта, повидимому, очень заинтересовала его, и геніальная голова уже разрабатывала ее съ быстротой, обычной въ характерѣ Протаса Ивановича Мордасова.

Недаромъ онъ часто говорилъ: «Во всемъ нужны, братецъ, быстрота и русская сметка... Русскій человѣкъ всякое дѣло обмозгуетъ. Вотъ я по ветеринаріи курсъ кончилъ, а слава Богу... Да назначь меня хоть адмираломъ... небойсь, не ударю лицомъ въ грязь... Главное: здравый смыслъ!»

— Такой таблички у меня, по правдѣ сказать, нѣтъ!—отвѣтилъ наконецъ дяденька и даже нѣсколько сконфузился:—но ты мнѣ подалъ мысль... Я прикажу составить такую... Какъ ты назвалъ?

— Діаграмма...

— Да, діаграмму... Завтра же велю сдѣлать... Это, въ самомъ дѣлѣ, очень просто и удобно... Вмѣсто того, чтобы справляться въ спискѣ о чиновникахъ, я сейчасъ же взгляну на таблицу и... шабашъ! Вполнѣ благонадежный чиновникъ будетъ обозначенъ лиловымъ кружкомъ, просто благонадежный — синимъ, а внушающій опасенія — чернымъ... Это, братецъ, отлично!..

Черезъ два дня въ кабинетѣ прибавилась новая таблица, и дядя ликовалъ. Показывая мнѣ ее, онъ, впрочемъ, замѣтилъ:

— Конечно, табличка облегчаетъ справки, но я и безъ нея отлично знаю, каковы у меня подчиненные. Превосходно знаю. Выборъ у насъ не то, что въ другихъ мѣстахъ. Я сперва выисповѣдаю человѣка, и какъ онъ уйдетъ отъ меня, я его насквозь понимаю... Конечно, кое-какія злоупотребленія могутъ быть,—тутъ никто ничего не по-

дѣлаетъ,—но чтобы хищеніе, систематическое хищеніе... никогда!

— Трудно, дяденька, ручаться по нонѣшнимъ временамъ.

— Зарядилъ: трудно... Я и жалованье прибавилъ, и наконецъ у меня знаютъ, какъ я на хищеніе смотрю... Хищникъ у меня, братецъ, держись только... Ты, вѣрно, не читалъ моихъ циркуляровъ? Нѣкоторые изъ нихъ въ газетахъ даже были напечатаны, какъ образецъ... Прочитайка да и говори потомъ...

И дяденька далъ мнѣ довольно большой томикъ приказовъ и циркуляровъ, въ которыхъ увѣщательныхъ и грозныхъ посланій насчетъ хищенія было не мало. Въ одномъ изъ такихъ посланій, между прочимъ, говорилось: «Хищеніе будетъ мною преслѣдоваться по всей строгости законовъ. Все можно извинить, но хищеніе никогда. Хищеніе—это язва, разъѣдающая нашъ организмъ; я надѣюсь, что нашъ округъ останется чистъ отъ какихъ бы то ни было нареканій въ лихоимствѣ» и т. д. Въ посланіи, появившемся вслѣдъ за назначеніемъ Протаса Ивановича на мѣсто, было изображено: «Я считаю долгомъ объясниться коротко и ясно. Я простой русскій человѣкъ и изворотовъ не люблю. Безкорыстіе, правдивость и трудолюбіе—вотъ главнѣйшія качества, составляющія украшеніе человѣка, а тѣмъ болѣе чиновника. Съ ними всякій можетъ смѣло разсчитывать на меня. Я жажду правды, одной правды и ничего болѣе! Пусть каждый смотритъ на меня не какъ на начальника, а какъ на старшаго товарища, и попросту, по-русски, говоритъ въ глаза «правду-матку»... Но да трепещетъ лихоимецъ, если только таковой скрывается между нами. Пусть лучше онъ заранѣе бросаетъ службу,—иначе его ждетъ немилосердная кара. Съ хищниками я буду безпощаденъ. Ни слезы, ни раскаяніе, ни многочисленное семейство—ничто не остановитъ меня... Каждая, неправильно стяжанная у казны, копейка есть преступленіе, ничѣмъ не оправдываемое».

Въ Коломнѣ и на Пескахъ эти посланія нерѣдко читались вмѣсто посланій святыхъ апостоловъ, на сонъ грядущій, и производили не малую сенсацію среди безчисленной родни Протаса Ивановича.

— Протасъ-то Ивановичъ каковъ! Готовился въ ветеринары, а теперь... поди ты!

— Умъ, умъ-то какой!.. А вѣдь обучался на мѣдныя деньги!

— И правду-то какъ любитъ! Намедни, слышалъ? Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и явился къ князю Остроленкову. Ну, тамъ, разумѣется, все по этикету, у князя-то, какъ слѣдуетъ въ высшемъ обществѣ, а нашъ-то простецъ этого не любитъ... Князь спрашиваетъ о чемъ-то дяденькинаго мнѣнія, а онъ-то, нашъ Протасъ Иванычъ, на чистоту: «Извините, говоритъ, ваше сіятельство, я, говоритъ, русскій, простой человѣкъ, я, говоритъ, не знаю по-французски и всякихъ, говоритъ, тамъ выкрутасовъ... Я отъ души, напрямки». Да такъ-таки прямо и выложилъ ему свою душу-то!

— А князь что?..

— Его сіятельство тоже настоящій русскій человѣкъ. Онъ потрепалъ Протаса Иваныча по плечу такъ ласково и говоритъ: «Правды-то намъ и нужно, Протасъ Ивановичъ! Всѣ нынче изолгались и врутъ, говоритъ, какъ сивые мерена. Я и не знаю, кому вѣрить... Такъ какъ же не цѣнить намъ такихъ простыхъ людей, какъ вы». При этихъ словахъ и Протасъ Иванычъ не выдержалъ—ты знаешь вѣдь его сердце?—онъ заплакалъ и отъ полноты чувствъ князя-то въ ручку, а самъ шепчетъ: «не обезсудьте, ваше сіятельство! Я, говоритъ, не могу, сердце переполнено отъ такихъ словъ... Я русакъ безхитростный». И тогда его сіятельство изволили обнять его и, обнявшись, они простояли такъ минуты двѣ и оба плакали... А за правду-то Протасу Иванычу велѣли выдать подъемныхъ двѣ съ половиной тысячи... И то сказать: мундирчикъ-то на немъ былъ ветхонькій; его сіятельство обратили вниманіе, а Протасъ Иванычъ на это замѣчаніе опять-таки прямо, наотмашь: «Не изъ чего мнѣ, ваше сіятельство, новыхъ мундирчиковъ шить. Можно походить и въ старомъ мундирчикѣ, подкладочку новую ластиковую поставить, что ли, если душа чистая». И тутъ же, попросту, продекламировалъ:

Вотъ идетъ Петрушка
Черный трубочистъ,
Хоть лицомъ онъ грязенъ,
Но душою чистъ.

Его сіятельству очень понравился этотъ стишокъ... Онъ нѣсколько разъ заставилъ Протаса Иваныча повторить его и просилъ записать на память, при чемъ, какъ разсказывалъ Протасъ Иванычъ, далъ о стишкѣ такой одобрительный отзывъ: «Стишокъ отмѣнно хорошъ и остро-

уменъ. Авторъ выразилъ въ немъ патріотическія чувства и зрѣлый талантъ».

II.

Однимъ словомъ, про дяденьку Протаса Ивановича ходило не мало разсказовъ, свидѣтельствующихъ объ его умѣ, находчивости, безкорыстіи и, главное, объ его способности рѣзать «правду-матку», ни передъ кѣмъ не стѣсняясь, съ наивной грубостью медвѣдя и съ чистосердечіемъ откровеннаго человѣка.

И — что̀ всего удивительнѣе — эта откровенность не только не представляла неудобствъ, а, напротивъ, усѣяла жизненный путь Протаса Ивановича розами и фіалками.

Протасъ Ивановичъ еще и въ молодыхъ годахъ не стѣснялся рѣзать «правду-матку» и этимъ самымъ отличался отъ своихъ товарищей по успѣхамъ въ жизни. Товарищи его, не столь плотные, какъ дяденька, не имѣли такого пристрастія къ откровенности и, напротивъ, достигли успѣховъ тощимъ видомъ, скромностью и готовностью имѣть столько правдъ у себя въ боковомъ карманѣ, сколько находилось надъ ними начальниковъ.

Дяденькѣ Протасу Ивановичу, очевидно, не къ лицу были такіе пріемы. Онъ и въ молодые годы былъ коренастъ и необыкновенно толстъ, имѣлъ широкую грудь и короткую шею, на которой была помѣщена большая голова, съ трудомъ поворачивающаяся, точно она была пришита къ затылку. Съ такою наружностью, какъ ни ухитряйся, а трудно пробраться въ задній карманъ начальства и сидѣть въ немъ, какъ въ маленькомъ раю. Тощему это можно, а толстому—нельзя. И какъ ни старайся, а никакъ не сдѣлаешь изъ румянаго, брызжущаго здоровьемъ, широкаго мясистаго лица съ вѣчно веселой улыбкой—той изжелта-блѣдной физіономіи безъ улыбки, а съ одной только готовностью умереть во всякое время дня и ночи, которою обыкновенно отличаются худощавые люди, достигающіе намѣченной цѣли тихонько, не торопясь, болѣе помалчивая, чѣмъ болтая.

А мой дяденька къ тому же былъ болтливъ, какъ сорока. Онъ болталъ, не останавливаясь, кряду по пяти часовъ, сидя за своимъ письменнымъ столикомъ, и—какъ онъ ухитрялся, это ужъ его дѣло—но только порученныя ему дѣла исполнялись, какъ слѣдуетъ, тощими переписчиками. Онъ, бывало, подмахнетъ и опять болтаетъ насчетъ того,

что безъ правды никакъ нельзя жить на свѣтѣ такому толстому и веселому человѣку.

Онъ и тогда ужъ рѣзалъ «матку-правду», такъ что худощавые его товарищи не безъ удовольствія чаяли, что скоро Протаса Ивановича уберутъ и замѣнятъ его тощимъ человѣкомъ. Однажды онъ такъ горячо объяснялъ своему непосредственному начальнику о томъ, что онъ русскій человѣкъ и—«ужъ прошу меня простить»—любитъ по простотѣ рѣзать «матку-правду» (эти два слова были его любимыми и впослѣдствіи онъ даже испросилъ разрѣшеніе включить ихъ въ свой гербъ), что всѣ худощавые ждали неминуемаго скандала,—такъ неистово Протасъ Ивановичъ билъ себя въ грудь кулакомъ и такъ громко говорилъ въ глаза такія вещи, о которыхъ обыкновенно только думаютъ. Но, къ общему изумленію, никакого скандала не произошло. Напротивъ, непосредственный начальникъ (тоже изъ худощавыхъ) какъ-то особенно пристально взглядывалъ на Протаса Ивановича и, когда послѣдній нѣсколько успокоился, вытеръ слезу благороднаго негодованія, стеръ потъ со своего лба и пересталъ терзать свою широкую грудь увѣсистымъ кулакомъ, худощавый начальникъ тихо, съ едва замѣтной улыбкой на тонкихъ губахъ, взялъ его подъ руку, отвелъ къ себѣ въ кабинетъ и спросилъ:

— А сколько вамъ лѣтъ, молодой человѣкъ?

— Двадцать семь!

— Вы, молодой человѣкъ, далеко пойдете... Въ васъ оригинальность есть... Впрочемъ, какъ же и не быть?.. Экъ васъ разнесло какъ!—улыбнулся начальникъ не то насмѣшливо, не то какъ-то загадочно.—Вамъ нельзя, какъ намъ, худощавымъ... Хе-хе-хе... А за вашу правду благодарю... очень даже, но жаль, молодой человѣкъ, что я не могу воспользоваться ею, какъ слѣдуетъ... Вы, вѣрно, еще не знаете?.. Я уволенъ въ отставку и...—худощавый запнулся:—и ужъ не имѣю возможности оцѣнить вашей прямоты по достоинству!

Худощавый протянулъ руку и взглянулъ опять въ глаза Протасу Ивановичу, но—странное дѣло!—Протасъ Ивановичъ осовѣлъ; лицо его вдругъ потеряло выраженіе благороднаго негодованія, и глаза какъ-то смотрѣли вкось, избѣгая встрѣчи съ глазами бывшаго непосредственнаго начальника.

— Ну, желаю вамъ, молодой человѣкъ, всего хоро-

шаго... Если, когда что... не забудьте и насъ... Экъ васъ разнесло!.. Хе-хе-хе!..

Когда худощавые товарищи увидали осовѣлое лицо Протаса Ивановича и весело заключили, что отнынѣ онъ ужъ лишенъ возможности рѣзать «правду-матушку» и долженъ будетъ уѣхать, по крайней мѣрѣ, въ Америку,— всѣ бросились его поздравлять и пожимать ему руки за мужество и доблесть, только-что имъ проявленныя. Но Протасъ Ивановичъ (недаромъ онъ тогда еще былъ молодъ!) принялъ товарищескія изліянія какъ-то холодно и раньше времени ушелъ домой.

Но когда черезъ недѣлю худощавые узнали, что выходитъ въ отставку не Протасъ Ивановичъ, а непосредственный начальникъ, то изумленію не было предѣловъ. Большинство худощавыхъ вдругъ пошли къ лучшимъ врачамъ и стали настоятельно требовать самыхъ радикальныхъ средствъ для того, чтобы пополнѣть. Люди, не пившіе пива, стали душить его въ несмѣтномъ количествѣ, люди, не любившіе мучного, стали надоѣдать женамъ, чтобы за обѣдомъ было побольше мучного и поменьше говядины.

— Да что это съ вами?—говорили жены.

— А то съ нами, что нужно намъ пополнѣть.

— Зачѣмъ это?

— А Протасъ Ивановичъ... Слышали?..

Шелъ, конечно, разсказъ о Протасѣ Ивановичѣ съ приличными комментаріями и съ прискорбнымъ прибавленіемъ, что онъ не только не уѣхалъ въ Америку, а, напротивъ, получилъ высшій окладъ.

Жены, разумѣется, охотно стали заказывать пироги, и я не знаю, чѣмъ бы кончилась эта революція худощавыхъ, если бы не случилось обстоятельства, заставившаго худощавыхъ бросить лѣченіе, пиво и пироги и пожелать снова оставаться въ штатѣ худощавыхъ.

Случай вышелъ такой.

Одного худенькаго, совсѣмъ худенькаго человѣка терзала мысль, что ему, несмотря на мучную пищу, пришлось бы, по точному разсчету одного извѣстнаго врача, ждать ровно три года и пять мѣсяцевъ съ восемью днями до того времени, когда онъ можетъ достигнуть четверти той плотности, какой обладаетъ Протасъ Ивановичъ. Худенькій не могъ похвастать большимъ терпѣніемъ. Онъ рѣшилъ не дожидаться опредѣленнаго врачами срока и предупредить товарищей, которые, къ его ужасу, стали-было

уже полнѣть не по днямъ, а по часамъ. У него созрѣла мысль, мысль эта была поддержана его супругой, и вотъ, въ одно прекрасное утро, худенькій пришелъ въ департаментъ и сразу заходилъ по департаменту такимъ гоголемъ, что всѣ начали спрашивать: не выигралъ ли онъ двухсотъ тысячъ?

— Нѣтъ!—какъ-то загадочно отвѣчалъ худенькій.

— Наслѣдство получилъ?

— И наслѣдства не получалъ.

— Начальникъ поцѣловалъ?..

— Нужны мнѣ его поцѣлуи! — вдругъ обрѣзалъ онъ такъ рѣшительно, что всѣ только разинули рты и не могли проронить слова.

Какъ разъ въ ту пору вошелъ начальникъ, ласково со всѣми поздоровался и, между прочимъ, замѣтилъ самому худенькому:

— А ту бумажечку, о которой я васъ просилъ, изготовили?

— Нѣтъ, не изготовилъ!—произнесъ худенькій рѣшительно.

Всѣ сидѣли, словно бы очарованные. Даже самъ начальникъ—и тотъ на секунду очаровался.

— Почему?

— А потому, что... Ужъ вы меня простите... Я русскій человѣкъ и привыкъ правду-матку рѣзать... Я не могу никакъ видѣть, какъ нарушается правильное теченіе бумагъ... Я человѣкъ откровенный... Я...

И худенькій сталъ колотить себя худенькимъ кулачонкомъ по худенькой груди и, насколько позволяло силъ, снова выкрикивать «правду-матку».

— Вы не больны ли?—освѣдомился начальникъ.

— Нѣтъ-съ, я, слава Богу, здоровъ!

— Здоровы? А кажется мнѣ, что вы настолько больны, что вамъ нужно будетъ полѣчиться!

Съ этими словами начальникъ ушелъ.

А худенькій все сидитъ гоголемъ и думаетъ, что вотъ-вотъ ему сейчасъ же принесутъ извѣстіе о высшемъ окладѣ, даже и товарищи его не безъ зависти смотрѣли на его задорный видъ и, прозрѣвши каверзу, чуть ли не громко называли его «интриганомъ» (обѣщалъ лѣчиться и пополнѣть и вдругъ такую штуку отмочилъ!). Но когда черезъ два часа худенькому принесли подлинную резолюцію объ увольненіи безъ прошенія, то онъ долго еще

не могъ придти въ себя и, свѣсивъ голову на грудь, только повторялъ:

— Да какъ же это... какъ же! А Протасъ Иванычъ?

Всѣ худощавые тоже пришли въ недоумѣніе и тутъ же рѣшили бросить діэту. Одинъ Протасъ Ивановичъ весело хихикалъ и болталъ сосѣду, что ему безъ «правды-матки» не жить.

И вскорѣ, какъ нарочно, открылся блестящій случай доказать это. Въ тѣ мѣста, гдѣ жилъ дяденька, пріѣхалъ начальникъ, который требовалъ «правды, одной правды и больше ничего». Вслѣдъ затѣмъ понадобился откровенный человѣкъ, самый, что называется, откровенный, для исполненія какого-то порученія.

Пришли выбирать. Осмотрѣли всѣхъ. Видятъ, все какія-то неоткровенныя лица, въ которыхъ преданности много, но откровенности мало. Хотѣли-было уже уходить, какъ вдругъ взглядъ скользнулъ по лицу Протаса Ивановича, остановился и радостно блеснулъ при видѣ этого широкаго добродушнаго лица. «Господи! Да это самая откровенность и есть! А мы ищемъ!»

— Молодой человѣкъ... Намъ нуженъ...

— Я, ваше п—во, не гожусь!—не стѣсняясь, перебиваетъ молодой человѣкъ.—Я, ваше п—во, русскій человѣкъ и люблю рѣзать «правду-матку»... Я...

— Да вы позвольте... дайте намъ досказать, молодой человѣкъ...

Но «молодой человѣкъ» сталъ еще пуще горячиться и забилъ себя снова такъ кулаками въ грудь, что худощавые опять подумали, что теперь шабашъ, придется уѣхать этому толстяку въ Австралію. Они не забыли еще случая съ худенькимъ и испуганно слушали, какъ толстякъ съ азартомъ восклицалъ:

— Я, ваше п—во, не гожусь... Я все, что̀ увижу, все такъ по-русски, безъ прикрасъ, и выложу... Злоупотребленій не прикрою-съ... Нѣтъ-съ... Я русскій человѣкъ, душа простая, любитъ правду-матку... Мнѣ главное — правда, безъ того я сейчасъ бы умеръ... И что̀ жить безъ правды? Я не умѣю по-дипломатически... Я попросту, безъ затѣй. Нѣтъ, ужъ увольте меня, ваше п—во... Я...

Но, къ общему изумленію, вмѣсто негодованія въ глазахъ начальства стоялъ тотъ снисходительно-поощрительный взглядъ, которымъ часто матери смотрятъ на своего

рѣзваго малютку, выказывающаго, по ихъ мнѣнію, большія способности.

— Такого-то намъ и нужно, молодой человѣкъ... Одной правды, правды и ничего кромѣ правды. Довольно мы слушали льстивыхъ словъ. Дайте намъ правды!..

И съ этими словами молодого человѣка увели подъ руку, а худощавые, какъ сидѣли съ разинутыми ртами, такъ и остались до тѣхъ поръ, пока не пришелъ сторожъ и не сказалъ, что время закрывать рты.

Молодой человѣкъ вполнѣ оправдалъ довѣріе. Онъ говорилъ правду, одну правду и болѣе ничего.

— Ваше п—во... я не могу... Я русскій, люблю матку-правду...

— Что̀ съ вами, молодой человѣкъ?

— Не могу, ваше п—во, скрыть, хотя бы за это мнѣ пришлось пострадать... У насъ, ваше п—во, сторожа воруютъ перья и бумагу...

— Благодарю васъ, молодой человѣкъ, за открытіе этого злоупотребленія... Очень вамъ благодаренъ... Вы знаете, я требую отъ подчиненныхъ правды, одной правды и болѣе ничего.

— Я, ваше п—во, люблю правду. Для меня главное, ваше п—во, правда... Я русскій простой человѣкъ и хитрить не умѣю...

— Да вы успокойтесь, молодой человѣкъ... что̀ съ вами?.. Успокойтесь, — говорилъ начальникъ, усаживая взволнованнаго молодого человѣка въ кресло.

— Не могу, ваше п—во, успокоиться. Простите, ваше п—во, я русскій человѣкъ, простой... Что̀ на умѣ, то и на языкѣ...

— И прекрасно... Вы знаете, я прошу правды, одной правды и болѣе ничего...

— Это, ваше п—во, меня и трогаетъ... Я, можно даже сказать, полюбилъ васъ, какъ родного отца, именно за то, что вы изволите не бояться правды...

— Такъ что̀ же, молодой человѣкъ, вы хотѣли сказать?.. Говорите!

— Вы, ваше п—во... Ужъ вы меня простите за простоту... Вы изволили поступить незаконно...

Его п—во хмурится...

— Въ чемъ же, молодой человѣкъ?..

— Вы приказали выдать сторожу пять рублей награды, а по закону ему полагается три съ полтиной!..—задыхаясь

отъ волненія, докладывалъ молодой человѣкъ.—Казенный интересъ такимъ образомъ терпитъ ущербъ...

— Спасибо... спасибо. Вы правы... Мы исправимъ эту оплошность... Благодарю васъ! Вы вѣдь знаете, что я прошу правды, одной правды и ничего болѣе...

Его п—во прижалъ молодого человѣка къ груди.

— Всегда поступайте такъ... Это честно и благородно... Намъ нужны люди, которые не боятся правды.

Кажется, и не особенно мудреныя слова говорилъ Протасъ Ивановичъ, да вдобавокъ еще и слова были все одни и тѣ же, и запасъ ихъ былъ далеко не разнообразенъ, но, сказанныя во-время и съ умомъ, они производили надлежащій эффектъ, такъ что слухъ объ откровенномъ молодомъ человѣкѣ, говорящемъ правду, не стѣсняясь, тогда какъ товарищи все еще продолжали стѣсняться, распространился повсюду. На молодого человѣка обратили вниманіе; ему стали давать лестныя порученія. Безкорыстіе и откровенность его сдѣлались общепризнаннымъ фактомъ, такъ что даже въ газетахъ появились корреспонденціи, сообщавшія о появившемся чудѣ—о человѣкѣ, говорящемъ въ глаза правду, одну правду и ничего болѣе. Слава его росла. Ни отъ какихъ порученій онъ не отказывался. Онъ утверждалъ, что русскій человѣкъ все смекнуть можетъ, и любилъ повторять анекдоты о самоучкахъ... Надо ли было изслѣдовать вопросъ о ловлѣ трески, онъ брался за треску, ѣхалъ на мѣсто и въ недѣлю изслѣдовалъ; надо ли было свидѣтельствовать лѣса, онъ, ни мало не задумываясь, свидѣтельствовалъ; требовалось ли изыскать мѣры для улучшенія конскихъ породъ, худо ли, хорошо ли, но онъ изыскивалъ и горячо докладывалъ объ этомъ кому слѣдуетъ.

«На всѣ руки вы мастеръ!»—похваливали его и цѣнили, какъ правдиваго и откровеннаго человѣка.

Онъ, по словамъ родственниковъ и знакомыхъ, былъ въ молодости превосходный ветеринаръ и избавилъ весь уѣздъ отъ сибирской язвы, благодаря средству, дотолѣ неизвѣстному въ медицинѣ, но выдуманному Протасомъ Ивановичемъ (составъ изъ купороса, соли, дегтя и махорки). Затѣмъ онъ былъ отличнымъ исправникомъ, послѣ чего не менѣе превосходнымъ педагогомъ, пока наконецъ не обнаружилъ необыкновенныхъ высшихъ способностей. «И всегда до всего доходилъ своимъ умомъ, всегда изнутра, изъ своего русскаго нутра, выдумывалъ». Далѣе разска-

зывали совсѣмъ ужъ неправдоподобную исторію о томъ, какъ Протасъ Ивановичъ десятью хлѣбами накормилъ неурожайную губернію, и наконецъ передавали легенду объ огурцѣ, при чемъ въ Коломнѣ и на Пескахъ я слышалъ различные варіанты этой легенды; однако основаніе легенды было одно и то же и относилось ко времени путешествія Протаса Ивановича за границу для изученія на мѣстѣ различныхъ способовъ приготовленія селедки...

Во время проѣзда черезъ княжество Лихтенштейнъ, ея свѣтлость княгиня Лихтенштейнская удостоила Протаса Ивановича пригласить къ себѣ; хотя Протасъ Ивановичъ ни по-французски, ни по-нѣмецки не говорилъ, но тѣмъ не менѣе при помощи мимики и нѣкоторыхъ словъ произвелъ на ея свѣтлость очень хорошее впечатлѣніе, особенно послѣ эпизода съ огурцомъ. Вышло это такъ: показывая Протасу Ивановичу свой огородъ и жалуясь, что она, принцесса, по малости населенія, принуждена сама входить во все и даже смотрѣть за огородомъ—иначе, того и гляди, Бисмаркъ отниметъ и послѣднее достояніе!—принцесса изволила собственноручно сорвать огурецъ и предложила Протасу Ивановичу огурецъ этотъ скушать, при чемъ указала ручкой, какъ это сдѣлать. Но Протасъ Ивановичъ вмѣсто того огурецъ-то этотъ поцѣловалъ (въ забывчивости не утеревъ съ него даже навоза) и знаками далъ понять, что огурецъ онъ не съѣстъ ни за что, а сохранитъ его на память, какъ нѣкоторый талисманъ. Принцесса Лихтенштейнская, не привыкшая, натурально, къ выраженію такихъ благородныхъ чувствъ—много-ль у нея-то и подданныхъ?—была необычайно этимъ тронута и дала Протасу Ивановичу еще одинъ огурецъ, но уже поменьше—нѣмка была скупенька!—но съ той поры всѣ узнали, какъ сильны чувства у нашего Протаса Ивановича!..

Такъ передавалась эта легенда въ Коломнѣ. На Пескахъ она передавалась нѣсколько иначе. Тамъ дѣйствующимъ лицомъ была не принцесса Лихтенштейнская, а восточный принцъ Абдулъ-ханъ, и разсказывалось уже не объ огурцѣ, а о подошвѣ, данной будто бы его высочествомъ Протасу Ивановичу въ подарокъ и тоже сохраненной дяденькой въ качествѣ талисмана...

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти легенды сочинялись въ Коломнѣ и на Пескахъ многочисленными родственниками, по фактъ сочиненія такихъ легендъ тѣмъ не менѣе показы-

валъ, какъ всѣ любили Протаса Ивановича. И дѣйствительно, имя дяденьки произносилось между родными всегда съ особеннымъ уваженіемъ и какою-то торжественностью, а когда онъ жаловалъ къ кому-нибудь изъ родныхъ и подчиненныхъ на пирогъ или на «тарелку супа», то такое посѣщеніе давало пищу восторгамъ на долгое время.

III.

И то сказать, какъ было его не любить! Какую массу родныхъ и знакомыхъ пристроилъ онъ къ мѣстамъ... Тому мѣстечко, другому, третьему, десятому... «Въ пятомъ колѣнѣ и то родство признаетъ!»—говорили про дяденьку родственницы. Попросятъ его за братца или за свояка, онъ призоветъ претендента и начнетъ исповѣдывать:

— Здравый смыслъ у тебя есть?

— Кажется, дяденька... Я и аттестатъ имѣю... Въ гимназіи курсъ кончилъ...

— Ты глупостей мнѣ не говори... Зачѣмъ мнѣ твой аттестатъ?.. Очень нужно мнѣ знать, что ты тамъ разныя глупости проходилъ... Это даже лишнее... Я вотъ ветеринаромъ былъ, а слава Богу... Такъ если Богъ разсудкомъ не обидѣлъ—всему научиться можешь...

— Слушаю, дяденька...

— Только у меня знаешь... Правда и правда... Слышишь?

— Помилуйте...

— То-то!.. Смотри, служи честно и не думай о хищеніи... Наше вѣдомство заслужило дурную репутацію на этотъ счетъ, но теперь у насъ... У меня тутъ все видно!..—добавлялъ онъ, показывая на свои таблицы.— Ну, съ Богомъ, недѣльку, другую присмотрись, а тамъ и на мѣсто.

Смотришь, Васенька или Петенька уже ѣхалъ черезъ недѣльку-другую на мѣсто и годика черезъ два возвращался погостить въ Петербургъ, какъ будто пооперившись... И поступь дѣлалась тверже, и голосъ увѣреннѣй... однимъ словомъ, видно было, что человѣкъ на кормахъ.

Помню очень хорошо, какъ однажды на вечерѣ у коломенской тетеньки я встрѣтилъ одного изъ такихъ родственниковъ, пригрѣтыхъ дяденькой.

Митенька былъ скромный, очень скромный, добронравный и даже чувствительный молодой человѣкъ, опери-

вшійся съ тѣхъ поръ, какъ дяденька «пристроилъ» его. До того онъ искалъ мѣстъ и нерѣдко сокрушался, что покойный папенька его былъ «неисправимымъ идеалистомъ», служилъ въ таможнѣ и умеръ голякомъ.

— Если бы папенька побольше думалъ о своихъ дѣтяхъ, мы не терпѣли бы лишеній. Я бы кончилъ курсъ, какъ слѣдуетъ, и былъ бы подпорой маменькѣ!—говаривалъ онъ, бывало.

Вотъ этотъ-то скромный молодой человѣкъ разсказывалъ мнѣ, какъ теперь, благодаря дяденькѣ, очистилось вѣдомство, и какъ у нихъ все «честно и благородно».

— Хищенія нѣтъ?

— Что̀ вы? При дяденькѣ?—ужаснулся даже молодой человѣкъ.

И всѣ родственники въ одинъ голосъ повторили:

— При дяденькѣ? При Протасѣ Иванычѣ!? Какъ вамъ не стыдно подумать!

И затѣмъ начались перечисленія добродѣтелей Протаса Ивановича. Сколько онъ дѣлаетъ добра! Какой онъ родственный! Дошло до того, что стали стыдить меня за то, что я, родной племянникъ, и не схожу попросить себѣ мѣста.

— Да у меня, слава Богу, есть работа; цѣлый день занятъ!

— Все равно... Онъ тебя запишетъ для жалованья—онъ приметъ во вниманіе твое семейное положеніе... Онъ добрый. Вотъ Петя, Женичкинъ братъ, двѣсти рублей въ мѣсяцъ получаетъ, а живетъ въ Парижѣ... А Костя Куроцапкинъ, двоюродный племянникъ?.. А Васенька?.. А Колю командировали въ Италію, чтобъ дать возможность женѣ его лѣчиться въ Ниццѣ...

Слѣдовало еще перечисленіе именъ... Всѣ оживились, восхваляя наперерывъ дяденьку Протаса Ивановича. Коломна и Пески читали единодушно акаѳистъ. Никто не находилъ страннымъ, что можно получать жалованье, не ходивши даже на службу. «Все равно, по штату деньги полагаются... Не возвращать же ихъ въ казну... Пусть лучше пойдутъ бѣдному человѣку!» и т. д. Тутъ же, въ видѣ похвалы Протасу Ивановичу, сообщили, какъ онъ, выдавая дочь замужъ за своего подчиненнаго, испросилъ пособіе и для жениха, и для себя. Приданое и сдѣлалъ. Мало-по-малу изъ разсказовъ выяснилось, что Протасъ Ивановичъ и отъ командировокъ получаетъ довольно, и

что наконецъ Протасу Ивановичу и землицы изрядный кусъ отрѣзали въ Западномъ краѣ, и все за его прямоту да честность...

Одна только Агаѳья Тихоновна, ядовитая вдова статскаго совѣтника, возстала противъ общаго мнѣнія и зашипѣла. Она назвала Протаса Ивановича «Пролазомъ Ивановичемъ» и даже выказала ариѳметическія способности, начавши перечислять, сколько дяденька «срываетъ» въ годъ разныхъ дополнительныхъ сборовъ. То же и относительно подчиненныхъ дяденьки она далеко не была того мнѣнія, чтобы они поступали честно и благородно. «Отчего это «нѣкоторые» (и при этомъ Агаѳья Тихоновна довольно ехидно взглянула на скромнаго молодого человѣка), уѣзжая на службу, съ позволенія сказать, безъ сапогъ и получая—«мы знаемъ, какое жалованье!»—годика черезъ два дарятъ женамъ чернобурыхъ лисицъ и покупаютъ брильянты... Небось, на жалованье?!?»

Но ядовитой статской совѣтницѣ не дали продолжать. На нее напали со всѣхъ сторонъ, и кто-то прямо выпалилъ, что она имѣетъ «личности» противъ дяденьки.

— Она за сына хлопотала, а Протасъ Иванычъ, при всемъ желаніи, не могъ опредѣлить сынка ея!—говорила мнѣ подъ шумокъ одна молодая родственница.—Ты вѣдь знаешь, какой оболтусъ ея сынокъ? Идіотъ совсѣмъ! До пятидесяти сосчитать не можетъ. Дяденька принужденъ былъ отказать, вотъ она и злится на дяденьку!

Несмотря на протесты, статская совѣтница продолжала однако отбиваться. То и дѣло съ ея устъ срывались ехидныя замѣчанія насчетъ «Пролаза Ивановича». И даже—о, святотатство!—легенду объ огурцѣ она норовила объяснить совсѣмъ иначе...

Солидный молодой человѣкъ однако успѣлъ утишить бурю, пошептавшись съ тетенькой Агаѳьей Тихоновной. Что̀ такое онъ шепталъ, Богъ его знаетъ, но только Агаѳья Тихоновна усмирилась! Послѣ сказывали, что онъ ей обѣщалъ подарить персидскую шаль, пріобрѣтенную имъ по случаю. Надо тутъ замѣтить, что почти всѣ предметы ввоза пріобрѣтались въ этой компаніи «по случаю», и такимъ образомъ «случай» былъ хорошимъ подспорьемъ по хозяйству.

Къ концу ужина, когда вина, пріобрѣтенныя тоже, разумѣется, «по случаю», внесли еще большее оживленіе, скромный молодой человѣкъ, сидѣвшій рядомъ со мной,

значительно подпилъ; на Митеньку вдругъ напала какая-то отвага, и онъ счелъ своимъ долгомъ высказаться. Во-первыхъ, онъ заявилъ о своихъ гражданскихъ чувствахъ, хотя въ нихъ никто не сомнѣвался, и объявилъ громогласно, что онъ истинный патріотъ. Затѣмъ сталъ разсказывать, какъ онъ живетъ въ своей провинціи. У него и поваръ, и лошадки рѣзвыя, домъ—полная чаша, жену онъ балуетъ, маменькѣ служитъ подпорой, вообще живетъ, какъ «порядочный человѣкъ».

— И на черный день кое-что прикапливаемъ!—прибавилъ онъ горделиво въ заключеніе.

— Видно, дешево жить?

— Дешево не дешево, а жить тамъ хорошо. Можно жить, братецъ!

— Доходцы есть?

— Есть-таки, и хорошіе доходцы!..

Испробовавъ винъ разныхъ сортовъ, сосѣдъ мой окончательно вошелъ въ азартъ. Глаза его загорѣлись плотояднымъ блескомъ, когда онъ сталъ пояснять мнѣ, какіе у нихъ доходцы. Мнѣ казалось, что онъ хвасталъ, фамильярно обращаясь съ цифрами, и тогда онъ, нѣсколько даже обиженный, что я не вѣрю ему, входилъ въ подробности и хвалился, какъ все это у нихъ правильно и хорошо организовано, совсѣмъ на коммерческомъ основаніи. Притомъ онъ ни разу не упомянулъ слова «взятка», а говорилъ лишь о «комиссіи», о «соглашеніи» и т. п. Чѣмъ болѣе онъ разсказывалъ, тѣмъ болѣе оживлялся и бахвалился.

— Прежде не то еще было!—проговорилъ онъ, видимо, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Неужто?

— Это, братецъ, цѣлая поэма... Тогда въ два-три года можно было при случаѣ нажить огромное состояніе... Напримѣръ, если партія фальшивыхъ ассигнацій или...

— Но какъ же дяденька?..—перебилъ я:—вѣдь у него таблицы?

— Таблицы!? — засмѣялся Митенька пьянымъ смѣхомъ.—Какъ же, какъ же! Дяденька превосходный человѣкъ, но тутъ у него гвоздь! — показалъ онъ на свой лобъ.—Таблицы!?.. Мы надъ этими таблицами много смѣемся. Вѣдь у насъ, братецъ, жизнь, а не таблицы!

И онъ снова разразился самымъ паскуднымъ смѣхомъ.

Я вспомнилъ, что этотъ скромный молодой человѣкъ

въ дяденькиной «таблицѣ нравственности» значился подъ лиловымъ кружкомъ, и, признаться, пожалѣлъ дяденьку...

— Мы очень цѣнимъ дяденьку!—продолжалъ молодой человѣкъ:—очень цѣнимъ и никогда не подведемъ его, нѣтъ! У насъ все довольно остроумно устроено...

IV.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого разговора, пронесся зловѣщій слухъ о грандіозномъ хищеніи въ вѣдомствѣ, гдѣ служилъ дяденька; говорили, что прикосновенныхъ накрыли. Вскорѣ слухъ этотъ попалъ и въ газеты; по словамъ корреспондентовъ, обнаружилось нѣчто дѣйствительно колоссальное. Въ Коломнѣ и Пескахъ наступила паника.

Всѣ родственники ходили какъ ошалѣлые; многіе отправились пѣшкомъ къ Сергію излить горе въ молитвѣ; нечего и говорить, что всѣ сочувствовали Протасу Ивановичу, бранили этихъ «подлецовъ», забывшихъ Бога, которые подвели дяденьку, и горько сожалѣли, что теперь, пожалуй, многимъ изъ нихъ не придется пріобрѣтать «по случаю» разныхъ необходимыхъ предметовъ по хозяйству. «Какъ-то теперь будетъ жить дяденька?.. Онъ вѣдь себѣ ничего не прикопилъ! Безсребренникъ вѣдь дяденька!» Но ехидная статская совѣтница и при такихъ обстоятельствахъ не удержала своего языка.

— Пролазъ-то Иванычъ не прикопилъ? — замѣтила она.—Онъ-то!?

И, задыхаясь отъ волненія, словно боясь, что ей не дадутъ говорить, она начала перечислять, сколько «урвалъ» дяденька разными подъемными, пособіями, остаточными и т. д., и заключила свою ехидную рѣчь восклицаніемъ: «Пролазъ Иванычъ не пропадетъ... не таковскій!»

Я отправился къ дяденькѣ Протасу Ивановичу узнать правду. Вхожу въ кабинетъ. Онъ шагаетъ быстрыми, нервными шагами, взволнованный, разстроенный. Увидавъ меня, онъ остановился, протянулъ руку и остановилъ на мнѣ свой взглядъ. Какое-то недоумѣніе стояло въ этомъ взглядѣ маленькихъ глазъ, въ чертахъ этого мясистаго, широкаго лица.

— Кто бы могъ этого ожидать!—проговорилъ онъ наконецъ.—Кажется, у меня сосредоточены всѣ свѣдѣнія... (Онъ указалъ рукой на стѣну, покрытую картами и таблицами). И вдругъ... Подлецы!

Я не знаю, закралось ли въ его геніальную голову чувство недовѣрія къ таблицамъ, или какая-нибудь новая «предупреждающая» таблица озарила его мозгъ, но только онъ поникъ головой и нѣсколько времени молча стоялъ передъ этими таблицами, скрестивши руки, какъ Наполеонъ на статуэткахъ.

— Кажется, я долженъ былъ служить имъ примѣромъ!—съ горечью проговорилъ дяденька.—Я дѣйствовалъ честно, и эти подлецы меня подвели, а еще родственники! Ты знаешь, Митенька одинъ изъ главныхъ мошенниковъ. Митенька, котораго я въ люди вывелъ!

Онъ разразился гнѣвомъ и обѣщалъ никого не пощадить. Себя онъ считалъ невинной жертвой.

Дяденька Протасъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ былъ пораженъ. Слишкомъ ужъ грандіозное было хищеніе; практиковалось оно давно и былò организовано по всѣмъ правиламъ мошенническаго искусства. А не онъ ли былъ увѣренъ, что уничтожилъ хищеніе и завелъ настоящіе порядки? Не онъ ли выдумывалъ таблицы, даже осуществилъ мою мысль о діаграммѣ нравственности и писалъ грозныя посланія къ подчиненнымъ коринѳянамъ? По поводу этихъ посланій нѣкоторыя газеты даже пришли въ умиленіе и прозрѣли новую эру. Не онъ ли, въ началѣ своей дѣятельности, показалъ примѣръ на двухъ чиновникахъ, повинныхъ въ лихоимствѣ? Не онъ ли ежегодно получалъ подъемныя, чтобы лично удостовѣриться, вездѣ ли порядокъ и правда, вездѣ ли то самое, чтò показывали ему таблицы?.. Онъ ѣздилъ, осматривалъ, одобрялъ — и вдругъ приходится стукнуться крѣпкимъ лбомъ въ стѣну и увидать въ одинъ прекрасный день—и то по указанію другихъ,—что все это зданіе съ таблицами, циркулярами, экзаменами и пр., и пр., выводимое съ любовью и гордостью,—построено на песцѣ и оказывается вполнѣ гнилымъ и никуда негоднымъ... Хищеніе не только не было имъ уничтожено, но какъ будто нагло смѣялось въ глаза и говорило:

— На-ко, съѣшь!

„БЕЗШАБАШНЫЙ“

(ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ).

I.

— А почему, позвольте васъ спросить, я долженъ стѣсняться? Ради чьихъ прекрасныхъ глазъ?

— Но извѣстные принципы... правила...

— А если у меня нѣтъ никакихъ?

— Какъ никакихъ?

— Да такъ, никакихъ-съ. Мой принципъ: безпринципность.

— А боязнь общественнаго мнѣнія? Страхъ передъ тѣмъ, что̀ скажутъ?

Въ отвѣтъ на эти слова, мой сосѣдъ за обѣдомъ въ честь одного почтеннаго юбиляра, безсмѣнно и безропотно просидѣвшаго на одномъ и томъ же креслѣ двадцать пять лѣтъ,—молодой человѣкъ того солиднаго и трезвеннаго вида, какимъ отличаются нынѣшніе молодые люди, выстриженный по модному, подъ гребенку, съ бородкой à la Henri IV, въ изящномъ фракѣ, румяный отъ избытка здоровья и выпитаго вина,—взглянулъ на меня, щуря свои сѣрые, слегка осоловѣлые, наглые глаза, словно на человѣка, только-что вырвавшагося изъ больницы Всѣхъ Скорбящихъ, съ одиннадцатой версты.

— Вы изъ... изъ какой невѣдомой Аркадіи изволили пріѣхать?—насмѣшливо сказалъ онъ.

Онъ подлилъ въ стаканъ кло-де-вужо, отпилъ не спѣша нѣсколько глотковъ съ серьезностью человѣка, знающаго толкъ въ хорошемъ винѣ, и продолжалъ слегка докторальнымъ тономъ своего мягкаго и нѣжнаго баритона:

— Я, милостивый государь мой, боюсь только своего

патрона. Одного его боюсь и никого больше!.. Вы знаете Проходимцева? Нѣтъ? Вонъ, наискосокъ сидитъ, рядомъ съ худощавымъ сѣдымъ старикомъ и, вѣрно, заговариваетъ ему зубы, такой приземистый и широкоплечій пожилой господинъ, съ пронизывающими маленькими глазками, лысый, въ очкахъ... Видите?

— Вижу.

— Ну, вотъ это и есть мой патронъ. Слышали, конечно, о немъ?

— Слышалъ...

— Это замѣчательный человѣкъ. Былъ когда-то приходскимъ учителемъ въ какомъ-то захолустьѣ, а теперь предсѣдатель трехъ правленій, учредитель многихъ предпріятій, общественный дѣятель, меценатъ, филантропъ и ко всему этому, разумѣется, продувная бестія, стоящая, выражаясь языкомъ янки, двухъ милліоновъ. Нынче онъ сытъ и потому позволяетъ себѣ роскошь быть честнымъ человѣкомъ и преслѣдовать злоупотребленія. Онъ больше уже не получаетъ промессъ, не рветъ процентовъ съ заказовъ, не пишетъ дутыхъ отчетовъ, не устраиваетъ общихъ собраній съ подставными акціонерами и не играетъ на биржѣ. Онъ проповѣдуетъ теперь экономію и воздержаніе; какъ бывшій искусный воръ, отлично ловитъ неискусныхъ воровъ, пишетъ записки о народномъ благосостояніи, называетъ себя патріотомъ 84 пробы и по воскресеньямъ ѣздитъ въ Лавру помолиться о своихъ грѣхахъ...

— Однако вашъ патронъ...

— Весьма большая умница!—съ авторитетомъ и видимымъ сочувствіемъ произнесъ молодой человѣкъ. — Un homme à tout faire... Знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и умѣетъ влѣзть куда угодно. Голова золотая.

— Отчего же вы его боитесь?

— Наивный вопросъ! Причина простая: Проходимцевъ можетъ выгнать меня изъ своего правленія, какъ только придетъ ему въ голову эта глупая фантазія...

— Но такая фантазія не приходитъ?

— Положимъ, Проходимцевъ ко мнѣ благоволитъ и даже вѣритъ... На всякаго мудреца довольно простоты... вѣритъ въ мою преданность, какъ я вѣрю въ свои шесть тысячъ жалованья и двѣ ежегодной награды. Положимъ, я работаю много: сижу цѣлый день въ правленіи и по вечерамъ правлю литературныя произведенія Проходимцева... Онъ

говоритъ не хуже Гамбетты, а пишетъ, какъ сапожникъ... Но вѣдь и его можетъ укусить муха? Могутъ ему ловко шепнуть черезъ даму его сердца, что я недостаточно усердно мечусь въ своей канцеляріи и недостаточно проникнутъ его идеями... А онъ любитъ проникновеніе... Вѣдь могутъ?

— Ну, допустимъ, что могутъ...

— И тогда вашъ покорный слуга на тротуарѣ. Ищи другого мѣста, ищи новаго принципала! Вотъ я и боюсь Проходимцева и вполнѣ проникаюсь его идеями... А общественное мнѣніе?—усмѣхнувшись, протянулъ молодой человѣкъ.—Какое мнѣ до него дѣло? Что̀ мнѣ Гекуба, и что̀ я Гекубѣ? Кто изъ мало-мальски неглупыхъ людей боится его? Возьмите хотъ Проходимцева! Развѣ его, пажившаго два милліона безъ вмѣшательства прокурорскаго надзора, общественное мнѣніе преслѣдуетъ? Развѣ отъ него отворачиваются? Напротивъ! Его вездѣ принимаютъ съ большимъ почетомъ. Онъ свой въ обществѣ и выдаетъ дочь за испанскаго гранда... У него бываютъ, въ немъ ищутъ, его просятъ о мѣстахъ. Его портретъ съ біографіей помѣщается въ «Нивѣ», и газеты не иначе упоминаютъ его имя, какъ предпославъ: «нашъ извѣстный желѣзнодорожный дѣятель и истинно-русскій человѣкъ». Всѣ знаютъ, что его два милліона не съ неба упали, всѣ помнятъ, какъ трепали, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, его имя въ газетахъ, и всѣ тѣмъ не менѣе ласкаютъ его, втайнѣ завидуя ему, какъ умному человѣку, который, такъ сказать, изъ ничтожества сдѣлался тузомъ, избѣгнувъ бубноваго туза на спину, и обезпечилъ себя и своихъ близкихъ. Все это старо, какъ Божій міръ, и извѣстно, какъ таблица умноженія... А вы: боязнь общественнаго мнѣнія! Какое такое общественное мнѣніе? Кого оно удерживаетъ? Вонъ, взгляните на того толстяка съ отвислой губой и съ оголеннымъ черепомъ, похожаго на раскормленнаго борова, со звѣздой Льва и Солнца... Это крупный землевладѣлецъ въ одной изъ южныхъ губерній. Всѣ знаютъ, что сынъ его, юноша, застрѣлился, ужаснувшись дѣйствій отца... Конечно, психопатъ былъ... а дочь убѣжала... А посмотрите, какъ любезно всѣ съ нимъ говорятъ... И онъ, какъ видите, совсѣмъ не похожъ на кающагося... Посмотрѣли бы вы, какіе онъ фестивали задаетъ, пріѣзжая по зимамъ въ Петербургъ... Обѣды—восторгъ.

— Вы бываете у него?..

— Бываю. Отчего-жъ не бывать? У него всѣ бываютъ. А вонъ... на томъ концѣ стола... красивый молодой человѣкъ, такой сильный и здоровый, покручивающій усы... Развѣ его тоже преслѣдуютъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ, становившійся все болѣе и болѣе словоохотливымъ къ концу обѣда, послѣ нѣсколькихъ бутылокъ вина: — развѣ преслѣдуютъ его за то, что онъ за приличный гонораръ состоитъ въ Артюрахъ? Его, не безъ нѣкотораго основанія, оправдываютъ отсутствіемъ средствъ и необходимостью сдѣлать карьеру при помощи чужой бабушки, если своей нѣтъ... Да и, по правдѣ сказать, если отрѣшиться отъ предразсудковъ, профессія, какъ и всякая другая!.. Кому же, скажите на милость, мѣшаетъ ваше такъ-называемое общественное мнѣніе? Кто только не плюетъ на него?—съ циничнымъ, откровеннымъ смѣхомъ добавилъ молодой человѣкъ.

II.

Кстати, надо его представить читателю. Рекомендую: кандидатъ правъ и естественныхъ наукъ Николай Николаевичъ Щетинниковъ. Отъ роду 28 лѣтъ, но его серьезный и строгій видъ заставляетъ ему давать больше. Сынъ небогатыхъ и почтенныхъ родителей, изъ захудалаго дворянскаго рода, обожавшихъ своего первенца и выбивавшихся изъ силъ, чтобъ дать ему образованіе и поставить на ноги. Съ отроческихъ лѣтъ подавалъ надежды, что не пропадетъ, и въ гимназіи слылъ подъ прозвищемъ «безсовѣстнаго» за отвагу, съ какою онъ разрѣшалъ разные этическіе вопросы. Учился отлично и, поступивъ въ университетъ, окончилъ два факультета. Родителей почиталъ, получая ежемѣсячно по пятидесяти рублей, но считалъ отца порядочнымъ дуракомъ за то, что онъ, бывши одно время на хорошемъ мѣстѣ, не сумѣлъ воспользоваться случаемъ и пребывалъ въ бѣдности, а мать считалъ дурой за то, что потакала отцу въ его, давно потерявшихъ смыслъ, идеяхъ. Еще въ университетѣ, слыша про чужіе успѣхи, выработалъ теорію полной свободы личности дѣлать то, къ чему влекутъ желанія, не стѣсняясь средствами, и эту теорію успѣшно оправдывалъ историческими примѣрами и ссылался на Шопенгауэра и Гартмана, которыхъ изучалъ съ удовольствіемъ. Въ эту же пору онъ усвоилъ себѣ докторальный, самоувѣренный и нѣсколько

наглый тонъ и щеголялъ откровенностью мнѣній. Онъ говорилъ, что у молодого поколѣнія и иные изгибы мозговыхъ линій (эту чепуху онъ, впрочемъ, вычиталъ въ какомъ-то журналѣ), и особаго устройства нервная система, и болѣе чувствительная организація, въ особенности желудка и кишечника, и слѣдовательно и иныя задачи, чѣмъ у стараго поколѣнія. Надо принимать жизнь, какъ она есть, и не стѣсняться предразсудками и разными, по счастью, забывающимися словами. Бери отъ жизни всякій, что̀ можетъ, и думай лишь о себѣ. Успѣхъ оправдываетъ рѣшительно все.

Все это онъ не безъ гордости называлъ «новымъ словомъ».

Надо сказать правду, это «новое слово», подкрѣпленное немножко философіей, немножко исторіей, немно̀жко естествознаніемъ, немножко статьями распространенныхъ газетъ и даже стихотвореніями нѣкоторыхъ молодыхъ поэтовъ,—хотя и всецѣло заимствованное у щедринскаго Дерунова, имѣло, благодаря оскудѣнію мысли и глухому времени, успѣхъ среди нѣкоторыхъ товарищей, хотя ихъ и шокировала, такъ сказать, оголенность этого новаго слова. Молодость все-таки брала свое даже и у «молодыхъ стариковъ», выраставшихъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Но Щетинниковъ именно хвасталъ этой самой наготой, называя ее доблестью независимаго мнѣнія. Внимательное наблюденіе надъ жизнью еще болѣе укрѣпляло его теорію и дало санкцію его вожделѣніямъ, и онъ вышелъ изъ университета, вполнѣ готовый для практической дѣятельности, лозунгъ которой: «Прочь предразсудки и да здравствуетъ безшабашность!»

По окончаніи курса Щетинниковъ мало-по-малу прекратилъ переписку съ родителями. Не было никакого разсчета, ибо они, по недостатку средствъ, не могли ему больше помогать. Кромѣ того, отецъ надоѣдалъ ему разными вопросами о душевномъ его настроеніи и о плакахъ будущей дѣятельности,—вопросами, которые представлялись молодому человѣку совсѣмъ наивными, чтобъ не сказать глупыми. А мать, кромѣ того, требовала длинныхъ писемъ. Ему было не до писемъ. Онъ искалъ мѣста.

Сперва онъ хотѣлъ-было поступить въ судебное вѣдомство, разсчитывая со временемъ быть отличнымъ товарищемъ прокурора. На этомъ мѣстѣ можно было, по его мнѣнію, показать себя какой-нибудь пикантной обвини-

тельной рѣчью или лукавой прозорливостью въ уловленіи неосторожныхъ согражданъ — недаромъ же у г. Щетинникова былъ такой мягкій, такой вкрадчивый баритонъ. Но, на великое счастье будущихъ кліентовъ будущаго прокурора, судьба столкнула Щетинникова съ Проходимцевымъ. Они познакомились, и молодой человѣкъ пришелъ въ восторгъ отъ этого умнаго и превосходно говорящаго дѣльца. Въ свою очередь и Щетинниковъ понравился Проходимцеву. Онъ словно узналъ въ молодомъ человѣкѣ самого себя въ молодости, съ тою же отвагой и съ тою же башшабашной беззастѣнчивостью, но въ улучшенномъ изданіи, дополненномъ образованіемъ и научнымъ обоснованіемъ безстыдства. И была еще разница: Проходимцевъ разсуждалъ и дѣйствовалъ исключительно какъ художникъ, не вѣдая дебрей науки, а только чутьемъ угадывая, гдѣ что плохо лежитъ, а Щетинниковъ — какъ трезвый мыслитель, по напередъ составленному плану, безъ страха и сомнѣній.

Судьба Щетинникова была вскорѣ рѣшена. Онъ поступилъ на службу къ Проходимцеву и съ тѣхъ поръ служитъ у него. Онъ—членъ правленія и управляющій дѣлами Проходимцева. Кромѣ того, онъ секретарь дамскаго благотворительнаго кружка, членъ общества мореходства и торговли и надѣется, что звѣзда его поднимется высоко. У него на черный день ужъ есть десять тысячъ. Онъ холостъ, выжидаетъ богатой невѣсты и широкаго поприща.

III.

Щетинниковъ положилъ на тарелку спаржи и принялся ѣсть, запивая виномъ. Подъ шумъ многочисленныхъ тостовъ въ честь почтеннаго юбиляра, просидѣвшаго двадцать пять лѣтъ на одномъ и томъ же креслѣ и ни разу даже не воспользовавшагося отпускомъ, несмотря на гнетущую боль въ поясницѣ и вообще разстроенное здоровье—такова была любовь его къ служебнымъ обязанностямъ (обо всемъ этомъ, конечно, упомянули ораторы!)— Щетинниковъ снова вернулся къ прерванному разговору.

Нѣсколько возбужденный послѣ пяти бокаловъ шампанскаго и еще наглѣе щуря свои глаза, онъ сказалъ:

— Ужъ не называете ли вы общественнымъ мнѣніемъ газетную болтовню,—это ежедневное переливаніе изъ пустого въ порожнее съ болѣе или менѣе пикантными

fait divers, скандальчиками и, подчасъ, игривыми фельетонами да руганью между собою журналистовъ? Не этой ли выразительницы общественнаго мнѣнія прикажете бояться? Ха-ха-ха! Кого пугаетъ отечественная пресса? Какого серьезнаго человѣка, понимающаго, что онъ не актеръ и не пѣвичка, которыхъ можно пробирать на здоровье? Развѣ еще провинціальную сошку, какого-нибудь мелкаго воришку, бездарныхъ артистовъ, страдающихъ маніей величія, молодыхъ беллетристовъ да, по временамъ, самихъ же газетчиковъ, когда они вдругъ почувствуютъ себя не на настоящемъ курсѣ для... для успѣха розничной продажи... Они вѣдь народъ пугливый... эти выразители общественнаго мнѣнія... и доходами не брезгуютъ!

Щетинниковъ помолчалъ, погладилъ свою выхоленную, благоухающую свѣтло-русую бородку и замѣтилъ со смѣхомъ:

— Меня самого, я вамъ скажу, года два тому назадъ, двѣ-три газеты удостоили своимъ вниманіемъ...

— Васъ? За что̀?

— Да, видите ли, на работахъ при желѣзной дорогѣ въ одинъ прекрасный день обвалилась насыпь и... три человѣка рабочихъ были задавлены, а пять вытащены увѣчными... Дураки сами были виноваты. Я тогда имѣлъ главное наблюденіе за работами. Проходимцевъ меня командировалъ изъ Петербурга. Ну-съ, газеты, разумѣется, обрадовались случаю. Не всегда же имъ представляются случаи, на которыхъ можно разыграть, такъ сказать, героическую симфонію и въ то же время не боятъся никакихъ largo... И завопили о томъ, что вашъ покорнѣйшій слуга да еще одинъ техникъ виноваты, и что слѣдуетъ насъ, по меньшей мѣрѣ, въ мѣста не столь отдаленныя, благо мы съ техникомъ состояли на частной службѣ, и слѣдовательно насъ можно было, во имя торжества справедливости, посылать хоть на Сахалинъ безъ риска задѣть чье-нибудь корпоративное самолюбіе. И торжество справедливости, и надлежащій курсъ! Чего же болѣе желать газетчику? А вѣдь есть дураки: вѣрятъ, что это геройство! Ну и что̀ же вы думаете, проигралъ я отъ этой газетной травли?—внезапно обратился онъ ко мнѣ.

— Не знаю.

— Напротивъ, даже выигралъ въ глазахъ моего патрона Проходимцева. Выигралъ и награду получилъ. А

вернувшись въ Петербургъ, я вскорѣ познакомился съ этимъ самымъ джентльменомъ, который посылалъ меня на Сахалинъ. Премилый человѣкъ... Мы съ нимъ у Кюба завтракали и до сихъ поръ сохранили пріятельскія отношенія. Смѣялся тогда, какъ узналъ, что я тотъ самый, который и т. д... «Очень, говоритъ, радъ, что вы не на Сахалинѣ. А я, говоритъ, радъ былъ случаю... Какъ же: три убитыхъ и пять раненыхъ. По крайности можно было не объ Аркадіи да Ливадіи писать. И безъ того, говоритъ, въ родѣ дѣвицы легкаго поведенія... Строчишь неизвѣстно о чемъ и въ какомъ придется тонѣ. Что̀, говоритъ, редакторъ велитъ; то и излагай, а редакторъ, въ свою очередь, требуетъ, чтобы было написано и весело, и съ маленькой загвоздкой, и обязательно въ истинно-русскомъ духѣ. Вотъ ты и изворачивайся съ такимъ винегретомъ...» Неглупый малый этотъ публицистъ... Еще на-дняхъ приходилъ ко мнѣ за даровыми билетами и жаловался...

— На что̀?

— Да на тяжесть своего ремесла... Прежде, говоритъ, хоть «жида» да «чухну» изо дня въ день пробирали — всегда, значитъ, былъ матеріалъ, а теперь вдругъ редакторъ приказалъ изъять «жида» изъ повседневнаго употребленія... Просто бѣда... Не придумаешь, говоритъ, о чемъ и писать, чтобы было и весело, и патріотично, и съ загвоздкою!.. — передавалъ Щетинниковъ и при этомъ хохоталъ.

— Вы очень заблуждаетесь, воображая, что всѣ журналисты похожи на вашего знакомаго.

— Знаю-съ. Есть разновидность, которая величаетъ себя честными журналистами,—иронически подчеркнулъ Щетинниковъ.

— А вы какъ ихъ величаете?

— Порядочными-таки болванами, вотъ какъ я ихъ величаю, если вамъ угодно знать... Людьми предразсудковъ, совершенно отставшими отъ времени...

И послѣ минутной паузы воскликнулъ:

— И послѣ этого вы думаете, что кто-нибудь боится газетной болтовни? Боится газетъ? Нашли, кого бояться!— съ презрѣніемъ прибавилъ Щетинниковъ и велѣлъ подать себѣ шартрезу.

Тѣмъ временемъ юбиляръ, окруженный толпой, перешелъ въ другую комнату, и мы остались одни за столомъ.

Намъ подали кофе. Щетинниковъ закурилъ сигару.

Эта рѣдкая, даже и въ наши дни, откровенность молодого человѣка, несмотря на возбуждаемое отвращеніе, заинтересовала меня. Я зналъ Щетинникова, когда онъ еще былъ гимназистомъ, встрѣчалъ его, рѣдко, впрочемъ, во времена его студенчества, и хотя много слышалъ о немъ и объ его «новомъ словѣ», тѣмъ не менѣе никакъ не ожидалъ встрѣтить подобный расцвѣтъ открытаго и словно бы гордящагося собой безстыдства.

И, чтобы поддразнить его, я замѣтилъ:

— Вы хвастаете. Навѣрное, и вы боитесь и общественнаго мнѣнія и газетъ.

— Напрасно такъ думаете, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.—Я никогда не хвастаю. Наплевать мнѣ и на общественное мнѣніе и на газеты.

— Такъ-таки и наплевать?

— Еще бы. Они не остановятъ меня отъ всего того, что̀ я лично для себя считаю удобнымъ. По-ни-маете ли, у-до-б-нымъ!—отчеканилъ онъ съ самымъ наглымъ хладнокровіемъ.

— А совѣсть наконецъ?

— Совѣсть?—переспросилъ онъ и вслѣдъ затѣмъ такъ весело и беззаботно залился своимъ пьянымъ смѣхомъ, что я, признаться, совсѣмъ опѣшилъ.

А Щетинниковъ, словно наслаждаясь моимъ смущеніемъ, не спускалъ съ меня глазъ и, послѣ паузы, отхлебнулъ ликера и, протяжно свистнувъ, продолжалъ:

— Стара, батюшка, штука... Эка что̀ выдумали, какого жупела!.. Онъ, можетъ-быть, годится для вашего поколѣнія, но не для насъ... Совѣсть!? Это одно изъ тѣхъ глупыхъ словъ, которыя пора давно сдать въ архивъ на храненіе какому-нибудь добродѣтельному старцу. Ха-ха-ха!.. Пилатъ, говорятъ, спрашивалъ: что̀ есть истина? А я спрошу: что̀ есть совѣсть?

— Что̀-жъ она, по-вашему?

— Отвлеченное понятіе, выдуманное для острастки дураковъ и для утѣшенія посредственности и трусости... Вотъ что̀ такое совѣсть, по моему мнѣнію, если вамъ угодно знать. Наука ея не признаётъ... Она знаетъ мозгъ, центры, сознаніе, печень и т. д., а совѣсти не знаетъ... Это одинъ изъ предразсудковъ... И многіе люди носятся съ нимъ, какъ уродливыя женщины со своей добродѣтелью, на которую, къ сожалѣнію, никто не покушается... И хо-

тѣли бы обойтись безъ совѣсти, да не умѣютъ... Никому ихъ совѣсть не нужна-съ... Вы, конечно, изволите знать исторію?—неожиданно спросилъ Щетинниковъ.

— Изволю.

— Въ такомъ случаѣ вамъ должно быть не безызвѣстно, что отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней такъ-называемые безсовѣстные люди всегда имѣли успѣхъ и даже иногда удостоивались памятниковъ отъ благодарнаго потомства, какъ, напримѣръ, Наполеонъ I. Я на памятникъ не разсчитываю, нѣтъ-съ, но разсчитываю на отличную квартиру, на роскошь, на богатство, на положеніе,—словомъ, на то, что̀ мнѣ нравится, не заботясь о совѣсти, которой не имѣю чести знать... Ха-ха-ха! Васъ, я вижу, удивляютъ мои положенія?

— Не стѣсняйтесь... продолжайте, продолжайте...

— Я и не стѣсняюсь, предоставляя вамъ удивляться на доброе здоровье... Я человѣкъ безъ глупыхъ предразсудковъ...

— Какъ же, вижу, совсѣмъ безъ предразсудковъ...

— И—замѣтьте—имѣю доблесть самостоятельнаго мнѣнія. Са-мо-сто-ятель-наго! — продолжалъ онъ, начиная слегка заплетать языкомъ.—Всѣ эти прежніе идеалы отжили свой вѣкъ... Довольно-съ! А то—чѣмъ пугаютъ людей: совѣсть!.. И наконецъ самая эта совѣсть бываетъ различная. Одного она безпокоитъ именно за то, за что̀ другой считаетъ себя сосудомъ добродѣтели, какъ изображаютъ эти сосуды въ дѣтскихъ книжкахъ... Наполеона третьяго, я полагаю, мучила бы совѣсть, даже допуская ее, если бы не удалась декабрьская рѣзня, а Проходимцева, напримѣръ, если бы онъ прозѣвалъ случай нажить честно и благородно свои милліоны... У животныхъ нѣтъ совѣсти, и они—ничего, живутъ себѣ, не чувствуя въ ней потребности. Этотъ фетишъ поистаскался и перестаетъ, слава Богу, пугать даже и не особенно мудрящихъ людей. И gros publique умнѣй стала. А то, прежде, крикнетъ какой-нибудь любимый писатель: «Берегись, совѣсть!»—публика и ошалѣетъ и остановится въ нерѣшительности, словно передъ городовымъ, готовымъ схватить за шиворотъ.

— А теперь?—подалъ я реплику.

— А теперь, хоть горло надорвите, господа-проповѣдники и хранители священнаго знамени... Ваша пѣсенка спѣта... Теперь иныя пѣсни поютъ старики поумнѣе и мо-

лодые писатели съ новыми взглядами и съ новыми задачами... Еще неумѣло, но тонъ взятъ вѣрный... А моралистовъ слушать не желаютъ... Довольно!.. Если же и прочтутъ, то... пожмутъ плечами и... усмѣхнутся... Вотъ хоть бы самъ графъ Левъ Толстой... Его сіятельство дописался до чортиковъ со своей правдой и совѣстью, а въ послѣднее время даже нелѣпыя вещи пишетъ... Пусть забавляется его сіятельство на разныхъ діалектахъ... Его философія насъ не передѣлаетъ-съ. Мы жить хотимъ, а не резонерствовать безъ толку и философствовать на тему: что̀ было бы, если-бъ ничего не было? Да-съ. Жить хотимъ въ свое удовольствіе и не по стариковской указкѣ, а по своей!— воскликнулъ не безъ нѣкотораго раздраженія Щетинниковъ, словно что-то все-таки ему мѣшало жить, несмотря на его безстыдство, по своей указкѣ.

Я молча взглядывалъ на это раскраснѣвшееся, красивое и наглое лицо, несомнѣнно неглупое и энергичное; на эту статную, видную, уже выхоленную фигуру, дышавшую самоувѣренностью и смѣлостью молодого, полнаго силъ, наглеца, чувствующаго подъ собою крѣпкую почву, и невольно вспомнилъ объ его отцѣ, который, послѣ смерти жены, одиноко доживалъ свой вѣкъ въ маленькомъ заштатномъ городкѣ на скромную свою пенсію. Вспомнилъ и порадовался, что онъ не видитъ и не слышитъ своего сына да, вѣроятно, и не вполнѣ представляетъ себѣ, что̀ вышло изъ его первенца—прежняго любимца.

Старый идеалистъ, старавшійся прожить всю свою жизнь по совѣсти, вѣрившій въ добро, искавшій, худо ли, хорошо ли, истины и стремившійся въ своемъ маленькомъ скромномъ дѣлѣ приложить свои идеи,—какъ бы поникла твоя сѣдая голова при этихъ рѣчахъ!..

А Щетинниковъ между тѣмъ подъ вліяніемъ хмеля становился все развязнѣе и наглѣе и словно хотѣлъ поразить меня независимостью своихъ мнѣній...

— Да-съ... Всѣ вопросы нравственности, собственно говоря, заключаются въ приспособленіи къ духу времени и въ успѣхѣ... Успѣхъ покрываетъ все. Сдѣлайся я въ нѣкоторомъ родѣ персоной, какъ Проходимцевъ, такъ ваши газеты и пикнуть обо мнѣ не посмѣли бы, хотя бы я нажилъ не два милліона, какъ мой патронъ, а цѣлыхъ пять, и хотя бы моя совѣсть казалась либеральнымъ дятламъ не чище помойной ямы... Да надѣлай я какихъ угодно съ вашей точки зрѣнія пакостей... что̀ изъ этого?.. Кого

я побоюсь, если относительно прокурора я правъ?.. Еще посвятили бы мнѣ прочувствованныя статьи... А я утромъ за кофе буду читать и... посмѣиваться себѣ въ бороду, пока совѣстливые дураки будутъ дожидаться меня въ пріемной... Ха-ха-ха! Вотъ вамъ и совѣсть... Однако... боюсь васъ утомлять. И то, кажется, я съ достаточной полнотой изложилъ свои взгляды!—проговорилъ Щетинниковъ.—Пора туда, къ старикамъ, пойти... Ишь они разошлись, заспорили...

Онъ замолчалъ и прислушался. Изъ сосѣдней комнаты явственно доносились громкіе голоса.

Говорили о голодѣ и голодающихъ.

— А вы какъ объ этомъ думаете?

— А мнѣ-то что? Мнѣ какое дѣло? Отъ этого мнѣ ни холоднѣе, ни теплѣе. Жалованье свое изъ правленія я попрежнему буду получать. Лепту свою я все-таки принесъ: триста рублей пожертвовалъ, вручивъ ихъ одной любвеобильной старушкѣ... Нельзя же... Noblesse oblige... Можетъ-быть, съ нею и эскурсію совершу въ неурожайныя губерніи... Она носится съ этой мыслью... Открывать хочетъ столовыя. Сама имѣла глупость пожертвовать десять тысячъ на это дѣло... Ищетъ людей и обратилась ко мнѣ... Что-жъ, на мѣсяцъ я поѣду... Это въ модѣ нынче, да и поѣздка съ этой ярой филантропкой можетъ мнѣ пригодиться. Она съ большими связями, эта старуха!—прибавилъ, засмѣявшись пьянымъ смѣхомъ, Щетинниковъ и, поднявшись, прошелъ въ сосѣднюю комнату, откуда все еще доносился громкій разговоръ.

Я расплатился и вышелъ изъ ресторана.

Этотъ молодой человѣкъ съ его цинизмомъ и наглостью не выходилъ у меня изъ головы, и я думалъ: «неужели такихъ безшабашныхъ много?»

Это было бы ужасно, если-бъ не было и другой молодежи, ничего общаго не имѣющей съ гг. Щетинниковыми и которая съ презрѣніемъ отворачивается отъ этого «новаго слова» безстыдства.

Мѣсяца черезъ три послѣ встрѣчи съ Щетинниковымъ, я услыхалъ, что онъ, благополучно съѣздивъ въ голодающія мѣстности, охотится за богатой невѣстой, немолодой уже дѣвушкой, Зоей Сергѣевной Куницыной. Я знавалъ эту барышню и понялъ, что охота должна быть интересной. Коса нашла на камень.

IV.

Зрѣлый дѣвичій возрастъ какъ-то незамѣтно подкрался къ Зоѣ Сергѣевнѣ. Ей стукнуло тридцать лѣтъ. Ея лицо потеряло свѣжесть, поблекло и пожелтѣло, какъ осенній листъ. Черты обострились, и въ выраженіи подвижной физіономіи появилась жесткость. Въ углахъ неспокойныхъ блестящихъ глазъ обозначились чуть замѣтные «вѣерки» и надъ бровями—морщинки. Приходилось надѣвать косынки и фишю, чтобъ скрывать худобу прежде красиваго бюста. Маленькія холеныя руки въ кольцахъ сдѣлались костлявыми, и ямки на нихъ исчезли. Молодые люди ужъ не заводили, какъ прежде, «интересной», полной недомолвокъ, болтовни, изощряясь въ остроуміи, чтобы понравиться дѣвушкѣ, не бросали на нее краснорѣчивыхъ взглядовъ, не возили цвѣтовъ и бонбоньерокъ, не проигрывали на пари конфетъ и при встрѣчахъ бывали какъ-то особенно почтительно-серьезны, стараясь при первомъ удобномъ случаѣ дать тягу. По временамъ у Зои Сергѣевны стали пошаливать нервы, вызывая мигрени и безпричинную хандру. Въ такіе дни Зоя Сергѣевна первничала и, несмотря на свою сдержанность, бывала раздражительна и зла. Она придиралась къ горничной, ядовито допекала кухарку и по цѣлымъ днямъ не говорила съ «maman», приводя въ смущеніе кроткую старушку, вдову-генеральшу съ сѣдыми буклями и недоумѣвающимъ взглядомъ круглыхъ глазъ, которая боготворила и немного побаивалась своего единственнаго сокровища—«очаровательной Зизи», и говорила о ней всѣмъ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ низшаго существа къ высшему.

Модный петербургскій докторъ по нервнымъ болѣзнямъ, курчавый брюнетъ лѣтъ подъ сорокъ, съ умнымъ, нѣсколько наглымъ лицомъ и увѣренными манерами, съ напускной серьезностью тщательно изслѣдовалъ Зою Сергѣевну. Онъ задавалъ ей множество вопросовъ, глядя въ упоръ своими пронизывающими, казалось, насмѣшливо улыбающимися черными глазами, покалывалъ остріемъ иглы спину, плечи, руки и ноги и съ небрежнымъ апломбомъ опредѣлилъ неврастенію, осложненную малокровіемъ. «Болѣзнь очень обыкновенная въ Петербургѣ!» — прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія, прописалъ бромъ, мышьякъ, посовѣтовалъ весной прокатиться въ Крымъ, на Кавказъ

или за границу («куда вамъ будетъ угодно!») и, зажимая въ своей пухлой волосатой рукѣ маленькій конвертикъ съ двадцатью пятью рублями, любезно проговорилъ провожавшей его до прихожей генеральшѣ:

— Никакой опасности нѣтъ... Весьма только жалѣю, что не въ моей власти прописать вашей дочери болѣе дѣйствительное средство!—значительно прибавилъ докторъ, понижая голосъ.

Въ отвѣтъ старушка-мать только безнадежно вздохнула.

V.

Надо сказать правду, Зоя Сергѣевна мужественно встрѣтила свое увяданіе. Она поняла, что съ зеркаломъ спорить безполезно, и, съ присущимъ ей талантомъ, стала на высотѣ своего новаго положенія. Какъ дѣвушка умная и притомъ казавшаяся моложе своихъ лѣтъ, она не скрывала своей тридцать первой весны и, съ разсчитанной откровенностью самолюбиваго кокетства, называла себя старой дѣвой, къ ужасу генеральши, все еще считавшей Зизи «обворожительной дѣвочкой», и къ досадѣ многихъ барышень-сверстницъ, все еще желавшихъ, при помощи косметическаго искусства, казаться юницами, забывшими ариѳметику.

Она почти перестала выѣзжать и носить туалеты и цвѣты, которые могли бы обличить претензію молодиться, и стала одѣваться съ изящной простотой женщины, не думающей нравиться, но всегда одѣтой къ лицу, и кокетничала скромностью костюмовъ. Чтобы какъ-нибудь убить время, Зоя Сергѣевна записалась членомъ благотворительнаго общества «Копейка»; начала посѣщать «психологическій» дамскій кружокъ, въ которомъ «научно» вызывались духи и «научно» поднимались на воздухъ столы; принялась читать, кромѣ любимыхъ ею французскихъ романовъ, статьи по философіи и искусству, бойко перевирая потомъ въ разговорѣ философскіе термины; выучилась играть въ винтъ и разсуждать, по газетамъ, о политикѣ; сдѣлалась ярой патріоткой въ духѣ времени; бранила евреевъ и усиленно занялась живописью по фарфору.

Въ то же время Зоя Сергѣевна, къ вящшему огорченію «maman», все съ бо̀льшей энергіей и, повидимому, искренностью стала выражать чувства презрѣнія къ браку и къ семейной жизни. То ли дѣло быть свободной и независимой! Еще насмѣшливѣе, чѣмъ прежде, относилась она

теперь ко всякимъ любовнымъ увлеченіямъ, глумилась надъ «прозябаніемъ» замужнихъ пріятельницъ и надъ «дурами», которыя еще вѣрятъ въ мужскую любовь, и хвалила «Крейцерову сонату». Впрочемъ, какъ дѣвушка благовоспитанная, хвалила съ оговорками. Мысль въ основѣ вѣрна, но, Боже, что̀ за неприличный языкъ! И Зоя Сергѣевна, не краснѣвшая при чтеніи самыхъ скабрезныхъ французскихъ романовъ, которыхъ изящный стиль какъ будто заволакивалъ грязнѣйшія мысли и положенія, искренно возмущалась рѣзкими выраженіями великаго русскаго писателя.

Презрительное отношеніе къ замужеству было любимымъ конькомъ зрѣлой барышни. Въ послѣдніе три-четыре года она такъ часто и много болтала на эту тему, что увѣрила и себя и мать, будто она въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ ненависть къ браку. Она даже рисовалась этимъ, считая себя оригинальной, не похожей на другихъ, дѣвушкой. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ рвутся замужъ, а она не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія. Всѣ влюбляются, страдаютъ, дѣлаютъ глупости, а Зоя Сергѣевна ничего этого знать не хочетъ. Она, правда, любила прежде пококетничать съ мужчинами, подразнить ухаживателей,—это, во всякомъ случаѣ, интересно. Но сама она была слишкомъ холоднаго темперамента и черезчуръ разсудительна и осторожна, чтобъ увлечься, очертя голову. Она легко держала себя въ уздѣ и не сдѣлала бы подобной оплошности.

Прежде, когда Зоя Сергѣевна была моложе, она не прочь была отъ замужества и къ браку не относилась съ брезгливымъ презрѣніемъ. Она втайнѣ лелѣяла мечту покорить какого-нибудь изящнаго кавалера изъ высшаго общества, съ звучной фамиліей и, разумѣется, съ большимъ состояніемъ. Эта атмосфера grand genre'а привлекала Зою Сергѣевну. И молодая дѣвушка не разъ мечтала, какъ онъ, высокій, красивый и элегантный брюнетъ, упадетъ передъ ней на колѣни и на лучшемъ французскомъ языкѣ предложитъ ей руку и сердце, и какъ она великодушно согласится быть его женой, сперва проговоривши маленькій монологъ на такомъ же отличномъ французскомъ языкѣ. Выходило очень красиво, точь-въ-точь какъ во французскихъ романахъ. Выйдя замужъ, она сумѣетъ держать мужа въ рукахъ, стараясь ему нравиться. Для этого она достаточно умна и знаетъ мужчинъ.

Но—увы!—эти мечты такъ и оставались мечтами. Ро-

дители Зои Сергѣевны были небогатые люди. Отецъ ея, военный генералъ, получалъ одно лишь жалованье. Въ ту пору бабушка Зои Сергѣевны еще не думала оставить своей внучкѣ трехсотъ тысячъ наслѣдства, и блестящаго кавалера, во вкусѣ молодой дѣвушки, не оказалось. Были, правда, два-три жениха, но ни одинъ не представлялъ собой «хорошей партіи» и не нравился, и она имъ отказывала. У одного была невозможная фамилія, другой былъ вульгаренъ, третій наконецъ—безъ опредѣленнаго положенія и ревнивый до неприличія.

— Теперь я и подавно не сдѣлаю глупости—не выйду замужъ, если-бъ и нашелся какой-нибудь любитель старыхъ дѣвъ и моихъ трехсотъ тысячъ!—говорила Зоя Сергѣевна съ обычной своей усмѣшкой.

— А если влюбитесь?—допрашивали пріятельницы.

— Я—влюбиться? Никогда.

— А если васъ полюбятъ?

— Не повѣрю!

Она самодовольно щурила глаза. Все ея лицо озарялось торжествующимъ выраженіемъ, словно говорящимъ: «вотъ я какая!»

Она щеголяла скептицизмомъ и не довѣряла ближнимъ. Не такая она дура, чтобъ лишиться состоянія, выйдя замужъ за какого-нибудь охотника до чужихъ денегъ!

VI

Между тѣмъ эти триста тысячъ Зои Сергѣевны не давали покоя Щетинникову, и онъ сталъ обхаживать «краснаго звѣря» съ тонкимъ искусствомъ и хладнокровнымъ упорствомъ умнаго и осторожнаго охотника. Онъ собралъ предварительно справки: дѣйствительно ли у этой зрѣлой барышни триста тысячъ, и, убѣдившись, что онѣ лежатъ въ государственномъ банкѣ, рѣшилъ, что онѣ крайне полезны для его будущей карьеры, и что Зоя Сергѣевна, какъ придатокъ къ нимъ, не представляетъ особенныхъ неудобствъ. Онъ познакомился, сталъ бывать въ домѣ Куницыныхъ и, послѣ тщательнаго наблюденія, нашелъ даже, что Зоя Сергѣевна какъ разъ такая жена, какая ему нужна. Правда, она старше его года на два, но это не бѣда. Она достаточно моложава, чтобъ не бросалась разница лѣтъ въ глаза, и не такой уже наружности, чтобы могли сказать, что онъ женился исключительно изъ-за денегъ. Она, правда, не красива, но и далеко не

уродъ. По временамъ, когда оживляется, она даже бываетъ миловидна и пикантна, эта брюнетка съ черными волосами и съ насмѣшливыми карими глазами. Въ ней тогда есть что-то вызывающее. Сложена она не дурно, руки и ноги маленькія и красивыя. Она, правда, худа и костлява — недаромъ носитъ фишю и косынки, раздражительна и нервна, но послѣ замужества нервы, разумѣется, пройдутъ, и она, вѣроятно, пополнѣетъ и расцвѣтетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ знакомый докторъ, у котораго Щетинниковъ предусмотрительно разспрашивалъ насчетъ худыхъ, блѣдныхъ и нервныхъ зрѣлыхъ дѣвицъ.

Однимъ словомъ, онъ оцѣнивалъ внѣшность Зои Сергѣевны во всѣхъ подробностяхъ, съ объективнымъ хладнокровіемъ лошадинаго барышника, покупающаго коня съ бракомъ, и пришелъ къ заключенію, что Зоя Сергѣевна, при трехстахъ тысячахъ, достаточно удовлетворительна съ супружеской точки зрѣнія и, какъ женщина умная, сумѣетъ не быть надоѣдливой. И самый холодный темпераментъ Зои Сергѣевны имѣлъ, по мнѣнію Щетинникова, свои выгоды, предотвращая семейныя ссоры. Онъ по недавнему опыту зналъ неудобство имѣть дѣло съ пылкими женскими натурами и боялся ихъ. Онѣ только вносятъ неровность въ отношеніяхъ, нарушая покой.

Что же касается до прочихъ качествъ, то они во многомъ отвѣчали его требованіямъ. Она умна и тактична. Самолюбіе гарантируетъ ее отъ какого-нибудь ложнаго шага. Она отлично вымуштрована свѣтской выучкой, привѣтлива и любезна, можетъ вести разговоръ о чемъ угодно и владѣетъ въ совершенствѣ двумя иностранными языками. Она бойка безъ крайностей, практична и умѣетъ приспособляться къ людямъ. Одѣвается со вкусомъ и ни въ какомъ обществѣ не ударитъ лицомъ въ грязь. Она консервативна и прилично религіозна, въ мѣру патріотична для порядочной женщины, знаетъ верхушки разныхъ наукъ и умѣетъ ими пользоваться безъ претензіи «синяго чулка»,—словомъ, такая жена не заставитъ покраснѣть мужа, какое бы положеніе онъ ни занялъ.

Отъ Щетинникова не скрылись и отрицательныя стороны Зои Сергѣевны. Какъ человѣкъ наблюдательный и серьезно изучавшій намѣченную имъ себѣ жену, онъ скоро понялъ, что, несмотря на экспансивность и живость ея характера, она въ сущности себялюбивая, холодная на-

тура и недовѣрчивая къ людямъ эгоистка. Но всѣ эти недостатки не пугали Щетинникова. Онъ и самъ вѣдь былъ далеко не изъ чувствительныхъ натуръ и надѣялся справиться съ подобной женщиной, только бы она вышла за него замужъ, повѣривъ его привязанности.

Вотъ это-то и было самое трудное. И охотникъ и «красный звѣрь»—оба были ловки и способны.

Щетинниковъ повелъ атаку необыкновенно тонко.

VII.

Въ это зимнее воскресенье Щетинниковъ всталъ, противъ обыкновенія, поздно и не поѣхалъ показаться своему патрону. Было одиннадцать часовъ, когда онъ, взявъ холодную ванну и окончивъ свой туалетъ, свѣжій и красивый, выхоленный и благоухающій, одѣтый въ короткій утренній вестончикъ, съ расшитыми туфлями на ногахъ, вошелъ въ кабинетъ своей уютной холостой квартиры въ нижнемъ этажѣ на Сергіевской улицѣ. Окинувъ зоркимъ взглядомъ комнату и убѣдившись, что все убрано, какъ слѣдуетъ, и все сіяетъ чистотой, онъ присѣлъ къ большому письменному столу съ тѣмъ видомъ веселаго довольства на лицѣ, которое бываетъ у человѣка, находящагося въ отличномъ расположеніи духа.

Письменный столъ чернаго дерева, мягкая удобная мебель, крытая темнымъ сафьяномъ, массивный шкапъ, полный книгъ, хорошія гравюры по стѣнамъ, дорогія бездѣлки и старинныя вещи—все было не лишено вкуса и изящества въ этомъ просторномъ кабинетѣ, гдѣ весело потрескивали дрова въ каминѣ, все свидѣтельствовало о любви хозяина къ комфорту.

Тотчасъ же вслѣдъ за Щетинниковымъ появился съ подносомъ и газетами въ рукахъ молодой, благообразный, чисто одѣтый лакей Антонъ, видимо, хорошо вышколенный, и, осторожно поставивъ на столъ стаканъ чая и положивъ газеты, почтительно-тихо освѣдомился:

— Хлѣба прикажете?

Отрицательное движеніе коротко остриженной бѣлокурой головы, и Антонъ исчезъ.

Отхлебывая чай, Щетинниковъ сталъ быстро пробѣгать газеты. Окончивъ чтеніе, онъ отодвинулъ ихъ не безъ гримасы и съ веселой усмѣшкой промолвилъ:

— Ну, теперь соорудимъ любовное посланіе!

Передъ тѣмъ, чтобы начать, онъ закурилъ сигару, по-

тянулъ носомъ ароматный ея дымокъ и, доставъ изъ красивой коробки листокъ плотной англійской бумаги, украшенной золотой коронкой, принялся за письмо къ Зоѣ Сергѣевнѣ.

Онъ писалъ далеко не съ той лихорадочной поспѣшностью, съ какой обыкновенно пишутся любовныя письма, и по временамъ останавливался, чтобы обдумать то или другое выраженіе и покурить. Страничка уже была исписана красивымъ, твердымъ почеркомъ, какъ изъ передней донесся звонокъ.

— Прикажете принимать? — спросилъ появившійся Антонъ.

— Принимать!

И онъ отложилъ въ сторону начатое посланіе.

Черезъ минуту въ кабинетъ входилъ, лѣниво покачиваясь рыхлымъ, полнымъ туловищемъ, франтовато одѣтый господинъ лѣтъ за сорокъ, съ моложавымъ, хотя истасканнымъ лицомъ, бросающимся въ глаза выраженіемъ наглости и хлыщества. Лицо было не глупое. Маленькіе каріе глазки блестѣли улыбкой.

Это былъ Аркадій Дмитріевичъ Кокоткинъ, довольно извѣстный человѣкъ, особенно среди постоянныхъ посѣтителей театровъ, увеселительныхъ заведеній и среди дамъ болѣе или менѣе вольнаго обхожденія. Онъ занималъ видное мѣсто, былъ немножко ученый, немножко литераторъ, немножко музыкантъ, другъ актрисъ и содержанокъ, замѣчательный нахалъ, говорившій о чемъ угодно съ великимъ апломбомъ, и циникъ, заставлявшій краснѣть даже самыхъ отчаянныхъ безстыдниковъ и безстыдницъ.

Онъ преуспѣвалъ, мечтая о блестящемъ вѣнцѣ своей карьеры, и имѣлъ репутацію талантливаго человѣка.

— А главное — перо! Что̀ за бойкое, хлесткое перо у этого Кокоткина! О чемъ бы онъ ни писалъ—записку ли о разведеніи лѣсовъ или объ уничтоженіи мировыхъ учрежденій, статейку ли о шансонетной пѣвичкѣ или изслѣдованіе о домахъ терпимости,—вездѣ бойкость и стиль!

Такъ говорили о немъ вездѣ и похваливали. Дѣйствительно, у Кокоткина перо было не только бойкое, но и повадливое.

— Кокоткинъ, изобразите!

— Въ какомъ духѣ-съ?

— Въ такомъ-то...

И Кокоткинъ изображалъ и сдѣлался, въ нѣкоторомъ родѣ, персоной.

Тѣмъ не менѣе его цинизмъ все-таки нѣсколько шокировалъ, и о немъ ходило множество анекдотовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, циркулировавшихъ въ городѣ и, безъ сомнѣнія, выдуманный кѣмъ-нибудь изъ шутниковъ, если не самимъ же Кокоткинымъ, былъ очень характеренъ.

Разсказывали, будто какой-то крупный промышленникъ однажды пріѣхалъ къ нему на квартиру и, предлагая ему «промессу» въ пять тысячъ за хлопоты, говорилъ убѣждающимъ, конфиденціальнымъ тономъ:

— Повѣрьте, Аркадій Дмитричъ, это останется между нами. Ни одна душа не будетъ знать...

— А я вотъ что̀ вамъ скажу, любезнѣйшій,—возразилъ на это съ веселымъ смѣхомъ Кокоткинъ:—вы лучше дайте мнѣ десять тысячъ и разсказывайте кому угодно.

Анекдотъ гласитъ, что проситель опѣшилъ.

Еще бы не опѣшить!

Вѣроятно, проситель, видавшій на своемъ вѣку немало всякихъ людей, въ первый разъ увидалъ такого откровеннаго и, разумѣется, исключительнаго безстыдника въ наше время экономіи, бережливости и безкорыстія.

— А вы развѣ не чтите субботняго дня, Николай Николаичъ?—воскликнулъ съ веселымъ смѣхомъ Кокоткинъ, пожимая пріятелю своему руку.—И отчего вы сегодня не въ храмѣ Божіемъ, какъ подобаетъ благонравному россіянину? Ужели за работой? Помѣшалъ?

— Нисколько. Писалъ письмо... Успѣю. Садитесь. Что̀ новаго, Аркадій Дмитричъ,—вы вѣдь все знаете? Прикажете сигару?

— А у васъ какія? Для друзей?—засмѣялся Кокоткинъ, снимая перчатки.

— Хорошія.

— Тогда давайте.

Онъ грузно опустился въ кресло, заложилъ одну ногу на другую и, закуривъ сигару, сдѣлалъ довольную мину и продолжалъ крикливымъ громкимъ теноркомъ, пощипывая свою темную бородку:

— Сигара не дурна... Очень не дурна... А я вѣдь къ вамъ, Николай Николаичъ, завернулъ между прочимъ за билетиками... Уважьте пріятелю.

— Опять для дамъ?

— Ну, конечно, для дамъ, — захихикалъ Кокоткинъ: — для двухъ, знаете ли, недурненькихъ дѣвочекъ... Хотятъ

Москву поглядѣть. Желаете, онѣ сами явятся къ вамъ сюда, какъ-нибудь вечеркомъ, за билетами? Одна изъ нихъ, Марія Ивановна, сложена, я вамъ скажу...

И, принявъ видъ знатока по этой части, Кокоткинъ вошелъ въ невозможныя подробности насчетъ достоинствъ этой Марьи Ивановны, смакуя ихъ съ видимымъ наслажденіемъ развратника.

Щетинниковъ слушалъ собесѣдника, не раздѣляя его восторговъ и съ скрытымъ презрѣніемъ къ этому истасканному и до мозга костей развращенному виверу. Самъ онъ не былъ развратникомъ и велъ болѣе или менѣе правильный образъ жизни, благоразумно оберегая свое здоровье и имѣя связи, гарантирующія его и отъ увлеченій и отъ излишествъ. Онъ недаромъ уважалъ гигіену.

— Такъ прислать къ вамъ дамочекъ, а?

— Нѣтъ, не надо. Я пришлю билеты вамъ.

— А познакомиться съ ними не хотите?.. Да что̀ вы, Іосифъ Прекрасный, что ли? Не любите бабы?.. Да я безъ нея пропалъ бы отъ скуки. Или къ женитьбѣ себя сохраняете, ха-ха-ха! Кстати, какъ ваши дѣла съ Куницыной?

— Идутъ помаленьку.

— На какомъ пунктѣ, дружище? Срываете уже мирные поцѣлуи или только по части рукъ... До какихъ поръ дошли: до локтя или пробавляетесь пока еще у пульсика?..

— Да полно вамъ врать, Аркадій Дмитричъ!

— Нѣтъ, вы поймите, это важно... очень важно. Флиртъ флирту рознь. Вѣдь не влюблены же вы въ эту барышню, надѣюсь, а хотите, такъ сказать, прикарманить ея триста тысячъ?.. Вы вѣдь тоже малый не промахъ... ха-ха-ха!

Даже Щетинникова покоробило отъ этихъ сочувственныхъ замѣчаній, и онъ замѣтилъ:

— Просто хочу сдѣлать выгодную партію.

— Ну, это, мой другъ, то же, что̀ и я говорю, только мягче выражено. И потому надо, чтобы она втюрилась... Флиртъ этому способствуетъ, особенно относительно старыхъ дѣвъ. Съ ними надо дѣйствовать по-суворовски... Только смотрите, молодой мой другъ, не проморгайте трехсотъ тысячъ.

Щетинниковъ высокомѣрно подумалъ: «Не проморгаю, она сама мнѣ послѣ свадьбы отдастъ!»—и громко сказалъ:

— То-есть какъ?

— А такъ... Я Зою Сергѣевну вашу имѣю честь знать.

Прежде бывалъ у нихъ. Она—дѣва не глупая и деньгу бережетъ, а главное — холодный темпераментъ... Мало, знаете ли, расположенія настоящаго къ мужчинѣ... Это какая-то femme-homme. Да глядите, какъ бы, женившись, вы не получили одной лишь подруги жизни... Денежекъ можете и не увидать. Она умная дама, Зоя Сергѣевна... Въ такихъ дѣлахъ надо, мой другъ, быть очень осторожнымъ... Меня въ дни молодости тоже чуть-было не надули...

— Какъ такъ?

— Я тоже нацѣлилъ барышню съ приданымъ. Ну, конечно, любовь и все такое... сладкіе поцѣлуи—она была недурна и молоденькая; я звалъ ее Асей, она меня — Арочкой, однимъ словомъ—идиллія... Все было готово. Назначенъ день свадьбы. А папенька обѣщалъ передъ свадьбой въ руки мнѣ сто тысячъ привезти. День проходитъ—нѣтъ моего папеньки. Ну, я, какъ былъ во фракѣ, къ нимъ въ домъ... Невѣста уѣхала въ церковь, а папенька собирался. Такъ и такъ говорю: «argent comptant». Онъ, шельма, туда, сюда... «Будьте, говоритъ, спокойны, завтра получите»... — «Ну, такъ и я завтра буду вѣнчаться!»—и отъ него домой... ха-ха-ха... Скандалъ... Невѣста безъ чувствъ, какъ слѣдуетъ, а я, какъ видите, до сихъ поръ гарсономъ остался, предпочитая свободную любовь... Дня черезъ три послѣ скандала я и подарки потребовалъ обратно... списочекъ составилъ... За что̀ же ихъ дарить?.. За поцѣлуи?.. Такъ вѣдь за это не сто̀итъ...

Онъ залился смѣхомъ и замѣтилъ:

— А у васъ что̀ новаго?

— Гдѣ у насъ?

— Да у Проходимцева?

— Кажется, ничего.

— Ну, такъ я вамъ сообщу новость, касающуюся вашего патрона. Да развѣ вы, его наперсникъ, ничего не знаете?

— Не знаю. Что̀ такое?

— Онъ получаетъ еще два банка подъ свое главное наблюденіе.

— Неужели? — изумленно воскликнулъ Щетинниковъ.

— Кажется, что вѣрно. Вчера вечеромъ «мой» мнѣ сообщилъ и прибавилъ: «Какъ этой канальѣ везетъ!» Удивлены и, конечно, обрадованы?

— Мнѣ-то что̀?

— Ну, полно врать... Онъ теперь и васъ устроитъ, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ! Не забудьте и насъ грѣшныхъ,—смѣясь, прибавилъ Кокоткинъ.

Щетинниковъ, несмотря на свой отчаянный скептицизмъ, былъ пораженъ этой новостью.

— Вотъ что̀ значитъ умъ!—проговорилъ онъ, какъ бы отвѣчая на собственныя мысли.

— Да, уменъ и кому хотите зубы заговоритъ!.. Да, кстати,—вдругъ точно спохватился Кокоткинъ:—скажите ка нашему патрону, чтобы онъ и мнѣ порадѣлъ... Пусть мнѣ мѣсто члена какого-нибудь правленія устроитъ, чтобы жалованье и ничего не дѣлать, а то, ей-Богу, большіе расходы... Однѣ женщины чего сто̀ятъ!—добавилъ, смѣясь, Кокоткинъ.—А вѣдь командировки не каждый же годъ!..

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— А если ваша шельма заартачится...

— Тогда что̀?—не безъ любопытства перебилъ Щетинниковъ.

— Тогда, мой милый другъ, скажите милѣйшему Анатолію Васильевичу, что у меня есть очень интересная статья о тмутараканскомъ банкѣ и о дѣятельности тамъ Проходимцева... Очень пикантная и, главное, полная фактовъ... Или эта деликатная миссія васъ затруднитъ? Ну, въ такомъ случаѣ я самъ заѣду на-дняхъ къ Проходимцеву посовѣтоваться насчетъ статьи... Надѣюсь, онъ разяснитъ мнѣ... превосходно разъяснитъ!—съ хохотомъ проговорилъ Кокоткинъ.

— Онъ, кажется, печати не очень-то боится!

— Вы полагаете? Надѣюсь, еще боится... Да, милѣйшій Николай Николаичъ, какъ вы тамъ съ вашимъ патрономъ ни фыркаете на прессу, а все-таки лучше съ ней быть въ ладу до той поры, пока... вы понимаете? И вамъ совѣтую, по-пріятельски, на будущее время водить дружбу съ журналистами... Однако adio... Пора! Ужъ первый часъ! Мы сегодня завтракаемъ за городомъ... Partie carée!—прибавилъ Кокоткинъ и поднялся съ мѣста.

Проводивъ гостя, Щетинниковъ подумалъ: «И безъ того этотъ Кокоткинъ нахватываетъ съ разныхъ мѣстъ тысячъ пятнадцать, а теперь будетъ двадцать получать. Вотъ какъ дѣла люди дѣлаютъ. Проходимцевъ, навѣрное, сдѣлаетъ его членомъ. Даже такіе нахалы цѣнятся!»

Взволнованный только-что сообщенной новостью, онъ быстро и нервно ходилъ по кабинету. Сегодня же онъ по-

ѣдетъ къ Проходимцеву, и тотъ, вѣроятно, сообщитъ ему, въ чемъ дѣло. Странно только, что вчера они видѣлись въ правленіи, и Проходимцевъ ни слова не сказалъ.

Если слухъ окажется справедливымъ, тогда, быть-можетъ, и его звѣзда поднимется, а тамъ... кто знаетъ? Съ энергіею и умомъ чего нельзя достигнуть!?

И Щетинниковъ долго еще ходилъ по комнатѣ, увлеченный самыми пріятными мечтами, какія только могутъ быть въ наши дни у свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ современнаго молодого человѣка.

VIII.

Часовъ въ десять вечера Щетинниковъ вернулся домой отъ Проходимцева, необыкновенно веселый и радостный. Слухъ оказался справедливымъ, о чемъ ему и сообщилъ не безъ торжественности Анатолій Васильевичъ, уведя его послѣ обѣда въ кабинетъ. Потомъ произошла трогательная сцена: Проходимцевъ обнялъ Щетинникова, сказалъ, что вѣритъ его преданности и надѣется, что они будутъ снова вмѣстѣ работать, при чемъ наговорилъ ему много комплиментовъ.

Въ свою очередь, и Щетинниковъ не безъ волненія благодарилъ своего патрона, обѣщая до конца дней своихъ помнить и т. д. Оба слишкомъ были радостны и потому разыграли эту комедію вполовину искренно. Однако Проходимцевъ все-таки былъ правдивѣе—онъ былъ расположенъ къ молодому человѣку, а не только цѣнилъ въ немъ дѣльнаго и способнаго работника и умнаго человѣка, понимающаго его идеи съ намека. Щетинниковъ, напротивъ, готовъ былъ предать своего патрона во всякую минуту, если-бъ того потребовали его интересы. Недаромъ же онъ говорилъ, что его принципы — безпринципность, а совѣсть—жалкое слово, пугающее только глупыхъ людей...

Впереди ему открывались широкіе горизонты. Послѣ бесѣды съ Проходимцевымъ онъ твердо вѣрилъ въ свою звѣзду, и нервы его успокоились.

— Ну, теперь можно и посланіе окончить! — проговорилъ онъ, присаживаясь къ столу.

Черезъ четверть часа письмо было окончено, и онъ сталъ прочитывать его вслухъ.

«Увѣрять, что я влюбленъ въ васъ, подобно гимназистамъ и юнкерамъ, было бы и глупо и невѣрно; сказать, что жизнь моя будетъ разбита, или что-нибудь въ подоб-

номъ родѣ, что говорятъ обыкновенно, если встрѣчаютъ отказъ, было бы еще глупѣй и маловѣроятнѣй, и вы, конечно, посмѣялись бы отъ души, Зоя Сергѣевна, получивъ отъ меня подобныя строки. Такъ позвольте же мнѣ, вмѣсто всего этого, правдиво и откровенно сказать, что вы мнѣ больше чѣмъ нравитесь, что я искренно привязанъ къ вамъ и считалъ бы большимъ счастіемъ раздѣлить жизнь съ такой милой, изящной и умной дѣвушкой, какъ вы. Пишу это вамъ послѣ долгихъ и зрѣлыхъ размышленій, увѣрившись въ своей привязанности. Надѣюсь, что, при всемъ вашемъ скептицизмѣ, вы, Зоя Сергѣевна, догадывались, что меня тянуло въ вашъ домъ не одно только сродство нашихъ натуръ и сходство взглядовъ, не одно только удовольствіе живыхъ бесѣдъ, а нѣчто больше...»

«Твои триста тысячъ!»—мысленно проговорилъ, улыбаясь, Щетинниковъ и промолвилъ вслухъ:

— Кажется, начало ничего себѣ. Не очень банально, не особенно чувствительно и въ ея вкусѣ. Эта старая дѣва любитъ оригинальность!

И, покуривая сигару, Щетинниковъ молча продолжалъ пробѣгать продолженіе своего любовнаго произведенія, не очень длиннаго, но и не короткаго, ловко написаннаго, съ разсчитанной сдержанностью въ выраженіи чувствъ, придававшей письму тонъ правдивости,—не безъ шутливаго остроумія насчетъ того, что Зоя Сергѣевна и онъ слишкомъ большіе скептики и слишкомъ хорошо воспитаны, чтобы сдѣлать изъ семейной жизни подобіе каторги, и не безъ блестящихъ метафоръ на хорошемъ французскомъ языкѣ, столь любимыхъ Зоей Сергѣевной.

— Написано недурно!—произнесъ молодой человѣкъ и затѣмъ снова прочелъ вслухъ слѣдующія заключительныя строки письма:

«Мы хорошо понимаемъ съ вами жизнь съ ея требованіями, чтобы я умолчалъ о прозаической сторонѣ дѣла, то-есть о средствахъ. Не имѣя ихъ, я, разумѣется, не подумалъ бы о женитьбѣ, не вѣря въ счастье «шалаша». У меня пока десять тысячъ содержанія и дохода и, вѣроятно, на-дняхъ будетъ двѣнадцать, что даетъ возможность жить до извѣстной степени прилично. Положеніе мое для моихъ лѣтъ хорошее, но, разумѣется, оно не удовлетворяетъ меня, и я разсчитываю—а я рѣдко ошибаюсь въ разсчетахъ—на блестящее положеніе въ близкомъ буду-

щемъ и на болѣе значительныя средства, при которыхъ мы могли бы жить вполнѣ хорошо. Говорю обо всемъ этомъ, чтобы вы имѣли въ виду, что я не разсчитываю на ваше состояніе. Я сумѣю составить свое, и слѣдовательно вы будете пользоваться вашимъ, какъ вамъ будетъ угодно. Мнѣ до него нѣтъ дѣла. Я сказалъ все. Отъ васъ, Зоя Сергѣевна, будетъ зависѣть рѣшеніе задачи. Подумайте хорошо и, если вы не прочь быть моей женой, любимымъ другомъ и помощникомъ, — отвѣтьте: «пріѣзжайте», и я пріѣду къ вамъ немедленно, радостный и счастливый».

Онъ, не спѣша, вложилъ письмо въ конвертъ, надписалъ адресъ и надавилъ подъ доской письменнаго стола пуговку отъ электрическаго звонка.

Въ ту же минуту въ кабинетъ явился Антонъ.

— Отнести завтра утромъ это письмо къ Куницынымъ. Знаете, гдѣ они живутъ? — проговорилъ Щетинниковъ, отчеканивая слова холоднымъ, слегка повелительнымъ, рѣзкимъ тономъ, какимъ онъ имѣлъ обыкновеніе говорить съ прислугой.

— Знаю-съ! — тихо и почтительно отвѣчалъ Антонъ, принимая письмо.

— Гдѣ?

— Въ Моховой-съ.

— Если отвѣта не будетъ, спросите, приходить ли за отвѣтомъ потомъ. Понялъ?

— Понялъ-съ.

Антонъ вышелъ.

Щетинниковъ поднялся съ кресла, потянулся, хрустнулъ своими бѣлыми крупными пальцами и съ веселой самоувѣренной улыбкой промолвилъ:

— Эта мужененавистница, вѣрно, будетъ пріятно удивлена письмомъ и согласится, пожалуй, вкусить отъ брака... Я ей нравлюсь... Да и возрастъ критическій...

И молодой человѣкъ заходилъ по кабинету, улыбаясь по временамъ скверной, циничной усмѣшкой при воспоминаніи о своемъ сближеніи съ этой недовѣрчивой дѣвицей, о томъ, какъ постепенно онъ дошелъ до цѣлованія рукъ, съ какой тонкой разсчетливостью онъ старался возбуждать ея инстинкты и какъ мастерски охотился за ея состояніемъ.

Дѣйствительно, онъ охотился недурно, съ цинизмомъ и утонченностью холоднаго развращеннаго психолога.

IX.

Онъ началъ съ того, что велъ съ Зоей Сергѣевной одни лишь «умные разговоры», бесѣдовалъ о Шопенгауерѣ, о спиритизмѣ и не подавалъ ни малѣйшаго повода считать себя ухаживателемъ. Онъ какъ-то сразу сталъ съ Зоей Сергѣевной на пріятельскую ногу, какъ добрый товарищъ, сходный съ ней во взглядахъ и вкусахъ. Какъ будто не замѣчая въ ней женщины, онъ горячо бесѣдовалъ съ ней, давая ей тонко понять, что она замѣчательно умная дѣвушка, бесѣдовать съ которой доставляетъ ему истинное удовольствіе,—потому только онъ и ѣздитъ, чтобъ «отвести душу». Онъ часто вызывалъ ее на споръ, дѣлая видъ, что интересуется ея мнѣніями, и самъ, въ пылу спора, представляясь увлеченнымъ, какъ бы въ разсѣянности, бралъ ея руку и, слегка пожимая, задерживалъ въ своей теплой, мягкой рукѣ, украдкой посматривая, не производитъ ли это пожатіе того дѣйствія, на которое онъ разсчитывалъ.

Зоя Сергѣевна, всегда привѣтливая и любезная, всегда довольная случаю поболтать, хоть и принимала Щетинникова радушно, но сперва не довѣряла ему. «Къ чему онъ часто ѣздитъ?»—спрашивала она себя и добросовѣстно не находила отвѣта. Тѣмъ не менѣе ей было не скучно съ Щетинниковымъ. Онъ говорилъ недурно, щекоталъ ея умъ и нервы. Подъ конецъ она привыкла къ молодому человѣку. Его умъ, хладнокровіе, свѣтская выдержка, его скептическіе взгляды на людей и наконецъ его вызывающее, красивое лицо,—все это производило нѣкоторое впечатлѣніе. Она стала съ нимъ откровеннѣе, шутя звала его своимъ пріятелемъ и, подъ конецъ, скучала, если онъ долго не приходилъ.

И въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ Щетинниковъ приходилъ часто по вечерамъ. Генеральша обыкновенно сидѣла въ гостиной, а Зоя Сергѣевна, на правахъ старой дѣвы, звала молодого человѣка въ свой роскошный, уютный кабинетъ, гдѣ они обыкновенно проводили вечера, она—на низенькомъ диванѣ, онъ—около, на мягкомъ креслѣ, болтая о разныхъ разностяхъ, споря или читая какую-нибудь книгу, и расходились иногда за полночь. Она, веселая и оживленная, шла спать, а Щетинниковъ, нѣсколько подавленный отъ скуки и голодный, ѣхалъ въ трактиръ ужинать.

Во время этихъ бесѣдъ Щетинниковъ ни разу не заводилъ разговора о «чувствѣ»—этой влюбленной темѣ молодыхъ людей въ началѣ ухаживанія. Это какъ будто его совсѣмъ не интересовало. Не противорѣчилъ онъ, особенно въ первое время, Зоѣ Сергѣевнѣ, когда она называла себя «старой дѣвой» и смѣялась надъ товарками, все еще стремящимися выйти замужъ. Онъ словно пропускалъ эти рѣчи мимо ушей, и это немножко раздражало Зою Сергѣевну, заставляя ее слегка кокетничать и стараться быть одѣтой къ лицу къ приходу Щетинникова. Онъ какъ будто и этого не замѣчалъ и съ большой, казалось, искренностью принялъ по отношенію къ Зоѣ Сергѣевнѣ тонъ добраго товарища, далекаго отъ мысли за нею ухаживать. Онъ чаще бралъ ея руки или присаживался совсѣмъ близко около нея, обдавая ее горячимъ дыханьемъ, когда она прочитывала какое-нибудь мѣсто въ книгѣ, и въ то же время съ самымъ серьезнымъ видомъ продолжалъ «умный» разговоръ, взглядывая украдкой на раскраснѣвшееся лицо и загоравшіеся глаза дѣвушки. Затѣмъ онъ садился въ кресло и терпѣливо выслушивалъ возбужденную Зою Сергѣевну, разсказывавшую, какіе у нея были романы. Она любила ихъ вспоминать и изукрасить собственнымъ воображеніемъ, являясь въ нихъ всегда героиней, отвергавшей со смѣхомъ влюбленнаго героя. Онъ внимательно слушалъ, зная, что она привираетъ, и когда, закончивъ разсказъ, Зоя Сергѣевна говорила, что любить не умѣетъ и ни разу никого не любила, молодой человѣкъ казался совсѣмъ равнодушнымъ. Онъ лишь слегка, какъ свѣтскій человѣкъ, оппонировалъ, когда Зоя Сергѣевна, словно бы вызывая на отвѣтъ, прибавляла, что теперь ужъ ея пѣсенка спѣта, она ужъ не можетъ нравиться. Это еще болѣе подзадоривало самолюбивую дѣвушку. Ей такъ хотѣлось, чтобы этотъ красивый молодой человѣкъ горячо оспаривалъ ея слова! И она еще тщательнѣе стала заниматься собой.

Такъ прошло мѣсяца два съ половиной. Щетинниковъ видѣлъ, что его дѣла подвигаются впередъ, что онъ нравится, и что пора сдѣлаться слегка влюбленнымъ.

И вотъ однажды, когда онъ засталъ Зою Сергѣевну, по случаю мигрени, съ распущенными волосами, которые волной ниспадали на плечи, моложавя лицо дѣвушки,—онъ съ такимъ, казалось, восхищеніемъ, словно бы внезапно

очарованный, глядѣлъ на Зою Сергѣевну, пріостановившись у порога, что она заалѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— Вы что̀ такъ глядите, Николай Николаевичъ?—прошептала она и тутъ же извинилась, что, на правахъ старой дѣвы, позволила себѣ принять его въ такомъ видѣ.

Щетинниковъ какъ бы очнулся отъ своего очарованія, и съ его губъ, точно невольно, сорвался возгласъ, произнесенный тихимъ, мягкимъ голосомъ:

— Да вѣдь вы совсѣмъ молодая и такая...

И, словно спохватившись, онъ прибавилъ уже болѣе спокойно, тономъ свѣтскаго человѣка:

— Такая авантажная, Зоя Сергѣевна...

И съ этими словами подошелъ поздороваться съ хозяйкой.

Вся эта коротенькая сценка была разыграна съ мастерствомъ большого негодяя.

Зоя Сергѣевна испытывала величайшее удовольствіе отъ этой, показавшейся ей столь искренней, хвалы. Но это, разумѣется, не помѣшало ей сдѣлать изумленное лицо и, прищуривъ глаза, со смѣхомъ спросить:

— Комплиментъ старой дѣвѣ? И, вы думаете, я вамъ повѣрю?

— Полно, Зоя Сергѣевна, вамъ кокетничать этой кличкой. Вѣдь вы сами знаете, что это вздоръ!—умышленно рѣзкимъ тономъ отвѣтилъ Щетинниковъ.

— Да вы чего сердитесь!? Садитесь-ка лучше... Что̀ вы называете вздоромъ?

— А то, что вы хотите считать себя старухой.

— Мнѣ тридцать одинъ годъ, Николай Николаевичъ.

— А хоть бы тридцать два—не все ли равно? На видъ вамъ нельзя болѣе двадцати пяти-шести дать!..—замѣтилъ Щетинниковъ и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Въ этотъ вечеръ Зоя Сергѣевна была необыкновенно оживлена и весела. Она слегка кокетничала и нерѣдко дарила молодого человѣка какимъ-то загадочнымъ взглядомъ, не то вызывающимъ, не то ласкающимъ, своихъ карихъ глазъ.

«Клюнула!»—подумалъ, внутренно усмѣхаясь, Щетинниковъ и, при прощаніи, крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Это—новость!—промолвила, вся вспыхивая, со смѣхомъ Зоя Сергѣевна.

— Въ чемъ новость?

— Прежде вы никогда не цѣловали моихъ лапъ...

— Я просто не замѣчалъ, что у васъ такія красивыя руки!—смѣясь, отвѣчалъ и Щетинниковъ.—А я, какъ поклонникъ всего изящнаго, люблю хорошія руки... Посмотрите, какой красивый складъ кисти, какія линіи пальцевъ...

И онъ взялъ маленькую, блѣдную, красивую руку Зои Сергѣевны, съ самымъ серьезнымъ видомъ нѣсколько секундъ любовался ею и снова поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ.

— До завтра?—промолвила Зоя Сергѣевна. — Завтра придете поболтать?..

— Постараюсь.

Но Щетинниковъ не приходилъ цѣлую недѣлю. Зоя Сергѣевна нервничала и скучала. Наконецъ явился Щетинниковъ. Онъ былъ какъ будто разстроенъ.

— Гдѣ вы пропадали?—спросила Зоя Сергѣевна, видимо обрадованная гостю.

— Хандрилось что-то,—какъ-то многозначительно промолвилъ Щетинниковъ, цѣлуя ея руку.

— Что̀ съ вами?—участливо спросила дѣвушка.

— Да ничего особеннаго... Такъ, видно, и у нашего брата нервы... Съ чего бы, кажется, хандрить?.. Положеніе хорошее... средства есть, вотъ подите: одиночество иногда даетъ себя знать...

И Щетинниковъ такъ мягко, такъ задушевно, словно бы говорилъ съ любимой сестрой, разсказывалъ въ этотъ вечеръ о своей жизни, о блестящей будущности, которой онъ достигнетъ, о своихъ планахъ.

Зоя Сергѣевна слушала съ видимымъ интересомъ и, когда Щетинниковъ окончилъ, спросила:

— И все-таки вы хандрите?

— Все-таки порой хандрю. Пріятели говорятъ: жениться надо.

— А въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не женитесь?

— Жениться не трудно, но...

— Въ чемъ же дѣло? Или васъ удерживаетъ какая-нибудь старая привязанность?..

— И никакой такой привязанности нѣтъ.

— Такъ что̀ же васъ останавливаетъ? Не находите достойной принцессы?—смѣясь, спрашивала Зоя Сергѣевна.

— То-то не нахожу, Зоя Сергѣевна. Я вѣдь очень требователенъ. У меня совершенно особенный вкусъ.

— Любопытно узнать, какой?

«Любопытно!?»—усмѣхнулся про себя Щетинниковъ и съ самымъ искреннимъ видомъ, точно повѣряя свои задушевныя мысли, отвѣчалъ:

— Всѣ эти юныя смазливыя барышни съ пустыми головками, занятыя одними туалетами да глупой болтовней, не моего романа. Скучно съ ними, онѣ скоро надоѣдятъ. Да и вообще я не поклонникъ юницъ!..—какъ бы мимоходомъ вставилъ Щетинниковъ.—Отзывчивая, изящная натура, характеръ, умъ, тактъ, знанье жизни, умѣнье стать на высотѣ всякаго положенія—вотъ чего я ищу въ женщинѣ. Мнѣ нужна не пустая дура, а нуженъ умный вѣрный другъ и помощникъ, съ которымъ я говорилъ бы какъ равный съ равнымъ. Къ такой женщинѣ я могъ бы привязаться!—закончилъ Щетинниковъ съ горячностью.

Зоя Сергѣевна слушала съ участливымъ вниманіемъ и въ какомъ-то раздумьѣ.

А Щетинниковъ подумалъ:

«Попалась, мужененавистница!»

Пріѣхавшіе гости помѣшали дальнѣйшей бесѣдѣ въ этомъ интимномъ тонѣ, и Щетинниковъ скоро уѣхалъ, увѣренный, что дѣло его въ шляпѣ.

Обо всемъ этомъ Щетинниковъ припоминалъ теперь съ видомъ побѣдоноснаго охотника. Гнусность его поведенія, казалось, нимало не смущала его. Надо же было какъ-нибудь подъѣхать къ этой подозрительной дѣвѣ. И торжествующая улыбка играла на его красивомъ лицѣ, когда онъ проговорилъ:

— Навѣрно, выйдетъ замужъ!

Онъ рано сегодня легъ спать, но долго пролежалъ съ книгою въ рукахъ.

Наконецъ онъ заснулъ. И ему снился дивный, обворожительный сонъ.

X.

Онъ—правая рука Проходимцева и главный контролеръ трехъ банковъ. Тотъ его любитъ, довѣряетъ и осыпаетъ щедротами съ истинно-русской расточительностью, не стѣсняющейся сорить общественными деньгами. Разныя «добавочныя», «путевыя», разныя «невпримѣръ прочимъ», значительно округляютъ его хорошее жалованье и вознаграждаютъ за труды. Ему кланяются и льстятъ. Въ немъ ищутъ, и онъ видитъ себя во снѣ еще болѣе со-

лицнымъ и серьезнымъ, съ внушительнымъ и строгимъ лицомъ вліятельнаго авгура. И походка стала тверже, и голосъ самоувѣреннѣй, и мнѣнія категоричнѣе. Только со «своимъ» онъ кротокъ и проникновененъ—съ другими, особенно съ подчиненными, онъ холодно любезенъ и, при случаѣ, наглъ.

А дома? Изящно, роскошно, уютно. Домъ—полная чаша. Пополнѣвшая, похорошѣвшая Зоя Сергѣевна, со вкусомъ одѣтая, бѣжитъ ему навстрѣчу, когда онъ, усталый, пріѣзжаетъ домой. Глаза ея утратили прежнюю безпокойность взора и глядятъ мягко и нѣжно, словно за что-то благодарятъ своего молодого красиваго мужа. Еще бы! Она, послѣ замужества, полюбила его со всѣмъ пыломъ запоздалой страсти и смотритъ въ глаза Никсу, угадывая малѣйшія его желанія...

— Кстати, возьми, Никсъ, изъ банка мои деньги и помѣсти, какъ найдешь удобнѣй!—говоритъ она.

Деньги къ деньгамъ! Онъ помѣстилъ ихъ удобно, какъ помѣщаетъ и свои. Онъ видитъ во снѣ эти пачки, эти большія пачки радужныхъ бумажекъ, которыя какъ-то незамѣтно текутъ къ нему и увеличиваютъ его капиталы. Звонокъ! Это, онъ знаетъ, представитель одного синдиката. Просить и никого не принимать! Мирная, конфиденціальная бесѣда, обѣщаніе похлопотать у Проходимцева устроить дѣло, принять даже въ немъ участіе. И новые вклады, новый приливъ денегъ, новая записка о какомъ-нибудь необходимомъ соглашеніи между банками, конечно, для пользы дѣла... И какъ все это просто, какъ мило и деликатно даже и во снѣ... Сонъ быстро уноситъ годы, одинъ, два, три, четыре, Богъ ихъ знаетъ сколько, и Щетинниковъ во снѣ богатъ, очень богатъ... У него около милліона, не считая жениныхъ денегъ. Съ богатствомъ живется легче... Онъ пользуется всѣми благами жизни. Онъ достигъ, чего только можно желать въ его годы, и, кажется, счастливъ... А впереди? Все впереди кажется такимъ свѣтлымъ, манящимъ...

Но вдругъ чудный сонъ омраченъ видѣніемъ. Что же? Развѣ отецъ не похороненъ два года тому назадъ на маленькомъ кладбищѣ захолустнаго городка? Развѣ объ этомъ не сообщилъ ему какой-то пріятель покойнаго? Зачѣмъ онъ здѣсь, въ кабинетѣ, какъ разъ въ то время, когда съ нимъ сидятъ два американца, предлагающіе грандіозный проектъ не то благодѣянія, не то опустошенія,—

съ какой точки зрѣнія взглянуть, съ объективной или субъективной. «Послѣдняя дастъ крупный кушъ!» — думаетъ во снѣ Щетинниковъ и внимательнѣе слѣдитъ за выкладками американцевъ. И вдругъ передъ нимъ это скорбное, мертвенное лицо, этотъ грустный упрекъ тусклыхъ глазъ, эти блѣдныя губы, тихо шепчущія:

— И тебѣ, Коля, не стыдно? Опомнись!

И что-то похожее на робость охватываетъ въ это мгновеніе Щетинникова. Чѣмъ-то дѣтскимъ, давно забытымъ вѣетъ на него, напомнивъ старый отцовскій домикъ и чистыя ребячьи мысли. Но прошло мгновеніе, и дерзкая улыбка самоувѣреннаго наглеца снова играетъ на его лицѣ, и онъ отвѣчаетъ:

— Чего стыдиться? Передъ кѣмъ стыдиться? Уходи, старикъ! Ты—прошлое. Я — настоящее. Ты — безсиліе. Я—сила, которой на мой вѣкъ хватитъ. Ты вѣрилъ въ призраки, всю жизнь кипятился, изъ-за чего-то убиваясь. Я вѣрю въ дѣйствительность, я счастливъ и покоенъ и ни-о чемъ не печалюсь. Ты думалъ всю жизнь о другихъ, забывая о себѣ. Я думаю только о себѣ, не думая о другихъ. Ступай, старикъ! Теперь наше время!

— Но подумай, подумай только, кого ты грабишь? Ты грабишь народъ, бѣдный, темный народъ. Онъ заплатитъ за твоихъ американцевъ, за твои записки, за твое желаніе угодить Проходимцеву. Подумай только, сколько горя, слезъ стòитъ твой безстыдный эгоизмъ. Подумай, чтò о тебѣ скажутъ потомъ твои дѣти?

— Какое мнѣ дѣло? Навѣрное, поблагодарятъ, что не оставилъ ихъ нищими. И зачѣмъ я упущу случай? Не я, такъ другой. Не Щетинниковъ, такъ Ивановъ!

— Срамникъ, остановись!

Видѣніе исчезаетъ. Щетинниковъ поворачивается на другой бокъ, облегченно вздыхая, и снова пріятныя сновидѣнія смѣняются, одно за другимъ, точно въ калейдоскопѣ.

Ему снится, что его произвели въ штатскіе генералы (мало ли чтò во снѣ ни приснится!), и онъ доволенъ. Это, во всякомъ случаѣ, ступень. Честолюбивый червякъ отчасти удовлетворенъ. Зоя Сергѣевна—она очень хотѣла быть генеральшей и по мужу—такъ нѣжно, такъ страстно цѣлуетъ своего милаго генерала, поздравляя его, что тотъ нѣсколько хмурится отъ этихъ изліяній своей подруги, темпераментъ которой оказался не такой холод-

ный, какъ онъ предполагалъ. Но нѣтъ розы безъ шиповъ. И Зоя Сергѣевна умѣетъ скрывать эти шипы и съ присущимъ ей тактомъ несетъ свои обязанности, не надоѣдая мужу излишней пылкостью чувствъ. И между ними царитъ потому согласіе. Въ этотъ день они оба такъ веселы, такъ радостны. У нихъ сегодня званый обѣдъ, тонкій обѣдъ; Проходимцевъ и разныя лица, болѣе или менѣе вліятельныя, сидятъ за столомъ. Нѣсколько красивыхъ дамъ украшаютъ собраніе. Пьютъ за здоровье молодого генерала, и сколько несется пожеланій! И сколько надеждъ въ груди у Щетинникова!

И вотъ наконецъ... Даже у соннаго замираетъ отъ волненья сердце... Онъ предчувствуетъ, зачѣмъ къ нему пріѣхали отъ Проходимцева и въ неурочный часъ зовутъ къ нему... Онъ видитъ что-то особенное и въ лицѣ посланнаго, и въ тѣхъ особенно почтительныхъ поклонахъ, которыми его провожаютъ лакеи въ домѣ патрона. Онъ видитъ радостно-торжественное лицо Проходимцева и сразу понимаетъ, что̀ это значитъ... Но это такъ неожиданно. Ужели его назначатъ директоромъ-распорядителемъ банка?

Проходимцевъ обнимаетъ и поздравляетъ...

— Вы назначены... Видите, я не забылъ вашей службы... Вы назначены главнымъ директоромъ одного изъ банковъ. Вамъ открывается поле самостоятельной дѣятельности.

Самостоятельной?.. Даже и во снѣ у Щетинникова нѣтъ словъ. Онъ молчитъ отъ избытка чувствъ.

— Надѣюсь, вы достойно оправдаете мою рекомендацію... И ужъ болѣе... Вы вѣдь сыты теперь?—ласково прибавляетъ вдругъ, послѣ паузы, плутовски улыбаясь, Проходимцевъ...

— Сытъ, Анатолій Васильичъ,—нѣжно отвѣчаетъ Щетинниковъ, но чувствуетъ, что въ глазахъ его мелькаютъ милліоны... И какъ теперь они легко могутъ придти... Даже безъ риска...

— То-то... Я такъ и думалъ... У васъ около милліона, родной мой?

— Около, Анатолій Васильичъ.

— Ну, и довольно. Не правда ли? Теперь для общества потрудитесь безкорыстно... Экономія и бережливость... Твердые принципы. Вы понимаете?..

— О, повѣрьте!..

Онъ ѣдетъ домой, и кажется ему, что его кровные рысаки бѣгутъ необыкновенно тихо... Ему машетъ рукой Ко-

коткипъ особенно мило. Знакомые кланяются, казалось, иначе. Ужъ всѣ знаютъ... Зоя Сергѣевна чуть не упала отъ радости въ истерику и съ благоговѣйнымъ восторгомъ смотритъ на Никса. Никсъ взволнованъ и за обѣдомъ плохо ѣстъ, а послѣ обѣда ходитъ и думаетъ, какъ онъ подтянетъ свое учрежденіе и сколькихъ выгонитъ... Пусть видятъ, что онъ не шутитъ. Это реклама и для него.

— Экономія и твердые принципы!—повторяетъ онъ и думаетъ въ то же время: «А какія теперь можно дѣла дѣлать!»

Онъ всталъ на слѣдующее утро и, словно бы ужъ привыкшій къ новому положенію, заходилъ по кабинету величественной походкой и заговорилъ, чуть-чуть растягивая слова.

Онъ прочитываетъ утромъ хвалебныя статейки въ мелкой прессѣ и даже минутами начинаетъ вѣрить, что онъ не безстыдникъ, а «неподкупная честность». А вотъ и Прощалыжниковъ, старый знакомый репортеръ, проситъ интервью. Щетинниковъ, котораго давно ли этотъ самый репортеръ хотѣлъ послать на Сахалинъ, теперь мякнетъ и говоритъ, что онъ будетъ искать поддержки въ прессѣ. Онъ сочувствуетъ ей. Онъ всегда... Прощалыжниковъ таетъ и уходитъ въ телячьемъ восторгѣ, получивъ тутъ же въ кабинетѣ мѣсто юрисконсульта въ отдѣленіи «текущихъ счетовъ» съ обязательствомъ приходить лишь 20-го числа за жалованьемъ. И на другой день Щетинниковъ уже читаетъ новый диѳирамбъ, необыкновенно прочувствованный, но читаетъ наскоро, такъ какъ спѣшитъ ѣхать въ свой новый частный банкъ.

Толпа служащихъ уже ждетъ въ пріемной. Тутъ и старики, и пожилые, и молодежь. Стоятъ и трепещутъ за свое жалованье. Скрипнула дверь, и онъ вышелъ...

И во снѣ онъ говоритъ рѣчь:

«Прошу, господа, любить и жаловать... Я строгъ, но справедливъ, и подтяну наше учрежденіе. Люди, не желающіе работать, пусть лучше уходятъ, а полезные работники найдутъ во мнѣ всегда покровителя и защитника. Надѣюсь, я не услышу болѣе ни о злоупотребленіяхъ, ни о послабленіяхъ, ни о мздоимствѣ. Язву эту я вырву съ корнемъ!»

И, чтобы показать, что онъ не шутитъ, онъ на другой день уволилъ десять бухгалтеровъ, двадцать помощниковъ и сто двадцать конторщиковъ.

Опять утро. Его рѣчь опять въ печати, благодаря усердію Прощалыжникова, и въ заключеніе хвала его энергіи и рѣшительности. Щетинниковъ опять читаетъ и даже во снѣ улыбается циничной усмѣшкой и самъ затрудняется, какъ себя назвать: великимъ ли дѣльцомъ или просто большимъ прохвостомъ. Его правдивость одерживаетъ побѣду, онъ называетъ себя прохвостомъ и весело смѣется, переполненный счастьемъ торжества... Ему хочется крикнуть: «Да здравствуетъ безстыдство!» Онъ вскрикиваетъ и отъ собственнаго крика просыпается.

— Такъ это былъ сонъ?—говоритъ Щетинниковъ, потягиваясь въ кровати.—Авось онъ будетъ вѣщимъ сномъ!—прибавляетъ онъ веселый и радостный, припоминая вчерашнюю бесѣду съ Проходимцевымъ.

Онъ взглянулъ на часы. Былъ одиннадцатый часъ.

— Есть ли отвѣтъ отъ Куницыной?—тревожно проговорилъ онъ и позвонилъ.

Вошелъ Антонъ съ письмомъ въ рукѣ.

Щетинниковъ быстро вскрылъ конвертъ и съ торжествующей улыбкой прочиталъ: «пріѣзжайте».

— Сонъ въ руку!—весело замѣтилъ онъ, начиная одѣваться.

ЖЕНИДЬБА ПИНЕГИНА.

I.

Александръ Ивановичъ Пинегинъ, статный, высокій молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, не торопился въ это утро на службу. Погруженный въ думы, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ въ четвертомъ этажѣ большого дома, убранной по обычному шаблону меблированныхъ комнатъ средней руки. Подборъ книгъ въ большомъ шкапу, два журнала на письменномъ столѣ и фотографіи нѣкоторыхъ писателей свидѣтельствовали объ извѣстныхъ литературныхъ симпатіяхъ молодого человѣка.

Онъ ходилъ быстрой, нервной походкой, какъ ходятъ сильно взволнованные люди, опустивъ на грудь голову, покрытую бѣлокурыми, слегка волнистыми, густыми волосами. По временамъ онъ останавливался у письменнаго стола и разсѣянно отхлебывалъ изъ стакана чай или подходилъ къ окну и напряженно всматривался въ сѣрую дождливую мглу мрачнаго осенняго петербургскаго утра.

Глядя на молодого человѣка, никакъ нельзя было предположить, что онъ—женихъ, наканунѣ сдѣлавшій предложеніе и получившій порывистое, радостное согласіе горячо любящей его дѣвушки. Его красивое и неглупое, съ тонкими и мягкими чертами, лицо вовсе не походило на влюбленное, счастливое лицо жениха. Напротивъ. Оно было подавлено, серьезно и хмуро. Большіе каріе глаза глядѣли сосредоточенно и мрачно и порой зажигались недобрымъ огонькомъ. Казалось, онъ переживалъ минуты какой-то внутренней борьбы и не о невѣстѣ думалъ онъ, а о чемъ-то другомъ, болѣе важномъ и, повидимому, очень непріятномъ.

— Ну, да... подлость!—проговорилъ онъ вслухъ, точно подводя итоги своимъ размышленіямъ.

Вчера, когда было сдѣлано предложеніе, онъ словно не вполнѣ сознавалъ всей низости своего поступка и, обрадованный перспективой будущаго благополучія, какъ будто и искренно увѣрялъ эту некрасивую, простодушную

на видъ дѣвушку, съ большими, ясными довѣрчивыми глазами, въ своей привязанности. И она, обрадованная и влюбленная, повѣрила, какъ раньше вѣрила и въ серьезность его возвышенныхъ рѣчей, нашедшихъ откликъ въ ея горячемъ сердцѣ...

Но сегодня, какъ только онъ проснулся, вся эта низость предстала передъ нимъ во всей своей наготѣ... Онъ вѣдь укралъ любовь дѣвушки, представляясь передъ ней совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ... Онъ вѣдь лгалъ, увѣряя въ своей любви...

Какая любовь!?

Она ему нисколько не нравится, и если-бъ не ея милліоны, сталъ бы онъ съ ней разговаривать! Она некрасива почти до уродливости: черты грубыя, рѣзкія, толстый носъ, выдавшіяся скулы, обличавшія инородческую кровь, большія руки, грубоватыя и красныя, сложена отвратительно, маленькая, неуклюжая, однимъ словомъ внѣшность непривлекательная... Одни только глаза, кроткіе, вдумчивые, большіе темные глаза хороши у нея. И этотъ довѣрчивый взглядъ...

— И все-таки я сдѣлаю эту подлость,—проговорилъ Пинегинъ.

Тонъ его дрогнувшаго голоса звучалъ вызовомъ, точно онъ подбадривалъ себя, какъ дѣти, когда желаютъ побороть страхъ.

Да, онъ ее сдѣлаетъ... Богатство—сила и независимость. Неужели отказаться отъ этого изъ-за того только, что не любишь эту дѣвушку? И ради чего? Чтобъ остаться попрежнему пролетаріемъ, сидѣть за дурацкимъ дѣломъ въ канцеляріи, въ свободное время строчить разсказы и статейки, вырабатывать жалкіе сто рублей и вѣчно считаться съ грошами, утѣшаясь, что ты въ нѣкоторомъ родѣ носитель идей, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, втайнѣ завидовать обезпеченнымъ людямъ и разыгрывать благороднаго аскета, живущаго не такъ, какъ другіе?..

И какой онъ, по правдѣ-то говоря, носитель идеи? Такъ себѣ, одинъ изъ охвостья. Юнъ былъ... увлекался, наконецъ и мода была, а потомъ, когда кончилъ университетъ, такъ болѣе ради рисовки и въ пику пошлякамъ щеголялъ крайними взглядами и болталъ разный вздоръ о переустройствѣ міра. И за это терялъ мѣста и пугалъ дураковъ. А въ сущности-то до переустройства міра вѣдь ему мало дѣла, да и когда-то еще оно будетъ. А пока—

жить хочется. Изъ-за чего же онъ долженъ прозябать въ качествѣ бѣднаго, но благороднаго человѣка принципа, не чувствуя въ томъ ни малѣйшаго удовольствія?.. Благодарю покорно! Нѣтъ... онъ не упуститъ рѣдкаго случая насладиться широко жизнью, хотя бы цѣною подлости. Обманывать себя нечего. Подлость, которую никакими высшими соображеніями не оправдаешь. Да и передъ кѣмъ оправдываться? Всѣ найдутъ, что онъ поступилъ умно, и позавидуютъ.

«Всѣ ли?»—явился назойливый вопросъ и вызвалъ краску на поблѣднѣвшее лицо Пинегина.

Онъ вспомнилъ дѣвушку, которая очень ему нравилась, эту милую, умную и хорошенькую Ольгу Николаевну. Онъ былъ съ нею друженъ и часто видѣлся. И она видимо была расположена къ нему. Какъ теперь онъ встрѣтится съ ней и что̀ можетъ сказать въ свое оправданіе? Не онъ ли такъ горячо порицалъ браки по разсчету?.. Какимъ презрѣніемъ загорятся ея глаза, когда она узнаетъ, почему онъ женится!.. Нѣтъ, лучше не видѣть этого взгляда и больше не ходить къ ней. Милліоны тутъ недѣйствительны. Пинегинъ долженъ былъ сознаться въ этомъ.

Вспомнилъ онъ и небольшой кружокъ людей, которыхъ считалъ безусловно хорошими людьми. Онъ бывалъ въ этомъ кружкѣ и гордился знакомствомъ съ нимъ тѣмъ болѣе, что въ немъ были два-три извѣстныхъ писателя.

И всѣ эти люди тоже отнесутся съ негодованіемъ къ его поступку и отвернутся. Навѣрное, отвернутся отъ него.

— И чортъ съ ними!—раздраженно воскликнулъ онъ.

Онъ сталъ перебирать этихъ самыхъ людей, отыскивая въ нихъ теперь слабости или дурныя стороны и раздувая эти недостатки съ злорадствомъ человѣка, сдѣлавшаго подлость и утѣшающаго себя, что и другіе, слывущіе за честныхъ и добродѣтельныхъ, тоже способны на подлость. Онъ мысленно разбиралъ каждаго по косточкамъ, стараясь найти что-нибудь гадкое, если не въ фактахъ, то хотя бы въ возможности. Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли они безупречны и не надуваютъ ли себя и другихъ?..

И, злобно настроенный, Пинегинъ старался увѣрить себя, что многіе изъ этихъ самыхъ людей поступили бы точно такъ, какъ онъ, представься только случай да еще въ видѣ двухъ милліоновъ. А если бы и отказались, то изъ трусости передъ мнѣніемъ другихъ и носились бы

со своимъ подвигомъ, сожалѣя въ душѣ, что не хватило смѣлости.

Эти мысли нѣсколько успокоили Пинегина, и онъ вышелъ изъ дома, чтобъ сообщить новость матери и полюбоваться впечатлѣніемъ, которое эта новость произведетъ на родныхъ.

— То-то обрадуются, что я исправился да еще такъ радикально! — промолвилъ Пинегинъ съ презрительной усмѣшкой.

II.

Онъ шелъ по улицамъ въ возбужденномъ настроеніи, нѣсколько растерянный отъ сознанія, что онъ скоро—обладатель милліоновъ, не считая еще пріисковъ, которые даютъ огромный доходъ, и большого дома въ Петербургѣ, и улыбался при мысли, что онъ, у котораго въ карманѣ всего пять рублей, черезъ мѣсяцъ-другой можетъ сыпать деньги пригоршнями. И все это несмѣтное богатство будетъ въ полномъ его распоряженіи. Она вчера прямо сказала: «Бери все, все твое. Ты, честный и добрый, лучше меня сумѣешь сдѣлать богатство источникомъ добра». Конечно, онъ кое-что дастъ на добрыя дѣла, но не раздастъ всего, какъ бы хотѣла эта безсребренница, его невѣста, готовая отказаться отъ богатства. Этого онъ не допуститъ. Не для того онъ женится. Да и къ чему послужила бы эта самоотверженная филантропія?.. Капля въ морѣ...

Онъ взглядывалъ на рысаковъ, на блестящіе экипажи, останавливался у витринъ магазиновъ, бросалъ взгляды на роскошные дома-дворцы и думалъ: «все это будетъ и у меня», и ему было пріятно чувствовать эту власть денегъ. Теперь всѣ блага жизни къ его услугамъ, и онъ воспользуется ими не какъ пошлякъ, а какъ развитой человѣкъ изящныхъ вкусовъ, съ высшими духовными потребностями. У него будетъ превосходная библіотека, хорошія картины... У него будутъ досугъ и независимость... Тогда онъ напишетъ дѣйствительно превосходную вещь, а не тѣ скороспѣлые, непродуманные разсказы, которые писалъ онъ до сихъ поръ ради денегъ. Разные неясные планы вихремъ носились въ головѣ Пинегина насчетъ будущей жизни. Послѣ свадьбы они тотчасъ же уѣдутъ за границу и пробудутъ тамъ годъ, по крайней мѣрѣ, чтобы ознакомиться съ лучшими мѣстами Европы. Затѣмъ они поселятся въ Петербургѣ въ своемъ домѣ, уютномъ небольшомъ особ-

някѣ, который онъ купитъ и самъ отдѣлаетъ на англійскій манеръ. У него будетъ своя половина, гдѣ онъ можетъ заниматься... На лѣто и осень они будутъ уѣзжать за границу... Въ этихъ планахъ не были забыты и добрыя дѣла. Онъ улучшитъ положеніе рабочихъ на пріискахъ жены, пошлетъ туда хорошаго человѣка. Онъ дастъ въ пользу голодающихъ... Въ первый моментъ Пинегинъ подумалъ о ста тысячахъ, но затѣмъ остановился на пятидесяти—довольно и этого. Онъ пожертвуетъ литературному фонду двадцать пять, столько же въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ и ежегодно будетъ давать нѣсколько стипендій студентамъ и курсисткамъ. Все-таки какъ будто совѣсть покойнѣе, когда что-нибудь удѣлишь изъ богатства... Психологія трусости... Недаромъ люди, нагрѣвшіе руки, любятъ жертвовать и читать потомъ комплименты въ печати... Человѣкъ награбилъ, бросилъ крохи, и его благодарятъ... Лестно!

Хорошенькая и стройная, изящно одѣтая дама, шедшая навстрѣчу, обратила на себя вниманіе молодого человѣка и направила его мысли на будущую жену...

Онъ невольно сравнилъ ее и нахмурился...

— Ахъ, зачѣмъ она такая некрасивая!—мысленно проговорилъ онъ.

«Стерпится—слюбится. Она добрая, честная, образованная»,—пробовалъ утѣшать себя Пинегинъ, но утѣшеніе выходило слабое. Неподкупаемый инстинктъ протестовалъ, и милліоны, казалось, покупались дорогою цѣною. Придется лицемѣрить и лгать, скрывать брезгливое чувство, даря супружескими ласками эту некрасивую, желтолицую, съ скуластымъ лицомъ, физически противную женщину, вдобавокъ влюбленную въ него до безумія...

Но онъ рѣшилъ поступать добросовѣстно. Онъ сумѣетъ скрыть отъ этого добраго, довѣрчиваго созданія свою нелюбовь, будетъ съ ней ласковъ и внимателенъ... Онъ не заставитъ раскаяться, не разобьетъ ея жизни, хотя бы изъ благодарности... Пусть она останется въ невѣдѣніи...

Такъ разсуждалъ онъ, а инстинктъ подсказывалъ, что свои вкусы къ женской красотѣ онъ можетъ удовлетворять на сторонѣ. И глаза его заискрились при мысли, что при богатствѣ ему предстоитъ широкій просторъ для любовныхъ похожденій... Жена ничего не будетъ знать... И наконецъ можно будетъ по временамъ уѣзжать за границу одному, на воды, что ли...

Пинегинъ остановился на Большой Морской у витрины ювелирнаго магазина и, разглядывая выставленныя вещи, рѣшилъ, что слѣдуетъ сдѣлать невѣстѣ подарокъ, разумѣется, что-нибудь скромное: простенькій браслетъ или кольцо—брильянтовъ у нея и такъ много. Недурно было бы и цвѣтовъ принести. Она ихъ такъ любитъ.

Но такъ какъ у будущаго милліонера было всего пять рублей въ карманѣ, то надо было достать денегъ. Теперь этотъ вопросъ не удручалъ его, какъ прежде. Теперь онъ достанетъ, сколько угодно. Дюфуръ не откажетъ!

И Пинегинъ отправился къ Дюфуру, извѣстному ростовщику, который жилъ поблизости. Этого Дюфура Пинегинъ зналъ давно, звалъ его въ шутку «министромъ» и былъ долженъ ему триста рублей года два, довольно аккуратно уплачивая пять процентовъ въ мѣсяцъ.

Онъ поднялся во второй этажъ и отворилъ матовыя стеклянныя двери. Раздался звонокъ, предупреждающій о посѣтителѣ. Высокій, здоровый лакей снялъ съ Пинегина пальто и сказалъ, что придется немного подождать. Огромное зеркало въ сосѣдней небольшой пріемной позволяло видѣть сидѣвшаго въ глубинѣ большой комнаты, лицомъ къ дверямъ, за большимъ круглымъ столомъ Дюфура и спину одного изъ многочисленныхъ его кліентовъ; Дюфуръ, въ свою очередь, видѣлъ входившаго.

Пинегинъ присѣлъ въ маленькой пріемной, гдѣ кліенты г. Дюфура могли, въ ожиданіи, просматривать газеты и иллюстрированные журналы, разбросанные на столѣ. По счастію, въ пріемной больше никого не было, и ждать пришлось не долго. Минутъ черезъ пять изъ залы вышелъ военный генералъ, сопровождаемый низенькимъ, кругленькимъ, румянымъ пожилымъ господиномъ съ самымъ добродушнымъ лицомъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, Александръ Ивановичъ?— проговорилъ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ г. Дюфуръ, привѣтливо и ласково улыбаясь своему исправному плательщику процентовъ.—Давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть,—продолжалъ г. Дюфуръ, пожимая Пинегину руку и пропуская его въ большую комнату.

Они присѣли за круглый столъ, на которомъ лежали знакомыя Пинегину толстыя небольшія книги съ именами кліентовъ и отмѣтками сроковъ и платежей, два перечеркнутыхъ векселя, нѣсколько чистыхъ бланковъ и небольшая пачка денегъ, вѣроятно, только-что полученныхъ...

— Я къ вамъ, Адольфъ Адольфовичъ, съ просьбой. Мнѣ нужно денегъ, — проговорилъ Пинегинъ веселымъ, увѣреннымъ тономъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ говорилъ, бывало, прежде, обращаясь къ Дюфуру за сотней рублей.

Лицо Дюфура тотчасъ же сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ. Онъ поджалъ губы и мягкимъ, почти нѣжнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Мнѣ очень жаль, но въ настоящее время я не могу исполнить вашего желанія, Александръ Ивановичъ. Всѣ деньги розданы, а получаются очень трудно.

Пинегинъ хорошо зналъ эту манеру отказывать съ перваго раза, особенно кліентамъ, кредитоспособность которыхъ, въ глазахъ Дюфура, не велика, но Пинегинъ нисколько не смутился и продолжалъ:

— Мнѣ не сейчасъ. Сейчасъ я у васъ попрошу пустяки: рублей двѣсти-триста, а на-дняхъ мнѣ нужно тысячъ пять-десять, сколько можете дать, и на самый короткій срокъ.

Пинегинъ выговорилъ эти цифры съ такой небрежностью, что благообразный, чистенькій и необыкновенно вѣжливый швейцарецъ, спокойное лицо котораго, казалось, ничему не удивлялось, на этотъ разъ съ удивленіемъ взглянулъ на молодого человѣка.

— Не удивляйтесь, Адольфъ Адольфовичъ,—произнесъ со смѣхомъ молодой человѣкъ.—Я женюсь и... беру за женой два милліона и пріиски...

— Два милліона? Вы не шутите?—взволнованно воскликнулъ Дюфуръ.

— Какія шутки!

Гладко выбритое, безусое лицо швейцарца отразило восторженное изумленіе. Цифра эта произвела чарующій эффектъ. Онъ поднялся съ кресла, съ чувствомъ пожалъ руку своего кліента и торжественно поздравилъ съ такимъ счастливымъ событіемъ.

Затѣмъ онъ сѣлъ и въ какомъ-то благоговѣйномъ раздумьѣ прошепталъ:

— Два милліона большія деньги...

И послѣ паузы спросилъ:

— А дѣло это вѣрное? Не разстроится?

— Будьте покойны, Адольфъ Адольфовичъ. Я не дуракъ, чтобъ лишиться двухъ милліоновъ... Дѣло вѣрное.

Кругленькій и румяный швейцарецъ съ невольнымъ ува-

женіемъ взглянулъ на молодого человѣка, представившаго такой вѣскій доводъ и сумѣвшаго отыскать жену съ двумя милліонами. Хотя онъ и вѣрилъ словамъ Пинегина, тѣмъ не менѣе «позволилъ себѣ» спросить, если это не секретъ, фамилію невѣсты.

— Коновалова, Раиса Андреевна.

Оказалось, что г. Дюфуръ, знавшій весь Петербургъ, слышалъ про эту дѣвушку.

— Огромное состояніе у вашей невѣсты, Александръ Ивановичъ, и, кажется, въ полномъ ея распоряженіи... Папенька ихній годъ тому назадъ умеръ...

— И маменька тоже умерла,—добавилъ Пинегинъ.

— Безъ мужчины какъ-то и страшно дѣвушкѣ съ такимъ богатствомъ,—сентенціозно промолвилъ г. Дюфуръ. Ваша невѣста, если не ошибаюсь, живетъ въ своемъ домѣ, въ Караванной? Славный домикъ! — прибавилъ Адольфъ Адольфовичъ.

— Совершенно вѣрно, въ Караванной, номеръ четырнадцатый.

— Да, да... Господь награждаетъ добрыхъ людей... Я весьма радъ счастливой перемѣнѣ въ вашей судьбѣ и всегда уважалъ васъ: вы такъ аккуратно вносили проценты, а это такая рѣдкость... Не сумѣю не исполнить вашего желанія и отдамъ вамъ триста рублей, приготовленные для другого лица... Вамъ—экстреннѣе... Такой случай...

Съ этими словами г. Дюфуръ, не спѣша, выбралъ изъ пачки вексельныхъ бланковъ бланкъ «отъ 500 до 600» и подалъ его Пинегину, придвинувъ чернильницу и перо. Пинегинъ подписалъ бланкъ безъ проставленнаго текста, предоставивъ это сдѣлать самому Дюфуру, зная, что Дюфуръ, соблюдая свою честность—честность ростовщика, никогда не злоупотребитъ довѣріемъ.

Посмотрѣвъ на подпись, Адольфъ Адольфовичъ съ обычной своей аккуратностью отмѣтилъ карандашомъ на уголкѣ векселя цифру 300, что̀ значило, что въ текстѣ будетъ проставлено 600 (онъ бралъ двойные векселя, но при разсчетахъ получалъ, что̀ слѣдуетъ), затѣмъ записалъ по-французски выдачу въ одну изъ своихъ книгъ и только тогда всталъ и отперъ большой желѣзный шкапъ, гдѣ хранились деньги и документы. Вынувъ оттуда двѣ сотенныя и пачку мелкихъ бумажекъ, онъ подалъ ихъ Пинегину и проговорилъ:

— Двѣсти восемьдесятъ четыре рубля... Рубль за бланкъ... Будьте любезны, сосчитайте.

Пинегинъ сосчиталъ и, пряча деньги въ бумажникъ, спросилъ:

— А когда прикажете, Адольфъ Адольфовичъ, придти за той суммой?.. Я увѣренъ, вы не откажете?.. Предстоятъ большіе расходы: подарки невѣстѣ, надо сшить себѣ платье, бѣлье... А у невѣсты брать неловко, вы понимаете?

— Еще бы... Какъ можно! Надо подождать до свадьбы! — съ благороднымъ жаромъ согласился и г. Дюфуръ.—Отказать вамъ не могу... Вѣдь вы не на пустяки берете... Дня черезъ два-три пожалуйте... Я постараюсь приготовить пять тысячъ...

Пинегинъ сталъ прощаться и, довольный, благодарилъ Дюфура.

— О, помилуйте... я всегда готовъ помочь хорошему человѣку!—патетически проговорилъ Дюфуръ и, провожая Пинегина до передней, еще разъ выразилъ свое сочувствіе, что капиталъ попадетъ въ хорошія руки, и кстати освѣдомился: «скоро ли будетъ свадьба?»

— Не позже какъ черезъ мѣсяцъ.

— Это очень хорошо, что скоро,—одобрительно замѣтилъ со своей привѣтливой улыбкой швейцарецъ. Къ чему откладывать въ долгій ящикъ доброе дѣло... Такъ, слѣдовательно, деньги вамъ на мѣсяцъ или полтора?

— На мѣсяцъ, Адольфъ Адольфовичъ...

Пинегинъ сунулъ рубль лакею, весело спустился съ лѣстницы и, кликнувъ извозчика, велѣлъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ жила его мать, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Олимпіада Васильевна Пинегина, съ съ двумя младшими сыновьями и дочерью.

А мосьё Дюфуръ приказывалъ своему лаксю, жившему у него 15 лѣтъ, вечеромъ сходить въ домъ Коноваловой и осторожно узнать: правда ли, что Коновалова выходитъ за Пинегина.

III.

Олимпіада Васильевна, высокая, худощавая и, несмотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, бодрая и живая старушка съ зоркими и пытливыми умными глазами, рѣзко очерченнымъ острымъ подбородкомъ и длиннымъ, внушительнымъ носомъ съ бородавкой,—носомъ, который она, по своей

любознательности, любила всюду совать съ умѣлой, впрочемъ, осторожностью,—эта почтенная дама, извѣстная среди многочисленныхъ родственниковъ подъ кличкой «тети-дипломатки», окончила свои обычныя утреннія дѣла лишь къ двѣнадцатому часу.

Дѣлъ было не мало для такой неутомимой хозяйки, какъ Олимпіада Васильевна.

Вставши съ неизмѣнной аккуратностью въ 8 часовъ утра и облачившись въ вытертый старый фланелевый капотъ, простоволосая, съ сѣдоватыми жидкими прядками, наскоро причесанными, довольно непривлекательная и совсѣмъ не похожая на ту пріодѣтую «генеральшу» съ чепцомъ, какою являлась къ завтраку, Олимпіада Васильевна напилась одна кофе, пока дѣти спали, и затѣмъ вся отдалась хозяйственнымъ заботамъ и приведенію своей небольшой квартиры въ тотъ идеальный порядокъ, которымъ она по справедливости могла гордиться и поддержанію котораго отдавала всю свою душу. Какъ всегда, она волновалась и суетилась все утро, донимая прислугу ядовитыми словами.

Толстой кухаркѣ, при осмотрѣ провизіи, Олимпіада Васильевна подпустила нѣсколько шпилекъ по поводу вѣса говядины и, понюхавъ рыбу, велѣла ее перемѣнить.

— Или у васъ насморкъ, или васъ, милая, совсѣмъ обманули... Понюхайте-ка судачка!—говорила она язвительнымъ тономъ.

Она шла затѣмъ въ комнаты, заглядывала во всѣ углы, и зудила горничную.

— Развѣ, Дуня, такъ пыль вытираютъ? Ахъ, какая вы разсѣянная, голубушка! Опять влюбились, видно?

И, проведя своимъ длиннымъ, костлявымъ пальцемъ по столику или внутри какой-нибудь вазочки въ гостиной, она подносила весь въ пыли палецъ почти къ самому носу горничной, наслаждаясь ея смущеніемъ. И нерѣдко, вооружившись пуховкой, сама обметала сокровенные уголки.

Она затѣмъ поливала и мыла цвѣты, чистила клѣтки, въ которыхъ заливались канарейки, и, когда уборка была окончена, обошла всѣ комнаты и съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія постояла минуту-другую въ гостиной, любуясь этой комнатой съ большимъ ковромъ, полной мебели, цвѣтовъ и разныхъ бездѣлокъ и убранной съ большой претензіей на подражаніе обстановкамъ богатыхъ домовъ. Каждое кресло, каждая вещица, каждый

столикъ были для Олимпіады Васильевны предметами восторженнаго культа. Въ нихъ она чувствовала приличіе своего благополучія, чувствовала, что живетъ, какъ живутъ люди, и можетъ принять кого угодно, не смущаясь.

Передвинувъ чуть-чуть кресло, обитое шелкомъ, и поправивъ кружевной абажуръ на лампѣ, Олимпіада Васильевна, окончательно убѣжденная, что все въ полномъ порядкѣ, все хорошо и вполнѣ прилично, удалилась наконецъ въ свою спальню и занялась туалетомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она преобразилась въ приличную и благообразную генеральшу въ черномъ платьѣ, съ накинутой мантильей, въ чепцѣ, прикрывшемъ ея жидкіе волосы, и, въ ожиданіи завтрака, присѣла въ кресло и принялась за газету.

Въ газетѣ Олимпіада Васильевна болѣе всего любила читать описаніе разныхъ празднествъ, встрѣчъ и торжественныхъ баловъ, на которыхъ присутствовали высокопоставленныя лица. Подобныя описанія—особенно подробныя—приводили почтенную старушку въ восторгъ, и она потомъ пересказывала о разныхъ блестящихъ туалетахъ и перечисляла разныя громкія имена съ увлеченіемъ, точно о чемъ-то необыкновенно ей близкомъ, хотя сама никогда на такихъ балахъ не бывала и высокопоставленныхъ лицъ не знала, и происходила изъ очень скромной чиновничьей среды. Тѣмъ не менѣе все, относящееся до такихъ лицъ, ее очень интересовало и даже волновало. Она даже и фамиліи ихъ прочитывала не такъ, какъ имена простыхъ смертныхъ. Читая иногда вслухъ о какомъ-нибудь торжествѣ, Олимпіада Васильевна, съ особенной интонаціей, полной восторженной приподнятости, подобной той, какая бываетъ у плохихъ актеровъ, декламирующихъ стихи, произносила фамилію какого-нибудь генералъ-адъютанта Скопина-Шуйскаго, и тонъ ея мгновенно падалъ, дѣлаясь, такъ сказать, самымъ прозаическимъ, когда она прочитывала чинъ и фамилію какого-нибудь статскаго совѣтника Иванова. Онъ словно бы оскорблялъ ея эстетическое чувство своей ординарной фамиліей и возбуждалъ къ себѣ даже что-то непріязненное, этотъ «Ивановъ»!

Охотница была Олимпіада Васильевна и до происшествій и этотъ отдѣлъ читала обязательно, точно такъ, какъ и объявленія объ умершихъ. Фельетоны читала не всѣ и къ политикѣ относилась довольно равнодушно; однако пробѣгала и иностранныя извѣстія, чтобы при

случаѣ въ разговорѣ вставить свое слово. Нечего и прибавлять, что она была горячей патріоткой, порицала Западъ и, при случаѣ, жестоко бранила «жидовъ».

Вообще Олимпіада Васильевна представляла собой характерный типъ — чиновничьяго мѣщанства и самаго искренняго, безкорыстнаго раболѣпія передъ знатностью, богатствомъ и передъ ходячими правилами приличія. Всю свою жизнь она посвятила заботамъ объ устройствѣ приличной жизни съ приличной обстановкой. Жить, какъ живутъ вполнѣ порядочные люди, было ея идеаломъ, и на осуществленіе его она потратила не мало ума, энергіи и изворотливости. Покойный ея мужъ, сперва мелкій чиновникъ, потомъ получившій хлѣбное мѣсто и дослужившійся до штатскаго генерала, былъ всегда подъ башмакомъ у Олимпіады Васильевны. Она, такъ сказать, вдохновляла его, поощряя къ разнымъ, не вполнѣ законнымъ, дѣйствіямъ постоянными напоминаніями о дѣтяхъ, объ ихъ образованіи, о будущемъ положеніи. И когда онъ умеръ, у вдовы осталось небольшое состояніе, проценты съ котораго вмѣстѣ съ пенсіей давали возможность Олимпіадѣ Васильевнѣ жить прилично. Дѣти были на своихъ ногахъ и радовали сердце обожавшей ихъ матери. Старшая дочь сдѣлала недурную партію—вышла замужъ за товарища прокурора, младшая—Женичка, только-что окончившая гимназію—была хорошенькая, вполнѣ благовоспитанная барышня, которая, конечно, не засидится въ дѣвушкахъ; одинъ сынъ служилъ чиновникомъ, другой—офицеромъ, и оба были добрые, почтительные сыновья, вполнѣ свои, раздѣлявшіе взгляды матери. Одинъ только Саша смущалъ Олимпіаду Васильевну. Онъ нигдѣ основательно не устраивался, мѣнялъ мѣста, «воображалъ о себѣ», высказывая рѣзкіе, совсѣмъ дикіе, по мнѣнію Олимпіады Васильевны, взгляды, иронизировалъ, считая себя умникомъ, и вообще держался особнякомъ отъ семьи. И семья его считала какимъ-то «отщепенцемъ», могущимъ скомпрометировать фамилію Пинегиныхъ. Олимпіада Васильевна любила его меньше другихъ дѣтей.

«Тѣ люди какъ люди, а этотъ — совсѣмъ неладный какой-то... Что̀ толку съ его ума, когда денегъ не можетъ заработать!»—не разъ думала мать и молила Господа, чтобы Онъ вразумилъ сына. Однако дипломатическая Олимпіада Васильевна избѣгала давать сыну совѣты, тѣмъ болѣе, что онъ никогда денегъ у нея не просилъ, да кромѣ

того она и побаивалась его языка, зная, что въ отвѣтъ на ея наставленія сынъ иронически усмѣхнется, а не то и вышутитъ ее же, старуху. И то случалось, что братьевъ онъ въ глаза называлъ пошляками и по нѣсколькимъ недѣлямъ послѣ этого не показывался къ матери.

Однимъ словомъ, этотъ «Саша» былъ «больнымъ мѣстомъ» Пинегиныхъ и ихъ многочисленныхъ родныхъ.

IV.

— Ахъ, это вы, братецъ?.. Даже испугали! — промолвила Олимпіада Васильевна, увидавъ на порогѣ комнаты своего брата, отставного полковника Василія Васильевича Козырева, высокаго, худощаваго старика, съ продолговатымъ, сморщеннымъ лицомъ, напоминающимъ лисью мордочку, на которомъ бѣгали маленькіе и лукавые, точно что-то высматривающіе глазки.

Этотъ «братецъ», котораго Олимпіада Васильевна не очень-таки долюбливала за его коварство и ехидное сплетничество, вошелъ безшумно, словно подкравшись. Онъ вообще имѣлъ привычку появляться у родныхъ всегда какъ-то незамѣтно и умѣлъ все высмотрѣть и разузнать, частью изъ любопытства, а частью, чтобы имѣть матеріалъ для разговора у родственниковъ, которымъ можно сообщить что-нибудь новенькое о другихъ.

— Гулялъ и зашелъ провѣдать тебя, сестра. Не звонилъ: думаю, зачѣмъ безпокоить, и прошелъ черезъ кухню,—отвѣчалъ полковникъ тихимъ, вкрадчивымъ, тоненькимъ голоскомъ и троекратно поцѣловался съ сестрой.—Ну, какъ живешь? Надѣюсь, у васъ все благополучно, сестра?—прибавилъ полковникъ.

— Ничего себѣ, слава Богу, братецъ. Живемъ себѣ помаленьку... Да что-жъ мы здѣсь?.. Пожалуйте, братецъ, въ гостиную... А вы какъ поживаете?—съ привѣтливой улыбкой освѣдомилась Олимпіада Васильевна, выходя вслѣдъ за полковникомъ изъ спальной.

— И я, родная, помаленьку... Что мнѣ? Гуляю себѣ больше, пока ноги носятъ, да милыхъ родныхъ навѣщаю. Вотъ вчера у сестры Антонины былъ...

Войдя въ гостиную, полковникъ воскликнулъ:

— И какъ же у тебя уютно здѣсь... прелесть!.. Право, лучше, чѣмъ у Антонины... Съ большимъ вкусомъ убрано...

Олимпіада Васильевна, хотя и знала «коварство» братца, тѣмъ не менѣе пріятно осклабилась.

— А эта хорошенькая вазочка, видно, новая? Я что-то ея не видалъ,—продолжалъ полковникъ, подходя къ столу и разглядывая вазу.

— Да, братецъ... Катенька недавно подарила...

— Похвально... Почтительная дочь твоя Катенька... И мужъ ея славный человѣкъ... Я думаю, дорогая?—освѣдомился полковникъ.

— Не могу вамъ сказать, братецъ... Вотъ сюда, въ кресло присядьте... Антонина здорова?

— Слава Богу, всѣ тамъ здоровы,—отвѣчалъ полковникъ и, послѣ паузы, прибавилъ:—А Леночкѣ новую шубу сдѣлали...

— Новую? Да у Леночки есть шубка и довольно приличная.

— Вѣрно, Антонинѣ показалось, что не хороша... Ты вѣдь знаешь Антонину? И какая, я тебѣ скажу, сестра, шуба!..

Олимпіада Васильевна, завидовавшая младшей сестрѣ Антонинѣ, у которой и обстановка была красивая, и лакей былъ, и дочь говорила по-англійски,—съ живостью спросила:

— Какая же, братецъ, шуба?

— Въ семьсотъ рублей,—медленно произнесъ полковникъ, глядя съ самымъ невиннымъ видомъ на сестру.

— Въ семьсотъ рублей!—ахнула Олимпіада Васильевна и на секунду замерла отъ изумленія.

— При мнѣ деньги платили.

— И что же, дѣйствительно красивая шуба?

— Шикарная... Знаешь ли, ротонда—кажется, такъ называется?—ротонда изъ чернобурыхъ лисичекъ, легонькая такая. А покрыта темнозеленымъ плюшемъ и съ пелеринками... Говорятъ, мода нынче—пелеринки.. Прелестная шубка... Видно, у нихъ лишнія деньги-то есть!

— Откуда у нихъ лишнія деньги?—воскликнула, волнуясь, Олимпіада Васильевна.—Положимъ, мужъ получаетъ шесть тысячъ.

— Семь, сестра...

— Хоть бы и семь. Такъ вѣдь на эти деньги не раскутишься, да еще съ ихъ привычками... За одну квартиру полторы тысячи платятъ... Антонина вѣчно жалуется, что имъ не хватаетъ...

— Значитъ, заняли. Долги-то у нихъ есть, я знаю,—конфиденціально, понижая голосъ, промолвилъ полков-

никъ.—Есть... Не по средствамъ живутъ... Любятъ форснуть. Вотъ хоть бы эта шуба! Ну къ чему, скажи на милость, Леночкѣ такая дорогая шуба? Положимъ, отецъ—тайный совѣтникъ... Такъ вѣдь и ты, сестра, генеральша, однако и не подумаешь дѣлать своей Женичкѣ шубу въ семьсотъ рублей... Къ чему?..

Въ эту минуту въ гостиную вошли Женичка, недурная собой, полненькая, свѣженькая брюнетка, и Володя, молодой, довольно пригожій офицеръ, остриженный подъ гребенку, высокій и стройный, съ кольцомъ на мизинцѣ и браслетомъ на рукѣ. Онъ имѣлъ заспанный видъ и протиралъ глаза.

— Вотъ и позднія птички явились,—ласково привѣтствовалъ молодыхъ людей полковникъ.—Ну, здравствуй, милая племянница, здравствуй, мой другъ Володя... Видно, вчера ужиналъ, а?—подмигнулъ глазомъ полковникъ.

— Было дѣло подъ Полтавой, дядюшка!—весело смѣясь, отвѣчалъ Володя.

Дядя поцѣловался съ молодыми людьми, послѣ чего они подошли къ матери и поцѣловали ея руку.

Мать съ видимымъ восторгомъ любовалась своими птенцами.

— Про какую это вы шубку говорили, дядя?—спросила Женичка.

— Вообрази себѣ, Женичка, — сказала Олимпіада Васильевна:—тетя Тоня сдѣлала Леночкѣ новую ротонду... Денегъ нѣтъ, а они ротонду...

— Въ семьсотъ рублей, Женичка, — досказалъ полковникъ.

— Ловко!—откликнулся Володя.

Въ Женичкиныхъ глазахъ блеснулъ завистливый огонекъ, и она замѣтила:

— Тетя такъ любитъ Леночку... Недавно вотъ новое бальное платье ей сшила... И прелестная, дядя, я думаю, ротонда?..

— Разумѣется. И деньги прелестныя...

Олимпіада Васильевна бросила недовольный взглядъ на полковника, что онъ своимъ разговоромъ объ этой «дурацкой ротондѣ» только смущаетъ Женичку, и замѣтила:

— Это развѣ любовь настоящая!.. Просто пыль въ глаза хотятъ бросить... Антонина воображаетъ, что эти шубы да бальныя платья помогутъ скорѣй найти Леночкѣ жениха...

— А о женихахъ что-то не слышно!—вставилъ полковникъ.

— Еще бы... Леночка, хоть и милая, а—сапогъ!—засмѣялся Володя.—А кто на сапогѣ безъ хорошаго приданаго женится, а?

Олимпіада Васильевна бросила многозначительный взглядъ на сына. «Дескать, не говори при дядѣ!» И то она ужъ пожалѣла, что сама дала волю языку изъ-за этой шубы. Братецъ вѣдь все передастъ Антонинѣ.

И Олимпіада Васильевна поспѣшила замѣтить сыну:

— Володя! Какія выраженія! И ты неправду говоришь. Леночка—хоть и не красавица, а прехорошенькая. Очень миленькая, особенно глаза у нея прелестные. Вѣдь правда, братецъ?..

Горничная вошла и доложила, что поданъ завтракъ. Олимпіада Васильевна съ обычнымъ своимъ радушіемъ пригласила братца позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Посидѣть съ вами—посижу, а ѣсть не стану... Боюсь, сестра... У тебя всегда все такъ вкусно, а у меня, сама знаешь, катарръ...

— Отличное средство есть противъ катарра, дядюшка!—проговорилъ Володя.

— Какое, мой другъ?

— Три рюмки перцовки передъ каждой ѣдой, вѣрнѣйшее средство!—разсмѣялся Володя.

— Шутникъ ты...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ попробуйте... Мамаша, а развѣ водки не полагается сегодня?..

Олимпіада Васильевна достала изъ буфета графинчикъ, бросивъ меланхолическій взглядъ на Володю.

Завтракъ былъ вкусенъ и обиленъ, и полковникъ, несмотря на катарръ, отвѣдалъ и маринованной осетринки и телячьей котлетки, не переставая разсказывать о томъ, какъ онъ сегодня утромъ былъ на Сѣнной и прицѣнивался къ провизіи, какъ потомъ встрѣтилъ богатыя похороны и узналъ, что хоронили купца Отрепьева, оставившаго пятьсотъ тысячъ, какъ потомъ прошелъ на Большую Морскую...

— И знаешь, сестра, кого я встрѣтилъ?

— Кого, братецъ?..

— Твоего Сашу... Стоитъ у витрины и брильянты разсматриваетъ... Что̀, онъ развѣ больше не служитъ?..

Олимпіада Васильевна встревожилась.

— Онъ, можетъ-быть, на службу шелъ...

— Едва ли... Служба его совсѣмъ въ противоположномъ концѣ. Да и двѣнадцатый часъ былъ.

— Странно... развѣ дѣло какое, что онъ не пошелъ на службу...

— То-то и я подумалъ... Но ежели дѣло, къ чему разглядывать брильянты?

— Покупать собирается... Женичкѣ подарить, — иронически усмѣхнулся братъ.

— Онъ брильянтовъ не признаётъ,—насмѣшливо замѣтила Женичка.

Въ это время изъ прихожей раздался звонокъ, и черезъ минуту въ столовую вошелъ Саша Пинегинъ.

— Вотъ легокъ на поминѣ. Только-что о тебѣ говорили, мой другъ!—поспѣшилъ сказать самымъ любезнымъ тономъ полковникъ.

Всѣ притихли. Приходъ «отщепенца» встрѣченъ былъ сдержанно и молчаливо.

V.

Пинегинъ поцѣловалъ у матери руку, пожалъ руку дядѣ, брату, сестрѣ и присѣлъ къ столу.

— Завтракать будешь?—безъ особенной привѣтливости спросила Олимпіада Васильевна, бросая тревожный взглядъ на нѣсколько возбужденное лицо сына.

«Навѣрное, опять бросилъ мѣсто!»—подумала она.

— Пожалуй, что-нибудь съѣмъ...

— Сейчасъ разогрѣютъ котлетку, а то холодная.

Дуня, принесшая приборъ, хотѣла-было унести блюдо, но Пинегинъ остановилъ ее.

— Не стоитъ... Такъ съѣмъ...

— Напрасно, Саша, горяченькая вкуснѣе,—заговорилъ своимъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ полковникъ и, подвигая къ нему графинъ съ водкой, прибавилъ:—Чудная, братецъ, осетринка для закуски.

— Онъ не пьетъ водки,—сказалъ Володя, замѣтно притихшій при братѣ.

— Не пьетъ?.. И безъ водки осетринка прелесть. И мастерица же ты, сестра!

Пинегинъ молча ѣлъ. Олимпіада Васильевна терзалась желаніемъ скорѣй разрѣшить безпокоившее ее недоумѣніе: отчего Саша не на службѣ и зачѣмъ онъ зашелъ? И она дипломатически спросила:

— Давно ты, Саша, у насъ не былъ. Ужъ я записку хотѣла писать: здоровъ ли?

— Здоровъ, мамаша... Занятъ былъ это время...

— По службѣ?

— И по службѣ и такъ... дѣла были.

— То-то сегодня ты не на службѣ. Видно, заработался и отдохнуть денекъ собрался... Это ты умно придумалъ... Служба-то у васъ тяжелая, а платятъ гроши... Вездѣ протекція да протекція!—вздохнула Олимпіада Васильевна.

— Такому умницѣ, какъ Саша, давно бы тысячъ пять получать, если бы у насъ мѣста по заслугамъ давали!—воскликнулъ не безъ паѳоса полковникъ.

— Спасибо за комплиментъ, дядюшка, и за пять тысячъ!—иронически промолвилъ Пинегинъ и, обращаясь къ матери, прибавилъ:—Я больше, мамаша, совсѣмъ не пойду на службу... Довольно съ меня!

— Бросаешь?—испуганно спросила Олимпіада Васильевна.

— Да, бросаю.

— Саша, вѣрно, лучшее мѣсто получилъ. Съ его умомъ не сидѣть же ему на пятидесяти рубляхъ, кандидату естественныхъ наукъ,—проговорилъ полковникъ съ едва слышной иронической ноткой въ своемъ вкрадчивомъ, тонкомъ голоскѣ.

— И лучшаго мѣста не получилъ, даже и съ моимъ умомъ, дядюшка.

Всѣ неодобрительно взглянули на этого «отщепенца», который бросаетъ мѣсто и еще иронизируетъ.

— Думаешь одной литературой пробавляться? — насмѣшливо спросилъ Володя.

Пинегинъ только повелъ равнодушно-презрительнымъ взглядомъ на брата, не удостоивъ его отвѣтомъ, и сказалъ, обращаясь къ матери:

— Вы не волнуйтесь, мамаша... Теперь мнѣ мѣста не надо... Я женюсь, и на богатой дѣвушкѣ...

Братъ и сестра иронически хихикнули, подтолкнувъ другъ друга локтями. Полковникъ саркастически улыбался. Олимпіада Васильевна недовѣрчиво смотрѣла на сына, не зная—вѣрить ему или нѣтъ. Онъ вѣдь любитъ иногда потѣшаться надъ родными. У него есть эта злая привычка. Да наконецъ какая богатая дѣвушка пойдетъ за такого голыша, за человѣка безъ какого-нибудь опредѣленнаго положенія. Это что-то невѣроятное!

Пинегинъ между тѣмъ продолжалъ, и голосъ его слегка вздрагивалъ отъ нервнаго возбужденія:

— Очень милая и образованная дѣвушка... Надѣюсь, вамъ понравится... Дочь покойнаго золотопромышленника Коновалова...

Всѣ встрепенулись при словѣ «золотопромышленника». Казалось, Саша не шутилъ.

— Коновалова!?—воскликнулъ въ какомъ-то сладостномъ восторгѣ полковникъ.—Это та, у которой, говорятъ, нѣсколько милліоновъ, пріиски и громадный домъ на Караванной?

— Она самая, дядюшка,—отвѣтилъ Пинегинъ.

— И... ты... Саша, женишься... Ты не шутишь?..—задыхаясь отъ волненія, спрашивала Олимпіада Васильевна.

— Какія, мамаша, шутки. Завтра я привезу къ вамъ свою невѣсту.

— И она... въ самомъ дѣлѣ... такъ богата?

— Богата: два милліона, пріиски и домъ.

Милліоны и пріиски произвели ошеломляющее впечатлѣніе. Всѣ впились въ Пинегина, глядя на него, какъ на сказочнаго принца, въ безмолвномъ очарованіи, проникнутые почтительнымъ уваженіемъ. Этотъ Саша, отщепенецъ Саша, вдругъ сталъ въ глазахъ всѣхъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, словно свершившимъ необыкновенный подвигъ и осѣненнымъ лучезарнымъ ореоломъ. У офицера Володи уже бродила мысль занять у брата крупный кушъ. «Вѣроятно, онъ не откажетъ на радостяхъ!» И вмѣстѣ съ почтеніемъ онъ чувствовалъ невольную зависть.

Олимпіада Васильевна въ умиленіи заплакала. Чувствуя приливъ материнской нѣжности къ сыну, она проговорила прерывистымъ голосомъ:

— Саша... Александръ... Поздравляю тебя... Будь счастливъ... Постой, тебѣ сейчасъ зажарятъ другую котлетку... Володя, достань вино... Тамъ есть бутылка мадеры.

Пинегинъ подошелъ къ матери. Растроганная, счастливая, она обняла его и благословила.

— Женя!.. Да скажи, чтобъ Сашѣ котлетку скорѣй...

— Да не надо, мамаша...

Розлили вино. Всѣ чокались съ Пинегинымъ, поздравляли и цѣловались. Полковникъ глядѣлъ съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ, точно самъ онъ женился на милліонахъ, и восторженно повторялъ:

— Я вѣдь всегда говорилъ... всегда говорилъ, что Саша умница. Голова!

— А хорошенькая твоя невѣста, Саша?—спрашивала Женичка.

— А вотъ увидишь... Предупреждаю: она далеко не красавица...

— Да развѣ красота все?—горячо подхватила Олимпіада Васильевна.—Ты лучше спроси: какого характера?

— Тихая, славная дѣвушка, мамаша.

— Вотъ это-то главное!

— Я думаю, роскошно одѣвается?—опять спросила Женичка.

— Напротивъ, очень скромно...

— Должно-быть, прелестная дѣвушка!—съ паѳосомъ воскликнула Олимпіада Васильевна.

— Да развѣ Саша женился бы на дурной!—вставилъ полковникъ.

Нѣсколько времени шли разспросы. Олимпіада Васильевна очень ловко выспросила обо всемъ и отлично сообразила, что сынъ женится не по любви, и что будущая его жена не хороша собой. Она въ душѣ вполнѣ одобряла Сашу и искренно дивилась его умѣнью подцѣпить такую невѣсту. Она горделиво радовалась, что одинъ изъ Пинегиныхъ будетъ милліонеръ, и питала надежду, что Саша не забудетъ при такомъ богатствѣ о своихъ. «Вѣдь онъ добрый!» Мысль о томъ, какъ будетъ завидовать сестра Антонина, пріятно щекотала ея нервы.

Рѣшено было, что завтра Саша будетъ обѣдать съ невѣстой у Олимпіады Васильевны, и къ обѣду будутъ приглашены многіе родственники, чтобы познакомиться съ невѣстой. Олимпіадѣ Васильевнѣ хотѣлось хвастнуть передъ родными.

Она перечислила всѣхъ, кто будетъ приглашенъ, и спросила:

— Ты ничего не имѣешь противъ, Саша?

— Дѣлайте, какъ хотите, мамаша.

— А мы въ грязь не ударимъ, голубчикъ... Обѣдъ будетъ хорошій...

И, оживленная и радостная, она объявила, что будетъ супъ съ пирожками, форель, рябчики, зелень и мороженое отъ Берена...

— Надѣюсь, Раиса Андреевна не взыщетъ, Саша? — прибавила мать.

— Раиса неприхотлива...

— А вино, а шампанское, надѣюсь, будетъ?—спросилъ Володя.

— Все будетъ, не безпокойся, дружокъ... Ужъ я не пожалѣю денегъ для такого случая...

Но сынъ не хотѣлъ, чтобы мать разорялась изъ-за него.

Онъ вынулъ бумажникъ, въ который заглянули любопытные глаза всѣхъ присутствующихъ, и далъ матери пятьдесятъ рублей.

Когда «счастливецъ» собрался уходить, всѣ вышли провожать его въ переднюю, и Олимпіада Васильевна еще разъ горячо поцѣловала на прощанье Сашу и просила расцѣловать «милую Раису».

VI.

Вѣсть о женитьбѣ Саши Пинегина на милліонеркѣ произвела потрясающій эффектъ среди всѣхъ родственниковъ. Ихъ было безчисленное множество въ Петербургѣ. Почти всѣ они принадлежали къ небогатой чиновничьей средѣ и жили кланами на Петербургской сторонѣ, въ Измайловскомъ полку и на Пескахъ, исключая нѣсколькихъ побогаче, выселившихся въ болѣе фешенебельныя части столицы.

Несмотря на горячія родственныя чувства, выказываемыя при встрѣчахъ, они довольно-таки зло сплетничали другъ про друга. Каждый кланъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ другомъ, и между ними шло постоянное соперничество; каждая семья старалась отличиться передъ другой и обстановкой, и костюмами дочерей, и ихъ талантами (почти въ каждомъ семействѣ было, конечно, по «замѣчательной» пѣвицѣ—будущей Патти), и угощеніемъ на журфиксахъ, и служебнымъ положеніемъ мужей и сыновей. Ехидному полковнику было раздолье травить родственниковъ и ежедневно завтракать и обѣдать у кого-нибудь изъ нихъ, являясь съ какой-нибудь новостью. И значительная часть пенсіи, получаемой полковникомъ, превращалась въ бумаги, которыя полковникъ относилъ на храненіе въ государственный банкъ, гарантируя себѣ такимъ образомъ болѣе или менѣе любезный пріемъ у родственниковъ, по счету которыхъ у полковника лежало въ банкѣ тысячъ до двадцати.

Нечего и говорить, что полковникъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи, послѣ завтрака у сестры Олимпіады, обойти многихъ братьевъ и сестеръ, племянницъ и племян-

никовъ, чтобъ сообщить о Сашиномъ счастьѣ и о завтрашнемъ обѣдѣ, и, разумѣется, съ самымъ серьезнымъ видомъ прибавлялъ къ состоянію невѣсты гдѣ одинъ, а гдѣ и два-три лишнихъ милліона, возбуждая всюду взрывы изумленія и плохо скрываемую зависть, что милліоны достаются Сашѣ Пинегину.

Бываетъ же такое невѣроятное счастье людямъ! Чѣмъ могъ плѣнить онъ Коновалову? Вѣдь со своими милліонами она могла сдѣлаться графиней, княгиней, чѣмъ угодно, и вдругъ... Однако молодецъ же этотъ Саша!

Только къ вечеру полковникъ попалъ къ сестрѣ Антонинѣ на Литейную. Онъ засталъ ее дома одну въ ея маленькой голубой гостиной за вязаньемъ какого-то сюрприза къ именинамъ «Никса», какъ съ нѣкоторыхъ поръ она величала своего мужа, найдя, что «Никсъ» звучитъ гораздо аристократичнѣе, чѣмъ прежнее уменьшительное «Николаша».

«Сестра Антонина» была довольно еще моложавая женщина, лѣтъ за сорокъ, съ пышными формами внушительнаго бюста, щеголевато одѣтая, благоухающая, съ блестящими кольцами на своихъ, не особенно изящныхъ, красноватыхъ толстыхъ пальцахъ, со взбитыми каштановыми волосами, падавшими завитками на лобъ, полноватая, румяная, съ подведенными сѣрыми глазами, втайнѣ думавшая, что еще можетъ нравиться мужчинамъ. Она считалась между родственниками «аристократкой», такъ какъ была женой тайнаго совѣтника, имѣла свой экипажъ, щеголяла туалетами и вообще любила задать тону и похвастать своими знакомствами. Она щурила глаза и говорила немного въ носъ, растягивая слова, какъ и слѣдовало, по ея мнѣнію, говорить тонной дамѣ, у которой, между прочимъ, бываютъ съ визитами княгиня Подлигайлова и жена статсъ-секретаря Ардатова, урожденная баронесса фонъ-деръ-Шмецкъ. Этихъ дамъ знали всѣ родственники со словъ Антонины Васильевны и, разумѣется, завидовали ей. Но самое большое впечатлѣніе производилъ ея разсказъ о томъ, какъ два года тому назадъ на какомъ-то парадномъ балу къ ней подошелъ самъ его свѣтлость князь Отрѣшковъ и говорилъ съ ней четверть часа, и какъ она спрашивала, когда онъ сжалится и вернетъ ей мужа изъ командировки. «И свѣтлѣйшій обѣщалъ и дѣйствительно вернулъ скоро Никса!» — прибавляла Антонина Васильевна, довольная, что могла поразить род-

ственниковъ вниманіемъ его свѣтлости и доставить нѣсколько непріятныхъ, завистливыхъ минутъ старшей сестрѣ Олимпіадѣ Васильевнѣ, постоянно грезившей о титулованныхъ высокихъ особахъ...

— Я къ тебѣ на минутку, сестра,—заговорилъ, послѣ родственнаго лобзанія, самымъ неповиннымъ тономъ полковникъ.—Олимпіада просила передать записочку, зоветъ завтра обѣдать...

Антонина Васильевна прочла записку и довольно небрежно протянула:

— Вотъ какъ, Саша женится?.. Какая это дура идетъ за него?

— Развѣ Олимпіада не пишетъ?

— Ни слова... Зоветъ только на родственный обѣдъ познакомиться съ Сашиной невѣстой, точно, въ самомъ дѣлѣ, очень важное событіе, что Саша женится... Вѣрно, такая же сумасбродная и нищая, какъ и онъ самъ.

— Видно, Олимпіада растерялась отъ радости и главнаго не написала... Знаешь ли ты, сестра, на какой дурѣ Саша женится?—съ таинственной торжественностью проговорилъ полковникъ.

— Не особенно интересно и знать... Этотъ Саша...

— Очень даже интересно!—перебилъ полковникъ.—Ты и вообразить себѣ не можешь, Антонина, какъ интересно!—еще значительнѣе прибавилъ полковникъ, понижая голосъ почти до шопота.

Антонина Васильевна вся насторожилась, но, въ качествѣ свѣтской дамы, не выказала своего нетерпѣнія.

«Подожди, сестрица, ахнешь!»—не безъ злорадства подумалъ полковникъ, задѣтый за живое кажущимся равнодушіемъ сестры и почему-то считавшій женитьбу племянника близкимъ и кровнымъ для себя дѣломъ,—такъ онъ много сегодня о ней говорилъ.

И, какъ опытный актеръ, подготовляющій зрителя къ эффекту, онъ выдержалъ паузу и медленно проговорилъ своимъ тихенькимъ теноркомъ:

— На Ко-но-ва-ло-вой!

— А что̀ такое эта Коновалова?—умышленно равнодушнымъ тономъ протянула Антонина Васильевна, втайнѣ уже волнующаяся и чувствующая по тону брата что-то значительное и важное.

— Не слыхала фамиліи Коноваловой?.. Удивительно!.. Не знаешь Ко-но-ва-ло-вой? Она дочь извѣстнаго золото-

промышленника. Пріиски въ Сибири, громадный домъ на Караванной и пять милліоновъ наличными деньгами въ Государственномъ банкѣ. Пять милліончиковъ чистоганомъ. Вотъ на какой дурѣ женится Саша Пинегинъ, нашъ племянникъ!

У Антонины Васильевны при этомъ извѣстіи сперло въ зобу и отъ волненія выступили на пухлыхъ щекахъ красныя пятна. Тѣмъ не менѣе она все-таки пыталась скрыть свои чувства, — нельзя же свѣтской дамѣ ахать, какъ кухаркѣ,—и, притворяясь спокойной, проговорила дрогнувшимъ голосомъ:

— Пять милліоновъ?.. Пріиски?.. Это точно волшебная сказка! Какъ сестра должна быть счастлива... А Саша?.. Кто бы могъ ожидать!!..

— Я, сестра, всегда ожидалъ отъ Саши чего-нибудь необыкновеннаго,—внушительно проговорилъ полковникъ.— Саша—умница... Голова у него—золотая... Теперь онъ навѣкъ счастливъ съ такимъ богатствомъ... У невѣсты вѣдь ни отца, ни матери.

— Ни отца, ни матери, скажите, пожалуйста!? Бѣдная!?.. И милліоны у нея? Да, Саша умный и образованный, это и Никсъ всегда говоритъ, но онъ какой-то неродственный... А я его всегда очень любила и защищала... Воображаю, какъ Олимпіада рада!.. Саша вѣдь не забудетъ своихъ при такомъ громадномъ состояніи... Неужели пять милліоновъ?

— Говорятъ, пять... Саша, впрочемъ, кажется, сказалъ, что три... Ну, разумѣется, не забудетъ матери, будетъ ей помогать... Теперь Олимпіада заживетъ... Еще бы!.. Тысячъ десять-двадцать въ годъ дать матери ничего не стоитъ при двухстахъ тысячахъ годового дохода... Ужъ онъ обѣщалъ!—присочинилъ полковникъ.

— Гдѣ онъ познакомился съ этой Коноваловой?.. Она хороша собой, образована?.. Какъ все это случилось? Разскажите все подробно, братецъ... Это такъ интересно. Она, разумѣется, влюблена, иначе пошла ли бы она за Сашу?.. Конечно, Саша недуренъ собой... Онъ въ насъ, въ Козыревыхъ, и можетъ нравиться женщинамъ... ну, и умѣетъ говорить... Кто былъ ея отецъ? Когда свадьба?— лихорадочно забрасывала вопросами Антонина Васильевна и, охваченная любопытствомъ и завистью, забыла теперь даже растягивать слова и корчить изъ себя тонную даму.— Да не хотите ли, голубчикъ-братецъ, чаю? Мы пьемъ въ

десять, но я велю сейчасъ подать. Напьемся вдвоемъ. Никсъ въ клубѣ, а Леночка въ оперѣ... Княгиня Подлигайлова пригласила ее къ себѣ въ ложу.

Полковникъ отказался. Онъ только-что пилъ у племянницы Катеньки... «Какая эта милая Катенька и какъ она прелестно поетъ... Зовутъ въ оперу... И мужъ ея такой славный!»—не удержался полковникъ, чтобы не поддразнить сестру Антонину, дочь которой Леночка тоже была пѣвицей и, по мнѣнію матери, пѣла несравненно лучше дочери Олимпіады Васильевны. «Какое сравненіе! У Леночки не голосъ, а масло... Тембръ, чувство, а Катенька визжитъ, какъ придавленная кошка... Правда, есть двѣ-три сносныя нотки, вотъ и все!»—говорила нерѣдко за-глаза сестра Антонина.

Однако на этотъ разъ Антонина Васильевна не противорѣчила полковнику (и что̀ онъ понимаетъ въ пѣніи!) и жадно слушала его. Онъ, впрочемъ, далеко не удовлетворилъ любопытства сестры Антонины, хоть и подробно, не безъ собственныхъ прибавленій, разсказалъ, какъ Саша за завтракомъ объявилъ о своей женитьбѣ, какъ расхваливалъ свою невѣсту, какъ сестра Олимпіада плакала, и какъ всѣ рады были за Сашу и пили за его здоровье...

— Завтра вотъ увидимъ невѣсту, — говорилъ полковникъ, поднимаясь съ кресла.—Обѣдъ будетъ превосходный... Ты вѣдь знаешь, Олимпіада мастерица угостить... Ты, конечно, будешь, сестра?

— Еще бы... такое радостное событіе... Мы всѣ пріѣдемъ... Да вы куда же, братецъ? Посидите, разскажите, какъ все это случилось, что̀ Саша говорилъ про свою невѣсту...

— Поздно сидѣть, дорогая... Усталъ, пора старымъ костямъ на покой. Съ утра сегодня бродилъ, навѣщалъ милыхъ родныхъ... Что̀ Саша про невѣсту говорилъ? Да говорилъ, что умная, образованная, добрая дѣвушка...

— А про наружность что̀ говорилъ?.. Брюнетка, блондинка, хороша?

— Про наружность не говорилъ. Да и что̀ говорить? Съ такимъ состояніемъ всякій уродъ красавица!—замѣтилъ полковникъ, улыбаясь.—Ну, кланяйся своему милому Николаю Аркадьевичу да поцѣлуй красавицу Леночку... До завтра, мой другъ.

Облобызавшись съ сестрой, полковникъ ушелъ, оставивъ сестру Антонину въ неописанномъ волненіи. Несмо-

тря на усталость, онъ не взялъ извозчика и по своей скаредности даже не сѣлъ въ конку, а тихо побрелъ на Васильевскій островъ, гдѣ жилъ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, нанимаемыхъ отъ жильцовъ.

Когда «Никсъ», высокій, плотный и довольно видный мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, съ роскошными черными бакенбардами, обрамлявшими моложавое, хорошо сохранившееся лицо, вернулся во второмъ часу домой изъ клуба, Антонина Васильевна еще не спала. Одѣтая въ красивый капотъ съ широкимъ воротомъ, открывавшимъ пышную пожелтѣвшую шею, она пошла въ кабинетъ, чтобы сообщить мужу объ удивительной новости.

Никсъ, нѣсколько румяный послѣ ужина, выслушалъ жену и съ тонкой улыбкой весело проговорилъ:

— Однако ловкая бестія этотъ Саша! Вотъ никакъ не думалъ! Такое урвалъ состояніе!

И, словно озаренный счастливой мыслью, сказалъ:

— Надо теперь Сашу устроить при министерствѣ. Пусть числится и получаетъ чины... Можно и камеръ-юнкеромъ сдѣлать... И знаешь ли что̀, Тонечка?

— Что̀, Никсъ?..

— Не дурно было бы у него занять денегъ на уплату долговъ... Съ разсрочкой, что ли... Ты бы это устроила, Тонечка, а?—промолвилъ Никсъ, нѣжно цѣлуя жену и привлекая ее къ себѣ. — И позовемъ ихъ на-дняхъ обѣдать...

VII.

Едва ли Наполеонъ передъ Ватерлооской битвой былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ была на слѣдующій день Олимпіада Васильевна, вся поглощенная заботой, какъ бы не ударить лицомъ въ грязь съ парднымъ обѣдомъ. На обѣдъ, кромѣ невѣсты, было приглашено пятнадцать человѣкъ самыхъ близкихъ и избранныхъ родственниковъ и притомъ не состоящихъ другъ съ другомъ въ открытой враждѣ. Пригласить бо̀льшее число, при всемъ желаніи Олимпіады Васильевны показать всѣмъ невѣсту-милліонерку, было нельзя—мѣста въ столовой не хватало. И то будетъ тѣсновато.

Въ этотъ день Олимпіада Васильевна проснулась въ шесть часовъ утра и тотчасъ же стала одѣваться. Послѣ новаго и продолжительнаго совѣщанія съ кухаркой она вмѣстѣ съ ней поѣхала закупать провизію въ лучшія

лавки столицы и на этотъ разъ не жалѣла денегъ. Закуски, вина и фрукты поручено было купить Володѣ. Форель на садкѣ была выбрана, послѣ тщательнаго осмотра, громадная и великолѣпная. Рябчики и зелень взяты въ извѣстной лавкѣ, гдѣ берутъ повара самыхъ аристократическихъ домовъ. Мороженое заказано у Берена.

Цѣлый день Олимпіада Васильевна носилась по квартирѣ, какъ угорѣлая, не зная устали, сама все прибирая и подчищая, и сегодня не ссорилась съ кухаркой, не шпыняла ее, какъ обыкновенно. Напротивъ, была съ ней предупредительна, ласкова и даже заискивала въ ней, умоляя «Аксиньюшку» постараться и ничего не испортить. Толстая, жирная Аксинья, сама проникнутая важностью предстоявшаго обѣда, успокаивала барыню. «Все будетъ хорошо. Не извольте безпокоиться, барыня!» И въ сіявшей чистотой кухнѣ, среди массы кастрюль и всякой посуды, Аксинья, не суетясь, сама нѣсколько возбужденная, ловко управлялась со своимъ дѣломъ, по временамъ вызывая барыню для какого-нибудь совѣщанія.

Къ четыремъ часамъ Дуня и приглашенная на помощь горничная дочери, обѣ прифранченныя, шурша накрахмаленными ситцевыми платьями, уже накрыли на столъ подъ наблюденіемъ самой Олимпіады Васильевны. Сервизъ былъ парадный, серебро новое—изъ будущаго Женичкина приданаго. Хрусталь такъ и сверкалъ. Обернутые въ гофрированную бумагу горшки съ розами и двѣ, взятыя напрокатъ, вазы для шампанскаго украшали столъ вмѣстѣ съ рядомъ бутылокъ. А въ углу столовой маленькій столъ весь былъ уставленъ закусками: цѣлая ваза была полна свѣжей икрой. «Три съ полтиной за фунтъ!»—не безъ горькаго чувства думала Олимпіада Васильевна, жалѣя, что сама не купила икру подешевле, а поручила Володѣ.

Олимпіада Васильевна нѣсколько разъ обошла вокругъ стола, выровняла стаканы, бокалы и рюмки, поправила десертные ножички и наконецъ, убѣдившись, что столъ накрытъ, какъ слѣдуетъ, понеслась въ своемъ парадномъ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ чепцомъ на головѣ, въ кухню и съ тревожной боязливостью въ голосѣ, полномъ нѣжности, спросила:

— Какъ рыба, Аксиньюшка?

Спокойно-увѣренный видъ раскраснѣвшейся «Аксиньюшки» успокоилъ барыню. Супъ и пирожки она уже пробо-

вала—отличные. Кухарка увѣряла, что и рыба, и жаркое, и зелень—все будетъ хорошо. «Не осрамимся!»

И Аксинья подняла крышку длинной рыбной лохани и предложила барынѣ вилку. «Еще четверть часа—и готова!»

Въ это время въ прихожей звякнулъ звонокъ. Олимпіада Васильевна бросилась въ гостиную, проговоривъ умоляющимъ голосомъ:

— Ужъ вы, Аксиньюшка, пожалуйста... Форель не передержите да гарниръ покрасивѣе...

На звонокъ въ гостиную выпорхнула и Женичка, свѣжая, румяная, хорошенькая и нарядная. Вышли и братья: Володя и Петя—апатичный молодой человѣкъ, служившій въ департаментѣ.

Черезъ минуту показалась Катенька, молоденькая блондинка въ интересномъ положеніи, съ капризнымъ и нѣсколько болѣзненнымъ выраженіемъ подурнѣвшаго миловиднаго лица, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, «Бобочкой», товарищемъ прокурора, свѣженькимъ, изящнымъ и необыкновенно вѣжливымъ и обходительнымъ молодымъ человѣкомъ, очень любимымъ тещей. Катенька горячо обняла мать, расцѣловалась съ сестрой и братьями и лѣниво опустилась на диванъ. «Бобочка» нѣжно поцѣловалъ руку у Олимпіады Васильевны и по-родственному поздоровался съ остальными членами семьи.

Звонки раздавались все чаще и чаще. Собирались родственники. Сперва явился полковникъ, сіяющій, словно именинникъ, въ своемъ отставномъ мундирѣ и въ орденахъ. Затѣмъ пріѣхалъ «братъ Сергѣй», длинный и худой статскій совѣтникъ, похожій на задумчивую цаплю, съ геморроидальнымъ и нѣсколько кислымъ лицомъ заматорѣлаго «чинуги», обиженнаго, что его долго не производятъ въ генералы, и съ нимъ такая же худая и тоже словно чѣмъ-то обиженная жена и сынъ, молодой и серьезный путеецъ въ очкахъ, котораго мать называла «Базилемъ». Шумно влетѣлъ потомъ «племянникъ Жоржъ», краснощекій, бойкій и развязный бухгалтеръ желѣзнодорожнаго правленія, въ щегольскомъ рединготѣ и бѣломъ галстукѣ, получавшій семь тысячъ жалованья, вслѣдъ за женой, вертлявой, пикантной брюнеткой, пестро одѣтой и довольно умѣло подкрашенной, добродушной и глупой «Манечкой», которую «обиженная» дама оглядѣла съ ногъ до головы злыми глазами и подавила вздохъ, словно бы желая сказать: «Бываютъ же на свѣтѣ такія женщины!» Впрочемъ, «обижен-

ная дама» или «тетя-уксусъ», какъ звали ее молодые Козыревы и Пинегины, вообще была строга и извѣстна, какъ самая ядовитая сплетница въ Песковскомъ кланѣ.

Послѣ Жоржа съ женой въ гостиную вошла мелкими, быстрыми шажками, чуть-чуть повиливая бедрами и внося съ собой душистую тонкую струйку, «племянница Вавочка», довольно еще свѣжая женщина проблематическихъ лѣтъ «около тридцати», жена капитана-моряка, бывшаго въ дальнемъ плаваніи, полная, круглая, раскраснѣвшаяся отъ туго стянутой таліи и избытка здоровья и ласково улыбающаяся своими большими темными глазами и отъ удовольствія видѣть родныхъ и отъ удовольствія быть въ изящномъ туалетѣ на посрамленіе другихъ. «Вавочка» среди родныхъ считалась элегантной женщиной, умѣющей одѣваться со вкусомъ, и она, разумѣется, поддерживала эту репутацію, считая себя вдобавокъ и неотразимой. И хотя она была непреклонной добродѣтели, тѣмъ не менѣе подводила брови и не прочь была вести теоретическіе разговоры о чувствахъ, и хвалилась, что за ней очень ухаживаютъ мужчины, къ которымъ она совершенно равнодушна. Она любитъ одного Гогу, своего мужа, а остальные мужчины для нея не существуютъ.

Родственники сегодня съ какою-то особенной нѣжностью цѣловались съ Олимпіадой Васильевной и съ большой горячностью увѣряли, скрывая зависть, какъ были рады узнать, что Саша—женихъ. Олимпіада Васильевна благодарила, утирала набѣгавшую слезу и, вдругъ вспомнивъ, что форель можетъ перевариться, исчезала изъ гостиной, летѣла на кухню, смотрѣла на рыбу и жаркое и съ облегченнымъ сердцемъ возвращалась къ гостямъ. Слава Богу, все, кажется, будетъ хорошо!

За четверть часа до пяти пріѣхали «сестра Антонина», Леночка и тайный совѣтникъ «Никсъ». Пріѣздъ «аристократовъ» возбудилъ нѣкоторую сенсацію и еще болѣе нахмурилъ чело «брата Сергѣя». Его превосходительство, свѣжій и веселый, съ благоухающими расчесанными великолѣпными своими бакенбардами, былъ очень представителенъ во фракѣ съ двумя звѣздами. На женѣ и дочери Леночкѣ были блестящіе туалеты. Толстенькая Вавочка и «вертлявая брюнетка» такъ и впились глазами. Этихъ шикарныхъ платьевъ онѣ не видали. Вѣрно, недавно сдѣланы и, главное, что̀ нѣсколько смутило Вавочку, совсѣмъ новый фасонъ!

Его превосходительство съ обычной своей привѣтливой любезностью, втайнѣ слегка презирая женныхъ родственниковъ, здоровался съ ними, поздравилъ Олимпіаду Васильевну, сказалъ Вавочкѣ комплиментъ и подсѣлъ къ «вертлявой брюнеткѣ», съ которой любезничалъ Володя, уже успѣвшій выпить на-черно съ Жоржемъ рюмки три водки...

Антонина Васильевна, съ черепаховымъ длиннымъ лорнетомъ въ рукѣ, порывисто и горячо обняла сестру Олимпіаду и нѣжно шепнула о своемъ радостномъ участіи. Послѣ родственныхъ привѣтствій она заняла мѣсто на диванѣ около Катеньки и заговорила съ ней, снова растягивая слова и щуря глаза. Не очень громко, но такъ, чтобы слышали другіе, она разсказывала, въ какомъ восхищеніи осталась вчера Леночка отъ оперы. Леночка была съ княгиней Подлигайловой.

— Ты, Катя, кажется, видѣла у меня княгиню Подлигайлову?..

Всѣ сидѣли вокругъ стола, перекидываясь вопросами о здоровьѣ, замѣчаніями о погодѣ, о театрѣ, и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія невѣсты-милліонерки. Всѣ приглашенные были въ сборѣ. Недоставало только жениха и невѣсты.

Полковникъ волновался, подходилъ къ окнамъ и взглядывалъ на часы.

Наконецъ раздалось ровное звяканье копытъ по мостовой, безъ шума колесъ, и замерло у подъѣзда.

Володя и Женичка бросились къ окну.

— Они!—крикнули оба.

— Какія чудныя лошади!—восторженно прибавила Женичка.

Многіе подбѣжали къ окнамъ и увидали маленькую каретку съ парой красивыхъ вороныхъ лошадей въ англійской упряжи. Бритый рыжій кучеръ въ черной ливреѣ и въ цилиндрѣ, съ невозмутимымъ видомъ поддѣльнаго англичанина, сидѣлъ на козлахъ. Изъ кареты торопливо вышла маленькая женская фигурка и Саша Пинегинъ.

— Аккуратно! Ровно пять часовъ!—замѣтилъ полковникъ, отходя отъ окна, и, обращаясь къ Антонинѣ Васильевнѣ, прибавилъ:—Ну, и кони, сестра! Тысячные!

Раздался звонокъ. Олимпіада Васильевна съ Володей и Женичкой вышли въ прихожую. Всѣ родственники невольно притихли, ожидая появленія невѣсты. «Тетя-уксусъ»

вся насторожилась, вытянувъ свою длинную шею. Вавочка оправляла прическу. Антонина Васильевна съ напускнымъ равнодушіемъ разсматривала альбомъ. Его превосходительство съ едва замѣтной насмѣшливой улыбкой переглянулся съ молодымъ прокуроромъ.

VIII.

Подъ руку съ сіявшей и умиленной Олимпіадой Васильевной въ гостиную вошла, смущенно и ласково улыбаясь, некрасивая молодая дѣвушка лѣтъ двадцати пяти на видъ, маленькаго роста, плохо сложенная, плотная и коренастая брюнетка, съ крупными и рѣзкими чертами смуглаго, отливавшаго желтизной, лица, съ выдающимися скулами, широкимъ носомъ и крупными губами.

Но зато глаза у этой дѣвушки были прелестные и значительно смягчали некрасивость ея физіономіи: большіе, серьезные и вдумчивые черные глаза съ яснымъ и необыкновенно кроткимъ взглядомъ, какой бываетъ у дѣтей или у очень добрыхъ и хорошихъ людей.

Скромность туалета милліонерки даже удивила многихъ родственниковъ, ожидавшихъ блеска и кричащей роскоши. Она была одѣта, правда, съ изящной простотой, свидѣтельствовавшей объ ея тонкомъ вкусѣ и привычкѣ одѣваться хорошо, и жадный взглядъ Вавочки оцѣнилъ по достоинству и прелесть нѣжной, дорогой ткани, и изящество отдѣлки, и мастерство артиста, сшившаго это ловко сидѣвшее свѣтлое платье моднаго цвѣта геліотропъ, но костюмъ ея не билъ въ глаза. И на этой владѣлицѣ милліоновъ не было ни дорогихъ бриньянтовъ, ни другихъ богатыхъ украшеній. Только красивыя крупныя жемчужины бѣлѣли въ ушахъ. На рукѣ былъ скромный portebonheur, а у шеи простенькая брошка. Прическа у нея была самая простая и не модная. Черные, гладко причесанные по-старинному волосы, съ проборомъ посрединѣ, обрамляли ея высокій лобъ, а сзади были собраны въ косы. И держалась она скромно и просто, нѣсколько застѣнчиво среди незнакомыхъ людей.

Олимпіада Васильевна, успѣвшая еще въ прихожей очаровать пріемомъ свою будущую невѣстку, знакомила Раису Николаевну съ родственниками.

— Раиса Николаевна Коновалова... Сестра Антонина... дочь Катенька... братъ Сергѣй... племянница Вавочка,— говорила она нѣжнымъ голосомъ, подводя Раису Нико-

лаевну то къ одному, то къ другой.—Здѣсь всѣ наши близкіе милые родные,—прибавляла она, ласково взглядывая на Раису.

Всѣ отнеслись къ гостьѣ необыкновенно привѣтливо и сердечно, чувствуя невольный приливъ почтительной нѣжности къ этой скромной, некрасивой дѣвушкѣ, обладавшей милліонами. Всѣ какъ-то значительно и крѣпко жали ей руку, и дамы горячо цѣловали ея крупныя губы, какъ бы привѣтствуя въ ней будущую родную и близкаго человѣка. «Сестра Антонина», помня совѣтъ «Никса», съ нѣжной порывистостью протянула обѣ свои руки, потомъ привлекла Раису къ себѣ и поцѣловала, а затѣмъ, когда Раиса попала въ родственныя объятія Вавочки, Антонина Васильевна въ избыткѣ чувствъ прошептала, но такъ однако, что Раиса могла слышать:

— Ахъ, что̀ за милая дѣвушка! Не правда ли, Катенька?

«Тетя-уксусъ», уже шепнувшая изнемогавшему отъ зависти путейцу Базилю, что невѣста «уродъ и кривобока», сохраняя все тотъ же обиженный видъ страдалицы, такъ впилась своими тонкими губами въ губы Раисы и такъ крѣпко сжала ей руку, что бѣдная Раиса чуть-чуть поморщилась отъ боли. Полковникъ почтительно поцѣловалъ лайковую перчатку на ея рукѣ.

Видимо тронутая общимъ дружескимъ отношеніемъ, молодая дѣвушка съ искренней горячностью отвѣчала на всѣ эти ласки родныхъ любимаго человѣка, перенося на нихъ частицу любви, которую питала къ Пинегину.

Нѣсколько блѣдный, стараясь скрыть подъ маской спокойствія свое волненіе, свѣжій и красивый, казавшійся красавцемъ въ сравненіи со своей невѣстой, онъ весело здоровался съ родными и глядѣлъ имъ прямо и смѣло въ глаза, словно бы заранѣе предупреждая какіе-нибудь щекотливые вопросы. Но, разумѣется, никакихъ щекотливыхъ вопросовъ не было. Всѣ съ какою-то особенной почтительной привѣтливостью здоровались съ бывшимъ «отщепенцемъ». Его превосходительство, относившійся прежде къ своему родственнику съ холодной, не допускающей фамильярности вѣжливостью, сегодня какъ-то особенно ласково, съ фамильярностью добраго товарища, пожалъ ему руку и поздравилъ его. И дядя Сергѣй, особенно не любившій племянника и считавшій его неосновательнымъ и зловреднымъ человѣкомъ, по недоразумѣнію не по-

павшимъ въ Сибирь за свои возмутительныя мнѣнія, привѣтствовалъ племянника съ непривычной ласковостью и почему-то поцѣловалъ его, словно желая почтить его возрожденіе. Однимъ словомъ, всѣ родственники видимо одобряли поступокъ Саши, и ни одна пара глазъ не взглянула на него съ презрѣніемъ. Всѣ хвалили его невѣсту. «Она такая милая, такая симпатичная...»

Только подростокъ Люба, гимназистка пятнадцати лѣтъ, гостившая, по случаю кори у нихъ въ семьѣ, у своей двоюродной бабушки, — горячая поклонница «дяди Саши» за его радикальный образъ мыслей и за то, что онъ «умный»,—какъ-то недоумѣвающе смотрѣла, сидя гдѣ-то въ углу, своими умными, сѣрыми глазенками, и грустная усмѣшка по временамъ скользила по ея худенькому, блѣдному личику. Но, разумѣется, никто не обращалъ на нее вниманія...

Олимпіада Васильевна слетала на кухню и, убѣдившись, что все готово и можно подавать, вернулась въ гостиную и проговорила:

— Милости просимъ... Пожалуйте... Сестра Антонина... Николай Петровичъ... Раиса Николаевна... Братъ Сергѣй... Вавочка...

Всѣ двинулись въ столовую.

Антонина Васильевна, любезно обхвативъ рукой за талію Раису, увлекла ее за собой и пошла первою. За ними пошли «тетя-уксусъ» съ супругомъ.

Дорогой она шепнула мужу, указывая глазами на Антонину Васильевну:

— Ухаживаетъ за милліонеркой... Видно, и у нихъ хотятъ занять?..

Обиженный статскій совѣтникъ только мрачно вздохнулъ въ отвѣтъ.

«Никсъ» велъ подъ руку Вавочку и, пользуясь отсутствіемъ контроля своей ревнивой Тонечки, взглядывалъ загоравшимися глазами на пышный бюстъ Вавочки и говорилъ ей, благоразумно понижая голосъ, что она сегодня очаровательна, эта несравненная Вавочка, какъ фамильярно называлъ его превосходительство, человѣкъ очень женолюбивый и большой ловеласъ, племянницу своей жены. Вавочка дѣлала видъ, что недовольна, просила не говорить ей, «почти старухѣ», глупостей и, сознавая свою неотразимость, еще болѣе рдѣла и самодовольно улыбалась, отдергивая однако руку, которую игривый тайный

совѣтникъ слишкомъ сильно прижималъ къ себѣ. Володя смѣшилъ вертлявую Манечку, жену двоюроднаго брата Жоржа, и просилъ ее сѣсть за обѣдомъ рядомъ съ нимъ. Манечка хихикала, кокетничала и спросила:

— Понравилась невѣста?

— Сапогъ!

— Но ты бы на ней женился?

— Хоть сейчасъ!—весело отвѣчалъ офицеръ.

Катенька переваливалась сзади всѣхъ. Она чувствовала себя нездоровой и капризничала. Прокуроръ «Бобочка», всего два года женатый, желая угодить женѣ, сказалъ ей на ухо:

— А вѣдь очень дурна, не правда ли?

Катенька строго взглянула на Бобочку.

— Вамъ, мужчинамъ, нужна одна красота... Она очень симпатична...

И вдругъ съ какимъ-то внезапнымъ раздраженіемъ спросила:

— Признавайся... Ты очень завидуешь Сашѣ?

Бобочка презрительно усмѣхнулся.

— Есть чему завидовать?!

А въ головѣ его пробѣжала мысль:

«Если-бъ эти милліоны да мнѣ!..»

За обильной закуской мужчины выпили по нѣскольку рюмокъ водки. Сегодня и Саша Пинегинъ разрѣшилъ себѣ выпить и чокался со всѣми. Волненіе его прошло; онъ чувствовалъ себя хорошо и весело. Послѣ трехъ рюмокъ водки онъ нѣсколько размякъ; въ его отношеніяхъ къ родственникамъ появилась какая-то мягкость, и они стали казаться ему ужъ не такими пошляками, какими считалъ онъ ихъ прежде. И это видимое сочувствіе и уваженіе, проявившіяся внезапно къ нему, хотя онъ и понималъ отлично причину ихъ,—тѣмъ не менѣе пріятно щекотали нервы и точно оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Стали садиться за столъ. Сестра Антонина сѣла около хозяйки. По другую сторону усадили Раису. Около нея сѣлъ Саша Пинегинъ. Остальные размѣстились, кто какъ хотѣлъ, и его превосходительство очутился на концѣ стола, среди молодежи, подлѣ Вавочки. Антонина Васильевна, замѣтивши сосѣдство мужа съ этой «жирной перепелкой», какъ она презрительно называла за-глаза свѣжую толстушку Вавочку, только недовольно сверкнула глазами, но не сказала ни слова. Но «тетя-уксусъ», зорко

наблюдавшая за всѣмъ, не удержалась-таки и, словно обиженная, что такой важный родственникъ и вдругъ сидитъ на концѣ стола, а не на болѣе почетномъ мѣстѣ, сказала Олимпіадѣ Васильевнѣ:

— А Николая Петровича что-жъ такъ далеко усадили, сестрица?

— Что-жъ это въ самомъ дѣлѣ, я и не досмотрѣла, — заволновалась Олимпіада Васильевна.—Николай Петровичъ, куда-жъ это вы сѣли? Неугодно ли сюда поближе?

— Не безпокойтесь, Олимпіада Васильевна... Не все ли равно?.. Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто!— отшутился онъ.

— Впрочемъ, и то, съ молодымъ-то веселѣй! — ехидно шепнула «тетя-уксусъ» и стала съ обиженнымъ видомъ кушать супъ.

Антонина Васильевна между тѣмъ занимала Раису, разсказывая ей о прошлогодней своей поѣздкѣ за границу... «Что̀ за прелесть эта очаровательная Ницца».

— И вообще весь Corniche... Съ какимъ удовольствіемъ я опять уѣхала бы за границу...

— Тамъ хорошо, но подъ конецъ надоѣдаетъ,—замѣтила Раиса.

— Раиса пять лѣтъ прожила за границей. Она тамъ воспитывалась,—вставилъ Саша Пинегинъ.

— Но осталась совсѣмъ русской,—прибавила съ улыбкой Раиса.

— Вы воспитывались за границей, родная? — нарочно громко, чтобы слышали рѣшительно всѣ, переспросила Олимпіада Васильевна и, обращаясь къ Катенькѣ, еще разъ повторила:

— Катенька, слышишь, Раиса Николаевна воспитывалась за границей!

И тотчасъ же взволнованно вперила глаза на двери, въ которыхъ появилась Дуня съ громаднымъ блюдомъ. На немъ красовалась великолѣпная, большихъ размѣровъ форель, прекрасно убранная гарниромъ.

Торжествующая улыбка сіяла на лицѣ «тети-дипломатки» и отъ того, что около нея сидитъ будущая невѣстка-милліонерка и всѣ это видятъ и чувствуютъ, и отъ того, что она воспитывалась за границей, и отъ того, что форель, видимо, произвела впечатлѣніе.

Въ эту минуту Олимпіада Васильевна была безконечно счастлива, а впереди еще сколько счастья!?

— Ну-жъ и рыбина, сестра!—восторженно воскликнулъ полковникъ.

— Вы прежде попробуйте, а потомъ хвалите, братецъ,—скромно замѣтила Олимпіада Васильевна.

На время наступило затишье. Всѣ ѣли съ видимымъ удовольствіемъ рыбу и запивали ее бѣлымъ хорошимъ виномъ. И Володя и Петя то и дѣло наполняли рюмки гостямъ, не забывая и своихъ. Многіе хвалили и рыбу и подливку, и даже его превосходительство, большой обжора и знатокъ въ ѣдѣ, высказалъ одобреніе, чѣмъ привелъ въ большой восторгъ радушную хозяйку. Послѣ рыбы разговоръ сдѣлался громче и оживленнѣе. И его превосходительство, и обиженный братъ Сергѣй, и полковникъ, не говоря уже о молодежи, всѣ немножко подпили, раскраснѣлись и были въ веселомъ, добродушномъ настроеніи. «Никсъ» уже увѣрялъ «Вавочку», что она красавица и свела его съ ума, и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на строгіе взоры Тонечки, точно и не ждалъ вечеромъ доброй «порціи» сценъ. Полковникъ съ паѳосомъ говорилъ брату Сергѣю, какъ онъ любитъ милыхъ родныхъ, и утѣшалъ брата, что онъ навѣрное къ Новому году будетъ генераломъ.

— Правда, братъ, свое возьметъ... Будь покоенъ!

У многихъ дамъ, послѣ рюмки-другой вина, алѣли щеки и блестѣли глаза. И Саша Пинегинъ былъ въ радостно-возбужденномъ настроеніи и ласково и нѣжно разговаривалъ съ Раисой. Женичка и Леночка весело болтали о нарядахъ, театрѣ и мужчинахъ. Володя разсказывалъ глупые анекдоты, и Манечка заливалась, приводя въ негодованіе «тетю-уксусъ», которая, несмотря на нѣсколько рюмокъ вина, имѣла все-таки обиженный видъ и не безъ зависти высчитывала, во сколько могъ обойтись такой обѣдъ и что̀ сто̀ятъ такія вина. Одна только Катенька капризно молчала, думая о близкомъ ужасѣ родовъ, да гимназистка Люба сидѣла дичкомъ, о чемъ-то задумавшись, на дальнемъ концѣ стола.

Когда послѣ жаркого подали шампанское и розлили по бокаламъ, разговоры мгновенно смолкли, и въ столовой наступила торжественная тишина. Всѣ взоры невольно устремились на Раису и Сашу Пинегина. И оба они нѣсколько смутились, особенно Раиса, точно въ ожиданіи чего-то мучительнаго.

Но для чего же и былъ этотъ обѣдъ?

И Олимпіада Васильевна, торжественная, радостная и взволнованная, поднялась и дрогнувшимъ голосомъ произнесла:

— За здоровье невѣсты и жениха!

Умиленная, со слезами на глазахъ, Олимпіада Васильевна обняла невѣсту, осторожно отводя руку съ бокаломъ, чтобъ не облить ея платья. Она крѣпко поцѣловала ее, осѣнила крестомъ и, отхлебнувъ шампанскаго, шепнула:

— Милая... дорогая... Мой Саша такъ васъ любитъ... Любите и вы моего голубчика!

И она снова притянула къ себѣ Раису и снова трижды поцѣловала.

Подошелъ сынъ, и повторилась та же трогательная сцена.

Затѣмъ всѣ шумно поднялись съ мѣстъ и поздравляли жениха, невѣсту и мать. Пили много шампанскаго и провозглашали тосты. Полковникъ крикнулъ: «горько, горько!», и Пинегинъ поцѣловалъ некрасивую, стыдливо зардѣвшуюся дѣвушку при общихъ радостныхъ восклицаніяхъ. Подъ конецъ обѣда его превосходительство произнесъ маленькій спичъ, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ, какой честный, славный и добрый Саша Пинегинъ. Говорилъ и полковникъ, говорилъ и Жоржъ, говорилъ и Володя. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ было много самыхъ горячихъ пожеланій...

Саша Пинегинъ, нѣсколько опьянѣвшій, слушалъ все это, благодарилъ и чувствовалъ, что гдѣ-то, въ глубинѣ его души, снова поднимается презрѣніе и къ самому себѣ и къ этимъ изліяніямъ. И ему показалось, что его заживо хоронятъ во всей этой атмосферѣ лицемѣрія и пошлости... Онъ взглянулъ на кроткіе, любовно глядѣвшіе на него глаза некрасивой дѣвушки, и въ головѣ пробѣжала мысль: «Еще не поздно... Можно отказаться!»

Но онъ рѣшительно отогналъ отъ себя шальную мысль, налилъ шампанскаго и, обратившись къ невѣстѣ, сказалъ:

— За наше счастье, Раиса!

И выпилъ залпомъ бокалъ.

— А гдѣ же Люба? Отчего ея нѣтъ?—спросилъ онъ.

Кто-то сказалъ, что она не совсѣмъ здорова и вышла изъ-за обѣда.

Наконецъ обѣдъ былъ конченъ, и всѣ перешли въ гостиную. По просьбѣ Олимпіады Васильевны, слышавшей отъ сына, что Раиса хорошая музыкантша, она сѣла за фортепіано и стала играть...

Пинегинъ незамѣтно вышелъ изъ гостиной, прошелъ въ комнату матери, думая, что Люба тамъ. Но ея тамъ не было, а былъ полковникъ. Онъ былъ сильно навеселѣ.

— Ну, голубчикъ Саша, и умница же ты,—заговорилъ онъ слегка заплетающимся голосомъ:—я всегда говорилъ, что ты уменъ, но все-таки не ожидалъ этого... Не о-жидалъ. Геніально!.. И какъ это ты, шельмецъ, обработалъ такую богачку... Небойсь, заговорилъ ее... Ловко!.. Ай да молодчина!

И, хитро подмигивая глазомъ, полковникъ продолжалъ:

— А все-таки, милый, послушай моего совѣта... Неровенъ часъ... Мало ли, другъ, что̀ можетъ быть въ будущемъ... Ты вѣдь красивый... и все такое... однимъ словомъ мужчина.. .

— Какой же совѣтъ вы хотите дать, дядя?..

— Переведи-ка на свое имя половину состоянія. Она, голубушка, добрая... сейчасъ видно, на все пойдетъ... простыня... Я вѣдь любя, по-родственному совѣтую... Право, переведи... Такъ-то будетъ спокойнѣе... Впрочемъ, я, быть-можетъ, напрасно совѣтую... Ты вѣдь и самъ смекнулъ, а?..

Пинегинъ выбѣжалъ изъ комнаты, оставивъ полковника въ недоумѣніи. Въ коридорѣ его встрѣтила Люба и, стремительно подбѣжавъ къ нему, проговорила негодующимъ голосомъ:

— Дядя Саша, и вамъ не стыдно?

И, заглушая рыданія, убѣжала въ комнаты.

IX.

Въ одиннадцатомъ часу женихъ и невѣста уѣхали отъ Олимпіады Васильевны послѣ самыхъ ласковыхъ проводовъ и сердечныхъ пожеланій. Всѣ родственники наперерывъ звали ихъ къ себѣ. Тетушка Антонина Васильевна взяла слово, что они пріѣдутъ къ ней обѣдать во вторникъ. Дядя Сергѣй и «тетя-уксусъ» выразили надежду, что Саша и Раиса Николаевна навѣстятъ и ихъ, и съ обычнымъ своимъ обиженнымъ видомъ звали въ среду вечеромъ на чашку чая въ ихъ «скромной обители». А Вавочка объявила, что разсердится, если милая «Рая», какъ ужъ она по-родственному называла Раису, не пріѣдетъ съ женихомъ къ ней на пирогъ въ пятницу.

— Мой голубчикъ Гога именинникъ. — пояснила она.—

Вы не знаете, Рая, кто такой Гога? Это мой милый мужъ, который плаваетъ и скучаетъ безъ своей Вавочки.

Въ прихожей подвыпившій полковникъ съ особенной нѣжностью облобызалъ племянника и шепнулъ ему на-ухо:

— Не забудь, Саша, что̀ я тебѣ говорилъ, родной. Такъ-то оно лучше!

И, обратившись затѣмъ къ Раисѣ, восторженно шепнулъ ей, подмигивая осоловѣвшими глазками на Пинегина:

— Добруша вашъ Саша, милая Раиса Николаевна! Ахъ, какой добруша! Простыня-человѣкъ!

Пинегинъ молча сидѣлъ въ каретѣ рядомъ съ Раисой въ мрачномъ и подавленномъ настроеніи человѣка, еще не справившагося окончательно съ совѣстью. Несмотря на доводы услужливаго ума, она все-таки давала о себѣ знать.

Всѣ эти любезности родственниковъ, которые, видимо, привѣтствовали его подлость, какъ возрожденіе, этотъ наивный восторгъ захмелѣвшаго дяди-полковника передъ умомъ и ловкостью племянника вмѣстѣ съ откровеннымъ совѣтомъ ограбить Раису,—еще съ бо̀льшею наглядностью оттѣняли его позоръ. А этотъ рѣзкій, вырвавшійся изъ глубины возмущеннаго сердца упрекъ, это подавленное рыданіе оскорбленной души еще стояли въ его ушахъ. Во всей компаніи родственниковъ только одна пятнадцатилѣтняя Любочка отнеслась съ негодованіемъ къ его женитьбѣ, и однако этотъ единственный протестъ испортилъ Пинегину весь вечеръ и теперь еще вызываетъ краску стыда на его лицѣ, напоминая снова то, что̀ онъ хотѣлъ бы забыть: тотъ обманъ, какимъ онъ пріобрѣлъ сперва довѣріе и потомъ любовь невѣсты.

И онъ все это продѣлалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ начала ихъ знакомства, когда съ мастерствомъ охотника затравливалъ кроткое, довѣрчивое созданіе, играя на струнахъ ея отзывчиваго, благороднаго сердца и будя въ страстной дѣвушкѣ чувственные инстинкты. Все это было. И эти горячія рѣчи объ идеалахъ, о служеніи ближнимъ... И это возмущеніе людской подлостью и игра въ благородство... И эти чтенія вдвоемъ... Это тонкое, ловкое ухаживанье, разговоры о сродствѣ душъ! Сколько лжи и лицемѣрія, чтобы влюбить въ себя эту некрасивую милліонерку и сдѣлаться ея идоломъ!

Такія, не особенно пріятныя, воспоминанія опять пронеслись въ головѣ молодого человѣка и омрачили его лицо, но не поколебали принятаго рѣшенія. Милліоны манили своей обаятельной силой и обѣщаніемъ счастья, являясь сами по себѣ краснорѣчивымъ оправданіемъ подлости. Изъ-за нихъ стòитъ ее сдѣлать. Не онъ, такъ другой подберется къ этимъ милліонамъ. И наконецъ мало ли людей женится такъ, какъ онъ.

«Во Франціи это—обычное явленіе»,—почему-то вспомнилъ Пинегинъ и по какой-то странной ассоціаціи идей вдругъ подумалъ, что Бэконъ былъ взяточникъ...

«Да наконецъ онъ и привязанъ къ Раисѣ».

Эта мысль внезапно обрадовала молодого человѣка. Онъ старался теперь даже убѣдить себя, что любитъ эту «милую, кроткую дѣвушку», и что она вовсе ужъ не такъ дурна собой, какъ ему казалось раньше. И всѣ сегодня находили ее симпатичной и восхищались ея глазами. Дѣйствительно, прелестные глаза!.. Да, онъ будетъ ее любить и сдѣлаетъ ее счастливой, хотя бы изъ чувства благодарности и за ея любовь и за ея милліоны, благодаря которымъ онъ станетъ независимъ...

«А какой однако мерзавецъ этотъ полковникъ! Чтò совѣтуетъ? Перевести половину состоянія!»—подумалъ въ ту же минуту Пинегинъ.

И, незамѣтно для него самого, мысли его остановились на предложеніи «мерзавца» и на мгновеніе овладѣли имъ. Съ чувствомъ отвращенія поймалъ онъ себя на этихъ мысляхъ и взглянулъ на невѣсту. Молчать счастливому жениху было неудобно. Надо заговорить.

Раиса сидѣла, прижавшись, въ углу кареты, съ закрытыми глазами, тоже безмолвная, но безмолвная отъ полноты счастія, влюбленная и увѣренная во взаимности, тронутая ласками родныхъ любимаго человѣка. Добрый! Вѣрно, онъ хвалилъ ее имъ всѣмъ!

И она мечтала о близкомъ счастьѣ быть женой и другомъ этого чуднаго, благороднаго Саши, дѣлиться съ нимъ мыслями, жить для добра, для ближнихъ...

— О чемъ ты задумалась, Раиса?—нѣжно окликнулъ ее Пинегинъ, всматриваясь въ ея лицо и пожимая ея руку.

Молодая дѣвушка встрепенулась, точно пробужденная отъ грёзъ.

— Я думала, какъ я безконечно счастлива, — промол-

вила она взволнованнымъ, безконечно нѣжнымъ голосомъ, крѣпко сжимая руку Пинегина.—И какіе твои родные всѣ добрые... И какъ жизнь хороша!..

При этихъ словахъ Пинегина охватило чувство смущенія и жалости, той мучительной жалости, какая бываетъ иногда у палача къ своей жертвѣ. Охваченный этимъ чувствомъ, онъ привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку и сталъ цѣловать ея лицо. Вся трепещущая, прижимаясь къ Пинегину, Раиса отвѣчала горячими, страстными поцѣлуями.

— Милый!..

И, порывисто охвативъ его голову, она крѣпко прижала ее къ своей груди.

— Милый... желанный... Если-бъ ты только зналъ, какъ я тебя люблю! — шептала она страстнымъ шопотомъ, и слезы катились изъ ея глазъ.

Хорошо, что молодая дѣвушка не видала въ эту минуту лица Пинегина, а то сердце ея забило бы тревогу,—до того физіономія его мало походила на счастливое лицо жениха. Онъ, правда, добросовѣстно осыпалъ поцѣлуями невѣсту, но эти поцѣлуи не возбуждали въ немъ страсти, не зажигали огня въ крови. Онъ даже морщился, цѣлуя некрасивую дѣвушку, и, найдя, что поцѣлуевъ довольно, скоро выпустилъ ее изъ своихъ объятій.

— Такъ тебѣ понравились мои родственники? — спросилъ онъ минуту спустя, отодвигаясь отъ Раисы.

— Понравились... Они, вѣрно, добрые.

— Всякіе есть между ними,—неопредѣленно замѣтилъ Пинегинъ.

— Твоя мать—прелесть, сестра—милая,—восторженно говорила Раиса.

— А братья?

— И братья славные.

— У тебя, кажется, всѣ люди—славные,—смѣясь, сказалъ Пинегинъ.

— А развѣ твои братья не хорошіе?—испуганно спросила молодая дѣвушка.

— Самые обыкновенные экземпляры человѣческаго рода, да я не про нихъ. Я—вообще. Ты обо всѣхъ людяхъ судишь по себѣ. Золотое у тебя сердце, Раиса!—горячо прибавилъ Пинегинъ и подумалъ: «И совсѣмъ ты проста!»

— Какое же тогда оно у тебя?—переспросила Раиса.

— Далеко не такое хорошее,—усмѣхнулся Пинегинъ.

— Не клевещи на себя, Саша!—горячо воскликнула дѣвушка.—Развѣ я не вижу, какой ты мягкій и добрый?.. Развѣ я не читала твоихъ произведеній? Развѣ я не понимаю твоей правдивости? А вся твоя прошлая жизнь? Твое страданіе за правду?

И про это «страданіе за правду», въ дѣйствительности мало похожее на серьезное страданіе, разсказывалъ дѣвушкѣ Пинегинъ, представляя злоключенія свои въ значительно преувеличенномъ видѣ, чтобы показаться въ глазахъ Раисы «страдальцемъ». И молодая дѣвушка, совсѣмъ мало знавшая людей, конечно, всему вѣрила.

Надо сказать правду: Пинегинъ не испытывалъ пріятныхъ чувствъ отъ этихъ восторженныхъ похвалъ невѣсты. Въ самомъ дѣлѣ, не особенно весело слушать диѳирамбы человѣка, котораго вы собираетесь зарѣзать. Къ тому же теперь, когда эта дѣвушка была совсѣмъ въ его власти, слѣдовало нѣсколько отрезвить ее и отъ восторговъ къ нему и отъ многихъ странныхъ идей.

Не для того же женится онъ, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, раздать богатство и жить въ шалашѣ съ «немилой» женой. А она какъ будто на что-то подобное надѣялась.

— Ты, Раиса, заблуждаешься насчетъ меня, — началъ серьезно Пинегинъ.

Вмѣсто отвѣта молодая дѣвушка весело усмѣхнулась.

— Право, заблуждаешься, и это меня тревожитъ.

— Тревожитъ?—съ испугомъ спросила она.

— Да, ты, по своей добротѣ, считаешь меня гораздо лучшимъ, чѣмъ я есть.

— Положимъ даже, что это такъ. Въ чемъ же тутъ тревога?

— За твое разочарованіе. Ты убѣдишься, что я не такое совершенство, какимъ создали твое воображеніе и твоя любовь, и...

— Что̀?—перебила Раиса.

— И разлюбишь меня.

— Я? Тебя разлюбить? Никогда!—воскликнула горячо Раиса.—И ты не совсѣмъ знаешь меня: я изъ тѣхъ натуръ, которыя любятъ разъ въ жизни, но ужъ зато навсегда!—прибавила она съ какой-то торжественной серьезностью.—Но къ чему ты все это говоришь! Развѣ я не знаю, какой ты хорошій? Развѣ ты способенъ когда-нибудь обмануть?

Пришлось замолчать. Для нея, влюбленной, этотъ кра-

сивый, кудрявый Пинегинъ былъ лучшимъ человѣкомъ въ подлунной...

Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Они говорили о будущей жизни, о планахъ, о томъ, какъ они поѣдутъ послѣ свадьбы за границу и устроятся потомъ въ Петербургѣ. Разсказывая о будущихъ планахъ, Пинегинъ, между прочимъ, замѣтилъ, что «богатство обязываетъ»...

— И стѣсняетъ, не правда ли?

— Если не умѣть имъ пользоваться... Раздать все не трудно, но что̀ въ томъ толку? Всякіе милліоны—капля въ морѣ и серьезно всѣмъ не помогутъ. Надо, слѣдовательно, помочь хоть немногимъ, но зато существенно...

Пинегинъ развивалъ въ этомъ направленіи свои взгляды и говорилъ на этотъ разъ не только краснорѣчиво, но и искренно, и когда кончилъ, то спросилъ:

— Развѣ ты со мной не согласна, Раиса?

Напрасный вопросъ! Она на все была согласна и отвѣтила:

— Ты лучше меня знаешь, какъ надо поступить. Къ чему ты спрашиваешь?

Пинегинъ облегченно вздохнулъ.

— А твоя мать и сестра были за границей?—спросила Раиса.

— Нѣтъ.

— Такъ ты ихъ, Саша, отправь. И вообще... я надѣюсь, ты не будешь стѣсняться... Все, что̀ у меня есть, твое. Не правда ли?.. И ты поможешь своимъ и кому только захочешь... Помнишь, ты говорилъ, сколько бѣдной молодежи... У насъ вѣдь денегъ много, слишкомъ даже много... Не жалѣй ихъ... Теперь же возьми, сколько нужно... Я тебѣ дамъ чековую книжку... Прошу тебя...

— Экая ты добрая, Раиса... Спасибо тебѣ... Въ самомъ дѣлѣ матери надо отдохнуть...

— Смѣшной ты, Саша—благодаришь. Вѣдь это обидно. Развѣ можетъ быть иначе? И, знаешь, я все собиралась тебя просить и боялась... Эти денежныя дѣла всегда непріятны.

— О чемъ просить?

— Чтобы ты поскорѣй взялъ на себя управленіе дѣлами. И тетя объ этомъ говорила. Добрая старушка всѣмъ завѣдуетъ и всего боится. А ты—мужчина. Она говоритъ, что надо тебѣ довѣренность. Такъ ужъ ты сдѣлай все это и распоряжайся всѣмъ, какъ знаешь...

— Послѣ, послѣ, еще успѣемъ!—отвѣчалъ Пинегинъ, невольно чувствуя смущеніе.

Карета остановилась у подъѣзда. Пинегинъ вышелъ проводить невѣсту.

— Зайдешь?—спросила Раиса.

— Прости, голова болитъ... Этотъ обѣдъ...

— Ну, такъ выспись хорошенько, Саша.

Они поднялись во второй этажъ.

— До завтра?—спросила Раиса, останавливаясь у дверей и протягивая Пинегину руку.

— До завтра.

— Любишь меня, дурнушку?—шепнула Раиса.

— А ты сомнѣваешься?

— Нѣтъ, нѣтъ, — радостно проговорила дѣвушка. — Развѣ ты могъ бы обманывать? Господь съ тобой!

Пинегинъ крѣпко поцѣловалъ невѣсту и спустился внизъ.

Швейцаръ подобострастно распахнулъ двери и крикнулъ:

— Подавай!

Пинегинъ вскочилъ въ карету и велѣлъ отвезти его домой,

— Шишгола... а поди ты теперь! — проговорилъ старикъ-швейцаръ, захлопнувъ дверцы, и направился въ швейцарскую.

X.

Благодаря знакомому репортеру одной маленькой газетки, слухъ о женитьбѣ «г. Пинегина, нашего молодого и даровитаго беллетриста, на г-жѣ Коноваловой, владѣющей несмѣтными богатствами», попалъ на столбцы газетъ, и въ скоромъ времени Пинегинъ сталъ получать ежедневно массу писемъ отъ совершенно незнакомыхъ ему людей съ поздравленіями, пожеланіями, просьбами о деньгахъ и съ самыми разнообразными дѣловыми предложеніями помѣстить выгодно капиталъ. Чего только ни предлагали ему! И эксплоатацію плитной ломки въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, и участіе въ мыловаренномъ заводѣ, и устройство пароходства, и дешевую покупку имѣній. Предлагали сдѣлаться пайщикомъ въ различныхъ предпріятіяхъ, пріобрѣсти виллу въ Италіи и внести посильную лепту въ женскій кармелитскій монастырь въ Бретани. Какихъ только краснорѣчивыхъ писемъ ни получалъ Пинегинъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ недѣль передъ свадьбой!

Родственники и знакомые хорошо знали, что послѣ свадьбы Пинегинъ останется въ Петербургѣ на самое короткое время, чтобы только принять дѣла отъ старухи-тетки, и затѣмъ уѣдетъ съ женой за границу, и потому многіе изъ нихъ спѣшили «воспользоваться случаемъ» и «урвать» съ счастливаго человѣка на первыхъ же порахъ, пока онъ еще не опомнился отъ радости. Окончательно было выяснено, что у невѣсты три милліона въ благонадежныхъ бумагахъ на храненіи въ государственномъ банкѣ, о чемъ бухгалтеръ «Жоржъ» навелъ точныя справки въ государственномъ банкѣ черезъ пріятеля своего, чиновника, и сообщилъ роднымъ. Узнали также, что пріиски на Олекмѣ идутъ отлично и даютъ до ста тысячъ чистаго ежегоднаго дохода, и наконецъ домъ очищаетъ пятнадцать тысячъ. Шутка ли! Такое громадное состояніе и въ полномъ распоряженіи Пинегина. Есть отъ чего закружиться головѣ!!

Володя «урвалъ» первымъ. Черезъ два дня послѣ помолвки онъ зашелъ утромъ къ брату и послѣ нѣсколькихъ минутъ незначащаго разговора попросилъ денегъ, объясняя, что его донимаютъ долги, и что онъ надѣется, что братъ выручитъ его изъ бѣды.

— Сколько тебѣ нужно?—спросилъ Пинегинъ.

Володя былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи: сколько спросить? Во-первыхъ, онъ не зналъ, есть ли у брата теперь деньги, и дастъ ли онъ сейчасъ или только пообѣщаетъ. Въ его головѣ мелькала цифра 500 и нѣсколько пугала своей величиной. «Пожалуй, не дастъ!»—подумалъ онъ, жалѣя теперь, что прежде относился къ брату недружелюбно, и отвѣтилъ тѣмъ неувѣреннымъ, робкимъ и нѣсколько униженнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно люди просятъ денегъ:

— Нужно мнѣ, если тебя не затруднитъ только, рублей триста... Очень нужно! — прибавилъ Володя, глядя на брата нѣсколько жалобнымъ и растеряннымъ взглядомъ.

— Объ этихъ пустякахъ и говорить не стоитъ. Это я могу сейчасъ же дать.

Пинегинъ досталъ изъ кармана бумажникъ и раскрылъ его, и Володя тотчасъ же мысленно пожалѣлъ, что «свалялъ дурака» и спросилъ такъ мало. Не безъ тайной зависти увидалъ онъ, что бумажникъ былъ туго набитъ сторублевыми бумажками, только-что привезенными самимъ Дюфуромъ, въ знакъ особаго почтенія къ своему кліенту.

— Вотъ, возьми пока пятьсотъ, — проговорилъ Пинегинъ, подавая брату пять радужныхъ бумажекъ: — а потомъ я еще дамъ.

Просіявшій Володя былъ рѣшительно тронутъ великодушіемъ брата. Онъ крѣпко пожалъ ему руку и благодарилъ его.

И эта благодарность и нѣсколько умиленное лицо брата пріятно щекотали нервы Пинегина.

— Не за что благодарить, Володя... Пустяки... Передай вотъ и Петѣ и Женичкѣ отъ меня по сту рублей... Послѣ я больше дамъ, а пока у меня денегъ немного... Занялъ... Понимаешь: расходы большіе...

— Еще бы... Вполнѣ понимаю...

— А мамашѣ скажи, что она можетъ быть спокойна: и приданое Женичкѣ будетъ, и сама она ни въ чемъ не будетъ нуждаться... Раиса просила меня объ этомъ... Надняхъ я буду у васъ и самъ подробно все разскажу мамашѣ...

Обрадованный Володя спустился вприпрыжку по лѣстницѣ, напѣвая опереточный мотивъ. Онъ, не торгуясь, сѣлъ на извозчика и первымъ дѣломъ поѣхалъ на Большую Морскую къ модному ювелиру и купилъ у него бирюзовое кольцо съ маленькими брильянтами себѣ на мизинецъ. Это было, по его мнѣнію, шикарно. Послѣ того онъ заѣхалъ въ фруктовую лавку, выбралъ корзинку лучшихъ и дорогихъ фруктовъ и велѣлъ послать своей кузинѣ—вертлявой брюнеткѣ Манечкѣ. Тутъ же на Большой Морской онъ встрѣтилъ товарища и позвалъ его завтракать къ Кюба. Завтракъ былъ тонкій, и выпито было порядочно. Кутили они весь день и всю ночь, ужинали въ загородномъ ресторанѣ, слушали цыганокъ, и Володя не жалѣлъ денегъ. Только къ двѣнадцати часамъ слѣдующаго дня онъ явился домой съ измятымъ лицомъ, красными глазами и съ значительно опустошеннымъ бумажникомъ.

Олимпіада Васильевна пришла въ ужасъ при видѣ своего любимца.

— Господи!.. Опять?.. Полюбуйся, на кого ты похожъ! — воскликнула она.

— Не сердитесь, мамаша, — говорилъ, улыбаясь, Володя, цѣлуя матери руку. — Не на свои кутилъ, а на Сашины... Добрый Саша... Вотъ не ожидалъ, что онъ настоящій братъ...

И онъ разсказалъ, какъ Саша подарилъ ему пятьсотъ

рублей, «пока только, мамаша», и какъ велѣлъ передать ей, что она не будетъ ни въ чемъ нуждаться...

— А вотъ и вамъ по «Катенькѣ», тоже пока,—говорилъ со смѣхомъ Володя, передавая деньги брату и сестрѣ.— И приданое обѣщалъ тебѣ, Женичка... У него бумажникъ полный... Говоритъ, занялъ... расходы... А какъ женится, всѣ закутимъ на Сашины деньги.

Это сообщеніе привело Олимпіаду Васильевну въ отличное расположеніе духа. Добрый Саша! Онъ не забылъ мать. И она заставила Володю, еще не совсѣмъ отрезвившагося, нѣсколько разъ повторить Сашины слова.

— Онъ не говорилъ, сколько именно дастъ мнѣ?

— Не говорилъ, но сказалъ: пусть мамаша не безпокоится... Она ни въ чемъ не будетъ нуждаться... Будьте покойны, мамаша... Саша — добрый сынъ... отличный сынъ... По всему видно...

XI.

Благодаря полковнику, вѣсть о подаркѣ и объ обѣщаніяхъ Саши разнеслась по всѣмъ кланамъ, и вездѣ хвалили Сашу. «Онъ поступаетъ благородно и по-родственному», — говорили родные, надѣясь, что никому изъ своихъ онъ не откажетъ помочь. — «Еще бы. Такіе милліоны! Кому ужъ и помочь, какъ не своимъ?»

Вскорѣ послѣ этого извѣстія «тетя-уксусъ» говорила послѣ обѣда своему мужу:

— Ты сходи къ Сашѣ и попроси у него... Ты—родной дядя.

«Дядя Сергѣй» мрачно вздохнулъ.

— Такъ-таки прямо и проси...

— Охъ, откажетъ,—уныло протянулъ дядя Сергѣй.

— Не смѣетъ отказать. Такія деньги сграбасталъ и— отказать! Не чужой ты ему. Сходи, Сергѣй Васильичъ.

— Сходить-то отчего не сходить, только врядъ ли...

— Требуй, объясни, что мы—бѣдные люди. Не безчувственный же онъ въ самомъ дѣлѣ!.. Антонина, твоя выжига-сестрица, ужъ, вѣрно, у него просила взаймы безъ отдачи. Ты-то чего зѣвать будешь?..

— Не лучше ли попросить брата Николая поговорить съ Сашей, а? За глаза какъ-то деликатнѣй и можно круглѣе сумму спросить. Что̀ ты на это скажешь, Ѳеоза?

— Что-жъ, настрой полковника...

— А сколько, ты думаешь, спросить?.. Тысячки двѣ-три?

Ѳеоза Андреевна презрительно поджала губы и съ укоромъ покачала головой.

— Ну, пять, что ли?

— Какъ вы глупы, Сергѣй Васильичъ, и какъ мало думаете о будущемъ, — вспылила Ѳеоза Андреевна. — По крайней мѣрѣ десять! Надо быть подлецомъ, чтобы не дать намъ десяти тысячъ при его милліонахъ!—мрачно прибавила «тетя-уксусъ».

Супруги стали мечтать объ этихъ десяти тысячахъ. Если они ихъ получатъ, то можно отдать ихъ подъ вторую закладную дома и имѣть двѣнадцать процентовъ. Это 1.200 рублей лишняго дохода къ двумъ тысячамъ жалованья.

Тогда можно и дачку получше нанять и обстановку подновить, а то просто срамъ, какая у насъ обивка въ гостиной.

— Д-д-да, хорошо бы,—согласился дядя Сергѣй и прибавилъ:—Бываетъ же людямъ счастіе!..

— Да еще какимъ... Твой-то племянникъ, если говорить правду, дрянь-то порядочная. Недаромъ въ Архангельскую губернію туряли... Даромъ не турнутъ...

— А ты какъ думаешь, Ѳеоза, онъ дастъ?

— Не смѣетъ не дать!—съ какимъ-то закипающимъ озлобленіемъ прошипѣла «тетя-уксусъ».—Женится на уродѣ съ милліонами, да не дать честнымъ, порядочнымъ близкимъ людямъ десяти тысячъ!?.. Можно наконецъ и припугнуть голубчика, если онъ окажется подлецомъ.

Дядя Сергѣй удивленно посмотрѣлъ на жену.

— Не понимаешь?.. Все вамъ объясни и въ ротъ положи?.. А вотъ какъ припугнуть: дать понять, что можно и свадьбу разстроить...

— Это какъ же?

— А такъ же... Написать анонимное письмо Раисѣ этой, что женихъ-то ее обманываетъ, на деньгахъ женится... Развѣ это неправда?..

— Положимъ, и правда, только ты, Ѳеоза, того... далеко хватила... И не повѣритъ она анонимнымъ письмамъ: говорятъ, влюблена, какъ кошка... А если Саша догадается, кто сочинялъ, тогда и копейки отъ него не получишь... Нѣтъ, ужъ ты черезчуръ проницательна, Ѳеоза... Завралась, матушка!

Подобный же разговоръ шелъ и у Бобочки съ Катенькой. Началъ его чистенькій, румяный и миловидный Бо-

бочка, находившійся въ весьма меланхолическомъ расположеніи духа за десять дней передъ двадцатымъ числомъ.

— Вѣрно, Саша и тебя не забудетъ, Катенька? Ужъ если онъ Володѣ далъ пятьсотъ рублей на рестораны, такъ тебѣ не грѣхъ помочь... Какъ ты думаешь? Оно было бы недурно имѣть кое-что про черный день... Очень бы недурно.

— Предложитъ, не откажусь, но сама просить ни за что не стану,—рѣшительно заявила Катенька и вся даже покраснѣла.

— Боже сохрани просить, унижаться,—поспѣшилъ, по обыкновенію, вильнуть «Бобочка».—Можно бы, знаешь ли, Катенька, какъ-нибудь въ разговорѣ, при случаѣ, намекнуть о нашемъ положеніи. Что стоитъ помочь сестрѣ при его богатствѣ...

— Но вѣдь богатство не его.

— Не все ли равно, жены или мужа? Да и онъ будетъ полнымъ распорядителемъ, и, конечно, Раиса Николаевна не пожалѣетъ для сестры любимаго человѣка. Было бы очень странно, если бы онъ ничего тебѣ не далъ. И вдобавокъ онъ, кажется, къ тебѣ болѣе всѣхъ былъ всегда расположенъ?

— А мы-то всѣ какъ къ нему относились?.. И ты самъ какъ его всегда бранилъ?

— Я не бранилъ, душа моя, а находилъ, что онъ дѣлалъ большія глупости, не умѣя нигдѣ пристроиться...

— А теперь поумнѣлъ, пристроившись къ богатой невѣстѣ?—насмѣшливо кинула Катенька.

— Ты опять не поняла меня, мой другъ... Я не стану разбирать, почему онъ женится—по разсчету или нѣтъ,—я хочу только сказать, что, такъ или иначе, а у него громадное состояніе—вотъ и все... И помочь сестрѣ онъ могъ бы... А впрочемъ, если ты находишь въ этомъ что-либо неловкое, я, конечно, съ тобой согласенъ... Дѣлай, какъ знаешь!

Бобочка отлично зналъ, что слова его произведутъ надлежащее дѣйствіе, и что Катеньку и безъ его напоминаній нѣсколько безпокоило то обстоятельство, что Женичкѣ, Володѣ и Петѣ онъ уже далъ денегъ и обѣщалъ давать впередъ, а о ней даже и не вспомнилъ въ разговорѣ съ братомъ. Она считала себя оскорбленною тѣмъ болѣе, что она одна изъ всей семьи всегда заступалась за

Сашу, когда его начинали бранить. Вѣроятно, вслѣдствіе этого Катенька съ сердцемъ сказала мужу:

— И намекать не буду... И ни малѣйшаго шага не сдѣлаю... И къ нимъ ѣздить не стану... А то, въ самомъ дѣлѣ, подумаютъ, что я ихъ денегъ хочу. Ничего я не хочу. Оставь, пожалуйста, меня въ покоѣ!—раздраженно прибавила Катенька, готовая плакать отъ обиды.

Но черезъ два дня горькая обида смѣнилась радостью. Утромъ, когда Бобочка былъ на службѣ, заѣхалъ Саша и самъ заговорилъ, что поможетъ ей. Раиса настаиваетъ, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь для своихъ, и онъ, разумѣется, очень радъ быть полезнымъ Катѣ. Онъ положитъ на ея имя сорокъ тысячъ въ банкъ и кромѣ того будетъ давать нѣкоторую сумму ежегодно. Онъ всегда любилъ Катю. Катенька расплакалась, обняла брата, горячо благодарила его и Раису и тутъ же попросила Сашу быть крестнымъ отцомъ будущаго ребенка. Братъ съ удовольствіемъ согласился. Онъ чувствовалъ, что сестра любитъ его, и что милліоны его не играютъ въ глазахъ ея существенной важности, и это было необыкновенно пріятно послѣ всего того, что̀ онъ видѣлъ въ эти дни. Они прежде были дружны до выхода ея замужъ. Но съ мужемъ они не сошлись и не могли терпѣть другъ друга, и братъ съ сестрой видѣлись рѣдко. Тѣмъ не менѣе онъ зналъ, что сестра, несмотря на скверное отношеніе къ нему Бобочки, тепло и участливо относилась къ «отщепенцу» и всегда защищала его.

Они задушевно болтали, вспоминали прошлое, прежнихъ общихъ знакомыхъ. О настоящемъ оба избѣгали говорить. Но подъ конецъ Пинегинъ не выдержалъ и спросилъ, глядя въ упоръ на сестру:

— А ты, Катя, какъ относишься къ моей женитьбѣ?

Катенька, не ожидавшая такого вопроса, сконфузилась и молчала.

— Вѣдь ты, Саша, все-таки привязанъ къ Раисѣ?—проговорила наконецъ она.

— Пожалуй, привязанъ, какъ къ кроткой, хорошей дѣвушкѣ, но—ты сама знаешь—не люблю ее, какъ женщину...

— Тяжело тебѣ будетъ, Саша,—съ чувствомъ вымолвила сестра.

Пинегинъ молча кивнулъ головой.

— И не разбей ты ея жизни. Раиса тебя боготворитъ и вѣритъ въ тебя...

— Постараюсь,—отвѣчалъ братъ и совсѣмъ тихо прибавилъ:—соблазнъ былъ великъ, Катя, для подлости... Не устоялъ... Жить хочется.

Оба примолкли. Да и что̀ было говорить?

XII.

За это время у Пинегина перебывало столько посѣтителей, сколько не бываетъ, пожалуй, и у министровъ, и всѣ посѣтители непремѣнно желали его видѣть по важному дѣлу. Молодая, шустрая Анюта, горничная меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ Пинегинъ, зарабатывала хорошія деньги. Къ ней въ руки такъ и сыпались деньги. Ее упрашивали доложить и обѣщали хорошо поблагодарить, если она скажетъ, когда Пинегинъ бываетъ дома и когда удобнѣе его застать одного.

Почти всѣ представители многочисленныхъ семей Козыревыхъ и Пинегиныхъ считали долгомъ посѣтить теперь человѣка, который еще недавно считался чуть ли не отверженнымъ. И Никсъ, и Бобочка, и дяди, и кузены были у него съ визитами. Никсъ предлагалъ причислить Сашу и манилъ камеръ-юнкерствомъ, и нѣсколько разъ завтракалъ съ Пинегинымъ у Кюба, заказывая тонкія блюда. Бобочка, проникнутый чувствомъ благодарности за то, что братъ не забылъ любимой сестры, старался возстановить съ Пинегинымъ добрыя, родственныя отношенія и какъ-то за ужиномъ въ ресторанѣ предлагалъ выпить на будершафтъ и, подвыпившій, сталъ объясняться въ любви, объясняя причину прежнихъ «недоразумѣній». Объявлялись къ Пинегину даже самые отдаленные родственники и родственницы, съ которыми онъ впервые знакомился, и поздравляли его съ счастливымъ событіемъ. Всѣ, словно вороны, слетались на добычу съ какой-то наглой и наивной безцеремонностью. Приходили знакомые, которыхъ Пинегинъ давно не видалъ, бывшіе сослуживцы, и наконецъ являлись совсѣмъ незнакомые люди—и не нищіе, нѣтъ!—а прилично одѣтые люди. И всѣ эти посѣтители бо̀льшею частью намекали о деньгахъ или прямо просили ихъ подъ тѣми или иными благовидными предлогами. И сколько было униженія! И Пинегинъ, сознававшій свою подлость, имѣлъ утѣшеніе видѣть ее и въ другихъ... Встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь на улицѣ, онъ такъ и ждалъ, что, послѣ первыхъ привѣтствій, у него попросятъ денегъ.

Тетя Антонина пріѣзжала занять денегъ сама. Никсъ предоставилъ ей роль просительницы и не желалъ путаться въ эти родственныя дѣла. Онъ былъ слишкомъ джентльменъ, чтобы ни съ того, ни съ сего обращаться къ Пинегину, и «по-джентльменски» только занялъ у него пятьсотъ рублей за завтракомъ, при чемъ такъ внезапно и небрежно спросилъ «этотъ пустякъ», что Пинегинъ торопливо и съ любезной готовностью, точно чѣмъ-то польщенный, вынулъ изъ бумажника и подалъ Никсу деньги, которыя тотъ положилъ къ себѣ съ такимъ видомъ, точно сдѣлалъ одолженіе, что взялъ ихъ.

Раннимъ утромъ явилась однажды тетя Антонина къ племяннику и, взволнованная, со слезами на глазахъ, заговорила о своемъ положеніи. У нихъ долги и долги, по которымъ приходится платить сумасшедшіе проценты, и потому тѣхъ семи тысячъ, которыя получаетъ Никсъ, не хватаетъ. Она обращается къ великодушію Саши. Она всегда относилась къ нему хорошо и любила его... Она надѣется, что онъ не откажетъ въ просьбѣ и дастъ десять тысячъ... взаймы, на долгій срокъ... «Не правда ли?.. Ты вѣдь, Саша, добрый?»

Эти изліянія въ чувствахъ возбуждали въ Пинегинѣ невольное презрѣніе и въ то же время гаденькое чувство злорадства при видѣ униженія этой «тети-аристократки», которая всегда относилась къ нему съ презрительной небрежностью. И онъ, разумѣется, не отказалъ ей, а съ изысканной любезностью обѣщалъ черезъ недѣлю доставить эту сумму... Напрасно тетя такъ волновалась... И пусть она не безпокоится... этимъ долгомъ...

Тетя Антонина, съ мастерствомъ опытной актрисы, продѣлала трогательную сцену благодарности, заключивъ «добраго Сашу» въ объятія, и скоро уѣхала, попросивъ на прощанье никому не говорить объ ея просьбѣ...

— А то ты вѣдь знаешь, Саша, пойдутъ сплетни, пересуды... А я ихъ такъ боюсь... Ну, до свиданья... Поцѣлуй за меня милую Раису... Еще разъ благодарю тебя...

Вслѣдъ за тетей Антониной, по обыкновенію, безшумно и незамѣтно вошелъ въ комнату Пинегина полковникъ, заходившій довольно часто въ это время къ племяннику «на нѣсколько минутокъ», какъ онъ говорилъ, и предлагавшій исполнять всякія Сашины порученія. Онъ же, случалось, и выпроваживалъ просителей, терпѣливо ожидавшихъ въ прихожей, и искренно возмущался, что Саша

не приказываетъ ихъ всѣхъ гнать въ шею, а напротивъ, принимаетъ и выслушиваетъ ихъ просьбы. Самъ онъ ничего не просилъ у племянника и, питая теперь къ нему необыкновенное уваженіе и любовь, самымъ безкорыстнымъ образомъ защищалъ его интересы, совѣтуя не очень-то раздавать деньги. Одному дашь,—всѣ пристанутъ.

— Нѣтъ ли какихъ порученій, Саша?—весело спросилъ онъ, поздоровавшись съ племянникомъ.

— Никакихъ нѣтъ, дядя.

— Ну, а вчерашнія я всѣ исполнилъ: къ портному твоему заходилъ—обѣщалъ завтра принести три пары... Сапожника торопилъ, чтобы поскорѣй. Былъ и у священника—условился насчетъ вѣнчанія... И съ пѣвчими торговался... Дерутъ, живодеры.

— Спасибо вамъ, дядя.

— Радъ, Саша, для тебя похлопотать. Стòишь того!—значительно проговорилъ онъ.—А я сейчасъ Антонину у подъѣзда встрѣтилъ. Разсказываетъ, что заѣзжала звать тебя обѣдать. Такъ я и повѣрилъ! Чтò, сколько она у тебя просила?

— Ничего не просила.

Полковникъ хитро подмигнулъ глазомъ: «дескать, меня не обморочишь!» и проговорилъ:

— Секретъ, такъ секретъ... А только много ты имъ не давай—всѣ они бездонныя бочки: и генералъ, и сестра-генеральша, и Леночка... Имъ чтò ни дай, все мало... Любятъ пустить пыль въ глаза и аристократовъ корчить... Дескать, мы—сенаторы и носимъ двойную фамилію: Кучукъ-Огановскіе! Особенно самъ онъ... Воображаетъ, что какой-то тамъ татаринъ Кучукъ—очень важное кушанье, а Козыревы и Пинегины—мелюзга!—не безъ раздраженія говорилъ полковникъ, весьма щекотливо оберегавшій честь фамиліи Козыревыхъ...

И, помолчавъ съ минуту, сказалъ:

— Вотъ чтò, Саша. Былъ я вчера у брата Сергѣя. Проситъ онъ замолвить передъ тобою словечко. Самъ не рѣшается. «Саша,—говоритъ,—насъ не очень-то любитъ...» Положимъ, что и такъ, да развѣ ты обязанъ всѣхъ любить?—вставилъ полковникъ.—Ну, оба они, и братъ и Ѳеоза, на судьбу роптали. Жалованье, говорятъ, небольшое, всего двѣ тысячи, сынъ пока безъ мѣста... А если,—говорятъ,—уволятъ въ отставку, то пенсія маленькая... Только братъ вретъ, не уволятъ его въ отставку,—я

знаю... А все-таки, Саша, онъ дядя родной, братъ твоей матери.

— Сколько же дядя Сергѣй проситъ?

— Ну, признаться, Ѳеоза заломила: ежели бы, говоритъ, Саша далъ намъ десять тысячъ, то мы никогда бы больше не безпокоили его, спокойно прожили бы старость и молили бы за него Господа Бога...

— Ну, «тетя-уксусъ» не очень-то любитъ Бога, — засмѣялся Пинегинъ:—и всегда Лазаря поетъ... Вѣрно, дядя кой-что и припасъ на черный день?..

— Очень можетъ быть. Они—аккуратные люди... А все далъ бы что-нибудь, а то «тетя-уксусъ»... самъ знаешь, какая дама,—усмѣхнулся полковникъ...

— Передайте дядѣ, что я дамъ ему три тысячи. Чортъ съ нимъ!

— И за глаза довольно. Съ какой стати больше давать?—одобрилъ полковникъ.—Матери, сестрамъ, я понимаю... И въ какомъ же восторгѣ твоя мать, Саша!.. Вотъ ужъ истинно сынъ, наградилъ мать по-царски!.. Шутка ли: пятьдесятъ тысячъ, да еще за границу посылаетъ! Теперь Олимпіада какъ сыръ въ маслѣ катайся... И Катенька въ восторгѣ... всѣ тебя благословляютъ и твою милую Раису Николаевну... А сколько думаешь братьямъ давать? Много не давай, Саша, все равно въ рестораны снесутъ... Шампанское да лихачи... И то Володя ужъ безъ денегъ... Пятьсотъ, что̀ ты далъ, ужъ ухнулъ... Рублей по пятидесяти въ мѣсяцъ если будешь имъ давать, то за-глаза...

Полковникъ просидѣлъ съ четверть часа и, пока племянникъ одѣвался, разсказалъ нѣсколько сплетенъ. Жоржъ собирается «обломать ноги» Володѣ за то, что онъ ужъ слишкомъ нахально ухаживаетъ за Манечкой. «Недавно она съ Володей на тройкѣ ѣздила. Ловко!» А Антонина вчера пріѣхала къ Вавочкѣ и закатила ей сцену!

— При мнѣ дѣло было. Знатно, братъ, поругались!—прибавилъ полковникъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— За что̀?—полюбопытствовалъ Пинегинъ.

— А все изъ-за благовѣрнаго. Онъ вѣдь, знаешь, охотникъ поферлакурить... Словно пѣтухъ за дамами бѣгаетъ. «Го-го!» да «го-го!» Ну, и разлетѣлся третьяго-дня къ Вавочкѣ; конфетъ три фунта, букетъ цвѣтовъ и билетъ въ оперу привезъ... «Не откажите,—говоритъ,—принять, обворожительная Вавочка!» А самъ, знаешь ли, шельма,

по-родственному ей ручки цѣлуетъ и все норовитъ повыше пульсика, пѣтухъ-то нашъ... Хе-хе-хе! А Антонина узнала какъ-то (тутъ полковникъ умолчалъ, что онъ же сообщилъ ей объ этомъ по секрету) и на слѣдующій день къ Вавочкѣ... А я у нея кофе пилъ... Ну, сперва шпильки, знаешь ли, шпильки,—Антонина на это мастерица,—а потомъ такъ и бухнула: «Ты, говоритъ, кокетка и напрасно святошей представляешься, чужихъ мужей завлекаешь!» Вавочка, разумѣется, въ слезы. А Антонина забрала ходу и пошла, и пошла... «Напрасно, говоритъ, ты воображаешь, что можешь прельстить, и что Никсъ въ тебя влюбленъ. Ты, говоритъ, жирная перепелка и больше ничего!» Тутъ ужъ и Вавочка не выдержала. Слезы вытерла и давай тетку отчитывать съ Никсомъ вмѣстѣ. «Я, говоритъ, вашего престарѣлаго супруга не завлекаю и завлекать не желаю... Вовсе и не интересенъ онъ для меня со своимъ большимъ животомъ... У меня мой Гога есть, покрасивѣе вашего влюбчиваго муженька... Я, говоритъ, пусть и перепелка, но зато не подкрашенная общипанная пава, какъ вы»... И все въ этомъ родѣ... Та-та-та, та-та-та... Потѣха! Такъ и расплевались!—заключилъ весело полковникъ и простился съ племянникомъ.

Выйдя въ прихожую, онъ строго приказалъ Анютѣ всѣмъ говорить, что барина дома нѣтъ... Однако вскорѣ послѣ ухода полковника стали являться посѣтители, и Аннушка докладывала, и Пинегинъ принималъ, выслушивалъ разныя предложенія и по большей части отказывалъ въ просьбахъ.

Много ходило къ нему теперь народа. Только люди того небольшого кружка, гдѣ прежде бывалъ Пинегинъ, не показывались къ нему, и никто изъ нихъ не просилъ денегъ. А съ какой радостью онъ далъ бы и съ какимъ нетерпѣніемъ злорадства онъ ждалъ этихъ просьбъ! Но эти знакомые словно въ воду канули, и при случайныхъ встрѣчахъ съ ними на улицѣ Пинегинъ невольно конфузился и старался обходить ихъ. Завидя однажды Ольгу Николаевну, ту самую хорошенькую барышню, которая ему нравилась, онъ торопливо вошелъ въ первый попавшійся магазинъ, чтобы только не встрѣтиться съ нею и не увидать презрительнаго взгляда ея сѣрыхъ, живыхъ глазъ. Онъ уже слышалъ отъ одной своей кузины, знакомой Ольги Николаевны, съ какой гримасой она выслушала вѣсть объ его женитьбѣ. Даже и бывшій его близкій прія-

тель, бѣднякъ-литераторъ Угрюмовъ, заходившій прежде довольно часто къ Пинегину и перехватывавшій у него иногда по два-три рубля до получки аванса или гонорара, и тотъ не показывался.

Пинегинъ наконецъ не выдержалъ и самъ пошелъ къ нему.

И это невольное смущеніе Угрюмова, и его особенная, преувеличенная любезность ясно показывали, въ чемъ дѣло. Но Пинегинъ, и самъ сконфуженный пріемомъ, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ попытку—предложить денегъ, искренно желая помочь этому талантливому литератору, котораго уважалъ и любилъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ неклеившагося разговора, Пинегинъ робко, словно виновный, проговорилъ:

— Я теперь богатъ, могу располагать большими деньгами... Вы, вѣроятно, слышали... я женюсь на богатой дѣвушкѣ...

— Какъ же, слышалъ,—отвѣтилъ Угрюмовъ и отвелъ взглядъ.

— Возьмите у меня, сколько нужно, поѣзжайте въ Крымъ, на Кавказъ, за границу, куда хотите. Послушайте! Вамъ необходимо полѣчиться и отдохнуть, чтобы потомъ, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, написать давно задуманную вами книгу. Возьмите, прошу васъ,—почти молилъ Пинегинъ, съ жаднымъ вниманіемъ глядя на блѣдное, больное лицо молодого литератора.

Угрюмовъ очень благодарилъ, но отказался.

— Мнѣ теперь не нужно, совсѣмъ не нужно, — говорилъ онъ торопливо и смущенно.—Я получилъ хорошую работу.

Пинегинъ видѣлъ, что Угрюмовъ говорилъ неправду и только щадилъ его, не объясняя истинной причины отказа, и ушелъ, хорошо понимая, что отнынѣ между ними все кончено.

— И чортъ съ нимъ! Пусть умираетъ, восхищаясь своимъ донкихотствомъ! — прошепталъ онъ со злостью, внезапно охваченный озлобленіемъ противъ бывшаго пріятеля и въ то же время испытывая чувство позора и униженія.

XIII.

Въ небольшой, ярко-освѣщенной домовой церкви собрались многочисленные родственники и знакомые, приглашенные на свадьбу Пинегина. Олимпіада Васильевна разо-

слала приглашенія рѣшительно всѣмъ, кого только знала. Въ этой толпѣ сіяло нѣсколько звѣздъ и лентъ, среди фраковъ блистали военные гвардейскіе мундиры, и Олимпіада Васильевна съ чувствомъ удовлетворенія озирала гостей, думая про себя, что свадьба очень приличная. Нечего и говорить, что безчисленныя представительницы родственныхъ клановъ явились на семейное торжество въ полномъ блескѣ, соревнуя между собой туалетами. Вавочка, еще не примирившаяся съ тетей Антониной, сшила къ свадьбѣ новое роскошное платье, заплативъ за него большія деньги, чтобы сохранить за собою репутацію самой элегантной изъ родственницъ и «утереть носъ» тетѣ-аристократкѣ. Но и Антонина Васильевна недаромъ же заняла у племянника деньги. И она и Леночка были въ блестящихъ туалетахъ, возбудившихъ завистливый шопотъ и замѣчаніе «тети-уксуса»: «На что̀ Сашины денежки-то идутъ!» Тетя Антонина прошла мимо Вавочки, не обмѣнявшись даже поклономъ и презрительно сощуривъ глаза, но обѣ дамы нѣтъ-нѣтъ да украдкой оглядывали костюмы другъ друга съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ, стараясь открыть какой-нибудь недостатокъ въ туалетахъ. И вдругъ румяное, свѣжее и сіяющее лицо Вавочки, затянутой до послѣдней возможности, чтобы не быть похожей на откормленную перепелку, освѣтилось торжествующей улыбкой, и она шепнула Женичкѣ, но такъ, что Антонина могла слышать: «Погляди... какія складки у рукавовъ... а думала поразить!..»

Пѣвчіе грянули радостный хоръ. Разговоры смолкли. Всѣ взоры обратились на двери.

Подъ руку съ его превосходительствомъ Никсомъ, необыкновенно представительнымъ и моложавымъ въ своемъ шитомъ мундирѣ, съ синей лентой черезъ плечо и двумя звѣздами на груди, шла невѣста. Ея маленькая, коренастая, неуклюжая фигурка казалась еще некрасивѣе въ подвѣнечномъ платьѣ. Смущенная многолюдствомъ и точно чувствовавшая свою некрасивость въ этихъ любопытныхъ, но равнодушныхъ взглядахъ, устремленныхъ на нее, она шла, опустивъ голову, стараясь не смотрѣть на толпу, и облегченно и радостно вздохнула, когда у аналоя рядомъ съ ней сталъ Пинегинъ, красивый, свѣжій и нѣсколько возбужденный. Она внезапно просвѣтлѣла. Они обмѣнялись рукопожатіями. Пинегинъ что-то шепнулъ невѣстѣ на-ухо, и она радостно улыбнулась.

Началась служба. Раиса была серьезна и сосредоточена и по временамъ осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Пинегинъ былъ видимо взволнованъ... Среди присутствующихъ обращала на себя вниманіе высокая, строгаго вида старуха, очень просто одѣтая, которая горячо молилась колѣнопреклоненная. Это была тетка Раисы, сестра ея покойной матери, единственное близкое и любящее Раису существо въ этой многолюдной толпѣ. Умная, дѣловитая, хотя едва знавшая грамотѣ сибирячка, она не довѣряла Пинегину и не вѣрила его любви къ Раисѣ, но, обожая племянницу, молчала, видя, какъ она любитъ своего избранника, и понимая, что спорить безполезно. Она надѣялась, что Пинегинъ, хотя изъ чувства благодарности, не погубитъ жизни ея любимицы.

Обрядъ вѣнчанія конченъ. Молодые обмѣнялись поцѣлуемъ. Начались поздравленія.

Изъ церкви всѣ гости отправились въ большую квартиру Раисы, гдѣ молодые должны были прожить недѣлю-другую до отъѣзда за границу. Въ этой квартирѣ жилъ прежде самъ Коноваловъ, отдѣлавшій свое помѣщеніе съ кричащей роскошью. Снова поздравляли молодыхъ. Шампанское лилось рѣкой. Масса дорогихъ фруктовъ, конфетъ, цвѣтовъ, бонбоньерокъ... Родственники только восхищались, завидуя и этой роскоши обстановки, съ картинами, бронзой, изящными вещами, и обильному угощенію, и называли Сашу счастливцемъ. Дамы уходили изъ гостиной и осматривали спальню молодыхъ, недавно отдѣланную, по настоянію Олимпіады Васильевны. Находили, что гнѣздышко очаровательное.

Наконецъ въ двѣнадцатомъ часу всѣ разъѣхались. Старуха-тетка давно уже ушла въ свою комнату, и молодые остались одни.

«Господи! Какъ она некрасива!» — думалъ Пинегинъ, глядя на это скуластое, широкое лицо, на эту неуклюжую фигуру... А она смотрѣла на мужа кроткимъ, любящимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ глазъ, счастливая и смущенная...

И Пинегинъ привлекъ ее въ объятія, говоря о своемъ счастіи, о своей любви...

Оглавленіе

III ТОМА.

стр.

Два брата. Романъ.

Часть первая 5
Часть вторая. 222

Повѣсти и разсказы.

Рѣшеніе 403
Сержъ Птичкинъ 436
Дяденька Протасъ Ивановичъ 450
«Безшабашный» (Изъ современныхъ нравовъ) 468
Женитьба Пинегина 504

PG
3470
S75
1906
t.3

Stanyukovich, Konstantin Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY